ДЖЕРРИ ПУРНЕЛЛ

ЛЕГИОН ФАЛЬКЕНБЕРГА

ПРИНЦ НАЕМНИКОВ

ЛЕГИОН ФАЛЬКЕНБЕРГА

ПРИНЦ НАЕМНИКОВ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

ДЖЕРРИ ПУРНЕЛЛ

ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ

JERRY

POURNELLE

FALKENBEG'S LEGION

PRINCE OF MERCENARIES

ДЖЕРРИ

ПУРНЕЛЛ

ЛЕГИОН ФАЛЬКЕНБЕРГА

ПРИНЦ НАЕМНИКОВ

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЕРМАК
Москва
2004

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
П88

Серия основана в 1999 году

Jerry Pournelle
FALKENBEG'S LEGION
1990
PRINCE OF MERCENARIES
1989

Перевод с английского Д. Арсеньева

Серийное оформление А. Кудрявцева

Художник М. Калинкин

Компьютерный дизайн А. Сергеева

Печатается с разрешения автора
и его литературного агента Ralph M Vicinanza Ltd.
c/o Toymania LLC.

**Подписано в печать 25.05.04. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 36,96. Тираж 3000 экз. Заказ № 1662.**

Пурнелл Д.

П88 Легион Фалькенберга. Принц наемников: Фантаст. романы / Д. Пурнелл; Пер. с англ. Д. Арсеньева. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. — 700, [4] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-023018-4 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9577-1196-9 (ЗАО НПП «Ермак»)

Земля. Недалекое будущее.

США и Россия создают СоВладение. Первый корабль с «движителем Олдерсона» покидает Солнечную систему. Основаны первые межзвездные колонии. Вооруженные силы США и России объединяются в Космический флот СоВладения...

Начинается Великий Исход — эра колонизации космоса. Медленно умирает Земля. Будущее принадлежит колониям. Выживут только люди, УМЕЮЩИЕ делать это ПРОФЕССИОНАЛЬНО.

Такие как командир легиона наемников Джон Кристиан Фалькенберг!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Jerry Pournelle, 1990, 1989
© Перевод. Д. Арсеньев, 2004
© ООО «Издательство АСТ», 2004

Хронология

1969 Нил Армстронг ступает на поверхность Луны, спутника Земли.

1990—2000 Серия договоров между США и Советским Союзом создает СоВладение.

1995 Усиливается националистическое движение.

1996 Французский Иностранный легион становится основой Вооруженных Сил СоВладения.

2004 В Калифорнийском технологическом институте создается движитель Олдерсона.

2008 Первый исследовательский корабль с движителем Олдерсона покидает Солнечную систему.

2010—2100 Спецслужбы СоВладения прилагают серьезные усилия для свертывания технологических разработок с возможным военным применением. Им помогают организации нулевого роста. Большая часть научных исследований прекращается.

2010 Открыты пригодные для обитания планеты. Начинается их коммерческое использование.

2020 Основаны первые межзвездные колонии. Вновь созданные космический флот и морская пехота СоВладения поглощают первоначальные Вооруженные Силы.

2020 Начинается период колонизации — Великий Исход. Первыми колонистами становятся диссиденты, недовольные и добровольцы-авантюристы.

2030 В Москве родился Сергей Лермонтов.

2040 Бюро Переселения начинает массовое насильственное переселение колонистов.

2043 В Италии, в Риме, родился Джон Кристиан Фалькенберг III.

2060 Продолжается рост националистического движения.

Герману Ли, сержанту армии США, и
Зенеке Асфоу, второму лейтенанту
батальона Кегнью императорской
гвардии Эфиопии

Младшим офицерам повсюду

Примечание автора

Эти романы представляют собой часть цикла «истории будущего», в котором происходит действие «Мошки в зенице Господней»; он описывает события, предшествовавшие этому роману.

Сражение в XIX главе части второй «Легиона Фалькенберга» основано преимущественно на реальном опыте Корейской войны лейтенанта императорской гвардии Эфиопии Зенеке Асфоу.

ЛЕГИОН ФАЛЬКЕНБЕРГА

Пролог

На него обрушились едкие маслянистые запахи; стоял непрерывный шум. Через этот космопорт прошли сотни тысяч. Их запахи заполняли зал отлета, смешиваясь с гомоном нынешних жертв, толпившихся в тесных отсеках.

Помещение длинное и узкое. Крашеные белые бетонные стены отсекают ослепительное солнце Флориды; они покрыты накопившейся грязью, которую не успевают убирать осужденные — рабочие Бюро Переселения. Наверху горят холодные люминесцентные лампы.

Запахи, и звуки, и яркий свет смешивались с его страхами. Ему здесь не место, но никто его не слушает. Никто не хочет слушать. Все, что он говорит, совершенно теряется в приказах и грубых окриках охранников, размещенных вдоль всего зала за проволочной сеткой, в криках детей, в гуле испуганных людей.

Они направлялись внутрь, к кораблю, который унесет их из Солнечной системы навстречу неведомой судьбе. Мало кто из колонистов спорил или жаловался. Некоторые сдерживали гнев до того времени, когда они смогут проявить его. Большинство брело с пепельными лицами, безучастно, не выказывая страха.

На бетонном полу были начерчены красные линии, и колонисты старательно держались в их пределах. Даже дети быстро учились слушать приказы охранников Бюро Переселения. Колонисты в бесформенной одежде, какую поставляют специальные фонды, походили один на другого; лишь кое-где виднелись более нарядные костюмы касты налогоплательщиков, подобранные на складе или выпрошенные в местной благотворительной организации.

Джон Кристиан Фалькенберг знал, что не похож на обычного колониста. Он долговяз, в свои пятнадцать лет уже шести футов роста и продолжает расти. Но как он ни старается выглядеть взрослым, никто не принимал его за зрелого мужчину.

Прядь рыжеватых волос падала ему на лоб, лезла в глаза, мешая видеть, и он нервным жестом машинально отводил ее в сторону. Поза и осанка отличали его от прочих, как и почти комически серьезное выражение лица. Одежда Джона тоже не была обычной: новая, хорошо подогнанная и явно не восстановленная. Парчовая рубашка из натурального шелка, яркие расклешенные брюки, новый пояс, кожаная сумка на боку. Одежда стоила больше, чем мог себе позволить его отец, но она мало что дала ему здесь. Тем не менее, юноша держался прямо, вызывающе поджав губы.

Чтобы не отставать от остальных, Джон вынужден был продвигаться вперед. Большая сумка для космических перелетов стояла перед ним, и он передвигал ее с места на место пинками, не поднимая. Ему казалось недостойным наклоняться к ней, а достоинство — это все, что у него осталось.

Перед ним брела семья из пяти человек: трое крикливых детей и апатичные родители; а может быть, подумалось ему, и не родители. Семьи граждан никогда не отличались стабильностью. Агенты Бюро Переселения часто сдавали свои квоты в аренду, а их руководителей мало заботило, кого именно набирают, чтобы их заполнить.

Беспорядочная толпа неумолимо двигалась в глубь помещения. Каждая линия заканчивалась большой проволочной клеткой с пластистальным столом внутри. Семьи по очереди заходили в клетку, дверь закрывалась, и начиналось интервью.

Скучающие чиновники Бюро Переселения едва выслушивали клиентов, а колонисты не знали, что им сказать. Большинство не имело представления ни о каких планетах, кроме Земли. Мало кто слышал, что на Таните жарко, на планете Фулсона холодно, на Спарте трудно выжить, но там свобода. Некоторые знали, что на Хедли хороший климат и планета находится под защитой компании «Американ экспресс» и колониального управления. Приговоренные к высылке без заключения знали: мало что может изменить их будущее; но большинство не знали и этого, и их отправляли в шахты ждущие рабочей силы, на сельскохозяйственные планеты, на адский Танит, где их ждал тяжелый труд, каким бы ни был приговор.

Пятнадцатилетний мальчишка — Джону хотелось думать о себе как о мужчине, однако он знал, что его чувства — чув-

ства мальчишки, как бы старательно он их ни сдерживал, — почти дошел до клетки для интервью. Он был в отчаянии.

Пройдя интервью, он окажется на транспортном корабле Бюро Переселения. Джон снова обратился к стражнику в сером мундире, небрежно стоявшему за проволочным экраном.

— Я пытаюсь вам объяснить, что произошла ошибка! Я не должен...

— Заткнись! — ответил стражник. Он угрожающе повел стволом своего станнера-парализатора в форме колокола. — У всех ошибка. Все здесь случайно. Расскажи об этом на интервью, сынок.

Джон поджал губы. Ему хотелось наброситься на стражника, заставить выслушать себя. Он с трудом обуздал вспышку гнева и ненависти.

— Черт побери, я...

Стражник поднял оружие.

Семейство граждан перед Джоном сбилось в кучку, стараясь отодвинуться подальше от этого парня, чтобы он не вовлек их в неприятности. Джон покорился и молча побрел дальше.

Комментаторы тривизийного телевидения утверждают, что станнеры не причиняют боли, но Джон не собирался проверять их утверждение. На триви многое говорят. Говорят, большинство колонистов — добровольцы, говорят, Бюро Переселения обращается с ними достойно.

Никто в это не верил. Никто не верил ни единому утверждению правительства. Не верили в дружбу между народами, создавшими СоВладение, не верили ни результатам выборов, ни...

Он добрался до клетки для интервью. Чиновник в таком же мундире, что и стражники, но на груди и на спине его серого комбинезона белели номера. Многих зубов не хватает; когда он улыбнулся, стало видно, что зубы желтые. Улыбался он часто, но в его улыбке не было тепла.

— Что тут у меня? — спросил он. — Парень, одетый так, словно может получить все, что захочет. И куда же ты хочешь отправиться?

— Я не колонист, — настойчиво заговорил Джон, закипая. Чиновник ведь тоже заключенный — какое право он име-

ет так с ним разговаривать? — Требую встречи с офицером СоВладения.

— А, один из этих. — Улыбка исчезла с лица чиновника. — Отправишься на Танит. — Он нажал кнопку, и дверь в противоположной стене клетки открылась. — Проходи! — рявкнул он. — Не то вызову охрану. — Его палец угрожающе навис над кнопкой небольшой консоли на столе.

Джон достал из внутреннего кармана документы.

— У меня назначена встреча в службе Космического Флота СоВладения, — сказал он. — Мне было приказано явиться на станцию Канаверал для отправки в корабле БП на Лунную базу.

— Ты пройдешь или... — чиновник спохватился, и на лице у него снова появилась улыбка. — Покажи-ка, — и он протянул грязную руку.

— Нет. — Теперь Джон чувствовал себя уверенней. — Я покажу документы только офицеру СВ, а вы уберите от них руки. А теперь вызовите офицера.

— Конечно. — Чиновник не шелохнулся. — Это будет тебе стоить десять кредитов.

— Что?

— Десять кредитов. Пятьдесят баксов, если у тебя нет кредитов СВ. Не смотри на меня так, парень. Заплатишь или отправишься на корабль до Танита. Может, здесь потом спохватятся, а может, и нет, но для тебя уже будет поздно. Лучше заплати.

Джон протянул двадцатидолларовую монету.

— Это все, что у тебя есть? — спросил чиновник. — Ладно, ладно, подойдет. — Он что-то сказал в телефонную трубку, и минуту спустя в клетку заглянул аккуратный офицер в голубом мундире Космического Флота СВ.

— Чего тебе, Смайли?

— Один из ваших. Новый гарди. Заблудился среди колонистов. — Он рассмеялся, а Джон с трудом сдержался.

Офицер неприязненно посмотрел на Смайли.

— Ваши документы, сэр? — сказал он.

Джон протянул ему документы, опасаясь, что больше никогда их не увидит. Офицер просмотрел их.

— Джон Кристиан Фалькенберг?

— Да.

— Спасибо, сэр. — Он повернулся к чиновнику. — Давай сюда.

— Да он может себе это позволить.

— Хочешь, чтобы я вызывал морских пехотинцев, Смайли?

— Боже, как вы несговорчивы... — чиновник достал из кармана монету и протянул ее.

— Сюда, сэр, — сказал офицер. Наклонившись, он подхватил сумку Джона. — Возьмите свои деньги, сэр.

— Спасибо. Оставьте их себе.

Офицер кивнул.

— Спасибо, сэр. Смайли, еще раз свяжешься с нашим человеком — и после работы будешь иметь дело с морскими пехотинцами. Идемте, сэр.

Джон вслед за астронавтом вышел из клетки. Офицер был вдвое старше его, и никто еще не называл Джона «сэром». Джон Фалькенберг почувствовал, что нашел свое место, которое искал всю жизнь. Даже уличные банды были для него закрыты, а друзья, с которыми он рос, всегда казались частью какой-то другой жизни, не его собственной. На секунду ему показалось, что он, наконец, нашел...

По узким белым коридорам они вышли под яркое солнце Флориды. Узкий мостик вел к передней части огромного крылатого посадочного корабля, который плавал в воздухе у окончания длинного пирса, заполненного колонистами и бранящимися охранниками.

Красивый офицер что-то сказал морским пехотинцам, охранявшим вход на мостик, и отдал честь другому офицеру, стоявшему у трапа корабля. Джон хотел сделать то же самое, но вспомнил, что в гражданской одежде честь не отдают. Отец, как только узнал о намерении сына поступить в Академию, заставил его прочесть книги по военной истории и обычаям Службы.

Гомон колонистов заполнял воздух, пока они не оказались внутри корабля. Когда люк закрывался, последним, что услышал Джон, была брань охранников.

* * *

— Прошу сюда, сэр, — офицер провел его по лабиринту стальных коридоров, герметических переборок, лестниц, труб, проволочных мостиков и других незнакомых деталей внутреннего устройства корабля. Хотя кораблем руководил Флот СВ, большая его часть принадлежала Бюро Переселения, и весь он был насыщен тяжелыми запахами. Никаких иллюминаторов не было, и через несколько поворотов Джон совершенно потерял представление о направлении.

Красивый офицер шел быстро, пока не остановился перед дверью, ничем не отличавшейся от остальных. Он нажал наружную кнопку на панели.

— Входите, — отозвалась панель.

В помещении было восемь столов, но находились только три человека, и все они сидели за одним столом. По контрасту с серыми коридорами снаружи помещение казалось почти парадным: на стенах роспись, мебель мягкая, а на полу что-то похожее на ковры.

На дальней стене — герб СоВладения: американский орел и советские серп и молот, цвета красный, белый и синий, белые звезды и красные звезды.

Три человека со стаканами в руках казались безмятежными. На всех гражданская одежда, очень похожая на одежду Джона, только у старшего покрой более консервативный. Двое остальных казались ровесниками Джона, может, на год старше, не больше.

— Один из наших, сэр, — сказал красивый офицер. — Новый гарди заблудился среди колонистов.

Один из младших рассмеялся, но старший коротким взмахом руки прервал его смех.

— Хорошо, мичман. Спасибо. Входите, мы не кусаемся.

— Спасибо, сэр, — ответил Джон. Он неуверенно прошел в дверь, гадая, кем могут быть эти люди. Вероятно, офицеры СВ, решил он. Красивый офицер не стал бы так себя вести с другими. Как ни испуган был Джон, его аналитическое сознание продолжало работать. Он осмотрел помещение.

«Определенно, офицеры СВ, — решил он. — Возвращаются на Лунную базу из отпуска. А может, исполняли какую-

то миссию в нормальном тяготении. Естественно, они в штатском. На Земле показаться в мундире СВ не при исполнении означало самоубийство».

— Лейтенант Хартманн, к вашим услугам, — представился старший. — А это гардемарины Рольников и Бейтс. Ваше предписание? Бумаги?

— Джон Кристиан Фалькенберг, сэр, — сказал Джон. — Гардемарин. Точнее, наверное гардемарин. Но я не уверен. Я не давал никакой присяги.

Все трое рассмеялись.

— Еще дадите, мистер, — сказал Хартманн. Он взял документы Джона. — И гардемарином все равно станете, даже и без присяги.

Он разглядывал пластиковую карточку, сравнил лицо Джона с фотографией, потом прочел надписи. И присвистнул.

— Член Большого Сената Мартин Грант. Действовал через друзей во Флоте, без сомнения. Не удивлюсь, если с такой поддержкой вы вскоре обгоните меня в звании.

— Сенатор Грант учился у моего отца, — сказал Джон.

— Понятно. — Хартманн вернул документы и знаком пригласил Джона садиться. Потом повернулся к одному из гардемаринов. — А что касается вас, мистер Бейтс, то не понимаю вашего веселья. Что смешного в том, что один из ваших собратьев-офицеров заблудился среди колонистов? Вы сами никогда не бывали в таком положении?

Бейтс неловко заерзал. Голос у него оказался высоким, и Джон окончательно понял, что Бейтс ненамного его старше.

— А почему он не показал охране карточку налогоплательщика? — спросил он. — Его отвели бы к офицеру. Правда?

Хартманн пожал плечами.

— У меня нет карточки, — сказал Джон.

— Гм, — Хартманн, казалось, стал очень далеким, хотя не шевельнулся. — Что ж, — сказал он, — у нас обычно не бывает офицеров из семей граждан...

— Мы не из граждан, — быстро пояснил Джон. — Мой отец — профессор университета СоВладения, и я родился в Риме.

— Ага, — сказал Хартманн, — и долго вы там жили?

— Нет, сэр. Отец предпочитал быть приглашенным профессором. Мы жили во многих университетских городах. — Ложь легко слетела с его уст, и он подумал, что профессор Фалькенберг и сам в нее верил: ведь он столько раз это говорил. Но Джон знал правду: отец отчаянно пытался получить постоянное место, но у него всегда оказывалось слишком много недругов.

Он был слишком открыт и слишком честен. Это одно объяснение. Он был ОСС (отвратительный сукин сын) и ни с кем не в состоянии поладить. Это другое объяснение. Я так долго прожил в этой ситуации, что теперь мне уже все равно. Но, наверно, приятно было бы иметь свой дом.

Хартманн слегка расслабился.

— Ну, каковы бы ни были причины, мистер Фалькенберг, вам лучше было бы родиться налогоплательщиком Соединенных Штатов. Или членом Советской партии. К несчастью, вам, подобно мне, предстоит всю жизнь провести в низших эшелонах офицерского корпуса.

Хартманн говорил с легким акцентом, который Джон не мог точно определить. Несомненно, Германия: в боевых службах СВ много немцев. Но акцент не совсем немецкий: Джон достаточно долго прожил в Гейдельберге, чтобы различать немецкие диалекты. Восточная Германия? Возможно.

Он понял, что остальные ждут от него какого-то ответа.

— Мне казалось, сэр, что на службе СВ все равны.

Хартманн пожал плечами.

— Теоретически — да. На практике — генералы и адмиралы, даже капитаны, командующие судами, почему-то всегда американцы или советские. Но это не решение офицерского корпуса, мистер. Между собой мы не различаем страну происхождения, и у нас нет политики. Никогда. Наша родина — Флот. Это наша единственная родина. — Он взглянул на свой стакан. — Мистер Бейтс, нам нужна еще выпивка и стакан для нового товарища. Принесите.

— Есть, сэр.

Коротышка гардемарин направился в угол, к стойке, за которой не было бармена. Немного погодя он вернулся с бутылкой американского виски и пустым стаканом.

Хартманн доверху наполнил стакан и толчком отправил его Джону.

— Флот научит вас многому, гардемарин Джон Кристиан Фалькенберг. В том числе и умению пить. Мы все слишком много пьем. И мы еще вам покажем почему, но прежде чем понять почему, вы должны научиться — как.

Он поднял стакан. Когда Джон лишь пригубил свою порцию, Хартманн нахмурился.

— Еще, — сказал он. Он произнес это как приказ.

Джон отпил половину виски. Он уже несколько лет пил пиво, но отец не часто разрешал ему выпить спиртного. Не очень вкусно и жжет в горле и в животе.

— А теперь расскажите, почему вы присоединились к нашей благородной братской шайке, — попросил Хартманн. В голосе его звучало предостережение: за шутливыми словами крылось что-то серьезное. Может, он не смеялся над Службой, называя ее братской шайкой.

Джон надеялся на это. У него никогда не было братьев. Не было друзей. Не было дома, а отец был строгим учителем. Он научил его многому, но никогда не проявлял любви... или дружбы.

— Я...

— Только честно, — предупредил Хартманн. — Открою вам одну тайну, тайну нашего Флота. Мы никогда не лжем своим. — Он взглянул на гардемаринов, и те кивнули, Рольников с легкой улыбкой, Бейтс серьезно, как в церкви.

— Там, — продолжал Хартманн, — там лгут, мошенничают, используют друг друга. Но у нас не так. Нас используют, это верно. Но мы знаем, что нас используют, и мы честны друг с другом. Поэтому наши люди всегда нам верны. И поэтому мы сами верны Флоту.

И это имеет какое-то важное значение, подумал Джон: ведь Хартманн взглянул на флаг СоВладения на стене, но ни слова не сказал о СВ. Только о Флоте.

— Я здесь потому, что отец хотел убрать меня из дома и сумел получить для меня назначение, — выпалил Джон.

— Вам придется найти другую причину. Или вы с нами не останетесь, — сказал Хартманн. — Пейте.

— Да, сэр.

— Правильный ответ: есть, сэр.

— Есть, сэр.

Джон осушил свой стакан.

Хартманн улыбнулся.

— Прекрасно. — Он снова наполнил свой стакан, потом налил остальным. — Какова миссия Вооруженных Сил СоВладения, мистер Фалькенберг?

— Сэр? Выполнять волю Большого Сената...

— Нет. Их цель — существовать. И своим существованием поддерживать определенную степень мира и порядка в этом углу нашей галактики. Выиграть время для людей, чтобы те могли убраться достаточно далеко от Земли. И когда эти проклятые придурки перебьют друг друга, они не смогут уничтожить все человечество. Такова наша единственная миссия.

— Сэр? — гардемарин Рольников говорил негромко и настойчиво. — Лейтенант, сэр, стоит ли вам столько пить?

— Да, стоит, — ответил Хартманн. — Спасибо за заботу, мистер Рольников. Но, как видите, в настоящее время я пассажир. Служба не запрещает выпивку. Совсем нет, мистер Фалькенберг. Строго запрещено быть непригодным к исполнению обязанностей. Но выпить — нет. А у меня в данный момент нет никаких обязанностей. — Он поднял стакан. — Кроме одной. Поговорить с вами, мистер Фалькенберг, и рассказать вам правду, чтобы вы либо сбежали от нас, либо до конца жизни были прокляты вместе с нами, потому что мы никогда не лжем друг другу.

Он замолчал, и Джон задумался о том, насколько пьян Хартманн на самом деле. Офицер подбирал слова гораздо тщательней, чем отец, когда выпивал.

— Что вы знаете об истории Флота СоВладения, мистер Фалькенберг? — спросил Хартманн.

Вероятно, больше тебя, подумал Джон. Лекции отца по истории создания СоВладения пользовались большой известностью.

Все началось с *разрядки*. Она рухнула, но была восстановлена, и вскоре был заключен целый ряд формальных договоров между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Договоры не покончили с враждой этих великих держав, но их общие интересы оказались значительнее различий; очевидно, лучше, чтобы было только две великие державы, а не...

— Очень немного, сэр, — ответил Джон: Хартманну совсем не нужно выслушивать лекцию профессора Фалькенберга.

— Мы созданы на основе Французского иностранного легиона, — сказал Хартманн. — Мы легион чужаков, который должен защищать искусственный союз двух государств, ненавидящих друг друга. Как человек может посвятить такой цели свою жизнь и душу, мистер Фалькенберг? На чем основан союз? Что обеспечивает верность солдат?

— Не знаю, сэр.

— Они тоже не знают, — Хартманн взмахом руки указал на двух гардемаринов, которые откинулись в креслах и вели себя так, словно то ли слушают, то ли нет — Джон не мог точно сказать.

Может, решили, что Хартманн слишком пьян? Хороший вопрос.

— Не знаю, — повторил Джон.

— Ага. И никто не знает, потому что ответа нет. Человек не может умирать за союз. Но мы сражаемся. И умираем.

— По приказу Сената, — негромко сказал гардемарин Рольников.

— Но мы не любим Сенат, — возразил Хартманн. — Вы любите Большой Сенат, мистер Рольников? А вы, мистер Бейтс? Мы знаем, что такое Большой Сенат. Продажные политики, которые лгут друг другу и используют нас, чтобы разбогатеть, чтобы урвать бóльшую власть для своей группы. Если могут. Нас они используют не так часто, как раньше. Пейте, джентльмены. *Пейте.*

Виски начал действовать, и в голове у Джона зашумело. Он чувствовал, как на висках и под мышками выступил пот. Живот протестовал, но Джон поднял стакан и снова выпил вместе с Рольниковым и Бейтсом, и никогда еще в совместном пьянстве не было столько смысла. Он попытался спросить себя, почему, но никаких мыслей не было — только чувства. Его место здесь, с этим человеком, с этими людьми, и он единое целое с ними.

И, словно прочитав его мысли, лейтенант Хартманн обнял за плечи юношей: двоих слева от себя и одного, Джона, справа. И негромко сказал им:

— Нет. Мы здесь потому, что Флот — наша единственная родина, а братство службы — единственная семья. И если Флот когда-нибудь потребует наши жизни, мы отдадим их, потому что больше идти нам некуда.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ГОДЫ СОВЛАДЕНИЯ

I

Принстон, Нью-Джерси, Соединенные Штаты Америки

В студенческой столовой, как всегда, было шумно. Студенты в ярких костюмах пили кофе, за который заплатили их родители-налогоплательщики, и говорили о правах человека и гражданина. Некоторые делали вид, что читают, а сами тем временем поглядывали, не найдется ли что интересное.

В углу трое молодых людей и девушка — она терпеть не могла, когда ее называли «молодой леди», — играли в бридж. Типичные студенты, дети налогоплательщиков, хорошо одетые; одежда приглушенных тонов, по последней моде. Зубы ровные, фигуры хорошие. У двух парней контактные линзы. Девушка в соответствии с модой — в больших ярко окрашенных очках с маленькими изумрудами на дужках. В остатках их ланча, вероятно, столько калорий, сколько обычный гражданин не получает за целый день.

— Тройка без козырей, итого четыре. Партия, — сказал Дональд Этеридж. Он что-то написал на листке бумаги со счетом. — Посмотрим. Я должен двадцать два пятьдесят. Мойше, с тебя одиннадцать и четвертак. Ричи выиграл девять баксов. Остальное — Бонни.

— Ты всегда выигрываешь! — обвиняюще сказал Ричард Ларкин.

Бонни Далримпл улыбнулась:

— Это от нравственной жизни.

— У тебя? — усмехнулся Дональд.

— Или от простого желания, — сказал Ричи. Он посмотрел на свои часы. — Пора на занятия. Сегодня у нас лекция гостя.

Мойше Эллисон нахмурился:

— Что за гость?

— Некий тип по имени Фалькенберг, — сказал Ларкин. — Профессор университета СВ в Риме. Читает лекции о проблемах СоВладения. Сегодня тема — военное руководство.

— О, я его знаю, — сказала Бонни Далримпл.

— Он интересный? — спросил Мойше. — У меня сегодня полно дел.

— Говорит очень сжато, — ответила Бонни. — Очень многое укладывает в сказанное. У него каждый абзац очень важен. Думаю, тебе лучше пойти послушать.

— А что ты у него узнала? — спросил Ричард Ларкин.

— О, я была слишком мала, чтобы ходить на его лекции. В сущности, самого профессора Фалькенберга я знаю не очень хорошо. Я дружила с его сыном. С Джоном Кристианом Фалькенбергом Третьим. Это было, когда папа работал в посольстве в Риме. Мы с Джонни Фалькенбергом бродили по всему городу. Он о нем все знал, было очень интересно. Капитолийский холм со статуями, и еще выше — Тарпейская скала, с которой сбрасывали предателей, — на самом деле там не так уж высоко. И мы ходили по Виа Фламиниа. Шли по ней, и Джонни пел старинный римский марш: «Когда идешь по Виа Фламиниа, по дороге легионов Рима...»

— Забавное свидание.

— Скажешь тоже — свидание. Ему было четырнадцать, а мне двенадцать, мы были просто детьми, которые играют вместе. Но было очень забавно. Кажется, я тогда была усердней.

— Ха. Ты и сейчас такая. В последнем тесте обошла меня, — сказал Мойше Эллисон.

— Ну, если бы ты работал, а не бегал за девушками...

Эллисон заморгал, а остальные рассмеялись. После чего встали и вместе направились в лекционный зал. Снаружи висел тяжелый смог, но он такой всегда, так что они не обратили на него внимания.

— Так откуда же ты знаешь о лекциях старого Фалькенберга?

Бонни рассмеялась.

— Джонни часто приводил меня к себе домой. Обычно там никого не было, кроме старой черной экономки, но иногда профессор приходил домой раньше обычного и спрашивал нас, где мы побывали. И все нам рассказывал об этих местах. *Всё,* где бы мы ни оказались.

— О!

— Это было интересно. Рим тогда был приятным городом, со множеством старинных зданий. Думаю, сейчас они все уже снесены. И профессор все о них знал. Но Джонни рассказывал о них гораздо интересней — думаю, я тогда в него была влюблена. — Бонни рассмеялась.

— Так вот что с ней, — сказал Ричи. — Никак не может расстаться с детской влюбленностью в этого... как его звали?

— Джон Кристиан Фалькенберг Четвертый, — торжественно произнес Мойше Эллисон.

— Третий, — поправила Бонни. — И, может быть, ты прав.

Они подошли к лекционному корпусу и по мраморной лестнице поднялись в зал Смита.

Профессор Фалькенберг оказался высоким худым человеком с очень глубоким властным голосом. Нисколько не изменился, подумала Бонни. Он мог бы и телефонный справочник прочесть так, что тот станет чрезвычайно значительным.

Фалькенберг кивнул студентам.

— Добрый день. Приятно видеть, что в Соединенных Штатах есть еще несколько студентов, интересующихся историей.

Я хотел бы рассмотреть происхождение СоВладения. Но, чтобы это сделать, необходимо понять, что произошло с Соединенными Штатами и Советским Союзом, чей непрочный союз создал наш современный мир. Друзья во Второй мировой войне, противники в холодной войне — как случилось, что эти две державы разделили между собой весь мир?

У этой проблемы множество аспектов. Один из них — упадок военной мощи обеих держав. Но и этот аспект сам по себе имеет множество особенностей.

Сегодня мы поговорим о военном руководстве — и в общем виде, и в конкретный период существования этих двух держав. Начну с нескольких коротких цитат из Джозефа Максвелла Камерона, писателя прошлого столетия, который в своей «Анатомии военных достоинств» сказал...

Профессор Фалькенберг раскрыл карманный компьютер, коснулся клавиши и начал читать.

* * *

«Армии контролируются действиями двух классов власть имущих. Внешне эти люди различаются положением или чином, но существенное различие заключается в источнике их власти. Один класс действует на основе права, данного ему суверенной властью. Другой действует на основе права, данного ему первым классом. Это не случайное соотношение, оно основано на естественном принципе власти. «Штатный» офицер действует, опираясь на суверенную власть или на приказ, отданный вышестоящим «штатным» руководителем. «Нештатный» офицер обладает равной и временами абсолютной властью, но облечен ею по распоряжению «штатного» офицера, который его назначил и имеет право отозвать. Мало какой из принципов власти понимается в наши времена хуже, чем взаимоотношения между «штатными» и «внештатными» руководителями, иными словами — между правительством и военными. Повышение, которое дается в награду, чин, который воспринимается как признак касты или как стимул в профессии, занятии или армейской карьере, — вот что затмевает суть проблемы. Рядовой может доказать, что стоит не меньше генерала; в сущности, рядовые не раз это доказывали; и всегда это делал солдат, который знает свое дело, каковы бы ни были его мотивации. Иерархия рангов, которая изобретена для повышения престижа и платы, способна лишить армию ее силы, в то же время вызывая всеобщее одобрение тем, что считается ее преимуществами. Одним из несомненных признаков упадка военной системы является увеличение соотношения тех, кто обладает властью, и тех, кто обязан этой власти подчиняться. Оптимальное соотношение может меняться в соответствии с усовершенствованием вооружения, но лишь незначительно.

Из-за своих специфических целей и особой роли армия обладает оптимальной структурой контрольных механизмов, средств и приложений. В идеале она должна быть простой, способной эффективно осуществлять намерения власти. Однако в индустриальные и технократические периоды этот естественный образец забывается, нормальное устройство искажается в угоду капризам машин. Появляются военные чудовища, аналогичные лишенным головного мозга трехногим

детям, которых взращивают, словно великую ценность. Они внушают чистый ужас всем, кроме тех, кто зачарован магией технологии...»

Фалькенберг закрыл компьютер и слабо улыбнулся.

— Эти слова были написаны незадолго до того, как в армии Соединенных Штатов появилось вдвое больше генералов, чем во время конфликта, известного как Вторая мировая война, несмотря на сокращение самой армии. И это еще не все. Соотношение офицеров и рядовых стало неумолимо меняться в сторону увеличения числа офицеров; и поскольку оптимальное соотношение — пять процентов, а некоторые элитные организации достигали блестящих успехов и с меньшим процентом офицеров, неудивительно, что вскоре в армии Соединенных Штатов один офицер приходился на двенадцать рядовых, а один генерал — на полторы тысячи подчиненных, и эффективность системы значительно ослабла.

Военные менеджеры рождаются легко. Истинные лидеры чрезвычайно редки.

— Ты была права: он действительно говорит сжато, — сказал Мойше Эллисон.

Бонни захихикала.

— Он нисколько не изменился, это уж точно.

— И ты его слышала только дома? Удивительно, что его сын не спятил. А кстати, что с ним случилось?

— У него были какие-то неприятности, — сказала Бонни.

— Неудивительно, — усмехнулся Ричи.

— Не знаю, какие именно, — сказала Бонни. — Но только знаю, что Джонни поступил в Академию СоВладения. Мы переписывались, но когда он закончил и был отправлен на корабль...

— Похоже, ты по нему скучаешь, — сказал Мойше.

— Да уж, обо мне ты никогда не говоришь таким тоном, — добавил Ричи.

— А ты еще что-нибудь о нем слышала? — спросил Мойше.

Бонни отрицательно покачала головой.

II

Анджела Найлс старалась не уснуть. Казалось, прошло очень много времени. Однажды она поняла, что видит сон, но все было чрезвычайно реально: заполненные людьми улицы Шанхая, тысячи мужчин и женщин в синих рабочих костюмах — не то чтобы форма, но люди в ней были похожи на синих муравьев. Они вопили, выкрикивали слова, которых она не понимала, но их намерения были достаточно ясны. Синие муравьи собирались убить ее. Она побежала, неожиданно ее окружили синие и золотые мундиры — другой оттенок синего цвета, это синева СоВладения — небольшой отряд солдáт СоВладения сомкнулся вокруг нее. Они увели ее от толпы, потом повернулись, грянул залп, потом другой, и синие муравьи на мгновение с криками остановились.

— Отступайте, — спокойно приказал лейтенант. — Первый взвод. Отступайте к гавани. Кьюни.

— Сэр?

Кузен Гарольд. Но как кузен Гарольд оказался здесь? Однако вот он, в мундире флотского гардемарина.

— Можете управлять шлюпкой?

— Нет, сэр.

— Рулевой убит.

— Да, сэр, знаю.

— Ну хорошо, гардемарин. Отступайте с первым взводом. Остановитесь, не теряя нас из виду, и займите оборонительную позицию. Когда будете готовы, дайте сигнал. Мы их задержим. Мисс, вы пойдете с ними...

— Да, но, Гарольд, что ты здесь делаешь, кто это и что...

— Некогда, Энджи. Пошли!

Они побежали, и теперь это определенно был сон, потому что она не могла пошевелиться, ноги не работали, она пыталась бежать и не могла...

— Попытайтесь вспомнить, — произнес голос. *Чей?* — Что случилось потом?

Она бежит. Морской пехотинец держит ее за руку. Неожиданно он остановился. Глаза у него распахнулись, он замер посреди улицы. Из его груди торчал длинный стальной

стержень, изо рта полилась кровь, и он медленно, медленно начал падать...

— Пошли, Энджи, беги, черт побери!

Побежали. Вот конец квартала. Свернули за угол, и она увидела гавань, не очень далеко, и очертания длинного серого корабля. На пристани три моряка с ружьями, орудийная башня на палубе корабля медленно поворачивается.

Гарольд коснулся рукава и быстро заговорил в коммуникационную карточку. Послышался новый залп, новые крики, и на улице показались бегущие лейтенант СоВладения и его отряд.

— Почти на месте, — сказал Гарольд.

— Отведите ее на корабль, — сказал лейтенант.

— Сэр, вы можете вести эту штуку. Отвезите ее на корабль сами.

Он очень молод, этот лейтенант, всего лишь мальчишка, и выглядит худым и юным, не старше Гарольда.

— Три минуты, — сказал он. — Три минуты, Кьюни, а потом бегите изо всех сил.

Гарольд улыбнулся:

— Обязательно. Готовы? Бегите!

Лейтенант взял ее за руку и побежал, потащил ее за собой, а над их головами стреляли орудия, и слышались новые крики, и повсюду был шум. Что-то взорвалось совсем рядом, и один из матросов на палубе упал. Лейтенант закричал в микрофон у себя на рукаве:

— Мортиры! Беги, Кьюни! НЕМЕДЛЕННО! — И поволок ее за собой, втащил по трапу в каюту.

— Приказ: всем на борт!

В ярком свете дня прогремели записанные заранее звуки горна. Лейтенант побежал вперед, и несколько мгновений спустя послышался грохот. Что-то взорвалось у мостика, через открытый люк ворвался рой разъяренных пчел, пролетел мимо Анджелы и застучал по переборке. Раздался новый взрыв.

— Корпус пробит! — крикнул матрос.

Теперь шум двигателя стал громче. Она побежала к люку, чтобы выглянуть наружу и позвать Гарольда. Но никого не увидела.

— Очистить вход! — крикнул кто-то. Послышалось гудение, и люк начал закрываться. Корабль тронулся с места.

— Гарольд! Гарольд! — И Гарольд появился перед ней. Но это был старик, и лицо его таяло, а потом он исчез; на его месте оказался другой человек, корабль стал растворяться, и она оказалась в постели в белой комнате — больничной палате, а люди у постели — врач в белом халате и очень худой офицер в мундире Флота СоВладения. Капитан третьего ранга.

Она знает их обоих. Откуда? Кто они? Лермонтов. Так зовут офицера. Но откуда она это знает?

— Видели ли вы после этого гардемарина Кьюни? — спросил капитан Лермонтов.

— Нет. После того как мы свернули на углу... на углу улицы Трех Лун... я больше его не видела. — В горле у нее пересохло, левая рука болела. Она не могла пошевелить ею, а когда посмотрела, увидела, что рука привязана к доске, а к локтю ведет трубка для внутривенных вливаний.

Пентотал, что-то в этом роде. Они хотели ее допросить. И что она им рассказала?

— Я уже все вам рассказала, — сказала она. — Три раза. Да еще когда была под действием наркотика. Зачем проходить все это снова?

— Ваш дядя потребовал проведения тщательного расследования, — ответил капитан Лермонтов. — И мы его проводим. — Он работал на своем карманном компьютере. — Итак. Последний раз вы видели гардемарина Кьюни на углу, где лейтенант Фалькенберг приказал ему продержаться три минуты до отступления.

— На самом деле Гарольд сам вызвался...

— Да. Спасибо. А через какое время после этого приказа корабль начал двигаться?

— Не знаю...

— Доктор говорит, что вам кажется, будто прошло меньше трех минут.

— Откуда он знает?

— Я не знаю, — вмешался человек в белом халате. — Я могу только попытаться реконструировать события по ва-

шим воспоминаниям. На основании того, что мы услышали, я заключаю, что вы не знаете наверняка, но подозреваете, что Фалькенберг приказал уходить, как только вы оказались на корабле.

— А что говорит он? — спросила Анджела.

— Вы уже знаете, — ответил доктор Витгенштейн.

— Он сказал мне, что Гарольд попал под огонь мортир до того, как мы добрались до корабля.

— Но вы ему не поверили.

— Я не... я не знаю, чему верить, — ответила она.

— Корабль взлетел, — сказал Лермонтов. — У него не хватало топлива, чтобы подняться на орбиту, и его подбили.

Анджела вздрогнула.

— Так сильно подбили... я поразилась. Когда мы приземлились и я смогла увидеть. Поразительно, что он вообще смог лететь.

— Корабли класса «Буна» способны переносить сильные повреждения. Итак. Фалькенберг посадил корабль на остров за пределами наших территориальных вод. Что произошло там?

— Ничего. Там мы были в полной безопасности. Остров населяли не китайцы, а тайцы. Они были очень дружелюбны. Там было приятно — безопасно и мирно. Поэтому мы ждали, ждали три недели, пока Флот не смог послать еще один корабль с командой ремонтников. Меня отвезли в дом губернатора, а Джон... лейтенант Фалькенберг получил приказ вернуться на свой корабль. Ничего не случилось.

— Но что-то все же случилось, — сказал Лермонтов.

Услышав его тон, она нахмурилась.

— Что вы имеете в виду?

— Доктор...

— Мисс Найлс, у вас месячная беременность.

— О.

— Вы как будто не удивлены. Вы не предохранялись?

Она почувствовала, что краснеет.

— Мисс Найлс, у меня дочь примерно вашего возраста, — сказал Лермонтов. — Вы не предохранялись?

Она пыталась говорить спокойно.

— В то время я об этом не думала.

— Лейтенант, очевидно, тоже, — сказал Лермонтов. — В наше время болезней это, возможно, легкомысленно.

Анджела пожала плечами.

— Да там нечем было предохраняться...

— На флотском корабле всегда есть аптечка, — сказал Лермонтов. — Но в данном случае вы правы. Медицинский кабинет был поврежден вместе со значительной частью оборудования.

— Капитан, я не понимаю, какое отношение мое положение имеет к...

— Зато понимает ваш дядя, — ответил Лермонтов. — Отчаянный молодой Фалькенберг приносит в жертву многообещающего гардемарина, внука члена Большого Сената, чтобы спастись самому. Затем соблазняет племянницу сенатора. — Лермонтов со значением посмотрел на ее живот. — Через несколько недель доказательства будут видны невооруженным глазом.

— Значит, вы... вероятно, дядя Эдриан все увидит в таком свете.

— Но по крайней мере вы в безопасности, — сказал доктор Витгенштейн. — Он должен быть благодарен за это.

Анджела покачала головой.

— Боюсь, благодарен он не будет. Он не очень любит мою мать, а к Гарольду относился по-особому. Племянница — это не внук, доктор. Он с готовностью обменял бы меня на Гарольда. — Она вздрогнула. — Думаю, он собирался когда-нибудь сделать Гарольда адмиралом.

— Итак. Что вы собираетесь делать? — спросил Лермонтов.

— Относительно... — Она потерла живот. — Надо привыкать. А Джон... лейтенант Фалькенберг знает?

— Нет, если вы ему не сказали, — ответил доктор Витгенштейн.

Но я сама не знала...

— Вы хотите сказать, что он не узнает, если я сама ему не скажу?

Лермонтов кивнул.

— Мне говорили, что вы умны.

— А что это должно значить?

— Думаю, нет необходимости объяснять. Что сделает лейтенант Фалькенберг, если узнает?

Она снова покраснела.

— Вероятно... вероятно, женится на мне, если я захочу.

— Мой прогноз такой же, — сказал Лермонтов. — В других обстоятельствах для карьеры молодого человека было бы прекрасно жениться на представительнице семейства Бронсонов. Однако сейчас...

— Однако сейчас для нас обоих это гибельно, — сказала Анджела. — Что... что же мне делать?

— Прервать беременность, — сказал доктор Витгенштейн.

— Будьте вы прокляты! Я ждала этого! А почему вы... пока я была под действием, почему вы просто не сделали чистку? Я бы никогда не узнала! Но нет, вам понадобилось привести меня в сознание и просветить...

— Вы бы хотели, чтобы мы приняли решение за вас? — спросил Лермонтов. Она не ответила, и он повернулся к Витгенштейну: — Доктор, приготовьте операционную.

— Подождите... Нет, подождите. — Она почувствовала, что на глазах выступают слезы. — Кто это?

— Кто кто?.. А, — сказал Витгенштейн. — Девочка.

— Капитан... я хочу увидеться с Джоном Фалькенбергом.

— Не могу вам помешать, — ответил Лермонтов, — но прошу вас этого не делать. Пока вы не примете окончательного решения. Он не глуп...

— Вы его знаете? — спросила она. — Странный вопрос, верно? Знаете ли вы... отца моей неродившейся дочери? У нас было три недели. Целая жизнь. Мне кажется, я его знаю, но правда ли это? О, черт побери!

Лицо Лермонтова смягчилось.

— Он считается... считался... многообещающим молодым офицером. От него ждали многого. — Капитан пожал плечами. — Жаль, что никто не видел, как погиб гардемарин Кьюни. Я не знаю, что мы можем сделать для Фалькенберга.

— И я ничего не могу сделать... могу только ухудшить положение, — сказала она. — Как же мне быть?

— Избавьтесь от ребенка, — сказал Лермонтов. — Потом, через год, через два, когда сенатор забудет, вы снова встретитесь...

— Он никогда не забудет. И мы никогда не встретимся.

Лермонтов собирался заговорить, но она опередила его.

— Вы не можете быть уверены, и я не могу, — сказала она. — Единственное, в чем мы уверены, — мы убьем мою дочь.

— Эмбрион, — сказал Витгенштейн. — Не...

— Я изучала эмбриологию, — возразила Анджела. — Не нужно объяснять мне подробности. — Она долго молчала. Потом вытерла глаза и прямо взглянула на Лермонтова. — Капитан, вы можете обеспечить мой переезд на Черчилль?

— Да, но почему именно на Черчилль?

— У меня там родственники. Моя ветвь семейства не располагает большими средствами, но мы не разорены, вы знаете. Меня примут...

— В этом случае я не смогу разрешить вам снова увидеться с Фалькенбергом.

— Вы не сможете меня остановить, если я этого потребую, и вы это тоже знаете, — сказала она. — Но... может быть, так лучше. Скажите ему... — у нее перехватило горло, и она почувствовала, что на глазах снова слезы. — Скажите, что я ему благодарна за то, что он спас мне жизнь, и желаю ему всего хорошего.

Напряженный молодой человек вошел в помещение и козырнул:

— Лейтенант Фалькенберг по приказу капитана Лермонтова явился, сэр.

Худой человек за столом ответил на приветствие.

— Спасибо. Садитесь.

— Сэр?

— Я сказал, садитесь.

— Есть, сэр. — Фалькенберг принужденно сел.

— Вы думаете, я вызвал вас, чтобы наказать?

Фалькенберг нащупал папку под левым локтем.

— Я получил приказ...

— Знаю, — прервал Лермонтов. — Не такой приказ я бы хотел отдать. Но сделать ничего нельзя.

— Значит, я покидаю Вооруженные Силы?

— Нет, только Флот, — сказал Лермонтов. — Если, конечно, не захотите совсем уйти с военной службы. — Старший офицер наклонился вперед и пристально посмотрел на Фалькенберга. — Я не стал бы вас винить, если бы вы это сделали, но надеюсь, вы не сделаете. Я организовал ваш перевод в морскую пехоту. В качестве старшего лейтенанта, временно исполняющего обязанности капитана. Кроме того, я направил сенатору Гранту рекомендацию, чтобы Большой Сенат наградил вас Орденом мужества первой степени. Думаю, вскоре вас ждет звание капитана морской пехоты. — Лермонтов вздохнул. — Будь у нас лучшая связь и сумей я поговорить с сенатором непосредственно, возможно, в этом не было бы необходимости. Может быть, я не совсем верно оцениваю политику Большого Сената.

Фалькенберг взглянул на свою папку с приказом.

— Я тоже, сэр.

— Но это очевидно, — сказал Лермонтов. — Вы действовали совершенно правильно. Трудно пожертвовать одним взводом, чтобы спасти всех остальных, но мы уверены, что больше ничего нельзя было сделать. — Он пожал плечами. — К несчастью, взводом, который вы потеряли, командовал внук сенатора Бронсона, но вы не могли этого знать.

— Он был хорошим военным, — сказал Фалькенберг. — И, честно говоря, я знал, кем он приходится...

Лермонтов поднял руку, заставляя его замолчать. Он невольно обвел взглядом помещение, потом пристально посмотрел на Фалькенберга.

— Вы никогда никому об этом не расскажете, — сказал он. — То, что ваши действия привели к гибели молодого человека, достойно сожаления, но они были оправданны. Возможно, Бронсон забудет. Но если члену Большого Сената Бронсону напомнят, что вы знали о его интересе к гардемарину Кьюни, положение станет гораздо более серьезным. Он никогда об этом не забудет. Вам в будущем следует избегать встреч с сенатором.

— Да, сэр. Только...

— Да?

— Сэр, я уже спрашивал о мисс Найлс, но никто как будто не знает, где она.

— Она попросила, чтобы ее отправили на Черчилль, где у нее есть деньги и родственники. Она улетела два дня назад на

курьерской шлюпке, чтобы попасть на корабль, идущий на Черчилль.

— О... а я думал... Она оставила для меня сообщение?

— Сказала, что очень благодарна вам за то, что вы спасли ей жизнь.

— Понятно. — Он несколько мгновений молчал. — Сэр, каково мое назначение?

Лермонтов слегка улыбнулся.

— У вас есть выбор. Как обычно, имеется множество мест, где назревают неприятности.

III

Крофтоновская Энциклопедия современной истории и социальных проблем (Первое издание)

Исход. За эрой исследований, начавшейся после изобретения движителя Олдерсона, вполне предсказуемо последовала эпоха колонизации. Первоначально колонистами становились богатые люди, не удовлетворенные земной цивилизацией. Многими двигали религиозные соображения. Это были представители и традиционных религий, и тех мирских сект, которые развились на основе того, что в двадцатом веке было известно как «экологическое движение» или движение зеленых.

Многие из ранних колонистов были высокообразованными людьми и имели все основания рассчитывать на успех в создании собственной культуры на новых планетах. К несчастью, они не принимали во внимание давление со стороны правительств Земли...

2064 год от Р.Х.

Прекрасное будущее, о котором она пела, уже заливала кровь, но Кэтрин Малколм об этом не знала, как не думала о

том, что солнце слишком красно-оранжевое и яркое, а тяготение слишком низкое.

Все свои шестнадцать стандартных лет она прожила на Арарате, и хотя дедушка часто говорил о Земле, родина человечества не была для девушки родным домом. Земля — это царство машин и бетонных дорог, автомобилей и больших городов, место, где люди теснятся вдалеке от плодородной почвы. Когда она думала о Земле, та казалась ей уродливой, непригодной для жизни людей.

Больше всего она ломала голову над тем, чем пахнет Земля. Столько людей сразу — должно быть, совсем не похоже на Арарат. Она глубоко вдохнула, наполняя легкие воздухом, приятно пахнущим свежевспаханной почвой. Земля здесь хороша. Приятно чувствовать ее под ногами. Темная и рассыпчатая, достаточно влажная, чтобы принять семена и позаботиться о них, но не болотистая и не комковатая: хорошая земля, прекрасно подходящая для позднего урожая.

Девушка уверенно шла за плугом, длинным хлыстом направляя быков. Она щелкала хлыстом возле передних, но никогда не касалась их. В этом не было необходимости. Гораций и Звезда знают, что от них требуется. Хлыст направляет их, напоминает, что она за ними следит, но они знают спиральную борозду не хуже нее. Плуг переворачивает почву, чтобы грядка была приподнята: это помогает осушать поле и собирать ежегодно по два урожая.

Первый урожай уже собран и лежит в каменном амбаре. Пшеница и кукуруза, генетически приспособленные к условиям Арарата; в другой части амбара — местные хлебные дыни, полные сахара и готовые к брожению. Год был хороший, урожая собрали больше, чем нужно семье для прокорма. Излишки можно будет продать в городе, и мама пообещала Кэтрин купить отрез ситца на новое платье, которое девушка наденет ради Эмиля.

Впрочем, сейчас на ней комбинезон и сапоги, и она рада, что Эмиль ее не видит. Он знает, что Кэтрин умеет провести прямую борозду не хуже мужчины и ездить верхом не хуже брата, но знать это и видеть ее на поле — совершенно разные вещи, и она была рада, что сейчас он ее не видит. Думая об этом, она рассмеялась, но мысли текли своим чередом.

Она щелкнула хлыстом, посылая быков вперед, и чуть заметно нахмурилась. Второй паре в упряжке еще никогда не приходилось тащить фургон по равнине, и Кэтрин решила, что нельзя больше откладывать тренировку животных. Эмиль не захочет жить у деда Кэтрин. Мужчине нужна собственная земля, хотя на ранчо Малколмов больше тысячи гектаров.

Здесь вся земля разобрана. Если они с Эмилем захотят иметь собственную, придется переселяться на запад, к другому морю, где снимки со спутника показывают плодородные почвы. «Мы можем уехать туда, — подумала она, — забраться так далеко, что осужденные нас не найдут, а город станет местом, которое видят раз в жизни. Будет очень интересно, хотя совсем не хочется покидать эту долину».

Поле, которое она вспахивает, лежит меж низких холмов. Вдоль одного его края вьется небольшой ручей. Большинство видных ей деревьев и растений привезены в виде семян с Земли, и у них очень мало врагов. Большинство вредителей не трогают земные растения, особенно если поля окружены полосами мяты и ноготков, издающих запах, который не переносят даже земные насекомые.

Кэтрин думала о том, что им может понадобиться, если они двинутся на запад, чтобы основать новое поселение. Семена у них будут; будут кобыла и жеребец; и две пары волов; куры и свиньи: ее дед по местным меркам богат. Будут кузнечные инструменты отца, пользоваться которыми Эмиль сможет научиться.

Им понадобится телевизор. Телевизоры здесь большая редкость. Телевизор, и солнечные батареи, и генератор для ветряной мельницы; все эти вещи промышленного производства придется покупать в городе, а для этого нужны деньги. Потребуется весь второй урожай этого года и большая часть весеннего — им придется экономить, откладывать все заработанные деньги. Она отогнала эти мысли, но рука ее легла на рукоять большого ножа в ножнах, висевших на поясе.

«Мы справимся, — подумала она. — Найдем деньги. Дети не останутся без образования. Телевизор нужен не для развлечения. Программы, передающиеся со спутника, сообщают

прогноз погоды и учат обработке земли, экологии, инженерному делу, работе с металлом — всему тому, что необходимо для жизни на Арарате. Учат также чтению и математике.

Большинство соседей Кэтрин презирают телевидение и не допускают его в свои дома, и их детям приходится учиться у других, у тех, кто имеет возможность смотреть на экран.

«И тем не менее, — думала Кэтрин, — причины для беспокойства есть. Сначала телевидение. Потом легкая промышленность. Скоро добавится другое. Открываются шахты. Строятся большие заводы, а вокруг них растут города».

Она представила себе Арарат, покрытый асфальтом и бетоном: животных заменят тракторы и автомобили, маленькие поселки превратятся в большие города; люди теснятся, как в Гармонии и Гаррисоне; ручьи перегорожены плотинами, а озера загрязнены отбросами.

Конечно, не при моей жизни и не при жизни моих внуков. И, может быть, мы окажемся умнее, чем на Земле, и здесь это никогда не произойдет. Мы научены горьким опытом. Мы знаем, как жить на земле.

Ее дед — колонист-доброволец, инженер, достаточно обеспеченный, чтобы привезти на Арарат инструменты и оборудование, пытается показать остальным, как уживаться с технологией. Электричество ему дает ветряная мельница. Она позволяет пользоваться телевизором и радио. Дед поддерживает радиосвязь с Денисбургом в сорока километрах отсюда, и хотя соседи говорят, что презирают технологию, они не настолько горды, чтобы не просить Эймоса Малколма отправлять их сообщения.

На ферме Малколма есть водопровод и эффективная система переработки отходов. Для Эймоса технология — это то, что следует использовать, чтобы она не использовала вас, и он старается научить этому соседей.

Мысли Кэтрин прервал звонок телефона, и она остановила упряжку. Телефон в центре распаханного поля, здесь он подключен к переносному солнечному рефлектору, чтобы заряжались батареи. В долине мало радиотелефонов. Стоят они дорого, и купить их можно только в Гармонии. Даже дедушка Эймос не может сам производить телефонные микроцепи, хотя часто говорит, что надо бы купить подходящие инструменты и делать

что-нибудь такое. «В конце концов, — часто говорит он, — нам не нужны самые последние модели. Лишь бы работали».

Не успев добраться до телефона, она услышала выстрелы. Доносились они издалека, но со стороны ее дома. Она посмотрела на холм, который скрывал от нее ранчо, и увидела в небе красную полоску. Та взорвалась в облаке яркого дыма. Эймос выпустил сигнальную ракету.

— Боже, нет! — закричала Кэтрин. Она побежала к телефону, но в спешке выронила его. Подняла со свежевскопанной земли и закричала в микрофон:

— Да!

— Беги прямо в деревню, девочка, — услышала она голос деда. Голос казался старым и усталым. — Не ходи домой. Уходи быстрей.

— Дедушка...

— Делай, как я сказал! Соседи подойдут, а ты помочь не можешь.

— Но...

— Кэтрин, — он говорил настойчиво, но в его голосе слышались столетия. — Они здесь. Их много.

— Кто? — спросила она.

— Осужденные. Говорят, будто они шерифы и у них есть предписание собирать налоги. Я не стану платить. Мой дом прочен, Кэтрин, и соседи придут. Осужденные не получат его, а если меня сейчас убьют, это не так важно...

— А мама! — закричала Кэтрин.

— Ее они живой не возьмут, — сказал Эймос Малколм. — Мы говорили об этом, и ты знаешь, что нужно делать. Пожалуйста. Не лишай мою жизнь смысла, не позволяй им добраться и до тебя. Иди в деревню, и да сохранит тебя Господь. Мне нужно сражаться.

Вдалеке снова послышались звуки выстрелов. Телефон молчал. Стреляли из ружей, слышны были пулеметные очереди. Каменное ранчо Эймоса было хорошо защищено.

Кэтрин слышала резкие, но негромкие разрывы гранат и молилась, чтобы не услышать последний взрыв: он означал бы, что Эймос взорвал динамит под домом. Он часто клялся, что скорее взорвет дом и всех нападающих, чем позволит им войти.

Кэтрин побежала назад, чтобы выпрячь быков. С ними ничего не случится. Звуки боя не дадут им вернуться домой до завтра, а на равнине нет таких крупных животных, которые могли бы угрожать здоровым быкам. Кроме людей.

Упряжку она оставила у плуга (в глазах быков было недоумение: солнце еще высоко, поле не вспахано) и побежала в тень деревьев у реки. Здесь терпеливо ждали лошадь и собака. Собака игриво подбежала, но прижалась к земле, почувствовав настроение девушки.

Кэтрин набросила на лошадь седло и принялась возиться с кожаной упряжью. Руки ее двигались так быстро, что даже знакомые движения стали трудны; в спешке она действовала неловко. Привязала телефон и солнечный рефлектор за седлом и села верхом. В чехле висело ружье, она достала его и с тоской погладила.

И замерла в нерешительности. Ружья по-прежнему стреляли. Она слышала очереди пулемета деда и новые разрывы гранат. Значит, Эймос жив.

Я должна помочь, должна идти туда.

Там Эмиль. Он должен был пахать поле у границы их ранчо и услышал выстрелы. Он там. Она повернула лошадь к ранчо.

Она понимала, что один всадник ничего не может сделать. И тем не менее чувствовала, что должна вернуться домой, пока не поздно. У Эмиля и дедушки неплохие шансы. Дом прочен, сложен из доброго камня, он прижимается к земле, а большая его часть под землей, на крыше поверх водонепроницаемого пластика влажная почва. Такое бывало и раньше, много раз, но сейчас слишком много ружей. Она не может припомнить такого большого набега. Ни здесь, ни в каком-нибудь другом месте.

Телефон снова зазвонил.

— Да! — крикнула она. — Что происходит?

— Уезжай, девочка! Уезжай! Выполни мой последний приказ. Ты все, что у меня есть... — голос прервался, Эймос больше ничего не успел сказать. Кэтрин держала молчащий телефон и смотрела на него.

Раз Эймос сказал: «Все, что у меня есть», значит, ее мать и брат мертвы.

Выкрикивая слова гнева и ненависти, она устремилась на звуки выстрелов. И когда перевалила через холм, услышала выстрелы из мортир, а потом очень громкий взрыв.

Двести всадников устремились на ранчо Малколма. Ехали они быстро, лошади их блестели от пота, и ехали всадники семьями, некоторые с женщинами и старшими сыновьями. Перед ними бежали собаки. Их языки свисали меж оскаленных зубов: собаки чувствовали гнев хозяев. Завидев друг друга, всадники махали руками и ехали еще быстрей.

Приблизившись к последнему холму перед ранчо Малколма, всадники сбавили темп. Из-за холма не доносилось ни звука. Выслали вперед собак. Увидев, что те не останавливаясь перевалили через вершину, пустили лошадей галопом.

— Он не воспользовался динамитом, — сказал Джордж Вудроу. — Я слышал взрывы, но это не динамит Эймоса.

Соседи ничего не ответили. Молча спускались по склону к дому.

В воздухе пахло порохом с медным привкусом недавно пролитой крови. Собаки бегали между телами, лежащими у стен каменного дома. Большая парадная дверь была распахнута, перед ней тоже лежали мертвецы. На земле у открытой двери сидела девушка в окровавленном комбинезоне и грязных сапогах. На коленях у нее лежала голова юноши. Девушка безотчетно баюкала голову, глядя сухими и блестящими глазами.

— Боже! — вскрикнул Джордж Вудроу. Он спешился и склонился к девушке. Протянул руку к юноше, но не коснулся его. — Кэтрин...

— Все мертвы, — сказала Кэтрин. — Дедушка, мама, брат и Эмиль. Они все мертвы. — Говорила она спокойно. Сообщила Джорджу Вудроу о смерти его сына так, словно рассказывала о том, что в церкви в следующую субботу будут танцы.

Джордж посмотрел на мертвого сына и на девушку, которая должна была родить ему внуков. Потом выпрямился и прижался лицом к седлу. И оставался так очень долго. Постепенно он начал слышать разговоры вокруг.

— ...захватили снаружи всех, кроме Эймоса, — говорил Гарри Ситон. Говорил он негромко, надеясь, что Кэтрин и Джордж Вудроу не услышат. — Я думаю, Эймос застрелил Джанин после того, как они ее схватили. Но как они прокрались к старому Эймосу?

— Я видел там собаку со стрелой в спине, — отозвался Ван Лоо. — Стрела из самострела. Наверно, так.

— Я все же не понимаю, — настаивал Ситон.

— Догоните их! — Кэтрин стояла возле своего мертвого жениха. — Езжайте!

— Поедем, — ответил Ван Лоо. — Когда придет время.

— Езжайте немедленно! — требовала Кэтрин.

— Нет. — Гарри Ситон печально покачал головой. — Думаешь, это единственное место, на которое напали сегодня? Еще десяток. Большинство даже не сопротивлялись. Тут сотни разбойников, и сейчас все они объединились. Мы не можем действовать, пока их больше, чем нас.

— А что тогда? — спросил Джордж Вудроу. В голосе его звучала горечь. — К тому времени когда нас станет достаточно, они уже снова уйдут в горы. — Он беспомощно посмотрел на цепь высоких холмов на горизонте. — Боже! За что?

— Не богохульствуй! — голос прозвучал строго. Роджер Дорнан всегда в темной одежде, лицо у него худое и узкое.

Он похож на могильщика.

— Нельзя сомневаться в путях Господних, — продолжал Дорнан.

— Нам не нужны такие разговоры, брат Дорнан, — сказала Кэтрин. — Нам нужна месть! Я думала, здесь собрались *мужчины*! Джордж, ты поедешь со мной охотиться на убийц твоего сына?

— Верьте в Бога, — сказал Дорнан. — Возложите это бремя на Его плечи.

— Я не могу позволить вам уехать, — вмешался Ван Лоо. — Вас с Джорджем убьют — ради чего? Вы никому не отомстите, если подставитесь под их ружья. — Он сделал знак, и два его сына подошли и схватили за поводья лошадь Кэтрин. Еще один увел лошадь Джорджа Вудроу. — Нам нужны все наши фермеры, — продолжал Ван Лоо. — И что станет с другими

детьми Джорджа? С его женой, с неродившимся ребенком? Вы не можете ехать.

— Один жив, — крикнул всадник. Два человека подняли с земли неподвижную фигуру, отнесли ее туда, где вокруг Кэтрин и Джорджа собрались мужчины, и бросили наземь. Ван Лоо наклонился и пощупал пульс. Потом схватил разбойника за волосы и приподнял его голову. Методично принялся хлестать по лицу. Его пальцы оставляли яркие красные следы на темных щеках. Удар, еще удар! Ладонью, тыльной стороной, методично. Голова разбойника дергалась при каждом ударе.

— Он полумертв, — сказал Гарри Ситон.

— Тем больше причин привести его в чувство, — ответил Ван Лоо. Не обращая внимания на кровь на кожаной куртке разбойника, он снова бросил его лицом на землю. Потом схватил за руку и резко повернул. Разбойник застонал.

Лет двадцати, не старше. Короткая редкая борода. Темные брюки, кожаная куртка и мягкие кожаные сапоги, очень похожие на те, что на Кэтрин. На пальцах полоски: здесь раньше были кольца; левая мочка разорвана.

— Они раздевали собственных мертвых и раненых, — сказал Вудроу. — А что забрали?

— Генератор с ветряной мельницы, — ответил Гарри Ситон. — Весь скот и кое-что из электроники. Исчез и телефон. Интересно, почему Эймос все не взорвал?

— Снаряд пробил стену, — сказал один из всадников. — Эймоса убило у пулемета.

— Отпусти. Хватит, — простонал молодой разбойник. — Больно.

— Приходит в себя, — сказал Ван Лоо. — Но долго не протянет.

— Жаль, — ответил Джордж Вудроу. Он наклонился и ударил парня по лицу. — Просыпайся, черт тебя подери! Хочу, чтобы ты ощутил веревку на шее! Гарри, давай веревку.

— Не нужно, — сказал брат Дорнан. — Месть — Господня...

— Мы только немного поможем Господу, — прервал его Вудроу. — Несите веревку!

— Да, — согласился Ситон. — Правильно, Кэтрин?

— Дайте веревку мне. Хочу надеть ему на шею. — Она сверху вниз посмотрела на разбойника. — Почему?

На мгновение их глаза встретились.

— А почему бы и нет?

На пригорке над долиной трое копали могилы. Кэтрин неслышно поднялась на холм, и вначале они ее не увидели. А увидев, прервали работу, но она ничего не сказала, и немного погодя они снова принялись копать. Лопаты врезались в плодородную почву.

— Вы копаете слишком много могил, — сказала Кэтрин. — Одну засыпьте.

— Но...

— Мой дед не будет здесь похоронен, — объявила Кэтрин.

Мужчины перестали копать. Посмотрели на девушку, на ее окровавленный комбинезон, потом на горизонт, куда ушел весь отряд. Там вздымалась пыль. Разбойники возвращались в свои логова. И их не удастся догнать до того, как они углубятся в холмы.

Один из могильщиков молча принял решение. Следующей весной он возьмет семью и отправится на поиски новых земель. Все что угодно лучше, чем это. Но он думал, что осужденные могут последовать за ним, куда бы он ни пошел. Когда люди работают на земле, всегда могут прийти другие, чтобы грабить и убивать.

— Где? — наконец спросил он.

— Похороните Эймоса у его порога, — ответила Кэтрин.

— Ужасно хоронить человека у его собственной двери. Он не найдет отдыха...

— Я не хочу, чтобы он отдыхал, — сказала Кэтрин. — Хочу, чтобы он ходил. Ходил и напоминал всем нам, что сделала с нами Земля!

IV

— Внимание! Всем подготовится к входу в атмосферу. Внимание!

— Ремни, лейтенант, — сказал сержант Гернан.

— Верно. — Я застегнул ремни и посмотрел на Арарат.

Планета выглядела мрачно, совсем не так, как Земля. Мало облаков и много пустыни. В районе экватора густые джунгли. Единственная узкая полоска возделываемой земли, которую я мог видеть, располагалась по краю моря почти со всех сторон окруженного сушей. К югу от моря находился другой континент, с виду сухой и пыльный: пустыня, где люди, если и побывали, не оставили никаких следов своего пребывания.

К северу и к западу от обрабатываемых земель — лесистые холмы, пустынные плато, высокие горы и неровные ущелья. Впрочем, через леса и по холмам бежали полоски — узкие дороги, скорее тропы. Когда транспортный корабль опустился ниже, я смог разглядеть деревни и поселки, и все они были окружены стенами, изгородями и рвами. Маленькие крепости, да и только.

Корабль кружил, пока скорость не снизилась настолько, что можно было бы приземлиться. Затем мы взяли курс на восток — и увидели город. В моей программе-инструкции говорилось, что это единственный город на Арарате. Он стоял на высоком утесе над морем и, казалось, съежился. Похожий на окруженный крепостной стеной средневековый город, он, однако, был построен из современного бетона с пластиковым водонепроницаемым покрытием и из других материалов, которые средневековые ремесленники не стали бы использовать, даже если бы те у них были.

Корабль прошел над городом на высоте двух тысяч метров, и стало ясно, что на самом деле здесь два города, стоящие рядом и разделенные общей стеной. Оба города маленькие. Старейшая часть поселения — Гармония — свидетельствовала о полном отсутствии планировки: узкие улочки шли под всеми углами, а немногочисленные площади располагались хаотично. Зато в северной, меньшей части — Гаррисоне — улицы расходились точно под прямыми углами, а напротив крепости на северном краю виднелась большая площадь.

Все здания низкие, лишь отдельные — выше двух этажей. Крыши из красной черепицы, стены белые. Гармония напомнила мне города, которые я видел в Мексике. Яркое солнце

отражалось в заливе под городским утесом. Гаррисон более строг, сплошные прямые углы, аккуратный и упорядоченный, все строго функционально. На северном краю — квадратная крепость. Мой новый дом.

Я младший лейтенант морской пехоты СоВладения, всего три месяца как из Академии и зеленый, как трава. В правилах Академии было давать специальные назначения тридцати лучшим выпускникам каждого курса. Остальные направлялись для дальнейшей подготовки в качестве кадетов или гардемаринов. Я гордился полосками на своих эполетах, но одновременно испытывал страх. Никогда раньше я не был в войсках, у меня не было друзей в учебных заведениях морской пехоты, и я почти ничего не знал о людях, которые записываются в морскую пехоту. Конечно, я слышал множество баек: туда уходят, чтобы избавиться от жен или потому, что судья предлагает на выбор службу или заключение. Некоторые поступают через Бюро Переселения. Большинство из граждан, а моя семья всегда относилась к налогоплательщикам.

Мне повезло, что мой отец был налогоплательщиком. Я вырос на американском юго-западе, где мало что изменилось со времени установления СоВладения. Мы по-прежнему считали себя свободными людьми. Когда умер отец, мы с мамой попробовали вести хозяйство на ранчо, как делал он, словно оно нам принадлежит. Оно нам и принадлежало — на бумаге, но у нас не было отцовских связей. Мы не понимали всех правил и ограничений и не знали, кого подкупить, когда нарушали правила. Когда начались настоящие неприятности, я попытался помешать правительственным чиновникам отобрать наши владения. Идея оказалась гнилая. Судья — старый друг моего отца — предложил мне отправиться в Академию. Американский суд не обладает юрисдикцией над офицерами СоВладения.

Выбора у меня не было, и служба во Флоте СоВладения казалась тогда мне привлекательной. Я не только избавлюсь от неприятностей — я покину Землю. Мама собиралась снова выйти замуж, так что за нее можно было не волноваться. Правительство отобрало у нас ранчо, и не было никакой надежды на его возвращение. Я был достаточно молод, чтобы испыты-

вать романтические чувства, а судья Гамильтон достаточно ясно дал понять, что мне следует принять решение.

— Послушай, Хэл, — сказал он мне, — твоему отцу следовало улететь с Земли. Здесь не место таким людям. Здесь нужны люди, которые хотят безопасности, подчиняются правилам, люди, которые любят пекущееся о них государство, а не отчаянные парни, вроде твоего отца и тебя. Даже если на этот раз ты сумеешь вывернуться, все равно снова попадешь в неприятности. Тебе придется улететь, а это лучше сделать офицером СВ, чем просто колонистом.

Он был прав. Я гадал, почему он сам остается. Вероятно по тем же причинам, что и мой отец. Постарел, привык к дому, нет сил для нового старта. Я ничего не сказал, но он, должно быть, догадался, о чем я думаю.

— Я по-прежнему могу приносить здесь пользу. Я пожизненный судья — это звание у меня нельзя отобрать без очень основательных причин, и я все еще могу помогать таким парням, как ты. Здесь тебя ничего не ждет, Хэл. Будущее там. Новые миры. Их открывают ежегодно. Отслужи срок во Флоте. Посмотри мир и реши, где бы ты хотел вырастить своих детей. Где-нибудь на свободе.

Ничего другого придумать я не смог и поэтому позволил ему направить меня в Академию. Там-то все было нормально. Флот — своего рода братство. Всю жизнь я был одиночкой — не потому, что мне этого хотелось — видит Бог, мне хотелось иметь друзей! — но потому, что я никуда не вписывался. Академия — совсем другое. Трудно сказать, в чем именно. Во-первых, тут нет беспомощных, которые ноют и просят мир позаботиться о них. Не в том дело, что мы так уж пеклись друг о друге. Если твой одноклассник слаб в математике, ты ему помогаешь, а если кто-то отстает в электронике — я отставал, — отличник по этому предмету просидит с тобой всю ночь. Но если после всего этого ты не справляешься, с тобой покончено. Однако тут кроется нечто гораздо большее. Не могу объяснить ощущения общности и братства, которое испытываешь во Флоте, но оно совершенно реально, и именно его я искал всю жизнь.

Я провел там два с половиной года, и все это время мы трудились, изучая все: от ухода за оружием до основ наук, от гражданской инженерии до дорожного строительства. Закон-

чил я седьмым на курсе и получил назначение, а еще — месячный отпуск, чтобы попрощаться с матерью и своей девушкой... впрочем, девушки у меня не было; я только притворялся, будто она у меня есть. И оказался на корабле Олимпийских линий, направлявшемся в другую звездную систему.

«И вот я здесь», — подумал я, и посмотрел вниз на планету, стараясь узнать места, которые видел на карте нашей подготовительной программы. И одновременно прислушивался к тому, что говорят солдаты в помещении. Инструкторы в академии говорили нам, что офицер может многое узнать, прислушиваясь к подчиненным, но у меня было мало возможностей для этого. Три недели назад я был на пассажирском корабле, а теперь нахожусь неизвестно где, в древнем военном транспортнике, а командир части заставлял нас тренироваться так напряженно, что больше ни на что времени не оставалось.

В помещении всего несколько иллюминаторов, и все они заняты офицерами и старшими сержантами. Рядом со мной сержант Гернан описывает то, что видит. Несколько молодых морских пехотинцев, в основном новобранцы, толпятся у него за спиной. Более опытные солдаты дремлют на сиденьях.

— За городскими стенами мало что видно, — сказал Гернан. — Деревья, похожи на кустарниковые дубы. А другие, кажется, оливы. Есть пальмы. Должно быть, с Земли. Никогда не видел пальм, которые не были бы с Земли.

— Эй, сарж, а крепость видишь? — спросил капрал Рофф.

— Да. Похожа на пост СВ. Ты будешь в ней как дома.

— Мы все будем, — согласился Рофф. — Конечно. Боже, ну почему мы?

— Подарок тебе на день рождения, — сказал Гернан. — Радуйся, что сегодня уйдешь. Подумай о тех несчастных ублюдках, что остаются в этой жестянке.

Корабль сделал круг над гаванью, скользнул на коротких крыльях и опустился на воду у берега. Волны в два и больше метра создавали серьезную качку, и корабль сильно кренился. Одного из новых новобранцев тошнило. Сосед подал ему пластиковый пакет.

— Эй, Дитц! — позвал Рофф. — Хочешь жареного бекона? Солонинки? — Он улыбнулся. — Может, кусочек коровьего рубца...

— Сержант Гернан.

— Сэр!

Капитан больше ничего не сказал. Он сидел впереди, в десяти рядах от меня, и я не думал, что он прислушивается, но не удивился. За последние три недели я понял: немногое ускользает от внимания капитана Джона Кристиана Фалькенберга.

Гернан позади меня напряженно сказал:

— Рофф, еще одно слово...

Приятель Дитца достал новый пакет. Больше никто не смеялся над новобранцем. Вскоре шаттл переместился в закрытую гавань, где не было волн, и все почувствовали себя лучше. Подошел длинный буксир и повел корабль к бетонному пирсу. В гавани не было никаких других кораблей, лишь несколько небольших лодок.

В помещение вошел флотский офицер, огляделся и отыскал Фалькенберга.

— Сэр, губернатор просит, чтобы ваши люди в полном вооружении помогли переправить отряд заключенных.

Фалькенберг повернулся к офицеру и приподнял бровь. Затем кивнул.

— Главстаршина!

— Сэр! — отозвался Огильви с одного из последних рядов.

— Всем личное оружие. Ружья и пояса с патронами. И штыки, главный старшина. Штыки обязательно.

— Сэр.

Стало шумно: сержант Огильви и подчиненные ему оружейники открывали ящики с оружием и раздавали ружья.

— А как насчет другого вооружения? — спросил Фалькенберг.

— Об этом вы должны договориться с гарнизоном, — ответил корабельный офицер.

— Хорошо. Тогда это все?

— Да, это все, майор.

Я улыбнулся, глядя, как офицер выходит из помещения. Для флотских на борту корабля есть только один капитан, и это капитан самого корабля. Капитаны морской пехоты в пути получали временное и совершенно бессмысленное «повышение»: на время пути они становились майорами.

Фалькенберг направился к переднему люку.

— Лейтенант Слейтер. На минуту, пожалуйста.

— Сэр. — Я подошел к нему. Низкое тяготение не было заметно, пока я не вставал, но теперь я его ощутил. Здесь сила тяжести составляет восемьдесят пять процентов стандартного земного тяготения, и Фалькенберг настоял на том, чтобы на всем протяжении пути капитан корабля поддерживал на ободе вращающегося колеса тяготение на уровне ста десяти процентов. Морякам это не понравилось, но они выполнили его просьбу, и Фалькенберг постоянно тренировал нас на участках с высоким тяготением. И теперь мы чувствовали, что без труда можем плавать.

Я мало что знал о Фалькенберге. Служебное досье свидетельствовало, что у него был опыт службы во Флоте, затем его перевели в морскую пехоту. А теперь он на гарнизонной службе. Такие частые передвижения — два перемещения за карьеру — могут означать, что он нигде не уживается. Но у него звание. Он награжден Военным крестом, хотя в досье не говорилось, за что. Но говорилось, что в Академию он поступил в пятнадцать лет и закончил ее гардемарином.

Впервые я увидел его на пересадочной станции Бетио. Эта станция — всего лишь безвоздушная скала, которую Флот использует в качестве ремонтной базы и склада. Оттуда открывается удобный доступ к нескольким важным звездным системам, но больше там ничего нет. Я там оказался сразу после выпуска, по пути в штаб сектора Круцис с назначением во флотскую морскую пехоту. Этим назначением я гордился. Из всех трех видов морской пехоты флотская считается элитой. Гарнизонные части обычно служат для подавления мятежей. А линейные морские пехотинцы выполняют всю остальную грязную работу. Сами линейные считают элитой себя, и действительно, на их долю выпадает большая часть настоящих боевых действий. Я не знал, предстоят ли нам на Арарате боевые действия. Я даже не знал, зачем нас туда послали. Я только знал, что Фалькенберг имел право менять назначение офицеров, и меня выдернули из моей удобной каюты — первый класс, черт возьми! — и приказали явиться к нему на Бетио. Если он и знал, что происходит, то младшим офицерам не говорил.

Фалькенберг ненамного старше меня. Несколько недель назад мне исполнился двадцать один год, а он, может быть, пятью годами старше и уже капитан с Военным крестом. Должно быть, кто-то за ним стоит — возможно, какой-нибудь влиятельный человек, но если так, почему он в линейной морской пехоте, а не в штабе? Я не мог его спросить. Он вообще мало разговаривал. Не был недружелюбен, но казался холодным и отчужденным и никого к себе не подпускал.

Фалькенберг высок, но я — 193 сантиметра, согласно идентификационной карточке, — выше. Там, где я рос, это называлось «шесть футов четыре дюйма». Фалькенберг, возможно, на пару дюймов ниже. Глаза у него неопределенного цвета, иногда серые, иногда зеленые, в зависимости от освещения, и кажутся очень яркими, когда он на вас смотрит. Короткие рыжеватые волосы и никаких усов. Большинство офицеров, став капитанами, отращивают усы, но Фалькенберг этого не сделал.

Мундир сидит на нем как влитой. Мне казалось, что для военного у меня хорошая фигура, однако я внимательно изучал покрой его одежды. Изучал также манеру его поведения, думая, удастся ли мне ему подражать. Я не был уверен, что он мне нравится или что я действительно хочу ему подражать, но я сказал себе, что всякий, кто сумел до тридцати лет стать капитаном, заслуживает по крайней мере внимательного изучения. На службе полно сорокалетних лейтенантов.

Он не казался крупным или особенно сильным, но я знал, что это впечатление обманчиво. Я сам не хиляк весом в сорок килограммов, но на тренировке без оружия он легко бросил меня на пол, а ведь это было при стопроцентном тяготении.

Когда я присоединился к нему у переднего люка, он улыбался.

— Вы когда-нибудь думали, лейтенант, о том, что каждое поколение военных после Первой мировой войны считало себя последним, кому придется пользоваться штыками? — Он махнул в ту сторону, где Огильви продолжал раздавать ружья.

— Нет, сэр, не думал.

— Мало кто об этом думает, — сказал Фалькенберг. — Мой старик был университетским профессором СоВладения и считал, что я должен изучить военную историю. Вы только

подумайте: оружие, придуманное для того, чтобы превращать мушкет в пику, по-прежнему на вооружении, когда мы отправляемся на войну в звездолетах.

— Да, сэр...

— Потому что оно полезно, лейтенант, как вы сами когда-нибудь узнаете. — Улыбка исчезла, и Фалькенберг заговорил тише. — Но, конечно, я пригласил вас не для того, чтобы поговорить о военной истории. Хочу, чтобы люди видели, что мы совещаемся. Надо поручить им что-нибудь такое, что должно их встревожить. Они знают, что мы высаживаемся вооруженными.

— Да, сэр...

— Скажите, Харлан Слейтер, как вас называют?

— Хэл, сэр. — Мы провели на корабле двадцать один день, и Фалькенберг впервые задал мне вопрос. Это многое говорит о нем.

— Вы старший лейтенант, — сказал Фалькенберг.

— Да, сэр. Но это ни о чем не говорит: остальные лейтенанты все окончили Академию, и я старше их по званию только потому, что стоял выше в рейтинге выпускников.

— Соберите остальных офицеров и стойте у трапа, пока мы провожаем колонну заключенных. Затем, когда мы двинемся в крепость, пойдете замыкающим. Сомневаюсь, чтобы был транспорт. Придется идти пешком.

— Да, сэр.

— Вы не поняли. Если что-то не поняли, спросите. Вы обратили внимание на состав нашего отряда, мистер Слейтер?

— Откровенно говоря, капитан, у меня недостаточно опыта, чтобы судить, — ответил я. — У нас много новобранцев...

— Да. Они меня не тревожат. Не тревожат и опытные солдаты, которых я привез с собой на Бетио. Но что касается остальных, у нас тут собрались завсегдатаи гауптвахт с половины сектора. Вряд ли они дезертируют в первые же часы после прибытия, но я хочу быть абсолютно уверен. Поэтому их снаряжение останется на корабле, и мы поведем их походным строем. К вечеру я передам отряд полковнику Харрингтону, и тогда это будет его забота, но пока ответственность на мне, я постараюсь, чтобы каждый солдат добрался до крепости.

— Понятно. Да, сэр. — Вот почему он в свои годы капитан и выполняет самостоятельное поручение. Он эффективно действует. Мне хотелось бы стать таким же. А может, мне это только казалось. Я не был уверен, чего хочу на самом деле. Армейская служба СВ не была моей мечтой, но теперь, оказавшись на ней, я хотел, если возможно, действовать правильно. У меня были сомнения относительно того, что делает СоВладение; я был рад, что не получил назначение в одну из частей, которые подавляют мятежи на Земле, но я не знал, чем можно было бы заменить СВ и Большой Сенат. В конце концов, мы сохраняем мир, и дело того стоит.

— Открывают люк, — сказал Фалькенберг. — Главстаршина!

— Сэр!

— Походный строй колонной по четыре.

— Сэр. — Огильви начал выкрикивать приказы. Солдаты спускались по трапу на бетонный причал, а я смотрел на них сверху из люка.

Снаружи было жарко, и через несколько минут я вспотел. Солнце казалось красно-оранжевым и очень ярким. После тесных помещений корабля, куда набилось множество людей и где было слишком мало воды, чтобы как следует помыться, запахи планеты приносили облегчение. Арарат обладал специфическим запахом, сладковатым, как аромат цветов, с оттенком влажной зелени. К этому примешивались резкие запахи соленого моря и гавани.

На уровне моря — всего несколько зданий. Сам город располагался высоко над гаванью, на вершине холма. На ровной узкой полоске сразу над морем — только склады, но улицы широкие, и между домами большие промежутки.

Моя первая чужая планета. Она не показалась мне очень уж чужой. Я ожидал чего-нибудь экзотического, вроде морских чудищ или необычных растений, но ничего подобного из люка не было видно. Я сказал себе, что все это будет позже.

Прямо перед кораблем виднелось большое здание. Двухэтажное, с нашей стороны ни единого окна. В центре стены — большие ворота, а по четырем углам сторожевые башни. Похоже на тюрьму. Я знал, что это и есть тюрьма, но какой в ней смысл? Вся эта планета кажется тюрьмой.

* * *

На причале ждал взвод местной милиции. Все в тусклых серых комбинезонах, резко отличающихся от синих и алых мундиров морских пехотинцев СоВладения, в которых те спускались по трапу. Фалькенберг немного поговорил с местными, затем главный старшина Огильви отдал приказ и морские пехотинцы выстроились двойной линией, которая протянулась от трапа до самых тюремных ворот. Огильви отдал новый приказ, и пехотинцы примкнули штыки.

Они прекрасно с этим справились. Вы бы ни за что не сказали, что в основном это новобранцы. Даже в тесных помещениях корабля Фалькенберг сумел превратить их в образцовое подразделение. Однако цена оказалась высока. Двадцать восемь новобранцев покончили с собой, а еще сотню пришлось отчислить и присоединить к заключенным. Нам говорили в Академии, что есть только один способ подготовить хорошего морского пехотинца: муштровать его так, чтобы он гордился тем, что выжил, и видит Бог: Фалькенберг верил в эту методу. В лекционном зале на Лунной базе она казалась гораздо более разумной.

Однажды поутру у нас приключилось четыре самоубийства. В числе самоубийц был регулярный линейный солдат, совсем не новобранец. Я был дежурным офицером, когда обнаружили его тело. Его сняли с угла, где он висел, но веревка исчезла. Я попытался ее отыскать и даже расспросил всех, кто был в помещении, но никто ничего не сказал.

Позже ко мне подошел главный старшина Огильви.

— Вам не найти веревку, лейтенант, — сказал он мне. — Ее уже разрезали на десять частей. Этот человек был награжден медалью. Веревка, на которой он повесился? Она приносит удачу, сэр. Ее разобрали по кускам.

Все это убедило меня в том, что мне предстоит еще многое узнать о линейных морских пехотинцах.

Открылся передний люк, и начали выходить заключенные. Официально все они считались осужденными или членами семей транспортных работников, которые добровольно сопровождают заключенных. Но в поисках новобранцев мы побывали в тюремной части корабля и выяснили, что там есть

заключенные, которые никогда не были под судом. Их схватили во время одной из облав Бюро Переселения и включили в число колонистов по принуждению.

Заключенные были грязные и оборванные. Большинство в комбинезонах БП. Некоторые несли жалкие маленькие свертки — все свое имущество. Они смущенно толпились на ярком солнечном свете, но, повинуясь окрикам корабельных офицеров, двигались вниз по трапу и по причалу, сквозь строй солдат, стараясь держаться вместе, отшатываясь от штыков. Постепенно все они добрались до больших тюремных ворот. И я задумался: «Что их там ждет?»

Большинство заключенных мужчины, но немало женщин и девушек. И гораздо больше детей, чем мне хотелось бы видеть в подобной толпе. Мне это не понравилось. Не для того я пошел в армию СоВладения.

— Высокая цена, верно? — раздался позади меня голос. Дин Ноулз. Мы вместе учились в Академии. Невысокий парень, едва прошел при приеме, и черты лица такие тонкие, что он кажется красавцем. Я знал, что женщинам Ноулз нравится, и он их любит. Он должен был закончить вторым на курсе, но набрал так много плохих отметок по поведению за то, что убегал на свидания с подружками, что съехал вниз на двадцать пять номеров. Потому я и обошел его. Думаю, он раньше меня станет капитаном.

— Высокая цена за что? — спросил я.

— За чистый воздух, небольшое население и другие блага, которыми пользуется Земля. Иногда я сомневаюсь, стоит ли оно того.

— Но какой у нас выбор? — спросил я.

— Никакого. Ничего другого нет. Вывози лишнее население — пусть где-нибудь само заботится о себе. В конечном счете это правильно; но когда смотришь на результаты, перестает так казаться. Смотри. Сюда идет Луис.

К нам присоединился Луис Боннимен, тоже наш однокурсник. Луис заслуженно занял двадцать четвертое место в списке выпускников. Он франко-канадец, хотя большую часть жизни провел в США. Луис фанатичный сторонник СВ и не желает слушать ни о каких сомнениях в политике СВ, хотя для всех нас эта политика не имеет никакого значения. В Ака-

демии нам вбили в голову: «На Флоте нет никакой политики». А позже инструктора перевели это нам более понятным образом: «Флот — наша родина». Мы могли сомневаться во всем, что делает Большой Сенат, — пока остаемся рядом с товарищами и выполняем приказы.

Мы стояли и глядели, как колонистов ведут в тюрьму. Потребовался целый час, чтобы завести туда две тысячи человек. Наконец ворота закрылись. Огильви отдал новый приказ, пехотинцы отстегнули штыки, потом построились колонной по восемь и пошли по дороге.

— Ну, друзья-мушкетеры, — сказал я, — пора и нам. Придется подниматься на холм, а никакого транспорта явно нет.

— А как же моя артиллерия? — спросил Дин.

Я пожал плечами.

— По-видимому, что-нибудь подготовят. Во всяком случае это проблема Джона Кристиана Фалькенберга. А у нас нет других дел, кроме...

— Кроме как предупреждать дезертирство, — сказал Луис Боннимен. — И нам лучше этим заняться. Ваше оружие заряжено?

— Да оставь, Луис, — сказал Дин.

— Обратите внимание, — ответил Луис. — Заметили, как Фалькенберг построил солдат? Вспомните, что багаж еще на борту. Тебе может не нравиться Фалькенберг, Дин, но ты должен признать, что он предусмотрителен.

— Между прочим, Луис прав, — согласился я. — Фалькенберг говорил о дезертирах. Но он считает, что много их не будет.

— Вот видите, — сказал Луис. — Он никого не упускает из виду.

— Кроме нас, — сказал Дин Ноулз.

— Что ты хочешь этим сказать? — Луис перестал улыбаться и приподнял брови.

— Да ничего, — ответил Дин. — Да и что может теперь сделать Фалькенберг? Однако, парни, вы, наверно, не знаете, зачем нас позвал сюда местный командир гарнизона?

— Конечно, нет, — сказал Луис.

— А ты как узнал? — спросил я.

— Очень просто. Если хочешь узнать какую-то военную тайну, поговори с сержантами.

— И что же? — спросил Луис.

Дин улыбнулся.

— Пошли, мы отстаем. Похоже, нам придется пройти по всему холму. Никакого транспорта для офицеров. Позор.

— Будь прокляты твои глаза, Дин! — сказал я.

Ноулз пожал плечами.

— Ну, комендант просил прислать целый полк и военные корабли-истребители. А вместо этого получил нас. Интересно, действительно ли ему нужен полк? Пошли, парни.

V

Моя голова похожа на проволочную спираль,
И мне кажется, что я умираю,
Но до этого выпью как следует
И поставлю капралу фонарь под глазом...

— Очень красочно, — сказал Луис. — Хорошо поют, верно?

— Заткнись и шагай, — ответил Дин. — Дьявольская жара.

Мне жара не казалась такой уж страшной. Разумеется, наше белье не предназначено для марш-бросков по горячим планетам. Но могло быть и хуже. Нам могли бы приказать надеть бронежилеты.

С войсками не было никаких проблем. Солдаты маршировали и пели, как настоящие регулярные, хотя половина из них была новобранцами, а остальные — постояльцами гауптвахт. И если кто-то из них думал сбежать, то ничем себя не выдавал.

У меня под головой плащ,
И мне открывается прекрасный вид на двор,
Мы здесь тридцать дней,
У нас отросли бороды и нет вина,
Чтобы выпить и сражаться,
Напиться до чертиков и сражаться!

— Любопытно, — сказал Луис. — Половина из них никогда не видела гауптвахту.

— Думаю, скоро увидят, — отозвался Дин. — Боже милосердный, вы только поглядите!

Он показал на ряд дешевых домов на берегу реки. Не было никаких сомнений в том, что здесь продается. Девушки, одетые соответственно жаре, сидели на подоконниках и махали проходящим солдатам.

— Мне казалось, на Арарате засилье священников, — сказал Луис Боннимен. — Что ж, мы без труда найдем множество дезертиров — по крайней мере в первую ночь.

Гавань располагалась к северу от широкой реки, которая к востоку от города превращалась в дельту. Дорога вела от гавани в глубину суши, городской утес оставался справа от нас. Прошло очень много времени, прежде чем мы повернули к городским воротам.

Здесь были устройства для обслуживания космических шаттлов, несколько речных лодок, склады, но мне показалось, что особой активности не видно. И я еще подумал: почему бы это? Насколько помню, на Арарате нет железных дорог, очень мало шоссе, а аэродромов я вообще не видел.

Пройдя с километр в глубь местности, мы резко свернули вправо, на другую дорогу, и начали подниматься на утес. По склону утеса располагался настоящий муравейник ветхих домов и переулков, потом — открытое пространство перед высокой городской стеной. У ворот в караулке обретались несколько милиционеров в неброских мундирах. Другие милиционеры патрулировали стены. За воротами находилась Гармония, очередной муравейник домов и магазинов, не очень отличающийся от того, что снаружи, но несколько лучше содержащийся.

На тридцать метров по обеим сторонам от главной дороги тянулись расчищенные полосы, за которыми начинался хаос. Торговые киоски, дома, портняжные мастерские, магазины электроники, кузница с ручными мехами и горном, магазин, продающий электромоторы, и другой, торгующий солнечными батареями, гончарная мастерская со станком на ножном приводе, где женщина лепила горшки из глины, ювелир, точильщик ножей — это разнообразие ошеломляло

и никак не вязалось с тем, что можно ожидать на планете-фронтире.

Повсюду анахронизмы, но я к ним привык. Вся воинская служба пронизана контрастами. И среди этих контрастов — степень развития колоний; у многих из них нет промышленной базы, а некоторые ее и не хотят. Но есть и другая причина. Разведывательная служба СоВладения выдает обязательные лицензии на все научные разработки и старается подавить все, что может иметь военное применение. Союз США-СССР господствует и не хочет, чтобы новые открытия нарушили равновесие. Он может остановить все что угодно, но ему это ни к чему, пока Большой Сенат контролирует все бюджеты, все доходы и расходы и может как угодно изменять патентные законы.

Мы знали, что так не может продолжаться вечно, но не хотели об этом думать. На Земле правительства США и Советского Союза ненавидят друг друга. Единственное, что им ненавистно еще больше, — это мысль о том, что кто-нибудь, вроде Китая, Японии или Объединенных Эмиратов, станет настолько силен, что сможет приказывать. Флот охраняет непрочный мир, основанный на шатком союзе.

Жители Гармонии были всех цветов и рас, из магазинов долетали крики на десятке языков. Все работали под открытым небом или торговали в уличных киосках. Когда мы проходили мимо, работу бросали и смотрели на нас. Из портняжной мастерской вышел старик и снял шляпу с широкими полями.

— Да благословит вас Господь, солдаты! — крикнул он. — Мы вас любим!

— Вот ради этого мы и пошли на службу, — сказал Дин. — Не для того чтобы гоняться за шайкой неудачников через полгалактики.

— Двадцать парсеков — это не полгалактики, — заметил я.

Он скорчил гримасу.

— Интересно, почему все так нам радуются? — спросил Луис. — И вид у них голодный. Как можно быть такими худыми в этом сельскохозяйственном раю?

— Невероятно, — сказал Дин. — Луис, тебе нужно научиться замечать важные детали. Например, прочитать список личного состава местного гарнизона.

— А когда я мог это сделать? — спросил Боннимен. — Фалькенберг заставлял нас работать по двенадцать часов в день...

— Надо было использовать остальные двенадцать, — сказал Дин.

— А что, о мудрейший, узнал ты из гарнизонного списка? — спросил я.

— Что командиру гарнизона за семьдесят и в его штате только один семидесятитрехлетний майор, а также шестидесятидвухлетний капитан. К тому же самому молодому офицеру морской пехоты на Арарате за шестьдесят, а младшие офицеры есть только в милиции.

— Ба! Служба для отставников, — сказал Боннимен. — Так зачем им понадобился полк?

— Не будь дураком, Луис, — ответил Дин. — Конечно, потому что они столкнулись с чем-то таким, с чем не могут справиться силами своей милиции и престарелых офицеров.

— А это значит, что справляться придется нам, — сказал я. — Только, разумеется, у нас нет полка, а чуть меньше тысячи морских пехотинцев, три младших офицера и капитан с Военным крестом — и больше ничего, если только местная милиция не способна хоть на что-нибудь. Герои пришли.

— Да. Отлично, верно? — Согласился Дин. — Я надеюсь, что женщины будут настроены дружелюбно.

— И это все, о чем ты способен думать? — сердито спросил Луис.

— А что тут еще делать? Маршировать под солнцем?

Под навесом придорожного кафе стоял молодой горожанин в темной одежде церковного типа. Он поднял руку в жесте благословения. Группа детей приветственно закричала.

— Приятно, когда тебя любят, — сказал Дин.

Вопреки насмешливому тону, он говорил серьезно. И действительно — приятно, когда тебя любят. Я вспомнил свое последнее посещение Земли. Там полно мест, куда офицеру СВ нельзя зайти без взвода солдат. А здесь мы нужны людям. «Паладины», — подумал я и посмеялся над собой, представив, что сказали бы Дин и Луис, если бы я произнес это вслух. Но в то же время мне было любопытно, не думают ли они так же.

— У них не очень развит транспорт, — заметил Луис.

— Если не считать этих. — Дин указал на желоб с водой, возле которого были привязаны пять лошадей. Были здесь и два верблюда и животное, похожее на нечто среднее между верблюдом, лосем и мулом, с большими плоскими ступнями и нелепыми рожками.

Должно быть, местное животное — первое встреченное животное с этой планеты. Мне было интересно, как его называют и как одомашнили.

Моторного транспорта почти не было: несколько грузовиков и один старый вездеход без верха; все остальное передвигалось на животных. Мы видели фургоны, и всадников на лошадях, и двух женщин в комбинезонах на мулах.

Боннимен покачал головой.

— Похоже на помесь американского Дикого Запада, средневекового Парижа и сцен из «Тысячи и одной ночи».

Мы рассмеялись, но Луис был очень близок к истине.

Арарат открыли вскоре после того, как первые исследовательские корабли покинули Землю. Планета оказалась пригодной для обитания, и хотя в окрестностях Земли таких нашлось несколько, на Арарат отправили экспедицию, чтобы определить, какими природными богатствами планеты можно воспользоваться.

Никаких богатств не оказалось. Здесь произрастали земные растения и могли жить люди, но никто не собирался вкладывать деньги в сельское хозяйство. Перевозить продовольствие по межзвездному пространству — самый простой способ обанкротиться, если только поблизости нет рынка с ценными минералами и без сельского хозяйства. А вблизи этой планеты вообще не было никаких потребителей.

Компания «Американ экспресс» с самого открытия планеты владела правами на ее заселение. «АмЭкс» продала эти права церковному объединению. Всемирная федерация церквей назвала планету Арарат и стала рекламировать как «убежище для тех, кто не нужен на Земле». Церкви начали сбор средств для развития планеты, и поскольку это было до того, как Бюро Переселения развернуло свою программу принуди-

тельной колонизации, помощь церквям оказывали большую. Благотворительность, церковная десятина, правительственные гранты — все это оказалось очень полезно, а затем церковные группы додумались до проведения лотереи. Призом служил бесплатный перелет на Арарат для победителей и членов их семей; обнаружилось множество желающих сменить Землю на место, где есть свободная почва, много еды, тяжелой работы, нет правительства, угнетения и никакого загрязнения среды. Всемирная федерация церквей распродала десятки миллионов лотерейных билетов ценой в один кредит. И вскоре собрала достаточно денег, чтобы нанять корабли и начать перевозку людей.

Места для колонистов оказалось предостаточно, хотя пригодная для обитания территория на Арарате относительно невелика. Средняя температура на планете выше земной, и в районе экватора слишком жарко, чтобы здесь могли жить люди. А на полюсах слишком холодно. Южное полушарие почти целиком покрыто водой. И все равно в северной умеренной зоне оставалось много места. Самые хорошие условия оказались в районе дельты, где и была основана Гармония. Здесь климат напоминал земное Средиземноморье. Дожди шли нерегулярно, но колония процветала.

У церквей было мало денег, но планета не нуждалась в тяжелой промышленности. Вместо тракторов привозили животных — согласно теории о том, что лошади и коровы могут воспроизводить себе подобных, тракторы же производят только топливные отходы и смог. Промышленность была не нужна: Арарату предстояло стать местом, где каждый человек может возделывать свой виноградник и сидеть в тени своей смоковницы. Некоторые члены правящего совета Федерации церквей на дух не переносили промышленную технологию — впрочем, никто ее не любил и в ней действительно не было потребности. Планета легко могла прокормить гораздо больше, чем три четверти миллиона колонистов, посланных церквями.

А потом произошла катастрофа. Исследовательский корабль нашел в астероидном поясе системы Арарата торий и другие ценные минералы. Разумеется, это обернулось катастрофой не для всех. «Американ экспресс» был доволен; до-

вольна была и компания «Кенникотт металз», купившая права на разработку; но для церковных групп открытие оказалось губительным. Прилетели шахтеры, и начались неприятности. Арарат оказался единственным местом, где шахтеры могли отдохнуть и развеяться, а места, где нравится развлекаться шахтерам, совсем не нравились Федерации церквей. «Святоши» и «Пróклятые» обвиняли друг друга и засыпали Большой Сенат жалобами и просьбами о помощи. А тем временем содержательницы публичных домов, игроки и изготовители алкогольных напитков принялись за работу.

Но и это было не самое плохое. Жалоба Федерации церквей в Большой Сенат затерялась где-то в бюрократических закоулках СВ, а чиновники Исправительного Бюро заметили, что с Земли на Арарат устремляется множество пустых судов. Обратно они привозили очищенный торий, а вот уходили без груза... у ИспБюро множество заключенных, которых некуда поместить, содержать же — дорого. И ИспБюро подумало: а почему бы не отправлять заключенных на Арарат и там освобождать их? Земля избавится от них. Это гуманно. И что еще лучше, церкви не могут возражать против освобождения людей...

Чиновник ИспБюро, додумавшийся до этого, получил повышение, а Арарат — больше полумиллиона преступников и осужденных, большинство из которых никогда не жили за пределами большого города. Они ничего не знали о сельском хозяйстве и поселились в Гармонии, где старались заработать на жизнь, чем могли. Результат можно было предсказать заранее. Вскоре уровень преступности в Гармонии стал самым высоким в истории человечества.

Ситуация для «Кенникотт металз» стала непереносимой. Шахтеры отказывались работать без отпуска на планете, но в Гармонии проводить его боялись. Их профсоюз потребовал принятия мер, и «Кенникотт» обратился в Большой Сенат. На Арарат направили полк морской пехоты СоВладения. Оставаться долго военные не могли, но это и не требовалось. Они окружили Гармонию прочными стенами и пристроили еще один город — Гаррисон.* А потом пехотинцы выпроводили всех осужденных за пределы городских стен.

---

* Гарнизон (*фр.*). — *Прим. перев.*

Это решение не собирались делать постоянным. СоВладение назначило губернатора — вопреки возражениям Всемирной федерации церквей. Колониальное Бюро начало подготовку к посылке группы правительственных судей, полицейских, техников и специалистов по развитию промышленности, чтобы Арарат смог обеспечить занятость толпам людей, отправляемых Исправительным Бюро. Но прежде чем эти люди прибыли на планету, «Кенникотт» обнаружил в системе вблизи Земли еще более ценный источник тория, шахты Арарата были законсервированы и у Большого Сената СоВладения исчезли всякие причины интересоваться положением на планете. Гарнизон морских пехотинцев был отозван, оставили несколько офицеров, чтобы тренировать местную милицию, которой предстояло защищать стены Гармонии-Гаррисона.

— Ты чем так озабочен? — спросил Дин.

— Да просто вспомнил, что нам рассказывали о планете, когда инструктировали. Ты не один учился, — ответил я.

— И к какому заключению ты пришел?

— Ни к какому. Думаю, людям здесь нравится жить как в тюрьме. Осужденные снаружи, горожане внутри. Замечательно.

— Может, в городе есть тюрьма, — сказал Луис. — Получится тюрьма в тюрьме.

— Забавно, — заметил Дин.

Мы шли молча, слушая стук сапог впереди, пока не добрались до новой стены. Здесь у ворот тоже стояли караульные. Через ворота мы прошли в меньший город — Гаррисон.

— Почему они не прислали транспорт за офицерами? — удивился Луис Боннимен. — Тут есть грузовики.

Их было немного, но гораздо больше, чем в Гармонии. Большинство машин — военные транспортные вездеходы. И много фургонов.

— Маршируй или умри, Луис. Маршируй или умри, — усмехнулся Дин.

Луис что-то ответил вполголоса. «Маршируй или умри» — лозунг старого французского Иностранного легиона, а линейные морские пехотинцы — прямые потомки этого ле-

гиона, перенявшие множество его традиций. Боннимен не мог вынести мысль о том, что в чем-то не соответствует стандартам службы.

По рядам марширующих солдат передали приказы.

— Будьте похожи на морских пехотинцев! — крикнул Огильви.

— А вот и Фалькенберг, — сказал Дин.

— Как раз вовремя, — ответил ему Луис. — Впереди крепость.

— Прекратить разговоры в строю! — приказал Огильви.

«Еще одна традиция легиона, — подумал я. На дверях большей части помещений в казармах линейных морских пехотинцев есть медная пластинка. На ней написано: «ВЫ МОРСКИЕ ПЕХОТИНЦЫ, ВАША ЦЕЛЬ — УМЕРЕТЬ, И ФЛОТ ПОШЛЕТ ВАС ТУДА, ГДЕ ВЫ СМОЖЕТЕ УМЕРЕТЬ». Наследие La Legion Étrangère.* Когда я в первый раз увидел эту надпись, она показалась мне возвышенной и романтичной, но теперь я сомневаюсь в том, насколько это серьезно».

Солдаты шли в неторопливом строе линейной морской пехоты. Конечно, это не быстрый шаг, но мы можем так идти очень долго, когда солдаты других частей уже падают от усталости.

Наша кровь в грязи двадцати пяти планет,
И еще на десятке других мы строили дороги,
И все, что мы получим в конце срока службы,
Позволит нам купить одну ночь с дешевой шлюхой.
Земли, которые мы завоевываем, Сенат отдает назад.
И так бывает чаще, чем наоборот,
Но чем больше убито, тем меньше тех,
на кого делят добычу,
И мы больше никогда не вернемся сюда.
Мы разобьем сердца ваших женщин и девушек
И можем надрать вам зад,

---

* Иностранный легион (*фр.*). — *Прим. перев.*

А потом морские пехотинцы
с развернутыми знаменами
Пойдут за этими знаменами в ад.
Мы знаем дьявола, его великолепие и его работу,
О, да! Мы хорошо его знаем!
И когда ты отслужишь свой срок в морской пехоте,
Можешь послать Сенат к дьяволу!

— Возможность, которая есть у всех нас, — сказал Дин. — И мне бы хотелось поскорее. Интересно, что им нужно от нас здесь?

— Думаю, скоро узнаем, — ответил я.

Тогда мы выпьем с товарищами и сбросим ранцы,
Будем десять лет валяться на спине,
А потом услышим: «В полном снаряжении» и
«Долой с коек!».
«Вы должны построить новую дорогу через ад!»
Флот — наша родина, мы спим с ружьями,
Но никому еще не удавалось зачать с ружьем сына.
Нам платят джином и проклинают нас,
когда мы грешим,
Никто не сдержит нас, если мы по ветру.
Когда мы проигрываем, нас расстреливают,
А когда побеждаем, выпроваживают.
Но мы хороним наших товарищей там, где они гибнут,
И никто не может устоять перед нами, никто.

VI

Офицерские помещения располагались вдоль восточного края плаца. Ничего особенного в этой крепости не было. Она не может противостоять современному оружию и похожа на театральную декорацию. Это вполне понятно: ведь ее строили из местных материалов под руководством офицеров, у которых инженерной подготовки было не больше, чем у меня. Построить прямоугольную крепостную стену достаточно просто, и если больше ничего не нужно, к чему усложнять задачу?

Офицерские помещения казались пустыми. Крепость строилась в расчете на размещение целого полка с большим количеством поддерживающих служб, а теперь на всей планете не наберется и десяти офицеров морской пехоты. Большинство из них живут отдельно, с семьями, а офицеры милиции вообще живут в своих городских домах. И нам предоставили очень просторные квартиры. Фалькенберг занял помещение адъютанта полка, а я — квартиру майора.

После того как солдаты принесли с корабля наши вещи, я распаковал их, но и когда закончил, квартира по-прежнему выглядела пустой. Багаж путешествующего лейтенанта невелик, а комнаты слишком просторны. Я распихал вещи и задумался, что делать дальше. Так провести первый вечер на чужой планете — это угнетает. Конечно, я бывал на Луне и на Марсе, но то совсем другое дело. Это не чужие планеты. Можно выйти наружу, и с таким же успехом можно оставаться на корабле. Я подумал: «Разрешается ли здесь уходить за пределы расположения?» — я все еще рассуждал, как кадет, а не офицер в полевой обстановке. Но действительно, что делать? Никаких инструкций мы не получили, и я решил подождать.

Кто-то постучал в дверь, и она открылась. Вошел пожилой рядовой. Он годился мне в отцы. На нем прекрасно сидел мундир — поношенный мундир. На рукаве множество нашивок.

— Рядовой Хартц, зэр. — Он говорил с сильным акцентом, но не чистым: в его речи смешивалось множество акцентов. — Главный старшина назначил меня вашим денщиком.

«И что мне с ним делать?» — подумал я. Нельзя проявлять нерешительность. Я не мог вспомнить, видел ли я его на корабле или он из местного гарнизона. Фалькенберг никогда не оказался бы в такой ситуации. Он бы знал. Солдат навытяжку стоял у двери.

— Вольно, Хартц, — сказал я. — Что я должен знать об этом месте?

— Не знаю, зэр.

«То есть он здесь тоже новичок или хочет что-то утаить от офицера...» — я не мог решить, что выбрать.

— Выпить хочешь?

— Да, зэр, спасибо.

Я отыскал бутылку и поставил на туалетный столик.

— Всегда оставляй мне немного. А в остальном пользуйся свободно.

Он сходил в ванную за стаканами. Я не знал, где что помещается, я вообще не знаком с офицерскими квартирами. Может, Хартц знаком, но я никакой информации от него не получил. Он плеснул себе виски.

— Лейтенант выпьет?

— Конечно. — Я взял у него стакан. — Твое здоровье.

— *Прозит.* — Он выпил залпом. — Вижу, лейтенант уже распаковался. Сейчас немного приберусь. С вашего разрешения, зэр.

Он прошелся по комнате, передвинул мои запасные сапоги на два дюйма влево, перевесил бронежилет с одного края шкафа в другой, достал парадный мундир и дюйм за дюймом просмотрел его.

Денщик был мне не нужен, но я не мог просто отослать его. Мне полагается денщик, потому что мне предстоит полевая операция. «Если предстоит, — подумал я. — К черту».

— Пойду в офицерскую столовую, — сказал я. — Можешь пользоваться выпивкой, но оставь мне на ночь две порции.

— Зэр.

Я чувствовал себя идиотом: собственный ординарец выгнал меня из квартиры, но что мне оставалось? Он явно не собирался успокаиваться, пока не просмотрит все мои вещи. Вероятно, пытается продемонстрировать заботливость. Денщикам платят немного больше, и это хорошая служба для солдата, который любит выпить. Я был уверен, что смогу ему доверять. Насколько помню, я никогда не сомневался в решениях Огильви и не сопротивлялся им. Нужно быть полным дураком, чтобы не ладить с главным старшиной.

Отыскать офицерский клуб оказалось нетрудно. Как и все остальное, он строился в расчете на полк, и это оказалось большое здание. Внутри меня ждал сюрприз. Меня встретил капрал, в котором я узнал одного из прилетевших с нами. Я направился к бару, где заметил нескольких офицеров милиции, но капрал меня остановил.

— Прошу прощения, сэр. Клуб морских пехотинцев в той стороне. — Он указал на коридор.

— Я думал выпить с офицерами милиции, капрал.

— Да, сэр. Главный старшина приказал мне предупредить всех офицеров, сэр.

— Понятно. — Я ничего не понял, но не собирался спорить с капралом, и не было смысла упрямиться. И я прошел по коридору в клуб морских пехотинцев. Здесь уже был Дин Ноулз. Он был один, если не считать официанта — опять-таки солдата из нашего отряда. В клубе милиции официант был штатский.

— Добро пожаловать в веселую жизнь, — сказал Дин. — Виски хочешь? Есть еще терпимый бренди. Ради Бога, сядь и поговори со мной.

— Вижу, капрал Ханснер и тебя остановил, — сказал я.

— Весьма эффективно. Я знал, что во Флоте кастовая система доведена до крайности, но это уже перебор. Здесь всего десяток офицеров, даже включая наши величественные особы. Придется создавать собственный клуб.

Я пожал плечами.

— Может, это офицеры милиции не хотят с нами общаться?

— Вздор. Даже если они нас ненавидят, им все равно хочется послушать новости с Земли. А мы, тем временем, расспросили бы о ситуации здесь. Что будешь пить?

— Попробую бренди, — сказал я официанту. — А кто обслуживает, когда ты в наряде?

— Не знаю, сэр. Меня прислал главный старшина...

— Ну, конечно. — Я подождал, пока официант отойдет. — Если уж главный старшина начинает о нас заботиться, то делает это тщательно. У меня жуткий денщик...

Дин рассмеялся:

— Один из стариков? Да. Я так и думал. Мой тоже. Монитор Арман Кубьяк, к моим услугам, сэр.

— Мне прислали всего лишь рядового.

— Ну, по крайней мере Огильви соблюдает старшинство, — сказал Дин. — Твое здоровье.

— Твое. Неплохой бренди. — Я поставил стакан и начал говорить что-то еще, но Дин меня не слушал. Он смотрел на дверь, и спустя мгновение я тоже повернулся в том направле-

нии. — Знаешь, кажется, более красивой девушки я никогда не видел.

— Может соперничать с любой, — ответил Дин. — Она идет к нашему столику.

— Очевидно.

Мы встали.

Она определенно искала нас. Высокая. Голова на уровне моего подбородка, так что с учетом высоких каблуков она выглядела выше Дина. Льняное платье. Голубое, под цвет глаз, и похоже, никогда не бывало под солнцем. Платье чистое, отглаженное и выглядит прохладным. Те немногие женщины, которых мы видели на марше, были одеты в поношенные платья с длинными юбками мрачных расцветок. Волосы локонами падают на одно плечо. На правом пальце большое золотое кольцо с печаткой.

Выглядела она так, словно это место принадлежит ей. И, очевидно, привыкла всегда поступать по-своему.

— Надеюсь, вы ищете нас, — сказал Дин.

— Так и есть.

«У нее очень приятная улыбка. Дорогая улыбка», — решил я.

— Что ж, у вас хороший вкус, — сказал Дин.

Не знаю, как у него это получается. Наверно, какая-то телепатия. Он не говорит девушкам ничего особенно умного. Я это знаю, потому что изучал его технику еще в Академии. Мне казалось, этому можно научиться, как можно научиться тактике, но ничего подобного. Неважно, что говорит Дин, и вроде бы неважно, как он это говорит. Он может болтать, молчать или даже вести себя оскорбительно. А в следующий миг вы видите, что девушка уходит с ним. Если ей приходится отменить свидание — так бывало, — она его отменяет.

Будь я проклят, если позволю, чтобы так получилось и на этот раз. Но у меня было неприятное ощущение, будто я заранее обречен на поражение и ничего не добьюсь. Вдобавок я не мог придумать, что ей сказать.

— Меня зовут Дин Ноулз. А это лейтенант Слейтер, — сказал Дин.

«Вот свинья», — подумал я и постарался улыбнуться, когда она протянула руку.

— А я Ирина Суэйл.

— Значит, вы дочь губернатора, — сказал Дин.

— Совершенно верно. Я могу сесть?

— Прошу. — Дин придержал ее стул, прежде чем я сумел подойти к нему. Это еще больше смутило меня. Мы сели, и к нам подошел рядовой Доннелли.

— Мне «Иерихон», — сказала Ирина.

Доннелли не понимая смотрел на нее.

— Он прилетел с нами, — пояснил я, — и не понимает, что вы заказали.

— Это вино, — объяснила она. — Я уверена, что здесь есть еще несколько бутылок. Обычно его не охлаждают.

— Да, мэм, — сказал Доннелли. Он отошел к бару и принялся разглядывать бутылки.

— Мы как раз думали, чем бы заняться, — сказал Дин. — Вы спасли нас от вечной скуки.

Она улыбнулась, но за этой улыбкой крылась какая-то тень. Ей не показалось, что мы ее оскорбляем, но в то же время ей было не до забав. Мне стало интересно, что ей нужно.

Доннелли принес бутылку и рюмки.

— Это оно, мэм?

— Да. Спасибо.

Он поставил рюмки на стол и налил.

— Разрешите оставить вас, лейтенант Ноулз?

— Конечно, Доннелли. Но не уходи надолго, иначе мы разграбим весь твой бар.

— Да, сэр. — Доннелли вышел в коридор.

— Ваше здоровье, — сказал Дин. — Расскажите нам о ночной жизни на Арарате.

— Она не очень приятна, — ответила Ирина.

— Значит, скучно. Что ж, мы этого ожидали...

— Не столько скучно, сколько ужасно, — поправила Ирина. — Простите. Просто... Я чувствую себя виноватой, когда думаю о своих проблемах. Они такие мелкие. Скажите, а когда прилетят остальные?

Мы с Дином переглянулись. Я собрался что-то сказать, но первым заговорил Дин.

— Вы знаете, нам немногое рассказывают.

— Значит, это правда. Прилетели только вы, — сказала она.

— Ну, я этого не говорил, — возразил Дин. — Я сказал, что не знаю...

— Не нужно обманывать, — сказала она. — Вряд ли я шпионка. Прислали только вас, верно? Никаких боевых кораблей и никакого полка. Несколько сотен солдат и младших офицеров.

— Мне казалось, вы должны знать больше нас, — сказал я.

— Просто я не так быстро отказываюсь от надежды, как мой отец.

— Ничего не понимаю, — сказал я. — Губернатор запросил полк, но нам никто не говорил, для чего он здесь нужен.

— Разобраться в хаосе, который мы здесь создали, — ответила Ирина. — Мне казалось, они что-нибудь попытаются сделать. СоВладение превратило Арарат в настоящий ад, и мне казалось, что у них хватит... чего? Гордости? Стыда? Элементарного приличия, чтобы навести порядок раньше, чем мы вынуждены будем покинуть планету. Вижу, я ошибалась.

— Значит, положение за стенами плохое, — заметил Дин.

— Плохое? Ужасное! — ответила Ирина. — Вы даже представить себе не можете, что там происходит. Банды преступников утверждаются как правительства. И мой отец признает их! Мы заключаем с ними договоры. А колонистов рвут на части. Убийство — самое меньшее, что может с ними случиться. Вся планета впадает в варварство, и мы даже не пытаемся им помочь.

— Но ведь ваша милиция может что-нибудь сделать? — спросил Дин.

— Нет. — Она медленно покачала головой и уставилась на свою пустую рюмку. — Прежде всего, милиция не выходит за стены. И я не могу их винить. Ведь это не солдаты. По большей части хозяева магазинов. Иногда они добираются до поворота большой реки или до ближайших ферм, но ничего хорошего это не приносит. Мы пытались создать что-нибудь более постоянное, но ничего не выходит. Мы не можем защитить колонистов от банд преступников. А теперь нам приходится признавать эти банды как законные правительства!

Вернулся Доннелли и встал за стойку. Дин сделал ему знак повторить.

— Я заметил, что нас приветствовали, когда мы проходили по городу, — сказал я.

Ирина горько улыбнулась.

— Да, горожане считали, что вы сделаете безопасной торговлю с внутренними землями, освободите там их родственников. Как я хотела бы, чтобы вы могли это сделать!

Прежде чем мы смогли ответить, вошел капитан Фалькенберг.

— Добрый день, — сказал он. — Могу я к вам присоединиться?

— Конечно, сэр, — ответил Дин. — Это капитан Фалькенберг. Ирина Суэйл, капитан, дочь губернатора.

— Понятно. Добрый день. Пожалуйста, бренди, Доннелли. Составите мне компанию? Прекрасно. Доннелли, налей всем. Кстати, меня зовут Джон. В офицерской столовой только по именам, Дин... разумеется, за исключением полковника.

— Да, сэр. Прошу прощения. Джон. Мисс Суэйл как раз рассказывала нам о положении за стенами. Положение очень тяжелое.

— Да, знаю. Я половину дня провел с полковником. Может, мы сумеем что-нибудь сделать, мисс Суэйл.

— Ирина. В офицерской столовой только по именам. — Она рассмеялась. Очень приятный смех. — Я бы хотела, чтобы вы что-нибудь сделали для этих людей, но... ведь у вас всего тысяча солдат.

— Тысяча линейных морских пехотинцев, — ответил Фалькенберг. — Это не совсем одно и то же.

У нас даже и тысячи нет, сказал я себе. И большинство — новобранцы. Интересно, что имел в виду Фалькенберг. Может, просто старается произвести впечатление на дочь губернатора. Я надеялся, что это не так, потому что тон, которым он сказал это, заставил меня ощутить гордость.

— Вижу, вы сочувствуете тамошним фермерам, — продолжал Фалькенберг.

— Я ведь должна им сочувствовать? — ответила Ирина. — Даже если Хьюго — мой отец — сказал, что не может

им помочь. И я пыталась что-нибудь сделать для детей. Вы на самом деле думаете... — она замолчала.

Фалькенберг пожал плечами.

— Несомненно, мы попытаемся. Можем разместить части в самых горячих точках. Но как вы говорите, нас только тысяча человек, хотя это и тысяча морских пехотинцев.

— А что будет после вашего отлета? — спросила Ирина. В ее голосе звучала горечь. — Они отступят? Вы приехали нас эвакуировать?

— Большой Сенат обычно не обсуждает свои решения с младшими капитанами, — ответил Фалькенберг.

— Да, конечно. Но я знаю, вы привезли распоряжения Колониального управления, и Хьюго унес их в свой кабинет, чтобы прочесть... и с тех пор ни с кем не разговаривал. Он провел в кабинете весь день. Нетрудно догадаться, что в этих распоряжениях. — Ирина отхлебнула вина и мрачно посмотрела на дубовый стол. — Конечно, необходимо учитывать общую картину. Какое значение имеет одна маленькая планета с населением меньше миллиона? Арарат не представляет никакой угрозы миру, верно? Но ведь это люди, и они заслуживают чего-то лучшего, чем... Простите. Я всегда так расстраиваюсь.

— Нужно придумать, чем вас развеселить, — сказал Дин. — Расскажите о веселой жизни на Арарате.

Она криво улыбнулась.

— Это дичь. Постоянный вихрь балов и развратных пирушек. А чего вы ожидали от планеты, которую заселяли церковники?

— Город скуки, — сказал Дин. — Но теперь, когда мы здесь...

— Надеюсь, мы что-нибудь устроим, — сказала Ирина. — Я у папы секретарь по связям с общественностью. Джон, разве не принято приветствовать новые войска на официальном приеме? Мы устроим прием во дворце губернатора.

— Да, принято, — ответил Фалькенберг. — Но прием обычно устраивают в честь полка, а не разношерстного пополнения. С другой стороны, поскольку пополнение — единственные здесь представители вооруженных сил...

— Ну, есть еще наша милиция, — возразила Ирина.

— Простите, я имел в виду только морских пехотинцев. Я уверен, все будут довольны, если вы пригласите нас на прием. Можно ли его организовать, скажем, через пять дней?

— Конечно, — ответила она. И с любопытством взглянула на него. Мы — остальные — тоже. Мне в голову не приходило, что Фалькенберга могут интересовать такие вещи. — Однако мне придется начинать подготовку немедленно.

— Если срок недостаточен, мы... — начал Фалькенберг.

— Нет, все в порядке.

Фалькенберг взглянул на часы и осушил рюмку.

— Еще один круг, джентльмены, и боюсь, мне придется вас увести. Штабное совещание. Ирина, вам нужна охрана?

— Конечно, нет.

Мы поболтали еще несколько минут, затем Фалькенберг встал.

— Жаль покидать вас, Ирина, но нам предстоит поработать.

— Да, я понимаю.

— Буду благодарен, если получу официальное приглашение как можно скорее. В противном случае нам могут помешать обязанности, но, конечно, отказаться от приглашения губернатора мы не сможем.

— Начну немедленно, — пообещала она.

— Хорошо. Джентльмены, нас ждет работа. Подготовка солдат и все такое. Скучно, но необходимо.

VII

В конференц-зале стоял длинный стол, за которым легко разместилась дюжина офицеров и остались места для вдвое большего количества. На двух стенах висели экраны. Вся мебель — из красивой древесины какого-то местного дерева. На панелях, где когда-то висели картины и знамена, видны царапины. Теперь стенные панели пусты, и помещение кажется пустым и холодным. Единственное украшение — флаг Со-Владения, американский орел и советские серп и молот. Все это располагается между пустой витриной для трофеев и голой стойкой бара.

Луис Боннимен уже был здесь. Когда мы вошли, он встал.

— Много нас не будет, — сказал Фалькенберг. — Можете занять места поближе к голове стола.

— Кем будешь: полковым адъютантом или командиром батальона? — спросил меня Дин. Он указал на места старших офицеров.

— Конечно, командиром батальона, — ответил я. — Готов занять должность в любой день. А ты, Луис, можешь быть начальником разведки.

— Через несколько минут вам не будет так весело, — сказал Фалькенберг. — Садитесь, джентльмены. — Он нажал кнопку на консоли. — И обратите внимание на мои слова.

Я гадал, что бы это могло значить. От меня не ускользнуло, что он знал, где нас отыскать. Должно быть, ему сказал Доннелли. Вопрос — почему?

— Джентльмены!

Вошел полковник Харрингтон, и мы встали. Дин рассказывал мне, что Харрингтону за семьдесят, но я ему не поверил. Однако теперь сомневаться в этом не приходилось. Харрингтон оказался низкорослым, с худым лицом. Немногие уцелевшие волосы — совсем седые.

Вместе с ним вошел главный старшина Огильви. Рядом с полковником он выглядел невообразимо огромным. Ростом он был по крайней мере с Фалькенберга и гораздо массивней. Так что по сравнению с Харрингтоном казался гигантом.

Третий вошедший был майором, ненамного моложе полковника.

— Садитесь, джентльмены, — сказал Харрингтон. — Добро пожаловать на Арарат. Я, конечно, Харрингтон. Это майор Лорка, мой начальник штаба. А кто вы, мы уже знаем.

Мы что-то пробормотали в ответ, и Харрингтон сел. Садился он осторожно, как поступают при сильном тяготении, но на Арарате такой силы тяжести нет. «Старик, — подумал я. — Старик, давно в пенсионном возрасте, даже несмотря на регенерационную терапию и гериатрические средства».

— Вы представляете для меня серьезную проблему, — заговорил полковник. — Мы запросили полк военной полиции. Гарнизонных морских пехотинцев. Я не думал, что пришлют полк в полном составе, но я определенно не просил

присылать линейных морских пехотинцев. И что мне теперь с вами делать?

Все промолчали.

— Я не могу объединить линейных с милицией, — продолжал полковник. — Это было бы катастрофой для обеих частей. Я даже не хочу, чтобы ваши солдаты находились в городе! Мне не хватало только, чтобы линейные солдаты практиковали в Гармонии «Систему Д»!

Дин непонимающе взглянул на меня, и я улыбнулся. Приятно знать что-нибудь, чего не знает он. «Система Д» — это традиция линейных морских пехотинцев. Солдаты разбиваются на небольшие группы и отправляются по районам города; там они напиваются влежку. А потом говорят владельцам салунов, что им нечем заплатить. Если кто-то из хозяев возражает, они разносят его заведение; причем остальные собираются вокруг этого бара и сдерживают полицию.

— Простите, но я хочу, чтобы ваши солдаты как можно быстрей покинули город, — говорил Харрингтон. — И не могу дать вам офицеров. Невозможно отдать пехотинцев под командование офицеров милиции, а те немногие флотские офицеры, которые у меня есть, нужны здесь. Для вас это возможность повышения, джентльмены, потому что вы четверо — единственные офицеры 501-го батальона, созданного для чрезвычайной ситуации. Командиром батальона будет, разумеется, капитан Фалькенберг. Мистер Слейтер, вы как старший лейтенант будете его заместителем, и я полагаю, что вы также будете командиром роты. И вы все тоже будете командирами рот. Майор Лорка поможет с материально-техническим снабжением и обслуживанием, но что касается остального, вы предоставлены сами себе.

Харрингтон помолчал, ожидая, пока мы это усвоим. Дин улыбнулся мне, и я ответил улыбкой. Если повезет, мы с толком используем эту возможность. Опыт командира роты может сократить срок пребывания в лейтенантах на несколько лет.

— Следующая проблема — что мне с вами делать после того, как батальон будет организован? — спросил Харрингтон. — Майор Лорка, пожалуйста, доложите обстановку.

Лорка встал и подошел к стенду для инструктирования. С помощью консоли он вызвал на стенд карту города.

— Как видите, город сильно укреплен, — сказал он. — Нам нетрудно удерживать его силами милиции. Однако это единственная часть Арарата, которую нам поручено охранять, в результате на остальной территории у нас несколько соперничающих банд, орудующих совершенно свободно. В последнее время группа, которая называет себя Речной Стаей, захватила территорию вдоль берегов реки и так эффективно обложила налогами торговцев, что практически отрезала город от поставок. Река — единственный способ транспортировки сельскохозяйственных продуктов из района ферм в город.

Лорка вызвал другую карту; на ней была река к северо-западу от Гармонии-Гаррисона; затем ее верхнее течение, где сосредоточивалось большинство ферм. Дальше располагалась горная цепь.

— Вдобавок, — продолжал Лорка, — все необходимое сырье для нашей небольшой промышленности дают эти шахты. — Световая указка остановилась на далеких горах. — И у нас возникает сложная политическая проблема.

Полковник заворчал, как рассерженный пес.

— Сложная! Да это совершенно невозможно! — сказал он. — Расскажите им все остальное, Лорка.

— Да, полковник. Политическая ответственность на этой планете никогда четко не разграничивалась. Юрисдикция редко бывает определена точно. Например, город Гаррисон находится под прямым военным управлением, и в его стенах полковник Харрингтон является одновременно высшим военным и гражданским руководителем. Город Гармония находится под управлением СоВладения, и здесь главой является губернатор Суэйл. Это ясно, но губернатор Суэйл одновременно является высшим гражданским чиновником на планете, что теоретически ставит полковника Харрингтона в подчиненное положение по отношению к губернатору. На практике они хорошо работают вместе: губернатор занимается гражданскими проблемами, а полковник осуществляет военную власть. Мы в сущности объединили Гаррисон и Гармонию.

— И это почти все, в чем мы достигли согласия, — вмешался Харрингтон. — Предельно ясно еще только одно. Со-

гласно приказу мы должны любой ценой удержать Гаррисон. На практике это означает, что мы должны защищать и Гармонию, поэтому мы объединили свои силы с местной милицией. У нас достаточно сил, чтобы защитить оба города от прямого нападения. Другое дело — снабжение.

— Как я сказал, ситуация сложная, — продолжал Лорка. — Мы не можем удержать город без снабжения, а снабжать его можем только в том случае, если река будет свободна для транспорта. В прошлом губернатор Суэйл и полковник Харрингтон согласились, что единственная возможность достичь этого — распространить правление СоВладения на всю территорию вдоль реки. — Световая указка снова двинулась, очерчивая территорию, принадлежащую Речной Стае.

— Они сопротивлялись, — говорил Лорка. — Не только осужденные, но и колонисты. Нападали на наши конвои. Снайперы стреляли в солдат милиции. В дома офицеров милиции бросали бомбы. У наших противников немного сторонников в самом городе, но для организации террора много и не нужно. Губернатор не соглашался ввести военное правление в Гармонии, а милиции не хватает сил для удержания речных берегов. И по приказу губернатора все подчиняющиеся СоВладению силы были уведены в пределы городских стен.

— Мы бросили этих людей, — сказал Харрингтон. — Но они получили по заслугам. Как и следовало ожидать, началось нечто вроде небольшой гражданской войны. И когда она кончилась, власть уже принадлежала Речной Стае. Суэйл признал ее как законное правительство. Думал, что сможет вести переговоры. Какая глупость! Продолжайте, Лорка. Расскажите остальное.

— Да, сэр. Как сказал полковник, Речную Стаю признали законным правительством, и начались переговоры. Они не были успешными. Речная Стая выдвинула неприемлемые условия открытия речных линий снабжения. Поскольку было очевидно, что без поставок нам города не удержать, губернатор приказал полковнику Харрингтону открыть линии поставки с помощью военной силы. Но эта попытка была безуспешной.

— Они надрали нам задницу, — сказал Харрингтон. Он плотно поджал губы. — Я могу все это объяснить. Милиция

для такой работы не годится. Но никакие объяснения не нужны. Нас побили, и мы обратились в штаб за подкреплением — морской пехотой. Я просил истребитель и полк военной полиции. Боевой корабль и пехотинцы очистили бы эти проклятые берега, а военная полиция их бы удерживала. А вместо этого прислали вас.

— Но это как будто подействовало, — сказал майор Лорка. — Сегодня в 16.30 губернатор Суэйл получил сообщение, что Речная Стая согласна возобновить переговоры. Очевидно, у нее есть источники информации в городе...

— В городе, черт возьми! — взорвался Харрингтон. — В самом губернаторском дворце, если спросите мое мнение. Кое-кто из чиновников продался.

— Да, сэр, — сказал Лорка. — Во всяком случае, они узнали о приходе подкреплений и хотят договориться.

— Ублюдки! — сказал полковник Харрингтон. — Проклятые кровавые мясники. Вы представить себе не можете, что эти свиньи там творят. А его превосходительство несомненно заключит с ними договор, который позволит им сохранить власть. Нет никаких сомнений в том, что с помощью 501-го батальона мы можем вернуть себе этот район, но линейные морские пехотинцы не смогут его удержать. От них нет никакой пользы при военном правлении. Они к этому не готовы и не станут этим заниматься.

Фалькенберг откашлялся. Харрисон взглянул на него.

— Да?

— Вопрос, сэр.

— Давайте.

— А что произойдет, если переговоры ничего не дадут и 501-й батальон получит приказ силой очистить район? Приведет ли это к желаемому результату?

Харрингтон кивнул, теперь он не выглядел таким рассерженным.

— Мне нравится ваш образ мысли. На самом деле, капитан, из этого тоже ничего не выйдет. Банды попытаются сопротивляться, но когда увидят, что это безнадежно, прихватят свое оружие и разбегутся. Затаятся и станут ждать. И мы вернемся к положению, которое было несколько лет назад, к затяжной партизанской войне без всяких шансов на ее заверше-

ние. У меня было на уме нечто подобное, но тогда я ожидал военную полицию. Думаю, с полком военной полиции мы бы справились с бандитами.

— Да, сэр, — сказал Фалькенберг. — Но даже если придется вести переговоры с Речной Стаей, нам нужно иметь как можно более сильную позицию на этих переговорах.

— Что вы задумали, Фалькенберг? — спросил Харрингтон. Он удивился, и во взгляде его был искренний интерес.

— Если разрешите, сэр. — Фалькенберг встал и подошел к экрану. — Я полагаю, что технически в данный момент мы находимся в состоянии войны с Речной Стаей.

— Конечно, не так формально, — ответил майор Лорка. — Но ситуация такова.

— Я заметил, что в 240 километрах выше по реке есть покинутая крепость СВ, — сказал Фалькенберг. Он повозился с консолью и показал этот участок территории. — Вы говорите, что не хотите, чтобы линейные морские пехотинцы находились в городе. Мне кажется, что старая крепость может послужить отличной базой для 501-го, а наше присутствие там несомненно будет способствовать открытию движения по реке.

— Хорошо. Продолжайте, — сказал Харрингтон.

— Мы еще не организовали 501-й батальон, но об этом никто не знает. Я изолировал своих офицеров и войска от милиции. Главный старшина, говорил ли кто-нибудь из наших людей с кем-нибудь на этом посту?

— Нет, сэр. Ваш приказ был совершенно определенным, сэр.

— И я знаю, что офицеры тоже не говорили, — продолжал Фалькенберг. — Поэтому не думаю, чтобы мы столкнулись с серьезным сопротивлением на пути к новой базе. По дороге мы можем сделать что-нибудь полезное. Если выйдем немедленно, можем захватить разбойников из Речной Стаи. Что бы ни случилось, мы разорвем их территорию и сделаем условия переговоров более приемлемыми.

— Немедленно, — повторил Харрингтон. — Что это значит?

— Сегодня ночью, сэр. А почему нет? Войска еще не устроились. Они готовы к маршу. Все наше оборудование упако-

вано для передвижения. Если майор Лорка снабдит нас несколькими грузовиками для перевозки тяжелого вооружения, других трудностей у нас не будет.

— Боже, — сказал Харрингтон. Выглядел он задумчивым. — Это очень рискованно... — Он снова задумался. — Но не настолько рискованно, как если бы вы оставались здесь. Как вы говорите, сейчас никто не знает, что мы получили. Пусть только ваши люди заговорят, и вся планета тут же узнает, что к нам прибыла горстка новобранцев, обитателей гаупт-вахт и добровольцев-новичков. Но если вы двинетесь немедленно, это не будет так очевидно.

— Но пока мы не восстановим движение по реке, вы будете предоставлены сами себе, — заметил майор Лорка.

— Да, сэр, — ответил Фалькенберг. — Но мы будем ближе к источникам продовольствия, чем вы. У меня есть три вертолета и несколько «небесных якорей». Они могут подвозить боеприпасы и снаряжение.

— Клянусь Господом, мне это нравится, — сказал Харрингтон. — Сейчас эти ублюдки нас побили. Я не прочь отплатить им. — Он посмотрел на нас, потом покачал головой. — А вы, парни, что думаете? Я могу отпустить только вас четверых. Это не подлежит обсуждению. Справитесь?

Мы дружно кивнули. У меня были сомнения, но и наглости хватало — я считал, что справлюсь.

— Дело будет нетрудное, сэр, — сказал я. — Не думаю, чтобы банда преступников сможет оказать сопротивление батальону линейных морских пехотинцев.

— Честь корпуса и все такое, — сказал Харрингтон. — Я никогда не служил в линейной морской пехоте. А вы прослужили недостаточно, чтобы узнать морских пехотинцев, но уже говорите, как они. Хорошо, капитан Фалькенберг, вам разрешается отвести ваш батальон в крепость Вирсавия, как только вы сочтете это возможным. Скажите, что вы сможете дать им, Лорка. — Полковник словно помолодел на десять лет. Поражение уязвило его, и он ждал возможности показать Речной Стае, на что способны регулярные войска.

Майор Лорка сообщил данные о материально-техническом снабжении и транспорте. Грузовиков для перевозки необходимого минимума снабжения достаточно. Артиллерию

можно тянуть на буксире, и у нас будет два танка. Вот оно — маршируй или умри, но мне не казалось, что смертей будет много.

Лорка закончил.

— Есть вопросы? — спросил он. И посмотрел на Фалькенберга.

— Я их задам после всех. — Фалькенберг уже говорил, как командир батальона.

— Сэр, а почему здесь так мало моторного транспорта? — спросил Луис Боннимен.

— Нет источников горючего, — ответил Лорка. — Нет средств для переработки нефти. Нам поставляют небольшое количество сырой нефти, и у нас есть пара очень примитивных нефтеперерабатывающих установок, но этого недостаточно для содержания большого транспортного парка. Первым колонистам это как раз очень нравилось. Им не нужен был моторный транспорт. — Лорка напомнил мне одного из офицеров-инструкторов Академии.

— А какое оружие нам противостоит? — спросил Дин Ноулз.

Лорка пожал плечами.

— Они вооружены лучше, чем вы думаете. Хорошие ружья. Есть установки для пуска ракет. Несколько мортир. Ничего тяжелого, и им не хватает средств связи, особенно электронных, но есть и исключения. Они захватывают оборудование нашей милиции... — При этих словах полковник Харрингтон поморщился... — и, конечно, все, что мы продаем фермерам, постепенно оказывается в руках бандитов. Если мы откажем фермерам в оружии, мы обречем их на смерть. А если продаем оружие, вооружаем осужденных. Порочный круг.

Я разглядывал карту. Предстоящая операция не казалась сложной. Тысяче людей ежедневно нужна примерно тонна сухого продовольствия. Вдоль маршрута достаточно воды, и к тому же мы, вероятно, сможем получать продовольствие на месте. Мы справимся, даже с тем небольшим количеством транспортных средств, которые может дать нам Лорка. Действительно похоже на легкую победу.

Довольный, я закончил расчеты, но потом спохватился: ведь это не упражнение в классе. Это реальность. Через не-

сколько часов мы будем идти по вражеской территории. Я посмотрел на своих однокурсников. Дин нажимал клавиши своего карманного компьютера и, нахмурившись, смотрел на результаты. Луис Боннимен широко улыбался. Он поймал мой взгляд и подмигнул. Я ответил улыбкой и почувствовал себя лучше. Что бы ни случилось, на них я могу рассчитывать.

Лорка сообщил еще некоторые данные о складах и оборудовании, которое можно будет получить в гарнизоне, а также о том, что нас может ожидать в крепости. Мы все делали записи, и, конечно, все совещание записывалось.

— Пожалуй, это все, — наконец сказал Лорка.

Харрисон встал, мы все тоже.

— Полагаю, вы хотите немедленно начать организацию 501-го, до того, как возникнут вопросы, — сказал Харрингтон. — Занимайтесь этим. Отныне за все отвечает ваш командир, хотя я буду рад видеть вас в своем кабинете, если у вас будут ко мне вопросы. Это все.

— Джентльмены! — сказал Огильви. Он остался в помещении, а полковник Харрингтон и майор Лорка вышли.

— Что ж. Нам предстоит поработать, — сказал Фалькенберг. — Главстаршина!

— Сэр!

— Продемонстрируйте разработанную нами схему.

— Сэр! — Огильви начал показывать на экране схемы. Как и сказал полковник, я был вторым по старшинству в батальоне, а также командиром роты А. Моя рота вооружена автоматическими ружьями. Я заметил, что в ней преимущественно опытные солдаты и совсем немного новобранцев.

Дин командовал оружейной группой, что вполне соответствовало его наклонностям. В Академии у него всегда были высшие баллы по оружию, и он много читал о тактике артиллерии. Под командой Луиса Боннимена оказалась другая ружейная рота с большим количеством новобранцев, так что ему предстояло немало забот. Фалькенберг оставил под своей личной командой сильный штабной взвод.

— У такой структуры есть основания, — сказал Фалькенберг. — Объясню их позже. Есть у вас в данный момент возражения?

— Я недостаточно знаю, чтобы возражать, — ответил я, разглядывая организационную схему.

— Всем вам придется опираться на унтер-офицеров, — говорил Фалькенберг. — К счастью, у нас есть несколько очень хороших. Лучшего из них — центуриона Либермана — я отдаю роте А. Боннимен получает сержанта Гернана. Если все получится, мы сможем представить его в центурионы. Ноулз уже работал с центурионом-оружейником Пниффом. Конечно, главный старшина Огильви останется в штабном взводе. Вдобавок к обычным обязанностям все вы должны будете заполнить кое-какие штабные ниши. Боннимен займется разведкой. — Фалькенберг слегка улыбнулся. — Я вам говорил, что шуткой это вам не покажется.

Луис ответил ему улыбкой. Он уже и так сидел на месте командира полковой разведки. Я удивился тому, что Фалькенберг отдал эту работу Луису. Из нас четверых Луис меньше всего обращал внимания на инструктаж и вообще не создан для такой деятельности.

— Припасы и снабжение в ведении Ноулза, — говорил Фалькенберг. — Подготовку солдат буду вести сам. А теперь у меня есть к вам предложение. Полковник приказал нам занять крепость Вирсавия как можно быстрей. Если мы просто пройдем туда, не встретив сопротивления и больше ничего не добившись, губернатор договорится о мире. Мы окажемся в пустоте, и нашими обязанностями будет только патрулирование. Кто-нибудь видит в этом проблему?

— Чертовски скучно, — сказал Луис Боннимен.

— И не только. А вы что скажете, главный старшина?

Огильви покачал головой:

— Мне это не нравится, сэр. Может подойти новобранцам, но для старых солдат я бы такое не рекомендовал. Особенно для тех, кого взяли с гауптвахты. Уж больно тоскливо, сэр.

Тоскливо. Во Французском легионе это называлось *le cafard*, что означает то же самое. Главная причина смертности в легионе и среди линейных морских пехотинцев. Людям нечего делать. Вооруженным людям, воинам, смертельно скучающим. Их одолевает хандра — и в конце концов они совершают убийства, самоубийства, дезертируют или вос-

стают. Учебник рекомендует в качестве средства от *le cafard* оружие и побольше возможностей для его использования. Сражения. Скучающие линейные части в гарнизоне несут больше потерь *le cafard*, чем во время активных боевых действий. Так, во всяком случае, говорили наши инструкторы.

— В нашем случае это особенно большая опасность, — согласился Фалькенберг. — Нет гордости за часть. Нет достижений, которыми можно похвастать. Нет сражений. Мне бы хотелось избежать этого.

— Как, сэр? — спросил Боннимен.

Фалькенберг как будто не обратил на него внимания. Он переместил карту на экране, так что стала видна территория между городом и крепостью Вирсавия.

— Мы идем вверх по течению Иордана, — сказал он. — Думаю, Федерация церквей обязательно должна была назвать главную реку планеты Иорданом, верно? Мы двинемся на северо-запад, и что тогда произойдет, мистер Слейтер?

Я подумал.

— Вероятно, они разбегутся. Не могу представить себе, чтобы они остались на месте и сопротивлялись. У нас гораздо лучшее снаряжение.

— Снаряжение и люди, — сказал Фалькенберг. — И чрезвычайно грозная репутация. Они уже знают, что мы высадились, и сразу согласились на переговоры. У них есть источники внутри дворца. Вы слышали, что я договорился об официальном приеме в нашу честь через пять дней.

Мы все рассмеялись. Фалькенберг кивнул.

— А это означает, что если мы выступим сегодня ночью, то застигнем их врасплох. Сможем захватить нескольких и обезоружить. Но мне бы хотелось обезоружить как можно больше.

Глядя на карту, я подумал, что понимаю, что он имеет в виду.

— Им придется отступать через крепость Вирсавия, — сказал я. — Это единственный возможный маршрут.

— Совершенно верно, — согласился Фалькенберг. — Овладев крепостью, мы сможем обезоруживать всех проходящих мимо. Больше того, это наша крепость, и мы имеем приказ как

можно быстрей занять ее. Напомню вам также, что технически мы находимся в состоянии войны с Речной Стаей.

— Да, но как нам туда попасть? — спросил я. — К тому же, капитан, если мы закупорим горлышко бутылки, остальные вынуждены будут сражаться. Отступать им будет некуда.

— Да, без потери оружия, — согласился Фалькенберг. — Не думаю, что полковник будет недоволен, если мы установим на этой территории настоящий мир. И не думаю, что милиции трудно будет бы удержать территорию, если мы нанесем поражение Речной Стае и обезоружим уцелевших.

— Но Хэл уже спросил, как мы туда попадем? — задал вопрос Луис.

Фалькенберг ответил:

— Я упомянул вертолеты. Главный старшина разыскал для них достаточно горючего.

— Сэр, мне помнится, при инструктировании сообщалось о пропажах в арсенале милиции, — сказал Дин. — Особенно ракет «Скайхок». Против них у вертолетов нет ни одного шанса.

— Конечно, если те, у кого есть «Скайхоки», будут знать, что появятся вертолеты, — согласился Фалькенберг. — Но с чего им нас ожидать? Все оборудование в ангаре на посадочной площадке. И если вечером туда направится рабочий отряд, в этом не будет ничего необычного. Вряд ли они ожидают взятия Вирсавии сегодня ночью, особенно если думают, что через пять дней нам предстоит большой бал.

— Да, сэр, — согласился Дин. — Но мы не можем перевезти на трех вертолетах достаточно оборудования! Люди, высадившиеся в Вирсавии, будут обречены. Никто не сможет подойти туда так быстро, чтобы выручить их.

Фалькенберг говорил небрежно, дружески. Он взглянул на потолок.

— Я ведь упомянул «небесные якори»? Их у нас два. Грузоподъемность каждого в этой атмосфере и при данном тяготении шесть тонн. Это сорок пять человек с вооружением и припасами. Джентльмены, к рассвету девяносто морских пехотинцев в полном вооружении могут оказаться в Вирсавии, а весь остальной 501-й батальон будет двигаться им на выручку. Готовы к игре?

VIII

Холодный рассвет в гавани. Сразу после заката поднялся пронзительный ветер, и, хотя днем здесь жарко, сейчас я дрожал. «Может, — подумал я, — дело не только в холоде».

Ночное небо ясное, и кажется, что на нем миллионы звезд. Большинство созвездий я узнавал, и это показалось мне странным. Но я вспомнил: мы так далеко от Земли, что человек, вышедший в эпоху динозавров, все еще не добрался бы сюда; однако для вселенной расстояние все же незначительное. Это заставило меня ощутить свою малость, что и не понравилось.

Солдаты были в рабочей одежде. Боевые мундиры и защитная броня по-прежнему лежали в ранцах, которые мы грузили на платформы «небесных якорей». Работали мы под ярким светом, и любой наблюдатель решил бы, что перед ним просто рабочий отряд. Фалькенберг был уверен, что с соседнего утеса на нас устремлен по крайней мере один полевой бинокль.

Платформы «небесных якорей» изготовлены из легкого алюминия; это всего лишь площадка со стороной в восемь метров и метровым ограждением по периметру. На эти площадки мы укладывали ранцы. Грузили и другие предметы: легкие пулеметы, безоткатные орудия, мортиры и ящики со снарядами и гранатами. На ящиках были фальшивые надписи, сделанные теми, кто работал под крышей склада, так что наблюдатели могли убедиться: идет погрузка оборудования для кабинетов и запасного обмундирования.

Из крепости пришел грузовик и заехал на склад. Он казался пустым, но на самом деле привез ружья на девяносто человек. Ружья уложили в мешки и тоже погрузили на платформы.

У Арарата всего один спутник, меньше земной Луны и ближе к планете. Его тусклый кровавый полумесяц садился на западе. Через час он вообще зайдет. Я прошел туда, где Дин присматривал за подготовкой вертолетов.

— Ты уверен, что они собраны правильно? — спросил я.

— Не волнуйся.

— Да. Надеюсь, волноваться нечего. Но трудно будет найти посадочные площадки.

— Все будет в порядке. — На самом деле он меня не слушал. Два специалиста по связи работали на навигационном компьютере, и Дин все время смотрел на экран. — Хорошо, — сказал он наконец. — Теперь прогоните тестовую программу.

Когда я отправился на поиски Фалькенберга, Дин даже не заметил этого. Капитан Фалькенберг был на складе.

— Погрузка почти окончена, сэр, — доложил я.

— Хорошо. Выпейте кофе. — Один из сержантов в углу большого, с высоким потолком сооружения занимался приготовлением кофе. Еще там стоял стол с картами, а рядом главный старшина Огильви развернул центр связи. Фалькенберг налил две чашки и протянул одну мне. — Нервничаете? — спросил он.

— Немного.

— Еще можно отказаться. Ничего позорного в этом нет. Я скажу остальным, что у нас технические проблемы. Выступим на рассвете.

— Все будет в порядке, сэр.

Он посмотрел на меня поверх кофейной чашки.

— Надеюсь. Мне не хочется вас посылать, но другого выхода нет.

— Да, сэр, — сказал я.

— Все будет в порядке. У вас надежные солдаты.

— Да, сэр. — Разумеется, никого из них я не знал. Для меня это были даже не имена и служебные досье, а просто статистические данные, заложенные в мой личный компьютер. Тридцать были освобождены с гауптвахт, так как добровольно согласились служить на Арарате. Примерно два десятка новобранцев. А остальные — линейные морские пехотинцы с длинным послужным списком.

Фалькенберг вызвал на стол карту окрестностей Вирсавии.

— Надеюсь, вы ее запомнили, — сказал он.

— Очень хорошо запомнил, сэр.

Он наклонился над столом и посмотрел на крепость, потом на длинную цепь холмов к северу от нее.

— Думаю, у вас есть некоторый допуск на ошибку. Предоставляю вам окончательное решение об использовании вертолетов при нападении. Одним вертолетом можете рискнуть.

Но не обоими. Второй должен вернуться, даже если это будет стоить вам поражения. Это понятно?

— Да, сэр. — Я ощутил комок в желудке, и мне это не понравилось. Надеюсь, это было незаметно.

— Теперь о времени, — сказал Фалькенберг. — Вам оно может понадобиться. Конечно, мы можем подождать еще день и подготовиться получше, но я считаю внезапность вашим лучшим оружием.

Я кивнул. Все это мы уже обсуждали.

Он говорит, потому что тоже нервничает? Или заставляет меня говорить, чтобы я не нервничал?

— За эту операцию вы можете получить благодарность в приказе.

— Если вам все равно, то предпочел бы гарантию, что вы подойдете вовремя. — Я улыбнулся, желая показать, что шучу, хотя на самом деле был серьезен. Какого дьявола он сам не ведет передовой отряд? Ведь идея его, и весь боевой план разработал тоже он. Это его шоу, а он в нем не участвует. Мне не хотелось думать о причинах. Я надеялся, что он нас вытащит, и не хотел даже вспоминать слово «трус».

— Пора грузиться, — сказал Фалькенберг.

Я кивнул и допил кофе. Хороший кофе. Может, последний в моей жизни. Несомненно, не все из нас вернутся.

Фалькенберг потрепал меня по плечу.

— Вы их удивите до чертиков, Хэл. Давайте начинать.

— Хорошо.

Но как бы я хотел, чтобы ты отправился с нами.

Я отыскал центуриона Либермана. После инструктажа у Фалькенберга мы провели вместе несколько часов, и я был уверен, что могу рассчитывать на него. Либерман был ростом с Фалькенберга, жилистый и худой. Ему примерно сорок пять лет, и на шее у него шрамы. Они уходят под рубашку. В свое время ему пришлось пережить много регенерационных хирургических операций.

На его форменной рубашке нашивки в два ряда. Из его досье я знал, что их гораздо больше, просто он не все носит.

— Начинайте погрузку, — распорядился я.

— Сэр. — Говорил он негромко. Но голос его разносился по всему складу. — Первый и второй взводы роты А — занять позицию на платформах «небесных якорей»!

Люди уселись на оборудование. На платформах стало тесно. Я поднялся с одной из групп, а Либерман пошел на вторую платформу. Я предпочел бы быть в вертолете, вести его или сидеть рядом с пилотом, но решил, что мне лучше быть здесь. Один вертолет вел Луис Боннимен, а второй — сержант Доти из штабного взвода.

— Мешки подготовить, — приказал оружейник-центурион Пнифф. — Приготовиться надуть первый. — Он обошел платформу, критически разглядывая тросы, которые вели к лежащей по соседству бесформенной груде. — Как будто все в порядке. Надуть номер один.

Послышалось громкое шипение, начал возникать призрачный большой мешок. Он постепенно поднимался и вскоре оказался над моей платформой. Пластик блестел в ярком свете, исходящем из глубины склада. Мешок продолжал раздуваться, стал огромным и все увеличивался — из цилиндров в него поступал сжатый гелий. Он казался больше склада, и только тогда Пнифф удовлетворился.

— Хорошо, — сказал он. — Оставить. Подготовиться надуть второй.

— Боже, — сказал один из новобранцев. — Мы полетим на воздушном шаре? Да ведь у нас даже нет парашютов! Мы не можем в нем лететь!

Кое-кто поддакнул.

— Сержант Ардвайн, — сказал я.

— Сэр!

Больше я ничего не произнес. Ардвайн выругался и перебрался к новобранцам.

— Если нет парашютов, значит, не придется прыгать, — сказал он. — А теперь заткнитесь.

Тем временем становился огромным мешок второго «небесного якоря». Он казался больше нашего, потому что его я мог видеть целиком, а наш — только как огромное раздутое чудище, висящее над нами. Заработали винты вертолетов, машины начали подниматься. Один оказался прямо над нами. Второй остановился над другим «небесным якорем». По

сравнению с огромными мешками вертолеты казались карликами.

Вертолеты висели над мешками. Вверху их экипажи проверяли крепления. В наушниках своего шлема я слышал их доклады. Наконец все доложили, что все в порядке.

— На борту все готовы? — спросил меня Фалькенберг. Голос его в наушнике казался совершенно лишенным эмоций. Я разглядел его у входа на склад и помахал.

— Все в порядке, сэр.

— Хорошо. Оружейник, отправляйте номер один.

— Сэр! — отозвался Пнифф. — Наземная команда, приготовиться. Отпускаем номер один.

Стоящие на земле солдаты с улыбкой перерезали крепления, удерживавшие наш дирижабль. Конечно, ничего не произошло: суть в том, что «небесный якорь» обладает почти нейтральной плавучестью, так что надувная оболочка только уравновешивает тяжесть груза. А движущую силу обеспечивают вертолеты.

Двигатели вертолетов загудели громче, и мы взлетели. Нас подхватил и сильно качнул порыв ветра. Кое-кто выругался и в ответ получил сердитый взгляд своего унтерофицера. И вот мы уже над гаванью, поднимаемся вровень с городским утесом, а потом еще выше. Мы двинулись на север в сторону крепости, оставаясь высоко над городом, пока не добрались до северной окраины Гаррисона, а потом опустились к самой стене крепости.

Всякий наблюдатель из района гавани решит, что мы просто перевезли на утес очередную партию припасов. Наблюдатель мог бы задуматься над тем, что перевозят, но ему и в голову не придет заподозрить что-нибудь еще.

Оставив позади северную окраину города, мы продолжили движение. Здесь мы снова начали подъем и поднимались до тех пор, пока не достигли тридцати трех сотен метров.

Солдаты нервно посматривали на меня. Они наблюдали, как за нами гаснут огни города.

— Все в порядке, — сказал я. Странно, как тихо. Вертолеты летят почти неслышно, да и отделены от нас раздувшейся оболочкой. А ограждение защищает от ветра. — Всем надеть боевые шлемы.

Люди зашевелились, начали рыться в ранцах в поисках шлемов. Нас предупредили, что по платформе нельзя перемещать тяжести, и никто не хотел делать резких движений.

Я включил свой командный передатчик на малую мощность, так чтобы его нельзя было слышать дальше чем за километр. Мы плыли на высоте трех с лишним километров, и возможность подслушивания меня не беспокоила.

— Теперь вы уже догадались, что в крепость мы не вернемся, — сказал я.

Новобранцы рассмеялись. Опытные солдаты откровенно скучали.

— У нас боевое задание, — продолжал я. — Мы направляемся за двести пятьдесят километров к западу от города. Когда окажемся там, захватим прежнюю крепость СВ, закрепимся и будем ждать, пока не подойдет весь батальон и не заберет нас на базу.

Несколько солдат при этом известии приободрились. Я слышал, как один из них сказал соседу:

— Не повезло беднягам: шагать по жаре двести пятьдесят километров.

— Вам тоже придется шагать, — сказал я. — По плану мы высадимся в восьми километрах от крепости, подойдем к ней и захватим врасплох. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь нас ожидал.

— Крист Джонни снова наносит удар, — произнес кто-то. Кто именно, я не видел.

— Сэр? — спросил капрал. Я его узнал: Рофф, тот самый, что защищал новобранца при посадке.

— Да, капрал Рофф?

— Разрешите вопрос, сэр.

— Спрашивайте.

— Как долго мы там пробудем, лейтенант?

— Пока за нами не придет капитан Фалькенберг, — ответил я.

— Есть, сэр.

Других вопросов не было. Мне это показалось странным. Они должны хотеть знать больше. «Некоторые из вас сегодня могут погибнуть, — подумал я. — Почему вы не хотите узнать больше?»

Но их больше интересовал шар. Теперь, когда стало ясно, что мы не упадем, им хотелось заглянуть через край. Мне пришлось поручить унтер-офицерам организовать очередь, чтобы у всех была такая возможность.

Я тоже воспользовался возможностью, и то, что я увидел, мне не понравилось. Ниже уровня ограждения все не так уж плохо, но вид вниз просто ужасен. К тому же, видеть было нечего, кроме нескольких огоньков далеко внизу, а где-то позади черная тень закрывала звезды: номер два в километре за нами.

— Не хочет ли лейтенант кофе? — спросили меня. — Я прихватил с собой фляжку.

Я увидел Хартца с термосом и чашкой из офицерской столовой. Я видел, как он поднимался на борт со своим оборудованием связи, но потом о нем забыл.

— Спасибо, не откажусь.

Кофе был пополам с бренди. Я едва не подавился. Хартц даже не улыбнулся.

Мы летели кружным маршрутом, чтобы не пролетать над речными лагерями. Наш путь пролегал к северу от реки, потом мы повернули на юго-запад и направились к району посадки. Я снова посмотрел через борт: надеюсь, Дин правильно запрограммировал навигационный компьютер, потому что внизу никаких ориентиров не видно. Время от времени мелькал оранжево-желтый огонек, вероятно, ферма, а может, лагерь разбойников, а в остальном холмы выглядели совершенно одинаковыми.

Самый тупой фокус в военной истории, говорил я себе, хотя сам в это не верил. Линейные морские пехотинцы слывут солдатами, умеющими сражаться во вновь созданных отрядах под командованием незнакомых офицеров. Но даже с учетом этого я сомневался, чтобы в какой-нибудь экспедиции все так совпало: новичок командир, солдаты, которые никогда не служили вместе, и капитан, который планирует операцию, но сам в ней не участвует. Я говорил себе, что возражать нужно было во время инструктажа. Сейчас поздновато.

Я посмотрел на часы. Мы уже два часа в полете.

— Сержант Ардвайн.

— Сэр?

— Прикажите переодеться в боевое снаряжение и надеть бронежилеты. После переодевания всем проверить оружие.

«Переодеться перед смертью, — подумал я, — но вслух этого не сказал. Это старая шутка. Но мне она никогда не казалась забавной. Интересно, кто первым ее придумал? Вероятно, какой-нибудь солдат под стенами Трои.

Хартц уже достал мое обмундирование из ранца. Он помог мне сбросить рабочий комбинезон и втиснуться в синтекожаную рубашку и брюки. Платформа покачивалась: это солдаты пытались переодеваться не вставая. Сделать это было трудно, потому что мы лежали на ранцах с одеждой и другом снаряжении. Солдаты с проклятиями отыскивали свои ранцы и оружие.

— Убери свою хренову ногу с моего глаза!

— Заткнись, Трегер.

В угловатых кожаных костюмах и броне они выглядели грозными, что соответствовало истине. Теперь солдаты сидели тихо. Даже старики не шутили. В боевом снаряжении есть нечто такое, что делает все окружающее очень реальным. Само по себе это снаряжение дает нам преимущество перед всеми, с кем мы столкнемся. Но оно дает и ощущение безопасности, а это может быть опасным. Немурлон остановит большинство осколков и даже пистолетные пули, но пулю из высокоскоростного ружья он не остановит.

— Как дела внизу? — голос Луиса в наушниках заставил меня вздрогнуть.

— Мы в броне, — ответил я. — Ты по-прежнему считаешь, что знаешь, куда мы движемся?

— Нет, не знаю. Но компьютер знает. Пять минут назад провели проверку радаром. Видели раздваивающийся ручей, который отмечен на карте. Мы точно на месте.

— Каково расчетное время прибытия? — спросил я.

— Примерно через двадцать минут. Ветер попутный и устойчивый, но не слишком сильный. Все очень просто.

— Запасы горючего? — спросил я.

— Мы по колено в запасных канистрах. Запасы не слишком большие, но достаточные. Не волнуйся.

— Хорошо.

— Знаешь, — сказал Луис, — я никогда не летал в вертолете с такой штукой, висящей под ним.

— Ты еще мне говоришь!

— Ничего особенного. Машина ведет себя немного странно, но я уже привык.

— Да уж привыкни.

— Предоставь это нам. Конец связи.

Следующие двадцать минут показались неделей. Теперь я знаю способ растянуть время: сидеть на открытой платформе в тридцати трех сотнях метров над землей, смотреть на ночное небо и ждать, пока поведешь отряд в твою первую боевую операцию. Я пытался придумать что-нибудь подбадривающее, но ничего не приходило в голову, и я решил молчать. Чем больше буду говорить, тем вероятнее в голосе проявится напряженность.

— Ваша работа — выглядеть уверенным, — сказал мне Фалькенберг. Я надеялся, что хорошо выполняю ее.

— Отлично, можешь бросить первый взгляд вниз, — сказал Луис.

— Понял. — Я взял у Хартца свой ночной бинокль. Он лучше нашего обычного оборудования, десятисантиметровый с усилением яркости бинокль «Лейка», который я купил, окончив Академию. Так поступали многие офицеры, потому что «Лейка» делает выпускникам специальное предложение. Я прикрепил бинокль к шлему и осмотрел местность. Посадочная площадка находилась на вершине холма, в самом высоком месте хребта, идущего от реки. Настроив бинокль на полную мощность, я внимательно осмотрел местность.

Она выглядела пустынной. Повсюду кустарник. Не похоже, чтобы здесь кто-нибудь бывал.

— Мне нравится, — сказал я Луису. — А ты что скажешь?

— Ничего на инфракрасном, ничего на низкочастотном экранах, — ответил он. — Ничего, кроме немногих животных и нескольких птиц на ветках. Мне тоже нравится. Если там животные и птицы, значит, вероятно, нет людей.

— Да...

— Ну, хорошо, это пассивные сенсоры. Просмотреть на диапазоне К?

Я задумался. Если там внизу кто-то есть и этот теоретический кто-то располагает радарным приемником, вертолет сразу себя выдаст. Но, может, это и к лучшему.

— Давай, — сказал я.

— Принято, — ответил Луис. Какое-то время он молчал. — Хэл, я ничего не обнаружил. Если там внизу кто-то есть, он хорошо замаскировался и поджидает нас.

— Давай садиться, — сказал я.

И подумал: «Ну, теперь решено».

IX

— Со всех направлений! — выкрикнул Ардвайн. — Закрепляйте стойки! Первый взвод охраняет периметр! Двигайтесь, черт побери!

Солдаты посыпались с платформы. У некоторых в руках были стойки — большие алюминиевые стержни с винтовой нарезкой, которые они вворачивали в землю. Другие привязывали платформу к этим стойкам. Первый взвод в составе двух манипул разошелся веером, держа ружья наготове.

Ветер несильный, но у наполненного газом мешка большая площадь поверхности, и это меня беспокоило. Я слез с платформы и обошел вокруг. Похоже, стойки не испытывают чрезмерного напряжения. На холме темно и тихо. Мы сели прямо на низкие кусты с крепкими ветками. Листья, когда их раздавишь, кажутся маслянистыми. Я прислушался, потом включил на полную мощность усилитель звуков. По-прежнему ничего, даже птиц нет. Ничего, кроме движений моих солдат. Я переключился на общую командную частоту.

— Всем замереть.

Шум прекратился. Наступила тишина, слышался только негромкий звук вращения лопастей вертолета и еще более слабый звук второго вертолета где-то вверху.

— Продолжайте, — приказал я.

Ко мне подошел Ардвайн.

— Здесь никого, сэр. Местность безопасная.

— Спасибо. — Я настроился на волну вертолета. — Можете отделиться и привести второй вертолет.

— Есть, сэр, — ответил Луис.

Мы начали сгружать оборудование с платформы. Немного погодя показался второй вертолет. Мы его не видели, видели только огромный газовый мешок со свисающей с него платформой. «Небесный якорь» опустился на кусты, и солдаты принялись забивать стойки. Центурион Либерман наблюдал за их работой, пока не удостоверился, что платформа прочно привязана, после чего подбежал ко мне.

— Все в порядке? — спросил я.

— Да, сэр. — Тон его свидетельствовал, что ему очень хотелось сказать «конечно».

— Пусть разберут вооружение. Мы выступаем.

— Есть, сэр. Но я все же думаю, что лучше бы Ардвайну остаться здесь.

— Нет. Хочу, чтобы на всякий случай здесь оставался опытный человек. Если мы не пошлем за тяжелым оборудованием или со мной что-нибудь случится, свяжитесь с Фалькенбергом и попросите указаний.

— Есть, сэр. — Ему это не нравилось. Он хотел идти с нами. Кстати, я тоже хотел этого, но мне нужно было оставить кого-то у «небесных якорей» и вертолетов. Если ветер усилится и стойки не выдержат, платформы может унести и мы останемся без ранцев и припасов. Возможны любые неожиданности, и я хотел, чтобы здесь оставался надежный человек, на которого можно рассчитывать.

— Мы готовы, сэр, — сказал Ардвайн.

— Хорошо. Выступаем. — Я переключился на частоту вертолета. — Луис, мы выступаем.

— Я буду готов, — ответил Боннимен.

— Спасибо. Конец связи. — Я перешел в голову колонны. Ардвайн уже был там. — Пошли, — сказал я.

— Сэр. Вопрос, сэр, — произнес Ардвайн.

— Да?

— Ребята предпочли бы прихватить ранцы, сэр. Не хотят оставлять здесь свое добро.

— Сержант, нам предстоит меньше чем за три часа пройти восемь километров. С ранцами это невозможно.

— Да, сэр. Можно взять хотя бы плащи? Без них становится холодно...

— Сержант Ардвайн, мы оставляем здесь центуриона Либермана и четыре манипулы. Что может случиться с вашим добром? Начинайте движение.

— Сэр. Ну ладно, ублюдки, вперед!

Послышалось ворчание солдат. «Это безумие, — подумал я. — Хотят нести ранцы».

Кустарник рос густо, и вначале мы почти не двигались вперед. Потом разведчики отыскали русло пересохшего ручья, и мы пошли по нему. Русло было забито камнями размером со стол, и мы перепрыгивали с одного камня на другой, постепенно спускаясь по склону холма. Было совершенно темно, и камни едва виднелись как темные тени. Так ничего не получится. Я начал приходить в ужас.

Спасибо бесконечным тренировкам в сильном тяготении, подумал я. Мы пройдем, но нам нужен свет. Я включил командный передатчик.

— Всем унтер-офицерам включить инфракрасное освещение на минимальный уровень. Никакого видимого света.

Я опустил на глаза инфракрасный экран и включил собственный инфракрасный излучатель на шлеме. Камни передо мной слабо засветились зеленым, и теперь я видел их достаточно хорошо, чтобы перепрыгивать с одного на другой. Впереди на экране двигались смутные пятна — разведчики и унтер-офицеры с инфракрасными излучателями.

Вряд ли кто-то наблюдает за холмом в инфракрасном свете. Это казалось маловероятным: мы далеко от крепости, а оборудование может быть только там — если у Речной Стаи оно вообще есть. Я говорил себе, что нужно очень хорошее оборудование, чтобы засечь нас дальше чем за километр.

Впереди восемь километров и три часа, чтобы их проделать. Не должно быть очень трудно. Люди в хорошей форме, без ранцев — эти придурки хотели тащить их с собой! — только ружья и боеприпасы. И, конечно, оружейники. Но они передвигаются медленней. Каждый из расчета мортир несет

по двадцать два килограмма, а расчеты безоткатных орудий — по двадцать четыре.

Вскоре мы вспотели. Я открыл все вентиляторы в своей броне и подумал, не приказать ли солдатам сделать то же самое. «Не будь дураком, — сказал я себе. — Большинство из них проделывало это десятки раз. Я не могу сказать им что-нибудь такое, чего они сами не знают».

«Но, — продолжал я думать, — я их командир. Если что-нибудь пойдет не так, ты будешь нести ответственность, Хэл Слейтер. Ты сам просил об этом, когда принимал назначение».

Я продолжал думать о миллионах возможных неприятностей. Здесь план казался совсем не таким хорошим, как при изучении карт. Мы, шестьдесят семь человек, пытаемся захватить крепость, гарнизон которой, вероятно, намного превосходит нас по численности. Фалькенберг предполагал наличие там 125 человек. Я спросил, откуда он взял это число.

— Уборные, мистер Слейтер. Уборные. Сосчитайте эти наружные сооружения, примерно определите число отверстий в каждом — и сможете достаточно точно оценить численность. — Он даже не улыбнулся.

Это всего лишь догадка, а Фалькенберга с нами нет. И точность его подсчетов нам предстоит проверить на собственном опыте.

Я стал думать о наших преимуществах. Снимки со спутников свидетельствуют, что на хребте никто не живет. «Никаких уборных», — подумал я и улыбнулся в темноте. Я сам просматривал ленту и не нашел никаких признаков пребывания здесь людей. Да и зачем им здесь быть? Здесь нет источников воды, кроме ключа в самой крепости. Вообще ничего нет, даже древесины для костра, только эти отвратительные кусты, которые колют ноги.

Обогнув излучину ручья, я обнаружил поджидающего монитора. За ним стояла его манипула. В манипуле один унтер-офицер, один старослужащий и трое новобранцев. Обычно в манипулу направляют только двух новобранцев, и я удивился, почему Либерман поступил иначе.

Монитор показал наверх. Здесь нам предстояло покинуть русло ручья. Далеко впереди я видел тусклое свечение фона-

рей передовых. Они обогнали меня, и я старался не отставать. Я выбрался из русла, и несколько мгновений спустя рядом со мной остался только Хертц. Он шел, неся двадцать килограммов оборудования связи на спине и ружье в руке, но если ему трудно было держаться рядом, он ничего не сказал. Я был рад, что мне не нужно нести такую тяжесть.

Спустя сто метров подъем прекратился. Растительность доходила только до пояса. Зеленые огоньки на экране погасли: это разведчики впереди выключили фонари. Я приказал выключить фонари всем остальным. Потом нырнул в кусты и воспользовался проектором шлема, чтобы определить, где мы находимся. Проектор отбросил на землю карту — тусклую полоску света, которую можно было разглядеть только вблизи и непосредственно сверху.

И с удивлением увидел, что мы прошли больше половины пути.

Крепость Вирсавия выглядела не слишком внушительно. Прямоугольник невысоких стен с караульными башнями по углам — миниатюрное подобие крепости в Гаррисоне. Потом кто-то усовершенствовал ее, окружив рвом и поставив на стенах парапет. Снаружи стены опутаны спиралью из ржавой проволоки. За стены я не мог заглянуть, но знал, что там четыре наземных здания и три больших бункера. Бункеры из бревен и земли. Гореть не будут. Бревна — местная древесина с высоким содержанием металла.

Бункеры могут оказаться проблемой, но с этим можно подождать. Прежде всего нужно преодолеть стены и попасть в крепость. Прямо перед нами в стене ворота. Сделаны они из той же древесины, что и бункеры. Через ров ведет мостик, и кажется, это наш лучший шанс. Однако в самой крепости один из бункеров смотрит прямо на ворота и, как только они исчезнут, сразу откроет огонь.

В трехстах метрах от крепости семьдесят пять человек лежали в кустах и ждали моего приказа. Крепость выглядит пустой. В инфракрасных лучах никого не видно на сторожевых башнях. Ничего. Я посмотрел на часы. До рассвета меньше часа.

У меня не было ни малейшего представления, что делать, но пришла пора принимать решение.

— Ничего не выдумывайте, — сказал мне Фалькенберг. — Приведите людей к крепости и предоставьте им действовать. Они все сделают за вас.

«Конечно, — подумал я. — Конечно. Ты-то ведь не здесь, проклятый трус, здесь я со своими проблемами и совершенно не знаю, что делать».

Ров и проволочная спираль мне очень не нравились. Преодолеть их будет нелегко. Если поползем к рву, нас заметят. Они не могут быть настолько невнимательными: если нет живых караульных, то определенно есть система слежения. Возможно, настроенная на тепло тела. Или это радар. Что-нибудь. Они бы поставили охрану, если бы не считали, что никто не сможет к ним подойти незаметно.

«К дьяволу. Что-то придется предпринять», — подумал я. Кивнул Хартцу, и тот протянул мне микрофон. Его радио действует через узконаправленную антенну, а мы на всем маршруте к посадочной площадке расставили передающие реле. Я могу говорит с вертолетами, не встревожив электронных сторожевых псов в крепости.

— Ночной ястреб, это Черный орел, — сказал я.

— Черный орел, слушаем.

— Мы видим крепость, Луис. Никакого движения. Я бы сказал, что крепость покинута, если бы не знал, что это не так.

— Хочешь, чтобы я взглянул?

Неплохая мысль. Вертолет может облететь крепость на большой высоте и просканировать ее инфракрасным или низкочастотным излучением. Мы бы узнали, кто там под открытым небом. Но есть большая вероятность, что его заметят, и тогда мы лишимся своего главного преимущества.

— Ничего не выдумывайте, — сказал Фалькенберг. — Внезапность — самое большое ваше преимущество. Не утратьте его.

Но его здесь нет. И как будто нет никакого верного решения.

— Нет, — сказал я Луису. — Нет. Погрузи солдат и поднимись в воздух, но старайся оставаться невидимым. Будь го-

тов быстро сесть. Когда ты мне понадобишься, то будешь очень нужен.

— Есть, сэр.

— Конец связи. — Я отдал Хартцу микрофон. «Хорошо, значит, так», — сказал я себе и знаком приказал сержанту Ардвайну двигаться вперед.

Он привстал и махнул рукой. Линия медленно двинулась вперед. Расчеты мортир и безоткатных орудий установили свое оружие у нас в тылу и залегли в ожидании приказов.

Слева от меня, прямо перед воротами, находился капрал Рофф. Он махнул своему взводу, и солдаты поползли к воротам.

Мы подобрались на сто метров, когда на гребне стены у ворот появился свет. Кто-то направлял луч фонаря в поле. Потом появился еще один огонь, и еще — все мощные ручные фонари, но лучи у них неширокие.

Капрал Рофф встал и помахал рукой.

— Привет, вы, там! — крикнул он. — Как дела? — Он говорил как пьяный. Я хотел приказать ему лечь, но было слишком поздно.

— Как вы там, парни? — кричал Рофф. — Есть что-нибудь выпить?

Остальные тем временем, пригибаясь, бежали вперед.

— А ты кто такой? — крикнул кто-то со стены.

— А вы сами кто? — ответил Рофф. — Дайте выпить! — Лучи фонарей сосредоточились на нем.

Я нажал кнопку на своей командной рации.

— Ночной ястреб, это Черный орел. Быстрей сюда!

— Понял.

Я переключился на общую частоту.

— Рофф, ложись! Огонь из всех стволов. Вперед! — заорал я в микрофон шлема так громко, что сам себя не слышал.

Рофф бросился в сторону и на землю. По всему полю замелькали оранжевые вспышки: солдаты открыли огонь. Фонари попадали со стены. Два погасли, один продолжал гореть сразу за воротами.

Солдаты поднимались и с криком бежали к крепости. Кричали они как сумасшедшие. Позади меня заработал легкий пулемет, затем другой.

Запела труба. Я такого приказа не отдавал. Я даже не знал, что у нас есть труба. Казалось, этот звук подстегнул солдат. Они как раз добрались до спирали, и тут мортиры дали первый залп. Несколько секунд спустя я увидел на стене, там, куда попали снаряды, языки пламени. Одновременно у меня за спиной открыли огонь безоткатные орудия, и я услышал, как всего несколькими метрами левее меня просвистел снаряд. Он попал точно в ворота, потом туда же угодил второй снаряд и третий. Трубач снова и снова играл наступление, а мортиры посылали снаряды по такой траектории, что они падали внутри крепости. Снова заговорили безоткатные.

Ворота не выдержали и разлетелись. Внутри клубился дым. Один из мортирных снарядов, должно быть, разорвался между воротами и бункером. Из ворот потянулись трассирующие линии, но солдаты легко избегали их. Они бежали по обе стороны от ворот.

Другие перебирались через проволочную спираль. Первые легли на ограждение. Следующие ступили им на спины и прыгнули в ров. Еще несколько волн, и вот те, что оказались во рву, перебрасывают товарищей на узкую полоску между рвом и стеной.

Задержались они лишь для того, чтобы побросать за стену гранаты. Затем два человека схватили третьего и подбросили его так, чтобы он мог ухватиться за верх стены. И подталкивали его до тех пор, пока он не поднялся на стену. За ним последовали другие; затем, перегнувшись вниз, они помогали подняться остальным. Я поверить не мог, что все происходит так быстро.

Когда все перебрались через спираль, те, что лежали на ней, начали освобождаться. Но перебрасывать их через стену было некому. «Сплошь новобранцы, — подумал я. — Конечно. Мониторы послали вперед новобранцев с простейшим заданием. Лечь и дать другим пройти по себе».

С ревом появился вертолет, расстреливая крепость из пушки. Следы трассирующих пуль ярко выделялись на темном небе.

А я по-прежнему оставался на месте, наблюдал и поражался тому, как быстро все происходит. Я встряхнулся и занялся своей установкой связи.

— Включить бакены концентрации поля! Общий приказ: включить бакены! — Я сменил канал. — Ночной ястреб, говорит Черный орел. Ради Бога, Луис, осторожней! Наши уже внутри!

— Я вижу бакены, — ответил Луис. — Спокойней, Хэл, мы их видим.

Вертолет по крутой орбите огибал крепость и по-прежнему вел огонь. Потом спустился ниже.

— Артиллеристы, прекратить стрельбу, — послышался голос сержанта Ардвайна. — Мы в крепости, и вертолет садится.

«Боже, — подумал я, — забыл кое-что еще. Ну и командир! Не могу вспомнить самых элементарных вещей».

Вертолет опустился еще ниже, и не успел он сесть, как из него начали выпрыгивать люди.

Я побежал к воротам, держась сбоку от них, чтобы не попасть под незатихающий огонь. Передо мной оказался капрал Рофф.

— Осторожней, сэр. — Он обогнул стойку ворот и исчез. Я последовал за ним в дым и побежал направо, туда где через стену перебрались солдаты.

Внутри царил хаос. Повсюду тела без брони, вероятно, скошенные мортирами. Люди бегали и палили во все стороны. Не думаю, чтобы у кого-нибудь из обороняющихся были шлемы.

— Всякий без шлема — враг, — сказал я в микрофон.

Как глупо. Они и так это знают.

— Покажите им, парни!

Еще одна глупость, но по крайней мере у меня есть право кричать им что-нибудь, а не говорить то, что они и без меня знают.

Из одного бункера продолжали стрельбу. Взвод подобрался к входу и забросал бункер гранатами. Со своего места я мог видеть только это, но стрельба шла повсюду.

«Что теперь?» — подумал я. Но тут стрельба начала стихать, время от времени слышались лишь редкие ружейные выстрелы. Из бункера, прикрывающего ворота, продолжал напрасно стрелять пулемет.

— Лейтенант? — Голос Ардвайна.

— Да, сержант.

— В главном бункере люди, сэр. Слышны голоса. Похоже, женские. Мы не хотим взрывать бункер, по крайней мере сейчас.

— А как остальная крепость?

— Все очищено, сэр. И бункеры, и казармы. У нас примерно двадцать пленных.

Как быстро. Словно по волшебству.

— Сержант, убедитесь, что никто не сможет стрелять в районе севернее крепости. Хочу привести туда «небесный якорь».

— Есть, сэр.

Я настроил установку связи на волну вертолета.

— Мы захватили крепость, кроме одного бункера, но и это не проблема. Приведите номер второй и садитесь к северо-западу от крепости, примерно в трехстах метрах от стены. Хочу, чтобы вы оставались здесь и прикрывали номер второй. Позаботьтесь обо всем, что может вам помешать. Продолжайте сканировать. Думаю, кто-нибудь обязательно придет, чтобы посмотреть, что случилось.

X

Это был мой первый бой, крещение огнем. И я не слишком гордился своей ролью в нем. С начала нападения я не отдал ни одного приказа и оказался в крепости едва ли не последним. Ну и командир.

Но расстраиваться нет времени. На востоке алела яркая полоска рассвета. Прежде всего нужно определить наши потери. Четверо убитых, из них двое новобранцы. Одиннадцать раненых. После короткого совещания с нашим фельдшером троих я отправил к вертолету. Остальные могут сражаться, вернее, говорят, что могут. Потом я отправил оба вертолета на восток, к Гармонии, а мы тем временем взялись переносить остальное оборудование в крепость. Отныне мы были предоставлены самим себе.

У сержанта доктора Криспа еще двенадцать пациентов из числа защитников крепости, раненных при нападении. У нас тридцать пленных, тридцать семь раненых и около пятидесяти убитых. Один из раненых — командир крепости.

— Получил удар прикладом у своего штаба, — сказал мне Ардвайн. — Сейчас может говорить.

— Я с ним поговорю.

— Сэр. — Ардвайн зашел в госпитальный бункер и вывел оттуда человека лет пятидесяти с венчиком черных волос на лысой голове. Худой, глаза слезятся. Не похож ни на солдата, ни на преступника.

— Он говорит, что его зовут Флаун, сэр, — сказал Ардвайн.

— Морские пехотинцы, — сказал Флаун. — Морские пехотинцы СоВладения. Не знал, что они есть на этой планете. Что опять привлекло внимание Большого Сената?

— Заткнись, — приказал Ардвайн.

— У меня проблема, Флаун, — сказал я. Мы стояли на площадке в центре крепости. — В том бункере есть еще ваши люди. Его легко подорвать, но солдатам кажется, что там слышны женские голоса.

— Верно, — ответил Флаун. — Там наши жены.

— Можете уговорить их выйти, или нам придется их расстрелять?

— Боже! — сказал он. — Что теперь с нами будет?

— *Machts nicht* для меня, — ответил я. — Мне было приказано разоружить вас. Пойдете куда захотите, но без оружия. Если пожелаете, на северо-запад.

— Без оружия. А вы знаете, что с нами будет без оружия?

— Нет и не интересуюсь.

— А я знаю, — сказал Флаун. — Вам, выродкам, все равно...

— Следи за собой, когда говоришь с лейтенантом, — сказал Ардвайн. Он прикладом ударил Флауна по ноге. Тот застонал.

— Довольно, сержант, — сказал я. — Флаун, вы преступники...

— Преступники! Вздор! Прошу прощения, сэр, вы ошибаетесь. — Он с опаской взглянул на Ардвайна, который презрительно скривил губы. — Меня сюда прислали как преступника только из-за моего мнения о СоВладении. И выпустили без ничего. Совсем без ничего, лейтенант. Поэтому мы постарались что-нибудь создать. Политика здесь не такая, как дома.

Или, может быть, такая же, только здесь все в открытую. Мне удалось кое-чего добиться, а теперь вы приходите и выгоняете нас — без оружия, в чем есть, и требуете уважения. — Он посмотрел на флаг СоВладения, который теперь развевался высоко над крепостью. — Простите, но я особого энтузиазма не испытываю.

— Мне было приказано разоружить вас, — ответил я. — Так что же, вы уговорите своих друзей в бункере, или нам взрывать его?

— Вы нас отпустите?

— Да.

— Честное слово, лейтенант?

Я кивнул:

— Определенно.

— Вероятно, других гарантий мне не получить. — Флаун взглянул на сержанта Ардвайна и поморщился. — Хотелось бы мне быть посмелей. Ну хорошо, я поговорю с ними.

К полудню крепость Вирсавия принадлежала только нам. Флаун и все остальные ушли. Они настояли на том, чтобы унести с собой своих раненых, хотя доктор Крисп сказал, что большинство, вероятно, умрет в дороге. Женщины оказались самого разного возраста — от девочек-подростков до старух. Все ушли с Флауном — к моему облегчению и разочарованию солдат.

Центурион Либерман организовал оборону. Он разместил людей в бункерах, приказал делать земляные насыпи для мортир, отыскал материал для починки ворот, разместил караульных на стенах, поставил палатку, в которой будет столовая, поместил найденные нами алкогольные напитки в запертое помещение и поставил возле него охрану...

Я снова почувствовал себя ненужным.

Через час на дороге показалась группа людей. Я послал взвод во главе с сержантом Ардвайном установить дорожный блокпост. Мы можем накрыть это место с крепости, а мортиры могут держать дорогу под огнем. Река отсюда в трехстах метрах, в ста метрах под нами, и крепость может обстреливать дорогу в обоих направлениях на километр.

Легко понять, почему для ее сооружения выбрали именно этот утес.

Всех проходящих Ардвайн разоружал. Вначале они проходили дальше, но потом начали поворачивать назад, не желая сдавать оружие. Никто из них не представлял проблем, и я не разрешал Ардвайну преследовать тех, кто поворачивал назад. У нас слишком мало людей, чтобы совершать такие рискованные и бессмысленные действия.

— Хорошая работа, — сказал Фалькенберг, когда днем я вышел на связь с докладом. — Мы прошли сорок километров, и до темноты осталось еще несколько часов. Трудно оценить, насколько быстро мы сможем идти.

— Да, сэр. У первой группы, которую мы разоружили, было три ракеты типа «Небесный ястреб». В крепости ракет было пять, но у них не было времени ими воспользоваться. Несколько человек, которые попытались это сделать, были убиты снарядами из мортир. Но вертолетам здесь летать опасно, особенно теперь, когда местные предупреждены.

— Да, — согласился Фалькенберг. — Я так и думал. На какое-то время воздержимся от использования вертолетов. Вы хорошо справились, Слейтер. Но предупреждаю вас: не расслабляйтесь. В данный момент мы не встречаем сопротивления, достойного упоминания, но скоро это изменится, а после начнутся попытки прорваться через ваши позиции. Они ведь не хотят сдавать оружие?

— Нет, сэр.

«И их трудно винить», — подумал я. Меня встревожил Эрик Флаун. Он совсем не был походил на преступника. Я не знал, что ожидал увидеть здесь, в Вирсавии. Похищенных девушек. Сцены насилия и разврата, вероятно. Я никогда не видел, как действует правительство злодеев. Но я совсем не ожидал того, что увидел: группа мужчин средних лет, которые руководят войском, очень похожим на наше, только не так хорошо вооруженным.

— Я слышал, вы захватили какое-то количество вина, — сказал Фалькенберг.

— Да, сэр.

— Это хорошо. Но ежедневный рацион не больше полулитра на человека.

— Сэр? Я не собирался ничего выдавать, пока вы здесь не появитесь.

— Оно их, Слейтер, — сказал Фалькенберг. — Вы, конечно, можете запретить выдачу, но это не лучшее решение. Вам решать. Поступайте, как считаете нужным, но если хотите совет: давайте солдатам ежедневно по пол-литра.

— Да, сэр.

Никаких запретов на выпивку у линейных морских пехотинцев нет, даже когда они при исполнении. Существуют строгие наказания за неготовность к исполнению обязанностей. Вплоть до расстрела.

— Пол-литра за ужином, сэр.

— Думаю, это разумно, — сказал Фалькенберг. — Что ж, похоже, вы неплохо справляетесь. Будем через несколько дней. Конец связи.

Образовался миллион других дел. В полдень я услышал звук трубы, зовущей на обед, и пошел посмотреть, кто это делает. Капрал, которого я не узнал, играл на надраенной медной трубе.

— Мне нужно несколько дней, чтобы запомнить всех по именам, капрал, — сказал я ему. — Вот вас как зовут?

— Капрал Брейди, сэр.

— Вы хорошо играете.

— Спасибо, сэр.

Я снова посмотрел на него и понял, что его лицо мне знакомо. Кажется, я видел его на триви. У него была собственная группа и певцы. Выступали в ночных клубах, по крайней мере так сказали в передаче. Я задумался, что делает такой человек в морской пехоте, но не стал спрашивать. Попытался вспомнить его настоящее имя, но не смог. Но точно не Брейди, в этом я был уверен.

— Вы даете здесь все сигналы?

— Да, сэр. Приказ центуриона.

— Хорошо. Продолжайте, Брейди.

Весь день труба направляла людей на разные задания. А за час до ужина прозвучал формальный сигнал вечерней поверки. Флаг СоВладения спустили, и все, кто не был занят

на постах, выстроились и смотрели на это, а Брейди сыграл гимн. И пока складывали флаг, я вспоминал лекцию о военном руководстве, которую нам читали в Академии.

Инструктором был высохший майор морской пехоты с одной настоящей и одной искусственной рукой. Мы должны были догадаться, какая из рук искусственная, но так и не смогли. Лекция, которую я вспомнил, посвящалась церемониалам. «Никогда не забывайте, — говорил нам инструктор, — что разница между армией и толпой состоит в традициях и дисциплине. Вы не можете установить дисциплину в войсках, которые чувствуют, что с ними обращаются несправедливо. Даже тот, кого наказывают несправедливо, должен понимать, что заслужил наказание. Вы не можете навязать дисциплину толпе, поэтому нужно напоминать вашим людям, что они солдаты. И самое мощное орудие для этого — церемонии. Церемонии справедливо осуждают за дороговизну. Большой Сенат постоянно стремится отобрать у нас мундиры, значки, знамена и прочие так называемые нефункциональные предметы, которые мы используем. Сенату везет, потому что ему никак не удается это сделать. Но в тот день, когда он этого добьется, он получит армию, не способную его защитить.

Солдаты будут ворчать по поводу церемоний, «поплюй и надрай» и тому подобного, но без всего этого они не могут оставаться армией. Люди сражаются не из-за денег, а из-за гордости, и служба, которой не гордишься, долго не продлится».

«Может быть», — подумал я. Но в свой первый день в крепости Вирсавия, когда необходимо сделать тысячу дел, я вполне мог бы обойтись без церемонии вечерней поверки. Однако меня не спросили. К тому времени, как я понял, что происходит, Либерман уже сделал все необходимые приготовления и отдал приказы.

К ужину мы все организовали на ночь. За день Ардвайн пропустил через дорожный блокпост почти триста человек и собрал сотни образцов оружия, в основном устаревшие ружья; среди них были даже такие, которые заряжаются со ствола, кустарно изготовленные на Арарате.

В сумерки мы закрыли дорогу. Вдоль нее бродили лучи прожекторов, и в нескольких местах мы перегородили дорогу

заплатами из бревен. Ардвайн со своим отрядом окопался там, откуда мог накрыть огнем весь район, а мы могли прикрыть их из крепости. Все выглядело очень неплохо.

Протрубили вечернюю зорю, и крепость Вирсавия начала устраиваться на ночь.

Я обошел расположение, приглядываясь ко всему. Система сигнализации, основанная на теплоизлучении тела, на которую рассчитывали предыдущие обитатели крепости, была уничтожена, когда мы взорвали бункер, но мы привезли свое оборудование. Я не очень доверяю пассивному оборудованию, однако в данном случае оснований для беспокойства не было. Либерман расставил во все башни часовых, оснащенных биноклями с усилением. И еще несколько человек постоянно наблюдали за инфракрасными экранами.

— Мы достаточно обеспечили свою безопасность, — сказал Либерман. — Если лейтенант ляжет отдыхать, я прослежу за сменой часовых.

Он проводил меня до моей квартиры. Хартц уже приготовил ее для меня. Пулевые отверстия в стенах были заделаны. Оборудование разложено так, чтобы я легко мог им воспользоваться. Плащ и ранец самого Хартца лежали в прихожей.

Был даже кофе. На спиртовой лампе грелся котелок.

— Можете все оставить на нас, — сказал Либерман.

Хартц улыбнулся:

— Конечно. Лейтенанты заканчивают Академию без мозолей, но мы делаем из них генералов.

— Ну, для этого потребуется немало усилий, — ответил я и пригласил Либермана в гостиную. Там стоял стол, а на нем макет крепости. Его изготовил Флаун, но ничего хорошего ему это не принесло.

— Садитесь. Хотите кофе, центурион?

— Совсем немного, сэр. Мне лучше вернуться к своим обязанностям.

— Разбудите меня на следующую вахту.

— Если лейтенант приказывает.

— Я просто... черт побери, Либерман, почему вы не хотите, чтобы я принимал участие в дежурстве?

— В этом нет необходимости, сэр. Могу я внести предложение?

— Да.

— Предоставьте это нам, сэр. Мы знаем, что делаем.

Я кивнул и уставился на свою чашку. Мне казалось, что я не готов командовать здесь. В Академии рассказывают обо всем: о руководстве, о необходимости в течение двадцати четырех часов после прибытия на новый пост доставить свою карточку всем старшим офицерам, о связи, о том, как проводить парады, как устроена лазерная система нахождения цели, как наложить заплаты на мундир, как рассчитать траекторию стрельбы мортиры, каковы винные рационы для солдат, как начистить сапоги, как обслуживать безоткатные орудия, как собирать и обслуживать вертолеты, как выживать на планетах с ядовитой атмосферой или вообще без атмосферы, каков распорядок дня на кораблях и миллионы прочих вещей. Приходится все их заучивать, и они начинают смешиваться, пока вы уже не отличаете важное от неважного. Все это просто сведения, которые нужно знать, чтобы сдать экзамен.

— Вы-то знаете, центурион, а вот я не уверен, что знаю.

— Сэр, я кое-что знаю о молодых офицерах, — сказал Либерман. — Они все воспринимают чересчур серьезно.

— Командование — серьезное дело.

«Черт возьми, — подумал я, — слишком напыщенно. Особенно в разговоре молодого парня со старым солдатом».

Но тот воспринял это иначе.

— Да, сэр. Слишком серьезное, чтобы распыляться на мелочи. Лейтенант, если бы дело заключалось только в расстановке часовых и организации обороны, армии не нужны были бы офицеры. Мы обо всем этом позаботимся. Нам нужен кто-нибудь, кто говорил бы нам, что делать. Когда приказ получен, мы знаем, как его выполнить.

Я ничего не ответил. Он внимательно посмотрел на меня, вероятно, пытаясь определить, не рассердился ли я. Но не казался очень встревоженным.

— Возьмем, например, меня, — продолжал он. — Я не знаю, зачем мы сюда пришли, и мне это безразлично. У каждого свои причины для вступления в армию. Что касается меня, то я просто не знаю, куда бы еще податься. Я нашел себе хорошее занятие, и у меня получается. Офицеры говорят мне, где сражаться, и больше волноваться не о чем.

Снаружи прозвучала труба. Последний караул. Сегодня мы слышим этот сигнал вторично. В первый раз — когда хоронили своих погибших.

— Пора делать обход, — сказал Либерман. — Разрешите идти, сэр?

— Действуйте, центурион. — Несколько минут спустя пришел Хартц, чтобы помочь мне снять сапоги. Он и слышать не хотел о том, чтобы я лег обутый.

— Мы задержим их настолько, чтобы вы успели обуться, зэр. Никто не захватит офицера морской пехоты в спальном мешке.

Чтобы я имел возможность снять сапоги, он лег не разуваясь. Особого смысла это не имело, но я не собирался с ним спорить. Забрался в мешок и посмотрел на потолок. Мой первый день командования. Я все еще думал об этом, засыпая.

На следующий день начались нападения. Вначале лишь небольшие группы пытались прорваться через блокпост, и всегда безуспешно. Мы могли вести из крепости слишком сильный огонь.

Потом попытались напасть на саму крепость. У нападающих было с десяток мортир, но стреляли они неточно, а наша радарная система сработала отлично. Они успевали сделать несколько выстрелов, но затем мы засекали место, откуда велась стрельба, и сосредоточивали на нем огонь всей батареи. Полностью подавить обстрел не удавалось, но на какое-то время расчетам становилось слишком опасно подходить к орудиям, и стрельба замолкала. Всю ночь стреляли и из ружей, но ничего не добились.

— Это лишь проба, — сказал Фалькенберг, когда я утром докладывал ему. — Мы сильно жмем на них с этой стороны. Вскоре они предпримут более серьезную попытку.

— Да, сэр. А как дела на вашем фланге?

— Продвигаемся помаленьку, — сказал Фалькенберг. — Разумеется, сопротивление более сильное, чем ожидал полковник. Вы заткнули бутылке горлышко, и им некуда отступать. Сражаться или сдаваться — мы оставили им только две

возможности. В течение ближайших нескольких дней можно ждать серьезной попытки прорваться. Но тогда мы уже будем достаточно близко, чтобы серьезно потеснить их.

Странная ситуация. Никто серьезно не тревожился. Мы сдерживали нападения. Боеприпасы подходили к концу, но ответом Либермана на это стал приказ новобранцам прекратить пользоваться оружием. Они теперь обслуживали мортиры и безоткатные орудия под командованием опытных унтерофицеров, которые сперва убеждались, что у каждого выстрела есть серьезная цель. А опытные стрелки выжидали и стреляли прицельно, так что каждый выстрел шел в зачет.

Пока есть боеприпасы, никакой серьезной опасности мы не подвергаемся. Из крепости открывается хороший обзор во все стороны, и нам не противостоит тяжелая артиллерия. В лучшем случае у противника мортиры, и наши противоартиллерийский радар и компьютерная система вполне с ними справляются.

— Нет дисциплины, — говорил Либерман. — У них нет дисциплины. Наступают волнами, отступают волнами, но никогда не держатся достаточно долго. Я очень рад, что среди них нет дезертиров из морских пехотинцев. При хорошем руководстве они могли бы прорваться.

— Меня тревожат боеприпасы, — сказал я.

— Дьявольщина, лейтенант, к нам идет капитан Фалькенберг. Он нас не оставит.

— Вы с ним служили раньше?

— Да, сэр, в деле на Доминго. Мы называли его Кристиан Джонни. Он будет здесь.

Все вели себя так. И это делало ситуацию нереальной. Мы находились под огнем. Невозможно было поднять голову над стеной или высунуть за ворота. Через неравные интервалы разрывались снаряды из мортир, иногда застигая солдат на открытом месте. Несмотря на броню, у нас появились раненые. Четверо погибли и еще девять лежали в госпитальном бункере. У нас кончались боеприпасы, противник в десять с лишним раз превосходил нас по численности — но никто не тревожился.

«Ваша работа — выглядеть уверенным», — внушал мне Фалькенберг. *Конечно.*

На четвертый день положение сержанта Ардвайна и его людей на дорожном блокпосту стало серьезным. У них заканчивались боеприпасы и запас воды.

— Уходите, Ардвайн, — приказал я. — Ведите своих людей сюда. Мы можем перекрыть дорогу огнем из крепости.

— Сэр. У меня шестеро раненых, которые не могут идти, сэр.

— А сколько всего пострадавших?

— Девять, сэр, — двое ходячих и один мертвый.

Девять из двенадцати.

— Держитесь, сержант. Мы придем к вам на выручку.

— Есть, сэр.

Я задумался: «Кого бы туда отрядить?»

Сомнений в том, кто наименее полезный человек в крепости, у меня не было. Я послал за Либерманом.

— Центурион, я с двенадцатью добровольцами направляюсь на выручку группы Ардвайна. Мы возьмем с собой полные ранцы и дополнительные боеприпасы и продовольствие.

— Лейтенант...

— Черт побери, не учите меня, что делать. Вы достаточно подготовлены. Вы сами сказали, что офицеры вам нужны, чтобы говорить, что делать, а не как делать. Отлично. Приказываю вам удерживать крепость до прихода Фалькенберга. И последнее — вы не станете посылать подкрепления вниз по холму. Я не хочу дальнейшего ослабления гарнизона крепости. Понятно?

— Сэр.

— Отлично. А теперь отберите для меня дюжину добровольцев.

Я решил спуститься с холма сразу после захода солнца. Мы загрузили ранцы и ждали у ворот. Среди добровольцев оказался капрал Брейди. Он стоял и ворот и болтал с часовым.

— Тихо сегодня, — говорил Брейди.

— Но они все еще там, — ответил часовой. — Скоро сам увидишь. Ставлю завтрашний винный рацион, что вам с холма не спуститься.

— Договорились. Помни, ты сказал — с холма. Надеюсь, ты сохранишь для меня вино.

— Конечно. Эй, это очень странная планетка, Брейди.

— А в чем дело?

— Полно святош и ни одного капеллана морской пехоты.

— Тебе нужен капеллан?

Часовой пожал плечами. У него была длинная черная борода, и он все время перебирал ее, словно искал вшей.

— А неплохая мысль, верно?

— Конечно, но нам капеллан не нужен. А нужен нам хороший сатанист. Но в нашем батальоне сатанистов нет.

— А зачем они тебе?

Брейди рассмеялся:

— Причины есть. Бог милостив, верно? Он хорошо обращается с тобой. Нужно опасаться другого парня. — Он снова рассмеялся. — Однажды я за такие слова получил три дня без хлеба и вина. Ляпнул это капеллану, майору Маккроки, в штабе сектора. Он не оценил.

— Пора идти, — сказал я. И надел на плечи тяжелый ранец.

— Мы пойдем или побежим, зэр? — спросил Хартц.

— Будем идти, пока нас не заметят. И помалкивай.

— Зэр.

— Начинаем, Брейди. Потише.

— Сэр.

Часовой чуть-чуть приоткрыл ворота. В образовавшуюся щель протиснулся Брейди, потом еще один солдат и еще. Ничего не произошло, и вот — моя очередь. Хартц замыкал цепочку.

Тропа примерно в два метра шириной круто спускалась по склону холма — просто-напросто наклонный карниз. Мы были на полпути вниз, когда начался пулеметный огонь. Один из солдат упал.

— Бегом марш! — крикнул я.

Двое солдат подхватили упавшего и потащили с собой. Мы бежали вниз по тропе, подпрыгивая на поворотах. Кто

стреляет, мы не видели, но о гранитный утес, откалывая от него кусочки камня, стучали пули.

Стена над нами озарилась огнем. Казалось, там, прикрывая нас, собралась вся рота. Я надеялся, что это не так. Одно из безоткатных орудий нашло цель, и на несколько мгновений обстрел прекратился. Но тотчас возобновился. Что-то пролетело мимо моего уха. Потом я ощутил сильный удар в живот и упал.

И лежал, с трудом хватая ртом воздух. Хартц схватил меня за руку и крикнул другому солдату:

— Джерси! Лейтенант ранен. Помоги мне.

— Я в порядке, — сказал я. Пощупал живот. Крови нет. — Броня остановила пулю. У меня просто перехватило дыхание. — Я по-прежнему дышал с трудом.

Они притащили меня в командный пункт Ардвайна.

— Как мы объяснялись бы с центурионом, если бы вернулись без вас? — спросил Хартц.

КП представлял собой траншею, прикрытую сверху стволами железного дерева. В одном конце лежало трое раненых. Брейди отвел туда и нашего пострадавшего. Тот был ранен в обе ноги. Брейди наложил ему турникеты.

У Хартца было свое представление о первой помощи. Он прихватил фляжку с бренди. Предполагалось, что это лекарство от всех болезней. Заставив меня дважды отпить, он отправился на дальний конец траншеи и пустил бутылку по кругу среди раненых.

— Их всего трое, Ардвайн? — спросил я. Я все еще хватал воздух. — Мне казалось, вы сказали шесть.

— Шесть неходячих, сэр. Но трое из них могут сражаться.

XI

— Нам не подняться на утес. С ранеными, — сказал я.

— Конечно, сэр. — Ардвайн распределял боеприпасы среди своих солдат. — Но мы хорошо закрепились здесь. Продержимся, пока не подойдет подкрепление.

— Придется продержаться.

— Не так уж плохо, сэр. Большинство ранено осколками снарядов. Но больше из мортир в нас не стреляют. Вероятно, берегут снаряды.

— Будем надеяться, что так будет и дальше. — Передо мной стояла другая проблема. Главной защитой дорожного блокпоста служил орудийный огонь из крепости. Но там, наверху, тоже заканчивались снаряды. Еще день, и их совсем не останется. «Но тревожиться раньше времени нет смысла, — решил я. — Придется делать, что сможем».

Следующий день был шестым с захвата крепости. Продовольствие таяло. У нас на блоке его вообще не было, кроме сушеного мяса, которое солдаты называют «обезьяньим». Вкус у него неплохой, но это мясо обладает своеобразным свойством: когда его жуешь, оно разбухает, и вскоре у тебя рот забит словно резиновыми полосками. Говорят, линейные морские пехотинцы способны пройти пешком тысячу километров, если у них есть кофе, вино и обезьянье мясо.

В полдень мы связались по радио с Фалькенбергом. Он все еще был в сорока километрах от нас и преодолевал особенно ожесточенное сопротивление. В деревнях приходилось буквально брать дом за домом.

— Можете еще продержаться? — спросил он.

— Остаток этого дня и ночь — легко. Завтра к полудню кончатся снаряды для мортир. Может, даже раньше. Когда это произойдет, наш аванпост на дорожном блоке останется без поддержки. — Я не сказал ему, где нахожусь.

— Сможете продержаться до 13-и часов завтра?

— Крепость продержится. Насчет блокпоста не знаю.

— Сделаем, что сможем, — сказал Фалькенберг. — Удачи.

— Кристиан Джонни вытащит нас отсюда, — сказал Брейди.

— Вы его знаете?

— Да, сэр. Он нас вытащит.

Завидная уверенность.

Этой ночью бандиты попытались прорваться. Не знаю, сколько их проползло по берегу, но очень много. Некоторые просочились мимо нас. Остальные пошли прямо на наш бун-

кер. Завязалась рукопашная, в ход пошли ножи, штыки и гранаты, но мы очистили наши укрепления, и я приказал людям залечь в них. А затем велел Либерману десять минут вести огонь из мортир прямо по нашим позициям. Когда огонь прекратился, мы выползли, чтобы очистить местность.

Утром у нас насчитывалось трое мертвых и никого, кто не был бы ранен. Мне в предплечье, сразу за тем местом, где кончается броня, попал осколок. Больно, но не слишком страшно.

Мы насчитали двадцать трупов перед укреплениями, а множество кровавых следов говорило о том, что многие раненые уползли.

Через час после рассвета снова началась атака. В крепости осталось всего несколько мортирных зарядов. Мы старательно нацеливали каждый выстрел сверху. Однако там не могли уделять нам слишком много внимания — начался общий штурм крепости. Когда на мгновение стрельба вокруг Вирсавии стихала, с востока доносились звуки дальних разрывов. Колонна Фалькенберга пробивалась через очередную деревню.

В полдень пулей в шею был ранен Ардвайн. Рана выглядела тяжелой. Брейди затащил его в главный бункер и приложил тампон. Ардвайн дышал неровно, изо рта текла кровь. Оставались два унтер-офицера: Брейди и Рофф, причем Рофф не мог передвигаться. Осколком ему перебило ногу.

В 12.30 у нас в строю оставалось четыре человека и никакой огневой поддержки из крепости. Со стороны реки доносились звуки передвижения.

— Они обходят нас, черт побери! — крикнул я. — Все впустую! Хартц, соедини меня с Либерманом.

— Зэр. — Хартц действовал одной рукой. Правая рука его была искромсана. Он настоял на том, чтобы остаться со мной, но я не мог считать его действующим бойцом.

— Сержант Росак, — пришел ответ по радио.

— Где Либерман?

— Погиб, сэр. Я здесь старший унтер-офицер.

— Сколько зарядов для мортир осталось?

— Четырнадцать, сэр.

— Три выстрела по речному берегу, сразу за нами, и готовьтесь стрелять еще.

— Есть, сэр. Минутку. — Наступило молчание. Потом он сказал: — Мы готовы.

— Как у вас дела?

— Отбиваемся на стенах, сэр. Северную часть потеряли, но бункеры покрывают весь район.

— Боже. Вам нужны мортиры, чтобы удержать крепость. Но от крепости не будет никакого прока, если падет дорожный блокпост. Готовьтесь использовать последние заряды по моему приказу.

— Есть, сэр. Мы продержимся.

— Конечно, продержитесь. Конечно.

Я посмотрел через бойницу бункера. По дороге шли люди. Десятки. У меня осталась одна обойма, и я попытался остановить их медленным огнем. Хартц стрелял левой рукой, тоже медленно и точно в цель. По выстрелу каждые две секунды.

Слева тоже слышались выстрелы. Там в бункере был капрал Брейди, но его рация не работала. Атакующие направлялись к нему. Больше никого из своего отряда я не слышал.

Неожиданно запела труба Брейди. Медные ноты перекрыли звуки боя. Он играл «К оружию!», потом перешел на марш линейных морских пехотинцев. «Наша кровь в грязи двадцати пяти планет...»

В бункере кто-то зашевелился. Это новобранец Дитц, дважды раненный в живот, прополз к Ардвайну и взял его пистолет. Подполз к бойнице и начал стрелять. При каждом выстреле он кашлял кровью. Из кустов выполз еще один солдат. Он поднялся и, шатаясь как пьяный, пошел к дороге. На шее у него висела связка гранат, и он механически швырял их, шатался и швырял. У него была только одна рука. В него попало не менее десяти пуль, и он упал, но его рука перед смертью потянулась к очередной гранате.

К бункеру Брейди шло все больше нападающих. Труба на мгновение смолкла, Брейди выстрелил, но потом снова послышались чистые, как всегда, ноты.

— Росак, — сказал я. — Приказываю открыть огонь.

— Сэр.

— Я опишу вам нашу ситуацию. — Я рассказал о положении своего командного пункта, бункера Брейди и еще одного, где, как мне казалось, могут быть наши. — Все остальное полно солдат противника, и они проходят мимо нас вдоль речного берега. Я хочу, чтобы вы сделали два выстрела по месту в сорока метрах прямо перед КП, чуть севернее дороги. Там капрал Брейди, и будет очень жаль, если его концерту помешают.

— Мы слышим его отсюда, сэр. Минутку. — Молчание. — Готово.

Секунду спустя послышались разрывы. Брейди продолжал играть. Теперь я вспомнил его имя. Это было на Земле десять лет назад. Он был знаменитым музыкантом, пока не исчез из виду. Росак не выключил свой микрофон, и я слышал, как одобрительно кричат солдаты в крепости.

Снова послышался голос Росака:

— Приказ из штаба батальона, сэр. Вы должны оставаться в бункерах. Никто не должен выходить. Срочный приказ, сэр.

Я удивился: «Что задумал Фалькенберг?» — но по своей установке связи передал приказ всем остальным. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь меня услышал, хотя это было уже неважно. Никто и не собирался выходить.

Неожиданно дорога взорвалась. Насколько мне было видно, вся она исчезла во взрывах. Взрывы продолжались, затем в облаках пыли взлетел на воздух речной берег. Всю дорогу перед нами разорвало на куски; последовал второй залп, третий. Я лег на пол бункера и зажал уши, а вокруг продолжали рваться снаряды.

Наконец разрывы прекратились. Я слышал какой-то шум в наушниках, но в ушах звенело и я ничего не мог разобрать. Это не голос Росака. Но вот он стал яснее.

— Нужна еще огневая поддержка, мистер Слейтер?

— Нет. Боже, вот это огонь...

— Передам артиллеристам, — сказал Фалькенберг. — Держитесь, Хэл. Мы будем с вами через час. Но теперь можем поддерживать вас огнем.

Снаружи труба Брейди запела новый марш.

XII

Меня отправили в Гаррисон залечивать руку. На Арарате есть грибковая инфекция, которая даже легкие раны делает опасными. Неделю я провел в хирургии, поджидая, пока срастется рука, потом еще неделю продолжалась стимулированная регенерация. Мне хотелось вернуться в свою часть, но хирург не желал и слышать об этом. Ему нужно было постоянно проверять, как идет рост новых тканей.

В соседней палате лежал сержант Ардвайн. Ему потребуется гораздо больше времени, чтобы оклематься, но все будет в порядке. Теперь, когда Либерман погиб, Ардвайн может получить лычки центуриона.

Меня пребывание в Гаррисоне сводило с ума: ведь моя рота в крепости Вирсавия без своего единственного офицера и двух старших унтер-офицеров. В тот день, когда меня выпустили из госпиталя, я уже готов был взбунтоваться, но никакого транспорта все равно не было, и майор Лорка ясно дал понять, что я должен торчать в Гаррисоне, пока меня не отпустит хирург. В замешательстве я пошел к себе.

Все было прибрано. Меня с улыбкой встретил рядовой Хартц. Его правая рука, привязанная к груди милей марли, покоилась в толстом гипсе.

— Как тебе удалось выйти раньше меня? — спросил я.

— У меня не оказалось инфекции, зэр. Я поливал раны бренди. — Он поморщился. — Жалко было тратить, но для меня одного оставалось слишком много.

Меня ждал еще один сюрприз. Из моей спальни вышла Ирина Суэйл.

— Мисс Суэйл была так добра, что помогла мне в работе, зэр, — сказал Хартц. Он казался смущенным. — Она настояла, зэр. Разрешите принести одежду из прачечной?

Я улыбнулся, и он вышел. «Что теперь?» — подумал я.

— Спасибо.

— Это самое меньшее, что я могла сделать для величайшего героя Арарата, — ответила Ирина.

— Героя? Что за вздор...

— Вероятно, вздор и то, что мой отец награждает вас военной медалью, а полковник Харрингтон представил еще к

чему-то... не могу вспомнить, к чему, но разрешение должно прийти из штаба сектора...

— Для меня это новость, — сказал я. — И все же я не думаю...

— Вам и не нужно. Не предложите мне сесть? Хотите чего-нибудь выпить? У нас здесь все есть. Рядовой Хартц действует чрезвычайно эффективно.

— Вы тоже. Неплохо у меня получается, а? Садитесь, пожалуйста. Я бы угостил вас выпивкой, но не знаю, где что.

— Все равно вам не одолеть бутылку. Сейчас. — Она вышла в соседнюю комнату и вернулась с двумя стаканами. Бренди для меня и вино «Иерихон», которое ей нравится. «Работа Хартца, — подумал я. — Теперь мне предстоит весь остаток жизни пить этот проклятый бренди».

— Тяжело было? — спросила, усаживаясь на диванчик, который появился во время моего отсутствия.

— Тяжеловато. — Из моих девяноста солдат только двенадцать не были ранены. Двадцать восемь погибли, и еще дюжина не скоро вернется на службу. — Но мы продержались. — Я покачал головой. — Я не хвастаюсь, Ирина. Больше удивляюсь. Мы продержались.

— Я все время думаю вот о чем, — сказала она. — Спрашивала Луиса Боннимена, но он не ответил. Почему вам приказали удерживать крепость? Это было самое трудное во всей кампании. Почему этим не занимался сам капитан Фалькенберг?

— Вероятно, у него были другие дела. В госпитале меня держали под наркозом, и я мало что знаю. Что случилось с тех пор?

— Все прошло великолепно, — сказала она. — Милиция Гармонии контролирует всю реку. Снова пошли корабли, цена на зерно в городе упала...

— Вы не кажетесь довольной.

— Это так заметно? — Она немного посидела молча, словно пытаясь справиться с собой. Губы ее дрожали. — Отец говорит, что вы завершили свою миссию. Он не разрешает полковнику Харрингтону отправить вас на помощь фермерам. А ведь Речная Стая — совсем не худшее из бандитских правительств! Во многом они были лучшими... Я думала... Мне ка-

залось, что вы отправитесь на юг, к фермерам, где положение действительно тяжелое, но Хьюго получил устойчивое поступление продовольствия и говорит, что все остальное не наше дело.

— Вам так хочется, чтобы нас убили?

Она сердито посмотрела на меня. Потом увидела, что я улыбаюсь.

— Кстати, сегодня вечером вас ждут во дворце на обед. С хирургом я уже договорилась. И на этот раз я надеюсь, что вы придете! Все эти планы большого приема оказались хитростью вашего капитана Фалькенберга! Вы ведь придете? Пожалуйста.

Мы обедали вдвоем. Губернатор Суэйл ездил по недавно отвоеванным территориям, пытаясь создать устойчивое правительство. Мать Ирины оставила его несколько лет назад, а ее единственный брат служил офицером где-то в секторе Плеяд.

После обеда я сделал то, чего она, вероятно, от меня ожидала. Поцеловал ее и прижал к себе, рассчитывая перейти к чему-то более интимному. Но она высвободилась.

— Не нужно, Хэл.

— Прости.

— Ты мне нравишься, Хэл. Просто...

— Дин Ноулз, — сказал я.

Она удивленно посмотрела на меня.

— Нет, конечно, нет. Но... мне нравится твой друг Луис. Разве мы не можем быть просто друзьями, Хэл? Обязательно нужно...

— Конечно, мы можем быть друзьями.

В последующие три недели я часто с ней виделся. Друзья. Когда ее со мной не было, я о ней думал, и мне это не нравилось. «Все это глупо, — говорил я себе. — Младшие офицеры не должны увлекаться дочерями губернаторов. Из этого все равно ничего не получится, да тебе и не хочется, чтобы получилось. Твоя жизнь и без того достаточно сложна».

Я твердил себе это вплоть до того дня, когда хирург сказал, что я могу возвращаться в часть. Я был рад этому.

* * *

Это по-прежнему моя рота. Я не служил с ними, а в крепости пробыл всего несколько дней, но рота А — моя рота. Все ее солдаты так считают. Я размышлял: что такого я сделал? Мне казалось, что никаких верных решений — да и вообще никаких решений — я не принимал.

— Удача, — сказал мне Дин. — Они считают тебя удачливым.

Это объяснило мне многое. Морские пехотинцы, вероятно, самые суеверные солдаты в истории. И нам действительно очень повезло.

Следующие шесть недель я приводил отряд в форму. К этому времени с нашивками центуриона вернулся в строй Ардвайн. Ему разрешалась только легкая работа, но это не мешало ему доводить солдат до полного изнеможения. У нас появилось несколько новобранцев из числа недавно прибывших осужденных; вероятно, в свое время они входили в Речную Стаю. Но это не имело значения. Машина морской пехоты принимает всех, и, если не сломает вас, вы выйдете из нее морским пехотинцем.

Фалькенберг решал проблему дезертиров просто. Не задавая никаких вопросов, он предлагал награду тем, кто приведет дезертира, и еще более крупную награду тем, кто принесет голову дезертира. Идея не оригинальная, но эффективная.

Или должна была бы быть эффективной. Но проходили недели, солдатам нечем было заняться, кроме патрулирования реки, муштры и тренировок, вечерних поверок, парадных маршей и инспекций, и они начинали подумывать о дезертирстве.

И еще они сходили с ума. Напивались и стреляли в товарищей. Крали. Мы не могли муштровать их непрерывно, а когда предоставляли им свободное время, они заражались хандрой.

В тот день, когда 501-й батальон дошел до крепости Вирсавия, он был измотан в боях и четверть его состава числилась в списке потерь. Батальон был измучен, но боевой дух — высок. Теперь, всего несколько месяцев спустя, в этом сильном,

обученном, хорошо организованном подразделении, где солдат хорошо кормили — они чувствовали себя несчастными.

Я увидел солдата, который писал на стене помещения для рядовых «НЭПР». Когда я вошел, он поставил ведерко с краской и вытянулся.

— И что это должно означать, Хора?

Он стоял прямо, как шомпол.

— Сэр, это значит: «Нашел этот подлинный рай».

— А что случится, если главный старшина найдет рядового Хору, раскрашивающего стену?

— Камера, лейтенант.

— Если повезет. Более вероятно, тебе придется выкопать яму и просидеть в ней неделю. Хора, я иду в клуб выпить. И когда вернусь, надеюсь, на стене не будет никакой краски.

Дин рассмеялся, когда я рассказал ему об этом.

— Значит, уже. «Ненавижу этот проклятый режим». Парень не шутит.

— Еще шесть недель, и я тоже начну раскрашивать стены, — сказал я. — Только я буду их красить во дворце губернатора.

— Тебе придется встать в очередь, — ответил Дин.

— Черт возьми, Дин, что нам делать? Унтер-офицеры так строги, что мне пришлось сделать замечание, однако если мы ослабим дисциплину, все на самом деле распадется.

— Да. Ты говорил об этом с Фалькенбергом?

— Конечно. Но что он может сделать? Нам нужна схватка, Дин. Никогда не думал, что могу так сказать. Считал вздором все, что нам говорили в Академии о le cafard и о том, что при этом теряется больше людей, чем в боях, но теперь я в это верю.

— Подбодрись, — сказал Дин. — Сегодня дежурный офицер Луис, и я только что узнал у него новость. Наша рутина прерывается. Завтра сам губернатор Хьюго Суэйл нанесет визит доблестному 501-му. Не сомневаюсь, он принесет твою медаль.

— Хорошо. Но я предпочел бы, чтобы он принес нам хорошую войну.

— Дай ему время, — ответил Дин. — Судя по тому, как эти проклятые торговцы из Гармонии выжимают сок из фермеров, те готовы восстать.

— То, что нам нужно. Кампания по усмирению фермеров, — сказал я. — Бедняги. Получают со всех сторон. Осужденные называют себя сборщиками налогов. А теперь ты говоришь, что купцы из Гармонии...

— Да, — подтвердил Дин. — Добро пожаловать на славную службу СоВладению.

Баритон главного старшины Огильви разносился по плацу крепости Вирсавия.

— Батальон, смирно! Знаменосцы — фронт и центр — марш!

Это сюрприз. Только что губернатор Суэйл вручил мне военную медаль. Это, конечно, не награда Земли, но я немного гордился ею. А теперь вдоль строя идут знаменосцы.

— Слушать приказ, — сказал Огильви. — За смелость перед лицом врага рота А 501-го временного батальона получает благодарность в приказе и почетные нашивки. По приказу адмирала Сергея Лермонтова, командующего флотом, сектор Круцис.

«Кусочки ткани и металла, но люди умирают за них, — подумал я. — Старая военная игра. Как это все глупо». Мы подняли головы, глядя на солдат, проходящих мимо трибуны торжественным строем.

Фалькенберг отыскал пять человек, которые умели играть на волынках — или утверждали, что умеют (как определить, верно ли они это делают?) — и те сами изготовили инструменты. Теперь они с громкими звуками обходили стол в офицерской столовой крепости Вирсавия. Официанты разносили виски и бренди.

Губернатор Хьюго Суэйл старался держаться вежливо и не проявлять отчаяния, когда волынщики проходили мимо него. Но вот они смолкли.

— Думаю, пора присоединиться к дамам, — сказал Суэйл. Он явно испытал облегчение, видя, что Фалькенберг встал.

Мы отправились в гостиную. Ирина привезла с собой еще одну девушку, гостью из района ферм. Я решил, что девушке

лет девятнадцать. Каштаново-рыжие волосы и голубые глаза. Она была бы очень красива, если бы не загнанный вид. Ирина представила ее как Кэтрин Малколм.

Губернатору Суэйлу ее присутствие, очевидно, не нравилось. Он вообще был странным маленьким человеком. Никакого сходства с Ириной, ничего такого, что заставило бы предположить, что он ее отец. Низкорослый и полный, почти совершенно лысый, с морщинистым лбом. Говорил и жестикулировал нервно. И так явно не одобрял присутствие Кэтрин, что, как мне показалось, только угроза снова услышать волынки могла привести его в ее общество. Мне стало любопытно: почему? Не было никакой возможности поговорить с кем-нибудь из них за обедом.

Мы сидели у камина. Фалькенберг коротко кивнул, и все официанты вышли, за исключением монитора Лазара, денщика Фалькенберга. Лазар принес всем выпивку и ушел на кухню.

— Что ж. За роту А и ее командира, — сказал Фалькенберг. Я смущенно сидел, а все остальные встали и подняли стаканы.

— Действительно хорошая работа, — сказал Хьюго Суэйл. — Благодаря этому молодому человеку в долине Иордана воцарился мир. Пройдет немало времени, прежде чем здесь снова появятся вооруженные разбойники. Хочу поблагодарить вас, джентльмены, за тщательно проделанную работу.

Я слишком много выпил за обедом, да и после добавил, а тут еще волынщики со своими дикими боевыми звуками. В голове у меня гудело.

— Пожалуй, слишком тщательную, — произнес я, когда все садились. Честно, не могу сказать, хотел ли я, чтобы мои слова услышали. Дин и Луис пристально посмотрели на меня.

— Что вы хотите сказать, Хэл? — спросила Ирина.

— Ничего.

— Выкладывайте, — сказал Фалькенберг. Тон делал его слова приказом.

— У меня дюжина хороших солдат в заключении и трое подвергнуты еще худшему наказанию. Половина роты выполняет дополнительные задания, а другая медленно сходит с ума, — сказал я. — Если бы нужно было еще хоть немного

повоевать, мы по крайней мере не остались бы без работы. — Я попытался произнести это шутливо.

Но губернатор Суэйл воспринял мои слова серьезно.

— Задача солдат — не только сражаться, но и предотвращать войны, — сказал он.

«Ты напыщенный осел, — подумал я. — Но, конечно, ты прав».

— Но дел еще очень много, — сказала Кэтрин Малколм. — Если ваши солдаты страдают из-за отсутствия действия, дайте их ненадолго нам. — Она совсем не шутила.

Губернатору Суэйлу это очень не понравилось.

— Хватит, Кэтрин. Вы знаете, что это невозможно.

— Почему? — требовательно спросила она. — Предполагается, что вы губернатор всей планеты, но единственные, о ком вы заботитесь, это купцы из Гармонии — эти лицемерные святоши! Вы знаете, что зерно, которое они покупают, краденое. Оно украдено у нас — гангстерами, которые называют себя нашим правительством, а если мы не даем им то, что они хотят, они все равно отнимают и убивают всех, кто пытается их остановить. А потом вы покупаете у них награбленное!

— Но я ничего не могу сделать, — возразил Суэйл. — У меня недостаточно войск, чтобы контролировать всю планету. Большой Сенат дал мне указание договариваться с местными правительствами...

— Так, как вы договорились с Речной Стаей, — сказала Кэтрин. В голосе ее слышалась горечь. — Они только пытались немного заработать, облагая налогами перевозку товаров по реке. Они не хотели договариваться с вашими проклятыми купцами, и вы послали морских пехотинцев. Сколько людей в долине Иордана благодарны вам за это, губернатор? Вы думаете, они считают вас освободителем?

— Кэтрин, это несправедливо, — возразила Ирина. — Многие рады освобождению от Речной Стаи. Вы не должны так говорить.

— Я хотела лишь сказать, что Речная Стая была не так уж плоха. Не сравнить с тем, с чем приходится мириться нам. Но его превосходительство о нас совсем не думает, потому что его купцы могут дешево покупать зерно. Ему все равно, что мы превращаемся в рабов.

Суэйл поджал губы, но ничего не сказал.

— Местные правительства, — продолжала Кэтрин. — Вы признали одну банду, губернатор. Но есть и другая, и обе собирают с нас налоги! Одна и так плоха, но она даже не может защитить нас от другой! Если вы не можете вернуть нам наши земли, то хотя бы уничтожьте соперников гангстеров, чтобы нас грабила только одна банда.

Суэйл тщательно контролировал свой голос. Предельно вежливо он ответил:

— Мы ничего не можем сделать, мисс Малколм. Я хотел бы что-нибудь предпринять. Думаю, вашим людям нужно самим заботиться о себе.

— Но это тоже несправедливо, — сказала Ирина. — Ты это знаешь. Они не просили, чтобы им присылали всех этих осужденных. Мне кажется, мысль Кэтрин очень недурна. Дайте ей на время 501-й. Когда холмы будут очищены, а бандиты разоружены, наши фермеры смогут защищаться сами. Правда, Кэтрин?

— Думаю, да. На этот раз мы будем готовы.

— Видишь? А Хэл говорит, что его людям нужна хорошая драка. Почему не разрешить им?

— Ирина, я терпел все это от мисс Малколм, потому что она наша гостья, но от тебя не хочу терпеть и не потерплю. Капитан, мне казалось, что меня сюда пригласили в гости.

Фалькенберг кивнул.

— Думаю, лучше сменить тему, — сказал он.

Наступило неловкое молчание. Затем Кэтрин встала и сердито направилась к выходу.

— Можете меня не провожать, — сказала она. — Я могу о себе позаботиться. Мне часто приходится это делать. Меня не удивляет, что капитан Фалькенберг не торопится отправлять своих солдат в холмы. Я заметила, что всю самую трудную часть грязной работы, которую ему поручил губернатор Суэйл, он перепоручил свеженазначенному лейтенанту. И нисколько не удивляюсь, что он больше не хочет воевать. — И она вышла, хлопнув дверью.

Фалькенберг вел себя так, словно не слышал ее слов. Думаю, ему больше ничего не оставалось. Прием вскоре окончился.

* * *

Я один пошел в свою комнату. Дин и Луис предложили побыть со мной, но мне они не были нужны. И я сказал, что с меня достаточно празднования.

Хартц оставил на столе бутылку бренди, и я налил себе, хотя пить мне не хотелось. Стол из араратского железного дерева — один Бог знает, как солдатам удалось вырезать из этой древесины доски... Моя рота сколотила этот стол и другую мебель и обставила мою комнату, пока я лежал в госпитале. Я провел рукой по полированной поверхности.

«Ей не следовало этого говорить, — подумал я. — И, вероятно, это моя вина. Помню, Ирина говорила примерно то же самое в Гаррисоне, и я не возразил. Моя проклятая ошибка. Фалькенберг ничего не объяснил, и я так и не узнал, почему его не было с нами, когда мы брали крепость, но я был совершенно уверен, что дело не в трусости. Луис и Дин поддержали меня в этом мнении. Никто из тех, кто проделал с ним марш вверх по реке, не усомнился бы в его храбрости.

И почему я не сказал этого Ирине? Нахальный мальчишка, пытающийся произвести впечатление на девушку. Слишком гордился собой, чтобы...»

В дверь постучали.

— Войдите, — сказал я.

В дверях стоял главный старшина Огильви. В коридоре осталось еще несколько человек.

— Мы хотели бы поговорить с лейтенантом. У нас проблема, сэр.

— Заходите.

Огильви вошел в комнату. За его широкими плечами я увидел монитора Лазара и Кэтрин Малколм. Они вошли, и Кэтрин остановилась, нервно сжимая руки.

— Это я виновата, — сказала она.

Огильви не обратил никакого внимания на ее слова.

— Сэр, должен доложить, что монитор Лазар без разрешения взял из батальонного архива несколько приказов.

— А почему вы говорите об этом мне? — спросил я. — Он ведь денщик капитана Фалькенберга.

— Сэр, взгляните на документы. Он показал их гражданскому лицу. Если прикажете доложить капитану, мы это сделаем. — Огильви говорил очень осторожно и расчетливо. Он протянул мне папку с бумагами.

Это все были приказы полковника Харрингтона капитану Фалькенбергу как капитану 501-го батальона и датировались днем нашего прибытия на Арарат. Я их никогда не видел. Но я должен был их увидеть, если бы капитан Фалькенберг был убит и я его заменил.

Лазар стоял по стойке смирно. Он смотрел не на меня, а куда-то на стену надо мной.

— Вы говорите, мисс Малколм читала это, главный старшина?

— Да, сэр.

— Тогда не будет никакого вреда, если прочту и я. — Я раскрыл журнал приказов. В первом Фалькенбергу предписывалось организовать 501-й батальон. Было еще несколько распоряжений относительно связи с майором Лоркой и складами снабжения в Гаррисоне. Копии этих приказов я видел.

— Почему вы решили, что мисс Малколм это заинтересует, Лазар? — спросил я.

— Не это, сэр, — ответил Огильви. — Следующая страница.

Я перелистнул страницу. Вот оно:

«Капитану Джону Фалькенбергу, командиру 501-го временного батальона линейной морской пехоты:

1. Этот приказ написан в подтверждение устного распоряжения, данного в разговоре с вышеуказанным офицером.

2. 501-му батальону приказано занять крепость Вирсавия как можно быстрее, с учетом безопасности и скрытности.

3. Приказано немедленно по воздуху направить в Вирсавию передовой отряд, в котором должно быть не больше 10% состава батальона.

4. Командир 501-го батальона не должен командовать передовым отрядом. Капитану Фалькенбергу отказано в просьбе возглавить этот передовой отряд и вернуться к батальону после взятия крепости.

Примечание: Нижеподписавшийся считает, что офицеры, приписанные к 501-му, не в состоянии самостоятельно организовать батальон и достичь главной цели — освобождения долины Иордана — без руководства со стороны опытного офицера. Нижеподписавшийся считает также, что вторичная цель — взятие Вирсавии — не может подвергать опасности главную цель — освобождение долины Иордана. Поэтому капитану Фалькенбергу приказано не подвергать себя опасности — бою, пока не будет достигнута главная цель.

Приказ военного командующего на планете
Николаса Харрингтона, полковника морской
пехоты СоВладения»

— Лазар, вы, вероятно, слышали наш разговор, — сказал я.

— Я не мог не слышать, сэр. Леди просто кричала. — Выражение лица Лазара не изменилось.

Я вертел в руках книгу приказов.

— Главный старшина.

— Сэр.

— Я покончил с книгой приказов. Будьте добры, проследите, чтобы она вернулась в батальонный сейф. К тому же, я забыл сделать запись о взятии книги. Поступайте, как сочтете нужным.

— Сэр.

— Спасибо. Вы и Лазар можете идти. Не вижу причин беспокоить капитана только потому, что мне понадобилось заглянуть в книгу приказов.

— Да, сэр. Пошли, монитор. — Огильви хотел сказать что-то еще, но передумал. Они вышли, закрыв за собой дверь.

— Очень благородно с вашей стороны, — сказала Кэтрин.

— Все, что мог, — ответил я. — Хотите выпить?

— Нет, спасибо. Чувствую себя дурой...

— Не вы одна. Я думал о том же и почти по той же причине, когда постучал Огильви. Не присядете? Наверно, нужно открыть дверь.

— Не говорите глупости. — Она пододвинула стул к большому столу. Длинная клетчатая юбка, похожая на очень

длинный килт, и блестящая блузка из какого-то местного материала, с расстегнутым воротничком. Волосы длинные, каштановые с рыжинкой, но мне показалось, что это парик. «Чертовски красивая девушка, — подумал я. — Но в глазах затравленное выражение, а руки в шрамах. Шрамы свидетельствуют, что регенерацию проводил не очень искусный хирург».

— Кажется, Ирина говорила, что вы с фермы? Но вы не похожи на жительницу фермы.

Она не улыбнулась.

— Я владею фермой — вернее, владела. Ферма была конфискована правительством... одним из наших правительств. — Голос ее звучал горько. — Ассоциацией Защиты холмов Миссии. Это банда осужденных. Мы с ними сражались. Они убили моих деда, мать, брата и жениха. И теперь мы с этим ничего не можем сделать.

— Сколько там бандитов?

Она пожала плечами.

— Думаю, в Ассоциации Защиты около четырех тысяч. Что-то в этом роде. Есть еще Истинное Братство. В нем несколько сотен, может, тысяча. Точно никто не знает. Они не очень хорошо организованы.

— Кажется, никаких проблем не должно быть.

— Их не было бы, если бы мы могли с ними разобраться. Но Ассоциация Защиты не разрешает нашим фермерам вооружаться и не позволяет выступать против Братства. Боится, что потом мы выступим и против нее. Братство само по себе не страшно — это дикари, а не люди, но мы ничего с ними не можем сделать, потому что не разрешает Ассоциация.

— А сколько вас?

— В Долине двадцать тысяч фермеров, — ответила она. — И не говорите, что мы можем прогнать обе банды. Я знаю, что мы должны быть способны на это. Но мы пытались, и ничего не вышло. Они нападали на какую-нибудь ферму, мы преследовали их, но они уходили в холмы, а там нужны недели, чтобы их отыскать. Они ждали, пока мы снова займемся землей, спускались и убивали всех, кто им сопротивлялся. Убивали целыми семьями.

— Это и случилось с вашим дедом?

— Да. Он был одним из лидеров Долины. Его даже не хотели ограбить, хотели только убить. После этого я попыталась организовать сопротивление, и тогда... — Она посмотрела на свои руки. — Они меня схватили. Кажется, все-таки мне нужно выпить.

— Боюсь, у меня только бренди. Или кофе.

— Бренди подойдет.

Я принес еще один стакан и наполнил его. Когда Кэтрин взяла стакан, ее руки не дрожали.

— Вы не собираетесь спросить? Все хотят спросить, но боятся. — Она вздрогнула. — Не хотят смутить меня. Смутить!

— Послушайте, если не хотите говорить...

— Не хочу. Но должна. Можете это понять?

— Да.

— Хэл, вы не можете себе представить, что они со мной делали. Единственная причина, почему я осталась в живых, — они хотели, чтобы я жила. Потом посадили меня в клетку посреди деревни. Как пример. Предупреждение.

— Я решил бы, что эффект будет противоположным. — Я старался говорить спокойно, но внутри у меня кипела ненависть.

— Нет. Мне бы хотелось этого. Тогда я бы не напрасно... Может быть — не знаю. На вторую ночь, когда я была в клетке, два наших соседа убили одного из караульных и выпустили меня. Защитники на следующий день в наказание расстреляли тридцать человек. — Она посмотрела на свои руки. — Друзья переправили меня в безопасное место. Мне сказали, что врач был не очень хорошо подготовлен. Оставил шрамы. Если бы видели, какой я была там, так бы не говорили.

Я не знал, что сказать. И вообще не доверял своим способностям говорить. Хотел обнять ее, прижать к себе и больше ничего, просто обнимать и защищать. И добраться до тех, кто это сделал, и до тех, кто мог бы это остановить и не остановил. Боже, для чего существуют солдаты, как не для того, чтобы прекращать подобное? Но я мог только налить еще. И постарался говорить спокойно.

— А что вы будете делать теперь?

— Не знаю. Когда мне наконец позволили покинуть Риди, я поехала в Гармонию. Вероятно, надеялась получить помощь. Но... Хэл, почему губернатор Суэйл ничего не делает? Вообще ничего?

— Да, это интересно, — сказал я. — Боже, Кэтрин, откуда мне знать? С его точки зрения, все спокойно. Он может докладывать, что здесь все хорошо. В Колониальном Бюро те, кто создает сложности, не получает повышения, а Хьюго Суэйл не кажется мне человеком, который хотел бы до отставки дослужить на Арарате. — Я осушил свой стакан. — Может, я несправедлив к нему. Но почему-то мне не хочется быть справедливым.

— Но вы бы помогли, если бы смогли?

— Боже, конечно. Но теперь вы по крайней мере в безопасности.

Она печально улыбнулась.

— Да, всего лишь несколько шрамов. Подойдите ко мне. Пожалуйста. — Она встала. Я подошел к ней. — Положите руки мне на плечи.

Я протянул к ней руки. Она стояла неподвижно. И когда коснулся ее, почувствовал, что она дрожит.

— Так всякий раз, — сказала она. — Даже сейчас, а вы мне нравитесь. Я... Хэл, я бы все отдала, только бы расслабиться и позволить вам обнять меня. Но не могу. Могу только сидеть и разговаривать с вами.

— Тогда вам бы лучше уйти.

— Нет. Пожалуйста. Постарайтесь понять. Вы мне нравитесь. Я хочу говорить с вами. Хочу показать себе, что есть мужчины, которым я могу доверять. Только... не ожидайте слишком многого... какое-то время. Я постоянно твержу себе, что преодолею это. Не хочу быть одна, но боюсь быть с кем-то. Но я с этим покончу.

XIII

Последовало еще несколько недель парадов и муштры. Фалькенберг разработал новую схему. Он приобрел двести мулов и приказал моей роте учиться обращаться с этими жи-

вотными. Идея заключалась в том, чтобы ускорить передвижение, используя вьючных мулов, и научить людей держаться за вьючные седла, чтобы ежедневно покрывать бóльшие расстояния. Все получалось хорошо, но лишь нагнетало напряжение, потому что идти маршем было некуда.

Губернатор Суэйл вернулся в Гаррисон, но Ирина и Кэтрин продолжали гостить в батальоне. Солдаты были рады их присутствию, и возникало меньше проблем с дисциплиной. Особенно одобряли они Кэтрин. Она интересовалась всем, что они делают, и солдаты считали ее талисманом. Она молода, уязвима и не разговаривает с ними свысока... все они были почти влюблены в нее.

А я был влюблен не почти. И так часто встречался с ней, что Фалькенберг счел разумным напомнить мне, что лейтенантам не позволено жениться. Это, конечно, не совсем верно, но почти соответствует действительности. Ведь разрешения на переезд она не получит, а чтобы получить квартиру для семьи, нужно обратиться к святому Петру или еще выше. Правило таково: «Капитаны могут жениться, майоры должны жениться, полковники обязаны быть женатыми». И из него очень мало исключений.

— Это маловероятно, — сказал я Фалькенбергу.

— Да? — Он вопросительно поднял бровь. Этот жест приводил меня в ярость.

Я выпалил ее историю.

Он только кивнул.

— Большую часть ее я знал, мистер Слейтер.

— Во имя Господа, как вы можете быть таким хладнокровным? — спросил я. — Я знаю, что после той вспышки вы ее недолюбливаете...

— Мисс Малколм постаралась извиниться и представить вам объяснение, — ответил Фалькенберг. — Кстати, когда в следующий раз будете брать из сейфа книгу приказов, пожалуйста, делайте об этом запись. А теперь объясните, почему трое ваших людей спят под койками без одеял.

Конечно, на самом деле объяснение ему не было нужно; вероятно, он его уже знал. В батальоне было мало такого, о чем бы он не знал. Это позволяло гладко сменить тему, но у меня никакой другой темы не было. Я не для протокола рас-

сказал ему, каким было бы наказание, если бы о нем доложили официально.

— Центурион Ардвайн предпочел не докладывать, — сказал я. — Капитан, я все же не понимаю, как вы можете быть таким спокойным, когда знаете, что всего в двухстах километрах отсюда...

— Мистер Слейтер, я остаюсь спокойным, потому что в данный момент ничего не могу сделать. Чего вы хотите? Чтобы мы привели 501-й к мятежу? Если вас это утешит, могу сказать, что не думаю, что ситуация будет долго сохраняться такой. Я считаю, что губернатор Суэйл живет в мире иллюзий. С бандой преступников нельзя иметь дела на постоянной основе, и я думаю, что вскоре произойдет взрыв. Но до тех пор мы ничего не можем сделать, и я предпочитаю, чтобы мне не напоминали о моей беспомощности.

— Но, сэр...

— Никаких «но», мистер Слейтер. Молчите и продолжайте нести службу.

Фалькенберг оказался прав. Хотя мы этого не знали, но примерно ко времени нашего разговора Ассоциация Защиты решила поднять цены на зерно. Две недели спустя она снова подняла цены и задержала корабли на реке, чтобы показать губернатору серьезность своих намерений.

Вскоре после этого губернатор нанес новый визит в крепость Вирсавия.

Дин Ноулз отыскал меня в клубе.

— Прибыл его превосходительство, — сказал он. — На этот раз со всей свитой. С ним полковник Харрингтон и целая рота милиции.

— А на кой черт?

— Хрен знает.

— Я думал, ты все знаешь. Наверно, скоро узнаем. Собирают всех офицеров.

Губернатор, полковник Харрингтон и Фалькенберг сидели в штабе, в помещении для совещаний. Присутствовал также полковник милиции. Он не слишком походил на военного. Мундир висел на нем мешком, а под мундиром круглился со-

лидный живот. Губернатор представил милиционера как полковника Тревора.

— Перейду сразу к делу, джентльмены, — сказал Суэйл. — В результате ряда происшествий на юге я больше не уверен, что Гармония и Гаррисон могут постоянно получать продовольствие. Местное правительство нарушает условия договора. Пора оказать на него давление.

— Иными словами, — сказал полковник Харрингтон, — он хочет послать морских пехотинцев за головами, чтобы купцы Гармонии не платили так много.

— Полковник, ваше замечание не обязательно, — сказал губернатор Суэйл.

— Еще как обязательно. — Голос полковника звучал невесело. — Если мы посылаем наших парней туда, где их убьют, мы должны сказать им, зачем это делаем. Для линейных морских пехотинцев это вряд ли ново.

— Вам приказано удерживать города, — сказал Суэйл. — Но это невозможно сделать без достаточных поставок продовольствия. Я думаю, это оправдывает использование ваших войск в кампании.

— Конечно, — сказал Харрингтон. — А когда СВ отзовет нас обоих отсюда, что произойдет? Вас это хоть немного тревожит, полковник Тревор?

— СоВладение не покинет Арарат. — Голос Тревора звучал убежденно.

— Готовы биться об заклад? — спросил полковник Харрингтон.

— Если вы оба помолчите... — сказал Суэйл. — Капитан, как скоро ваш батальон сможет выступить?

Фалькенберг посмотрел на полковника Харрингтона.

— Мы одновременно должны удерживать район Иордана, сэр?

— Здесь вы не очень нужны, — ответил Харрингтон. — Теперь здесь достаточно милиции.

— А что именно мы должны сделать на юге? — спросил Фалькенберг.

— Я только что вам сказал, — ответил Суэйл. — Надавите на Защитную Ассоциацию, чтобы она пришла в себя.

— И как мне это сделать?

— Ради Бога, Фалькенберг, это карательная экспедиция. Причиняйте им ущерб, пока они не будут готовы сдаться.

— Жечь фермы и деревни. Стрелять скот. Разрушать транспортную систему. Такого рода дела?

— Ну... я предпочел бы, чтобы вы делали это иначе.

— В таком случае, губернатор, скажите точно, что я должен делать, — потребовал Фалькенберг. — Напомню вам, что Ассоциация Защиты сама является оккупантом. Ее не заботит, как мы поступим с фермерами. Защитники не работают на земле, они только экспроприируют плоды чужих трудов.

— Тогда ограничьте свои карательные меры Ассоциацией Защиты... — Суэйл запнулся.

— Я даже не знаю, как опознать их, сэр. Можно предположить, что всякий работающий на земле не преступник, но я вряд ли могу расстреливать всякого, кто в момент моего появления отдыхает.

— Сарказм не обязателен, *капитан*.

— Сэр, я только пытаюсь указать на трудности исполнения вашего приказа. Если я проявил непочтительность, примите мои извинения.

«Еще бы», — подумал я. Дин и Луис с улыбкой переглянулись. Потом с трудом придали лицам серьезное выражение. Я гадал, чего добивается Фалькенберг. Скоро я это узнал.

— Тогда что вы предлагаете? — спросил Суэйл.

— Губернатор, есть способ обеспечить вас разумными и достаточными поставками зерна. Для этого требуется ваше сотрудничество. В частности, вы должны официально отозвать признание Защитной Ассоциации.

— И кого признать? Неорганизованную толпу фермеров, которые не сумели удержать свою территорию? Капитан, я сочувствую этим людям, хотя все вы считаете меня бесчувственным чудовищем. Но мое сочувствие не имеет значения. Я должен кормить жителей Гармонии, и если для этого понадобится вступить в переговоры с дьяволом, я это сделаю.

— Вы почти это сделали, — пробормотал я.

— Вы что-то сказали, лейтенант Слейтер?

— Нет, губернатор. Прошу прощения.

— Мне кажется, я знаю, что вы сказали. Капитан, предположим, я воспользуюсь вашим советом и отзову признание

Ассоциации Защиты. А что дальше? Наша задача — не создание демократии. Мои личные симпатии могут быть на стороне того, что именуется «свободными демократическими институтами», но я не чиновник Соединенных Штатов, я чиновник СоВладения. Кстати, как и вы. Если бы эту планету заселили Советы, такого разговора вообще не было бы. Они обеспечили бы постоянное поступление зерна, и никаких глупостей.

— Не могу считать такое сопоставление корректным, — сказал полковник Харрингтон.

— Я тоже, — согласился Тревор. Это меня удивило.

— Я снова спрашиваю, что нам делать, — сказал губернатор.

— Распространите на этот район покровительство СоВладения, — ответил Харрингтон. — Такое решение не обязательно должно быть постоянным. Не сомневаюсь, что у людей Тревора есть друзья среди фермеров. Возможно, мы и не заняты созданием демократии, но есть многие, кто попробует этим заняться.

— Вы предлагаете развернуть полномасштабную войну против Ассоциации Защиты, — сказал Суэйл. — Полковник Харрингтон, вы себе представляете, сколько это будет стоить? Сенат очень неохотно оплачивает необходимое пребывание морских пехотинцев на Арарате. Пока не поступил ни один децикредит на оплату боевых действий. Чем я буду платить за эту войну?

— Вам всего лишь нужно обложить налогом поставки зерна, вот и все, — сказал Харрингтон.

— Я не могу этого сделать.

— Придется. Капитан Фалькенберг прав. Мы можем прогнать Защитную Ассоциацию — при условии достаточной местной поддержки, — но мы уж точно не можем выращивать для вас зерно. Вероятно, можно истребить всех в этой проклятой долине и заселить ее заново...

— Теперь вы дерзите.

— Прошу прощения, — сказал Харрингтон. — Губернатор, чего именно вы хотите? Эти фермеры не будут выращивать зерно только для того, чтобы их грабила банда гангстеров. Они либо переселятся, либо перестанут обрабатывать

землю. И что тогда будет с вашими поставками продовольствия?

— Ситуация сложней, чем вы думаете, полковник. Поверьте мне, это так. Ваша работа — война и насилие. Моя — политика, и говорю вам, дело не всегда обстоит так, как кажется. Ассоциация Защиты может снабжать Гармонию зерном по умеренной цене. Именно это нам нужно, и именно это вы для меня организуете. Вы говорите, что альтернативой может быть война, за которую я не могу заплатить, или голодная смерть, что совершенно неприемлемо. Приказываю вам отправить военную экспедицию в Алланспорт. У нее ограниченная задача — продемонстрировать наши намерения и оказать значительное давление на Защитную Ассоциацию, чтобы добиться разумных условий. Это единственная цель.

Харрисон несколько мгновений разглядывал свои ногти.

— Сэр, я не могу выполнить этот приказ.

— Черт возьми! Капитан Фалькенберг, вы...

— Я тоже не могу выполнить этот приказ, губернатор.

— Тогда, клянусь Господом, экспедицию поведет полковник Тревор. Тревор, если вы откажетесь выполнять приказ, я знаю десяток офицеров милиции, которые его выполнят.

— Да, сэр. А кто будет командовать морскими пехотинцами, сэр? От меня они не примут приказы. Я не могу командовать ими непосредственно.

— Лейтенанты... — Он замолчал, потому что мы все: Дин, Луис и я — одновременно покачали головой.

— Это шантаж! Я всех вас прикажу разжаловать!

Полковник Харрингтон рассмеялся.

— Сомневаюсь. Меня вы можете наказать. Но вряд ли можно винить младших офицеров, отказавшихся выполнять приказ, от которого отказался их командир. Попробуйте предложить это адмиралу Лермонтову, и он только рассмеется.

Суэйл сел. Несколько мгновений он пытался овладеть собой.

— Почему вы это делаете?

Полковник Харрингтон медленно покачал головой.

— Губернатор, все, что вы говорите о нашей службе, правда. Нас используют. Нам приказывают сносить головы,

чтобы племянник какого-нибудь сенатора мог зарабатывать мегакредиты. Они заключают с людьми несправедливые договоры, а потом приказывают нам заставить этих людей продолжать игру. Обычно нам приходится с этим мириться. Но это совсем не значит, что такие приказы нам нравятся. Время от времени — очень редко — Флот получает возможность исправить то, что натворили вы, штатские. Мы не упускаем такие шансы. — Харрингтон говорил негромко, но теперь слегка повысил голос. — Губернатор, почему, по-вашему, люди становятся солдатами? Чтобы вам удалось получить выгодное назначение?

— Я вам говорил, что рад был бы помочь фермерам. Но не могу. Неужели непонятно? Мы не можем оплатить длительную кампанию. Не можем. Не «не хотим», а не можем.

— Да, сэр, — ответил полковник Харрингтон. — Полагаю, мне лучше вернуться в Гаррисон. Штабу придется поработать над рационированием продуктов.

— Вам кажется, что вы победили, — сказал губернатор. — Еще нет, полковник. Еще нет. Полковник Тревор, приказываю посадить батальон милиции в речные лодки. Сколько понадобится, чтобы собрать их здесь?

— Будут завтра, сэр.

— Когда они прибудут, обеспечьте их запасом горючего и продуктов. Мы поведем батальон в Алланспорт, и я лично буду руководить операцией. Не сомневаюсь, мы сумеем договориться с Ассоциацией Защиты. Что касается остальных, можете гнить в этой крепости, мне все равно. Всего хорошего, джентльмены.

Встретив за ужином Кэтрин, я рассказал ей о совещании. Она удивленно слушала.

— Не понимаю, Хэл, — выпалила она. — Все эти разговоры о цене. Мы бы с радостью оплатили кампанию.

— Ты считаешь, губернатор это знает? — спросил я.

— Конечно, знает. Я ему об этом говорила и привезла предложения других фермеров. Разве ты не помнишь, что я попросила его одолжить нам 501-й батальон?

— Конечно, но ты говорила не всерьез.

— Тогда нет, но мысль показалась мне такой удачной, что потом мы попробовали нанять вас. Губернатор не заинтересовался.

— Чем не заинтересовался? — спросил Луис Боннимен. — Это личный разговор, или я могу к вам присоединиться?

— Пожалуйста, присоединяйтесь, — ответила Кэтрин. — Мы уже закончили...

— А я уже пообедал, — сказал Боннимен. — Но угощу вас выпивкой. Хэл, ты поверил бы, что у старика Харрингтона хватит на это характера?

— Нет. Он меня удивил. И что же дальше?

— Не знаю, — ответил Луис. — Но могу намекнуть. Только что кончил помогать главному старшине отдавать приказы. Вся часть должна быть готова к утренней поверке.

— Подходит. Интересно, в какие еще неприятности вляпается его превосходительство?

Луис улыбнулся.

— Если повезет, его убьют, и полковник Харрингтон станет исполнять обязанности губернатора. И тогда мы сможем заняться наведением порядка.

— Нельзя желать этого отцу Ирины, — возразила Кэтрин. — Мне казалось, она вам нравится, Луис.

— Конечно, нравится. Но без ее старика я могу прожить. Мне казалось, вы разделяете мои чувства.

— Он разрешил мне жить в своем доме, — сказала Кэтрин. — Но я его не понимаю. Он кажется хорошим человеком, но только до момента, когда...

— Когда надевает губернаторскую шляпу, — сказал я. — Я все думаю, правильно ли мы поступили, Кэтрин. Если бы приняли предложение губернатора, по крайней мере делали бы хоть что-нибудь. Может, я бы даже изловил выродка, который... Ты знаешь, о чем я.

— Я рада, что вы не согласились, Хэл. Это было бы ужасно. Все, что вы сделали бы этим бандитам, они бы выместили на моих друзьях сразу после вашего ухода. Я не стала бы вам помогать, и думаю, никто не стал бы, потому что всякий, кто так делает, подписывает смертный приговор своей семье и всем своим друзьям.

— Жестокая банда, — сказал Луис. — Последовательная. Если уж используешь террор, то делай это до конца. К несчастью, это действует.

Кэтрин кивнула.

— Да. Я пыталась объяснить это губернатору Суэйлу. Если он пошлет туда экспедицию, многие мои друзья попытаются помочь. Но когда все кончится и он снова отдаст власть этим разбойникам, все мои друзья будут убиты. Лучше бы вы вовсе там не показывались.

— Но купцам из Гармонии не нравятся цены, — сказал Луис. — Они хотят дешево покупать зерно, и Суэйл должен заботиться и о них. Жалоба городского совета Гармонии плохо отразится на его карьере. Кто-нибудь в Колониальном Бюро воспримет ее серьезно...

— Политика, — сказала Кэтрин. — Почему невозможно...

— Помни, в каком веке ты живешь, — сказал Луис. — Конечно, в СоВладении занимаются политикой, но мы все сохраняем мир. И все не так уж плохо. Суэйл получил назначение благодаря людям члена Большого Сената Бронсона.

— Неприятная компания, — заметил я.

— Может быть, — согласился Луис. — Но, разумеется, это означает, что враги Бронсона ищут возможности дискредитировать Суэйла. Ему приходится быть осторожным. У купцов из Гармонии есть друзья в «Американ экспресс» — а «АмЭкс» страстно ненавидит Бронсона.

— В таком случае, я бы сказал, что у губернатора проблемы. — Судя по виду войск, которые он берет с собой, Ассоциация не очень испугается. У милиции красивые мундиры, но все они городские парни. Подходят для того, чтобы удерживать стены и, время от времени, патрулировать Иордан, когда мы всех здесь обезоружили, но вряд ли испугают тех, у кого есть боевой опыт.

XIV

Мы привели весь батальон в состояние повышенной готовности, но в течение недели ничего не произошло. Полковник Харрингтон оставался в крепости Вирсавия и по вечерам

присоединялся к офицерам в столовой. Как и Фалькенберг, он любил волынки. К моему ужасу, Кэтрин они тоже нравились. Думаю, у каждой женщины есть какие-нибудь крупные недостатки.

— Какого дьявола он делает? — спрашивал полковник Харрингтон. — Бьюсь об заклад, он уже попал в переплет. Может, мы переоценили Ассоциацию Защиты холмов Миссии? Откуда вообще это название? На этой планете нет никаких холмов Миссии, насколько мне известно.

— Они принесли это название с собой, полковник, — ответил Луис. — В Южной Калифорнии есть банда с таким названием. Вернее, была два-три поколения назад. Несколько членов этой банды попали на один тюремный корабль и держались вместе, пока не оказались здесь.

— А вы откуда знаете? — спросил Харрингтон.

— Капитан Фалькенберг требует, чтобы его подчиненные тщательно изучали обстановку, — сказал Луис. — Мне пришлось просеять немало осужденных, пока я не нашел одного, который это знал; потом я отыскал подтверждение.

— Что ж, поздравляю, Луис, — сказал Харрингтон. — Джон, вы хорошо поработали со своими новичками.

— Благодарю вас, полковник.

— Однако настоящее испытание начинается сейчас. Что все-таки там происходит? Официант, еще виски — всем. Если мы не можем сражаться, то пить еще можем.

— Может, губернатору Суэйлу удастся с ними договориться, — сказал я.

Полковник кисло взглянул на меня.

— Сомневаюсь, Хэл. Он между молотом и наковальней. Купцы не станут платить цены, которые запрашивают эти разбойники, а бандиты считают, что губернатор в их власти. Вы знаете, они нас не боятся. Хорошо представляют себе, что происходит в Гармонии. Отлично понимают, что Флот не пошлет больше подкреплений на Арарат, а что может сделать тысяча человек? Даже тысяча морских пехотинцев?

— Надеюсь, они так и думают, — сказал Дин. — Если они примут сражение, с ними покончено...

— Но они не примут, — заговорил Фалькенберг. — Они не дураки. Они не будут стоять и сражаться — побегут, как

только мы приблизимся. Им нужно только переждать в холмах, избегая встреч с нами. Нам со временем придется уходить, а они останутся.

Харрингтон кивнул.

— Да. В конечном счете этим несчастным фермерам придется самим о себе заботиться. Может, у них получится. По крайней мере мы можем попробовать разгрести ситуацию. Джон, вам не кажется, что волынщики уже достаточно выпили?

— Я в этом уверен, полковник. Лазар! Пусть волынщики начинают!

Прошло восемь дней с тех пор, как губернатор покинул крепость Вирсавия, а мы по-прежнему не получили от него ни слова. Вечером была обычная выпивка в столовой под игру на волынках. Я рано попросил разрешения уйти и вместе с Кэтрин пошел в свою комнату. Я все еще не мог прикоснуться к ней без того, чтобы она не задрожала, но мы работали над этим. Я решил, что влюблен в нее и могу подождать, пока не появится возможность физической близости. Насколько я понимал, настоящего будущего у нас нет, но пока нам достаточно просто быть вместе. Ни мне, ни ей такая ситуация не нравилась, но и разлучаться нам не хотелось.

Прозвенел телефон.

— Слейтер, — сказал я в трубку.

— Главный старшина Огильви, сэр. Вас немедленно вызывают в зал совещаний.

— Аллилуйя. Буду сейчас же, главстаршина. — Когда я повесил трубку, прогремела труба Брейди — сигнал полной готовности. Я повернулся к Кэтрин. Оба мы глупо улыбались. — Началось, милая.

— Да. Теперь, когда началось, я боюсь.

— Я тоже. Как говорит Фалькенберг, мы все боимся, но работа офицера — не показывать этого. Вернусь, как только смогу...

— Секунду. — Она подошла и положила руки мне на плечи. Обняла и прижалась ко мне. — Видишь? Я почти не дрожу. — Она быстро поцеловала меня, потом снова, на этот раз долго и страстно.

— Самое подходящее время для чудесного психиатрического излечения, — сказал я.

— Заткнись и убирайся отсюда.

— Есть, мэм. — Я быстро вышел.

В коридоре меня поджидал Хартц.

— Я приготовил ваше снаряжение, зэр, — сказал он. — Мы отправляемся воевать.

— Надеюсь.

Идя по плацу, я думал о том, почему так хорошо себя чувствую. Мы собираемся убить и искалечить множество людей и предоставить им возможность сделать с нами то же самое. По миллиону причин мы должны были испытывать страх, бояться предстоящего, но мы не боялись.

Может быть, то, что мы чувствуем, совершенно чуждо тому, что нам предстоит сделать? Я не мог избавиться от мысли, что на этот раз все по-другому, потому что у нас справедливая цель. Мы говорим, что любим мир, но это нас не извиняет. Все пацифисты больше говорят об ужасах войны, чем о радостях мира.

«Ты не обязан решать проблемы вселенной, — говорил я себе. — А вот убить человека, который изнасиловал твою девушку, ты уж постараешься».

Остальные уже собрались в зале для совещаний, во главе стола сидел полковник Харрингтон.

— То, чего мы ожидали, произошло, — сказал Харрингтон. Я лично был свидетелем того, как он за ужином выпил четыре двойных порции виски, но в его речи не было ни следа опьянения. По пути сюда я проглотил две пилюли для быстрого отрезвления. На самом деле они мне не были нужны. Я был уверен, что они не успели раствориться, однако чувствовал себя прекрасно.

— Губернатор умудрился попасть в осаду в Алланспорте, — сказал Харрингтон. — Причем половина его сил оказалась за пределами города. Он хочет, чтобы мы его вытащили. Я ответил, что мы выступим немедленно — при одном условии.

— Что он согласится отозвать признание Ассоциации Защиты? — спросил Дин.

— Да, он согласился на это. Пока еще не сделал. Боится, что как только сделает это, они окончательно озвереют. Но он

дал слово, и я заставлю его это слово сдержать. Капитан Фалькенберг, вы получаете приказ силами 501-го батальона вытеснить Ассоциацию Защиты холмов Миссии из долины реки Аллан любыми средствами, какие сочтете нужными. Вы можете сотрудничать с местными партизанскими силами и заключать с ними разумные соглашения. На всю долину следует распространить защиту СоВладения.

— Есть, сэр. — На мгновение в бесстрастном голосе Фалькенберга послышалась нотка торжества.

— А теперь, капитан, объясните, пожалуйста, ваш план действий, — сказал Харрингтон.

— Сэр. — С помощью консоли Фалькенберг вызвал на экран карту.

Я уже запомнил местность, но снова осмотрел ее. Примерно в десяти километрах выше крепости Вирсавия в Иордан впадает приток, известный как река Аллан. Аллан течет на юго-запад по лесистой местности на протяжении пятидесяти километров, затем поворачивает и расширяется в долине, идущей с севера на юг. Восточная сторона долины Аллана очень узка, потому что в двадцати километрах от реки начинается высокий горный хребет, а к востоку от него — пустынное плоскогорье. Здесь никто не живет и не хочет жить. Однако на западной стороне долины расположены самые плодородные почвы Арарата. Долина неправильной формы, местами сужается всего до двадцати пяти километров, но потом снова расширяется, достигая более ста километров в поперечнике. Она напомнила мне долину Сан-Хуан в Калифорнии — огромная чаша плодородной почвы в кольце высоких гор.

Алланспорт находится в ста двадцати пяти километрах выше по течению от места впадения Аллана в Иордан. На одной половине экрана Фалькенберг оставил карту всей долины, на второй — подробную карту ее части. Повозившись с клавишами консоли, он вызвал появление красных и зеленых линий, обозначивших на карте дружественные и враждебные силы.

— Как видите, губернатор Суэйл с одной ротой милиции занял оборонительные позиции в Алланспорте, — заговорил Фалькенберг. — Остальные две милицейские роты южнее,

выше по течению. Не могу представить, как ему удалось попасть в такую глупейшую ситуацию.

— Природный талант, — пробормотал полковник Харрингтон.

— Несомненно, — согласился Фалькенберг. — Перед нами две цели. Менее важная, но более срочная — освободить губернатора Суэйла. Главная цель — установление мира в долине. Кажется маловероятным, чтобы мы ее достигли без всесторонней помощи со стороны местных жителей. Согласны?

Мы сидели молча.

— Мистер Боннимен, полагаю, вы здесь самый младший, — сказал полковник Харрингтон.

— Я согласен, сэр, — ответил Луис.

Мы с Дином одновременно произнесли:

— Согласен.

— Отлично. Напомню, что совещание записывается, — сказал Фалькенберг.

«Конечно», — подумал я. Все штабные совещания записываются. Не похоже на Фалькенберга и Харрингтона напоминать о записи, чтобы разделить ответственность, но я был уверен, что у них для этого есть причины.

— Лучший способ вызвать повсеместное восстание — немедленно разгромить Ассоциацию Защиты, — говорил Фалькенберг. — Не просто заставить их отступить, но вынудить сражаться — и вывести из строя большое количество разбойников. По моему мнению, это настолько важно, что оправдывает значительный риск. Согласны?

Ага, подумал я. Начиная с Луиса, мы все выразили согласие.

— Тогда мы можем продолжить рассмотрение плана действий, — сказал Фалькенберг. — Он сложен, но я считаю, стоит попытаться его осуществить. Вы заметили, что в горах к западу от Алланспорта есть проход. Информанты сообщают нам, что при вынужденном отступлении силы Ассоциации пройдут именно по этому маршруту. Если укрепить милицию местными партизанами и постараться захватить проход раньше, чем осажденный противник осознает опасность, мы загоним его в ловушку. Основная часть батальона двинется вверх по реке, подойдет с севера и вступит в бой с бан-

дитами. Всех мы не уничтожим, но сможем очень многих вывести из строя. Числя за собой такую победу, мы сумеем убедить остальных жителей ранчо восстать и присоединиться к нам.

Свои слова он иллюстрировал маршрутами на карте. Он был прав. План сложный.

— Вопросы?

— Сэр, — сказал я, — я не верю, что две роты милиции смогут захватить проход. Я бы не стал на это рассчитывать.

— Захватить не смогут, — согласился Харрингтон. — Но они хорошо защищаются. Если дать им сильную позицию, эти парни заставят с собой считаться.

— Да, — подтвердил Фалькенберг. — Я предлагаю придать милиции два отделения морских пехотинцев. В нашем распоряжении по-прежнему есть «небесные якори», и не вижу причины, почему бы их не использовать снова.

«Вот опять», — сказал я про себя.

— Но даже в этом случае, сэр, все зависит от того, насколько сильно укреплен проход, а мы этого не знаем. Или знаем?

— Мы знаем только, что он защищен, — ответил Фалькенберг. — Нападение на проход должно стать проверкой. Если сопротивление слишком сильно, нападение нужно будет прекратить.

— Понятно. — Я немного подумал. Мне никогда не приходилось делать ничего подобного. Конечно, меня наградили медалью, но я не обманывался насчет своего боевого опыта. — Думаю, я с этим справлюсь, сэр, — сказал я.

Фалькенберг улыбнулся той особой улыбкой, которая бывает у него, когда он готовит сюрприз.

— Боюсь, на этот раз вам не достанется все самое интересное, мистер Слейтер. Я намерен сам возглавить отряд на «небесных якорях». А вы будете командовать главными силами.

В план входило еще многое, включая часть, которая мне совсем не понравилась. Он собирался взять с собой на «небесные якори» Кэтрин. Я не мог возражать. Она уже дала согла-

сие. Фалькенберг позвонил ей в мою комнату, пока я шел на совещание.

— У меня, в сущности, нет выбора, — сказал Фалькенберг. — Нам нужен надежный человек, которого хорошо знают местные жители. Успех всего плана зависит от их поддержки в долине к югу от Алланспорта. В противном случае нечего и пытаться.

Мне пришлось согласиться. Но мне это не нравилось. Могу представить себе, что она скажет, если я попытаюсь ее удержать.

Фалькенберг заканчивал инструктаж.

— Есть еще вопросы? Нет? Тогда еще раз прошу высказать свое мнение.

— Мне кажется, все в порядке, — сказал Луис.

Еще бы. Ведь он отправляется с Фалькенбергом на «небесных якорях».

— С тяжелым вооружением не будет никаких проблем, — сказал Дин. — Мне нравится.

— Мистер Слейтер?

— Моя операция кажется очевидной. Никаких проблем.

— Она очевидна, но не тривиальна, — сказал полковник Харрингтон. — У вас самая сложная часть работы. Вам нужно перекрыть возможность отхода на север, вступить в бой с противником, освободить губернатора, а потом повернуть и, как молот, ударить по противнику, прижатому к наковальне, созданной в проходе капитаном Фалькенбергом. Важнейшее значение приобретает расчет времени.

— Я уверен в лейтенанте Слейтере, — сказал Фалькенберг.

— Я тоже, иначе не одобрил бы этот план, — ответил Харрингтон. — Но не забывайте о том, что мы делаем. Чтобы выполнить главную цель — очистить от противника всю долину, мы оставляем губернатора Суэйла в трудном и деликатном положении. Если что-нибудь пойдет не так, сектор снимет с нас головы — и по заслугам, могу добавить. — Он встал, и все мы тоже встали. — Но мне это нравится. Несомненно, Ассоциация ожидает, что мы немедленно бросимся на выручку губернатору, и готовится к этому. А я ненавижу предпринимать очевидные шаги.

— Я тоже, — согласился Фалькенберг.

Харрингтон коротко кивнул.

— Джентльмены, вы получили приказ.

Лодки, двигавшиеся по темной реке, словно приплыли из американской Гражданской войны. Крепость мы покидали под дождем, но теперь небо было чистым и темным, над головой горели яркие звезды. Мои лодки представляли собой всего лишь баржи с паровыми машинами и с надстройками, которые позволяли защитить груз от непогоды. Конечно, они деревянные: на Арарате не хватает металлургической промышленности, чтобы делать металлические корпуса, да и нет особых причин для этого.

У меня три баржи, каждая пятьдесят метров в длину и примерно двадцать в ширину; это большие прямоугольные плавучие платформы с каютами, крыши которых служат палубой с мостиком в центре. Каждый сантиметр площади занят солдатами, мулами, оружием, припасами, фургонами, боезапасом, палатками и пищевым довольствием. 501-й отправлялся в долину Аллана надолго.

Баржи шли на дровах, поэтому время от времени приходилось останавливаться и с помощью цепных пил готовить запасы дров. Вдобавок, в моем распоряжении находился один корабль-амфибия на воздушной подушке, с легким вооружением. Он мог делать пятьдесят пять километров в час по сравнению с одиннадцатью, которые делали баржи при работе паровых двигателей на полную мощность. На палубе третьей баржи стоял вертолет номер три, способный развивать скорость в несколько сотен километров в час. Разница в быстроходности была бы забавной, если бы так не раздражала.

— Один проклятый DC-45, — говорил Дин. — Всего лишь один. Только и всего. Один «Старлифтер», и мы через час были бы на месте.

— Придется обходиться тем, что у нас есть, — ответил я ему. — К тому же подумай, как это романтично. Жаль, что у нас на носу не стоит лоцман и не выкрикивает глубину реки — вместо сонарного эхолота.

Судно на воздушной подушке провело разведку, чтобы исключить неприятные сюрпризы. По мере приближения к Алланспорту я посылал вертолет отыскивать с большой высоты место для высадки. Мы высаживались в добрых двадцати километрах ниже по течению от Алланспорта. Дело не только в том, что выше по течению берега слишком крутые. Мы не хотели спугнуть Ассоциацию, высадившись так близко. Разумеется, губернатор Суэйл каждый час орал на меня по радио. Он хотел, чтобы мы немедленно оказались в Алланспорте. Когда я сказал ему, где мы собираемся высадиться, он едва не впал в истерику.

— Что вы делаете? — кричал он. — Вам нужно только показаться! Они не полезут биться с вами. Это политический маневр. Надавите на них, и они согласятся на наши условия.

Я не стал говорить, что мы не собираемся договариваться с Ассоциацией.

— Сэр, полковник Харрингтон одобрил план действий.

— Мне наплевать, даже если его одобрил сам Господь Бог! — вопил Суэйл. — Что вы делаете? Я знаю, что Фалькенберг к югу отсюда с войсками, которые доставил вертолетами, но он не сказал мне, что собирается делать! А теперь он отводит милицию! Меня здесь заперли, а вы ведете какую-то игру! Я требую, чтобы вы немедленно сообщили мне о своих намерениях!

— Губернатор, я сам ничего не знаю, — ответил я. — Знаю только свой приказ. Через несколько часов мы вас оттуда вытащим. Конец связи. — Я выключил передатчик и повернулся к Дину: — Что ж, теперь мы знаем, что Луис и Фалькенберг что-то делают к югу от нас. Хотел бы я знать, что именно.

— Если нам нужно это знать, они скажут, — ответил Дин. — Тревожишься о Кэтрин?

— Немного.

— Никогда не привязывайся к женщине настолько, чтобы тревожиться за нее. Нервы будут целее.

— Конечно. Рулевой, похоже, вот и место высадки. Смотри внимательней.

— Есть, сэр.

— Хартц, свяжи меня с пилотом вертолета.

— Зэр. — Хартц несколько мгновений повозился с радио, потом протянул мне микрофон.

— Сержант Страгов, сэр.

— Страгов, хочу, чтобы вы внимательно оглядели весь район высадки. Нас должны встречать два невооруженных человека. Они посветят синим. Если цвет будет другой, обстреляйте весь район и побыстрей убирайтесь оттуда. Если цвет будет синий, сообщите мне, но мне все равно понадобится полный осмотр.

— Есть, сэр.

— А кто нас встречает? — спросил Дин.

— Не знаю, — ответил я. — Фалькенберг сказал, что постарается организовать встречающих из участников местного сопротивления. Если они нам помогут, мы вооружим их соседей. Поэтому мы прихватили с собой дополнительные ружья.

Радио снова ожило.

— Два человека с синим огнем, сэр. Ничего на радаре или на инфракрасном экране.

— Хорошо. Теперь сделайте облет пошире. Мне не хочется, чтобы какая-нибудь батарея уже нацеливалась на наше место высадки.

— Сэр.

— Главный старшина, — сказал я.

— Сэр.

— Отправляйтесь на судне на воздушной подушке на берег. Будьте вежливы с встречающими, но не спускайте с них глаз. Когда убедимся, что район не опасен, высадимся все.

— Сэр.

Я посмотрел на звезды. Луны не было. Примерно пять часов до рассвета. Если повезет, к этому времени мы развернемся и будем готовы к бою.

— Хорошо, Дин, ты старший, — сказал я. — Хартц, останешься с ним.

— Если лейтенант приказывает.

— Черт побери, я приказываю. Отставить. Хорошо, пойдешь со мной.

Мы поднялись на палубу. Река всего в метре под нами. В ней не стоит плавать: на Арарате есть водяные змеи, и их яд

убивает любое животное, в котором есть протеин. Он действует как катализатор и вызывает свертывание цитоплазмы клеток. Мне совсем не хотелось превратиться в груду жесткой резины.

На борту ждало каноэ. Я заранее нашел солдат, умевших с ним управляться. Отыскался десяток знакомых с причудливым суденышком, и это меня не удивило. Говорят, в полку морской пехоты можно найти представителей любой профессии, и похоже, так оно и есть. В моей роте были два опытных каменщика, художник, несколько техников-электронщиков (вероятно, инженеров, но они в этом не признавались) и по крайней мере один исключенный из корпорации юрист, пьяница психиатр и несколько человек, утверждавших, что они лишенные сана священники.

Капрал Анураро показал мне, как садиться в каноэ, не переворачивая его. У нас на Аризоне таких нет. Меня везли на берег, а я думал о том, в какой глупой ситуации оказался. Меня везут в каноэ, изобретенном не менее десяти тысяч лет назад. Со мной бинокль, усиливающий яркость и основанный на принципе, который был открыт уже после моего рождения. За мной пароход, который мог бы ходить по Миссисипи во времена последнего рубежа Кастера,* а на планету я прилетел в космическом корабле.

Течение быстрое, и я был рад, что на веслах опытные гребцы. Вода плавно струилась за бортом. Иногда по ней пробегала рябь, поднятая невидимыми подводными существами. Судно на воздушной подушке уже поднялось на берег, и кто-то сигналил нам фонариком. Когда мы причалили, я с радостью ступил на сушу.

— Где наши гости, Росак? — спросил я.

— Здесь, сэр.

Два человека — оба ранчеро или фермеры. Один родом из Восточной Азии. Обоим примерно по пятьдесят лет. Как мы договорились, они были без оружия.

---

* Так принято называть бой небольшого отряда под командованием генерала Кастера с индейцами в 1876 году. В этом бою индейцы перебили почти весь отряд. Погиб и сам генерал Кастер. — *Прим. перев.*

— Я лейтенант Слейтер, — сказал я.

Человек с востока ответил:

— Меня зовут Ван Лоо. А это Гарри Ситон.

— Я о вас слышал. Кэтрин рассказала, как вы ей помогли.

— Да. Помогли сбежать из клетки, — ответил Ван Лоо.

— Вы должны мне кое-что доказать, — сказал я.

Ван Лоо слегка улыбнулся.

— У вас шрам на левой руке. В форме полумесяца. Когда вы были мальчиком, вашу любимую лошадь звали Конфетка.

— Вы виделись с Кэтрин, — сказал я. — Где она?

— К югу от Алланспорта. Пытается поднять ранчеро на помощь капитану Фалькенбергу. Мы посланы сюда, чтобы помочь вам.

— Мы хорошо поработали, — добавил Гарри Ситон. — Многие ранчеро будут сражаться вместе с вами, если вы вооружите их. Но есть кое-что еще.

— Да?

— Не считайте нас неблагодарными, — заговорил Ван Лоо. — Но вы должны понять. Мы воевали годами и больше не можем. Сейчас в долине установился непрочный мир. Это мир покорности, и нам он не нравится, но мы не откажемся от него только для того, чтобы помочь вам. Если вы не собираетесь оставаться, пожалуйста, освободите своего губернатора и уходите, но на нас не рассчитывайте.

— Очень откровенно, — сказал я.

— Нам приходится быть откровенными, — ответил Гарри Ситон. — Но Ван Лоо говорит не от нашего имени. Мы с ним уже преступники. И мы на вашей стороне, что бы ни случилось. Но мы не можем просить друзей присоединиться к вам, если вы не собираетесь оставаться и защищать нас.

— Это старая история, — сказал Ван Лоо. — Нельзя винить фермеров. Они предпочли бы вас Ассоциации, но вы здесь ненадолго, а Ассоциация навсегда. Куда же им деваться? Перед моими предками на Земле вставала та же проблема. Они решили поддержать Запад, и когда американцы, которые ничего особенного не теряли в той войне, отозвали свои силы, мой прапрадед вынужден был отказаться от земли, которой

наша семья владела тысячу лет, и бежать с ними. У него не было выбора. Думаете, он поддержал бы американцев, если бы знал, чем все кончится?

— СоВладение могло бы распространить свою защиту на эту долину, — сказал я.

— Правительства не знают, что такое честь, — ответил Ван Лоо. — Ее нет и у многих людей. Но человек по крайней мере может иметь честь, а вот для правительства это невозможно. Вы клянетесь, что не оставите наших друзей, которых мы поднимем вам на помощь?

— Да.

— Верю вам на слово. Кэтрин говорит, что вы человек чести. Если поможете нам транспортом и связью, думаю, завтра к полудню к вам присоединится пятьсот человек.

— И да поможет им Бог, если мы проиграем, — сказал Ситон. — Да поможет им Бог.

— Мы не проиграем, — пообещал я.

— Битва — не война, — сказал Ван Лоо. — А войны выигрывают не оружием, а волей к победе. Нам пора.

XV

Военная аксиома гласит: ни один план не выдерживает соприкосновения с противником, но к полудню казалось, что эта операция будет исключением. Отряд Фалькенберга — два взвода роты Б, которые погрузились на «небесные якори» после того, как мы отплыли на баржах, — перед самым рассветом напал на защитников прохода и через три часа овладел проходом. Фалькенберг привел две роты милиции, приказал им окопаться и удерживать проход.

Тем временем ранчеро с юга получили вооружение и приказ перекрыть дорогу и сдерживать тех, кто попытается отойти на юг. Из этого сектора я получал лишь отдельные донесения, но казалось, все под контролем. Кэтрин сумела создать отряд почти в пятьсот человек — вполне достаточно для южной оборонительной линии.

Настала моя очередь. Через два часа я повел растянувшуюся на восемь километров линию наступления в долину.

Левым флангом служила река. Здесь не было никаких проблем. А вот правый фланг — совсем другое дело.

— Он меня беспокоит, — сказал я Фалькенбергу в очередном докладе по радио. — Мой правый фланг висит в воздухе. Справа нас защищают только ранчеро Ван Лоо, и их не больше трех сотен — может, и меньше. — Ван Лоо повезло меньше, чем Кэтрин. Конечно, у него было меньше времени.

— А от кого вы ожидаете удар на правом фланге? — спросил Фалькенберг.

— Не знаю. Мне только не нравится зависеть от других и от врага, который должен делать только то, что мы от него ждем.

— Мне тоже это не нравится, но вы можете предложить что-нибудь другое?

— Нет, сэр.

— Тогда выполняйте приказ, мистер Слейтер. Двигайтесь на Алланспорт.

— Есть, сэр.

Контролировать линию фронта было нелегко. Мои солдаты растянулись поперек всей долины, причем главные силы шли на левом фланге вдоль реки. Местность открытая, невысокие пологие холмы с живыми изгородями и эвкалиптами, посаженными для защиты от ветра. Поля недавно сжали и на стерню выпустили свиней. Поля влажные, но мы шли неплотно и не причиняли им вреда.

Через большие промежутки попадались дома фермеров. Все это были крупные хозяйства. Самое маленькое — не меньше квадратного километра, а многие гораздо больше. Очень много земли оставалось необработанной. Дома, каменные и земляные, частично уходили под землю, построенные как небольшие крепости. У некоторых стены проломлены взрывами.

Со мной был Гарри Ситон. Когда мы подходили к ферме, он старался убедить владельца, его детей и родственников присоединиться к нам. Если те соглашались, он отправлял их к растущему отряду на правом фланге.

— Мне кое-что непонятно, — сказал я Ситону. — Конечно, у вас большие семьи, и все работают, но как вы обрабаты-

ваете столько земли? На последней ферме было по крайней мере пятьсот гектаров.

— Здесь очень сложная картина выпадения дождей, — ответил Ситон. — Половину времени здесь болота, другую — засуха. Единственное удобрение — навоз. Нам приходится много земли оставлять невозделанной или сажать бобовые, а потом их запахивать.

— Но все равно работы для одной семьи слишком много.

— Ну, у нас есть наемные работники. В основном осужденные. Эти сволочи при первой же возможности присоединяются к Ассоциации. Я у вас тоже кое-что спрошу, лейтенант.

— Что именно?

— Ваши люди боятся умереть от голода? Никогда ничего подобного не видел: они хватают все, что могут отыскать. — Он показал на одного солдата роты Б прямо передо мной. Не очень высокий солдат, из карманов торчат три курицы, несколько початков и бутылка, которую он где-то нашел. А в ранце выпуклости, которые невозможно объяснить обычным снаряжением. К тому же он умудрился к шлему прицепить дрова, так что сзади его шлема совсем не видно. — Настоящая саранча, — сказал Ситон.

— Тут я ничего не могу сделать, — ответил я. — Я не могу одновременно быть повсюду, а морские пехотинцы считают все, что не спрятано и не заперто и за чем не присматривают, своей добычей. Теперь они несколько дней будут хорошо питаться — забудут жирный рис и обезьянье мясо. — Я не стал добавлять, что если он считает положение скверным сейчас, когда войска только выступили навстречу противнику, то придет в ужас, завидев их после нескольких недель, проведенных в поле.

Впереди послышались выстрелы.

— Началось, — сказал я. — Сколько ферм впереди еще населены вашими людьми?

— Так близко к Алланспорту немного. В городе почти исключительно люди Ассоциации. Или проклятые коллаборационисты, что одно и то же. Вероятно, поэтому город не уничтожили. Их намного больше эскорта вашего губернатора.

— Да. — Это меня беспокоило. Почему отряды Ассоциации просто не вошли в город и не захватили губернатора Су-

эйла? Как сказал Ситон, с Суэйлом только небольшое количество милиции, однако в осаде наступило равновесие. Как будто на самом деле разбойники не хотели захватить его.

Конечно, в любом случае, у них возникли бы проблемы. Если они убьют губернатора, командовать будет полковник Харрингтон. Я предполагал, что у Ассоциации есть друзья в Гармонии, возможно, в самом дворце. Несомненно, у них несколько источников информации. И они знают, что с Харрингтоном будет гораздо труднее иметь дело, чем с Суэйлом.

По мере приближения к Алланспорту сопротивление усиливалось. Солдаты Ассоциации были вооружены гораздо лучше, чем мы считали. У них были мортиры, легкая артиллерия и много боеприпасов для того и другого.

Дважды мы едва не лишились вертолетов. Я послал их вперед для огневой поддержки наступающей пехоты. Оказалось, что у солдат Ассоциации есть самонаводящиеся ракеты, и единственная причина, из-за которой они не сбили вертолеты, была в том, что они слишком торопились: выпускали ракету, когда у вертолета еще оставалась возможность маневра. Пришлось их отозвать. Для разведки я еще могу их использовать, но не стану рисковать ими в бою.

Одну за другой мы подавляли батареи Ассоциации. Оружия там много, но электроника дрянь. Противоартиллерийский огонь жалок. После нескольких выстрелов наш радар нащупывал их пушки, и мы заставляли их замолчать.

— Где они все это берут? — спросил я у Ситона.

— У них всегда много оборудования. С того самого времени, как они пришли в эти холмы, они хорошо вооружены. В последнее время вооружения у них стало еще больше. Это одна из причин, почему мы прекратили сопротивление.

— Оно должно поступать на планету извне, — сказал я. — Но как?

— Не знаю. Спросите вашего губернатора.

— Собираюсь. Оружие должно проходить через космопорт. Кто-то богатеет, поставляя вооружение Ассоциации Защиты.

Мы подошли к окраинам Алланспорта. Город лежал на невысоких холмах у реки. Он был окружен защитной камен-

ной стеной, дома тоже из камня. Артиллерия Дина пробила в этой стене большие бреши, и через них войска прошли на соседние улицы. Нас встретил сильный огонь. Ситон был прав, говоря о настрое горожан. Они сопротивлялись дом за домом, и морским пехотинцам приходилось передвигаться осторожно и постоянно пользоваться артиллерийской поддержкой. Двигаясь по городу, мы ровняли его с землей.

Губернатор Суэйл и две роты милиции закрепились на утесе, нависающем над рекой, почти в центре полукруглого города. Они держали под огнем почти всю реку вплоть до стального моста, пересекающего Аллан. Я надеялся добраться до губернатора к ночи, но сопротивление в городе было слишком сильным. В сумерках я приказал остановить продвижение и передал губернатору, что достигну его расположения на следующий день.

— Но мы в пределах досягаемости артиллерии до ваших позиций, — сказал я. — Можем обеспечить вам огневую поддержку, если будут предприняты серьезные попытки штурма.

— Да. Вы молодцы, — ответил он.

Это меня удивило. Я ожидал, что он потребует, чтобы я двигался быстрее. «Век живи — век учись», — сказал я себе.

— Я поворачиваю правый фланг. Берем город в кольцо, — сказал я Суэйлу. — К утру мы их окружим в Алланспорте и потом легко справимся.

— Отлично, — ответил он. — Мои офицеры милиции докладывают, что у Ассоциации очень мало сил в южной части города. Возможно, за ночь вы захватите немало улиц.

С наступлением темноты мы остановились. Я выслал вперед Ардвайна с ротой А, чтобы он обогнул город по окраинам и занял его южную часть. Потом поужинал вместе с солдатами. Как заметил Ситон, они обеспечили себя продуктами на славу. Сегодня вечером никакой солонины и риса! На ужин у нас жареные куры и свежая кукуруза.

После этого я отправился к своему столу с картами. Караван остановился на каменной ферме в двух километрах от окраин Алланспорта. Штабной взвод разбил КП, и пришлось позаботиться о миллионе дел: припасы, полевой госпиталь, планы эвакуации раненых вертолетами, распределение бое-

припасов, чтобы всем хватало. Большую часть этого могли сделать компьютеры, но были и такие решения, которые мог принимать и исполнять только я. Наконец у меня появилось время внести нашу позицию в полевой компьютер и подготовить новые планы. Если ввести в компьютер правильные данные, он покажет на карте расположение всех наших частей; он может проводить битвы и показывать их вероятный исход, передвигать части и подсчитывать возможные потери...

Это напомнило мне о дневных стычках. Сражение шло, но я его почти не видел. Сначала только новые линии на карте, а позже окровавленные раненые в полевом госпитале. Война на экране триви, совершенно нереальная. Разведывательный спутник прошел над долиной Аллана как раз перед сумерками, и из Гаррисона мне передали новые снимки. Не очень отчетливые. Стоит низкая облачность, так что разрешение не очень высокое, и в моих данных о силах Ассоциации большие пробелы.

— Садится вертолет первого номера, сэр, — доложил сержант Джески. Этот специалист по связи из штабного взвода, пожилой, поседевший, шутя управляется с электроникой, пока все идет хорошо. Но может стать таким же суровым и грубым, как любой унтер-офицер во Флоте.

Первый номер — это Фалькенберг. И я не удивился, когда несколько минут спустя вошел капитан. Он предупредил, что присоединится к главным силам, если на переходе все будет спокойно. Я встал и уступил ему место командира за столом с картой. Я все равно чувствовал себя там неловко и обрадовался, что кто-то может снять с меня это бремя.

— Просматриваю ленту со спутника, — сказал я.

— Это одна из причин моего появления. Слишком хорошо идут дела. Когда такое случается, я начинаю искать, что упустил. — Он пробежался по клавишам, вызывая на карту нашу нынешнюю позицию. — У Ардвайна есть проблемы с окружением?

— Нет, сэр.

Он хмыкнул и снова принялся нажимать клавиши. Потом просмотрел снимки со спутника.

— Мистер Слейтер, почему силы Ассоциации не заняли берега реки за расположением губернатора?

— Не знаю, сэр.

— А почему его превосходительство не ушел по воде? Он вполне мог это сделать, прихватив с собой несколько человек.

— Не хотел бросать милицию, сэр?

— Возможно.

Я посмотрел на часы. С наступления темноты прошло два часа. Войска хорошо окопались по периметру, за исключением группы Ардвайна, которая двигалась к южной окраине города.

Фалькенберг просмотрел рапорты за день и, нахмурившись, поднял голову.

— Мистер Слейтер, почему у меня складывается впечатление, что в этой ситуации есть что-то фальшивое?

— В каком смысле, сэр?

— Все слишком легко. Нас убеждали, что разбойники из Ассоциации умеют драться, но до сих пор мы встретили только несколько пехотных заслонов, которые отступали, прежде чем мы успевали вступить с ними в контакт. А первое настоящее сражение началось, только когда вы достигли города?

— Были артиллерийские дуэли, сэр.

— Да. И мы их выигрывали несколькими выстрелами. Вам это не кажется странным?

— Нет, сэр. — Я убедился, что парни Дина очень хорошо стреляют. После той поддержки, которую они оказали мне у дорожного блокпоста в Вирсавии, я был готов поверить, что они способны на все. — Я об этом не думал, сэр, но коль скоро вы спросили — что ж, действительно легко. Обмен несколькими выстрелами, и их орудия замолкают.

Фалькенберг кивнул.

— Уничтожены или просто перестали действовать? Глядя на карту, я бы сказал, что ко второй возможности вы не готовы.

— Я...

— Вы хорошо сработали, лейтенант. Все дело в моей отвратительной подозрительности. Не люблю сюрпризы. Далее. Почему губернатор не попросил, чтобы его эвакуировали по воде? Почему остался сидеть в Алланспорте?

— Сэр...

Он не дал мне закончить.

— Полагаю, вы сообщали свои позиции и планы губернатору?

— Конечно, сэр.

— А мы заняли проход очень небольшими усилиями. Почти без потерь. А ведь Ассоциация отлично знает, что мы его удерживаем. Почему их силы в городе ничего не предприняли? Почему не напали, не взорвали утес, не взяли губернатора в заложники — почему они ничего не делали? — Он распрямился, принимая решение.

— Главстаршина!

— Сэр!

— Я хочу отправить сообщение центуриону Ардвайну. И не хочу, чтобы его можно было перехватить.

— Сэр.

— Он должен воздержаться от взятия города в кольцо. Пусть пошлет несколько патрулей вперед, чтобы они окопались в пределах видимости, а сам держит свои силы подальше от Алланспорта. Он может перемещаться взад-вперед и производить много шума. Я хочу, чтобы они считали, что он продолжает окружать Алланспорт, но на самом деле Ардвайн должен отвести свои силы на северо-запад и закрепиться не дальше чем в двух километрах от города. И сделать это, по возможности, бесшумно и незаметно.

— Да, сэр. — Огильви вышел.

— Страховка, мистер Слейтер, — сказал Фалькенберг. — Страховка. Брать город в кольцо не нужно.

— Да, сэр.

— Не понимаете, мистер?

— Да, сэр.

— Просто сохраняю возможность выбора, лейтенант. Не хочу связывать свои силы, пока не ясны цели.

— Но цель — захватить силы Ассоциации и нейтрализовать их, — сказал я. — Окружение города привело бы к этому. Нам не пришлось бы рассчитывать на ранчеро, чтобы они не давали противнику уйти на юг.

— Это я понимаю, лейтенант. Теперь прошу меня простить, у нас обоих есть работа.

— Да, сэр. — Я оставил командную машину, чтобы подыскать другое место для работы. А работы было много.

Я занял одну из пустующих комнат фермы и принялся шелестеть бумагами. Примерно час спустя вошел Дин Ноулз.

— Мне изменили приказ, — сказал он. — Что происходит?

— Не знаю. Садись. Кофе там.

— Спасибо, не откажусь. — Он наполнил чашку и сел наискосок от меня. В комнате стоял большой стол, вырубленный из одного ствола. На Земле такой стол стоил бы целое состояние. Сомневаюсь, что, за исключением нескольких охраняемых секвой, на Земле еще сохранились деревья такого размера.

— Тебе не кажется, что я должен знать, что происходит? — спросил Дин. Голос его звучал дружелюбно, но в нем слышалась саркастическая нотка.

— Обратись к Фалькенбергу, если действительно хочешь получить ответ, — сказал я. — Мне он тоже ничего не сказал. Знаю только, что рота А где-то на местности, но когда я попросил разрешения идти с ней, он ответил, что я нужен здесь.

— Ну-ка поподробнее, — попросил Дин.

Я описал происходившее.

Дин подул на горячий кофе, потом сделал глоток.

— По-твоему, Фалькенберг считает, что мы засовываем голову в ловушку?

— Да. А ты что думаешь?

— Хороший довод насчет артиллерии. Мне и самому казалось, что все идет слишком гладко. Примем его теорию и посмотрим, к чему это ведет.

— Ты понимаешь, что есть только один человек, способный устроить такую ловушку, — сказал я.

— Да.

— Но какие у него могут быть мотивы? — удивился я.

Дин пожал плечами.

— Все равно, давай посмотрим, к чему это ведет. Мы в целях дискуссии предполагаем, что губернатор Хьюго Суэйл вступил в заговор с бандой преступников, чтобы навлечь на 501-й все что угодно: от поражения до полной катастрофы...

— Видишь, как глупо это звучит, — сказал я. — Слишком глупо, чтобы обсуждать.

— Примем предположение, — настаивал Дин. — Это означает, что Ассоциации Защиты отлично известны наши позиции и планы. Что она может сделать с этой информацией?

— Вот почему это так глупо, — ответил я. — Что с того, что они знают, где мы? Если они покажутся и попробуют сражаться, мы их все равно побьем. Они не могут надеяться разбить профессиональную часть! Возможно, с фермерами, женщинами, детьми у них отлично получалось, но это батальон линейной морской пехоты.

— Временный батальон.

— Все равно.

— Ты так считаешь? Будь реалистом, Хэл. Мы провели одну короткую кампанию. А в остальном мы те же, какими явились сюда, — разношерстные солдаты, частично новобранцы, другая часть набрана в гауптвахтах, командуют ими три новичка-лейтенанта и самый молодой капитан во всем Флоте. Наш полковник — престарелый военный полицейский, и у нас нет и четверти оборудования, какое есть в регулярном батальоне.

— Мы справимся со всем, что может выставить против нас банда преступников.

— Хорошо вооруженная банда преступников, — сказал Дин. — Продолжай гордиться своей частью, Хэл. Я не отрицаю достоинств 501-го. Дело в том, что сами мы можем знать, что у нас отличная часть, но мало кто в это поверит.

— У них скоро появятся основания думать по-другому.

— Может быть. — Дин принялся изучать карту. — Может быть.

XVI

Ночь прошла спокойно. В полночь я прошелся по лагерю — не для того, чтобы проверить часовых: в этом отношении можно было положиться на унтер-офицеров, — а просто чтобы посмотреть, каково тут по ночам. Солдаты были бодры и с нетерпением ждали завтрашних схваток. Даже новобранцы улыбались по-волчьи. Нам противостояла дезорганизованная толпа, и у нас было больше орудий. Каждая манипула разбила

палатку, внутри установили крошечные полевые печи, так что были кофе и жареная курица. На одной из ферм нашлось вино. Наш лагерь скорее напоминал пикник под открытым небом, чем армию перед сражением.

Все были возбуждены, как всегда перед боем, но хорошо это скрывали.

Вы уверены, что на этот раз угробится другой парень. Как всегда. В глубине души вы знаете, что это может быть и не так, но никогда об этом не говорите.

За час до рассвета все дома на южной окраине Алланспорта взорвались красным пламенем. В следующее мгновение огненный залп ушел за стены. Обстрел продолжался, всюду гремело, красные языки пламени едва виднелись сквозь густой речной туман. Я побежал на командный пункт.

Фалькенберг уже был там. Сомневаюсь, что он вообще ложился. Сержант Джески установил связь с одним из передовых патрулей.

— Капрал Левин, сэр. Я окопался в пятистах метрах снаружи от стен. Похоже, эти дома были заминированы, капитан. А потом они обрушили ад как раз на то место, куда мы должны были переместиться ночью.

— Каково ваше положение, Левин? — спросил Фалькенберг.

— Мы глубоко закопались. Но все равно двоих в моем взводе убили. Сильный обстрел, сэр. Тяжелая артиллерия. Не только мортиры.

Это было ясно по звуку, хотя мы находились далеко. Легкая артиллерия не способна так грохотать.

— Минутку, капитан, — сказал Левин. Последовало затяжное молчание. — Не могу надолго высунуть голову, капитан. Они продолжают обстреливать этот сектор. Вижу движение в городе. Похоже на то, что из ворот выходят наступающие. Да, это наступление. Противников много.

— Главный старшина, подготовьте батальон к немедленному выступлению, — приказал Фалькенберг. — Джески, когда разведывательный спутник в следующий раз пройдет над этим районом?

— Через семьдесят минут после рассвета, сэр.

— Спасибо. Левин, вы еще здесь?

— Да, капитан. Из Алланспорта выходят все большие силы. Черт побери, да у них несколько танков. Среднего размера. Класса «Суслов», я бы сказал. Не знал, что у этих ублюдков есть танки! Где они их взяли?

— Хороший вопрос. Левин, не высовывайте голову и не показывайтесь. Я хочу, чтобы вы уцелели.

— Не буду спорить с таким приказом, капитан.

— Они прорываются на юг, — сказал Фалькенберг. — Джески, соедините меня с лейтенантом Боннименом.

— Сэр.

— И попробуйте связаться с центурионом Гернаном в проходе.

— Есть, сэр. — Джески несколько мгновений возился с радио. — Мистер Боннимен не отвечает, сэр. Здесь Гернан.

— Спасибо. — Фалькенберг помолчал. — Мистер Слейтер, задержитесь ненадолго. Вам понадобятся инструкции. Центурион Гернан, докладывайте.

— Особенно докладывать не о чем, капитан. Небольшое движение выше нас.

— Выше вас. Противник спускается к проходу?

— Возможно, капитан, но точно не знаю. У меня там патрули, но они еще не докладывали.

— Окопайтесь, Гернан, — сказал Фалькенберг. — Попытаюсь прислать вам подкрепление. Вам необходимо удержать проход, с какого бы направления вас ни атаковали.

— Есть, сэр.

Фалькенберг кивнул. По мере поступления данных карта на столе покрывалась символами и огоньками; Джески получал сообщения, а его люди вводили данные в компьютер.

— Хорошо бы получить снимки со спутника, — сказал Фалькенберг. — В сложившемся положении силы Ассоциации могут предпринять только один логичный ход.

Он разговаривал сам с собой. А может, и нет. Может, полагал, что я его понимаю, но я не понимал.

— Во всяком случае только у нас на всей планете артиллерия достаточно мощная, — сказал Фалькенберг. — И мы не можем ею рисковать.

— Но мы должны помочь Боннимену и ранчеро, — возразил я. Я не стал упоминать Кэтрин. Фалькенберг может решить, что для меня это личная проблема. Может, так оно и есть. — Эти танки направляются на юг, как раз к их линиям.

— Знаю. Джески, продолжайте связываться с Боннименом.

— Сэр!

Снаружи прозвучала труба. Сигнал «Полная готовность». Брейди перекрыл весь гул.

— И мы должны освободить губернатора, — сказал Фалькенберг. — Обязательно должны. — Он принял решение. — Джески, свяжите меня с мистером Ван Лоо.

Пока Джески работал на установке, Фалькенберг сказал:

— Хочу, чтобы вы поговорили с ним, мистер Слейтер. Вы с ним знакомы, а я нет. Первым его побуждением будет броситься на юг, на помощь друзьям. Но он не должен этого делать. Его силы, каковы бы они ни были, гораздо полезней в качестве подкрепления для центуриона Гернана в проходе.

— Мистер Ван Лоо, сэр, — сказал Джески.

Фалькенберг протянул мне микрофон.

— У меня нет времени на объяснения, — сказал я. — Вы должны взять с собой всех, кого можете, и подняться к проходу. Его занимает смешанный отряд морских пехотинцев и милиции, и есть вероятность, что силы Ассоциации двинутся на них сверху. Отрядом командует центурион Гернан, и ему понадобится ваша помощь.

— Но что происходит? — спросил Ван Лоо.

— Силы Ассоциации вырвались из Алланспорта и направляются на юг, — ответил я.

— Но наши друзья на юге...

Фалькенберг взял у меня микрофон.

— Говорит капитан Джон Кристиан Фалькенберг. Мы поможем вашим друзьям, но ничего не сможем сделать, если не будут остановлены те, кто спускается к проходу. Вы лучше всего поможете своим друзьям тем, что не пропустите силы Ассоциации в долину.

Наступила долгая пауза.

— Вы не бросите нас, капитан?

— Нет. Мы вас не бросим, — сказал Фалькенберг.

— В таком случае у меня есть слово двух людей чести. Мы поможем вашим друзьям, капитан. Да будет с вами Господь.

— Спасибо. Конец связи. — Он отдал микрофон Джески. — Я предпочел бы парочку противотанковых орудий... или еще лучше собственные танки. Как наш Старина Бистли?

— По-прежнему на ходу, сэр.

Старина Бистли — единственный танк 501-го батальона, реликт тех дней, когда регулярные войска СВ впервые появились на Арарате. Его поддерживали на ходу только постоянно ремонтируя.

— Где люди Ассоциации берут горючее для танков? — удивился Фалькенберг. — К дьяволу это все. Главный старшина, пусть центурион Ардвайн возьмет два взвода роты А и Старину Бистли. Их задача — соединиться с губернатором Суэйлом. Они пойдут через северную окраину города и пойдут осторожно.

— Капитан, это моя рота, — сказал я. — Разрешите пойти с ними.

— Нет. Мне понадобится провести несколько операций, потребуется ваша помощь. Вы не доверяете Ардвайну?

— Конечно, доверяю, сэр...

— Тогда позвольте ему делать свое дело. Главный старшина, цель Ардвайна — отвлечь по крайней мере одну роту противника. Он должен рассредоточить своих людей и двигаться по городу. Чем позже противник поймет, что с ним совсем немного солдат, тем лучше. И пусть не рискует. Если на него нападут, он должен удирать со всех ног.

— Сэр, — сказал Огильви. И повернулся к ожидающему посыльному.

— У Ардвайна есть радио, — напомнил я.

— Конечно, — небрежным тоном ответил Фалькенберг. — Вы хорошо знаете теорию кодов, которыми мы пользуемся, мистер Слейтер?

— Не очень, сэр...

— Знаете достаточно: теоретически при наличии хорошего компьютера любое послание можно перехватить и расшифровать.

— Да, сэр. Но единственный компьютер на Арарате, который может сделать это, — наш в Гаррисоне.

— И еще один, во дворце губернатора в Гармонии, — добавил Фалькенберг. — О других мы ничего не знаем.

— Сэр, вы хотите сказать, что губернатор...

— Нет, — прервал он. — Я ничего не говорю. Хочу только быть уверенным, что мои приказы не перехватят. Джески, какого дьявола? Где Боннимен?

— Мы по-прежнему пытаемся с ним связаться, сэр.

— Есть какие-нибудь сообщения от мисс Малколм или от ранчеро на юге?

— Нет, сэр.

На карте появлялась все новая информация. Левин продолжал докладывать. Из Алланспорта вышли не только два танка, но и значительная артиллерия, и все это вдоль берега направилось на юг. Если Левин прав, в Алланспорте было гораздо больше войск противника, чем мы предполагали.

— Я связался с лейтенантом Боннименом, сэр.

— Слава Богу. — Фалькенберг схватил микрофон. — Мистер Боннимен, почти тысяча солдат противника вырвалась из Алланспорта и движется на юг. С ними по крайней мере два средних танка и значительная артиллерия. Вы хорошо окопались?

— Да, сэр. Мы их сдержим.

— Как? У вас только ружья.

— Нам придется продержаться, сэр, — сказал Луис. — Мисс Малколм с охраной ночью прошла на двадцать километров на юг в надежде получить подкрепление. Она не смогла этого сделать, но сообщила, что на юге появился противник. По крайней мере две группы солдат Ассоциации, а может, и больше движутся на север. Мы должны остановить их, иначе они прорвутся и соединятся с силами из Алланспорта.

— Минутку, — сказал Фалькенберг. — Главный старшина, мне нужна разведка с воздуха района к югу от расположения лейтенанта Боннимена и его ранчеро. Пошлите Страгова. Пусть держится на большой высоте, но мне жизненно необходимо знать, что движется на север, к нам, из Денисбурга. Хорошо, мистер Боннимен. В данный момент вы не знаете, кто вам противостоит.

— Нет, сэр, но у меня очень хорошая позиция. Стрелки в окопах, и мы укрепили оборону с юга.

— Хорошо. Вероятно, вы в большей безопасности, чем все остальные. Если начнутся неприятности, можете отойти на восток, к реке. Я поведу 501-й в обход города. Мы обогнем его достаточно далеко, чтобы оставаться вне досягаемости артиллерии. Потом повернем к реке и пойдем по берегу, пока не доберемся до вас. Если понадобится, наши инженеры наведут понтонный мост и мы отступим за реку.

— Нам обязательно отступать? — в отчаянии спросил Боннимен.

— Как я уже объяснил мистеру Слейтеру, наша главная цель — сохранить 501-й батальон как боевую единицу. Будьте готовы по приказу отступать на восток, мистер Боннимен. До получения такого приказа вы должны во что бы то ни стало удерживать позицию. Вероятно, вам придется нелегко.

— Мы справимся, капитан.

— Прекрасно. Что слышно о мисс Малколм?

— Я не знаю, где она, сэр, но могу послать патруль...

— Нет. У вас нет лишних людей. Если сможете передать ей сообщение, скажите, чтобы она присоединилась к вам, если это возможно. В противном случае она предоставлена сама себе. Вы поняли приказ, мистер?

— Да, сэр.

— Отлично. Конец связи.

— Значит, Кэтрин можно пожертвовать, — сказал я.

— Всеми можно пожертвовать, мистер. Главный старшина, пусть Страгов постоянно будет настроен на частоту мисс Малколм. Если сможет определить ее местоположение, пусть попробует эвакуировать ее с юга, но это не должно отразиться на его основной задаче — разведке.

— Сэр.

— Вы жестокий сукин сын, — сказал я.

Он ответил совершенно спокойно:

— Мистер, мне платят за выполнение определенных обязанностей, и в данный момент я выполняю эти обязанности. Я не слышал вашего замечания. На первый раз прощается. Но только на первый.

Я все понял: если я скажу еще что-нибудь, то пойду под арест, а мои солдаты продолжат сражаться.

— Каков мой приказ, сэр?

— Вы поведете авангард 501-го. Я хочу, чтобы батальон обошел город, оставаясь вне зоны артобстрела. Когда достигнете точки строго на юго-западе от Алланспорта, остановите авангард и подождете батальон, который я направлю к вам. Я до тех пор останусь здесь. Мне по-прежнему нужно доложить губернатору, и я хочу подождать дневных снимков со спутника.

Я посмотрел на часы. Как ни невероятно, до рассвета оставалось еще пятнадцать минут. За последние три четверти часа произошло очень многое. Когда я покидал командную машину, Фалькенберг проигрывал на карте множество схематических бескровных битв с горящими огоньками и дергающимися линиями, возникающими на карте со скоростью света, — подобия многих часов кровавых схваток, смерти и боли.

«И чего ты этим добьешься? — думал я. — Компьютер может дать только такие результаты, которые связаны с введенными в него данными, а твоих сведений о вражеских силах явно недостаточно. Какие силы Ассоциации направляются к проходу, где сейчас центурион Гернан? Нет данных. Сколько врагов движется к Луису, Кэтрин и ее ранчеро? Можно только догадываться. Какова их цель? Опять только догадки. Снова и снова догадки, а Кэтрин там, и вместо того чтобы спасать ее, мы держим батальон в бездействии».

Мне хотелось восстать, уйти к Кэтрин со всеми, кто пойдет за мной, но я не собирался этого делать. Смахнул с глаз слезы. У нас есть задача, и Фалькенберг, вероятно, прав. Он поможет ранчеро, а именно этого хочет Кэтрин. Она поклялась служить этим людям, и мы должны ей в этом помочь. Может быть, Страгов ее найдет. Может быть.

Я пошел к себе и позволил Хартцу облачить меня в броню поверх мундира. Пора выходить, и я радовался тому, что у меня есть дело. Хоть какое-то.

XVII

Долину заполнял густой белый туман. Туман вскипал над рекой и плыл по дну долины. За два часа после рассвета 501-й прошел девять километров. Батальон растянулся длинной колонной людей, мулов и фургонов по грязной полосе, которая когда-то была дорогой, а теперь превратилась в месиво. Солдаты, напрягаясь, вытаскивали за веревки фургоны с вооружением, а когда на полях нам попадались быки и мулы, мы впрягали и их. Два дня над долиной Аллана шел дождь, и теперь поля превратились в болота.

В отдалении слышались выстрелы: колонна Ардвайна, гарнизон Алланспорта, пытающийся прорваться сквозь оборону Луиса, или что-то другое. В этом тумане ничего нельзя понять. Невозможно даже определить, с какой стороны доносятся звуки, а здесь никакого сражения, только грязь.

Здесь, в долине, противника нет. Нет и союзников. Только беженцы, жалкие фигуры; они навьючили свои пожитки на мулов и быков или несут их в руках. Они не знают, куда идут, и мне некуда их направлять. Иногда мы проходили мимо ферм и видели женщин и детей, без всякого выражения глядящих на нас из полуоткрытых дверей или из забранных ставнями окон. Выстрелы на горизонте, проклятия солдат, которые тащат оборудование по грязи, проклятия, с которыми хлещут быков, впряженных в фургоны; резкие крики фермеров, протестующих против утраты своего скота; со всего капает вода, все погружено в туман, все сливается в продолжительный кошмар гнева и бесчувствия. Я чувствовал себя одиноким и совершенно чуждым всему этому. Где люди, освобождать которых мы пришли?

Мы достигли пункта, который указал нам на карте Фалькенберг, и авангард отдыхал, пока не подтянулась основная колонна. Как раз подошли орудия, когда с ревом примчался караван Фалькенберга. Его вездеходы без всяких проблем двигались по грязи — а мы тащились по ней с таким трудом!

Он послал за Дином Ноулзом и приказал нам обоим явиться к нему. Потом отослал всех унтер-офицеров и солдат. Мы остались втроем у стола с картой.

— Я до последней минуты не объяснял, что делаю, — сказал Фалькенберг. — А сейчас объяснение только для ваших ушей. Если кое-что произойдет, я хочу, чтобы кто-нибудь еще знал, что я не сошел с ума.

— Да, сэр, — ответил я. Мы с Дином переглянулись.

— Предварительные соображения, — начал Фалькенберг. — В течение нескольких лет ситуация в долине Аллана выглядит странной. Прежде всего группы осужденных кажутся слишком хорошо вооруженными. Губернатор Суэйл слишком охотно признал их как законное правительство. Я думаю, вы уже переговорили об этом.

Мы с Дином опять переглянулись.

— Вот утренние снимки со спутника, — сказал Фалькенберг. — Туман слишком густой, чтобы были видны подробности, но есть отдельные ясные полосы. Вот это снимок сделан к югу от мистера Боннимена. Хотел бы выслушать ваши комментарии.

Он протянул нам снимки. На большинстве виден только туман, а поверхность под ним совершенно неразличима. На других туман пореже, и тоже ничего не видно на поверхности.

— Совсем ничего, — сказал Дин.

— Вот именно, — согласился Фалькенберг. — Однако у нас есть сообщения о передвижении в этом районе войск. Как будто противник знает, когда над ним проходит спутник, и избегает ясных полос.

— Они вполне могут это знать, — сказал Дин. — Не так уж трудно рассчитать орбиту спутника-шпиона.

— Правильно. А теперь посмотрите на снимки этих ясных полосок, сделанные с сильной разрешающей способностью и при большом увеличении.

Мы снова посмотрели.

— Дороги изъезжены, — сказал я. — Сплошная грязь и колеи. Здесь прошло много людей и фургонов.

— И совсем недавно, я бы сказал. — Фалькенберг довольно кивнул.

Если это было испытание, мы его выдержали.

— Теперь еще кое-какие данные. Я приказал людям сержанта Джески прослушивать все передачи из Алланспорта. Возможно, это имеет смысл, а возможно, не имеет, но сразу

после каждого сеанса связи между штабом 501-го батальона и его разбросанными частями губернатор Суэйл связывался со своим дворцом в Гармонии и через полчаса получал ответ. Не немедленный ответ, джентльмены, а ответ через полчаса. И вскоре после этого начинались переговоры на частотах, которыми пользуется Ассоциация.

Нам нечего было сказать в ответ. Единственное возможное объяснение не имело смысла.

— Теперь посмотрим, что задумал противник, — продолжал Фалькенберг. — Он осадил губернатора в Алланспорте. Вначале мы получили приказ отправиться к нему на выручку. Мы не знаем, что они предприняли бы в ответ на это: вместо того чтобы выполнить приказ, мы разработали сложный план захвата их в ловушку. Мы предприняли начальные шаги, и что произошло? Противник предоставил нам возможность продолжать. Он ничего не стал делать. Позже мы узнали, что значительные, возможно, основные силы противника движутся на север. Очевидным препятствием для них является мистер Боннимен с его смешанной группой морских пехотинцев и ранчеро. Должен указать, что уничтожение этих ранчеро очень важно для Ассоциации. Она не только избавляется от потенциальной оппозиции своему правлению, но и делает невозможным в будущем убедить других ранчеро выступить против нее. Ассоциация становится единственным возможным правительством долины Аллана.

— Да, сэр, но почему? — спросил Дин. — Что могло заставить... почему губернатор Суэйл с ними сотрудничает?

— Пока оставим это, мистер Ноулз. Все по порядку. Обратимся к теперешней ситуации. Центурион Ардвайн отлично справился с делом: осторожно обходя Алланспорт с севера, он вызвал появление значительных сил противника. По-видимому, губернатор Суэйл убежден, что здесь занято не менее половины наших сил. Я сообщил ему, что остальную часть 501-го мы переведем с его нынешней позиции непосредственно на восток, на берег реки, где снова разделим силы: половина двинется на юг помогать мистеру Боннимену, вторая половина пойдет к городу. Губернатор признал этот план великолепным. Каково ваше мнение, мистер Слейтер?

— Никогда не слышал о большей глупости, — ответил я. — Особенно если он решил, что вы уже и так разделили свои силы! Поступив так, вы сами напроситесь на разгром — по частям.

— Совершенно верно, — согласился Фалькенберг. — Конечно, у губернатора нет военной подготовки...

— Она не нужна, чтобы понять, что план паршивый, — сказал я. — Проклятый предатель...

— Никаких обвинений, — сказал Фалькенберг. — У нас нет доказательств. На всякий случай я предполагаю, что Ассоциация получает копии всех моих распоряжений. Мне не нужно знать, как она их получает. Но запомните: пользуясь радио, учитывайте, что ваши сообщения могут перехватить.

— Да, сэр. — Дин выглядел задумчивым. — Это сокращает наши возможности связи.

— Конечно. Надеюсь, это никак не скажется. Согласно моим предположениям, противник ожидает, что я брошу свои силы на восток, к реке. Нельзя обмануть эти ожидания. Мистер Ноулз мне необходим для руководства артиллерией. Остаетесь вы, мистер Слейтер. Я хочу, чтобы вы взяли взвод и представили его как две роты. Вы будете посылать поток сообщений, как будто ведете основную часть батальона и докладываете мне в штаб, который остается в безопасности, в тылу. — Фалькенберг едва заметно улыбнулся. — Насколько мне известно, отец разделяет мнение Ирины обо мне. Ему нетрудно будет поверить, что я стараюсь держаться подальше от района активных боевых действий.

— Но что, если мне действительно понадобится передать сообщение? — спросил я.

— Вы знакомы с муштрой О'Грейди? — спросил Фалькенберг.

— Да, сэр. — О'Грейди изобрел особую форму муштры для сержантов. Нужно выполнять только те приказы, которые начинаются словами: «О'Грейди говорит...» После чего сержант разражается потоком приказов.

— Мы сыграем в эту маленькую игру, — сказал Фалькенберг. — Ваша цель — добраться до реки и продемонстрировать, что вы собираетесь напасть на Алланспорт с юга. Затем

вы двинетесь прямо на юг, в сторону от города, на соединение с мистером Боннименом. И будете помогать ему защищаться, пока не будете отозваны.

— Но... Капитан, вы ведь предполагаете, что они разузнают о ваших приказах.

Он кивнул.

— Конечно, они устроят засаду. В таком тумане это будет совершенно естественным шагом с их стороны. Поскольку они считают, что с вами основные силы, они, вероятно, воспользуются теми своими силами, которые сегодня утром оставили Алланспорт. Не думаю, что они настолько глупы, чтобы рискнуть с меньшими силами.

— И мы войдем в эту ловушку, — сказал я.

— Да. С открытыми глазами, но войдете. Вы приманка, мистер Слейтер. Заберитесь туда и начинайте дергаться.

Я вспомнил строчку из старой кинокомедии. И процитировал ее. «Неважно, поймаете вы рыбу или нет; когда вы забросили приманку, она больше ни на что не годится».

— Может быть, — сказал Фалькенберг. — Может быть. Но напомню вам, что вы мешаете большим силам Ассоциации нанести удар в спину мистеру Боннимену.

— Будем мешать, пока живы...

— Да. Поэтому я хочу, чтобы вы жили как можно дольше.

— Не могу спорить с таким приказом, капитан.

У реки туман сгустился. Отряд растянулся почти на километр; под влажным белым одеялом, накрывшим долину, каждая манипула оказалась изолированной от остальных. Солдаты забавлялись: мониторы в своих докладах представлялись сержантами, а капралы — центурионами. Они продолжали непрерывно болтать по радио, а в это время два человека в штабе Фалькенберга посылали нам массу приказов, на которые мы не обращали внимания. Пока все шло легко: мы не столкнулись ни с каким сопротивлением.

— Там стена города. — Росак показал налево. Я едва разглядел в тумане темные очертания. — Мы быстро осмотримся. Хорошо, лейтенант?

— Да. Но будьте осторожны.

— Я всегда осторожен, сэр. Брейди, приведи свой взвод. Посмотрим, что там. — И они исчезли в тумане.

Казалось, прошли часы, но на самом деле Брейди вернулся через несколько минут.

— Ничего, сэр. Ничего и никого, по крайней мере вблизи стены. Может, дальше их много. У меня такое чувство.

В моих наушниках послышался голос Росака:

— Продвинулись еще на пятьдесят метров. Никаких перемен по сравнению с тем, что сказал Брейди.

— У него такое же чувство, Брейди? — спросил я.

— Да, сэр.

Я снова включил связь.

— Спасибо, Росак. Возвращайтесь к своей роте.

— Есть, сэр.

С севера доносились отдаленные звуки выстрелов. Группа Ардвайна убедительно изображала продвижение роты. Она по-прежнему переходила в городе от дома к дому. Я подумал: «Наткнулся ли он на сопротивление или продолжает изображать бой? Ведь он должен был двигаться осторожно, а теперь его люди, должно быть, стреляют во все, что движется. И поднимают очень большой шум».

— Свяжи меня с Фалькенбергом, — приказал я Хартцу.

— Да, мистер Слейтер?

— Капитан, монитор О'Грейди докладывает, что южная окраина города оставлена. Я слышу роту А на севере, но не знаю, с каким сопротивлением она столкнулась.

— С очень небольшим, мистер. На всякий случай оставьте роту в помощь роте А и продолжайте двигаться на юг. Точно в соответствии с планом. Никаких перемен. Понятно?

— Да, сэр.

— Какие-нибудь затруднения с орудиями?

— Небольшие, сэр. Дороги грязные. Трудно двигаться, но мы движемся.

— Прекрасно. Продолжайте. Конец связи.

«Вот и все», — сказал я себе. Приказал монитору окопаться сразу за пределами города и продолжать шуметь.

— Вы только что стали центурионом роты Б, — сказал я ему.

Он улыбнулся.

— Да, сэр. Оставьте их несколько для меня.

— Обязательно, Йокура. Удачи. — И я повел остальную часть своей группы по дороге. Мы растянулись длинной колонной. Туман слегка поредел. Теперь я мог видеть на двадцать метров, а дальше мир превращался в клубящуюся белую пелену.

Как безопасней всего попасть в засаду, спрашивал я себя. Самое безопасное — вообще не попадать. Но если исключить эту возможность, фактически не остается выбора. С помощью проектора в шлеме я вызвал на дорогу карту.

Первое испытание — холм сразу за городом: холм 500, в просторечии Рокпайл (Груда камней). Это действительно лабиринт огромных камней и кремнистых уступов. Он господствует над дорогой у южных ворот Алланспорта. Тот, кто владеет им, контролирует все движение в город и из города.

Если Ассоциация хочет только помешать нам двигаться на юг, именно здесь она должна будет сосредоточить свои силы. Но если ее цель — заманить весь батальон в засаду, она не станет занимать холм и устроит ловушку где-нибудь дальше. В любом случае противник не думает, что я пройду мимо холма, не взглянув на него.

В четырех километрах за Рокпайлом тянется цепочка невысоких холмов. Дорога проходит по долине у их подножий. Идеальное место для засады. «Там нас и поджидают, — решил я. — Только они должны знать, что мы ждем где-нибудь здесь столкновения с ними. Наживка должна дергаться, но не должна слишком откровенно выглядеть наживкой. Как бы я действовал, если бы действительно располагал основным составом батальона? Разумеется, послал бы вперед сильный авангард. Сильный, как вся моя группа. Все, что мельче, не имеет смысла».

— Росак, соберите всех людей. Оставьте фургоны и полдюжины человек с радиоустановками, пусть растянутся вдоль линии марша, а всех остальных ведите сюда. Мы создадим авангард и двинемся на юг.

— Есть, сэр.

Когда солдаты собрались, я повел их вверх на Рокпайл. Конечно, там никого не было. Я рассчитал верно. Нас ждут дальше.

* * *

Росак подтолкнул меня и слегка повернул голову направо. Я неприметно кивнул.

— Не показывайте, сержант. Я видел там какое-то движение.

Мы добрались до холмов.

— Боже, чего они ждут? — прошептал Росак.

— Весь батальон. Мы им не нужны: им нужен весь 501-й.

— Да, сэр.

Мы двинулись вперед. Туман рассеивался, теперь видимость ограничивалась пятьюдесятью метрами. Вскоре станет очевидно, что за нами нет никаких войск, несмотря на громкие проклятия и скрип колес фургонов позади. Поразительно, какой шум способны поднять несколько фургонов, если как следует постараться.

«К дьяволу, — подумал я. — Нужно найти хорошую позицию и попытаться ее удержать. Дальше в ловушку заходить нельзя. Впереди скалистый участок. Не очень подходящий, но лучшее место, какое я видел за последние полчаса».

Я подтолкнул Росака.

— Когда доберемся туда, разместите людей между скалами. Там туман гуще.

— А что если там противник? — спросил Росак.

— Тогда попробуем его оттуда выбить, но я сомневаюсь, что он там. Думаю, они уходят с нашего пути, когда мы приближаемся. Все еще считают, что в километре за нами вся колонна. — Звучит убедительно, подумал я про себя. — Займем защитный периметр и будем ждать здесь окончания войны.

— Конечно. — Росак передвинулся направо и заговорил со своим соседом. Команду передавали по цепочке.

«Еще три минуты, — сказал я себе. — Три минуты, и у нас будет хоть какое-то укрытие». Место, которое я выбрал, представляло собой седловину, проход между холмами. Не слишком хорошо, но все же лучше, чем дорога. Я чувствовал нацеленные на нас со всех сторон ружья, но не видел ничего, кроме гротескных очертаний в тумане, с камней капала вода. Мы поднимались выше, упрямо продвигаясь к избранному мной месту.

Может, за нами никто не наблюдает. Возможно, противник на другой стороне долины. Ты видел только одного человека. Может, это даже не человек. Просто что-то движущееся. Дикое животное. Собака. Клок тумана.

Что бы это ни было, больше я не могу ждать. Тебе и не придется. Еще минута. Вот тот камень, большой. Когда доберешься до него, все будет кончено. Не беги. Двигайся медленно...

— Отлично, можете садиться. Немного передохнем! — крикнул я. — Хартц, передай колонне, чтобы не рассредоточивалась. Десять минут. Ротам собраться и подождать отставших. Они подойдут после привала.

— Зэр.

— Установите охрану периметра, сержант.

— Сэр! — отозвался Росак.

— Капрал Брейди, как насчет кофе? Можете поставить печь под прикрытием камней.

— Слушаюсь, лейтенант.

Солдаты исчезали в тумане. Слышались скрежещущие звуки: они подыскивали себе укрытия. Я ушел с открытого места и скорчился рядом с капралом Брейди.

— На самом деле не нужно готовить кофе, — сказал я ему.

— А почему нет, лейтенант? Нам ведь придется немного подождать?

— Надеюсь, капрал. Надеюсь. Но туман быстро рассеивается.

Десять минут спустя мы услышали орудийные выстрелы. В густом тумане трудно было определить направление, но мне показалось, что грохочет впереди, на юге. Определить дальность не было никакой возможности.

— О'Грейди передает сообщение капитана Фалькенберга, — сказал Хартц. — Группа лейтенанта Боннимена подвергается мощной атаке с юга.

— Принято. — С юга. Значит, колонна, идущая с севера от Денисбурга, вступила в контакт с ранчеро Луиса. Пока предположения Фалькенберга подтверждаются. Может, и весь его сложный план сработает.

— Что-нибудь новое от Ардвайна?

— Никаких сообщений, зэр.

Я переключил свою командную установку на общую частоту.

— Всем подразделениям 501-го, к югу сильная стрельба. Собраться немедленно. Мы идем на юг для оказания поддержки. Пусть артиллерия отправляется немедленно.

Послышался хор ответов по радио. Всего дюжина человек, но похоже на несколько сотен. Я был бы уверен, что движется целый батальон. И поздравлял себя, когда сквозь туман прорвался солнечный луч и осветил землю у моих ног.

XVIII

Едва показалось солнце, туман рассеялся. Несколько секунд спустя видимость вместо пятидесяти метров достигла ста, потом двухсот. Через минуту дорога на север стала видна на целый километр — и она была совершенно пуста. По ней с трудом тащился один фургон, а еще дальше шел единственный человек с рацией.

— О'Грейди приказывает всем ложиться! — крикнул я. — Хартц, передай Фалькенбергу, что уловка раскрыта.

По-прежнему ничего не происходило. Я достал бинокль и осмотрел скалы над и за нами. Повсюду движение.

— Боже, — сказал я. — Росак, мы столкнулись с основными силами Алланспорта. Не меньше тысячи человек. Окапывайтесь и не высовывайте головы.

Внизу на дороге разорвался снаряд. Потом еще один — и целый залп. «Неплохая стрельба», — сказал я себе. Конечно, ни в кого они не попали, потому что попадать было не в кого, кроме одинокого фургона. Но нацелились отменно. Будь мы там, весь залп пришелся бы по нас.

Над головой засвистели ружейные пули. Солдаты Ассоциации наконец открыли огонь. Я попытался представить, что чувствует командир противника, и рассмеялся. Он долго и терпеливо ждал, пока мы не окажемся в ловушке, а поймал меньше взвода. Должно быть, он вне себя от ярости.

И собирается перемолоть в фарш моих шестьдесят человек, две мортиры и четыре легких пулемета. Однако на это потребуется время. Я выбрал неплохое место для встречи с противником. Теперь, когда туман рассеялся, я видел, что место лучше, чем я предположил по карте. У нас относительно чистое поле обстрела, а камни большие и прочные. Им придется прийти сюда, чтобы взять нас. Нужно только не высовываться.

Нет смысла себя обманывать.

— О'Грейди говорит ждать и подпустить их поближе.

Послышался хор ответов, затем труба Брейди. Начал он с сигнала полной готовности, исполнил еще с полдюжины сигналов и наконец перешел к маршу линейной морской пехоты. «Его любимый, — подумал я. — Чертовски хорошо играет». Но тут я услышал свист снарядов и нырнул в убежище между камнями. И сразу вслед за этим на нашу позицию обрушился залп тяжелой артиллерии.

Внизу на дорогу высыпало множество солдат противника. Мои радисты и два солдата с фургоном погибли в несколько секунд. По склону к нам поднималось не меньше роты Ассоциации.

И тут командир сил Ассоциации допустил первую ошибку. Его артиллерия достаточно эффективно мешала нам поднять головы из-за скал, но те же скалы хорошо укрывали нас, и мы почти не несли потерь. Чтобы начать атаку, солдаты Ассоциации подождали конца артподготовки. Но нужны опытные унтер-офицеры и дисциплинированные войска, чтобы избежать потерь от собственной артиллерии. Это себя оправдывает, но нападающие об этом не знали или в это не верили.

Когда кончился артобстрел, они были слишком далеко. Через мгновение мои люди вынырнули из укрытий. И начали поливать огнем наступающих — ружья, пулеметы, а немного погодя и обе мортиры. Мало у кого из солдат противника была броня, и наш огонь действовал опустошающе.

— Бравые ребята, — хмыкнул Хартц. — Идут и идут.

Да, они продолжали наступать, но недолго. В пятидесяти метрах от нас ассоциаты остановились, дрогнули и обратились в бегство, прихватив с собой одних раненых и оставив других.

Когда атака захлебнулась, мы спрятались за скалы в ожидании нового обстрела.

— Один ноль в пользу морской пехоты, — выкрикнул я.

Брейди отозвался заключительными коленцами марша.

— И никто не устоит перед нами...

— Больше не сунутся, — сказал Росак. Он довольно улыбался. — Парни молодцы, мистер Слейтер.

— Да, молодцы.

У нас все стихло, но с юга доносились звуки отчаянной схватки: артиллерия, ружья и пулеметы, мортиры и гранаты. Звуки становились громче, как будто приближались к нам. Луис и его команда ранчеро сражались с намного превосходящим их противником. Я подумал: «Не с ними ли Кэтрин?»

— Теперь попытаются подбираться поодиночке, — предсказал Росак.

— Почему ты так думаешь? — спросил Хартц.

— Никакой дисциплины. После того, что произошло в последний раз, они больше не пойдут в атаку.

— Нет, будет еще одно общее нападение. Может, два, — возразил Хартц.

— Ни за что. Готов поспорить? На завтрашний винный рацион.

— Договорились, — ответил Хартц. Он немного помолчал, потом протянул мне микрофон. — Капитан Фалькенберг.

— Спасибо. Да, капитан?

— О'Грейди говорит, что муштра О'Грейди кончена. Понятно?

— Да, сэр.

— Какова у вас ситуация?

— Мы в седловине севернее холма 239, в семи километрах к югу от Алланспорта, — сказал я. — Пока держимся хорошо, но мы окружены. Большинство сил противника сосредоточено между нами и Алланспортом. Они пропустили нас в засаду. Один раз попытались атаковать, но отошли. Росак и Харц спорят о том, что они предпримут дальше.

— Сколько сможете продержаться?

— Зависит от того, на какие потери они готовы пойти, чтобы выбить нас отсюда.

— Вам не нужно будет держаться так долго, — сказал Фалькенберг. — Многое произошло. Ардвайн прорвался к губернатору и вывел его, но столкнулся с сильным отрядом в Алланспорте. А по мосту через реку к противнику с востока подходит подкрепление.

— Похоже, они пустили в ход все, что имеют.

— Да, и мы их бьем. Колонна, которая шла на север из Денисбурга, столкнулась с группой Боннимена. Они попытались прорваться, но мы обошли их с запада и ударили с фланга. Они этого не ожидали. Ваш маневр полностью одурачил их. Когда они поняли, что 501-й не с вами, было уже поздно. Теперь они знают, но мы их разбили. Конечно, их гораздо больше, чем нас, и всех мы сдержать не можем. Они прорвались между Боннименом и рекой, и вы прямо у них на пути.

— Вот это здорово!

— Думаю, вам стоит уйти с их пути, — сказал Фалькенберг. — Сомневаюсь, что вы сможете их остановить.

— Если они соединятся с силами у Алланспорта, то уйдут через мост. Я не могу их сдержать, но если вы дадите артиллерийскую поддержку, я смогу корректировать огонь. Так мы сможем их задержать.

— Я как раз собирался это предложить, — ответил Фалькенберг. — Я отправил Ардвайна и губернатора в сопровождении охраны к холму за пределами Алланспорта — к Рокпайлу. Этот холм кажется господствующей позицией.

— Так и есть, сэр. Я его видел. Если мы его удержим, то сможем помешать им уйти из Алланспорта. И всех захватим в мешок.

— Стоит попробовать, — сказал Фалькенберг. — Если вы сможете удержаться. Вас ждет тяжелый час, прежде чем я смогу поддержать вас артиллерией.

— Мы продержимся, сэр.

— Удачи.

Росак проиграл свой винный рацион. Они еще раз попробовали атаковать нас. Два взвода сил Ассоциации подобрались к нашей позиции на двадцать метров, прежде чем мы их отбросили. Когда все кончилось, из моих шестидесяти человек боеспособными оставались тридцать.

Но эта попытка оказалась последней. Вскоре после этого ассоциаты перегруппировались. Те, что находились южнее нас, прошли вдоль холмов на соединение с основной массой, и теперь вся группа двинулась на север, к Алланспорту.

Звуки боя на юге все время приближались. Фалькенберг отправил отряд Дина параллельно войскам Ассоциации, чтобы поддержать нас, но помощь вовремя не придет.

Я отправил раненых выше по холму и подальше от дороги, приказал им окопаться и лежать тихо. Остальные последовали за отступающими. Теперь мы оказались между группой впереди и колонной из Денисбурга сзади.

Первые группы солдат Ассоциации подходили к Рокпайлу, когда Дин оказался в пределах досягаемости. Его по-прежнему отделяло от нас шесть километров к юго-востоку — немалое расстояние для выстрелов, но мы занимали хорошую позицию, и в наших силах было помочь ему вести огонь. Я вызвал первый залп по наступающим войскам Ассоциации. Перелет. Прежде чем я смог скорректировать стрельбу, противник отступил.

— Они выслали другую группу, из-за холма, — сказал Росак. — Нам их не остановить.

— Нет.

Они подошли чертовски близко. Еще несколько минут, и мы взяли бы их в мешок. Колонна Фалькенберга находилась теперь всего в двух километрах и быстро приближалась.

— Держитесь, — передал Дин. — С нами связался капрал Данжер. Он говорит, что со своей позиции может руководить нашим огнем.

— Он один из раненых, которых мы отослали с передовой, — ответил я. — Да, со своей позиции он видит всю дорогу, но он долго не продержится, если они заметят наблюдателя.

— Начинать огонь? — спросил Дин.

— Да, раздался громогласный голос капрала Данжера, у которого была девушка в Гармонии и жена на Земле.

— Одно орудие оставляю в вашем распоряжении, — сказал Дин. — Остальные стреляют по указаниям Данжера.

Несколько минут спустя мы услышали артиллерийские разрывы на дороге за нами. Настоящий ад воцарился там, где

отступали солдаты Ассоциации. Огонь продолжался минут десять; потом снова заговорил Дин.

— Данжер больше не отвечает. Ничего не поделаешь. Я могу поддержать вас огнем, но это стрельба вслепую.

Некоторое время я размышлял. Какая досада! Если б мы добрались до вершины Рокпайла, дорога в Алланспорт была бы перекрыта. Я все еще сыпал проклятиями, когда Хартц настойчиво позвал меня.

— Центурион Ардвайн на линии, сэр.

— Ардвайн, где вы?

— Меньше километра к западу от вас, лейтенант. Огибаем город. Не можем без поддержки зайти внутрь. Во всяком случае, милиция против.

— Сколько у вас морских пехотинцев?

— Боеспособных около восьмидесяти. И Старина Бистли.

— Ардвайн, двигайтесь побыстрей. Как только подойдете, мы присоединимся к вам. Мы собираемся захватить вершину Рокпайла и сидеть там, пока не подойдет Фалькенберг. С артиллерийской поддержкой Дина мы сможем удержаться.

— Есть, сэр. Идем.

— Вперед! — закричал я. — Кто ранен и не может бежать?

Никто не ответил.

— Час назад сержант Росак был ранен в ногу, лейтенант, — сказал Хартц.

— Я могу идти, — отозвался Росак.

— Вздор. Оставайтесь здесь и направляйте огонь артиллерии. Все ходячие раненые остаются с ним. Остальные вперед. Мы должны к приходу центуриона Ардвайна занять позицию.

— Но...

— Заткнитесь и выполняйте приказ, Росак. — Я махнул рукой, и мы начали быстро спускаться со своего невысокого холма. Добравшись до основания Рокпайла, мы еле отдышались. Там уже находились солдаты Ассоциации. Не знаю, сколько именно. Следовало подняться на вершину раньше, чем к ним подойдет подкрепление. Путь наверх передо мной чист, потому что находится в прямой видимости Росака и дру-

гих корректировщиков артиллерии. Мы можем воспользоваться этим путем, а противник — нет.

Я знаком послал людей вперед. Даже дюжины наших на вершине хватит, чтобы Ардвайн мог подойти быстрей. Мы начали подъем. Двое упали, потом еще один, и мои солдаты начали оглядываться в поисках укрытия. Я не мог их винить, но не мог и позволить им остановиться. Подъем на этот холм стал единственной целью моей жизни. Я должен заставить их идти дальше.

— Брейди! — закричал я. — Капрал, играйте наступление!

Зазвенела труба. Монитор сорвал флаг и замахал им над головой. Я крикнул: «Все за мной!» — и побежал вверх по холму. И тут в двух метрах от меня разорвался снаряд из мортиры. Я успел увидеть ярко-красные пятна на ногах и подумал: «Моя ли это кровь?» Потом упал. И перестал слышать шум битвы.

— Лейтенант! Мистер Слейтер!

Я на дне глубокого колодца. Внизу темно, а смотреть наверх, на свет, больно. Мне хочется снова нырнуть на дно, но кто-то кричит:

— Мистер Слейтер!

— Он приходит в себя, центурион.

— Должен, Крисп. Мистер Слейтер!

Вокруг меня люди. Я не очень хорошо их вижу, но узнаю голос.

— Да, центурион.

— Мистер Слейтер, — сказал Ардвайн. — Губернатор говорит, что мы не должны брать холм. Что нам делать, сэр?

Какая-то бессмыслица. Где я?

У меня хватило ума не спрашивать. «Все задают этот вопрос, — подумал я. — Но почему все об этом спрашивают? Я не знаю...»

Меня посадили. Зрение снова сфокусировалось — всего на мгновение. Я окружен людьми и камнями. Камни большие. И тут же я понял, где нахожусь. Я проходил мимо этих камней. Они у основания холма. Камни под Рокпайлом.

— В чем дело? Почему мы не на холме? — спросил я.

— Сэр...

— Лейтенант, я приказал вашим людям отступить. Их недостаточно, чтобы захватить холм, и нет смысла их терять.

«Это не губернатор, но я уже слышал этот голос. Тревор. Полковник милиции Тревор. Он был со Суэйлом на совещании в Вирсавии». — Я вспомнил обрывки этой встречи и попытался вспомнить больше. Потом подумал, что это глупо. — «Та встреча совсем не важна, но я не могу ясно думать. Но что важно? Что-то такое, что я должен сделать. Подняться на холм. Я должен подняться на холм».

— Поднимите мена на ноги, центурион.

— Сэр...

— Ну! — рявкнул я. — Я иду наверх. Мы должны взять Рокпайл.

— Вы слышали приказ командира! — закричал Ардвайн. — Вперед!

— Слейтер, вы не отдаете себе отчета в своих словах! — кричал Тревор.

Я не обратил на него внимания.

— Мне нужно видеть, — сказал я. Попробовал встать, но ноги не слушались. Я хотел ими подвигать, но ничего не вышло. — Поднимите меня так, чтобы я мог видеть, — сказал я.

— Сэр...

— Крисп, не спорьте со мной! Выполняйте.

— Вы спятили, Слейтер! — кричал Тревор. — Вы бредите. Сержант Крисп, опустите его на землю. Вы его убьете.

Медик потащил меня по тропе между камнями. Ардвайн повел людей на холм. Это не только морские пехотинцы, заметил я. Милиция тоже пошла за нами. «Безумие, — шептало что-то в моей голове. — Все это безумие. Заразная болезнь, и они тоже ее подхватили». Я отогнал эту мысль.

Солдаты падали, но штурм склона продолжался. Я не знал, достигли ли мои люди вершины.

— Хотите видеть? — кричал Тревор. — Ну так посмотрите! Вы послали их наверх. Это убийство, а меня они даже не слушают. Вы должны отозвать их, Слейтер. Заставьте их отступить.

Я посмотрел на упавших. Некоторые совсем близко от меня. Не прошли и двадцати метров. Видна окровавленная

половина тела. Рядом что-то блестящее. Я повернулся к Тревору.

— Отступить, полковник? Видите это? Наш трубач погиб, трубя наступление. И я не знаю, как приказать отступать.

XIX

Я снова в глубоком колодце, в нем темно, и мне страшно. Ко мне тянутся, пытаются дотянуться, и я хочу помочь. Я знаю, что провел здесь много времени, и хочу выйти, потому что слышу, как меня зовет Кэтрин. Я поискал ее руку, но не нашел. Помню, что кричал, но не помню, что именно говорил. Этот кошмар продолжался очень долго.

Потом наступил день. Свет оранжево-красный, очень яркий, и на стенах пляшут оранжевые пятна. Я попытался шевельнуть головой.

— Док! — крикнул кто-то. Голос прозвучал очень громко.

— Хэл?

— Я тебя не вижу, — сказал я. — Где ты, Кэтрин? Где ты?

— Здесь, Хэл. Я все время здесь.

И снова наступила тьма, но теперь мне не было так одиноко.

После этого я несколько раз просыпался. Много говорить не мог, а когда говорил, то, вероятно, звучало это бессмысленно, но постепенно все вокруг начало проясняться. Я в госпитале в Гаррисоне и лежу здесь уже много недель. Сколько именно, не знаю. Никто ничего мне не рассказывает, и все говорят вполголоса, как будто я умираю. Но я не умер.

— Что со мной? — спросил я.

— Спокойней, молодой человек. — Белый халат, очки с толстыми стеклами, каштановая борода с проседью.

— А вы кто такой?

— Это доктор Сечи, — сказала Кэтрин.

— А почему он не говорит, что со мной?

— Не хочет тебя тревожить.

— Тревожить? Думаешь, незнание способствует душевному покою? Рассказывайте.

— Ну, хорошо, — согласился Сечи. — Ничего неизлечимого. Прежде всего поймите это. Ничего неизлечимого, хотя для выздоровления понадобится много времени. Несколько раз мы вас едва не потеряли. Множественные разрывы кишок, два сломанных позвонка, сложный перелом левого бедра и многочисленные царапины, ушибы, ссадины и контузии. Не говоря уже о почти полной потере крови, когда вас доставили. Все это мы можем привести в порядок, но вам придется какое-то время побыть здесь, капитан. — Он взял меня за руку, и я почувствовал надавливание шприца. — Сейчас вы уснете, а остальное мы вам расскажем завтра.

— Но... — Что бы я ни собирался сказать, мне это не удалось. Я снова погрузился. Но не в колодец. На этот раз просто в сон и сумел почувствовать разницу.

Когда я проснулся, рядом сидел Фалькенберг. Он улыбнулся мне.

Я ответил улыбкой.

— Привет, капитан.

— Майор. Капитан теперь вы.

— Как это?

— Повышение, временное, но Харрингтон считает, что оно станет постоянным.

— Значит, мы победили.

— О да. — Он сел так, чтобы я мог его видеть. Глаза его в этом свете казались светло-голубыми. — Лейтенант Ардвайн взял Рокпайл, но утверждает, что это ваша заслуга.

— Лейтенант Ардвайн. Как много повышений однако, — сказал я.

— Да, не без того. Ассоциация как организованная военная сила больше не существует. Власть у друзей вашей девушки. Ван Лоо исполняет обязанности президента или координатора — как там его называют. Губернатор Суэйл не очень этим доволен, но официально должен выражать удовлетворение. Ему не хотелось подписывать и рапорт Харрингтона, но пришлось это сделать.

— Но он грязный предатель! Почему он еще губернатор?

— Вы ведете себя в соответствии со своим возрастом, капитан. — В голосе Фалькенберга теперь не было веселья. — У нас нет доказательств. Если хотите, могу рассказать вам всю историю. На самом деле вам лучше послушать. Вы теперь популярны во Флоте, но в Большом Сенате найдутся такие, которым вы будете как кость в горле.

— Расскажите.

— Суэйл всегда принадлежал к сторонникам Бронсона, — заговорил Фалькенберг. — Семья Бронсонов владеет «Доувер минерал дивелопмент, инк.» Похоже, на этой планете есть кое-что, о чем не подозревают «Американ экспресс» или «Кенникотт». «Доувер» это обнаружил и попытался купить права на разработку минералов. Святоши отказались продавать права, особенно фермеры типа Ван Лоо и Ситона. Они не хотели промышленного развития планеты, и Суэйлу стало ясно, что никаких прав «Доуверу» не видать. Тогда Суэйл сделал своей политикой поддержку групп вроде Ассоциации в обмен на их подписи под контрактами на разработку недр планеты. Если признать в качестве законных правительств достаточное количество таких групп, никаких трудностей с контрактами не будет. Остальное, вероятно, вы можете представить сами.

— Может, дело в голове, — ответил я, — но не могу. Почему тогда он отправил нас в долину? Почему сам туда отправился?

— Подпись под контрактом на добычу минералов не сделала их рабами. Они попытались поднять цены на зерно. Но если бы купцы из Гармонии начали громко жаловаться, Суэйл слетел бы с поста здешнего губернатора, и какая тогда от него польза «Доуверу»? Ему нужно было надавить на них — достаточно, чтобы заставить продавать зерно, но не настолько, чтобы вообще их выбросить.

— Но мы их выбросили, — сказал я.

— Да, выбросили. На этот раз. Не думайте, что все кончено.

— Но должно закончиться, — возразил я. — Он не сможет еще раз проделать то же самое.

— Вероятно, не сможет. Бронсон не любит использовать неудачников. Думаю, очень скоро губернатор Суэйл займет

пост первого секретаря на одном из шахтерских астероидов. Здесь будет другой губернатор, если не приспешник Бронсона, то кого-нибудь другого. Я не хотел вас расстраивать. Вам предстоит принять решение. Я получил назначение в регулярный линейный полк в качестве адъютанта полка. 42-й полк. На Кенникотте. Трудная служба. Будет много схваток, много возможностей проявить себя, ведь это регулярные войска. У меня есть место в штате. Хотите отправиться со мной? Мне сказали, что к приходу следующего корабля вы будете здоровы.

— Я об этом подумаю.

— Подумайте. Перед вами хорошая карьера. Теперь вы самый молодой капитан во Флоте. Военную звезду не могу вам дать, но еще одну медаль получите.

— Подумаю. Мне нужно поговорить с Кэтрин.

Он пожал плечами.

— Конечно, капитан. — Улыбнулся и вышел.

Капитан. Капитаны могут жениться. Майоры должны жениться. Полковники обязаны быть женатыми...

Но так говорят солдаты, а я не уверен, что я солдат. «Странно, — подумал я. — Все говорят, что я солдат. Я хорошо воевал, передо мной большая карьера, но мне все кажется приступом безумия. Капрал Брейди больше не будет играть на своей трубе — из-за меня. Данжер был ранен, но остался бы жить, если бы не вызвался быть корректировщиком артогня. И все прочие — Левин, и Либерман, и новобранец — их нет; рядовой Дитц, и другие, мертвые и раненые, сливались в памяти, так что я не мог вспомнить, где и как каждый из них умер, помнил только, что это я их убил.

Но мы победили. Славная победа. Для Фалькенберга этого достаточно. Он выполнил свою работу и сделал это хорошо. Но достаточно ли этого для меня? И будет ли достаточно в будущем?»

Встав с постели и начав ходить, я не мог избежать встречи с губернатором Суэйлом. Ирина заботилась о Боннимене. Луис был ранен тяжелее, чем я. Тебе иногда могут отрастить новую ногу, но на это требуется очень много времени и это

очень больно. Ирина приходила к нему ежедневно, и, когда я смог покинуть госпиталь, она настояла, чтобы я пришел с ней во дворец. Так что встреча с губернатором была неизбежна.

— Надеюсь, вы собой гордитесь, — сказал Суэйл. — Все остальные гордятся.

— Хьюго, это несправедливо, — возразила Ирина.

— Несправедливо? — переспросил Суэйл. — Как это несправедливо?

— Я выполнял работу, за которую мне платят, — сказал я.

— Да. Вы выполняли свою работу — и лишили меня возможности выполнять мою. Садитесь, капитан Слейтер. Ваш майор Фалькенберг многое рассказывал вам обо мне. Теперь позвольте изложить мою версию событий.

— В этом нет необходимости, губернатор, — сказал я.

— Есть. Или вы боитесь узнать, что натворили?

— Нет, не боюсь. Я помог свергнуть банду разбойников, которая объявила себя правительством. И горжусь этим.

— Правда? А вы бывали в последнее время в долине Аллана, капитан? Конечно, нет. И сомневаюсь, чтобы Кэтрин Малколм рассказала вам, что там происходит, — как Ван Лоо, Гарри Ситон и религиозный фанатик по имени брат Дорнан создали комиссии, которые проверяют мораль и преданность всех жителей долины и всех, кого сочтут безнравственными, сгоняют с земли, а землю отдают своим людям. Думаю, она вам об этом не рассказывала.

— Я вам не верю.

— Правда? Спросите мисс Малколм. А Ирине вы поверите? Она знает правду.

Я взглянул на Ирину. В ее глазах была боль. Говорит ей было не обязательно.

— Я был губернатором всей планеты, Слейтер. Не только Гармонии, не только долин Иордана и Аллана, но всей планеты. Но на меня возложили ответственность и не дали власти, не дали средств для управления. Что мне было делать с осужденными, Слейтер? Их присылают сюда тысячами, но не дают ничего, чтобы кормить их. Как им жить?

— Они могут работать...

— Где? На фермах и ранчо в пятьсот гектаров? Лучшие земли планеты разделены на большие ранчо, половина земли

не обрабатывается, потому что нет удобрений, нет ирригации, нет даже дренажной системы. Они не могут работать в несуществующей промышленности. Разве вы не понимаете, что Арарат должен индустриализироваться? Неважно, чего хотят фермеры из долины Аллана или святоши. Индустриализация или голодная смерть, и клянусь Господом, пока я что-то могу сделать для них, голода не будет.

— Поэтому вы решили предать 501-й. Помочь Ассоциации разбить нас. Достойный способ достижения достойной цели.

— Не менее достойный, чем ваш. Ваш способ — смерть и разрушения. Война почетна, обман нет. Я предпочитаю свой способ, капитан.

— Я так и думал.

Суэйл энергично кивнул — но не мне, а себе.

— Самоуверенный. Гордый и самоуверенный. Скажите, капитан, а чем вы лучше Ассоциации Защиты? Она тоже сражалась. Не за честь корпуса, а за свою землю, за свои семьи и друзей. Она проиграла. У вас лучше подготовлены солдаты, лучше офицеры, намного лучше вооружение и оборудование. Если бы вы потерпели поражение, вас на определенных условиях вернули бы в Гаррисон. А солдат Ассоциации расстреливали на месте. Всех расстреляли. Гордитесь, Слейтер. Меня от вас тошнит. Я пойду. Не хочется спорить с гостями моей дочери.

— Это все правда? — спросил я у Ирины. — Солдат Ассоциации расстреляли?

— Не всех, — ответила Ирина. — Те, что сдались капитану Фалькенбергу, живы. Он даже набрал из них добровольцев.

Еще бы. Батальон после сражений нуждается в пополнении.

— А что случилось с остальными?

— Их держали под стражей в Вирсавии. Бойня началась после того, как ваши морские пехотинцы ушли из долины.

— Конечно. Люди, которые не хотели сражаться за свой дом, когда нам нужна была их помощь, после окончания войны стали настоящими патриотами, — сказал я. — Я вернусь к себе, Ирина. Спасибо, что пригласили.

— Но сюда придет Кэтрин. Она вот-вот будет...

— Сейчас я никого не хочу видеть. Прошу прощения. — Я быстро вышел и пошел по улицам Гармонии. Завидев меня, жители улыбались и кивали. Морские пехотинцы по-прежнему популярны. Конечно. Мы расчистили торговый путь по Иордану и освободили долину Аллана. Зерно подешевело, а осужденных мы приструнили. Почему бы горожанам не любить нас?

Когда я входил в крепость, прозвучал сигнал вечерней поверки. В темноте приятно звучали горн и барабан. Часовые отдавали мне честь. Жизнь здесь упорядочена, и не нужно ни о чем думать.

Хартц оставил полную бутылку бренди на виду, чтобы я мог ее найти. Согласно его теории, я выздоравливал медленно, потому что недостаточно много пил. Хирурги этого мнения не разделяли. Они отрезали от меня куски, а потом использовали стимуляторы регенерации, чтобы нарастить куски получше. Процесс болезненный, и они не считали, что алкоголь способен ему помочь.

К дьяволу все это, подумал я и налил себе двойную порцию. И не успел с ней покончить, как вошла Кэтрин.

— Ирина сказала... Хэл, тебе нельзя пить.

— Сомневаюсь, чтобы Ирина сказала это.

— Ты знаешь... да что с тобой, Хэл?

— Почему ты мне не рассказала?

— Я собиралась рассказать. Позже. Но удобного случая как-то не находилось.

— Это все правда? Твои друзья гонят в холмы семьи всех, кто сотрудничал с Ассоциацией? И они расстреляли пленных?

— Это... да. Это правда.

— Почему ты их не остановила?

— А я должна? — Она посмотрела на шрамы на руках. — Должна?

В дверь постучали.

— Войдите, — сказал я.

Это был Фалькенберг.

— Я думал, вы один, — сказал он.

— Входите. Я в затруднении.

— Я так и думал. Бренди еще есть?

— Конечно. Что значит, вы так и думали?

— Вы только что узнали, что произошло в долине Аллана.

— Черт возьми! Что, Ирина успела рассказать всему Гаррисону? Мне не нужны утешения.

— Верно. — Он не пошевелился. — Выкладывайте, мистер.

— К капитанам не обращаются «мистер».

Он улыбнулся.

— Конечно, нет. Простите. В чем дело, Хэл? Обнаружили, что мир устроен не так просто, как вы думали?

— Джон, ради чего мы сражались? Что хорошего мы сделали?

Он вытянул руку к бутылке и налил нам обоим.

— Мы вышвырнули банду преступников. Вы сомневаетесь в том, что они преступники? И считаете, что люди, которым мы помогаем, должны быть святыми?

— Но женщины. И дети. Что будет с ними? И губернатор прав — нужно что-то сделать для осужденных. Бедняг ссылают сюда, но мы не можем их просто выбросить.

— На западе есть земли, — сказала Кэтрин. — Они могут их получить. Мой дед начинал с самого начала. Почему они так не могут?

— Губернатор во многом прав, — продолжал Фалькенберг. — Рано или поздно на Арарат должна прийти промышленность. Неужели она придет только для того, чтобы семейство Бронсонов стало еще богаче? За счет фермеров, которые потом и кровью заслужили свои земли? Хэл, если вы сомневаетесь в наших действиях здесь, на Арарате, что вы скажете, когда Флот прикажет вам совершить что-нибудь действительно жестокое?

— Не знаю. И это меня тревожит.

— Вы спрашиваете, что хорошего мы сделали? — говорил Фалькенберг. — Мы выиграли время. На Земле готовы начать новую войну, которая не кончится, пока не будут убиты миллиарды. Мешает этому только Флот. Только он, Хэл. Можете сколь угодно цинично относиться к СоВладению. Можете презирать сенатора Бронсона и его друзей — да и врагов тоже, черт побери! Но помните, что Флот сохраняет мир, и пока он это делает, Земля живет. И если цена этому — наши грязные руки на фронтире, что ж, придется заплатить эту цену. А уплачивая ее, мы время от времени делаем что-

нибудь правильное. Думаю, так было здесь. Потому что как бы жестоки ни были Ван Лоо и его люди теперь, когда война кончилась, они не злы. Я предпочел бы доверить будущее им, а не тем, кто сделал... это. — Он взял Кэтрин за руку и развернул ее. — Мы не можем сделать мир совершенным, Хэл. Но мы можем не допустить худшего, что люди делают друг другу. Если этого недостаточно, у нас есть своя честь, пусть ее нет у наших хозяев. Флот наша страна, Хэл, и это достойная родина. — Он рассмеялся и осушил свой стакан. — От разговоров пересыхает горло. Наш волынщик разучил три новых мелодии. Пойдем послушаем. Вы заслуживаете вечера в клубе, выпивка за счет батальона. Там ваши друзья, вы не часто их видели в последнее время.

Он встал, чуть улыбаясь.

— Пока, Хэл. Кэтрин.

— Ты пойдешь с ним? — спросила Кэтрин, когда за Фалькенбергом закрылась дверь.

— Ты знаешь, как я люблю волынки...

— Не уклоняйся от ответа. Он предложил тебе место в своем новом полку, и ты его примешь.

— Не знаю. Я думал об этом...

— Я знаю. Раньше не знала, а теперь знаю. Я следила за тобой, пока он говорил. Ты пойдешь с ним.

— Наверно. А ты пойдешь со мной?

— Если я тебе нужна, да. Не могу вернуться на ферму. Придется ее продать. Я не могу больше там жить. Я не та девушка, какой была, когда все это началось.

— Я все-таки сомневаюсь. Мне понадобится... — Я не смог закончить мысль, но этого и не требовалось. Кэтрин пришла ко мне и на этот раз не дрожала — не так дрожала, как раньше. Я долго держал ее в объятиях.

— Пора идти, — сказала она наконец. — Тебя ждут...

— Но...

— У нас впереди много времени, Хэл. Много.

И мы вышли из комнаты. Над крепостью прозвучал сигнал последней поверки.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
НАЕМНИК

Из последней лекции профессора Джона Кристиана Фалькенберга Второго, прочитанной в Вест-Пойнте перед реорганизацией Военной академии. После этой реорганизации, отразившей рост национализма в Соединенных Штатах, Фалькенберг, в качестве профессора СоВладения, уже не мог быть приглашен; но содержание его лекции и так обеспечило бы ему отказ от места. (Крофтон. Эссе и лекции по военной истории. Второе издание.)

Обычно важные общественные институты меняются медленно. Вероятно, это хорошо по отношению к военной организации; однако хорошо или плохо, это неизбежно. Требуется время, чтобы создать историю и традиции, а военная организация без истории и традиций как правило неэффективна.

Разумеется, из этого правила есть исключения, хотя самые известные случаи не поддаются критическому анализу. Например, знаменитая Пятая команда полковника Майкла Хора в Катанге в 60-е годы двадцатого века, справедливо считающаяся предвестницей роста организаций наемников в этом столетии, обязана своими прославленными успехами некомпетентности, в том числе постоянному пьянству, своих противников. Мало того, большинство своих офицеров и унтерофицеров, а также многих солдат Хор набирал из числа ветеранов-англичан и поэтому мог опираться на долгую историю и традиции британской армии.

Осмелюсь предсказать, что нечто подобное произойдет и в будущем, когда будут расформированы многие части СоВладения. Вполне можно представить себе, что тем или иным патроном будут наниматься целые части. Конечно, небольшая сплоченная часть, привыкшая к совместным действиям, предпочтительней большей по размерам группы наемников.

Иллюстрацией может послужить само создание вооруженных сил СоВладения: и в этом случае включение таких расформированных единиц, как французский Иностранный

легион, горцы Камеруна и авантюристы-казаки, позволило воспользоваться длительной историей и традициями. Но и при таких условиях потребовались десятилетия, чтобы линейные морские пехотинцы СоВладения превратились в грозную силу.

Однако я поднял тему эволюции институтов по другой причине. Я считаю, что мы являемся свидетелями завершения очередного цикла истории насилия и цивилизации. К концу тысячелетия существование большинства военных организаций мотивировалось национальным патриотизмом, и «законы военного времени» рассматривались либо как шутка, либо как нежелательные ограничения военных действий, либо, как в случае знаменитых судов над «военными преступниками» после Второй мировой войны, как средство мести побежденному противнику.

Затем, уже в нашем столетии, законы войны приобрели громадную важность и часто соблюдались; а когда не соблюдались, возникала большая вероятность того, что Флот СоВладения накажет нарушителей — в особенности если нарушение затрагивало граждан СоВладения. Наказание становилось неизбежным, если пострадавший имел отношение собственно к Флоту.

Я полагаю, что сейчас мы вступаем в новый период; в этом периоде национальные силы будут подчиняться законам целесообразности, в то время как части Флота и наемники — настаивать на соблюдении законов войны. Кажется, исход этого противостояния вполне предсказуем: организации, не признающие никаких ограничений, кроме целесообразности, всегда побеждают тех, кто налагает ограничения на использование военной силы. Это вполне возможно. Но я не считаю это неизбежным.

Однако многие считают, что законам войны уготована участь прав нейтральных стран в последнем столетии. В конце концов Соединенные Штаты, вступившие в Первую мировую войну под предлогом необходимости защиты прав нейтральных кораблей в открытом море, через несколько дней после вступления во Вторую мировую войну начали неограниченные операции подводных лодок против Германии и Японии; союзники, разоблачая действия японцев про-

тив Нанкина в 30-е годы, по мере развертывания военных действий без зазрения совести бомбили гражданское население и открытые города, и кульминацией стали Хиросима, Нагасаки и налеты бомбардировщиков на Токио.

К концу Второй мировой мало кто ограничивал себя в применении военной силы. Военные регулярно брали в заложники гражданское население и подвергали опасности гражданских чиновников, чтобы уменьшить активность партизан. Большинство таких акций предпринималось немцами и, конечно, в то время осуждалось.

Мнение о господстве целесообразности было настолько распространено, что десятилетиями никто не мог выразить другого.

Однако так было не всегда. До настоящего времени было по крайней мере три периода, когда войны становились формализованными и подчинялись правилам. Эти периоды достаточно подробно описаны Мартином ван Кревалдом в его известной книге «Технология и война».

Первый такой период — эллинистический, примерно с 300-го до 200-го года до нашей эры. В это время не было особой разницы между сменявшими друг друга государствами. Каждое государство было деспотичным, основанным на одной династии, и управлялось обычно одним человеком. Рядовой гражданин не принимал никакого участия в управлении, и ему было все равно, кто сидит на троне. Воинские части состояли из профессионалов, которые также не были лично заинтересованы в конкретном исходе кампании. Как пишет Кревалд:

«Соответственно существовал строгий кодекс относительно того, что разрешается и что не разрешается в обращении с пленными; этот кодекс допускал порабощение захваченных городов, разграбление в военных целях храмов (это считалось законным, если впоследствии происходила или, по крайней мере, была обещана реституция) и так далее».

Однако правила войны распространялись и на многое другое. Хотя было бы неверно утверждать, что существовало четкое международное соглашение относительно типов военной технологии, которые можно и которые нельзя использовать, противники представляли одну цивилизацию и знали,

чего ожидать друг от друга. Поскольку использовалось одно и то же оружие и оборудование, а командиры и технические специалисты часто переходили с одной стороны на другую, они использовали одинаковые тактические и стратегические коды.

Второй период, в котором война трактовалась как игра по определенным правилам, это, конечно, феодальный период, и в предыдущей лекции о нем говорилось достаточно. А относительно третьего я снова позволю себе процитировать Кревалда:

«Однако игровые элементы, присутствующие в вооруженных конфликтах, вероятно, никогда не были представлены так отчетливо, как в восемнадцатом веке, когда война повсеместно именовалась игрой королей. Это был век, когда, согласно Вольтеру, все европейцы жили под властью одних и тех же институтов, верили в одни идеи и вступали во внебрачную связь с одними и теми же женщинами. Большинство государств управлялось абсолютными монархами. И даже те государства, которые управлялись иначе, никогда не требовали от своих граждан «верности с комком в горле», какую стали требовать последующие националистические державы. Армиями командовали представители международного дворянства, которые избрали французский своим *lingua franka* * и переходили от одной стороны к другой, когда считали нужным. Состояли эти армии из солдат, которых часто захватывали хитростью и обманом, а удерживали силой и которым были совершенно безразличны честь, долг или верность своей стране...»

Во всех трех указанных выше периодах, как и во многих других, наблюдался один и тот же феномен — превращение войны в нечто подобное игре, и эта трансформация не оставалась незамеченной. То, что некоторым казалось проявлением благочестия, разума или прогресса, другие рассматривали как доказательство глупости, изнеженности или упадка. В годы непосредственно перед Французской революцией Гиббон хвалил войну за ее умеренность и предсказывал, что вскоре она вообще исчезнет. Одновременно французский дворянин граф

* Всеобщий язык (лат.). — *Прим. перев.*

де Гюбер пользовался в салонах огромным успехом у дам, потому что утверждал, что распространенная военная тактика пагубна и рассчитана на командиров и солдат, которые, по его словам, «разорвут слабую Европу, как северный ветер рвет тростник...»

Леди и джентльмены, призываю вас подумать над этим. Мы живем во времена, когда в главных державах Земли у власти стоит то, что может быть названо стремящимися к самосохранению олигархиями. И хотя в Конгрессе США и Верховном Совете наблюдаются более заметные перемены, чем в конце двадцатого века, это ничего не означает и перемены теряют смысл; новые хозяева неотличимы от предыдущих.

Неважно и то, что сами олигархи считают себя очень значительными и выполняющими очень значительную работу — конечно, они значительны и их работа важна. Ее результатом стала враждебность абсолютного большинства граждан; в то же время налогоплательщик поддерживает существующую систему из страха утратить свои привилегии, из страха превратиться в обычного гражданина. То же самое справедливо относительно советской системы, где члены партии давно утратили веру в возможность реформ и теперь всего лишь ревниво цепляются за свои привилегии.

Однако, хотя разоблачать СоВладение с его безграничным цинизмом легко, то, что его заменит, совсем не обязательно будет лучше. Мы должны задуматься над тем, что выживет при падении СоВладения...

I
Двадцать лет спустя...

Бесконечно прекрасная Земля плывет над лунными горами. Калифорния и большая часть Тихого океана освещены солнцем, и блестящий океан образует невообразимо голубой фон для водоворота ярких облаков, захваченных тропической бурей. За лунными утесами родина человечества кажется хрупким шаром на усеянном звездами черном бархате

космоса — шаром, до которого можно дотянуться и раздавить в руках.

Адмирал Сергей Лермонтов смотрел на яркое изображение на экране и думал о том, как легко может погибнуть Земля. Он держал эту картинку на экране, чтобы вспоминать об этом всякий раз, как поднимет голову.

— Это все, что мы можем вам дать, Сергей.

Гость сидел, сложив руки на коленях. На фотографии он показался бы расслабленным, удобно разместившимся к кресле для посетителей, обитом кожей животных, обитающих на планетах в сотнях световых лет от Земли. Но если посмотреть вблизи, этот человек ничуть не расслаблен. Он лишь кажется таким потому, что обладает большим опытом политика.

— Я бы и хотел дать большего. — Член Большого Сената Мартин Грант медленно покачал головой. — Но по крайней мере это хоть что-то.

— Мы потеряем корабли и расформируем полки. Я не могу руководить Флотом с таким бюджетом. — Голос Лермонтова звучал негромко и отчетливо. Адмирал поправил на тонкой переносице очки без оправы. Его жесты, как и голос, были точны и безошибочны, и во флотских офицерских кают-компаниях поговаривали, что адмирал тренируется перед зеркалом.

— Вам придется постараться сделать все возможное. Нет уверенности даже в том, что Объединенная партия переживет следующие выборы. Видит Бог, этого точно не произойдет, если мы выделим Флоту больший кусок.

— Но на земные армии денег хватает. — Лермонтов со значением посмотрел на изображение Земли на экране. — Армии, которые могут уничтожить Землю. Мартин, как сохранить мир, если вы не даете нам людей и корабли?

— Но мир точно не сохранить, если не будет СоВладения.

Лермонтов нахмурился.

— Значит, проигрыш Объединенной партии реален?

Мартин Грант еле заметно кивнул.

— Да.

— И Соединенные Штаты выйдут из СоВладения. — Лермонтов подумал о том, что это значило бы для Земли и почти ста планет, на которых живут люди. — Немногие коло-

нии выживут без нас. Слишком рано. Если бы мы не подавляли науку и исследования, все могло бы быть по-другому, а так независимых планет очень мало... Мартин, мы разбросаны по колониальным планетам. СоВладение должно помочь им. Мы создали их проблемы своим колониальным управлением. Мы не дали им возможности жить без нас. И не можем так внезапно их бросить.

Грант сидел неподвижно и молчал.

— Да, я читаю проповедь обращенному. Но ведь именно Флот дал Большому Сенату власть над колониями. И я не могу не чувствовать ответственности.

Голова сенатора Гранта снова еле заметно шевельнулась — то ли кивок, то ли просто дрожь.

— Я думаю, вы многое можете сделать, Сергей. Флот подчиняется вам, а не Сенату. Я это знаю: племянник дал мне это понять совершенно ясно. Воины уважают воина, но к политикам относятся с презрением.

— Вы предлагаете измену?

— Нет. Я определенно не предлагаю, чтобы Флот руководил шоу. Военное правление никогда себя не оправдывает, верно? — Сенатор Грант слегка повернул голову к изображению Земли за собой. Двадцатью государствами Земли управляют военные, но ни одним — хорошо.

«С другой стороны, и политики работают ненамного лучше, — подумал он. — Никто этого не может».

— Похоже, у нас нет никакой цели, Сергей. Мы просто удерживаемся на плаву, надеясь на лучшее. Но почему должно стать лучше?

— Я почти перестал надеяться на лучшие условия, — ответил Лермонтов. — И теперь молюсь только, чтобы они не стали хуже. — Его губы дрогнули в усмешке. — И ответ на мои молитвы приходит редко.

— Вчера я разговаривал с братом, — сказал Грант. — Он снова угрожает уйти в отставку. Думаю, на этот раз серьезно.

— Но он не может это сделать! — Лермонтов содрогнулся. — Ваш брат — один из немногих в правительстве Соединенных Штатов, кто понимает, как отчаянно нам нужно время.

— Я ему это сказал.

— И что же?

Грант покачал головой.

— Это порочный круг, Сергей. Джон не видит этому конца. Можно прекрасно воевать в арьергарде. Но с какой целью?

— Разве выживание цивилизации — не достойная цель?

— Если это то, к чему мы движемся, тогда да. Но какая у нас уверенность, что мы достигнем этой цели?

Адмирал холодно усмехнулся.

— Никакой, разумеется. Но мы можем быть абсолютно уверены в том, что *ничто* не уцелеет, если у нас не будет больше времени. Несколько лет мира, Мартин. Многое может произойти за несколько лет. И даже если ничего не выйдет — что ж, у нас были эти несколько лет.

Стена за адмиралом увешана знаменами и табличками. В центре располагается герб СоВладения: американский орел, советские серп и молот, красные звезды и белые звезды. А под ними официальный девиз Флота: «МИР — НАША ПРОФЕССИЯ».

«Мы дали им этот девиз, — подумал Грант. — Сенат заставил Флот принять его. И мне любопытно, сколько офицеров Флота, кроме Лермонтова, в него верят? И что они предприняли бы, если бы мы предоставили их самим себе?

Воины существуют всегда, и если не дать им достойную цель, ради которой они воюют... Но мы не можем жить без них, потому что наступают времена, когда военные необходимы. Такие, как Сергей Лермонтов.

Но нужны ли нам политики, такие, как я?»

— Попробую еще раз поговорить с Джоном. Никогда нельзя сказать, насколько серьезно он говорит об отставке. К власти привыкаешь, и отказываться от нее трудно. Нужны лишь недолгие уговоры, какие-нибудь оправдания тому, чтобы сохранить власть за собой. Власть вызывает привыкание сильней наркотиков.

— Но вы ничего не сможете сделать с нашим бюджетом?

— Не смогу. На самом деле проблем гораздо больше. Нам нужен голос Бронсона, а у него свои требования.

Глаза Лермонтова сузились, в голосе прозвучало отвращение.

— По крайней мере мы знаем, как обращаться с людьми типа Бронсона.

«Как странно, — подумал Лермонтов, — презренные твари вроде Бронсона представляют небольшую проблему. Их можно подкупить. Они ожидают подкупа.

Истинные проблемы создают люди чести. Люди типа Хармона в Соединенных Штатах или Каслова в Советском Союзе, люди, готовые умереть за идею, — именно они привели человечество к этому.

Но я предпочел бы знаться с Касловым и Хармоном, чем с людьми Бронсона, которые нас поддерживают».

— Некоторые его требования вам не понравятся, — сказал Грант. — Полковник Фалькенберг, кажется, ваш любимец?

— Он один из наших лучших людей. Я использую его, когда ситуация становится отчаянной. Его люди пойдут за ним куда угодно, и для достижения наших целей он не расходует личный состав понапрасну.

— Очевидно, он слишком часто наступал Бронсону на ноги. Тот хочет убрать его из Флота.

— Нет. — Голос Лермонтова звучал решительно.

Мартин Грант покачал головой. Неожиданно он почувствовал сильную усталость, несмотря на низкое лунное тяготение.

— Выбора нет, Сергей. Это не просто личная неприязнь, хотя и это есть. Бронсон заискивает перед Хармоном, а Хармон считает Фалькенберга опасным.

— Конечно, он опасен. Он воин. Но он опасен только для врагов СоВладения...

— Совершенно верно. — Грант снова вздохнул. — Сергей, *я знаю*. Мы лишаем вас вашего лучшего орудия и ждем, что вы будете работать без него.

— Дело не только в этом, Мартин. Как контролировать военных?

— Прошу прощения?

— Я спросил: «Как контролировать военных?» — Лермонтов кончиками пальцев обеих рук поправил очки. — Конечно, завоевав их уважение. Но что произойдет, если это уважение будет обмануто? Их нельзя будет контролировать; а ведь вы говорите об одном из лучших военных умов из числа живущих. Вы можете дожить до того, что пожалеете об этом решении, Мартин.

— Ничего не поделаешь. Сергей, неужели вы считаете, что я предлагаю вам выбросить Фалькенберга ради такой свиньи, как Бронсон? Хотя это неважно. Патриотическая партия готова раздуть эту историю, и Фалькенберг не выдержит такого политического давления. Вы знаете это. Ни один офицер не выдержит. С его карьерой в любом случае покончено.

— В прошлом вы всегда поддерживали его.

— Черт побери, Сергей, да я сам рекомендовал его в Академию. Но теперь не могу его поддерживать, и вы не можете. Он уйдет, или мы потеряем голос Бронсона при голосовании по бюджету.

— Но почему? — спросил Лермонтов. — Какова истинная причина?

Грант пожал плечами.

— Чья — Бронсона или Хармона? Бронсон ненавидит полковника Фалькенберга с дела на Кенникотте. Там семья Бронсонов потеряла немало денег, и к тому же Бронсону пришлось голосовать за то, чтобы наградить Фалькенберга медалью. Сомневаюсь, чтобы здесь были иные причины.

Другое дело — Хармон. Он действительно верит, что Фалькенберг способен повести войска против Земли. И в качестве услуги требует от Бронсона скальп Фалькенберга...

— Понятно. Но причина Хармона нелепа. По крайней мере сейчас...

— Если он так чертовски опасен, убей его, — сказал Грант. Он увидел выражение лица Лермонтова. — Шучу, Сергей, но вы должны что-то сделать.

— Сделаю.

— Хармон считает, что вы можете приказать Фалькенбергу двинуться на Землю.

Лермонтов удивленно посмотрел на него.

— Да. Дело дошло до этого. Даже Бронсон не готов требовать *ваш* скальп. Пока не готов. Но это еще одна причина, почему вашим любимцам сейчас нужно быть незаметными.

— Вы говорите о наших лучших людях.

На лице Гранта было выражение боли и печали.

— Конечно. Всякий эффективный работник пугает патриотов. Они хотят уничтожить СВ, а если это невозможно, то по крайней мере ослабить. И продолжают устранять наших

лучших офицеров, и мы ничего не можем с этим поделать. Может, через несколько лет положение улучшится.

— А может, и ухудшится, — сказал Лермонтов.

— Да. Это тоже всегда возможно.

После ухода сенатора Гранта Сергей Лермонтов долго смотрел на экран. По Тихому океану медленно ползла тьма, Гавайи погрузились в тень, а Лермонтов все сидел неподвижно, тревожно постукивая пальцами по полированной поверхности стола.

«Я знал, что дойдет и до этого, — думал он. — Но не так скоро, не так скоро. Еще столько нужно сделать, прежде чем мы начнем действовать. Но, возможно, вскоре у нас вообще не будет выбора. Возможно, начинать действовать нужно немедленно».

Лермонтов припомнил свою молодость в Москве, когда генералы контролировали Президиум, и содрогнулся. «Нет, — подумал он. — Военные достоинства бесполезны в управлении штатскими. Однако политики справляются не лучше».

Если бы мы подавлялись научные исследования! Но это делалось во имя мира. Предотвратить появление новых видов вооружений. Сохранить контроль правительства за технологией, лишить мир науки возможности диктовать политикам всем остальным. Все это казалось таким разумным, к тому же подобная политика проводится уже очень давно. Сейчас осталась горстка хорошо подготовленных ученых — никто не хочет жить в условиях ограничений, которые налагает Бюро Технологии.

«Что сделано, то сделано», — подумал он и осмотрел кабинет. Полки в открытых шкафах уставлены сувенирами с десятков планет. Экзотические раковины и чучела рептилий окружены сверкающими камнями, которые стоили бы баснословно дорого, если бы он захотел их продать.

Он порывисто протянул руку к консоли и повернул ручку селектора. На экране замелькали изображения, но вот на нем появилась колонна солдат, идущих в большом каменном пузыре. По сравнению с огромной пещерой солдаты казались карликами.

Отряд морской пехоты СоВладения идет по центральному помещению лунной базы. Под этой пещерой располагаются кабинеты сенаторов и правительственных чиновников; они так глубоко погружены в скалы, что никакое оружие не может неожиданно уничтожить руководителей СоВладения. Над ними выставлена охрана, и эти солдаты идут ей на смену.

Лермонтов повернул регулятор звука, но услышал только мерный топот марширующих сапог. В низком тяготении солдаты шли осторожно, приспосабливая шаг к своему небольшому весу. Он знал, что так же уверенно они будут передвигаться и при повышенной силе тяжести.

На них сине-алые мундиры с блестящими золотыми пуговицами, со значками из ценного темного сплава бронзы, какой получают на Кенникотте, береты из кожи рептилии, которая плавает в морях Танита. Как и в кабинете адмирала, во внешности морских пехотинцев отчетливо видно влияние планет, расположенных в сотнях световых лет отсюда.

— Запевай!

Приказ прозвучал так громко, что адмирал вздрогнул. Когда солдаты запели, он уменьшил звук.

Лермонтов про себя улыбнулся. Официально эта песня запрещена и уж точно не подходит для охраны сенатских помещений. Однако одновременно это почти официальный марш морской пехоты. И это, подумал Лермонтов, должно кое-что объяснить сенатору, если тот случайно слушает.

Если сенаторы вообще прислушиваются к военным.

Марш звучал медленно, в такт неторопливому шагу отряда:

Наша кровь в грязи двадцати пяти планет,
И еще на десятке других мы строили дороги,
И все, что мы получим в конце срока службы,
Позволит нам купить одну ночь с дешевой шлюхой.
Земли, которые мы завоевываем, Сенат отдает назад.
И так бывает чаще, чем наоборот,
Но чем больше убито, тем меньше тех,
на кого делят добычу,
И мы больше никогда не вернемся сюда.

Мы разобьем сердца ваших женщин и девушек
И можем надрать вам зад,
А потом морские пехотинцы
с развернутыми знаменами
Пойдут за этими знаменами в ад.
Мы знаем дьявола, его великолепие и его работу,
О, да! Мы хорошо его знаем!
И когда ты отслужишь свой срок в морской пехоте,
Можешь послать Сенат к дьяволу!
Тогда мы выпьем с товарищами и сбросим свои ранцы,
Будем десять лет валяться на спине,
А потом услышим: «В полном снаряжении» и
«Долой с коек!»,
«Вы должны построить новую дорогу через ад!»
Флот — наша родина, мы спим с ружьями,
Но никому еще не удавалось зачать с ружьем сына.
Нам платят джином и проклинают нас,
когда мы грешим,
Никто не сдержит нас, если мы по ветру.
Когда мы проигрываем, нас расстреливают,
А когда побеждаем, нас выпроваживают.
Но мы хороним наших товарищей там, где они гибнут,
И никто не может устоять перед нами, никто.

Марш кончился под барабанный бой, и Лермонтов снова переключился на изображение Земли.

«Может быть, — подумал он. — Может быть, еще есть надежда. Но только, если у нас будет время».

Могут ли политики купить достаточно времени?

II

Достопочтенный Джон Роджер Грант прикрыл ладонью огонек, мигающий на консоли, и тот погас, отключив защищенный от прослушивания телефон Лунной базы. На лице Гранта появилось смешанное выражение удовольствия и отвращения, как всегда к концу разговора с братом.

«Не думаю, чтобы мне когда-нибудь удалось переспорить Мартина, — подумал он. — Может, это потому, что он знает меня лучше, чем я сам».

Грант повернулся к экрану триви, где продолжал говорить выступающий. Речь начиналась спокойно и негромко; как всегда у Хармона, она разумна и обращена к разуму. Тихий голос привлекает внимание, но постепенно становится все громче и требовательней.

Изменился и фон за выступающим, теперь Хармон стоял перед изображением полушария, покрытого звездами и полосами, а над Капитолием распростер крылья американский орел. Хармон вводил себя в один из своих знаменитых припадков ярости, и лицо его было искажено эмоциями.

— Честь? Липском перестал понимать это слово! Каков бы он ни был — а мы, друзья мои, знаем, как он был велик, — он больше не один из нас. Приспешники, маленькие темные людишки, нашептывающие ему на ухо, развратили даже такого великого человека, как президент Липском!

Наша нация истекает кровью! Она истекает кровью из тысяч ран! Народ Америки, услышь меня! Ее обескровливают раны, нанесенные этими людьми и их СоВладением!

Они говорят, что если мы выйдем из СоВладения, это будет означать войну. Молю Бога, чтобы этого не случилось, но если случится, что ж, мы живем в тяжелые времена. Многие из нас будут убиты, но мы умрем как люди! Сегодня наши друзья и союзники, народы Венгрии, народы Румынии, чехи и словаки, поляки — все они стонут под гнетом своих коммунистических хозяев. Кто удерживает их в таком положении? Мы! Наше СоВладение!

Мы превратились в рабовладельцев. Лучше умереть людьми.

Но до этого не дойдет. Русские не пойдут на войну. Они размякли. Их правительство так же развращено и коррумпировано, как наше. Народ Америки, услышь меня! Народ Америки, слушай!

Грант негромко произнес несколько слов, изображение погасло, на потемневший экран надвинулась каштановая панель. Грант снова заговорил.

Открылся ящик стола с небольшой бутылкой молока. Несмотря на все достижения современной медицины, Грант ничего не мог поделать со своей язвой. Деньги не проблема, но нет времени на хирургическую операцию и последующие недели стимулируемой регенерации.

Он посмотрел на документы, лежащие на столе. В основном отчеты в ярко-красных переплетах — «Совершенно секретно». На мгновение Грант закрыл глаза. Речь Хармона важна и, вероятно, повлияет на результаты предстоящих выборов. «Этот человек становится помехой, — подумал Грант. — Я что-нибудь должен с ним сделать».

Он с содроганием отбросил эту мысль. Когда-то они с Хармоном дружили.

Боже, до чего мы дошли!

Он раскрыл первый отчет.

В Международной федерации трудовых соглашений мятеж. Три человека убиты, хорошо продуманные планы перевыборов Мэтта Брейди пошли прахом. Грант снова поморщился и отпил еще глоток молока. А ведь представители разведслужбы заверяли его, что все пройдет гладко.

Он порылся в отчетах и отыскал три, в которых говорилось о детях-крестоносцах Харви Бертрама. Они поставили жучки в помещениях Брейди. А этот идиот вел переговоры и заключал сделки прямо в своем кабинете. И теперь у людей Бертрама достаточно доказательств измены.

Отчет заканчивался рекомендацией правительству отказаться от Брейди и сосредоточиться на поддержке Макнайта: тот пользуется хорошей репутацией, а его досье в ЦРУ разбухло от разнообразной информации. Макнайта легко будет контролировать. Грант кивнул и подписал документ, разрешающий действовать.

Документ он бросил в нишу с надписью «Совершенно секретно: исходящие» и смотрел, как тот исчезает. Нет смысла тратить время. Потом подумал, что теперь будет с Брейди. Мэтт Брейди был очень полезен для Объединенной партии, будь они прокляты, эти люди Бертрама!

Он взял следующую папку, но прежде чем успел ее раскрыть, вошла секретарша. Грант поднял голову и улыбнулся, в который раз радуясь своему решению отказаться от элек-

троники. Некоторые чиновники неделями не видят своих секретарей.

— У вас заседание, сэр, — сказала секретарша. — И пора принимать тоник.

Он хмыкнул:

— Лучше умереть. — Но позволил ей налить в стакан отвратительной жидкости, проглотил и запил молоком. Потом посмотрел на часы, хотя в этом не было необходимости. Мисс Экридж знает время пути до любого кабинета в Вашингтоне. Просматривать очередной отчет все равно некогда, и это вполне устраивает Гранта.

Он позволил секретарше помочь ему надеть черное пальто и смахнуть несколько седых волос. Своих шестидесяти пяти лет он не чувствовал, но с недавних пор выглядел на свои годы. Все произошло очень быстро. Пять лет назад ему не дали бы и сорока. Джон видел отражение девушки в зеркале. Он знал, что она его любит, но знал и другое: ничего из этого не выйдет.

«А почему нет, — подумал он. — Ты ведь не изменяешь Присцилле. К тому времени, как она умерла, ты молился, чтобы это случилось, да и поженились вы поздно. Так почему ты ведешь себя так, словно великая любовь навсегда ушла из твоей жизни? Тебе нужно только повернуться, сказать пять слов, и... и что? Девочка больше не будет великолепной секретаршей, а хорошую секретаршу найти гораздо трудней, чем любовницу. Так что пусть остается как есть».

Она еще немного постояла, потом отошла.

— Ваша дочь хочет увидеться с вами вечером, — сказала мисс Экридж. — Она сегодня приезжает домой и говорит, что это важно.

— Вы знаете почему? — спросил Грант. Экридж знала о Шарон больше его самого. Вероятно, намного больше.

— Могу догадаться. Думаю, об этом попросил ее молодой человек.

Джон кивнул: «Это не столь неожиданно, но все равно больно. Так быстро, так быстро. Они растут так быстро, когда ты стареешь. Джон Младший — офицер Флота СоВладения, скоро у него будет свой корабль. Фредерик погиб в той же аварии, что и его мать. А теперь Шарон, малышка, нашла другую жизнь... но они и так отдалились, после того как он взялся за эту работу».

— Проверьте его через ЦРУ, Флора. Я собирался это сделать несколько месяцев назад. Ничего не найдут, конечно, но так нужно для порядка.

— Да, сэр. Вам пора идти. Ваш шофер ждет снаружи.

Он взял свой портфель.

— Вечером я сюда не вернусь. Пришлите мою машину к Белому Дому. Я поеду домой сам, без шофера.

Он помахал в ответ на приветствие шофера и вооруженного механика и последовал за ними к лифту в конце длинного коридора. На стенах висели картины и фотографии старинных сражений, пол устилал ковер, но в остальном — пещера пещерой. «Проклятый Пентагон, — в сотый раз подумал он. — Самое нелепое из когда-либо сооруженных зданий. Никто никого не может найти, и его невозможно охранять. Почему до сих пор никто его не разбомбил?»

Они поехали в Белый Дом в наземной машине. Полет потребовал бы дополнительных забот и мер безопасности, а так он может любоваться вишневыми деревьями и цветочными клумбами вокруг Джефферсона. Потомак, как всегда, мутное коричневое месиво. В нем можно плавать, если у тебя крепкий желудок, но несколько администраций назад армейские инженеры его «усовершенствовали». Взяли в бетонные берега. Теперь они срывают эти берега, вызывая оползни.

Они миновали ряды правительственных зданий, некоторые из которых пустовали. Обновление городов с лихвой обеспечило Вашингтон пространством, необходимым для кабинетов, и теперь эти пустые здания напоминали о том времени, когда округ Колумбия был самым криминогенным местом в мире. Однако еще в юности Гранта из Вашингтона выселили всех, кто там не работал, а бульдозеры разрушили жилые дома. И по политическим причинам не менее быстро возникли правительственные здания.

Миновав Бюро контроля за населением, они обогнули Эллипс и мимо старого здания сената подъехали к воротам. Охранник старательно проверил документы Гранта и попросил приложить ладонь к маленькой пластинке сканера. И они оказались в туннеле, ведущем в подвал Белого Дома.

Когда Грант вошел в Овальный кабинет, президент встал; все остальные вскочили так, словно им по ногам пустили ток.

Грант обменивался рукопожатиями, но пристально смотрел на Липскома. Президент испытывал напряжение, никакого сомнения в этомне было. Что ж, они все в таком же положении.

Министра обороны не было, но его никогда не бывает. Министр — политический наемник, который контролирует голоса Аэрокосмической гильдии и еще большее количество голосов аэрокосмической промышленности. И пока правительство отдает его компаниям контракты и все его люди работают, политика его нисколько не интересует. Он мог появиться на формальном заседании кабинета, где ничего никогда не решается, и никто не заметил бы разницы. Джон Грант ведал не только ЦРУ, но и Министерством обороны.

Люди, собравшиеся в Овальном кабинете, почти неизвестны широкой публике. За исключением самого президента, любой из них мог бы пройти по улицам любого города, кроме Вашингтона, не опасаясь, что его узнают. Но эти помощники и заместители обладали огромной властью, и все они это знали. Здесь не было необходимости прикидываться.

Официант принес напитки, и Грант выбрал шотландский виски. Есть такие, кто не доверяет человеку, который не пьет вместе со всеми. «Язва накажет меня, а врач — еще строже, но врачи и язвы не понимают реальности власти. Как я и все остальные здесь, — подумал Грант, — но мы к этому привыкли».

— Мистер Каринс, прошу вас начать, — сказал президент. Все повернули головы к западной стене, где у экрана стоял Каринс. Справа от него светилась полярная проекция Земли с огоньками, обозначающими силы, которыми командует президент, но контролирует Грант.

Каринс стоял непринужденно, над ремнем выпирал животик. Такому молодому человеку полнота не пристала. Герман Каринс, второй по молодости человек в комнате, помощник руководителя аппарата администрации президента, как утверждают, один из самых блестящих экономистов, выпущенных Йельским университетом. Он также лучший политический технолог страны, но этому он научился не в Йеле.

Он включил экран; появились ряды чисел.

— Вот результаты последних опросов, — чересчур громко заговорил Каринс. — Это настоящие результаты, а не та лапша, которую мы скармливаем прессе. И от них несет.

Грант кивнул. Так и есть. Объединенная партия имеет примерно тридцать восемь процентов, разделенных почти поровну между республиканским и демократическим крыльями. Патриотическая партия Хармона набирает больше двадцати пяти. Радикальное левое крыло Миллингтона из партии Освобождения имеет свои обычные десять, но по-настоящему поражает партия Свободы Бертрама. Популярность Бертрама достигла невероятных двадцати процентов.

— Это данные относительно тех, кто имеет свое мнение и обладает правом голоса, — сказал Каринс. — Конечно, есть и такие, кому все равно, но мы знаем, как распределятся их голоса. Они голосуют за того, кто последним к ним обратился. Как видите, новости дурные.

— Вы в этом уверены? — спросил помощник министра почты. Он лидер республиканского крыла Объединенной партии и всего полгода назад уверял всех, что можно забыть о Бертраме.

— Да, сэр, — ответил Каринс. — И количество голосов увеличивается. Недавние мятежи в рабочих кварталах, вероятно, дают им еще пять процентов, которые у нас пока не отражены. Дайте Бертраму еще шесть месяцев, и он опередит нас. Как вам понравились яблоки, мальчики и девочки?

— Не нужно дерзить, мистер Каринс, — сказал президент.

— Простите, мистер президент, — ответил Каринс, но было очевидно, что он нисколько не раскаивается. Он с торжеством улыбнулся помощнику министра почты. Потом пощелкал клавишами, демонстрируя новые данные.

— Непрочные и прочные, — говорил Каринс. — Вы можете заметить, что рейтинг Бертрама непрочен, но все время становится прочнее. Сторонники Хармона такие убежденные, что их не переубедить без использования ядерной бомбы. А наши похожи на масло. Мистер президент, я не могу гарантировать, что после выборов у нас окажется больше всего мест, не говоря уже об обладании большинством.

— Невероятно, — сказал председатель комитета штабов.

— Хуже чем невероятно. — Представительница министерства торговли недоверчиво покачала головой. — Это катастрофа. Но кто же победит?

Каринс пожал плечами.

— Исход неясен, но если хотите знать мое мнение, я бы поставил на Бертрама. Он отбирает у нас больше голосов, чем Хармон.

— Вы все время молчите, Джон, — сказал президент. — Каково ваше мнение?

— Что ж, сэр, совершенно очевидно, что нам неважно, кто победит, если победим не мы. — Грант поднял свой стакан с виски и жадно глотнул. Он решил взять еще порцию, и к черту язву. — Если выиграет Хармон, он выйдет из СоВладения, и мы получим войну. Если победит Бертрам, он ослабит меры безопасности. Хармон со своими штурмовиками свергнет его, и мы опять получим войну.

Каринс кивнул.

— Вряд ли Бертрам удержит власть больше года, скорее гораздо меньше. Он слишком честен.

Президент громко вздохнул.

— Могу припомнить время, когда то же самое говорили обо мне, мистер Каринс.

— Это по-прежнему верно, — торопливо сказал Каринс. — Но вы достаточно реалистичны, чтобы позволить нам делать то, что необходимо. А Бертрам этого не позволит.

— Так что же нам делать? — негромко спросил президент.

— Фальсифицировать результаты выборов, — сразу ответил Каринс. — Вот здесь указаны данные о населении. — Он вызвал на экран таблицу с числами. — Мы будем поставлять фальсифицированные данные, а тем временем люди мистера Гранта поработают с компьютерами для голосования. Так ведь уже делалось.

— На этот раз не сработает. — Все повернулись к самому молодому человеку в кабинете. Ларри Мориарти, помощник президента, которого иногда называют «дипломат-еретик», покраснел от всеобщего внимания. — Все узнают. Люди Бертрама уже заняли рабочие места в компьютерных центрах, верно, мистер Грант? Они в минуту поймут, что происходит.

Грант кивнул. Он видел накануне отчет об этом: любопытно, что Мориарти уже учел его.

— Если фальсифицировать результаты выборов, придется поддерживать порядок с помощью морской пехоты СоВладения, — продолжал Мориарти.

— В тот день, когда понадобится с помощью морской пехоты СоВладения подавлять мятеж в Соединенных Штатах, я подам в отставку, — холодно сказал президент. — Я, возможно, и реалист, но есть пределы тому, на что я согласен идти. Вам понадобится новый шеф, джентльмены.

— Легко сказать, мистер президент, — ответил Грант. Ему хотелось закурить трубку, но врачи запретили. К черту врачей», — подумал он и взял сигарету из лежащей на столе пачки. — Легко сказать, но сделать это вы не можете.

Президент нахмурился.

— Почему?

Грант покачал головой.

— Объединенная партия поддерживает СоВладение, а СоВладение поддерживает мир. Уродливый мир, но, клянусь Господом, мир. Мне бы хотелось, чтобы договоры о поддержке СоВладения не были так тесно увязаны с Объединенной партией, но это так, и тут ничего не сделаешь. Да вы и сами очень хорошо знаете, что в самой партии идею СоВладения поддерживает лишь очень незначительное большинство. Верно, Гарри?

Помощник министра почты кивнул.

— Но не забывайте, что в группе Бертрама тоже есть поддержка СВ.

— Конечно, но нас они терпеть не могут, — сказал Мориарти. — Говорят, мы продались. И они правы.

— Ну и что с того, что они правы? — выпалил Каринс. — Власть у нас, а не у них. Никому, кто достаточно долго находится у власти, не избежать коррупции. Или он лишается власти.

— Не вижу цели этой дискуссии, — прервал его президент. — Мне, в частности, не нравится, когда мне напоминают о том, на что пришлось пойти, чтобы сохранить эту должность. Вопрос в том, что нам делать. Должен вас предупредить: ничто не доставит мне большей радости, чем пребывание мистера Бертрама в этом кресле. Я долго был президентом и устал. Мне больше не нужна эта работа.

III

Все заговорили одновременно, что-то кричали президенту, обращались к соседям, пока Грант громко не откашлялся.

— Господин президент, — сказал он командным тоном, которому научился во время пребывания на сборах резервистов. — Господин президент, простите меня, но это предложение нелепо. Во всей Объединенной партии нет другого человека, у которого был бы хотя бы призрачный шанс выиграть выборы. Вы один остаетесь популярны. Даже мистер Хармон хорошо о вас отзывается — так он не говорит ни о ком, кто не входит в его группу. Вы не можете уйти в отставку, не потащив за собой всю Объединенную партию, и не можете отдать свою должность мистеру Бертраму, потому что он и шести месяцев ее не удержит.

— Неужели так плохо? — спросил президент Липском небрежно, как обычно разговаривал со своими людьми у камина. — Вы уверены, что только мы можем спасти человечество, Джон? Или мы лишь хотим сохранить власть?

— Думаю, и то и другое, — ответил Грант. — Я сам не возражаю против отставки.

— Отставка! — фыркнул Каринс. — Да если вы на два часа допустите людей Бертрама к нашим файлам, все мы пойдем в отставку на лучшую из тюремных планет СВ. Вы, должно быть шутите. Отставка!

— Возможно, это правда, — согласился президент.

— Есть другие пути, — предложил Каринс. — Генерал, что будет, если Хармон возьмет власть и начнет войну?

— Мистер Грант знает это лучше меня, — ответил генерал Карпентер. И когда остальные посмотрели на него, Карпентер продолжил: — Никто никогда не участвовал в атомной войне. Почему мундир должен делать меня лучшим специалистом, чем вы? Может, мы выиграем. Будут большие потери, огромные, но у нас хорошая защита.

Карпентер показал на мигающие на стене огоньки.

— Наша технология лучше, чем у русских. Наша лазерная пушка способна сбивать большинство их ракет. Флот СВ не позволит никому из нас использовать космическое оружие. Мы можем победить.

— Можем. — Липском был мрачен. — Джон?

— Можем и не победить. Можем уничтожить больше половины человечества. Или даже больше. Откуда мне знать, что произойдет, когда пустят в ход атомное оружие?

— Но русские не готовы, — сказала представительница министерства торговли. — Если мы нападем на них без предупреждения... правительства в ходе войны никогда не меняют.

Президент Липском вздохнул.

— Я не начну войну, лишь бы сохранить власть. Все, что я делал, я делал ради сохранения мира. Это непреодолимое препятствие. Я не смогу жить с сознанием, что принес мир в жертву ради сохранения власти.

Грант негромко откашлялся.

— Это мы тоже не можем сделать. Если мы начнем превращать оборонительное оружие в наступательное, разведка СоВладения через десять дней узнает об этом. Договор препятствует этому, вы знаете.

Он зажег еще одну сигарету.

— И к тому же мы не единственная угроза СВ. Есть еще Каслов.

Каслов — отъявленный сталинист, который хочет на всей Земле установить коммунизм. Некоторые называют его последним коммунистом, но, конечно, это не так. У него много сторонников. Грант вспомнил тайную встречу с послом Черниковым всего неделю назад.

Русский профессиональный дипломат привык к скрытности, но было очевидно, что он в чем-то отчаянно нуждается. Он хотел, чтобы Соединенные Штаты не ослабляли обороны на границах сферы своего влияния. Если коммунистические спутники-шпионы будут поставлять информацию о США, добытую без тяжелого труда, влияние Каслова на родине еще больше усилится. Он сможет даже приобрести контроль над Президиумом.

— Национализм повсюду, — вздохнул президент. — Почему?

Ответа не нашлось ни у кого. Хармон приобретал влияние в США, а Каслов в Советском Союзе; в десятке других стран националистические лидеры уже были у власти. Некоторые

полагали, что все это началось с возрождения национализма в Японии.

— Все это вздор, — сказал помощник министра почты. — Мы не уйдем в отставку и не начнем войну. Что нужно для того, чтобы отобрать влияние у мистера Чистюли Бертрама и вернуть его нам, тем, кому оно будет принадлежать по праву? Хороший скандал, верно? Пусть Бертрам будет грязней нас. Это много раз срабатывало раньше. Можно спокойно воровать у людей, крича, что кто-то другой вор.

— А в чем его можно обвинить? — спросил Каринс.

— В том, что он работает на японцев. Может быть, поставляет им атомное оружие. Поддерживает движение независимости Мейджи. Я уверен, что мистер Грант сумеет что-нибудь предложить.

Каринс энергично кивнул:

— Может получиться. Лишить организаторов иллюзий. Сторонники СоВладения в его группе тут же перейдут на нашу сторону. — Каринс помолчал и засмеялся. — Конечно, некоторые из них уйдут к Миллингтону.

Все рассмеялись. Партия Освобождения Миллингтона никого не тревожила. Его сумасшедшие организуют мятежи и пугают налогоплательщиков; благодаря этому стали популярны меры по усилению безопасности и контролю за гражданами. Партия Освобождения дала возможность полиции показать себя в действии, продемонстрировать по триви подавление мятежей, забавляя граждан и радуя налогоплательщиков.

— Думаю, детали мы можем предоставить мистеру Гранту. — Каринс широко улыбнулся.

— Что вы предпримете, Джон? — спросил президент.

— Вы в самом деле хотите знать, господин президент? — вмешался Мориарти. — Я не хочу.

— Я тоже, но если я смогу об этом впоследствии забыть, то теперь мне нужно знать. Что вы сделаете, Джон?

— Организую фальсификацию, вероятно. Создам заговор, а потом раскрою его.

— И все? — Мориарти покачал головой. — План должен быть очень хорош. Люди начинают задумываться обо всех этих заговорах.

Грант кивнул.

— Будут доказательства. Неопровержимые. Тайный арсенал ядерного оружия.

Все ахнули. Потом Каринс снова широко улыбнулся.

— Это их уничтожит. Спрятанные ядерные бомбы. Надеюсь, они будут настоящими?

— Конечно. — Грант с отвращением посмотрел на упитанного молодого человека. Какой смысл в поддельном ядерном оружии? Но Каринс живет в мире обмана, где может существовать и поддельное атомное оружие.

— Когда будете распространять эту историю, вам стоит иметь наготове побольше копов, — сказал Каринс. — Общественность услышит об этом, и разорвут Бертрама на куски.

Это верно, подумал Грант. Не забыть бы. Защитить этих парней будет нелегко. После того как одна военная группа сбросила бомбу на Бейкерсфилд в Калифорнии, а криминальный синдикат взял в заложники весь Сиэтл, требуя выкуп в сотни миллионов, больше никто не считал тайные арсеналы атомного оружия предметом насмешек.

— Мы не будем вовлекать лично мистера Бертрама, — мрачно сказал президент. — Ни при каких обстоятельствах. Понятно?

— Да, сэр, — быстро ответил Джон. Ему самому эта мысль не нравилась. — Только каких-нибудь его ближайших помощников. — Грант погасил сигарету. От нее или от чего-то другого во рту остался дурной вкус. — Для окончательного суда передадим их СВ. Их приговорят к выселению. Мой брат позаботится, чтобы приговоры были нетяжелые.

— Конечно. Если согласятся сотрудничать, можно сделать их независимыми плантаторами на Таните, — сказал Каринс. — Как видите, они не очень пострадают.

Как бы не так, подумал Грант. Жизнь на Таните ни при каких обстоятельствах не радость.

— Еще одно, — сказал президент. — Я знаю, что член Большого Сената Бронсон хочет чего-то от СВ. Некоторые офицеры слишком успешно препятствовали делам семьи Бронсонов, и он хочет их устранения. — Президент выглядел так, словно хлебнул кислого молока. — Мне это не нравится,

Джон. Очень не нравится. Но нам нужна поддержка Бронсона. Можете поговорить с братом?

— Уже поговорил, — ответил Грант. — Все будет сделано.

Несколько минут спустя Грант покинул совещание. Остальные продолжили бесконечную дискуссию, но Грант не видел в этом смысла. Что делать — ясно, и чем дольше откладывать, тем больше сторонников будет у Бертрама, он станет только сильней. Если что-то и можно сделать, то нужно делать немедленно.

Жизнь научила Гранта, что неправильные действия, предпринятые решительно и своевременно, лучше правильных, предпринятых с опозданием. Вернувшись в Пентагон, он собрал помощников и отдал приказы. Потребовалось не больше часа, чтобы запустить механизм.

Коллеги Гранта всегда говорили, что он слишком торопится, начинает действовать, не обдумав тщательно всех последствий. Они также говорили, что ему везет. Удача была не при чем, а последствия Грант обдумывал; но он предпочитал предупреждать события, а не действовать, дождавшись кризиса. Он уже несколько недель знал, что поддержка Бертрама угрожающе возрастает, и подготовил планы действий задолго до этого совещания у президента.

Теперь ясно, что браться за дело нужно немедленно. Через несколько дней просочится информация о совещании. Конечно, ничего о предпринимаемых действиях, но пойдут слухи о тревоге и озабоченности. Секретарша подметит, что Грант, отпустив шофера, вернулся в Пентагон. Кто-нибудь другой обратит внимание на то, что, покидая Овальный кабинет, Каринс ухмылялся чаще, чем обычно, или что два политических противника вышли вместе и зашли куда-нибудь выпить. Еще кто-нибудь услышит разговоры о Бертраме, и вскоре всему Вашингтону станет известно: президент встревожен популярностью Бертрама.

Поскольку утечка неизбежна, он должен действовать до того, как она произойдет. Довольный Грант отпустил помощников. Он готов, и кризис будет преодолен, не успев начаться.

И только оставшись один, он пересек забранный панелями кабинет, подошел к шкафу и налил себе двойную порцию скотча.

Кадиллак шел на автопилоте, далеко внизу проносилась поверхность Мэриленда. Ведущая антенна проходит почти до самого дома Гранта, и он смотрел на мерцающие огоньки с чувством расслабления, какого редко удавалось достичь в последние дни. Внизу мигали огоньки домов, по дорогам двигалось несколько наземных машин. Сзади осталась громада Благотворительного острова Колумбия, куда переселились большинство бывших жителей Вашингтона. Теперь там обитало третье поколение, никогда не знавшее другой жизни.

Он поморщился. Благотворительные острова — это груды бетонных зданий с парками на крышах, вместилища огромного количества бесполезных жизней. Поставляя наркотики с Танита и дешевую американскую выпивку, правительство обеспечивает спокойствие на этих островах. Человек, родившийся в одном из этих лабиринтов, может провести там всю жизнь, и многие ее так и проводят.

Грант попытался представить себе, каково там жить, но не смог. Отчеты агентов дают умозрительную картину, но отождествить себя с этими людьми невозможно. Он не может ощутить безнадежность, отупение чувств, жгучую ненависть, ужас, горькую гордость уличных банд.

А вот Каринс все это знает. Каринс начинал свою жизнь на одном из Благотворительных островов где-то на Среднем Западе. Он прорвался. Закончил школу с правом на стипендию и получил пропуск на волю. Он отказывался от стимуляторов и наркотиков, не смотрел триви. Стоило ли оно того, подумал Грант. Конечно, существует и другой способ выбраться с Благотворительного острова — стать добровольным колонистом; но этим способом мало кто сегодня пользуется. Когда-то добровольных колонистов было много.

Неожиданно Бетховен на половине аккорда прервался, ожил динамик на приборной доске: «ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ. ВЫ ПРИБЛИЖАЕТЕСЬ К ОХРАНЯЕМОЙ ЗОНЕ. МАШИ-

НА, НЕ ИМЕЮЩАЯ РАЗРЕШЕНИЯ, БУДЕТ УНИЧТОЖЕНА БЕЗ ПОВТОРНОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ. ЕСЛИ У ВАС ЗАКОННОЕ ДЕЛО В ОХРАНЯЕМОЙ ЗОНЕ, СЛЕДУЙТЕ ЗА ВЕДУЩИМ ЛУЧОМ ДЛЯ ПРОВЕРКИ НА ПОЛИЦЕЙСКОЙ СТАНЦИИ. ЭТО ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ».

Кадиллак автоматически повернул по лучу и начал спуск к полицейской станции, и Грант выругался. Он включил микрофон и негромко заговорил:

— Говорит Грант из залива Пичмен. Похоже, что-то не в порядке с моим транспортом.

Последовала недолгая пауза, затем из динамика на доске послышался мягкий женский голос:

— Простите, мистер Грант. Ваш сигнал верен. Не в порядке наше устройство идентификации. Пожалуйста, продолжайте полет к дому.

— Исправьте ваше проклятое устройство, пока оно не подстрелило налогоплательщика, — сказал Грант. Округ Энн Арундел был крепостью Объединенной партии. Но сколько он продержится после подобного инцидента? Грант переключился на ручное управление и повел машину, не обращая внимания на правила. Теперь, когда они знают, кто он, ему могут только выписать штрафную квитанцию, и компьютер заплатит по ней, не беспокоя его самого.

Эта мысль вызвала мрачную улыбку. Правила движения нарушаются, компьютеры отмечают это и выписывают штрафы, другие компьютеры платят штрафы, и ни один человек не обращает на это внимания. И только когда накапливается очень много штрафов и поступает предупреждение о возможном аннулировании водительских прав, налогоплательщик узнает обо всем этом — если, конечно, сам не заглядывает в свой банковский счет.

Впереди показался его дом — большое разбросанное строение начала двадцатого века на берегу бухты. У берега на приколе яхта, и Грант ощутил укол вины. Он не забыл о яхте, но она слишком часто остается в руках команды, слишком подолгу владелец не уделяет ей внимания.

Карвер, шофер, подбежал, чтобы помочь Гранту выйти из кадиллака. В большой библиотеке его ждал Хэпвуд со стаканом шерри. Князь Бисмарк, доберман, дрожа в присутствии

своего божества, положил голову на колени Гранту, готовый по его приказу прыгнуть в огонь.

Какая ирония во всей этой ситуации, подумал Грант. Дома он обладает властью феодального владыки, но эта власть ограничена тем, насколько сильно его штат не хочет возвращения в Благотворительность. Однако стоит только поднять трубку телефона службы безопасности в углу, и начнет действовать его истинная, реальная власть, абсолютно невидимая и ограниченная только желаниями президента. Деньги дают ему видимую власть, наследственность — власть над собакой; но реальную власть ему дает телефон службы.

— Когда хотите обедать, сэр? — спросил Хэпвуд. — И здесь мисс Шарон с гостем.

— Гость?

— Да, сэр. Молодой человек. Мистер Аллан Торри, сэр.

— Хорошо, Хэпвуд. Сначала поем, а потом повидаюсь с мисс Грант и ее гостем.

— Очень хорошо, сэр. Я сообщу повару. — Хэпвуд незаметно покинул комнату.

Грант снова улыбнулся. Хэпвуд — еще одна фигура из Благотворительности, и вырос он, говоря на диалекте, которого Грант никогда не понимал. По какой-то причине на него произвели сильное впечатление английские дворецкие, которых он видел на триви. Он стал подражать их манерам — и теперь известен всей округе как превосходный управляющий.

Хэпвуд этого не знает, но Грант ведет учет каждого цента, полученного дворецким: взятки от бакалейщиков и мясников, выплаты садовников, а также доходы от поразительно выгодно размещаемых инвестиций. Хэпвуд вполне может уйти в отставку и жить в собственном доме жизнью налогоплательщика.

«Почему, — лениво думал Грант. — Почему он остается? Это, конечно, облегчает мне жизнь, но почему?» Это настолько заинтересовало Гранта, что он приказал своим агентам заняться Хэпвудом, однако этот человек не интересовался политикой и был ревностным сторонником Объединенной партии. Единственной подозрительной особенностью его контактов оставалась утонченность, с какой Хэпвуд извлекал прибыль из каждой выплаты, связанной с домом Гранта. У Хэпвуда нет

детей, а свои сексуальные потребности он удовлетворяет во время нечастых посещений заведений, расположенных на окраине Благотворительности.

Грант ел механически, стараясь побыстрее покончить с этим и увидеть дочь, однако он опасался встречи с молодым человеком, которого она привела в дом. На мгновение он подумал о том, чтобы воспользоваться телефоном службы и узнать о нем побольше, но гневно покачал головой. Постоянно думать в терминах безопасности — это нехорошо. Сейчас он намерен быть отцом, собирающимся встретиться с женихом дочери, и больше ничего.

Он оставил обед недоеденным, не думая о том, сколько стоят остатки его бифштекса, или о том, что Хэпвуд кому-нибудь их продаст, и направился в библиотеку. Сел за массивный стол из древесины какого-то восточного фруктового дерева и выпил бренди.

По обеим сторонам от стола стены были покрыты книжными полками, безупречными, очищенными от пыли свидетельствами жизни империй прошлого. Уже несколько лет он не читал ни одной из них. Теперь все его чтение ограничивается отчетами в ярко-красных переплетах. В отчетах содержатся живые рассказы о живых людях, но иногда вечерами Гранту казалось, что его страна так же мертва, как эти погибшие империи.

Грант любил свою страну, но ненавидел ее жителей, ненавидел всех: Каринса и всю новую породу, одурманенных обитателей островов Благотворительности, самодовольных налогоплательщиков, мертвой хваткой державшихся за свои привилегии. «Что же тогда я люблю?» — спрашивал он себя. Только нашу историю, величие Соединенных Штатов в прошлом, а это можно найти в старинных домах и в старых книгах, и этого нет в отчетах службы.

Где патриоты? Теперь все стали патриотами, глупцами, идущими за своими предводителями в ничто. У них нет ничего, даже славы.

И тут вошла Шарон. Привлекательная девушка, гораздо красивей матери, но ей не хватает материнской уверенности и выдержки. Она привела с собой высокого молодого человека двадцати с небольшим лет.

Пока они подходили, Грант разглядывал юношу. Приятный мальчик. Длинные волосы, аккуратно подстриженные, консервативные для наших времен усики. Рубашка голубая с фиолетовым оттенком, красный шарф... немного кричащий, но даже Джон Младший ходит в кричащей одежде, когда сбрасывает мундир СВ.

Мальчик подходил неуверенно, почти робко, и Грант гадал, что это: страх перед ним и его положением в правительстве или естественная неуверенность молодого человека, который должен встретиться с отцом своей невесты. Крошечный бриллиант на руке Шарон вспыхнул от огня камина желтым, и она как-то неестественно протянула руку.

— Папа, я... я тебе о нем рассказывала, это Аллан. Он только что сделал мне предложение!

Она вся светится, заметил Грант, и говорит уверенно, не ожидая, что он может возразить. Грант думал: не единственный ли во всей стране человек Шарон, кто его не боится? За исключением Джона Младшего, которому нечего бояться. Джон вне пределов досягаемости телефона службы Гранта. Флот СВ заботится о своих людях.

По крайней мере юноша попросил ее руки. Мог и просто переселиться к ней. А может, уже переселился?

Грант встал и протянул руку.

— Здравствуйте, Аллан.

Рукопожатие у Торри крепкое, но он избегает взгляда Гранта.

— Значит, вы хотите жениться на моей дочери? — Грант многозначительно посмотрел на ее левую руку. — Кажется, она отнеслась к этой мысли одобрительно.

— Да, сэр. Сэр, она хотела подождать и спросить вас, но я настоял. Это моя вина, сэр. — И на этот раз Торри почти вызывающе поднял голову.

— Да. — Грант снова сел. — Что ж, Шарон, раз уж ты сегодня вечером оказалась дома, поговори с Хэпвудом о Князе Бисмарке. Мне кажется, его неправильно кормят.

— Прямо сейчас? — спросила она, недовольно поджимая губы. — Папа, это совсем по-викториански! Ты высылаешь меня из комнаты, чтобы поговорить с моим женихом!

— Да, ну и что? — Грант больше ничего не сказал, и Шарон наконец повернулась к двери.

Потом сказала:

— Не позволяй ему тебя запугать, Аллан. Он опасен не больше, чем... голова лося на стене, охотничий трофей! — И вышла, прежде чем ей смогли ответить.

IV

Они сидели в неловком молчании. Грант вышел из-за стола и сел у огня поближе к Торри. Выпивка, предложение сигареты — обычные любезности. Он все это проделал; наконец Хэпвуд принес закуску и закрыл за собой дверь.

— Ну, хорошо, Аллан, — начал Грант. — Будем банальны и покончим с этим. Как вы собираетесь содержать ее?

На этот раз Торри посмотрел прямо на него. Грант был уверен, что в глазах молодого человека светилась легкая насмешка.

— Я ожидаю хорошего назначения в Министерстве минеральных ресурсов. У меня хорошее инженерное образование.

— Министерство ресурсов? — Грант на несколько секунд задумался. Ответ его удивил: он не думал, что парень — из искателей должности.

— Полагаю, это можно устроить.

Торри улыбнулся. Улыбка у него заразительная и понравилась Гранту.

— Сэр, это уже устроено. Я не просил вас о работе.

— Да? — Грант пожал плечами. — Не слышал.

— Помощник секретаря министра. У меня магистерский диплом по экологии.

— Интересно, но мне казалось, я должен знать о предстоящем назначении.

— Пока это не официально, сэр. И не будет, пока мистер Бертрам не избран президентом. В данный момент я в его аппарате. — Он по-прежнему улыбается, и улыбка дружеская, не враждебная. Мальчику кажется, что политика — это игра. Он хочет победить, но всего лишь в игре.

«И он видел подлинные данные опросов», — подумал Грант.

— А что вы делаете у мистера Бертрама?

Аллан пожал плечами.

— Пишу речи, приношу почту, работаю на ксероксе — вы ведь сами участвовали в кампаниях. Я парень, выполняющий работу, за которую никто не хочет браться.

Грант рассмеялся.

— Я начинал мальчишкой, первым пролезающим на место кражи, но вскоре выкупил свой вклад в дела партии. И больше от меня этого не требовали. Не думаю, чтобы вас ждало то же самое.

— Нет, сэр. Мой отец налогоплательщик, хотя сейчас так трудно выплачивать налоги...

— Да.

По крайней мере парень не из семьи граждан. Подробности он узнает от Экридж завтра, а пока важнее познакомиться с мальчиком поближе.

Это оказалось нелегко. Аллан был откровенен, держался спокойно и (с удовольствием заметил Грант) отказался от третьей порции выпивки, но говорить с ним было почти не о чем. Торри не представлял себе реалий политики. Он был одним из детей-крестоносцев Бертрама и собирался спасти Соединенные Штаты от людей вроде Гранта, хотя был слишком вежлив, чтобы прямо сказать об этом.

«Когда-то я тоже был так молод, — подумал Грант. — Хотел спасти мир, но тогда все было иначе. В моей молодости никто не хотел развала СоВладения. Мы были счастливы оттого, что окончилась Вторая холодная война. Куда делось то огромное чувство облегчения, которое мы испытали, когда не нужно стало бояться атомной войны? В моей молодости мы только об этом и думали, нам казалось, что мы последнее поколение. А теперь вечный мир они считают чем-то само собой разумеющимся. Неужели мир — такая ничтожная вещь?»

— Столько нужно сделать, — говорил Торри. — Проект Байя, термальное заражение моря Кортеса. Они убивают там всю экологию, только чтобы создать поместья для налогоплательщиков. Я знаю, это не ваш департамент, сэр, и вы, вероятно, даже не подозреваете, что там делается. Но Липском слишком долго был президентом! Коррупция, частные интересы. Пора вернуться к настоящей двухпартийной системе, а не к выяснению отношений между двумя крыльями Объеди-

ненной партии. Пора что-то менять, и мистер Бертрам самый подходящий человек для этого. Я это знаю.

Грант улыбнулся — с трудом, но улыбнулся.

— Вряд ли вы ожидаете, что я с вами соглашусь, — сказал он.

— Нет, сэр.

Грант вздохнул.

— Возможно, вы правы. Должен сказать, что ничего не имею против своей отставки. Тогда я мог бы постоянно жить в этом доме, а не навещать его по уикэндам.

«Что толку», — подумал Грант. Ему не переубедить этого мальчика, а Шарон он нужен. Когда разразится скандал, Торри отречется от Бертрама.

А есть ли какие-нибудь объяснения? Проект Байя разработан в помощь синдикату налогоплательщиков шести штатов бывшей Мексиканской Республики. Эти налогоплательщики нужны правительству, а им все равно, что будет с китами и рыбой. Конечно, это недальновидно, и Грант пытался убедить изменить проект, но политика — это искусство возможного.

Наконец неприятный разговор закончился. Вошла Шарон. Она улыбалась: ведь она помолвлена с одним из людей Бертрама. Шарон понимает реальность не лучше Аллана Торри. Для них это всего лишь игра. Бертрам победит, Грант уйдет в отставку, и все будут довольны.

Как сказать им, что так теперь не получится? Объединенная партия не самая чистая в мире, но по крайней мере в ней нет фанатиков — а по всему миру снова поднимается волна фанатизма. Повсюду действуют Друзья Народа, и все идет к тому, что уже не раз случалось — и описано в безупречно асептических книгах на полках над моей головой.

ПОМОЩНИКИ БЕРТРАМА АРЕСТОВАНЫ МЕЖДУНАРОДНЫМ БЮРО РАССЛЕДОВАНИЙ! МБР ОБНАРУЖИВАЕТ ТАЙНЫЙ СКЛАД ОРУЖИЯ В ШТАБ-КВАРТИРЕ БЕРТРАМА. НАМЕКАЮТ НА НАЛИЧИЕ ТАМ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ!!!

Чикаго, 15 мая (ЮПИ). Агенты МБР арестовали пять ближайших помощников сенатора Харви Бертрама за участие в

том, что правительственные источники называют самым опасным из всех когда-либо обнаруженных заговоров...

Грант без удовлетворения читал сообщение на настольном экране. Все прошло согласно плану, ему ничего больше не нужно делать, но все равно ему это не нравилось.

По крайней мере получилось убедительно. Есть неопровержимые улики. Людей Бертрама будут судить, они смогут обратиться к присяжным и к судье. Правительство напомнит о Тридцать пятой поправке и потребует, чтобы суд шел по старым соревновательным правилам. Но все это уже неважно.

И тут он прочел то, что было набрано внизу мелкими буквами: «Арестованы Грегори Каламинтор, девятнадцати лет, пресс-секретарь Бертрама; Тимоти Джордано, двадцати двух лет, секретарь; Аллан Торри, двадцати двух лет, помощник...» Все расплылось перед глазами, и Грант закрыл лицо руками.

— Боже, что мы наделали?

Он не пошевелился, когда позвонила мисс Экридж.

— Ваша дочь на четвертой линии, сэр. Кажется, она взволнована.

— Да. — Грант свирепо вдавил кнопку. На экране появилось лицо Шарон. Ее косметика была размыта потоками слез. Выглядела она старше, точно как ее мать во время одной из их...

— Папа! Аллана арестовали! Я знаю, это неправда, он не может иметь ничего общего с атомным оружием! Люди Бертрама говорили, что в этой стране не может быть честных выборов. Об этом позаботится Грант. Я им отвечала, что они ошибаются. Но так ли это? Ты сделал это, чтобы остановить выборы?

Ему нечего было ответить, кроме того, что она права.

— Не знаю, о чем ты. Я сам только что увидел по триви сообщение об аресте Аллана, вот и все. Возвращайся домой, котенок, и мы поговорим об этом.

— Нет. Ты не заставишь меня прийти туда, где доктор Поллард сделает мне легкий укол и я забуду об Аллане! Нет! Я остаюсь со своими друзьями и не вернусь домой, папа.

А когда я обращусь в газеты, думаю, там меня выслушают. Пока я не знаю, что им сказать, но уверена, что люди Бертрама что-нибудь придумают. Как тебе это понравится, мистер Бог?

— Все, что ты расскажешь прессе, будет ложью, Шарон. Ты ничего не знаешь. — Заглянул один из помощников и тут же исчез.

— Ложью? А где я научилась лгать?

Экран потемнел.

«Неужели все так непрочно, — подумал Грант. — Все доверие, вся любовь — все исчезает так быстро?»

— Сэр? — Хартманн, его помощник.

— Да?

— Она звонила из Шампейна, Иллинойс. Там штаб-квартира Бертрама. Они считают, что мы о ней не знаем. Телефон защищен от прослушивания.

— Недоверчивые типы, а? Отправьте лучших людей следить за этим домом, но ее не трогайте. — Он встал и попытался подавить приступ тошноты. Приступ такой сильный, что пришлось ухватиться за стол. — БУДЬТЕ АБСОЛЮТНО УВЕРЕНЫ, ЧТО ЕЕ НЕ ТРОНУТ. ПОНЯЛИ? — крикнул он.

Хартманн побледнел. Шеф уже пять лет не повышал голос ни на кого из своих.

— Да, сэр, понял.

— Тогда убирайтесь. — Теперь Грант говорил спокойно и негромко, и этот холодный механический голос был ужаснее крика.

Оставшись один, он посмотрел на телефон. Какая ему теперь польза от его власти?

Что же делать? О помолвке Шарон пока никому не известно. Он попросил детей никому об этом не рассказывать до официального объявления в Национальном кафедральном соборе, когда можно будет устроить большой прием. Надо что-то для них сделать, но...

Но что? Он не может освободить мальчишку. Не этого. Этот не станет хранить молчание в уплату за свою свободу. Как только его освободят, он через пять минут вместе с Шарон отправится к газетчикам, и газетные заголовки сметут

Липскома, Объединенную партию, СоВладение — и мир. Газетчики прислушаются к дочери главы тайной полиции страны.

Грант нажал одну кнопку на своем коммуникаторе, потом другую. На экране появился адмирал Сергей Лермонтов.

— Да, мистер Грант.

— Вы одни?

— Да.

Разговор был трудным, и долгие задержки, пока сигналы достигали Лунной базы и возвращались обратно, не делали его легче.

— Когда следующий военный корабль СВ покидает систему? Не корабль с колонистами и не тюремный корабль. Боевой.

Еще одна долгая пауза, более долгая, чем задержка сигнала.

— Полагаю, это можно организовать, — сказал адмирал. — Чего вы хотите?

— Я хочу... — Грант колебался, однако нельзя было терять время. Времени вообще нет. — Я хочу места для двух очень важных политических заключенных. Супружеская пара. Экипаж не должен знать, кто они такие, и всякий, кто это узнает, должен по крайней мере в течение пяти лет оставаться за пределами системы. Я хочу, чтобы их поселили в хорошей колонии, в приличном месте. Может быть, на Спарте. Никто не возвращается со Спарты. Вы можете это организовать?

Грант видел, как менялось лицо Лермонтова по мере того, как до него долетали слова. Адмирал нахмурился.

— Можно сделать, если это достаточно важно. Но будет нелегко.

— Это достаточно важно. Мой брат Мартин позже объяснит все, что вам необходимо знать. Заключенных доставят сегодня вечером, Сергей. Пожалуйста, подготовьте корабль. И... лучше бы это была не «Саратога». На этом корабле мой сын, и он... он узнает одного из заключенных. — Грант с трудом глотнул. — На борту должен быть капеллан. Детей нужно будет поженить.

Лермонтов снова нахмурился, словно сомневался в здравом рассудке Гранта. Но ему нужны Гранты, нужны оба, и,

конечно, Джон Грант не стал бы просить о такой услуге, не будь это жизненно важно.

— Будет сделано, — сказал Лермонтов.

— Спасибо. Я буду также благодарен, если вы позаботитесь, чтобы они получили хорошее поместье на Спарте. Они не должны знать, кто все это организовал. Позаботьтесь о них и пришлите мне счет.

Теперь все просто. Послать агентов арестовать Шарон и доставить ее в разведку СВ. Сначала он не захочет ее увидеть. Генеральный прокурор отошлет туда же Торри и объявит, что тому удалось бежать.

Конечно, лучше бы все они предстали перед открытым судом, но сойдет. То, что один из арестованных сбежал, может даже помочь. Это ведь признание вины.

Что-то внутри него снова и снова кричало: ведь это твоя маленькая девочка, единственный человек в мире, который тебя не боится, но Грант отказывался прислушиваться к этому голосу. Откинувшись в кресле, он почти спокойно принялся отдавать приказы.

«Хорошо, Мартин, — подумал он. — Хорошо. Я выиграл время, о котором просили вы с Лермонтовым. И что вы теперь с ним сделаете?»

V

2087 год от Р. Х.

Посадочная шлюпка отошла от висящего на орбите корабля. Когда она удалилась на безопасное расстояние, заработали ее хвостовые двигатели, а когда шлюпка достигла верхних слоев разреженной атмосферы, открылись щели на носу. Разреженный воздух втягивался внутрь, сжимался, пока температура в камере не поднялась достаточно для зажигания.

С ревом заработали основные двигатели. Выдвинулись крылья, создающие подъемную силу, и космоплан полетел над пустынным океаном к континенту в двух тысячах километров отсюда.

Корабль пролетел над горами высотой в двенадцать тысяч метров, потом опустился к лесистым равнинам. Он сбрасывал

скорость, пока не перестал быть опасным для узкой полоски обитаемой земли на берегу океана. Большой океан планеты соединялся с меньшим по размерам морем проливом, достигавшим в самом широком месте пяти километров, не больше, и почти все колонисты жили вблизи соединения океана с морем.

Главный город Хедли располагался на длинном полуострове у устья канала, и две удобных гавани, одна океанская, другая морская, оправдывали название города — Рефьюдж, убежище. Название предполагало спокойствие, которым город больше не обладал.

Корабль выпустил крылья на всю длину и полетел над спокойной водой гавани. Коснулся поверхности и опустился на нее. По чистой голубой воде к нему устремились буксиры. Мокрые от пота моряки набросили швартовы, оттащили корабль к причалу и привязали его там.

Из шлюпки длинной цепочкой начали выходить морские пехотинцы СоВладения в мундирах гарнизонной службы. На сером бетонном пирсе они выстроились аккуратными ярко окрашенными рядами. Вслед за ними вышли два человека в гражданском.

Они замигали от непривычно яркого сине-белого солнца Хедли, такого далекого, что оно показалось бы крошечной точкой, если бы кому-нибудь из них хватило глупости посмотреть прямо на него. Но малый размер — лишь иллюзия, объясняемая большим расстоянием: Хедли получает от своей горячей звезды не меньше света, чем Земля от Солнца.

Оба штатских рослые и стоят прямо, как морские пехотинцы перед ними, так что, если бы не одежда, их можно было бы принять за часть высадившегося батальона. Тот, что пониже, несет две сумки — багаж обоих, и почтительно держится сзади; он старше по возрасту, но явно уступает по званию. Эти двое наблюдают за двумя молодыми людьми, неуверенно идущими по пирсу. Их синие мундиры без всяких наград резко контрастируют с красным и золотым толпящихся вокруг морских пехотинцев. Пехотинцы уже снова заходили в корабль, вынося мешки с оборудованием, оружие и все остальное, что полагается легкому батальону пехоты.

Более рослый из вновь прилетевших гражданских посмотрел на подходящих людей в мундирах.

— Полагаю, вы встречаете нас? — вежливо спросил он. Голос его перекрыл шум на причале и разнесся далеко, хотя человек не кричал. Акцент у него нейтральный, каким отличаются владеющие почти универсальным английским офицеры службы СоВладения нерусского происхождения; этот акцент почти так же определенно указывает на профессию, как командный тон и солдатская выправка.

Но встречающие еще сомневались. В последнее время здесь появлялось много бывших офицеров Космического Флота СоВладения. Бюджет СВ с каждым годом сокращается.

— Наверно, — сказал наконец один из них. — Вы Джон Кристиан Фалькенберг?

На самом деле его звали Джон Кристиан Фалькенберг III, и он подозревал, что дед стал бы настаивать на таком различии.

— Верно. Это главный старшина Кальвин.

— Рад познакомиться, сэр. Я лейтенант Баннерс, а это энсин Моурер. Мы из штата президента Будро. — Баннерс осмотрелся, как будто ожидал увидеть еще кого-то, но никого, кроме морских пехотинцев в форме, не увидел. Потом с легким удивлением взглянул на Фалькенберга и добавил:

— У нас есть для вас транспорт, но боюсь, вашим людям придется идти пешком. Это примерно одиннадцать миль.

— Миль. — Фалькенберг про себя улыбнулся. *Действительно окраина.* — Не вижу причин, почему бы здоровым наемникам не прошагать восемнадцать километров, лейтенант. — Он повернулся к темному входу в посадочную шлюпку и сказал кому-то внутри: — Капитан Фаст. Транспорта нет. Но вам покажут, куда идти. Пусть несут все оборудование.

— Нет, сэр, в этом нет необходимости, — возразил лейтенант, — мы можем... гм... предоставить вам гужевой транспорт для багажа. — И посмотрел на Фалькенберга так, словно ожидал, что тот рассмеется.

— Вряд ли это необычно для колониальной планеты, — ответил Фалькенберг. Лошадей и мулов можно перевозить в виде замороженных эмбрионов, и они не нуждаются в высо-

кой технологии для воспроизводства; не нужна и индустриальная база, чтобы их прокормить.

— Этим займется энсин Моурер, — сказал лейтенант Баннерс. Он снова помолчал и неуверенно посмотрел на Фалькенберга, как будто не решаясь что-то добавить. Наконец покачал головой. — Думаю, будет разумно, если вы прикажете вашим людям взять с собой личное оружие, сэр. На пути до казармы не должно возникнуть никаких неприятностей, но... в любом случае у десяти вооруженных людей не будет никаких проблем.

— Понятно. Может, мне пойти с моими людьми, лейтенант? Я не знал, что положение на Хедли такое скверное. — Говорил Фалькенберг спокойно и негромко, но внимательно смотрел на младших офицеров.

— Нет, сэр. На самом деле это не так... Но не стоит рисковать. — Он жестом отправил энсина Моурера к шлюпке и снова повернулся к Фалькенбергу. Из-под воды рядом с кораблем поднялось что-то большое и черное. Плеснуло и исчезло. Баннерс как будто этого не заметил, но пехотинцы возбужденно загомонили. — Я уверен, энсин и ваши офицеры проведут высадку, а с вами президент хотел бы встретиться немедленно, сэр.

— Несомненно. Хорошо, Баннерс, показывайте дорогу. Главный старшина Кальвин отправится со мной. — И он вслед за Баннерсом пошел по порту.

«Нет смысла притворяться, — подумал Фалькенберг. — Всякий, кто увидит десять вооруженных человек в сопровождении офицера из свиты президента, поймет, что это наемники, даже если они будут в штатском. Еще один пример недостоверной информации».

Фалькенбергу сообщили, что статус его самого и его людей будет оставаться тайной, но ничего из этого не выйдет. И он подумал: не затруднит ли это сохранение его собственных тайн?

Баннерс быстро провел их через шумные казармы морских пехотинцев СоВладения, мимо скучающих часовых, которые небрежно приветствовали офицера в мундире президентской гвардии. В крепости морской пехоты кипела деятельность, все открытое пространство было забито тюками и

оружием — признаками того, что военные собираются менять расположение.

Когда они выходили из здания, Фалькенберг увидел пожилого офицера Флота.

— Минутку, Баннерс. — Он повернулся к капитану Флота СоВладения. — За мной прислали. Спасибо, Эд.

— Никаких проблем. Я доложу о вашем прибытии адмиралу. Он не хочет терять вас из виду. Неофициально, конечно. Удачи, Джон. Видит Бог, вы сейчас нам нужны. Отвратительная сделка.

— Такова жизнь.

— Да, но раньше Флот лучше заботился о своих людях. Я сомневаюсь, может ли кто-нибудь считать, что он в безопасности. Проклятый сенатор...

— Забудем об этом, — прервал его Фалькенберг. И оглянулся, чтобы убедиться, что лейтенант Баннерс не мог услышать. — Передайте привет вашим офицерам. У вас хороший корабль.

Капитан слегка улыбнулся.

— Спасибо. Услышать такое от вас — настоящий комплимент. — Он крепко пожал руку Джона. — Послушайте, мы улетаем через пару дней, не больше. Если хотите куда-нибудь улететь, я могу это организовать. Проклятый сенатор не узнает. Можем доставить вас куда угодно на территории СоВладения.

— Спасибо, но я, пожалуй, останусь.

— Тут может быть нелегко, — заметил капитан.

— А где в СоВладении сейчас легко? — спросил Фалькенберг. — Еще раз спасибо, Эд. — Он хотел козырнуть, но спохватился.

Баннерс и Калвин ждали его, и Фалькенберг повернулся к ним. Кальвин, как пустые, поднял три сумки с личными вещами и уверенным движением открыл дверь. Капитан СВ смотрел им вслед, пока они не вышли из здания, но Фалькенберг не оглянулся.

— Будь они прокляты, — сказал капитан. — Будь все они прокляты.

— Машина здесь. — Баннерс открыл заднюю дверь видавшей виды наземной машины, марку которой определить

было невозможно. Машину собрали из частей десяти других, причем некоторые части явно извлекал неопытный механик. Баннерс сел на место водителя и включил двигатель. Двигатель дважды кашлянул, затем заработал, и в облаке черного дыма они тронулись в путь.

Миновали еще один док, где из посадочного корабля с крыльями величиной с целую шлюпку морской пехоты выгружался бесконечный поток гражданских пассажиров. Плакали дети, а мужчины и женщины в длинных очередях неуверенно осматривались; их торопили стражники в таких же мундирах, как у Баннерса. Кислый запах немытого человеческого тела смешивался с чистым соленым океанским воздухом. Баннерс с неодобрительной миной поднял окна.

— Так всегда, — ни к кому в частности не обращаясь, заметил Кальвин. — На тюремных кораблях СоВладения вода строго нормирована, и потом нужны недели, чтобы отмыться.

— Вы бывали на таких кораблях? — спросил Баннерс.

— Нет, сэр, — ответил Кальвин. — Но в боевых кораблях морской пехоты не лучше. И не хотел бы я провести шесть месяцев в корабле, набитом десятью-пятнадцатью тысячами гражданских.

— Мы все еще можем увидеть внутренности такого корабля, — сказал Фалькенберг. — И радоваться такой возможности. Расскажите мне о здешней ситуации, Баннерс.

— Не знаю, с чего начать, сэр, — ответил лейтенант. — Я... что вы знаете о Хедли?

— Предположим, ничего, — сказал Фалькенберг.

«Можно заодно узнать, как оценивают ситуацию офицеры президентской гвардии», — подумал он. Во внутреннем кармане кителя у него лежал отчет службы разведки Флота, но из таких отчетов всегда ускользают важные частности; знать, как настроена президентская гвардия, может оказаться необходимо для его планов.

— Да, сэр. Ну, начнем с того, что мы здесь далеко от ближайших корабельных маршрутов — но, наверно, это вы знаете. Единственной причиной присутствия здесь купцов и торговли были шахты. Торий, богатейшие известные залежи — пока они не начали иссякать.

Первые несколько лет это было все, чем мы располагали. Шахты в горах, в восьмидесяти милях в той стороне. — Он указал на тонкую голубую линию на горизонте.

— Должно быть, очень высокие горы, — заметил Фалькенберг. — Каков диаметр Хедли? Около восьмидесяти процентов земного? Что-то в этом роде. Горизонт здесь должен быть очень близко.

— Да, сэр. Горы высокие. Хедли — маленькая планета, но у нас здесь все самое большое и лучшее. — В голосе молодого офицера звучала гордость.

— Сумки кажутся очень тяжелыми для такой маленькой планеты, — заметил Кальвин.

— У Хедли большая плотность, — ответил Баннерс. — Тяготение примерно девяносто процентов стандартного. Итак, шахты там, и при них — собственный космопорт в районе озера. Рефьюдж — так называется этот город — был основан компанией «Американ экспресс». Компания привезла первых колонистов, много.

— Добровольцев? — спросил Фалькенберг.

— Да. Все были добровольцами. Обычные неудачники. Наверно, типичный пример — мой отец, инженер, который не справлялся с конкуренцией и устал от указаний Бюро Технологии, что можно изучать, а что нельзя. Это была первая волна, и эти колонисты заняли лучшие земли. Они основали город и запустили экономику. За двадцать лет выплатили все авансы компании «Американ экспресс». — Баннерс этим явно гордился, и Фалькенберг понял, что работа была тяжелая.

— Это было около пятидесяти лет назад? — спросил он.

— Да.

Теперь они ехали по заполненным людьми улицам с деревянными домами по обеим сторонам. Каменных зданий было немного. Повсюду пансионы, меблированные комнаты, бары, матросские бордели — все обычные для припортового района заведения. Других машин на дорогах не было. Весь транспорт — лошади и быки, запряженные в повозки. Много велосипедистов и пешеходов.

Небо над Рефьюджем чистое. Ни следа смога или промышленных отходов. В гавани тягачи работали на электриче-

стве, были и парусные корабли, рыбачьи весельные лодки, даже парусная шхуна, прекрасная на фоне чистой голубой воды. Шхуна, оставляя шлейф белой пены, выходила в океан. Трехмачтовый корабль с полной парусной оснасткой вошел в гавань, и грузчики вручную принялись разгружать тяжелые тюки. Похожие на хлопок.

Они миновали фургон, полный дынь. Ярко одетая молодая пара весело помахала им, мужчина щелкнул хлыстом, подгоняя пару лошадей, тащивших фургон. Фалькенберг, разглядывая эту примитивную сцену, сказал:

— Не похоже, что вы здесь уже пятьдесят лет.

— Вы правы. — Баннерс с горечью взглянул на него. Потом свернул, чтобы не столкнуться с группой неряшливых подростков, сидевших прямо посреди улицы. Ему пришлось свернуть еще раз, чтобы избежать столкновения с баррикадой из камней, которую загораживали собой подростки. Машину резко тряхнуло. Баннерс включил двигатели на полную мощность, чтобы перевалить через самое низкое место в баррикаде. Со скрипом машина преодолела препятствие, и Баннерс увеличил скорость.

Фалькенберг вынул руку из-под полы кителя.

Позади Кальвин разглядывал ручной пулемет, появившийся из большой сумки, которую главный старшина нес с собой. Когда Баннерс ничего не сказал об этом инциденте, Фалькенберг нахмурился и, прислушиваясь, откинулся на сиденье. В отчете разведки говорилось о беззаконии, но то, что он увидел, было ничуть не лучше, чем острова Благотворительности на Земле.

— Нет, у нас не очень развитая промышленность, — продолжал Баннерс. — Вначале в ней не было никакой необходимости. Шахты делали всех богатыми, поэтому все, в чем мы нуждались, мы ввозили. Фермеры втридорога продавали шахтерам свежие продукты. Рефьюдж был городом, обслуживающим промышленность. Люди, которые здесь работали, вскоре получали возможность покупать животных для ферм и расселялись по равнинам и лесам.

Фалькенберг кивнул:

— Многим из них не нужны были города.

— Совершенно верно. Им не нужна была промышленность, они и сюда прилетели, чтобы избавиться от нее. —

Баннерс некоторое время молчал. — Потом какой-то проклятый бюрократ СоВладения прочел экологические отчеты о Хедли. Бюро контроля населения в Вашингтоне решило, что это прекрасное место для насильственной колонизации. Ведь корабли все равно приходят сюда за торием, так что вместо предметов роскоши и механизмов им приказали везти осужденных. Сотни тысяч, полковник Фалькенберг. За последние десять лет здесь ежегодно высаживается больше пятидесяти тысяч.

— И вы не можете прокормить их всех, — негромко сказал Фалькенберг.

— Да, сэр. — Лицо Баннерса напряглось. Казалось, он сдерживает слезы. — Видит Бог, мы пытались. Каждый эрг наших генераторов уходит на изготовление протоуглеводов, чтобы прокормить их. Но они не похожи на первых колонистов! Они ничего не знают и ничего не хотят делать! О, не совсем так, конечно. Некоторые из них работают. Некоторые заняты на перевозке. Но других гораздо больше.

— А почему вы не скажете им: работайте или умирайте с голоду? — прямо спросил Кальвин. Фалькенберг бросил на него холодный взгляд, старшина слегка кивнул и откинулся на сиденье.

— Потому что СВ нам не разрешает! — крикнул Баннерс. — Черт возьми, мы ведь не самостоятельное правительство. Бюро Переселения указывает нам, что делать. Оно здесь всем заправляет...

— Мы это знаем, — мягко сказал Фалькенберг. — Мы видели результаты влияния Гуманитарной Лиги на Бюро Переселения. Мой главный старшина ни о чем не спрашивал, он выражал свое мнение. Тем не менее я удивлен. Мне казалось, ваши фермы способны содержать большое городское население.

— Конечно, сэр. — Баннерс долго ехал в мрачном молчании. — Но здесь нет транспорта. Люди здесь, а самые плодородные земли в пятистах милях в глубине континента. Пригодная к использованию земля есть и ближе, но она не расчищена. Наши поселенцы хотели уйти подальше от Рефьюджа и Бюро Переселения. У нас есть железная дорога, но банды разбойников постоянно подрывают ее. Мы не можем рассчиты-

вать на продукцию Хедли, чтобы сохранить жизнь жителям Рефьюджа. На Хедли миллион человек, и половина их сосредоточена в этом неуправляемом городе.

Они приближались к огромному чашеобразному сооружению, соединенному с квадратной каменной крепостью. Фалькенберг внимательно разглядывал здания, потом спросил:

— Что это?

— Наш стадион, — ответил Баннерс. Теперь в его голосе не звучала гордость. — Его построил для нас СВ. Мы предпочли бы новую электростанцию, но получили стадион на сто тысяч зрителей.

— И конечно, он построен строительной компанией «Джи-эл-эс», — сказал Фалькенберг.

— Да... но откуда вы знаете?

— Мне кажется, я уже видел такое. — На самом деле не видел, но догадаться было легко: «Джи-эл-эс» принадлежит холдингу, которым в свою очередь владеет семья Бронсонов. Легко догадаться, почему помощь, посланная Большим Сенатом, всегда оканчивается выгодным для «Джи-эл-эс» контрактом.

— У нас очень хорошие спортивные команды и рысаки, — с горечью говорил Баннерс. — Соседнее здание — это дворец президента. Его архитектура весьма функциональна.

Дворец появился перед ними, приземистый и массивный; он скорее походил на крепость, чем на столичное здание.

По мере приближения ко дворцу город становился все населенней. Здесь преобладали дома из камня и пористого бетона, а не из дерева. Но редко выше трех этажей, и поэтому Рефьюдж далеко растянулся вдоль берега. За комплексом стадиона и дворца людей стало гораздо больше. Баннерс внимательно вел машину по широким улицам, но, казалось, нервничал меньше, чем в районе порта.

Рефьюдж — город контрастов. Здесь улицы прямые и широкие, и явно существует хорошая система канализации, но все первые этажи заняты магазинами, а тротуары загромождены киосками и лотками. Мимо киосков и магазинов движутся толпы пешеходов.

Однако ни транспорта, ни подвижных пешеходных транспортеров по-прежнему не было. Часто встречались поилки и

коновязи, наряду с фонарными столбами и водонапорными башнями. Немногие приметы существования технологии резко контрастировали с общей примитивной атмосферой города.

На перекрестке они увидели отряд людей в форме. Фалькенберг внимательно разглядывал их, потом посмотрел на Баннерса.

— Ваши солдаты?

— Нет, сэр. Это мундир людей Гленна Фостера. Официально они считаются резервом президентской гвардии, но на самом деле это домашнее войско. — Баннерс горько рассмеялся. — Звучит, как цитата из какой-нибудь исторической книги, верно? Мы почти вернулись к феодализму, полковник Фалькенберг. Любой богатый человек содержит телохранителей. Людям приходится это делать. Преступные группы так сильны, что полиция и не пытается задержать того, кто находится под их охраной, да и судья ни за что не вынесет приговор задержанным.

— И эти частные телохранители, вероятно, сами становятся бандами.

Баннерс пристально посмотрел на него.

— Да, сэр. Вы видели такое раньше?

— Да. Приходилось. — Баннерс не мог разгадать выражение лица Фалькенберга.

VI

Под приветственные клики солдат в синих мундирах они въехали в президентский дворец. Фалькенберг отметил начищенное оружие и хорошую выправку президентских гвардейцев. «Здесь дежурят хорошо подготовленные люди, но отряд невелик, — подумал Фалькенберг. — Так ли они хороши в бою, как в карауле?» Это все были местные граждане, преданные Хедли; они совсем не похожи на морских пехотинцев СоВладения, к которым он привык.

Его провели через множество помещений каменной крепости. В каждой комнате — некоторые из них представляли собой караульные помещения — были тяжелые металличе-

ские двери. Фалькенберг не замечал никаких признаков деятельности правительства, пока не прошли через внешние постройки дворца и не оказались в открытом дворе. Оттуда путь лежал во внутреннее здание.

Здесь множество людей развивало бурную деятельность. По коридорам бегали чиновники, за столами в кабинетах сидели девушки в платьях из кисеи, которые на Земле уже несколько лет как вышли из моды. Большинство укладывало содержимое столов в ящики, а другие люди уносили эти ящики в коридор. Некоторые кабинеты пустовали, столы покрывал тонкий слой пыли, а под них были затолканы пластиковые коробки для перевозки документов.

Перед кабинетом президента были две приемные. Президент Будро оказался высоким худым человеком с тонкими рыжими усами и быстрыми жестами. Когда их привели в чрезмерно разукрашенный кабинет, президент поднял голову от стопки бумаг, но взгляд его не сразу сосредоточился на посетителях. На лице его было выражение тревоги и сосредоточенности.

— Полковник Джон Кристиан Фалькенберг, сэр, — сказал лейтенант Баннерс. — И главный старшина Кальвин.

Будро не встал.

— Рад видеть вас, Фалькенберг. — Выражение его лица говорило совсем о другом: на посетителей он смотрел с легким отвращением. Знаком он попросил Баннерса выйти. Когда дверь закрылась, президент спросил: — Сколько людей вы привели с собой?

— Десять, господин президент. Сколько можно было взять на борт, не вызывая подозрений. Нам и так повезло. Большой Сенат прислал специального инспектора, чтобы проверять на посадке, не нарушаются ли антинаемнические законы. Если бы мы не подкупили портового чиновника и тот не отвлек бы инспектора, мы бы вообще сюда не попали. Мы с Кальвином угодили бы на Танит в качестве недобровольных колонистов.

— Понятно. — Судя по выражению лица президента, тот не удивился. Джон подумал, что Будро был бы доволен, если бы инспектор их застукал. Президент нервно побарабанил пальцами по столу. — Возможно, этого хватит. Я знаю, что

корабль, на котором вы прилетели, привез морских пехотинцев, согласившихся поселиться на Хедли. Они могут стать ядром отличной полиции. Хорошие солдаты?

— Это демобилизованный батальон, — ответил Фалькенберг. — Солдаты, которые больше не нужны СВ. Возможно, набранные на гауптвахтах двадцати планет. Нам повезет, если среди них найдется хоть один хороший солдат.

На лице Будро появилось прежнее угнетенное выражение. Надежда на глазах покидала его.

— Но у вас ведь есть собственные войска, — сказал Фалькенберг.

Будро поднял стопку листков.

— Все здесь. Я как раз проглядывал, когда вы вошли. — Он протянул Фалькенбергу отчет. — Тут мало хорошего, полковник. Я никогда не считал, что существует военное решение проблем Хедли, и эти документы подтверждают мои опасения. Если у вас всего десять человек плюс батальон морских пехотинцев, которых превратили в вынужденных переселенцев, о военном решении не стоит и думать.

Будро снова сел. Его руки бесцельно перебирали многочисленные бумаги на столе.

— На вашем месте, Фалькенберг, я вернулся бы на военный корабль и забыл бы о Хедли.

— Что же вам мешает сделать это?

— Хедли мой дом! Никакая мразь не выгонит меня с плантации, которую собственными руками создал мой дед. Меня не заставят бежать. — Будро так сжал руки, что костяшки побелели, но когда снова заговорил, голос его звучал спокойно. — Вас здесь ничто не держит. Меня держит.

Фалькенберг взял отчет со стола и просмотрел его, прежде чем передать Кальвину.

— Мы проделали долгий путь, господин президент. Можете объяснить нам, в чем проблема, прежде чем мы улетим.

Будро мрачно кивнул. Рыжие усы дернулись, и он провел по ним рукой.

— Все достаточно просто. Формальная причина того, что вы здесь, причина, которую мы указали колониальной администрации как повод для приглашения наемников, это разбойничьи шайки в горах. Никто не знает, сколько их там, но они

достаточно сильны, чтобы грабить фермы. К тому же они, когда хотят, перекрывают сообщение между Рефьюджем и сельскохозяйственными районами.

— Да. — Фалькенберг продолжал стоять перед столом, потому что не получал приглашения сесть. Но если это его задевало, он ничем себя не выдавал. — У разбойников-партизан нет никаких шансов без политической базы.

Будро кивнул.

— Однако я уверен, что вице-президент Брэдфорд объяснил вам: подлинная проблема не в них. — Голос у президента сильный, но в нем слышатся ворчливые обиженные нотки, как будто Будро привык, что с его мнением постоянно не соглашаются, и ожидал того же от Фалькенберга. — На самом деле мы могли бы ужиться с разбойниками, но они пользуются политической поддержкой партии Свободы. Моя Прогрессивная партия больше партии Свободы, но ее члены рассеяны по всей планете. А ПС сосредоточена здесь, в Рефьюдже, у нее бог знает сколько избирателей и примерно сорок тысяч последователей, которых в любой момент можно собрать для мятежа.

— У вас часто бывают мятежи? — спросил Джон.

— Слишком часто. Их невозможно контролировать. У меня в президентской гвардии триста человек, но все они, как молодой Баннерс, прошли подготовку в частях СВ. От них мало толка при подавлении мятежа, и они верны не мне, а своей работе. К тому же и в самой гвардии есть люди ПС.

— Так что когда речь идет о контроле за партией Свободы, на президентскую гвардию можно не рассчитывать, — заметил Джон.

— Да. — Будро невесело улыбнулся. — Есть еще силы моей полиции. Ими командовали офицеры СВ, но сейчас их отзывают. Весь мой административный штат набран и обучен Бюро Переселения, и самые компетентные работники отозваны на Землю.

— Вижу, это создает проблему.

— Проблему? Да вообще невозможно работать, — сказал Будро. — У меня нет никого, кто помог бы управлять, но пост за мной, и слишком многие хотят его получить. Я мог бы собрать полторы тысячи партизан из членов Прогрессивной пар-

тии и еще пятнадцать тысяч сторонников партии, которые в крайнем случае могли бы прийти на помощь, но они не обучены. Как им противостоять сорока тысячам ПС?

— Вы серьезно считаете, что партия Свободы поднимет восстание?

— Как только СВ покинет планету. Не сомневайтесь. Они требуют созыва нового конституционного совещания сразу после отъезда губернатора СВ. Если мы не разрешим созыв этого совещания, они восстанут. Ведь что неразумного в таком совещании после ухода колониальной администрации?

— Понятно.

— Но если мы допустим это совещание, они будут тянуть время до тех пор, пока в зале не останутся только их люди. Моя партия состоит из работающих избирателей. Они не могут день за днем сидеть на совещании. А члены ПС будут сидеть, пока не лишат должностей всех прогрессистов. И тогда они уничтожат планету. Я не вижу, что при таких обстоятельствах может сделать военный, однако вице-президент Брэдфорт настоял на том, чтобы мы вас наняли.

— Возможно, мы что-нибудь придумаем, — спокойно ответил Фалькенберг. — У меня нет большого опыта в администрировании, но Хедли не уникальна. Вероятно, прогрессисты — в основном старые поселенцы?

— И да и нет. Прогрессивная партия хочет индустриализировать Хедли, а некоторые из наших фермеров против. Но мы хотим проводить индустриализацию медленно. Мы закроем большинство шахт и будем добывать столько тория, сколько нужно продать, чтобы купить основное промышленное оборудование. А остальные запасы я хочу сохранить для наших атомных электростанций, потому что позже они нам понадобятся.

Мы хотим развивать сельское хозяйство и транспорт и сократить рацион граждан так, чтобы направить энергию атомных электростанций в новую промышленность. Я хочу закрыть производство товаров народного потребления и не открывать заново, пока мы не сможем себе этого позволить. — Будро возвысил голос, глаза сверкали; сейчас легко было понять причину его популярности. Он верил в свое дело.

— Мы хотим создать самодостаточную экономику и уйти из-под власти СоВладения, чтобы впоследствии присоединиться к человечеству на равных! — Будро спохватился и нахмурился. — Простите. Я не собирался произносить речь. Садитесь, пожалуйста.

— Спасибо. — Фалькенберг сел в тяжелое кожаное кресло и осмотрел кабинет. Мебель богатая (привезти всю обстановку кабинета с Земли стоило целое состояние), но в то же время безвкусная — скорее кричащая, чем элегантная. Вполне в духе колониальной администрации, и Фалькенберг задумался, какому сенатору принадлежит фирма, поставляющая офисную мебель. — А чего хочет оппозиция?

— Полагаю, вам действительно нужно знать все. — Будро нахмурился, и его усы нервно дернулись. Он с видимым усилием попытался расслабиться, и Джон подумал, что когда-то президент должен был производить сильное впечатление. — Девиз Партии свободы: «Служить людям». Для них служить означает немедленно поставлять много товаров народного потребления. Они хотят взять от шахт все. Как вы понимаете, шахтеры их поддерживают. ПС разграбит планету, чтобы покупать товары на других планетах, и плевать, чем за это придется платить. Гиперинфляция будет только одной из проблем, которые они создадут.

— Честолюбивые планы.

— Да. Они даже хотят создать экономику, основанную на двигателях внутреннего сгорания. Бог знает как: у нас нет соответствующей технологии, но есть нефть. Все пришлось бы покупать на других планетах. У нас нет тяжелой промышленности для производства таких двигателей, даже если бы это выдержала экосфера, но для ПС это не имеет значения. Эта партия всем обещает машины. Немедленная модернизация. Больше пищи, автоматические фабрики, развлечения... короче, рай и немедленно.

— Они серьезно этого хотят, или это только лозунги?

— Думаю, большинство пээсовцев в это верит, — ответил Будро. — Поверить трудно, но мне кажется, они верят.

— А как они объясняют, где возьмут деньги?

— Отберут у богатых. Как будто здесь для этого достаточно богатых. Даже полная конфискация всего имущества

всех граждан не обеспечит оплаты обещанного. Эти люди не представляют себе реальной ситуации, а их лидеры во всем, что случается, винят Прогрессивную партию, администрацию СоВладения — кого угодно, но никогда не признаются, что обещают невозможное. Некоторые из лидеров партии знают истинное положение, но никогда в этом не сознаются.

— Я думаю, их программа пользуется поддержкой.

— Конечно, — вскипел Будро. — И каждый корабль Бюро Переселения привозит новые тысячи людей, готовых голосовать за политику ПС.

Будро встал из-за стола и прошел к шкафу у противоположной стены. Достал оттуда бутылку бренди и три стакана, разлил и протянул Фалькенбергу и Кальвину. Потом, не обращая внимания на сержанта, подождал, чтобы Фалькенберг взял свой стакан.

— Ваше здоровье. — Будро одним глотком осушил свой стакан. — Некоторые из самых старинных семейств Хедли присоединились к проклятой партии Свободы. Их не устраивают налоги, которые я предлагаю! ПС отнимет у них все, но они ее все равно поддерживают, надеясь договориться. Кажется, вас это не удивляет.

— Нет, сэр. Это старо, как сама история, а военные знают историю.

Будро удивленно посмотрел на него.

— Правда?

— Умный солдат хочет знать причины войн. А также как эти войны прекратить. Ведь, в конце концов, война — нормальное состояние дел, не так ли? Мир — это идеал. Вывод о его существовании мы делаем на основании того, что между войнами бывают короткие промежутки. — И прежде чем Будро смог ответить, Фалькенберг сказал: — Неважно. Полагаю, вы ожидаете вооруженного сопротивления сразу после ухода СВ.

— Я надеюсь предотвратить его. Брэдфорд считает, что вы можете что-нибудь сделать, а я обладаю даром убеждения. — Президент вздохнул. — Но, кажется, это безнадежно. Они не хотят идти на компромисс. Думают, что одержат полную победу.

— Полагаю, у них в прошлом нет особых достижений, — сказал Фалькенберг.

Будро рассмеялся.

— Сторонники партии Свободы ставят ей в заслугу то, что она прогнала СоВладение, полковник.

Все рассмеялись.

СоВладение уходит, потому что выработка шахт больше не способна оправдать управление Хедли. Если бы шахты не потеряли производительности, никакие партизаны не смогли бы выгнать морских пехотинцев.

Будро кивнул, словно прочел мысли собеседника.

— Тем не менее, они заставили людей в это поверить. Много лет у нас царил терроризм, ничего серьезного. Поставкам с шахт это не угрожало, иначе морская пехота все быстро прекратила бы. Но наша полиция деморализована. На равнинах население само осуществляет правосудие, а здесь, в Рефьюдже, банды контролируют большую часть города.

Будро указал на стопку бумаг на углу своего стола.

— Это заявления об отставке. Я даже не знаю, сколько полицейских у нас останется после ухода СВ. — Он сжал кулак, словно хотел ударить им по столу, но продолжал сидеть неподвижно. — СВ уходит. Годами они всем здесь правили, а теперь уходят, оставляя нас справляться с последствиями. Я президент именем СоВладения. Оно дало мне этот пост, а теперь уходит.

— По крайней мере вы сохраняете должность, — сказал Фалькенберг. — Люди из Бюро Переселения хотели назначить кого-то другого. Их отговорил Брэдфорд.

— Конечно. И это стоило нам больших денег. И ради чего? Может, лучше было бы по-другому?

— Мне кажется, вы говорили, что их политика погубит Хедли?

— Да, я так сказал. Я убежден в этом. Но результаты станут ясны после ухода. — Будро говорил, обращаясь скорее к самому себе, чем к Джону. — Теперь они так ненавидят нас, что из чистой ненависти противятся всем нашим предложениям. И мы поступаем так же.

— Похоже на политику СоВладения. Русские и американцы в Большом Сенате. Совсем как дома. — В последовавшем за этими словами вежливом смехе не было веселья.

Будро открыл ящик стола и достал оттуда документ.

— Разумеется, я выполню условия нашего соглашения. Вот ваше назначение командующим нашей военной полицией. Но я по-прежнему считаю, что лучше бы вам сесть на ближайший уходящий корабль. Проблемы Хедли военным советникам не решить.

Главный старшина Кальвин фыркнул, почти неслышно, но Фалькенберг знал, о чем подумал старшина. Будро чурается слова «наемники»: термин «военные советники» ему принять легче. Джон прикончил выпивку и встал.

— Вас хочет видеть мистер Брэдфорд, — сказал Будро. — Лейтенант Баннерс покажет вам его кабинет.

— Спасибо, сэр. — Фалькенберг вышел из большой комнаты. И когда закрывал за собой дверь, заметил, что Будро снова направился к шкафу со спиртным.

Вице-президент Эрнст Брэдфорд — человечек, с лица которого словно никогда не сходит легкая улыбка. Он старается всем понравиться, но не всегда успешно. Тем не менее, ему удалось собрать вокруг себя немало сторонников, и он считает себя удачливым политиком.

Когда Баннерс провел Фалькенберга в его кабинет, Брэдфорд улыбнулся шире обычного, но тут же предложил лейтенанту показать Кальвину караульные помещения дворца. Фалькенберг кивнул, и главный старшина вышел.

Кабинет вице-президента строго функционален. Столы и стулья изготовлены из местной древесины, небрежно отделаны, а цветовое пятно создает единственная роза в хрустальной вазе. Брэдфорд одет в той же манере — в бесформенную одежду, купленную в местном магазине.

— Слава Богу, вы здесь, — сказал Брэдфорд, когда дверь закрылась. — Но мне сказали, что вы привезли только десять человек. С десятью людьми мы ничего не сможем сделать! Вы должны были привезти не менее ста верных нам солдат! — Он возбужденно вскочил со стула, но тут же снова сел. — Вы можете что-нибудь сделать?

— Со мной на корабле было десять человек, — ответил Фалькенберг. — Когда покажете, где я буду тренировать отряд, я найду остальных наемников.

Брэдфорд подмигнул ему и широко улыбнулся.

— Значит, вы привезли больше! Мы вам покажем — все покажем! Мы еще победим! Что вы думаете о Будро?

— Он кажется искренним. Встревожен, конечно. Думаю, всякий бы на его месте тревожился.

Брэдфорд покачал головой.

— Он не может принять решение. Никакое. Раньше он таким не был, но с некоторых пор любые его решения — вынужденные. Почему Колониальная администрация выбрала его? Мне казалось, вы должны были организовать мое назначение на пост президента. Мы вам дали достаточно денег.

— Не все сразу, — ответил Фалькенберг. — Заместитель не смог доказать министру целесообразность вашего назначения. Мы ведь не всесильны. Профессору Уитлоку потребовались огромные усилия, чтобы добиться поддержки Будро, не говоря уже о вас. Мы все силы потратили на то, чтобы президентом не стал представитель партии Свободы.

Голова Брэдфорда прыгала вверх-вниз, как у игрушечного болва́нчика.

— Я знал, что могу вам доверять, — сказал он. Улыбка его была теплой, но, несмотря на все усилия, не казалась искренней. — Во всяком случае свою часть соглашения вы выполнили. А как только СВ уйдет...

— У нас будут развязаны руки.

Брэдфорд снова улыбнулся.

— Вы необычный человек, полковник Фалькенберг. По слухам, вы преданы СоВладению. Когда доктор Уитлок предложил ваши услуги, я был изумлен.

— У меня не было выбора, — напомнил Фалькенберг.

— Да. — Брэдфорд не стал напоминать, что и сейчас у Фалькенберга нет выбора, но явно подумал об этом. Улыбка его стала еще шире. — Ну, теперь вам предстоит встретиться с мистером Хамнером. Он второй вице-президент. А потом мы сможем отправиться в поместье Уорнера. Я организовал там размещение ваших солдат, и там же вы сможете их готовить. Никто вам не помешает. Можете говорить, что ваши люди — местные добровольцы.

Фалькенберг кивнул.

— У меня получится. В последнее время у меня хорошо получаются вымышленные истории.

— Разумеется. — Брэдфорд снова улыбнулся. — Клянусь Господом, мы еще победим. — Он нажал кнопку на столе. — Попросите мистера Хамнера зайти ко мне. — Подмигнул Фалькенбергу и сказал: — Мы не можем слишком долго находиться одни. Кому-нибудь покажется, что у нас заговор.

— А какова позиция Хамнера? — спросил Фалькенберга.

— Подождите, пока не увидите его. Будро ему доверяет, и он опасен. Он представляет в Прогрессивной партии сторонников технологии. Мы не можем без него обойтись, но его политика нелепа. Он хочет все пустить на самотек. Если бы он своего добился, никакого правительства не было бы. А его люди все ставят себе в заслугу — как будто технология единственное, что нужно для управления. Он совсем не разбирается в управлении. Ему кажется, что можно создать партию, действуя как инженер.

— Иными словами, он не понимает политической реальности, — сказал Фалькенберг. — Думаю, ему придется уйти.

Брэдфорд с улыбкой кивнул.

— Со временем. Но в данный момент нам нужно его влияние на техников. И, конечно, он ничего не знает о нашей с вами договоренности.

— Конечно. — Фалькенберг сел и принялся разглядывать карты. В это время по интеркому сообщили о приходе Хамнера. Фалькенбергу стало любопытно, насколько безопасен этот кабинет для проведения переговоров. Брэдфорд, скорее всего, из тех людей, что размещают жучки в чужих кабинетах, однако здесь он не единственный любитель подслушивать, и ни одно помещение не может считаться полностью безопасным.

«Но тут я ничего сделать не могу, — решил Фалькенберг. — И, вероятно, этот кабинет чист».

Джордж Хамнер оказался рослым мужчиной, выше Фалькенберга и плотнее даже главного старшины Кальвина. Свободные движения сильного человека и уверенность, обычно присущая таким людям. С Джорджем Хамнером опасно вступать в драку. Они обменялись рукопожатием, и Хамнер начал безжалостно сжимать руку, проверяя Фалькенберга. И, встре-

тив ответное давление, удивился. Двое мужчин молча стояли так какое-то время, прежде чем Хамнер расслабился и помахал Брэдфорду.

— Так это наш новый полковник полиции, — сказал Хамнер. — Надеюсь, вы понимаете, во что ввязались. Следовало бы сказать: надеюсь, не понимаете. Если вы знаете о наших проблемах и тем не менее соглашаетесь на эту работу, нам следовало бы усомниться в вашем здравом рассудке.

— Я все время слышу о том, какие серьезные проблемы у Хедли, — ответил Фалькенберг. — Если так будет продолжаться и дальше, может быть, я поверю, что положение безнадежное, но пока я этого не вижу. Итак, люди партии Свободы превосходят нас численно. А каково их вооружение и способно ли оно доставить неприятности?

Хамнер рассмеялся.

— Прямо к делу, верно? Это мне нравится. Ничего особенного в их вооружении нет, просто его много. Много небольших проблем создают одну большую, верно? СВ не разрешало здесь тяжелое вооружение. Ни танков. Ни бронемашин. Да здесь вообще так мало машин, что никакой разницы. Нет источников горючего, поэтому машины все равно бесполезны. У нас есть несколько городских монорельсовых дорог и то, что осталось от железной дороги... но вам ведь не нужна лекция о транспорте?

— Нет.

Хамнер рассмеялся.

— В данный момент это мое хобби. У нас недостаточно транспорта. Давайте посмотрим... — Рослый человек опустился в кресло, забросил ногу на ногу и провел пальцем по густым волосам, начинающимся почти от широких бровей. — Нет военных самолетов, вообще нет воздушного транспорта, если не считать нескольких вертолетов. Нет ни артиллерии, ни пулеметов, вообще нет тяжелого вооружения. В основном охотничьи ружья небольшого калибра и дробовики. Есть полицейское оружие. Военные автоматические ружья со штыками. Их немного, и почти все у нас. На улицах можно встретить все что угодно, полковник, и я имею в виду буквально все. Луки и стрелы, ножи, мечи, топоры, молоты — все, что вспомните.

— Ему не нужно знать такие нелепости, — сказал Брэдфорд. В голосе его звучало презрение, но он по-прежнему улыбался.

— Никакое оружие нельзя считать нелепым, — возразил Фалькенберг. — Если оно в руках человека, который умеет им пользоваться. А как защитная броня? Есть ли у вас запасы немурлона?

Хамнер на несколько секунд задумался.

— На улицах броня встречается, есть немного и у полиции. Президентская гвардия ею не пользуется. Могу снабдить вас немурлоном, но броню из него вам придется делать самим. Можете?

Фалькенберг кивнул.

— Да. У меня есть несколько отличных техников и необходимое оборудование. Джентльмены, ситуация такова, как я и ожидал. Не понимаю, почему все так встревожены. У нас батальон морских пехотинцев. Может, это и не лучшие пехотинцы, но они подготовленные солдаты. С тем оружием, каким располагает легкий батальон, с той подготовкой, которую получат добровольцы, присоединившиеся к батальону, я готов противостоять вашим сорока тысячам людей партии Свободы. Проблема партизан несколько более серьезна, но мы можем контролировать распределение продовольствия в городе. Если введем продовольственные карточки и удостоверения личности, это будет нетрудно.

Хамнер засмеялся. Это был горький смех.

— Не хотите ему сказать, Эрни?

Брэдфорд не понял.

— Что сказать?

Хамнер опять засмеялся.

— Вижу, вы не приготовили уроки. Ежеутренний отчет, поступивший несколько дней назад. По совету Бюро Переселения Колониальная администрация решила, что на Хедли вообще не нужно оружие. Морским пехотинцам повезет, если им оставят ружья и штыки. Все остальное увезут на кораблях СВ.

— Но это безумие, — возразил Брэдфорд. Он повернулся к Фалькенбергу. — Почему они это делают?

Фалькенберг пожал плечами.

— Возможно, какой-нибудь представитель партии Свободы получил доступ к чиновнику Колониальной администрации. Полагаю, ПС не чужда подкупа?

— Конечно, нет, — ответил Брэдфорд. — Вы должны что-то сделать.

— Если смогу. Подозреваю, что это будет нелегко. — Фалькенберг поджал губы, так что они превратились в тонкую линию. — На это я не рассчитывал. Я хочу сказать, что если мы ужесточим контроль через распределение продовольствия и введение удостоверений личности, то можем столкнуться с вооруженным восстанием. Насколько хорошо организованы партизаны ПС?

— Они хорошо организованы и хорошо финансируются, — сказал Хамнер. — И я не уверен, что продовольственные карточки — ответ на проблему партизанской войны. СВ закрывал глаза на саботаж, потому что ни в чем, кроме шахт, не был заинтересован, но мы не можем жить с таким уровнем террора в городе. Так или иначе, но мы должны восстановить порядок — и, кстати, правосудие.

— Правосудие обычно не проблема солдат, — сказал Фалькенберг. — Порядок — другое дело. Его я могу организовать.

— С несколькими сотнями человек? — недоверчиво спросил Хамнер. — Но мне нравится ваше отношение. По крайней мере вы не ноете и не просите помощи. И не сидите, не в силах принять решение.

— Посмотрим, что можно сделать, — сказал Фалькенберг.

— Да. — Хамнер встал и направился к выходу. — Что ж, я хотел встретиться с вами, полковник. Вот и встретился. У меня много работы. Наверно, у Эрни тоже, хотя не вижу, чтобы он ею занимался. — И, не глядя на них, вышел, оставив дверь открытой.

— Видите, — сказал Брэдфорд. Он осторожно закрыл дверь. Улыбнулся понимающе. — Он бесполезен. Как только вы все возьмете под контроль, мы найдем для управления техниками кого-нибудь другого.

— В чем-то он прав, — сказал Фалькенберг. — Например, он знает, что нелегко будет обеспечить полицейскую защиту.

По пути сюда я видел примеры того, что происходит в Рефьюдже, и если так плохо везде...

— Вы найдете способ, — ответил Брэдфорд. Он говорил уверенно. — Вы можете набрать большой отряд. А беззаконие на улицах — это преимущественно уличные подростковые банды. Они никому не подчиняются. Ни партии Свободы, ни нам, ни СВ — никому. Они просто хотят контролировать квартал, в котором живут.

— Конечно. Но вряд ли проблема в них.

— Нет. Но вы найдете способ. И забудьте о Хамнере. Вся его группа не имеет значения. В конце концов, они не настоящие прогрессисты. — Голос его звучал загадочно, а глаза сверкали. Брэдфорд наклонился вперед и заговорил тише. — Знаете, раньше Хамнер состоял в партии Свободы. Говорит, что порвал с ней из-за ее политики в области технологии, но такому человеку нельзя доверять.

— Понятно. К счастью, мне не нужно ему доверять.

Брэдфорд расплылся в улыбке.

— Совершенно верно. Ну-с, приступайте. У вас много работы, и не забудьте: вы дали согласие подготовить солдат из представителей нашей партии для меня лично.

VII

Поместье — обширное, протяженностью почти в пять километров — расположилось в холмах на расстоянии однодневного марша от города Рефьюдж. В центре дом и амбары из местного дерева, напоминающего дуб. Здания стоят в лесистой лощине посреди поместья.

— Вы уверены, что вам больше ничего не понадобится? — спросил лейтенант Баннерс.

— Да, спасибо, — ответил Фалькенберг. — Те немногие, кто сейчас у нас есть, все принесли с собой. Позже, когда придут другие, нам придется побеспокоиться о продовольствии и горючем, а пока ничего не нужно.

— Хорошо, сэр, — сказал Баннерс. — Я возвращаюсь с Маурером и оставляю вам свою машину. И у вас есть скот...

— Да. Спасибо, лейтенант.

Баннерс отдал честь и сел в машину. Он хотел сказать что-то еще, но Фалькенберг уже отвернулся, и Баннерс уехал.

Кальвин смотрел ему вслед.

— Забавный парень, — сказал он. — Хотел бы больше знать, чем мы занимаемся.

Губы Фалькенберга изогнулись в легкой улыбке.

— Я этого ждал. Проследите, чтобы он знал о нас не больше, чем мы хотим.

— Есть, сэр. Полковник, а что это мистер Брэдфорд говорил о солдатах партии? У нас будет много таких?

— Думаю, да. — Фалькенберг зашагал по широкой лужайке к большому центральному строению ранчо. Здесь на пороге его ждали капитан Фаст и несколько офицеров, а на столе стояла бутылка виски.

Фалькенберг налил себе и выпил.

— Думаю, стоит только начать, и здесь найдется немало последователей Прогрессивной партии, Кальвин. Мне это не нравится, но избежать этого невозможно.

— Сэр? — Капитан Фаст внимательно слушал.

Фалькенберг криво улыбнулся.

— Вы серьезно полагали, что правительство отдаст нам монополию на армию?

— Вы думаете, нам не доверяют?

— Амос, а вы бы доверяли нам?

— Нет, сэр, — ответил капитан Фаст. — Но всегда есть надежда...

— Мы не можем осуществить свою миссию, опираясь только на надежду. Главстаршина.

— Сэр.

— У меня для вас позже будет задание. А сейчас поручите кому-нибудь проводить меня в мою квартиру. А потом позаботьтесь об обеде.

— Сэр.

Фалькенберг проснулся от негромкого стука в дверь. Он открыл глаза и сунул руку под подушку, но других движений не делал.

Снова постучали.

— Да, — негромко отозвался Фалькенберг.

— Я вернулся, полковник, — ответил Кальвин.

— Хорошо. Входите. — Фалькенберг спустил ноги с кровати и натянул сапоги. Он спал не раздеваясь.

Главный старшина Кальвин вошел. Он был одет в светлую синтетическую кожаную рубашку и брюки от полевой формы СВ. Из сумки, висевшей на его плече, высовывалось черное обмундирование для ночных операций. На поясе пистолет, на груди нож в тяжелых ножнах.

Вместе с Кальвином вошел невысокий жилистый человек с тонкими каштановыми усиками.

— Рад вас видеть, — сказал Фалькенберг. — Были неприятности?

— Банда хулиганов привязалась к нам, когда мы шли через город, полковник, — ответил Кальвин. Он по-волчьи осклабился. — Но все продолжалось недолго, даже записать нечего.

— Кто-нибудь ранен?

— Не настолько, чтобы не убежать.

— Хорошо. Были проблемы в бараках переселенцев?

— Нет, сэр, — ответил Кальвин. — Они не охраняются. Всякого, кто хочет уйти от милостей Бюро Переселения, отпускают. Без продовольственных карточек, конечно. Это ведь не осужденные, а колонисты по принуждению.

Слушая Кальвина, Фалькенберг разглядывал пришедшего с ним человека. Майор Джереми Севедж выглядел усталым; казалось, он намного старше своих сорока пяти лет. И он похудел: Джон помнил его другим.

— Я слышал, вам нелегко пришлось, — сказал ему Фалькенберг.

— Не пикник, — ответил Севедж с акцентом, который приобрел, когда рос на Черчилле. — Но другого мы и не ждали. И вот мы здесь, Джон Кристиан.

— Да, и слава Богу. Вас никто не заметил? Люди вели себя правильно?

— Да, сэр. С нами обращались так же, как с остальными вынужденными колонистами. Люди вели себя великолепно, и неделя-другая тренировок вернет им форму. Главный старшина сказал мне, что батальон прибыл в полном составе.

— Да. Он все еще в казармах морской пехоты. Это наше слабое звено, Джереми. Я хочу, чтобы они побыстрей оказались здесь; тогда мы сможем контролировать их общение. И нужно сделать это как можно скорее.

— У вас лучшие люди. Думаю, все будет в порядке.

Фалькенберг кивнул.

— Но глядите в оба, Джереми, и будьте осторожны, пока СВ не уйдет. Я нанял доктора Уитлока, чтобы он выяснил для нас обстановку. Он еще не показывался, но я предполагаю, что он на Хедли.

Севедж ответил на взмах руки Фалькенберга и уселся на единственный в комнате стул. С кивком благодарности взял у Кальвина стакан с виски.

— Нанимаете экспертов? Говорят, он лучший... Как хорошо! На кораблях Бюро Переселения нет никакой выпивки.

— Когда Уитлок покажется, соберем совещание всех офицеров, — сказал Фалькенберг. — А до этого времени придерживайтесь плана. Брэдфорд должен прислать батальон завтра, а потом начнет набирать добровольцев из своей партии. Предполагается, что мы будем их обучать. Конечно, они будут преданы Брэдфорду. Не партии и определенно не нам.

Севедж кивнул и протянул Кальвину стакан за новой порцией.

— А теперь расскажите о хулиганах, с которыми вы столкнулись в городе, главный старшина, — сказал Фалькенберг.

— Уличная банда, полковник. Неплохо дерутся поодиночке, но никакой организации. Нас было почти сто человек, так что никаких проблем.

— Уличная банда. — Джон задумчиво потянул себя за нижнюю губу, потом улыбнулся. — А сколько наших людей были уличными хулиганами, как эти, главный старшина?

— Половина, сэр. Включая меня.

Фалькенберг кивнул.

— Думаю, не худо бы нашим морским пехотинцам встретиться с этими парнями. Неформально, конечно.

— Сэр! — Лицо Кальвина засветилось радостным предчувствием.

— Теперь вот что, — продолжал Фалькенберг. — Нашей серьезной проблемой будут новобранцы. Ручаюсь, кое-кто из них попробует подружиться с нашими солдатами. Станут расспрашивать о прошлом и о частях, в которых служили. Ребята будут пить, а где пьют, там болтают. Как вы справитесь с этим, солдат?

Кальвин задумался.

— Первое время проблем не будет. Мы будем держать новобранцев отдельно от наших людей, за исключением инструкторов, а инструкторы с новобранцами не болтают. Когда пройдут начальные тренировки, будет сложнее. Но, дьявольщина, полковник, солдаты любят прихвастнуть о своих военных подвигах. Мы просто подскажем им, чтобы все приукрашивали. И они такого понарасскажут, что им никто не поверит.

— Хорошо. Мне не нужно вас предупреждать, что мы идем по очень тонкому льду.

— Мы справимся, полковник, — уверенно ответил Кальвин. Он давно с Фалькенбергом, и, хотя каждому свойственно ошибаться, главный старшина уверен, что полковник найдет выход из любой дыры, в какую бы они ни свалились.

Ну, а если не получится, что ж... на двери канцелярии каждого подразделения СВ висит надпись следующего содержания: «Ты стал морским пехотинцем, чтобы умереть, и Флот пошлет тебя туда, где ты сможешь умереть». Кальвин прошел мимо этой надписи, когда записывался на службу, и с тех пор видел ее тысячи раз.

— Тогда все, Джереми, — сказал Фалькенберг.

— Да, сэр. — Севедж вскочил и отдал честь. — Чертовски приятно снова это делать, сэр. — Он помолодел на много лет.

— Рад вашему возвращению, — ответил Фалькенберг, козыряя в ответ. — И спасибо, Джерри. За все...

Батальон морской пехоты прибыл на следующий день. Его сопровождали офицеры СВ, передавшие батальон Фалькенбергу. Капитан, который привел батальон, хотел остаться и понаблюдать, но Фалькенберг нашел для него поручения и отправил с ним за компанию майора Севеджа. Час спустя в лагере не осталось никого, кроме людей Фалькенберга.

Два часа спустя солдаты уже работали, устраивая свой лагерь.

Фалькенберг наблюдал за ними с порога своего дома на ранчо.

— Какие-нибудь проблемы, главный старшина? — спросил он.

Кальвин пощупал щетину на квадратной челюсти. На службе в гарнизоне он брился дважды в день и сейчас как раз раздумывал, не пора ли бриться второй раз.

— Ничего такого, что нельзя решить с помощью залпа из всех орудий, полковник. С вашего разрешения я выделил несколько баррелей виски и позволю выпить до прихода новобранцев.

— Разрешаю.

— До завтрашнего полудня солдаты не будут готовы, но мы держимся в графике. Лишняя работа им не повредит.

— Многие ли сбегут?

Кальвин пожал плечами.

— Может, ни один, полковник. Мы постоянно держим их при деле, а этих мест они совсем не знают. Новобранцы, конечно, другое дело, и когда они появятся, возможны побеги.

— Да. Что ж, посмотрите, что можно сделать. Нам нужен будет каждый человек. Вы слышали, как оценивает ситуацию президент Будро.

— Да, сэр. И это делает солдат счастливыми. Похоже, нам предстоит хорошая драка.

— Думаю, можете смело обещать людям тяжелые бои, главный старшина. Они должны понять, что, если мы не победим, им вообще некуда будет деваться. Никаких ошибок на этот раз.

— Никаких ошибок не было и в половине прошлых дел, полковник. Сейчас мне лучше повидаться с капитаном Фастом насчет бренди. Присоединитесь к нам вечером, сэр? Людям это понравится.

— Приду, главный старшина.

Кальвин ошибся в своих расчетах. Солдаты не были готовы и к вечеру следующего дня. А новобранцы появились день спустя.

Лагерь превратился в арену напряженной деятельности. Морские пехотинцы заново проходили базовую подготовку, возвращая себе боевую форму. Каждая манипула из пяти человек готовила на себя, стирала, ставила палатки из синтетики и веревок и поставляла людей на постройку лагерных укреплений и ограждений.

Новобранцы делали то же самое под присмотром офицеров-наемников и унтер-офицеров Фалькенберга. Большинство из тех, кто прилетел с Севеджем на корабле Бюро Переселения, были офицерами, центурионами, сержантами и техниками, а в батальоне морской пехоты оказалось непропорционально большое количество мониторов и капралов. В этих двух группах собралось достаточно лидеров для создания целого полка.

Новобранцы учились спать под походными плащами и жить в полевых условиях, не в мундире, а в боевом костюме из синтекожи и в сапогах. Они сами готовили себе пищу, сооружали укрытия и не зависели ни от чего за пределами части. Через две недели их начали учить самостоятельно собирать из немурлона защитную броню. Закончив делать броню, они жили в ней, а всякий, кто отлынивал от своих обязанностей, обнаруживал, что его броня утяжелена свинцом. После наступления темноты марширующие в наказание манипулы, взводы и целые отряды новобранцев и ветеранов стали привычной картиной.

У добровольцев не было времени подружиться с ветеранами морской пехоты. Севедж, Кальвин и остальные безжалостно муштровали их, учили ходить строем, жить в полевой обстановке, проводили боевую подготовку и ремонтные работы. С каждым днем формирования новобранцев таяли: многие покидали службу. Но возник постоянный приток новых.

Все это были молодые люди, они приходили группами непосредственно в лагерь. Прежде чем попасть в канцелярию части, они выстраивались на плацу, и нередко их сопровождали ветераны морской пехоты. Из новичков составляли особые подразделения или распределяли среди добровольцев-партийцев. Те гораздо реже бросали службу и охотно учились боевому мастерству.

Спустя шесть недель лагерь посетил вице-президент Брэдфорд. Приехав, он увидел, что весь отряд выстроен на плацу: новобранцы с одной стороны, ветераны — с другой.

Главный старшина Кальвин обращался к строю:

— Сегодня на Земле 30 апреля. — Голос его гремел, не нуждаясь в усилителе. — Это День Камерона. 30 апреля 1863 года капитан Жан Данжу из Иностранного легиона с двумя офицерами и шестьюдесятью двумя легионерами противостоял двум тысячам мексиканцев в бою под Камероном.

Бой продолжался весь день. У легионеров не было ни еды, ни воды и очень мало боеприпасов. Капитан Данжу был убит. Его место занял лейтенант Вийан. Он тоже был убит.

К пяти часам вечера в живых оставались только лейтенант Клеман Маде и четыре солдата. У них было по одной обойме на каждого. Истратив патроны, они пошли в штыковую атаку.

Никто из них не выжил.

Солдаты молчали. Кальвин посмотрел на новобранцев. Те стояли навытяжку под горячим солнцем. Наконец Кальвин снова заговорил:

— Не хочу, чтобы кому-нибудь из вас выпало такое. Но, может быть, кто-нибудь из вас понял, что такое Камерон.

Сегодня вечером каждый получит дополнительную порцию вина. Ветераны получат также по пол-литра бренди. Внимание. Слушать приказ.

Фалькенберг отвел Брэдфорда в свой дом на ранчо, теперь превращенный в офицерскую столовую, и они сели в углу. Официант принес напитки.

— И к чему все это было? — спросил Брэдфорд. — Это не Иностранный легион! Вы должны подготовить полицию для планеты.

— Полицию, которой предстоит много воевать, — напомнил Фалькенберг. — Конечно, у этой части нет преемственности с Иностранным легионом, но не забывайте, что основные кадры — это морские пехотинцы СВ. Вернее, бывшие морские пехотинцы. Если мы не отметим День Камерона, получим мятеж.

— Надеюсь, вы знаете, что делаете, — фыркнул Брэдфорд. Он почти утратил свою постоянную полуулыбку. —

Полковник, мне жалуются люди, которых мы назначили офицерами. Люди моей Прогрессивной партии совершенно отделены от других войск, и им это не нравится. И мне тоже.

Фалькенберг пожал плечами.

— Вы назначили их еще до подготовки, мистер Брэдфорд. Это делает их офицерами по званию, но они еще ничего не знают. И будут выглядеть нелепо, если смешаются с ветеранами или даже с новобранцами, не изучив основы военной жизни.

— К тому же вы от многих из них избавились...

— По той же причине, сэр. Вы даете нам трудное поручение. Нас намного превосходят по численности, и у нас нет никакой надежды на поддержку извне. Через несколько недель нам предстоит противостоять сорока тысячам человек из партии Свободы, и я не отвечаю за последствия, если войска возглавят некомпетентные офицеры.

— Хорошо. Я этого ожидал. Но дело не только в офицерах, полковник. Новобранцы из числа прогрессистов тоже изгоняются. Ваша подготовка слишком тяжела. Это верные люди, а верность важнее!

Фалькенберг слегка улыбнулся.

— Согласен. Но я предпочел бы батальон солдат, которым могу доверять, целому полку таких, которые дрогнут под огнем. Получив минимум первоклассных солдат, я подумаю о привлечении остальных к гарнизонной службе. А пока мне нужны только люди, умеющие сражаться.

— А у вас их нет? Эти морские пехотинцы кажутся очень дисциплинированными.

— В строю — несомненно. Но неужели вы думаете, что СВ будет распускать надежные части?

— Пожалуй, нет, — признал Брэдфорд. — Ну, хорошо. Вы специалист. Но откуда вы набираете остальных новобранцев? Тюремные завсегдатаи, мальчишки с толстыми полицейскими досье. И держите их у себя, в то же время позволяя моим прогрессистам разбегаться.

— Да, сэр. — Фалькенберг сделал знак, чтобы принесли еще выпить. — Господин вице-президент...

— С каких пор мы стали такими формальными? — спросил Брэдфорд. Его улыбка вернулась.

— Простите. Мне показалось, вы собираетесь меня уволить.

— Нет, конечно, нет. Но вы понимаете, мне приходится отчитываться перед президентом Будро. И перед Хамнером. Я добился того, чтобы ваш отряд находился в моем ведении, но это совсем не значит, что кабинет о нем забыл.

— Ну, хорошо, — сказал Фалькенберг. — Теперь о новобранцах. Мы берем тех, кого можем. Требуется время, чтобы превратить зеленого новичка в опытного солдата. И если уличные бойцы переносят муштру легче, чем члены вашей партии, я ничем не могу помочь. Можете сообщить кабинету, что когда у нас появятся надежные, достойные доверия кадры, мы будем мягче с новобранцами. Можем даже создать что-нибудь вроде временной милиции. Но пока нам нужны люди, способные выиграть предстоящую битву, и я не знаю лучшего способа достичь этого.

После этой встречи Фалькенберга стали еженедельно вызывать во дворец для отчета. Обычно он встречался только с Брэдфордом или Хамнером; президент Будро ясно дал понять, что считает военное решение неизбежным злом и только настойчивость Брэдфорда заставила его согласиться на создание отряда.

На одном совещании Фалькенберг познакомился с Хорганом, начальником полиции Рефьюджа.

— Начальник полиции жалуется, полковник, — сказал президент Будро.

— На что, сэр? — спросил Фалькенберг.

— На этих проклятых морских пехотинцев, — ответил Хорган. Он потер подбородок. — Они по ночам устраивают в городе ад. Мы их не задерживаем, мистер Брэдфорд не разрешает, но положение становится тяжелым.

— А что они делают? — спросил Фалькенберг.

— Все, что угодно. Занимают на всю ночь таверны и никого в них не впускают. И каждую ночь дерутся с уличными бандами.

С этим мы могли бы смириться, но они заходят и в другие районы города. Во все. И в рестораны. Пьют, а потом говорят, что им нечем заплатить. А если владелец не отстает, разносят его заведение...

— И уходят, раньше чем подоспеют ваши патрули, — закончил за него Фалькенберг. — Это старая традиция. Она называется «система Д», и на подготовку такой операции уходит больше сил и планирования, чем я могу от них добиться перед боем. Но попытаюсь их остановить.

— Это не помешало бы. Еще одно. Ваши парни заходят в самые опасные районы города и начинают драки со всеми, с кем могут поссориться.

— И как у них это получается? — с интересом спросил Фалькенберг.

Хорган улыбнулся, но, поймав на себе строгий взгляд Будро, снова стал серьезным.

— Очень хорошо. Насколько мне известно, никому еще не удавалось их побить. Но горожане очень недовольны, полковник. И еще одним они сводят людей с ума. По пятьдесят человек маршируют ночами по улицам и играют на волынках! Волынки ночью, полковник, страшное дело.

Фалькенбергу показалось, что начальник полиции с трудом сдерживает улыбку.

— Я как раз собирался вас спросить, полковник, — сказал второй вице-президент Хамнер. — Ведь у вас не шотландская часть. Откуда в ней волынки?

Фалькенберг пожал плечами.

— Волынки обычны во многих полках морской пехоты. Поскольку русские части СВ начали перенимать традиции казаков, полки западного блока завели свои. Ведь морская пехота формировалась на основе многих старых частей. Иностранный легион, горные стрелки... и многим нравятся волынки. Признаюсь, мне они тоже нравятся.

— Конечно, но не в моем городе посреди ночи, — сказал Хорган.

Джон открыто улыбнулся шефу полиции.

— Я постараюсь убрать волынщиков на ночь с улиц. Могу представить, что они не улучшают настроение горожан. А что касается удержания морских пехотинцев в расположении части, то как мне это сделать? Нам нужны они все, и они добровольцы. Они имею право выходить из лагеря в личное время, и тут уж ничего не попишешь.

— Осталось меньше месяца до спуска флага СоВладения, — довольно сказал Брэдфорд. И посмотрел на висящий снаружи флаг СВ. На красном щите орел с серпом и молотом на груди; вокруг красные и белые звезды. Брэдфорд удовлетворенно кивнул. *Уже скоро.*

Этот флаг мало что означает для жителей Хедли. На Земле он способен вызвать мятежи в националистических городах и США, и Советского Союза, но в остальных странах он символ союза, который препятствует любому государству расстаться со своим статусом страны второго сорта. Для Земли Союз СоВладения символизирует мир по дорогой цене, слишком дорогой для многих.

Для Фалькенберга он означает почти тридцать лет службы, закончившейся трибуналом.

Еще две недели. Губернатор СоВладения улетит, а Хедли официально обретет независимость. Вице-президент Брэдфорд посетил лагерь, чтобы обратиться к новобранцам.

Он говорил им о верности правительству и о наградах, которые они получат, как только Прогрессивная партия возьмет власть. Лучшая оплата, больше свобод, большие возможности продвижения в увеличивающейся армии; премии и необременительная служба. Его речь была полна обещаний, и Брэдфорд очень гордился ею.

Когда он закончил, Фалькенберг отвел вице-президента в отдельное помещение офицерской столовой и захлопнул дверь.

— Черт возьми, не смейте ничего обещать моим солдатам без моего разрешения. — Лицо Фалькенберга исказилось от гнева.

— Со своей армией я поступаю, как хочу, полковник, — самоуверенно ответил Брэдфорд. Теперь в его улыбке не осталось ни следа тепла. — И не кричите на меня, *полковник* Фалькенберг. Без моего влияния Будро давно бы вас вышвырнул.

Потом его настроение изменилось, и он достал из кармана фляжку с бренди.

— Послушайте, полковник, давайте выпьем. — Улыбка стала чуть более искренней. — Нам придется работать вме-

сте, Джон. Работы невпроворот, и даже если мы будем действовать заодно, все не успеем. Простите, в будущем стану спрашивать вашего совета, но разве вам не кажется, что солдаты должны меня знать? Я ведь скоро стану президентом. — И он посмотрел на Фалькенберга, ожидая подтверждения.

— Да, сэр. — Фалькенберг взял фляжку и поднял ее, собираясь произнести тост. — За нового президента Хедли. Мне не следовало на вас кричать, но больше ничего не обещайте солдатам без моего согласия. Если вы даете людям повод думать, что они лучше, чем на самом деле, у вас никогда не будет армии, за которую стоит платить.

— Но ведь они хорошо готовились. Вы сами сказали.

— Конечно, но им этого говорить не следует. Заставляйте их работать с полной отдачей и дайте им понять, что это всего лишь удовлетворительно. И тогда однажды они выдадут такой результат, что сами изумятся. Вот в этот день можете раздавать обещания и награды. Но тогда они уже не понадобятся.

Брэдфорд неохотно кивнул.

— Если вы так считаете. Но я полагал бы...

— Слушайте, — перебил Фалькенберг.

Снаружи проходила группа новобранцев во главе с инструктором. Они пели, и в открытое окно хорошо были слышны слова:

Когда потратишь последнюю монету
На шлюх и выпивку
И окажешься без гроша, швыряй свой ранец
И говори сержанту, какой ты крутой
И что покажешь ему, каков ты.
Он будет кричать, он будет орать,
Он проклянет свою неудачу,
Он пожалеет, что родился на свет.
Если тебе повезет, он возьмется за тебя
И постарается сломать,
А потом накормит тебя солониной с ножа.

— Бегом марш! — Песня оборвалась: солдаты побежали по плацу.

Брэдфорд отвернулся от окна.

— Такой подход годится для тюремных пташек, полковник, но я настаиваю на том, чтобы с моими сторонниками обращались хорошо. В будущем вы не уволите ни одного прогрессиста без моего согласия. Понятно?

Фалькенберг кивнул. Он уже какое-то время чувствовал, что от него потребуют и такое.

— В таком случае, сэр, может быть, лучше сформировать отдельный батальон. Я переведу ваших людей в четвертый батальон и поставлю офицерами тех, кого вы назначите. Это вас устроит?

— Если вы будете руководить обучением, да.

— Конечно, — сказал Фалькенберг.

— Хорошо. — Улыбка Брэдфорда стала шире, но предназначалась она не Фалькенбергу. — Я также надеюсь воспользоваться вашим советом при назначении офицеров в этот батальон. Вы, конечно, согласны?

— Да, сэр. Возможны проблемы при подыскании местных на все должности старших унтер-офицеров. У вас есть потенциальные мониторы и капралы, но они недостаточно опытны, чтобы стать сержантами и центурионами.

— Я уверен, вы найдете выход, — сдержанно сказал Брэдфорд. — У меня есть некоторые... гм... специальные задания для четвертого батальона, полковник. Я предпочел бы, чтобы он был полностью сформирован из назначенных мной людей нашей партии. Ваши люди должны проводить тренировки, но не могут быть в нем командирами. Согласны?

— Да, сэр.

Покидая лагерь, Брэдфорд довольно улыбался.

День за днем солдаты потели под ярким голубоватым солнцем. Подавление мятежей, штыковая атака, использование брони при обороне и нападение на людей в броне — и еще более сложные упражнения. Форсированные броски под безжалостным командованием майора Севеджа, под крики сержантов и центурионов, под язвительные насмешки капитана Эймоса Фаста с его офицерским стеком...

Однако количество беглецов из числа новобранцев заметно упало, а из ночных экспедиций морские пехотинцы приводили все новых желающих. Удавалось даже отбирать офицеров, хотя и редко. Морские пехотинцы, подобно Иностранному легиону, брали всех, кто хочет сражаться; а все офицеры Фалькенберга прошли подготовку в морской пехоте.

Каждый вечер группы морских пехотинцев проходили мимо часовых и отправлялись на соседние ранчо пьянствовать с наемными работниками. Они играли и скандалили в местных тавернах и не обращали внимания на своих офицеров. Жалобы сыпались градом, и Брэдфорд протестовал все энергичнее.

Фалькенберг неизменно отвечал одно:

— Они всегда возвращаются, а сидеть здесь они не обязаны. Как, по-вашему, мне их образумить? Пороть?

В готовящейся полицейской армии к новобранцам подходили строже, чем к ветеранам. А четвертый батальон с каждым днем разрастался.

VIII

Джордж Хамнер старался ежевечерне вырываться домой, сколько бы ночной работы это потом ни означало. Он считал, что хотя бы это для семьи он должен делать.

Его обнесенное стеной поместье располагалось сразу за границей района дворца. Построил его дед Хамнера на деньги, занятые у «Американ экспресс». Старик гордился тем, что вовремя выплатил все до последнего цента. В большом удобном доме хитроумно сочетались местные материалы и привозная роскошь, и Джордж всегда радовался возвращению сюда.

Дома он чувствовал себя хозяином: хоть что-то в его власти. Единственное место в Рефьюдже, где он испытывал такое чувство.

Меньше чем через неделю уйдет губернатор СоВладения. Независимость близка, и полагалось бы прийти времени надежд, но Джордж Хамнер испытывал только страх. Проблемы общественного порядка официально не относятся к его ведомству. Он министр технологии, но невозможно игнорировать

упадок закона и порядка. И так уже половина Рефьюджа не контролируется правительством.

Есть большие районы, куда полиция заходит только взводом, если вообще заходит, а команды ремонтников приходится защищать, иначе им не пройти. Сейчас людей Джорджа защищают морские пехотинцы СоВладения, но что будет, когда они уйдут?

Джордж сидел в кабинете со стенами, забранными панелями, и смотрел, как снаружи удлиняются тени, тени танцуют на деревьях и аккуратно подстриженных газонах. Наружная стена не дает увидеть отводной канал внизу, и Хамнер проклинал ее:

«Почему у нас должны быть стены? Стены и десятки вооруженных людей, которые их патрулируют? Я помню время — мне было тогда не больше шести, — когда мы сидели с отцом в этой комнате и могли смотреть на проплывающие по каналу лодки. А позже мы так мечтали о замечательном будущем Хедли. Дедушка рассказывал, почему покинул Землю и что мы можем получить здесь. Свободу и изобилие. У нас был рай, но Боже, что мы с ним сотворили?»

Он поработал с час, но мало что сделал. Решений нет, только цепи взаимосвязанных проблем. Реши одну, и все встанет на свои места, но ни одно решение не совместимо с остальными проблемами.

«И все же, — подумал он, — будь у нас несколько лет... Всего несколько, но и их у нас нет.

Через несколько лет фермы были бы способны прокормить городское население, и мы могли бы переместить людей в сельскохозяйственный сектор и дать им работу. Но они не хотят покидать Рефьюдж, а мы не можем заставить их это сделать.

Но если бы смогли, если бы удалось сократить городское население, энергия, которая идет на производство продуктов, могла бы использоваться для развития транспортной сети. Тогда мы могли бы поселяться дальше в глубине континента и поставлять больше продовольствия городу. Могли бы производить вещи, которые делали бы сельскую жизнь приятной и вызывали у людей желание покинуть Рефьюдж. Но у нас нет возможности сделать первый шаг. Люди не хотят переселяться, а партия Свободы обещает, что им не придется это делать».

Джордж покачал головой. «Может ли армия Фалькенберга заставить их переселиться? Если у него будет достаточно солдат, сможет ли он насильственно эвакуировать часть населения? — Хамнер содрогнулся при этой мысли. — Вспыхнет сопротивление, начнутся убийства, гражданская война. Независимость Хедли нельзя строить на крови. Нет.

Другие проблемы аналогичны. Правительство перевязывает раны Хедли, но не больше. Лечит симптомы. Потому что не обладает властью, чтобы лечить причины болезни».

Он взял отчет о работе атомных генераторов. Им нужны запасные части, и он подумал: «Сколько еще продержится такое положение? Несколько лет, вряд ли больше, даже если все пойдет гладко. Несколько лет, а потом голод, потому что невозможно так быстро построить транспортную сеть. А когда выйдут из строя генераторы, в городе исчезнет продовольствие, выйдут из строя системы жизнеобеспечения... начнутся мор и голод. Лучше ли эти всадники, чем покорение и война?»

Он вспомнил о своей встрече с руководителями партии Свободы. Они не думают о генераторах, потому что уверены: Земля не допустит голода на Хедли. Им кажется, что Хедли может сыграть на своей беспомощности, чтобы получить помощь от СоВладения.

Джордж негромко выругался: «Они ошибаются. Земле все равно, Хедли слишком далеко, чтобы заинтересовать кого-нибудь. Но даже если они правы, то предают независимость Хедли, а за что? Разве для них истинная независимость ничего не значит?»

С оравой крикливых детей вошла Лора.

— Уже пора в постель? — спросил он.

Четырехлетний сын отобрал у Джорджа карманный калькулятор и сел отцу на колени, нажимая кнопки и глядя на мелькающие цифры и огоньки.

Джордж поцеловал их всех и отправил спать, гадая, какое их ждет будущее.

«Мне следовало бы уйти из политики, — сказал он себе. — Ничего хорошего это не принесет, Лора и дети погибнут вместе со мной. Но что произойдет, если мы уйдем? Какое тогда у них будущее?»

— Ты выглядишь встревоженным. — Уложив детей, вернулась Лора. — Всего несколько дней...

— Да.

— А действительно, что тогда произойдет? — спросила она. — Если забыть об обещаниях, которые мы слышим. Что произойдет, когда уйдет СВ? Будет плохо, верно?

Он притянул ее к себе, ощущая ее тепло, и попытался найти утешение в этой близости. Лора на мгновение прижалась к нему, потом отстранилась.

— Джордж, разве нельзя взять все, что можно, и уйти на восток? У нас будет немного, но мы останемся живы.

— Ну, так плохо не будет, — ответил он. Попытался засмеяться, словно она пошутила, но не получилось. Лора не поддержала его.

— Это можно будет сделать позже, — сказал он. — Если тут не получится. Но вначале все должно идти хорошо. У нас есть своя полиция. Она поддержит правительство, но вас всех я на несколько дней переселю во дворец.

— Армия, — презрительно сказала она. — Та еще армия, Джордж. Добровольцы Брэдфорда, которые убьют тебя, — и не думай, что Брэдфорду это не понравится. И эти морские пехотинцы! Ты сам говорил, что это отбросы космоса.

— Да, говорил. Но теперь сомневаюсь. Здесь происходит что-то странное, Лора. Что-то такое, чего я не понимаю.

Она села на диван возле его стола, подобрав под себя ноги. Ему всегда нравилась эта поза. Лора с интересом посмотрела на него. Так она никогда ни на кого другого не смотрела.

— Сегодня я встретился с майором Карантовым, — сказал Джордж. — Подумал, что старый друг что-нибудь расскажет мне об этом Фалькенберге. Бориса на месте не было, но один из его лейтенантов, парень по имени Клейст...

— Я с ним знакома, — сказала Лора. — Славный мальчик. Правда, слишком молод.

— Да. Мы говорили о том, что принесет с собой независимость. О драках на улицах, о бунтах толпы, ну, знаешь, и я сказал, что хотел бы иметь надежных морских пехотинцев. А не ту демобилизованную часть, которая остается с нами. Он

как-то странно посмотрел на меня и спросил, кого же я хочу — самого командующего адмирала?

— Да, это странно.

— Да, а когда пришел Борис и я спросил у него: что парень имел в виду? Борис ответил, что тот еще новичок и сам не знает, что плетет.

— И ты поверил? — спросила Лора. — Борис не стал бы тебе лгать. Перестань! — торопливо добавила она. — У тебя встреча.

— Подождет.

— На планете всего несколько десятков машин, и одна придет за тобой. Нельзя заставлять ее ждать, занимаясь любовью с женой, Джордж Хамнер! — Глаза ее сверкнули, но не гневно. — К тому же я хочу знать, что сказал тебе Борис. — Она отпрянула от него, и он вернулся к столу.

— Дело не только в этом, — сказал Джордж. — В последнее время я об этом думаю. Мне эти солдаты не кажутся плохими. В личное время они пьют, и работникам на фермах приходится прятать от них жен и дочерей, но знаешь: каждое утро парни выходят на плац. И Фалькенберг не кажется мне человеком, который стал бы командовать недисциплинированными людьми.

— Но...

Он кивнул.

— Но это не имеет смысла. И еще эти офицеры. Их у него слишком много, и они все не с Хедли. Вот почему я собираюсь туда вечером без Брэдфорда.

— Ты спрашивал об этом Эрни?

— Конечно. Он говорит, что некоторые его партийцы проходят подготовку в качестве офицеров. Я туговато соображаю, Лора, но я не глуп. Я, возможно, не все замечаю, но будь хоть пятьдесят прогрессистов с военной подготовкой, я бы заметил. Брэдфорд лжет, но почему?

Лора задумалась и потянула себя за нижнюю губу — жест, который Хамнер сейчас едва заметил, хотя часто прохаживался на этот счет до того, как они с Лорой поженились.

— Он лжет, чтобы не терять навыка, — сказала она. — Но его жена говорила о независимости и проболталась, что, когда Эрни станет президентом, она многое изменит.

— Что ж, Эрни и должен идти вслед за Будро.

— Нет, — ответила Лора. — Она вела себя так, словно это будет скоро. Очень скоро.

Джордж Хамнер покачал массивной головой.

— У него духа не хватит для государственного переворота, — уверенно сказал он. — Техники бросят его в два счета. Они терпеть его не могут, и ему это известно.

— Эрнст Брэдфорд никогда не признавал никаких ограничений, — сказала Лора. — Он искренне верит, что может понравиться кому угодно, стоит только постараться. И сколько раз он ни пнул бы человека, он полагает, что улыбнется, извинится и все будет забыто. Но что сказал тебе Борис о Фалькенберге?

— Сказал, что лучшего мы бы не могли найти. Один из лучших старших офицеров морской пехоты, начинал как флотский офицер и перешел в морскую пехоту, потому что во Флоте недостаточно быстро получал повышения.

— Честолюбивый человек. Насколько он честолюбив?

— Не знаю.

— Он женат?

— Кажется, был один раз, но недолго. Я просмотрел отчет о трибунале. Для повышения не было вакансий. И когда Фалькенберга представили к повышению, а адмирал не смог его повысить, Фалькенберг поднял такой шум, что был уволен за несоблюдение субординации.

— Но тогда, разве ему можно верить? — спросила Лора. — Ведь его люди — единственное, что, возможно, сохранит тебе жизнь...

— Знаю. И тебе, и Джимми, и Кристи, и Питеру... Я спросил Бориса, и он ответил, что лучшего человека найти невозможно. Нельзя нанимать офицеров СВ, которые состоят на действительной службе. Борис очень его рекомендовал. Говорит, в войсках его любят, он великолепный тактик, имеет большой опыт и в руководстве войсками, и в штабной работе...

— Похоже, удачная находка.

— Да. Но, Лора, если он так ценен, почему его выставили? Боже, причина кажется такой тривиальной...

Прозвенел интерком, и Хамнер с отсутствующим видом ответил. Дворецкий сообщал, что машина и шофер ждут у входа.

— Я приеду поздно, милая. Не жди меня. Но можешь подумать о нашем разговоре... Готов поклясться, что Фалькенберг — ключ к чему-то, и хотел бы знать, к чему.

— Он тебе нравится? — спросила Лора.

— Он не из тех, кто пытается понравиться.

— Я спросила, нравится ли он тебе?

— Да. Непонятно почему. Он мне нравится, но могу ли я ему доверять?

Выходя, он продолжал размышлять. «Можно ли верить Фалькенбергу? Доверить ему жизнь Лоры... и детей... и вообще всей планеты, которая, похоже, летит в тартарары».

Войска стояли лагерем на квадратной площадке. По периметру были воздвигнуты земляные укрепления, а палатки размещались такими ровными рядами, словно линии для этого прочерчивали специально.

Оборудование начищено и надраено, одеяла аккуратно скатаны, каждый предмет в каждой двухместной палатке на одном и том же месте... но люди толпились вокруг, кричали, открыто играли в азартные игры при свете лагерных костров. И даже от внешних ворот в глаза бросалось множество бутылок.

— Стой! Кто здесь?

Хамнер вздрогнул. Машина остановилась перед воротами, но часовых он не видел. Это было его первое вечернее посещение лагеря, и он нервничал.

— Вице-президент Хамнер.

С противоположной стороны машины его лицо осветил луч яркого фонаря. Значит, часовых двое, и оба невидимы.

— Добрый вечер, сэр, — сказал первый. — Я сообщу, что вы здесь.

Он поднес к губам маленький коммуникатор.

— Капрал охраны. Пост номер пять. — А потом прокричал то же самое, и его крик отчетливо разнесся в воздухе. У костров несколько голов повернулись в его сторону, но потом солдаты вернулись к своим прежним делам.

Хамнера провели к офицерскому ряду. Здесь палатки стояли на некотором удалении от тесных рядов солдатских палаток.

У костров запели, и Хамнер остановился, прислушиваясь.

Голова моя как проволочная спираль,
и мне кажется, я готов умереть,
И я напился до чертиков и подбил глаз капралу,
Под головой у меня чей-то плащ,
и мне открыт прекрасный вид на плац,
Меня ждет виселица и никакой системы Д,
Потому что я напился и сопротивлялся часовым!
Ужасно напился и сопротивлялся часовым!
Меня ждет виселица и никакой системы Д,
Потому что я напился и сопротивлялся часовым!

Со стороны своей палатки показался Фалькенберг.

— Добрый вечер, сэр. Что привело вас сюда?

Хотел бы я знать, подумал Хамнер.

— Мне нужно кое-что обсудить с вами, полковник. Относительно организации полиции.

— Конечно. — Фалькенберг говорил четко и, казалось, слегка нервничал. Хамнер подумал, не пьян ли он. — Идемте в офицерскую столовую, — предложил Фалькенберг. — Там удобней. К тому же в моей палатке не прибрано к приходу гостя.

«Или у тебя там что-то такое, чего я не должен видеть, — подумал Джордж. — Что-то или кто-то. Местная девушка? Но какая разница? Хотел бы я верить этому человеку!»

Фалькенберг провел его к дому ранчеро в центре лагеря. Солдаты по-прежнему кричали и пели, некоторые гонялись друг за другом по плацу. Большинство было в сине-желтых гарнизонных мундирах, разработанных лично Фалькенбергом, но некоторые маршировали по плацу в синтекожаном боевом обмундировании. У этих были ружья и тяжелые ранцы.

— Это наказанные, — объяснил Фалькенберг. — Сейчас их не так много, как раньше.

Из офицерской столовой тоже доносились звуки: барабаны, волынки, разудалая военная песня вперемешку со смехом. Внутри за длинным столом сидели два десятка людей, и официанты в белом проворно разносили стаканы и бутылки с виски.

Волынщики в килтах маршировали вокруг стола. Барабанщики стояли в углу. Когда Фалькенберг вошел, оглушительный шум прекратился и все вскочили. Некоторые не очень уверенно.

— Продолжайте, — сказал Фалькенберг, но никто не послушался. Все обеспокоенно смотрели на Хамнера, и по взмаху руки тамады, сидевшего во главе стола, волынщики и барабанщики вышли. За ними последовали несколько официантов с бутылками. Остальные сели, негромко переговариваясь. После шума в комнате стало необычно тихо.

— Сядем здесь, — сказал полковник. Он провел Хамнера к маленькому столику в углу.

Помещение показалось Хамнеру странно пустым. Несколько знамен, немного картин; и ничего больше. Ему казалось, что должно быть еще что-то. Как будто все это где-то ждет. Какая нелепость!

Большинство офицеров ему не знакомо, но Джордж узнал с полдесятка прогрессистов, высшее звание — первый лейтенант. Он помахал одному из них, с которым был знаком, и получил в ответ улыбки, которые казались почти виноватыми; затем добровольцы-прогрессисты снова повернулись к товарищам.

— Итак, сэр, — поторопил Фалькенберг.

— Кто эти люди? — спросил Хамнер. — Я знаю, что они не с Хедли. Откуда они?

— Уволенные офицеры СоВладения, — сразу ответил Фалькенберг. — Сокращение вооруженных сил. Много хороших солдат вынуждены раньше времени уйти в отставку. Некоторые из них услышали, что я отправляюсь сюда, и решили присоединиться. Они прилетели на колониальном корабле в надежде, что я их найму.

— И вы их наняли.

— Естественно, я ухватился за возможность получить хороших людей за ту плату, которую мы можем себе позволить.

— Но почему такая тайна? Почему я раньше о них не слышал?

Фалькенберг пожал плечами.

— Понимаете, мы нарушили несколько постановлений и правил Большого Сената относительно наемников. И лучше не говорить об этом, пока СВ не уйдет. В конце концов, у этих

людей нет выбора. Они вынуждены сохранять верность Хедли. — Фалькенберг поднял свой стакан с виски. — Вице-президент Брэдфорд в курсе.

— Еще бы. — Хамнер поднял свой стакан. — Ваше здоровье.

— Ваше.

«Интересно, о чем еще знает этот змееныш, — думал Хамнер. Без его поддержки Фалькенберг в два счета вылетел бы отсюда... и что тогда?»

— Полковник, вчера мне прислали схемы организации вашей части. Всех морских пехотинцев под командованием ваших офицеров вы собрали в один батальон. Потом вы создали три батальона из местных, причем четвертый — из сторонников партии. Второй и третий — из местных новобранцев. Но под командованием ваших офицеров.

— Достаточно верное описание, сэр, — сказал Фалькенберг.

«Да ты знаешь, о чем я хочу спросить», — подумал Джордж.

— Почему, полковник? Человек подозрительный мог бы сказать, что вы здесь создали собственную маленькую армию со структурой, которая позволяет сразу взять всю ее под контроль, если возникнут разногласия между вами и правительством.

— Да, человек подозрительный мог бы так сказать, — согласился Фалькенберг. Он допил виски и подождал, пока Хамнер сделает то же самое. Официант снова наполнил стаканы.

— Но практичный человек мог бы сказать кое-что еще, — продолжал Фалькенберг. — Вы хотите, чтобы я во главе этих необученных войск поставил новичков-офицеров? Или чтобы ваши прогрессисты командовали новобранцами?

— Но вы сделали именно это...

— По приказу мистера Брэдфорда я формировал четвертый батальон без своих наемников. Это не помогало ему в подготовке. Но у мистера Брэдфорда, как будто, те же жалобы, что и у вас.

— Я не жаловался.

— А мне показалось, — ответил Фалькенберг. — Во всяком случае, вы получили армию своей партии, которую може-

те использовать, если захотите контролировать меня. У вас уже есть весь необходимый контроль. Ведь в ваших руках кошелек. Без продовольствия и денег я своих людей и час не удержу.

— В прошлом солдаты не раз находили, что легче ограбить того, кто им платит, чем воевать за него, — заметил Хамнер. — Ваше здоровье. — Он осушил свой стакан и сдержал кашель. Очень крепкий напиток, а он не привык пить чистый виски. Что произойдет, если он закажет что-нибудь другое — пиво, например, или разбавленный виски? Почему-то это казалось неуместным.

— Я мог бы ожидать таких замечаний от Брэдфорда, — сказал Фалькенберг.

Хамнер кивнул. Брэдфорд всегда что-нибудь подозревает. Иногда Джордж, как это ни глупо, сомневался в здравом рассудке первого вице-президента. Тем не менее, Брэдфорд действовал всем на нервы своей подозрительностью и предпочитал бы ничего не делать, нежели утратить над чем-нибудь контроль.

— Как, по-вашему, я могу организовать переворот? — спросил Фалькенберг. — Мне верна горстка людей. Остальные наемники или ваши местные. Вы заплатили мне за то, чтобы я прилетел со своим штатом. Вы хотите, чтобы мы сражались с невероятно превосходящим нас противником и сражались несуществующим оружием. Если вы также настаиваете на собственной организации части, я не могу принять на себя ответственность.

— Я этого не говорил.

Фалькенберг пожал плечами.

— Если президент Будро отдаст такой приказ, он сделает это по вашей рекомендации. Я передам командование всякому, кого он назовет.

«А он назовет Брэдфорда, — подумал Хамнер. — Я скорее поверю Фалькенбергу. Что бы ни делал Фалькенберг, он сделает это по крайней мере компетентно, а с Эрни нет уверенности, что он не задумал что-то, и никакой уверенности, что у него что-нибудь получится».

Но:

— А чего вы хотите, полковник Фалькенберг?

Вопрос, казалось, удивил полковника.

— Денег, конечно, — ответил Фалькенберг. — Может, капельку славы. Хотя в наши дни этим словом не часто пользуются. Ответственную должность, соответствующую моим способностям. Я всегда был солдатом и больше ничего не умею.

— А почему вы не остались в СВ?

— Все есть в моем личном деле, — холодно сказал Фалькенберг. — Разумеется, вы знаете.

— Нет, не знаю. — Хамнер сохранял хладнокровие, но виски сделал его смелее, чем он собирался быть, в этом лагере, в окружении людей Фалькенберга. — Я ничего не знаю. То, что мне о вас рассказали, не имеет смысла. У вас не было причин жаловаться на отсутствие повышения, а у адмирала не было повода сменять вас. Похоже, вас выгнали за что-то другое.

Фалькенберг кивнул.

— Вы почти угадали. — Он сжал губы и пристально смотрел в глаза Хамнеру. — Наверно, вы имеете право получить ответ. Сенатор Бронсон поклялся уничтожить меня — по причинам, которые вам знать необязательно. Если бы я не был смещен по обвинению в формальном нарушении, меня обвинили бы в целом ряде сфабрикованных преступлений. Так, по крайней мере, я уволился с чистым досье.

Чистое досье и глубокая обида.

— И это все?

— Все.

Правдоподобно. Правдоподобно все, что сказал Фалькенберг.

Однако Хамнер был убежден, что Фалькенберг лжет. Не прямо, но во всяком случае рассказывает далеко не все. Хамнер чувствовал, что, если бы смог задать верные вопросы, получил бы ответ, но у него не было никаких вопросов.

Вернулись волынщики, и тамада посмотрел на Фалькенберга.

— Что-нибудь еще? — спросил полковник.

— Нет.

— Благодарю вас. — Фалькенберг кивнул младшим офицерам. Тамада махнул капельмейстеру. Тот поднял свой жезл, загремели барабаны. Волынщики заиграли, вначале стоя на

месте, потом маршируя вокруг стола. Офицеры зашумели, и помещение наполнилось воинственными выкриками. Пирушка продолжилась.

Джордж посмотрел на одного из своих назначенцев и обнаружил, что все присутствующие прогрессисты — из числа его людей. Ни одного человека из крыла Брэдфорда.

Что бы это значило?

Он встал и поймал взгляд лейтенанта из числа прогрессистов.

— Я попрошу Фаркуара проводить меня, полковник, — сказал Хамнер.

— Как угодно.

Они вышли из помещения и пошли по палаточной улице. Звуки музыки преследовали их. В лагере слышались и другие звуки. В ночи ярко горели костры.

— Ну хорошо, Джейми, что тут происходит? — спросил Хамнер.

— Происходит, сэр? Ничего, насколько мне известно. Если вы имеете в виду пирушку, то мы празднуем окончание базовой подготовки. Завтра начнем более сложные упражнения.

— Возможно, я имел в виду пирушку, — ответил Хамнер. — Вы, как будто, подружились с другими офицерами.

— Да, сэр. — Хамнер уловил энтузиазм в голосе Фаркуара. Мальчишка достаточно зелен и мог увлечься мистикой войны, Джорджу стало его жаль. — Они хорошие люди, — сказал Джейми.

— Да, наверно. А где остальные? Люди мистера Брэдфорда?

— У них проблемы с полевыми упражнениями, и поэтому они поздно возвращаются в лагерь, — сказал Фаркуар. — В обед приезжал мистер Брэдфорд и попросил направить их на встречу куда-то в другое место. Он проводит с ними много времени.

— Я так и думал, — сказал Хамнер. — Послушайте, Джейми, вы много времени провели с этими морскими пехотинцами. Откуда они? Из каких частей?

— Точно не знаю, сэр. Полковник Фалькенберг запретил нам спрашивать. Он говорит, что здесь все начинают с нуля.

Хамнер обратил внимание на тон, каким Фаркуар говорил о Фалькенберге. Нечто большее, чем уважение. Возможно, благоговение.

— Кто-нибудь из них служил с полковником раньше?

— Мне кажется, да, сэр. Они его не любят. Открыто бранят. Но боятся этого его громилы, главного старшины. Кальвин пообещал справиться с любыми двумя противниками, причем те могут выбирать правила. Несколько новичков попробовали, но никто из морских пехотинцев и не пытался. Ни один.

— И вы говорите, что полковник не слишком популярен среди своих людей?

Фаркуар ненадолго задумался.

— Я бы не сказал, что он популярен. Нет, сэр.

«Однако, — подумал Хамнер, — Борис сказал, что он популярен». В голове Джорджа шумел виски.

— А кто популярен?

— Майор Севедж, сэр. Солдаты его любят. И капитан Фаст. Его морские пехотинцы особенно уважают. Он адъютант.

— Ну хорошо. А способна ли эта часть сражаться? Есть ли у нас шанс после ухода СВ? — Они остановились, глядя на происходящее у костров. Солдаты пили, кричали, пели и гонялись друг за другом по лагерю. У одной палатки вспыхнула драка, но никто из офицеров не шелохнулся, чтобы прекратить ее.

— Вы это разрешаете? — спросил Хамнер.

— Стараемся не очень вмешиваться, — ответил Фаркуар. — Полковник говорит, что половина искусства офицера — знать, на что закрыть глаза. И сержанты уже остановили драку. Видите?

— Но вы позволяете солдатам пить.

— Сэр, запрета на выпивку нет. Нельзя только быть непригодным к исполнению обязанностей. А это парни крутые. Они подчиняются приказам и умеют сражаться. Думаю, у нас все хорошо получается.

Гордость. Джейми Фаркуар испытывает гордость. И эта уличная шпана, наверно, тоже.

— Хорошо, Джейми. Возвращайтесь на пирушку. Я найду своего шофера.

Уезжая, Джордж Хамнер меньше тревожился за будущее Хедли, но по-прежнему был убежден, что что-то не так; однако понятия не имел, что именно.

IX

Стадион рассчитан на сто тысяч человек. Сейчас здесь именно столько и еще столько же теснится на прилегающих улицах и площадях. Порядок обеспечивал весь гарнизон морской пехоты, но в этом не было необходимости.

Празднование шумное, но сегодня никаких неприятностей не будет. Партия Свободы не заинтересована в том, чтобы сегодня, в самый великий день после открытия Хедли, возникли какие-нибудь инциденты с морской пехотой. СоВладение передает власть местной администрации и уходит; и ничто не должно омрачить это событие.

Хамнер и Фалькенберг наблюдали с верхнего яруса стадиона. Под ними к травяному полю гигантской лестницей спускались ряды сидений из пластистали. Все места заняты, и стадион представляет собой разноцветное море.

Президент Будро и губернатор Флаэрти находились в президентской ложе прямо против Фалькенберга и Хамнера. Их окружали вытянувшиеся по стойке смирно президентские гвардейцы в синих мундирах и морские пехотинцы СоВладения в алом и золотом.

В президентской ложе присутствовали также вице-президент Брэдфорд, лидеры оппозиционной партии Свободы, офицеры уходящего гарнизона СоВладения и все, кто сумел получить приглашение. Джордж знал: многие из них гадают, почему там нет и его.

В особенности должен заметить отсутствие Хамнера Брэдфорд. Он может даже подумать, что второй вице-президент как раз сейчас готовит оппозицию или мятеж. Эрни Брэдфорд в последнее время постоянно обвиняет Хамнера в измене Прогрессивной партии и очень скоро потребует от Будро сместить его.

«К дьяволу это ничтожество», — подумал Джордж. Он ненавидел толпу, и мысль о том, что придется стоять и слу-

шать речи, быть вежливым с партийными чиновниками, которых он презирает, казалась ему чрезмерной. Когда он предложил понаблюдать за церемонией с другого места, Фалькенберг тут же согласился. Похоже, этому служаке тоже безразличны официальные церемонии. Гражданские официальные церемонии, поправился Хамнер: Фалькенберг, как будто, любит военные парады.

Ритуал почти завершился. Оркестр морской пехоты прошел по полю, речи были произнесены, награды розданы и приняты. Сто тысяч человек приветствовали независимость, стоял неимоверный шум. Необузданная сила толпы пугала.

Хамнер посмотрел на часы. В этот миг оркестр перестал играть, раскатилась барабанная дробь. Один за другим барабанщики замолкали, пока не остался один, который еще некоторое время продолжал бить, но вот и он перестал. Стадион затих в ожидании.

Прогремела труба. Одинокий сигнал, жалобный, но торжественный, последний салют флагу СоВладения над дворцом. Ноты, словно осязаемые, повисли в воздухе Хедли, и алоголубой флаг СоВладения пополз вниз по флагштоку. Одновременно поднимался блестящий золотисто-зеленый флаг Хедли.

По всему городу люди в мундирах отдавали честь этим флагам — спускающемуся и поднимающемуся. Солдаты в синих мундирах Хедли приветствовали флаги с радостными улыбками, морские пехотинцы в красном — равнодушно. Флаг СоВладения поднимается и спускается в этот год мира на семидесяти планетах в радиусе двухсот световых лет; какое значение может иметь отдельная планетка?

Хамнер взглянул на Джона Фалькенберга. Полковник не смотрел на поднимающееся знамя Хедли. Его приветствие было адресовано флагу СВ, и, когда замер последний звук трубы, Хамнеру показалось, что Фалькенберг вытер глаза.

Этот жест настолько поразил его, что Джордж всмотрелся внимательней, но ничего не увидел и решил, что ошибся.

— Вот и все, — сказал Фалькенберг. Голос его звучал напряженно. — Думаю, мы должны присоединиться к остальным. Нельзя заставлять ждать его превосходительство.

Хамнер кивнул. Президентская ложа непосредственно соединена с дворцом, и чиновники сразу окажутся на приеме, в то время как Хамнеру и Фалькенбергу нужно еще пересечь весь заполненный людьми стадион. Публика уже устремлялась вниз по рядам, вливаясь в толпы празднующих на поле.

— Идемте сюда, — сказал Джордж. Он провел Фалькенберга на самый верх стадиона, в небольшую нишу, где ключом открыл ничем не примечательную дверь. — Система туннелей проведет нас прямо во дворец, через стадион и под ним, — сказал он Фалькенбергу. — Это не то чтобы тайна, но мы стараемся, чтобы об этом знало поменьше народу, иначе потребуют открыть их для публики. Туннели предназначены главным образом для ремонтников и работников стадиона. — Он запер за собой дверь и показал на широкий внутренний коридор. — Этот сооружение очень неплохо сконструировано.

Тон неохотного восхищения для Хамнера был нехарактерен. Если вещь хорошо сделана, значит сделана хорошо, и все тут... но в последнее время он обнаружил, что все чаще отзывается о проектах СоВладения именно так. А ведь он презирает администрацию СоВладения, людей, которые создают проблемы, а потом уходят, отказываясь их решать.

Они спустились по ряду лестниц, прошли еще по нескольким коридорам, потом снова поднялись к еще одной закрытой двери. И через нее вышли в дворцовый двор. Празднество уже началось, предстояла долгая ночь.

Джордж задумался: «Что дальше?» Утром улетит последний корабль СВ, СоВладение уйдет с планеты. Завтра Хедли окажется один на один со своими проблемами.

— Внимание! — Резкий приказ главстаршины Кальвина перекрыл шум.

— Прошу садиться, джентльмены. — Полковник Фалькенберг занял место во главе длинного стола в бывшем центральном штабе морской пехоты СВ.

За исключением знамен и мундиров, здесь ничего не изменилось по сравнению с тем, что уже начали называть:

«в прежние дни». Офицеры сидели на обычных местах, как всегда на штабном совещании в полку. На одной стене были развешаны карты, на другой в центре размещался экран компьютера. Официанты в белых кителях принесли кофе и неслышно исчезли за стоящими снаружи вооруженными часовыми.

Фалькенберг посмотрел на знакомую картину: полицейские силы заняли это помещение два дня назад, морские пехотинцы находились здесь больше двадцати лет.

На месте, отведенном для начальника разведки полка, сидел, развалясь, человек в штатском. Костюм его представлял собой море ярких цветов — по последней земной моде, с ослепительно ярким галстуком и мешковатыми рукавами. Вместо пояса на штатском длинный шарф, а под ним — карманный калькулятор. Высшие классы Хедли еще только учились так одеваться.

— Вы все знаете, зачем мы здесь собрались, — говорил Фалькенберг офицерам. — Те, кто служил со мной, знают, что я не часто собираю штабные совещания. Однако для отрядов наемников они обычны. Главстаршина Кальвин будет представлять сержантов и рядовых полка.

Раздались смешки. Кальвин прослужил с Фалькенбергом восемнадцать стандартных лет. Возможно, в чем-то их мнения различались, но до сих пор никто этого не замечал. Мысль о том, что главный старшина от имени рядовых будет возражать полковнику, смехотворна. С другой стороны, ни один полковник не может игнорировать мнение сержантов.

Каменное лицо Фалькенберга слегка смягчилось: он, как будто, был доволен собственной шуткой. Взгляд его скользил по лицам. Все собравшиеся были раньше морскими пехотинцами, многие служили с ним. Офицеры-прогрессисты оказались чем-то заняты: адъютанту полка потребовалась тщательная подготовка, чтобы организовать это отсутствие, не вызывая подозрений.

Фалькенберг повернулся к штатскому:

— Доктор Уитлок, вы провели на Хедли шестьдесят семь дней. Не очень много для подробного изучения планеты, но больше времени у нас нет. Вы пришли к каким-нибудь заключениям?

— Да. — Уитлок говорил с сильным тягучим акцентом (большинство считало, с нарочитым). — Мои выводы не очень отличаются от тех, к каким пришли специалисты Флота, полковник. Не понимаю, зачем вы пошли на такие расходы, вызывая меня сюда. Ваши разведчики знают свое дело не хуже меня.

Уитлок откинулся на стуле: чрезвычайно расслабленная и небрежная фигура посреди военной жесткости и формальности. Но в его манере держаться не было презрения. У военных один набор правил, у него — другой, и он хорошо срабатывался с солдатами.

— Итак, ваши заключения аналогичны выводам Флота, — сказал Фалькенберг.

— В пределах ошибок анализа, да, сэр. Сомневаюсь, чтобы какой-нибудь компетентный специалист мог прийти к другим выводам. На протяжении одного поколения на этой планете воцарится варварство.

Офицеры не издали ни звука, но некоторые явно изумились. Привычка и выучка не позволила им это выказать.

Уитлок достал из кармана в рукаве сигару и тщательно осмотрел ее.

— Хотите послушать анализ? — спросил он.

— Вкратце, пожалуйста. — Фалькенберг снова окинул взглядом лица подчиненных. Майор Севедж и капитан Фаст не удивились: они знали об этом еще до своего прилета на Хедли. Некоторые младшие офицеры догадывались.

— Все очень просто, — сказал Уитлок. — Нет технологии, которая могла бы обеспечить столь многочисленное население всем необходимым. Без импорта жизненные стандарты быстро снизятся. В другом месте к этому могли бы приспособиться, но не здесь.

Здесь жители Рефьюджа, привыкшие получать все не утруждаясь, потребуют от правительства принять меры. Правительство не может им отказать. Оно для этого недостаточно сильно.

Поэтому ему придется инвестировать капитал в производство товаров потребления. Последует упадок технологии, что вызовет уменьшение товарной массы, это приведет к новым требованиям, и начнется аналогичный новый

цикл. Трудно сказать, что произойдет потом, но ничего хорошего.

Довольно скоро здесь исчезнут технологические ресурсы, даже если удастся создать лучшую организацию. Это не ново, полковник. Флот предвидел это. Странно, что вы не поверили его специалистам.

Фалькенберг кивнул.

— Поверил, но дело настолько важное, что мне хотелось выслушать стороннее мнение. Вы встречались с лидерами партии Свободы, доктор Уитлок. Есть ли хоть какая-то вероятность того, что они, получив власть, сохранят цивилизацию?

Уитлок рассмеялся. Смех долгий, беззаботный, непосредственный и абсолютно неуместный на военном совете.

— Такая же, как вероятность того, что крокодил отпустит свинью, полковник. Даже если предположить, что они знают, что делать, как они могут это сделать? Предположим, им будет видение, и они попытаются изменить свою политику. Кто-нибудь тут же организует новую партию с идеями нынешней партии Свободы.

Полковник, вам никогда не убедить этих людей, что есть нечто такое, на что не способно никакое правительство. Они не хотят в это верить, и всегда найдутся красноречивые ораторы, которые будут кричать о заговоре. Если бы Прогрессивная партия с ее правильными идеями могла установить сильную власть, может быть, она продержалась бы немного дольше.

— Вы думаете, это возможно? — спросил майор Севедж.

— Нет. Возможны попытки, — ответил Уитлок. — Проблема в независимой сельской глубинке. У правительства, которое собирается что-то делать, нет реальной поддержки ни на селе, ни в городе. Со временем, конечно, все здесь должно измениться, но революция, которая к этому приведет, будет кровавой. И долгой, могу вас заверить.

— Значит, нет никакой надежды? — спросил молодой младший офицер, недавно назначенный командиром роты.

Уитлок вздохнул.

— Куда ни глянь, везде проблемы. Например, город уязвим для любого саботажа, который затронет предприятия пи-

щевой промышленности. А атомные генераторы не вечны. Их эксплуатируют непрерывно и без всякого ремонта. Хедли живет не за счет дохода, а за счет основного капитала, и очень скоро капитал растает без остатка. Не с чего будет жить.

— Таково ваше заключение, — сказал Фалькенберг. — Не похоже на подходящее место для нашей отставки.

— Мягко сказано. — Уитлок потянулся. — Как ни крути, Хедли не сможет перейти на самообеспечение без очень большого кровопролития.

— А не могут они попросить помощи у «Американ экспресс»? — спросил младший офицер.

— Попросить могут, получить — нет, — ответил Уитлок. — Сынок, согласно договору, с прибытием губернатора СВ планета была объявлена нейтральной. И теперь русские не позволят американской компании, вроде «АмЭкс» вернуть ее в сферу интересов США, точно так же как США не позволят коммунистам прийти и открыть здесь лавочку. Большой Сенат введет карантин во всей этой системе, вот так. — Историк щелкнул пальцами. — В целях сохранения СоВладения.

— Меня кое-что беспокоит, — сказал капитан Фаст. — Вы предполагаете, что СВ просто позволит Хедли вернуться к варварству. Но разве Бюро Переселения и колониальная администрация не вмешаются, если здесь все начнет распадаться?

— Нет.

— Завидная уверенность, — заметил майор Севедж.

— Абсолютная, — ответил доктор Уитлок. — В этом году бюджет опять урезан. У них просто нет ресурсов для планетки вроде Хедли. У Бюро Переселения хватает своих тревог.

— Но... — В голосе лейтенанта, задавшего вопрос, прозвучала тревога. — Полковник, что могло случиться с Бюро Переселения?

— Как сказал доктор Уитлок, дефицит бюджета, — ответил Фалькенберг. — Джентльмены, мне не следовало бы говорить вам этого. Вы видели, что делает Большой Сенат с Флотом. Поэтому вы и демобилизованы. В будущем году у Каслова появится несколько дополнительных мест в Президиуме, и точно так же банда Хармона выиграет второстепенные выбо-

ры в Штатах. Обе эти группы хотят ликвидации СВ, и у них достаточно влияния, чтобы срезать до костей ассигнования друг другу.

— Но Бюро контроля населения должно будет вывезти отсюда людей, сэр, — возразил лейтенант.

— Да. — Лицо Фалькенберга помрачнело; возможно, он вспоминал собственное знакомство с методами Бюро контроля населения. — Но ему приходится заниматься планетами, которые гораздо ближе к Земле, не обращая внимания на проблемы остального населения. Окраинные разработки, вроде шахт на Хедли, закрываются. Это не единственная планета, брошенная в этом году СВ. — В голосе его прозвучала ирония. — Прошу прощения. Обретшая независимость.

— Так что на помощь СВ можно не рассчитывать, — сказал капитан Фаст.

— Да. Если на Хедли и начнется подъем, то только за счет собственных сил.

— Что, как утверждает доктор Уитлок, невозможно, — заметил майор Севедж. — Джон, мы попали в нелегкое положение, верно?

— Я не сказал, что это невозможно. Только маловероятно, — напомнил доктор Уитлок. — Впрочем, для этого понадобится более сильное правительство, чем то, что существует на Хедли. И чтобы кое-какие умные люди сделали верные ходы. И еще удача. Вроде хорошей избирательной горячки. Вот это помогло бы. Чума, которая убивает только тех, кто мешает. Но если она уберет слишком много, останется недостаточно, чтобы пользоваться преимуществами технологии, так что не думаю, чтобы и это стало решением.

Фалькенберг мрачно кивнул.

— Спасибо, доктор Уитлок. Теперь, джентльмены, я хочу, чтобы командиры батальонов и офицеры штаба прочли отчет доктора Уитлока. А тем временем, у нас есть еще одна тема. Майору Севеджу вскоре предстоит сделать доклад на заседании кабинета Прогрессивной партии, и я хочу, чтобы вы его послушали. После выступления мы его обсудим. Майор.

Севедж встал и подошел к экрану.

— Джентльмены. — С помощью консоли он вызвал на экран схему организации полка.

— Полк состоит примерно из двух тысяч офицеров и солдат. Из них пятьсот человек — бывшие морские пехотинцы, еще пятьсот — новобранцы из членов Прогрессивной партии под командованием офицеров, назначенных мистером Брэдфордом.

Остальная тысяча — обычные новобранцы. Среди них есть неплохие перспективные наемники, но в основном это члены уличных банд, которым нравится играть в солдатики и которые были бы на месте в национальной гвардии. Все новобранцы получили базовую подготовку, сопоставимую с той, что получают морские пехотинцы, без обучения наступательным действиям, действиям на воде и прыжкам с парашютом. Их успехи несколько лучше, чем можно было ожидать, сравнительно с проходящими подготовку в морской пехоте СВ.

Сегодня утром мистер Брэдфорд приказал полковнику убрать из четвертого батальона последних наших офицеров и унтер-офицеров, и отныне четвертый батальон находится исключительно под командованием офицеров, назначенных вице-президентом Брэдфордом. О причинах такого приказа он нам не сообщил.

Фалькенберг кивнул.

— По вашей оценке, майор, готов ли этот батальон к боевым действиям?

Фалькенберг слушал не очень внимательно, отхлебывая кофе. Сообщение было уже отрепетировано, и он знал, что ответит Севедж. Люди обучены, но пока еще не представляют собой боевую единицу. Фалькенберг подождал, чтобы Севедж закончил выступление.

— Ваши рекомендации?

— Объединить второй батальон с первым, сэр, и перегруппировать оба батальона. Нормальная практика такова: в манипулу включается один новобранец, трое опытных рядовых и монитор. Если количество новобранцев и ветеранов одинаково, доля новобранцев возрастает, но это даст нам два батальона солдат под командованием ветеранов-унтер-офицеров, с достаточным количеством ветеранов-рядовых.

Таким образом мы разрушим организацию, предварительно созданную для обучения, и создадим полк с новой по-

стоянной структурой: первый и второй батальоны для боевых действий, третий, состоящий из местных жителей с офицерами морской пехоты, — резервный. Четвертый батальон не находится под нашей командой.

— Каковы причины такой реорганизации? — спросил Фалькенберг.

— Боевой дух, сэр. Новые батальоны чувствуют себя обиженными. У них более строгая дисциплина, чем у бывших морских пехотинцев, и им это не нравится. Размещение их в одних манипулах с ветеранами положит этому конец.

— Посмотрим новую структуру.

Севедж повозился с консолью, и по экрану поплыли схемы. Административная структура стандартная, основанная отчасти на организации морской пехоты СВ, отчасти на национальной армии Черчилля. Но это не главное. Сразу не заметно, но структура требовала, чтобы все важнейшие должности занимали наемники Фалькенберга.

Лучшие назначенцы из прогрессистов оказывались в третьем или четвертом батальонах, местных с достаточным опытом командования нет, таково оправдание структуры. Фалькенбергу она понравилась, и он не видел военных причин ставить ее под сомнение. Брэдфорд будет так доволен тем, что у него теперь есть собственная воинская часть, что в остальное вдумываться не будет. Пока не будет. А остальные знают недостаточно, чтобы задавать вопросы.

«Да, — подумал Фалькенберг. — Должно сработать». Он подождал, пока Севедж закончит, и поблагодарил его, а потом обратился ко всем:

— Джентльмены, если у вас есть замечания, давайте их послушаем. Я хочу, чтобы на завтрашнем заседании кабинета мы выступали единым фронтом и каждый из вас должен быть готов ответить на вопросы. Не нужно говорить, как важно для нас, чтобы они это приняли.

Все закивали.

— И еще одно, — сказал Фалькенберг. — Главстаршина!

— Сэр!

— Как только кабинет одобрит план, в полку должна быть установлена нормальная дисциплина.

— Сэр.

— Сообщите об этом всем. Передайте 42-му, что отныне с новобранцами и ветеранами будут обращаться одинаково, и первый же, кто причинит мне беспокойство, пожалеет, что родился на свет.

— Сэр! — Кальвин счастливо улыбался. Последние месяцы всем дались нелегко. Но теперь, слава Богу, полковник снова берет все в свои руки. Солдаты подраспустились, но он скоро приведет их в норму. Пора снимать маски, и Кальвин был рад этому.

X

Хор голосов пятидесяти тысяч человек, кричащих в унисон, может быть ужасен. Он вызывает страх на уровне подсознания, вызывает панику, которая родилась раньше атомной бомбы и всех достижений технологии. Этот водоворот звуков свидетельствует о неудержимой, неконтролируемой силе.

Все во дворце вслушивались в крик толпы. Правительственные чиновники внешне оставались спокойны, но передвигались незаметно и говорили негромко — или без всякой причины начинали кричать. Дворец был полон безымянным страхом.

Заседание кабинета началось на рассвете и продолжалось до позднего утра. Оно все длилось, но ничего не решало. Незадолго до полудня вице-президент Брэдфорд встал со своего места за столом совета, гневно кривя губы. Дрожащим пальцем он указал на Джорджа Хамнера.

— Это ваша вина! — кричал Брэдфорд. — Теперь и техники требуют новой конституции, а вы их контролируете. Я всегда говорил, что вы предаете Прогрессивную партию!

— Джентльмены, прошу вас! — вмешался президент Будро. В голосе его звучала бесконечная усталость. — Послушайте, такие выражения...

— Предаю? — спросил Хамнер. — Если бы ваши проклятые чиновники уделяли хоть немного внимания техникам, этого не случилось бы. За три месяца вы умудрились превратить техников из стойких сторонников партии в союзников мятежников, вопреки всему, что я делал.

— Нам нужно сильное правительство, — сказал Брэдфорд. Говорил он презрительно, и на лицо его вернулась самоуверенная улыбка.

Джордж Хамнер отчаянным усилием обуздал гнев.

— Ничего у вас не выйдет. Вы обращались с моими техниками, как со скотом, заставляли работать дополнительное время без оплаты, а когда они начали протестовать, послали своих проклятых солдат. Моему человеку стоило жизни появление полиции.

— Сопротивление полиции, — ответил Брэдфорд. — Мы не можем этого допустить.

— Вы не знаете, что такое правительство! — сказал Хамнер. Он стоял, возвышаясь над маленьким Брэдфордом, уже не справляясь с собой. Тот на шаг отступил, и его улыбка застыла. — И после всего этого вы еще смеете называть меня предателем! Я сломаю вам шею!

— Джентльмены! — Будро встал со своего места во главе стола. — Прекратите!

Со стадиона доносился рев. От криков конституционного собрания дворец словно дрожал.

На мгновение в зале заседаний кабинета наступило молчание. Будро устало продолжил:

— Это ни к чему нас не приведет. Предлагаю сделать перерыв на полчаса, чтобы успокоиться.

Послышался одобрительный гомон.

— И когда мы соберемся вновь, я не хочу слышать обвинений и угроз, — говорил президент Будро. — Понятно?

Все неохотно согласились. Будро вышел в одиночестве. Затем Брэдфорд в сопровождении кучки своих сторонников. Остальные министры торопились оказаться к нему поближе, как будто теперь сама мысль о споре с первым вице-президентом была опасна.

Джордж Хамнер остался в кабинете один. Он пожал плечами и тоже вышел. К Брэдфорду подошел человек в военном мундире. Хамнер узнал в нем подполковника Кордову, командира четвертого батальона полиции и фанатичного сторонника Брэдфорда. Хамнер вспомнил, как Брэдфорд предлагал назначить на эту должность Кордову и насколько незначительным тогда это казалось.

Группа Брэдфорда пошла дальше по коридору. Сторонники первого вице-президента о чем-то переговаривались. Хамнер снова пожал плечами.

— Угостить вас кофе? — Голос за спиной заставил Джорджа вздрогнуть. Повернувшись, он увидел Фалькенберга.

— Да, спасибо. Но ничего хорошего это не даст. У нас неприятности, полковник.

— Пришли к какому-нибудь решению? — спросил Фалькенберг. — Ждать пришлось долго.

— И без толку. Вас следовало пригласить на заседание кабинета. Может, вы смогли бы что-нибудь посоветовать. Нет никаких причин заставлять вас ждать в приемной, пока мы кричим друг на друга. Я пытался изменить эту политику, но в данный момент я не очень популярен. — Со стадиона снова донесся крик.

— Все правительство непопулярно, — сказал Фалькенберг. — А когда участники совещания договорятся...

— Еще одно препятствие, которое я пытался устранить на прошлой неделе. Но у Будро не хватило мужества открыто выступить против. Так что теперь у нас пятьдесят тысяч бездельников, которым нечем больше заняться, кроме как сидеть на этом собрании. Какую конституцию они создадут!

Фалькенберг пожал плечами. Джорджу показалось, что он собирался что-то ответить, но если так, то полковник передумал. Они дошли до столовой и сели у стены. Группа Брэдфорда сидела за столом в другом конце зала, и все люди Брэдфорда подозрительно посмотрели на них.

— Вас сочтут предателем, полковник, за то что сидите со мной. — Хамнер рассмеялся, но голос его был серьезен. — Мне кажется, вы понимаете, что я имею в виду. Брэдфорд считает меня виновным в возникновении проблем с техниками, и, между нами, он утверждает, что вы недостаточно эффективно пытаетесь восстановить порядок в городе.

Фалькенберг заказал кофе.

— Объяснить вам, почему?

— Нет. — Большая рука Джорджа Хамнера накрыла чашку. — Бог свидетель, последнюю пару месяцев вы не получаете никакой поддержки. Вам отдают невыполнимые

приказы и не позволяют предпринять ничего решающего. Я вижу, вы прекратили рейды по явочным квартирам мятежников.

Фалькенберг кивнул.

— Никого не удается схватить. Слишком много утечек из дворца. И большую часть времени мутит воду четвертый батальон. Если бы нам разрешили действовать, не запрашивая через многочисленные каналы добро на каждую операцию, враг бы меньше знал о том, что мы собираемся предпринять. Я уже перестал просить об этом.

— С железной дорогой у вас хорошо получилось.

— Да, хоть здесь успех. В сельской местности, где мы действуем самостоятельно, все спокойно. Странно, не правда ли: чем ближе мы к правительству, тем менее эффективными кажутся действия моих людей.

— Но вы ведь не контролируете людей Кордовы? Они заставили столько наших людей дезертировать к мятежникам, что и сосчитать невозможно. Не могу поверить, что несдержанная жестокость необходима.

— Я тоже. Если, конечно, у нее нет особой цели, это весьма неэффективный инструмент правления. Но вы, конечно, знаете, мистер Хамнер, что четвертый батальон мне не подчиняется. Взяв под свое руководство, мистер Брэдфорд непрерывно его расширял, так что теперь он по численности почти равен остальной части полка. И находится целиком под его контролем, не под моим.

— Брэдфорд обвинил меня в предательстве, — осторожно сказал Хамнер. — Располагая собственной армией, он мог что-то задумать...

— Когда-то вы подозревали в этом меня, — напомнил Фалькенберг.

— На этот раз все серьезно, — ответил Хамнер. — Эрни Брэдфорд создал свою армию, а теперь обвиняет меня в предательстве.

Фалькенберг мрачно улыбнулся.

— Я бы не стал слишком тревожиться из-за этого.

— Вы не стали бы? Конечно. Вам не о чем тревожиться. Но я испуган, полковник. Мне нужно думать о семье, и я сильно напуган.

«Что ж, — подумал он, — теперь, когда мы говорим в открытую, могу и я поверить, что он не из людей Брэдфорда».

— Вы думаете, Брэдфорд планирует незаконные действия? — спросил Фалькенберг.

— Не знаю. — Неожиданно Джордж снова испугался. В глазах собеседника он не видел сочувствия.

Кому же мне доверять? Некому.

— Не будет ли для вашей семьи безопасней в наших казармах? — спросил Фалькенберг. — Это можно организовать.

— Ну хоть сейчас все выходит на свет, — ответил наконец Хамнер. — Да, мне будет спокойней, если жена и дети окажутся под защитой. Но я был бы еще спокойней, если бы вы были со мной более откровенны.

— Насчет чего? — Выражение лица Фалькенберга не изменилось.

— Начнем с ваших морских пехотинцев, — сказал Джордж. — Они не похожи на батальон полиции. Я наблюдал за вашими людьми: они чересчур дисциплинированны. И знамена, которые они несут, получены не в результате закулисных политических интриг — здесь или где-то на другой планете. Кто эти люди, полковник?

Джон Фалькенберг улыбнулся уголками губ.

— Я все ждал, когда вы об этом спросите. А почему вы не подняли этот вопрос перед президентом Будро?

— Не знаю. Может быть, потому, что доверяю вам больше, чем Брэдфорду, а президент сразу обратился бы к нему... к тому же, если бы президент уволил вас, некого было бы противопоставить Эрни. Если, конечно, вы ему противостоите... но вы ведь могли и присоединиться к нему.

— Что заставляет вас так думать? — спросил Фалькенберг. — Я подчиняюсь законным распоряжениям гражданского правительства...

— Да, конечно. Хедли так быстро катится в пропасть, что еще одним заговором больше — особой разницы нет... но вы не ответили на мой вопрос.

— Боевые знамена принадлежат 42-му полку морской пехоты СВ, — медленно ответил Фалькенберг. — Расформированному в результате сокращения бюджета.

42-й. Хамнер на мгновение задумался. Порылся в памяти в поисках того, что читал о Фалькенберге.

— Это был ваш полк.

— Совершенно верно.

— И вы привезли его с собой.

— Вернее, батальон этого полка, — подтвердил Фалькенберг. — Женщины моих людей ждут, когда мы здесь осядем. Когда 42-й расформировали, солдаты решили держаться вместе.

— Так что вы привезли не только офицеров, но и солдат.

— Да. — Выражение лица Фалькенберга не менялось, хотя Хамнер пристально наблюдал за ним.

Джордж испытал одновременно гнев и облегчение. Если это люди Фалькенберга...

— Какую игру вы ведете, полковник? Вы хотите чего-то большего, чем плата за ваши войска. И я думаю: не стоит ли мне опасаться вас больше, чем людей Брэдфорда?

Фалькенберг пожал плечами.

— Это решение вам придется принять самому, мистер Хамнер. Могу дать вам слово, что мы не причиним вам вреда, но чего оно может стоить? Могу пообещать, что мы позаботимся о вашей семье. Если хотите.

Со стадиона донесся новый крик, громче прежнего. Брэдфорд и подполковник Кордова вышли из-за стола, продолжая беседовать вполголоса. Судя по энергичным жестам, разговор был оживленный: Кордова как будто пытался на что-то уговорить Брэдфорда. И когда они уходили, Брэдфорд дал согласие.

Джордж смотрел им вслед. Толпа снова завопила, подтолкнув его к принятию решения.

— Сегодня же отправлю Лору с детьми в ваше расположение.

— Лучше сделайте это немедленно, — спокойно сказал Фалькенберг.

Джордж нахмурился.

— Вы хотите сказать, что у нас нет времени? Что бы вы ни задумали, это должно произойти не просто быстро, но немедленно?

Джон покачал головой.

— Кажется, вы думаете, что у меня есть какой-то основной план, мистер вице-президент? Нет. Я предлагаю вам от-

править жену в наши казармы до того, как получу приказ не защищать ее. А что касается остального, то я только солдат в политической ситуации.

— И в качестве советника у вас профессор Уитлок, — сказал Хамнер. Он внимательно наблюдал за Фалькенбергом. — Удивлены, что я знаю? — продолжал Джордж. — Я заметил, что Уитлок поблизости, и удивился, почему он не пришел к президенту. Должно быть, сейчас у него на совещании не меньше пятидесяти политических агентов.

— Вы наблюдательны, — заметил Фалькенберг.

— Конечно, — горько ответил Хамнер. — Но что толку? Я не понимаю происходящего и никому не могу верить. Вижу части головоломки, но не могу собрать из них целое. Иногда мне кажется, что я должен использовать все оставшееся влияние, чтобы убрать из картины вас.

— Как угодно. — Улыбка Фалькенберга была холодновежливой. — А кто в таком случае будет охранять вашу семью? Начальник полиции? Послушайте.

Стадион снова гневно взревел, крик как будто становился все громче.

— Вы победили. — Хамнер встал из-за стола и медленно направился в зал совещаний. Голова у него кружилась.

«Ясно только одно. Джон Кристиан Фалькенберг контролирует единственную на планете военную силу, способную противостоять людям Брэдфорда и разбойникам из партии Свободы, главным противникам. Я не должен забывать о них только потому, что боюсь Эрни», — думал Джордж.

Он повернул в сторону от зала заседаний и пошел в отведенную ему квартиру.

Чем быстрей Лора окажется в казармах морских пехотинцев, тем спокойней мне будет.

А что если отправляю ее к врагам? О Боже, могу ли я кому-нибудь доверять? Борис говорит, что он достойный человек. Не забывай об этом, не забывай. Честь. Фалькенберг человек чести, а Эрни Брэдфорд — нет.

А я? Чего я добился, выйдя из партии Свободы и приведя своих техников к прогрессистам? Бессмысленного титула второго вице-президента и...

Толпа снова взревела: «ВЛАСТЬ НАРОДУ!»
Услышав это, Джордж прибавил шагу.

Улыбка вернулась на лицо Брэдфорда. Это было первое, что заметил Джордж, вернувшись в зал заседаний. Маленький человек стоял у стола и довольно улыбался. Улыбка казалась искренней и оттого еще более пугающей.

— А вот и наш уважаемый министр технологии и второй вице-президент, — улыбался Брэдфорд. — Как раз вовремя. Господин президент, толпа на стадионе угрожает городу. Я уверен, вам будет приятно узнать, что я предпринял меры, которые должны оздоровить ситуацию.

— Что вы сделали? — спросил Джордж.

Улыбка Брэдфорда стала еще шире.

— В данный момент полковник Кордова производит арест лидеров оппозиции. Включая, господин президент, руководителей Ассоциации техников и инженеров, которые примкнули к оппозиции. С мятежом будет покончено в течение часа.

Хамнер посмотрел на него.

— Глупец! Теперь все техники города присоединятся к банде партии Свободы! А техники контролируют электростанции, наш последний источник влияния на толпу. Проклятый глупец!

Брэдфорд ответил подчеркнуто вежливо:

— Мне казалось, Джордж, вы обрадуетесь, что с восстанием удалось так быстро покончить. Естественно, я отправил людей и на электростанции. Ага, слушайте.

Толпа стихла. Слышался смешанный говор, а потом вопль, который становился все громче. Нельзя было разобрать ни слова, только ужасный гневный крик. Раздалось несколько выстрелов.

— Боже! — Президент Будро не мог скрыть смятения. — Что происходит? В кого они стреляют? Вы начали открытую войну?

— Я принял строгие меры, мистер президент, — ответил Брэдфорд. — По-вашему, они слишком строги? — Он слегка покачал головой. — Пришло время решительных действий, мистер президент. Хедли не могут управлять слабовольные

люди. Будущее принадлежит тем, у кого хватит воли, чтобы взять его в свои руки!

Джордж Хамнер направился к выходу. Но не успел дойти до двери. Его окликнул Брэдфорд.

— Пожалуйста, Джордж. — Голос его источал участливость. — Боюсь, вы не сможете сейчас покинуть нас. Это для вас небезопасно. Я позволил себе отдать полковнику Кордове приказ... гм... охранять это помещение, пока мои люди восстанавливают порядок.

На стадионе воцарилась тревожная тишина, все долго ждали. Потом снова послышались крики и выстрелы.

Звуки приблизились. Они долетали как будто не только с самого стадиона, но слышались и за его пределами. Брэдфорд нахмурился, но промолчал. Все ждали, казалось, очень долго; стрельба продолжалась. Выстрелы, крики, вопли, сирены, сигналы тревоги — и многое другое, все смешивалось.

Дверь распахнулась. Вошел Кордова. Теперь на его мундире были знаки различия полковника. Осмотревшись, он отыскал Брэдфорда.

— Сэр, не можете ли вы выйти на минуту?

— Сообщите всему кабинету, — приказал президент Будро. Кордова взглянул на Брэдфорда. — Немедленно, сэр.

Кордова продолжал смотреть на Брэдфорда. Вице-президент слегка кивнул.

— Хорошо, сэр, — ответил офицер. — Согласно приказу вице-президента части четвертого батальона проникли на стадион и арестовали около пятидесяти руководителей так называемого конституционного совещания.

Наш план заключался в том, чтобы проникнуть на стадион незаметно и увести арестованных из президентской ложи во дворец. Однако когда мы попытались произвести арест, нам оказали сопротивление вооруженные люди, многие в мундирах домашней стражи. Нам говорили, что на стадионе нет оружия, но это оказалось неверно.

Толпа, во много раз превосходившая по численности моих людей, освободила арестованных. Мы попытались снова захватить их, но были атакованы и вынуждены с боем отступать.

— Боже! — воскликнул Будро. — Много пострадавших?

— Электростанции! Вы захватили их? — спросил Хамнер.

Кордова выглядел растерянным.

— Нет, сэр. Моих людей туда не допустили. Электростанции в руках совета техников и инженеров, они угрожают взорвать станции, если мы попытаемся завладеть ими силой. Мы пытались отрезать их от внешней поддержки, но не думаю, чтобы силами одного моего батальона удалось сохранить порядок. Нужен весь полицейский полк...

— Идиот! — Хамнер до боли стиснул кулаки.

Совет техников. Большинство из них я знаю. Мои друзья. Или были друзьями. Поверит ли кто-нибудь из них мне сейчас? Но по крайней мере Брэдфорду не удалось захватить электростанции.

— Каково положение снаружи в настоящий момент? — спросил президент Будро. На улицах по-прежнему звучали выстрелы.

— Толпа соорудила баррикаду на рынке и еще одну у театра напротив дворца, сэр. Мои войска пытаются разобрать баррикады. — Голос Кордовы звучал виновато.

— Пытаются. И маловероятно, чтобы это им удалось. — Будро встал и прошел ко входу в приемную. — Полковник Фалькенберг! — позвал он.

— Да, сэр? — По сигналу президента Фалькенберг вошел в комнату.

— Полковник, вы знакомы с положением снаружи?

— Да, мистер президент.

— Черт возьми, вы можете что-нибудь сделать?

— А что президент предлагает мне сделать? — Фалькенберг осмотрел членов кабинета. — В течение трех месяцев мы пытались сохранить порядок в городе. И не могли этого сделать даже при сотрудничестве со стороны техников.

— Не моя вина... — начал подполковник Кордова.

— Я не давал вам слова. — Губы Фалькенберга были строго сжаты. — Джентльмены, теперь вы имеете дело с открытым восстанием, и одновременно вы враждебно настроили одну из самых мощных фракций собственной партии. Мы больше не контролируем ни электростанции, ни предприятия пищевой промышленности. Повторяю, что президент предлагает мне сделать?

Будро кивнул.

— Справедливая критика.

Но его прервал Брэдфорд.

— Прогоните толпу с улиц! Ваши драгоценные войска должны сражаться, именно для этого они здесь!

— Конечно, — ответил Фалькенберг. — Президент согласен на введение военного положения?

Будро неохотно кивнул.

— Вероятно, придется.

— Хорошо, — сказал Фалькенберг.

Хамнер неожиданно насторожился. Он заметил что-то необычное в голосе и манерах Фалькенберга. Что-то важное?

— Политики обычно создают ситуации, выход из которых могут найти только военные. Обычно впоследствии также во всем обвиняют военных, — сказал Фалькенберг. — Я принимаю на себя ответственность за осуществление законов военного положения, но мне должны подчиняться все правительственные силы. Я ничего не смогу сделать, если отдельные части не станут подчиняться моим приказам.

— Нет! — Брэдфорд вскочил на ноги. Стул за ним с грохотом упал. — Я понимаю, что вы делаете! Вы тоже против меня! Поэтому вы никогда меня не поддерживали, не позволили мне стать президентом! Вы сами хотите завладеть этой планетой! Вам это не удастся, вы, дешевый диктатор! Кордова, арестуйте этого человека!

Кордова облизал губы и посмотрел на Фалькенберга. Оба были вооружены, и Кордова решил не рисковать.

— Лейтенант Харгрив! — позвал он. Дверь в приемную распахнулась.

Но никто не вошел.

— Харгрив! — снова крикнул Кордова. Он положил руку на кобуру пистолета. — Вы арестованы, полковник Фалькенберг.

— Правда?

— Это нелепо, — крикнул Будро. — Полковник Кордова, уберите руку от оружия! Я не позволю разыгрывать в моем кабинете фарс.

Еще несколько мгновений ничего не происходило. В комнате было тихо, и Кордова переводил взгляд с Брэдфорда на Будро, не зная, что делать дальше.

И тут Брэдфорд обратился к президенту:

— И вы, старина? Полковник Кордова, арестуйте и мистера Будро. А что касается вас, мистер изменник Джордж Хамнер, вы получите по заслугам. У меня люди по всему дворцу. Я знал, что дойдет и до этого.

— Знали... В чем дело, Эрнест? — Президент Будро казался удивленным, голос его звучал жалобно. — Что вы делаете?

— Заткнись, старый хрыч! — рявкнул Брэдфорд. — Вас тоже нужно будет расстрелять.

— Думаю, мы слышали достаточно, — отчетливо сказал Фалькенберг. Голос его разнесся по комнате, хотя он его не повышал. — Я отказываюсь подчиниться аресту.

— Убейте его! — крикнул Брэдфорд. И сунул руку под полу.

Кордова дернул из кобуры пистолет. Но не успел его достать — за дверью послышались выстрелы. Их грохот заполнил комнату, и в ушах у Хамнера зазвенело.

Брэдфорд с удивленным видом повернулся к двери. Глаза его остекленели, и со своей обычной полуулыбкой он упал на пол. Стали слышны новые выстрелы, автоматные очереди, и Кордову отбросило к стене зала заседаний. Там его удержали удары пуль. На мундире появились ярко-красные пятна.

В помещение в сопровождении трех морских пехотинцев вошел главный старшина Кальвин. У всех из-под кожаного обмундирования выпячивалась броня. В струившихся через окна ярких солнечных лучах их шлемы казались тусклыми.

Фалькенберг кивнул и убрал пистолет в кобуру.

— Все в порядке, главный старшина?

— Сэр!

Фалькенберг снова кивнул.

— Цитируя мистера Брэдфорда, я предпринял меры, которые обезопасят коридоры, господин президент. А теперь, сэр, если вы подпишете провозглашение военного положения, я займусь ситуацией на улицах. Главстаршина!

— Сэр!

— Вы прихватили декларацию, подготовленную капитаном Фастом?

— Сэр. — Кальвин достал из кармана документ. Фалькенберг взял его и положил на стол перед президентом Будро.

— Но... — Голос Будро звучал безнадежно. — Хорошо. Особого выбора нет. — Он посмотрел на тело Брэдфорда и содрогнулся. — Он готов был убить меня, — негромко произнес Будро. Президент казался растерянным.

Слишком многое произошло, и слишком многое требовалось сделать.

Звуки боя снаружи становились громче, зал для совещаний заполнил острый запах свежей крови. Будро пододвинул к себе документ, просмотрел его, потом достал из кармана ручку. Подписал и протянул Хамнеру, чтобы тот тоже подписал в качестве свидетеля.

— Вам стоит обратиться к президентской гвардии, — сказал Фалькенберг. — Она не знает, что делать.

— Вы не собираетесь использовать ее в уличных боях? — спросил Хамнер.

Фалькенберг покачал головой.

— Сомневаюсь, чтобы они стали сражаться. Слишком много друзей среди мятежников. Дворец они будут защищать, но в остальном ненадежны.

— Есть ли у нас шанс? — спросил Хамнер.

Будро оторвался от размышлений и словно пришел в себя.

— Да, если ли у нас шанс?

— Возможно, — ответил Фалькенберг. — Зависит от того, насколько хорош противник. Если их командир хотя бы вполовину так хорош, как я думаю, нам не победить.

XI

— Черт побери, мы не станем этого делать! — Лейтенант Мартин Летэм в ужасе смотрел на капитана Фаста. — Этот рынок — смертельная ловушка. Мои люди не пойдут в атаку через открытые улицы на укрывшихся мятежников...

— Конечно, нет. Вы хотели быть славными полицейскими, — спокойно ответил капитан Фаст. — Но вы выпустили ситуацию из рук. Так кому же снова брать ее под контроль, как не вам?

— Четвертый батальон подчиняется полковнику Кордове, а не вам. — В поисках поддержки Летэм огляделся. Его слы-

шали несколько взводов четвертого батальона, и он почувствовал себя уверенней.

Они стояли в углублении на дворцовой стене. Снаружи и по сторонам от углубления то и дело слышались выстрелы: остальные части сдерживали мятежников. Здесь Летэм чувствовал себя в безопасности, но там...

— Нет, — повторил он. — Это самоубийство.

— Неподчинение приказу тоже, — негромко сказал Эймос Фаст. — Не оглядывайтесь и не повышайте голос. А теперь посмотрите на стену дворца за мной.

Летэм увидел. Блеснул ствол ружья; фигуры в коже незаметно располагались на стене и в нишах с окнами.

— Если не пойдете в атаку, будете разоружены и пойдете под трибунал за трусость перед лицом врага, — так же негромко продолжал Фаст. — А исход такого суда может быть только один. Только одно наказание. Так что вам лучше попробовать атаковать. Мы вас поддержим.

— Зачем вам это? — спросил Мартин Летэм.

— Вы создаете проблемы, — ответил Фаст. — А теперь приготовьтесь. Когда выйдете на рыночную площадь, остальные пойдут за вами.

Атака прошла успешно, но четвертый батальон понес тяжелые потери. Еще несколько яростных атак, и мятежников вытеснили из непосредственной близости от дворца, но полку Фалькенберга приходилось платить за каждый отвоеванный метр.

Когда они занимали здание, противник, отступая, его поджигал. Столкнувшись с большой группой повстанцев, Фалькенберг вынужден был остановить наступление, чтобы спасать больных из подожженного врагом госпиталя. Три часа вокруг всего дворца полыхали пожары.

В зале совещаний никого не осталось, кроме Будро и Хамнера. Тела унесли, пол вытерли, но Джорджу Хамнеру казалось, что теперь в этой комнате всегда будет пахнуть смертью; и он не мог время от времени не смотреть на аккуратную цепочку пулевых отверстий на уровне груди в роскошной обивке кабинета.

Вошел Фалькенберг.

— Ваша семья в безопасности, мистер Хамнер. — Он повернулся к президенту. — Готов доложить, сэр.

Будро затравленно посмотрел на него. По-прежнему слышались звуки стрельбы, хотя и слабее.

— У них хорошие вожаки, — доложил Фалькенберг. — Покинув стадион, они сразу направились в казармы полиции. Перебив полицейских, взяли оружие и раздали своим союзникам.

— Они убили...

— Так точно, — ответил Фалькенберг. — Полицейские казармы им были нужны как крепость. Мы столкнулись не просто с толпой, господин президент. Мы постоянно наталкиваемся на хорошо вооруженных и хорошо подготовленных солдат. Домашние армии. Утром я предприму новую атаку, но в данный момент, господин президент, мы удерживаем всего километр вокруг дворца.

Пожары бушевали всю ночь, но стычек было немного. Полк удерживал дворец, разбив лагерь в его дворе; и если кто-нибудь задавался вопросом, почему четвертый батальон располагается в самом центре и окружен остальными, то делал это про себя.

Лейтенант Мартин Летэм мог бы ответить такому любопытному, но он лежал укрытый флагом Хедли в зале славы рядом с госпиталем.

Утром наступление снова началось. Полк передвигался небольшими группами, прорывал слабые позиции, обходил сильные, пока снова не расчистил пространство вокруг дворца. И тут он столкнулся с сильно укрепленной позицией.

Час спустя полк вел тяжелый бой на перекрытых баррикадами улицах, среди горящих зданий, под огнем снайперов с крыш. Манипулы и взводы, пытавшиеся пробиться в здания за этим пространством, вынуждены были отходить.

В повторных атаках на баррикады четвертый батальон понес огромные потери.

Джордж Хамнер пришел с Фалькенбергом и стоял в полевом штабе. Он наблюдал, как отступает еще один взвод четвертого батальона.

— Хорошие солдаты, — сказал он.

— Хорошие, — согласился Фалькенберг. — Сейчас.

— Но вы быстро истратили их.

— Не совсем по своему выбору, — ответил Фалькенберг. — Президент приказал мне сломить сопротивление противника. На это тратятся солдаты. И лучше я использую четвертый, чтобы ослабить это сопротивление.

— Но мы ни к чему не приходим.

— Да. У противника хорошие бойцы, и их слишком много. Мы не можем собрать их в одно место и навязать бой, а когда мы сталкиваемся с ними, они поджигают часть города и уходят под прикрытием огня.

Связист-капрал настойчиво замахал, и Фалькенберг подошел к низкому столу, на котором располагалась электроника. Он взял протянутый наушник, прислушался, затем поднес к губам микрофон.

— Отходите к дворцу, — приказал он.

— Вы отступаете? — спросил Хамнер.

Фалькенберг пожал плечами.

— У меня нет выбора. Я не могу удерживать такой узкий периметр, и у меня только два батальона. Плюс то, что осталось от четвертого.

— А где третий? Где солдаты-прогрессисты? Мои люди?

— На электростанциях и продовольственных центрах, — ответил Фалькенберг. — Мы не можем войти туда — у техников будет время, чтобы вывести оборудование из строя, — но мы можем не допустить туда мятежников. Третий батальон подготовлен не так хорошо, как остальные, к тому же техники могут ему довериться.

Они вернулись обратно по горящим улицам. Сзади доносились звуки отступления полка. Гражданские рабочие пытались погасить пожары и занимались ранеными и погибшими.

«Безнадежно, — подумал Джордж Хамнер. — Безнадежно. Не знаю, почему мне казалось, что после ухода Брэдфорда Фалькенберг совершит чудо. Что он может сделать? Никто ничего не может сделать».

Встревоженная президентская гвардия впустила их во дворец и закрыла за ними тяжелые ворота. Гвардейцы удерживали дворец, но не выходили из него.

Президент Будро находился в своем нарядном кабинете. Вместе с ним был лейтенант Баннерс.

— Я собирался послать за вами, — сказал Будро. — Мы ведь не можем победить?

— Нет — если все будет так, как сейчас, — ответил Фалькенберг. Хамнер согласился.

Президент Будро быстро кивнул, словно в ответ на собственный вопрос. Лицо его было маской утраченной надежды.

— Так я и думал. Отведите своих людей назад в казармы, полковник. Я намерен сдаться.

— Но вы не можете, — возразил Джордж. — Все, о чем мы мечтали... Вы обрекаете Хедли на гибель. Партия Свободы не может править.

— Совершенно верно. Вы ведь тоже понимаете это, Джордж? А мы можем управлять? До того, как дело дошло до открытого столкновения, возможно, у нас еще был шанс. Но теперь его нет. Отведите ваших солдат во дворец, полковник. Или вы откажетесь?

— Нет, сэр. Солдаты уже отступают. Они будут здесь через полчаса.

Будро громко вздохнул.

— Я вам говорил, Фалькенберг, что военное решение здесь невозможно.

— Мы могли бы добиться чего-нибудь в прошедшие месяцы, если бы нам дали возможность.

— Может быть. — Президент слишком устал, чтобы спорить. — Но если мы будем во всем винить бедного Эрни, этим делу не поможем. Он, должно быть, сошел с ума. Это было три месяца назад, полковник. Даже не вчера. Я мог бы достичь компромисса до начала вооруженных схваток, но не сделал этого, и вы проиграли. Вы ничего не добиваетесь, только жжете город... по крайней мере я спасу Хедли хотя бы от этого. Баннерс, скажите руководителям партии Свободы, что я отрекаюсь от власти.

Офицер гвардии отдал честь и вышел с непроницаемым лицом. Будро смотрел ему вслед. Он смотрел куда-то вдаль, за стены кабинета с их суетными украшениями.

— Итак, вы уходите в отставку, — медленно сказал Фалькенберг.

Будро кивнул.

— Вы уже в отставке, сэр? — неожиданно спросил Фалькенберг.

— Да, черт побери. Мое заявление у Баннерса.

— И что же нам теперь делать? — спросил Джордж Хамнер. В голосе его звучали одновременно презрение и удивление. Он всегда уважал Будро и восхищался им. И вот первый человек на Хедли их бросает.

— Баннерс обещал вывести меня отсюда, — сказал Будро. — У него в гавани лодка. Мы поплывем к берегу, потом отправимся в глубь местности к шахтам. На следующей неделе туда придет звездный корабль, и я смогу улететь вместе с семьей. Вам лучше отправиться со мной, Джордж. — Президент закрыл лицо руками, потом снова отнял их. — Знаете, какое облегчение я испытываю? Что вы будете делать, полковник Фалькенберг?

— Мы выдержим. В гавани много лодок, если они нам понадобятся. Но очень вероятно, что новому правительству понадобятся хорошо подготовленные солдаты.

— Настоящий наемник, — презрительно сказал Будро. Он вздохнул и обвел взглядом кабинет, задерживаясь на знакомых предметах. — Какое облегчение. Больше мне ничего не нужно решать. — Он встал, и плечи у него не были поникшими. — Пойду за своей семьей. Вам тоже лучше уйти, Джордж.

— Я приду позже, сэр. Не ждите нас. Как сказал полковник, в гавани много лодок. — Он подождал, пока Будро не вышел из кабинета, затем повернулся к Фалькенбергу. — Ну хорошо, что теперь?

— А теперь мы сделаем то, за чем пришли сюда, — ответил Фалькенберг. Он подошел к столу президента, осмотрел телефоны, но передумал и предпочел свой карманный коммуникатор. Поднял его и довольно долго говорил.

— Что вы делаете? — спросил Хамнер.

— Вы пока еще не президент. И не будете им, пока не принесете присягу, а это произойдет уже после того, как я закончу. К тому же некому принимать вашу отставку.

— Какого дьявола? — Хамнер внимательно посмотрел на Фалькенберга, но ничего не смог прочесть на его лице. — У вас есть идея. Давайте послушаем...

— Вы пока еще не президент, — повторил Фалькенберг. — Согласно объявленному президентом Будро военному положению я имею право предпринимать любые действия для восстановления порядка в Рефьюдже. И буду исполнять этот приказ, пока его не отменит новый президент. А в данный момент никакого президента нет.

— Но Будро отказался от должности! Партия Свободы изберет президента.

— Согласно Конституции Хедли, только Сенат и Ассамблея на объединенном заседании имеют право избирать нового президента. И после смерти Брэдфорда правите вы — но только с того момента, как появитесь в ратуше и принесете присягу.

— Но это бессмыслица, — возразил Хамнер. — И сколько времени вы сможете контролировать ситуацию?

— Столько, сколько понадобится. — Фалькенберг повернулся к своему помощнику. — Капрал, мистер Хамнер должен оставаться со мной, а вы — с ним. Обращайтесь с ним уважительно, но он без моего разрешения никуда не пойдет и ни с кем не увидится. Понятно?

— Сэр!

— И что теперь? — спросил Хамнер.

— Теперь подождем, — медленно ответил Джон Фалькенберг. — Но недолго...

Джордж Хамнер сидел в зале заседаний спиной к окровавленной и простреленной стене. Он старался забыть эти пятна, но не мог.

Фалькенберг расположился напротив, а его адъютанты и помощники сидели в дальнем конце стола. На одной половине стола располагалось оборудование связи, но не было ситуационной карты. Фалькенберг не переместил сюда свой командный пункт.

Время от времени появлялись офицеры с донесениями о ходе боя, но Фалькенберг их едва выслушивал. Однако когда один из помощников доложил, что звонит доктор Уитлок, Фалькенберг сразу взял наушники.

Джордж не слышал, что говорит Уитлок, а участие Фалькенберга в диалоге заключалось в односложных междометиях.

Единственное, в чем был уверен Джордж: Фалькенберга очень интересует то, что делает его политический агент.

Полк пробился во дворец и теперь находился во дворе. Входы во дворец удерживала президентская гвардия, и бой прекратился. Мятежники оставили гвардейцев в покое, и в Рефьюдже установилось шаткое перемирие.

— Они собираются на стадионе, сэр, — доложил капитан Фаст. — Одобрительные крики, которые вы слышали, раздались после того, как Баннерс передал заявление президента об отставке.

— Понятно. Спасибо, капитан. — Фалькенберг знаком попросил подать еще кофе. Он предложил чашку Джорджу, но вице-президент отказался.

— И долго это будет продолжаться? — спросил он.

— Не очень. Слышите радостные крики?

Они сидели еще с час: Фалькенберг внешне невозмутимый, Хамнер — с растущим напряжением. Затем в зал совещаний вошел доктор Уитлок.

Рослый штатский посмотрел на Фалькенберга и Хамнера и небрежно сел в президентское кресло.

— Не думаю, что у меня будет другая возможность посидеть на месте, олицетворяющем власть, — улыбнулся он.

— Что происходит? — спросил Хамнер.

Уитлок пожал плечами.

— Все, как предсказывал полковник Фалькенберг. Сейчас толпы устремились на стадион. Никто не хочет остаться позади: ведь они считают, что победили. Они собрали сенаторов, каких смогли найти, и сейчас готовятся к выборам нового президента.

— Но ведь эти выборы будут незаконными, — сказал Хамнер.

— Конечно, сэр, но это их не останавливает. Думаю, они полагают, что завоевали такое право. А гвардия уже заявила, что поддержит выбор народа. — Уитлок иронически усмехнулся.

— Сколько моих техников в толпе? — спросил Хамнер. — Они ко мне прислушаются. Я это знаю.

— Может, и так, — согласился Уитлок. — Но сейчас их не так много, как раньше. Большинство не вынесло пожаров и грабежей. Но все же сколько-то их там есть.

— Можете вывести их оттуда? — спросил Фалькенберг.

— Как раз этим я сейчас и занимаюсь, — улыбнулся Уитлок. — В этом одна из причин моего появления здесь. Хочу, чтобы мистер Хамнер помог. Мои люди говорят техникам, что у них уже есть президент — мистер Хамнер, зачем им кто-то еще? Это действует, но несколько слов от их лидера не помешали бы.

— Верно, — согласился Фалькенберг. — Как, сэр?

— Я не знаю, что сказать, — возразил Хамнер.

Фалькенберг отошел к контрольной панели на стене.

— Господин вице-президент, я не могу вам приказывать, но настоятельно советую просто дать несколько обещаний. Скажите, что вскоре примете на себя правление и все пойдет по-другому. А потом прикажите возвращаться по домам или предстать перед судом за мятеж. Или попросите их вернуться домой в виде одолжения вам лично. Используйте то, что, по вашему мнению, подействует.

Речь получилась не очень хорошая, и большую ее часть толпа из-за криков не услышала. Джордж пообещал амнистию всем, кто покинет стадион, и пытался обратиться к прогрессистам, захваченным восстанием. Когда он опустил микрофон, Фалькенберг выглядел довольным.

— Еще полчаса, доктор Уитлок? — спросил он.

— Примерно, — подтвердил историк. — К этому времени все, кто хотел уйти, уйдут.

— Идемте, господин президент, — настойчиво сказал Фалькенберг.

— Куда? — спросил Уитлок.

— Поглядим, чем все кончится. Хотите посмотреть или предпочитаете пойти к своей семье? Можете идти куда угодно, за исключением ратуши или того, кто мог бы принять вашу отставку.

— Полковник, это нелепо. Вы не можете заставить меня быть президентом, и я не понимаю, что происходит.

Фалькенберг мрачно улыбнулся.

— А я и не хочу, чтобы вы понимали. Пока. У вас и так будет достаточно тяжелых воспоминаний, с которыми вам придется жить. Идемте.

Джордж Хамнер пошел за ним. В горле у него пересохло, и внутренности словно стянуло тугим узлом.

Первый и второй батальоны собрались во дворе дворца. Солдаты стояли рядами. Их синтекожаное боевое обмундирование покрылось грязью и сажей в уличных боях. Под мундирами бугрилась броня.

Солдаты молчали, и Хамнеру показалось, что они словно вырублены из камня.

— Следуйте за мной, — приказал Фалькенберг. Он направился ко входу на стадион. Там стоял лейтенант Баннерс.

— Стой! — приказал он.

— Правда, лейтенант? Вы хотите столкновения с моими войсками? — Фалькенберг указал на мрачные шеренги у себя за спиной.

Лейтенант Баннерс с трудом сглотнул. Хамнеру он показался очень молодым.

— Нет, сэр, — сказал он. — Но нам приказали никого не пропускать. Там чрезвычайное заседание Сената и Ассамблеи избирает нового президента, и мы не позволим вмешаться вашим наемникам.

— Там никого не избрали, — ответил Фалькенберг.

— Нет, сэр, но когда изберут, гвардия подчинится новому президенту.

— Я получил приказ вице-президента Хамнера арестовать лидеров оппозиции и подтверждение введения военного положения, — настаивал Фалькенберг.

— Простите, сэр. — Баннерс как будто говорил искренне. — Наш Совет офицеров решил, что отставка президента Будро действительна. Мы намерены уважать его решение.

— Понятно. — Фалькенберг отступил. Он сделал знак своим помощникам, и Хамнер присоединился к ним. Никто не помешал ему.

— Этого я не ожидал, — сказал Фалькенберг. — Чтобы пробиться через караульные помещения, потребуется неделя. — Он ненадолго задумался. И неожиданно резко обратился к Хамнеру: — Дайте мне ваши ключи!

Джордж, удивленный, протянул ему ключи. Фалькенберг широко улыбнулся.

— Есть и другой путь туда, вы-то знаете. Майор Севедж! Возьмите роты Д и Ф второго батальона и закройте выходы со стадиона. Окопайтесь и приготовьте оружие. Арестуйте всякого, кто будет выходить.

— Сэр.

— Окопайтесь получше, Джереми. Они могут выходить с оружием. Но не думаю, чтобы они были организованы.

— Стрелять в вооруженных людей?

— Без всякого предупреждения, майор. Без предупреждения. Главный старшина, ведите остальные войска за мной. Майор, в вашем распоряжении двадцать минут.

Фалькенберг провел войска по двору к входу в туннель и ключами Хамнера открыл дверь. На Хамнера он не обращал внимания. Спустился по лестнице и прошел под полем стадиона.

Джордж Хамнер держался рядом с ним. Он слышал топот идущих за ними колонн. Снова подъем по лестнице, быстрый подъем, так что Хамнер начал задыхаться. Солдаты подъема словно не заметили. «Разница в тяготении, — подумал Хамнер. — И привычке».

Наконец они достигли верха и рассыпались по коридорам. Фалькенберг расставил людей у всех выходов и вернулся к центральной двери. И стал ждать. Напряжение росло.

— Но...

Фалькенберг покачал головой. Вид его требовал молчания. Он стоял в ожидании, а секунды все бежали.

— ВПЕРЕД! — приказал Фалькенберг.

Двери распахнулись. Вооруженные солдаты быстро заняли верх стадиона. Большая часть толпы находилась ниже, а несколько невооруженных людей, пытавшихся сопротивляться полку, были сразу сметены. Мелькнули ружейные приклады, и снова наступила тишина. Фалькенберг взял у адъютанта громкоговоритель.

— ВНИМАНИЕ. ВНИМАНИЕ. ВЫ АРЕСТОВАНЫ СОГЛАСНО ЗАКОНАМ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ, ОБЪЯВЛЕННОГО ПРЕЗИДЕНТОМ БУДРО. СЛОЖИТЕ ОРУЖИЕ, И ВАМ НЕ ПРИЧИНЯТ ВРЕДА. ЕСЛИ НАЧНЕТЕ СОПРОТИВЛЯТЬСЯ, БУДЕТЕ УБИТЫ.

Мгновение молчания, и толпа завопила, осознав сказанное Фалькенбергом. Многие смеялись. Затем с поля и с ниж-

них рядов сидений начали стрелять. Хамнер услышал, как мимо его уха просвистела пуля. И только потом услышал грохот выстрела.

Внизу на поле один из лидеров взял громкоговоритель. Он кричал остальным:

— НАПАДАЙТЕ НА НИХ! ИХ НЕ БОЛЬШЕ ТЫСЯЧИ ЧЕЛОВЕК, А У НАС ТРИДЦАТЬ ТЫСЯЧ. НАПАДАЙТЕ, УБЕЙТЕ ИХ!

Выстрелы участились. Несколько солдат Фалькенберга упали. Остальные стояли неподвижно в ожидании приказа.

Фалькенберг снова поднял громкоговоритель.

— ПОДГОТОВИТЬСЯ К ОГНЮ ЗАЛПОМ, ГОТОВЬСЬ. ЦЕЛЬСЯ. ЗАЛПОМ — ПЛИ!

Семьсот ружей выстрелили как одно.

— ПЛИ!

Кто-то закричал — долгий крик, бессловная мольба о помощи.

— ПЛИ!

Волна людей, устремившихся снизу, дрогнула и остановилась. Многие кричали, убегали, пытались спрятаться под сиденьями или укрыться за друзьями — уйти куда угодно от безжалостных стволов.

— ПЛИ!

Как будто один невероятно громкий выстрел, гораздо более длительный, чем выстрел из ружья. Выстрелы сливались друг с другом, и невозможно было различить гром отдельных ружей.

— ПЛИ!

Крики внизу нарастали.

— Во имя Господа...

— СОРОК ВТОРОЙ — ПРИГОТОВИТЬСЯ К АТАКЕ. ПРИМКНУТЬ ШТЫКИ. ВПЕРЕД! ДВИГАЙТЕСЬ И СТРЕЛЯЙТЕ, НЕ ДОЖИДАЯСЬ ПРИКАЗОВ.

Теперь выстрелы звучали непрерывно. Цепи одетых в кожу солдат устремились вперед и вниз, перескакивая через сиденья, неуклонно продвигаясь к толпе на поле.

— Главный старшина!

— СЭР!

— Снайперам и специалистам отойти и занять позиции. Стрелять только в вооруженных.

— Сэр!

Кальвин заговорил в свой коммуникатор. От каждой секции отделились люди и заняли позиции за сиденьями. И начали стрелять — быстро, но тщательно прицеливаясь. Всякий поднявший внизу оружие тут же падал замертво. Полк продолжал спускаться.

Хамнеру стало дурно. Отовсюду неслись крики раненых. «Боже, останови это, останови», — молился он.

— ПОДГОТОВИТЬ ГРАНАТЫ! — гремел в громкоговорителе голос Фалькенберга. — БРОСАЙ!

Сотни гранат по дуге устремились вниз, в толпу. Грохот многочисленных взрывов потонул в криках ужаса.

— ЗАЛПОМ — ПЛИ!

Полк спускался, пока не соприкоснулся с толпой. Последовала короткая схватка. Стреляли из ружей, сверкали алые штыки. Цепь задержалась, но на мгновение. И двинулась дальше, оставляя за собой страшный след. Мужчины и женщины запрудили выходы со стадиона. Задние лихорадочно пытались уйти, карабкались на упавших, сбивая по пути женщин, топча друг друга в попытках спастись. Снаружи затрещали пулеметы. Те, что были у ворот, отшатнулись и упали под напором сзади.

— Вы даже не позволяете им выйти! — кричал Хамнер Фалькенбергу.

— Вооруженным — нет. Они не должны уйти. — Лицо полковника было жестким и холодным, глаза сузились в щелки. Он бесстрастно следил за бойней, без всякого выражения осматривая происходящее.

— Вы хотите убить их всех?

— Всех, кто сопротивляется.

— Но они этого не заслужили! — Джордж Хамнер слышал, как дрожит его голос. — Не заслужили!

— Никто этого не заслужил, Джордж. ГЛАВНЫЙ СТАРШИНА!

— СЭР!

— Половине снайперов сосредоточиться на руководителях.

— СЭР!

Кальвин негромко заговорил в коммуникатор. Снайперы сосредоточили огонь на президентской ложе, расположенной

над ними. Вдоль рядов залегших солдат перебегали центурионы, указывая цели. Снайперы продолжали непрерывно стрелять.

Ряды солдат в броне и коже неумолимо продвигались. Теперь они почти достигли нижнего ряда сидений. Стрельба поутихла, но на полуденном солнце по-прежнему сверкали алые штыки.

Еще одна секция повернула в сторону и направилась в конец стадиона — охранять небольшую группу пленных. Остальные продолжали движение, переступая через скользкие от крови сиденья.

Когда полк достиг уровня поля, продвижение его замедлилось. Сопротивления почти не было, но солдат останавливала толпа. Оставалось всего несколько участков активного сопротивления, и летучие взводы направлялись туда на подмогу. Снова полетели гранаты. Фалькенберг спокойно наблюдал за боем и редко пользовался коммуникатором. Внизу продолжали умирать люди.

Одна из рот построилась и быстро поднялась на верх стадиона с противоположной стороны. Рассыпалась вдоль края. Солдаты нацелили ружья вниз и дали новый страшный залп.

Неожиданно все кончилось. Сопротивление прекратилось. Была только кричащая толпа. Люди бросали оружие и бегали с поднятыми руками. Другие падали на колени, умоляя сохранить им жизнь. Последовал еще один смертоносный залп, и над стадионом воцарилась мертвая тишина.

Однако тишина мнимая, как немного погодя понял Хамнер. Оружие молчало, никто не выкрикивал приказы, но звук был. Кричали раненые. Слышались мольбы о помощи, стоны, гулкий кашель, когда кто-то старался прочистить порванные легкие.

Фалькенберг мрачно кивнул.

— Теперь мы должны отправиться в ратушу, мистер президент. Немедленно.

— Я... о Боже! — Хамнер стоял на вершине стадиона. Ноги у него подгибались, и он, чтобы не упасть, держался за колонну. Картина внизу казалась нереальной. Слишком много крови, целые реки, кровь струится по ступеням, льется по лестницам и впитывается в поросшее травой поле.

— Все кончено, — негромко сказал Фалькенберг. — Для всех нас. Полк улетит, как только вы прочно возьмете власть. Никаких проблем с электростанциями не будет. Теперь, после смерти Брэдфорда, техники вам поверят. А горожане без лидеров не будут сопротивляться.

Можете направлять их в глубину континента, сколько понадобится. Распределите их среди верных людей, и они не причинят беспокойств. Эта ваша амнистия — это было только предложение, но я его повторю.

Хамнер ошеломленно посмотрел на Фалькенберга.

— Да. Сегодня убито слишком много. Кто вы, Фалькенберг?

— Всего лишь наемник, господин президент. Ничего больше.

— Но... на кого вы работаете?

— Вот этот вопрос мне еще никто не задавал. На адмирала Лермонтова.

— Лермонтова? Но ведь вас выгнали из СоВладения! Вы здесь, потому что наняты... адмиралом? Наемник?

— Более или менее, — холодно кивнул Фалькенберг. — Флоту надоело, что его используют для вмешательства в жизни других людей без единого шанса... привести дела в порядок.

— И теперь вы улетаете?

— Да. Мы не можем здесь оставаться, Джордж. Никто не забудет того, что произошло сегодня. Вы не можете сохранить нас и создать способное работать правительство. Я заберу первый и второй батальоны и то, что осталось от четвертого. Нас ждет новая работа.

— А остальные?

— Третий батальон останется, чтобы помогать вам, — сказал Фалькенберг. — Мы собрали в третий батальон всех женатых, всех надежных людей и направили их на электростанции. Они не участвовали в бою. — Он посмотрел на стадион, потом снова на Хамнера. — Во всем вините меня, Джордж. Вы не приказывали. Вы можете сказать, что бойня совершалась по приказу Брэдфорда и он в припадке угрызений совести покончил с собой. Люди захотят в это поверить. Они захотят думать, что кто-то наказан за... за это. —

Он махнул в сторону поля внизу. Откуда-то слышался детский плач.

— Это нужно было сделать, — настойчиво продолжал Фалькенберг. — Другого выхода не было. Иначе нельзя было сохранить цивилизацию... По оценке доктора Уитлока, при распаде погибла бы треть населения. Разведка Флота считала, что погибло бы больше. А теперь у вас есть шанс.

Фалькенберг говорил быстро, и Джордж подумал: «Кого он пытается убедить?»

— Уберите их из города, — говорил Фалькенберг. — Сделайте это, пока они не пришли в себя. Для этого вам большая помощь не понадобится. Они не будут сопротивляться. А мы восстановили железную дорогу. По железной дороге и кораблями вывозите людей на фермы. Конечно, без подготовки им будет трудно, но до зимы еще далеко...

— Я знаю, что делать, — прервал его Хамнер. Он прислонился к колонне и, казалось, при этой мысли испытал прилив сил. *Да. Я знаю, что делать. Теперь.* — Я всегда знал, что нужно сделать. Теперь мы можем начать. Мы не будем вас благодарить за это, но... вы спасли целую планету, Джон.

Фалькенберг мрачно посмотрел на него и показал на тела внизу.

— Черт побери, никогда так не говорите! — крикнул он. Голос его звучал почти пронзительно. — Я ничего не спас. Солдат может только выиграть время. Я не спас Хедли. Вам придется это сделать самим. И да поможет вам Бог, если вы не справитесь!

XII

Крофтоновская Энциклопедия современной истории и социальных проблем (Второе издание)

Наемники. Возможно, наиболее тревожным следствием ухода СоВладения с самых далеких колониальных планет (см. *Движение независимости*) стал быстрый рост численности вооруженных отрядов наемников.

Такое развитие было предсказуемо и, возможно, неизбежно, хотя масштаб его превысил все ожидания.

На многих бывших колониальных планетах не было всепланетного правительства. Соответственно новые нации не обладали достаточным населением или развитой промышленностью, чтобы содержать большие и эффективные армии. Демобилизация многих соединений морской пехоты создала приток большого количества безработных, хорошо обученных солдат, и многие из них неизбежно собирались вместе и создавали наемные отряды.

Таким образом, перед колониальными правительствами встала суровая и неразрешимая дилемма. Сталкиваясь с силами наемников, специализирующихся на насилии, они могли ответить только тем же. Немногие колонии разорвали этот круг, создав собственные национальные армии, но с течением времени оказались не способны содержать их.

Таким образом, вдобавок к чисто наемническим организациям, таким, как наемный легион Фалькенберга, сейчас существуют национальные армии, которые сдаются внаем, чтобы сократить расходы своих правительств. Некоторые прежние колонии нашли подобную практику такой выгодной, что экспорт наемников стал для них главной статьей дохода, а набор и подготовка солдат — главным занятием.

Большой Сенат СоВладения попытался сохранить свое присутствие в прежних колониях провозглашением так называемых *Законов войны* (см.), которые подразумевают регулировку вооружения и тактики соединений наемников. Но применение этих законов не повсеместно и навязывается насильственно. Когда Сенат предлагает Флоту обеспечить соблюдение этих законов, неизбежно возникают подозрения, что пре-

следуются другие, тайные, интересы СоВладения или что у некоторых сенаторов есть свои причины добиваться такого решения.

Соединения наемников в целом пополняются из тех же источников, что и морская пехота СоВладения, и подчеркивают свою верность товарищам и командирам, а не определенному правительству. То, в какой степени командирам наемников удалось отрезать своих подчиненных от национального влияния, вызывает одновременно удивление и тревогу.

Наиболее известные соединения наемников описаны в отдельных статьях. См.: *Завет, Фридланд, Ксанаду, Наемный легион Фалькенберга, Новый иностранный легион, Жандармерия Катанги, Командос Мулмана...*

Наемный легион Фалькенберга. Исключительно частная военная организация, созданная на основе бывшего Сорок второго полка морской пехоты СоВладения под командованием полковника Джона Кристиана Фалькенберга III. Фалькенберг при сомнительных обстоятельствах был уволен из Флота СоВладения, а вскоре после этого был расформирован и его полк. Большинство бывших офицеров и солдат Сорок второго предпочли остаться с Фалькенбергом.

Впервые легион Фалькенберга был нанят правительством только что получившей независимость колонии *Хедли* (см.) для подавления гражданских волнений. Подавление неудавшегося восстания после ухода СоВладения вызвало многочисленные обвинения в адрес обеих сторон в жестокости и излишнем насилии, но правительство Хедли выразило удовлетворение деятельностью Фалькенберга.

После выполнения этого задания легион Фалькенберга принимал участие во многих малых оборонительных и наступательных войнах по крайней мере на

пяти планетах и приобрел репутацию одной из наиболее эффективных и подготовленных небольших независимых воинских частей.

Затем легион нанял губернатор Танита — тюремной планеты СВ.

Это последнее назначение вызвало отчаянные споры в Большом Сенате, поскольку планета Танит оставалась под контролем СВ. Однако адмирал Лермонтов указал, что бюджет Флота не позволяет содержать на планете регулярные силы морской пехоты из-за постоянных сокращений, принимаемых самим Сенатом; после долгих дебатов решение о найме легиона было поддержано в качестве альтернативы формированию нового полка морской пехоты СВ.

По последним сообщениям, легион Фалькенберга остается на Таните. Однако срок действия контракта, заключенного с губернатором планеты, закончился.

На экране адмирала Лермонтова изображение Земли сменила яркая картина Танита. Эту планету можно было бы принять за Землю: облака скрывают очертания суши и воды и свиваются в типичный тропический циклон.

При более внимательном взгляде становились видны различия. Солнце желтое: звезда Танит не такая горячая, как Солнце, но Танит к ней ближе. Здесь год короче, и большие пространства занимают болота, курящиеся паром в желто-оранжевом сиянии.

Несмотря на отвратительный климат, Танит очень ценная планета. Это самое близкое и самое удобное место для избавления от тех, кто лишен права жить на Земле. Нет лучшего способа обойтись с преступниками, чем отправить их на тяжелую — и полезную — работу на другую планету. Танит получает всех: мятежников, преступников, недовольных, жертв административного произвола — все отбросы цивилизации, которая больше не может себе позволить содержать тех, кто ей не подходит.

Танит также важнейший источник борлоя, который Всемирная фармацевтическая ассоциация называет «лучшим эйфорическим средством». Благодаря постоянным поставкам борлоя удается держивать граждан на Благотворительных островах. Счастье, которое дарит наркотик, искусственное, но, тем не менее, оно совершенно реально.

— Итак, я торгую наркотиками, — сказал Лермонтов гостю. — Не этого я ждал, когда стал адмиралом.

— Простите, Сергей. — Сенатор Мартин Грант постарел; за десять прошедших лет он стал выглядеть на сорок лет старше. — Флоту лучше иметь собственный источник дохода от плантаций борлоя, чем рассчитывать на то, что я могу вам добыть в Сенате.

Лермонтов с отвращением кивнул.

— Это должно кончиться, Мартин. Каким-то образом, где-то — но это должно кончиться. Я не могу содержать войска на деньги, полученные от продажи наркотика — к тому же выращенного рабами. Из солдат плохие рабовладельцы.

Грант только пожал плечами.

— Легко решить так, не правда ли? — Адмирал покачал головой. — Конечно, есть пороки, свойственные солдатам и морякам. Их у нас пруд пруди, но это не те пороки, что подрывают способность солдата сражаться. А рабовладение разлагает все, к чему прикоснется.

— Если вы испытываете такие чувства, что я могу ответить? — спросил Мартин Грант. — Никакой альтернативы предложить не могу.

— А я не могу продолжать, — сказал Лермонтов. Он яростно нажал на клавишу, и Танит исчез с экрана. Из черноты, на мгновение заполнившей экран, выплыла Земля, более голубая, но для Лермонтова гораздо более прекрасная. — Там, внизу, глупцы, — произнес Лермонтов. — И мы здесь не лучше. Мартин, я снова и снова спрашиваю себя: почему мы ничего не можем удержать под контролем? Ничего. Почему нас тащит, словно щепки в потоке? Человек может руководить своей судьбой. Я это знаю. Почему же мы так беспомощны?

— Вы спрашиваете себя об этом не чаще, чем я, — ответил сенатор Грант. Голос его звучал негромко и устало. — По крайней мере мы все еще пытаемся. Дьявол, да у вас больше

власти, чем у меня. В вашем распоряжении Флот, и есть тайные фонды, которые вы получаете на Таните... Боже, Сергей, если вы ничего не можете сделать...

— Я могу только помочиться на пожар, — сказал Лермонтов. — И это почти все. — Он пожал плечами. — Итак, если это все, что я могу сделать, я буду продолжать пускать воду. Хотите выпить?

— Спасибо.

Лермонтов отошел к бару и достал бутылки. Его разговоров с сенатором Грантом никто никогда не слышал, даже адъютанты, состоявшие при нем много лет.

— Прозит.

— Прозит!

Они выпили. Грант взял сигару.

— Кстати, Сергей, что вы сделаете с Фалькенбергом — теперь, когда с неприятностями на Таните покончено?

Лермонтов холодно улыбнулся.

— Я надеялся, что вы найдете решение. У меня нет больше средств...

— Деньги Танита...

— Они нужны повсюду, просто чтобы не дать Флоту распасться, — решительно ответил Лермонтов.

— Значит, Фалькенбергу придется самому искать выход. С его репутацией проблем у него не будет, — сказал Грант. — А если будут, все равно его неприятности ничто в сравнении с нашими.

XIII

Зной придавил влажные поля. На Таните солнце светит пятнадцать часов в сутки, и за два часа до полудня уже невыносимо жарко; на Таните все дни такие. Даже в середине зимы в полдень от джунглей поднимается пар.

Небо над полковым лагерем желто-серое. К западу джунгли переходят в неизбежные болота, где фыркают звери вимы, поглубже зарываясь в защищающую от жары грязь. В самом лагере воздух горячий и влажный, проникнутый сильным запахом плесени и разложения.

Лагерь полка представляет собой остров геометрической точности в путанице джунглей и холмов. Каждая окруженная рвом желтая казарма одинаково далеко отстоит от всех остальных, каждая рота создает свой ряд во главе с домом центуриона с одного конца и домом старшего сержанта с другой.

Широкая улица отделяет ряд Центурионов от Линии командиров рот, а еще дальше — более короткая Линия старших офицеров. Пирамида сужается к вершине, и в этой вершине располагается единственное здание: там живет полковник. Остальные офицеры живут с женами, и на одном краю лагеря размещаются квартиры женатых наемников. Но полковник живет в одиночестве.

Гость вместе с полковником наблюдал за церемонией, которая возникла в Англии в дни королевы Анны, когда командирам полков платили в соответствии с силой их частей и когда люди королевы хотели убедиться, что каждый оплаченный солдат пройдет перед ними на параде — или, по крайней мере, просто существует.

Гость, историк-любитель, с сухой усмешкой наблюдал за парадом. Война изменилась, и солдаты больше не шагают ровными рядами, чтобы по команде произвести залп, но полковникам снова платят в зависимости от того, какие силы они могут выставить в бою.

— Отдать рапорт! — Приказ адъютанта легко пронесся над плацем, долетев до неподвижных синих и золотых квадратов.

— Первый батальон, рота Б патрулирует. Батальон в полном составе, за исключением дежурных, сэр.

— Второй батальон в полном составе, за исключением дежурных, сэр.

— Третий батальон в полном составе, за исключением дежурных, сэр.

— Четвертый батальон, четыре человека отсутствуют без разрешения, сэр.

— Как неловко, — негромко заметил гость. Полковник попытался улыбнуться, но у него не очень получилось.

— Артиллерия присутствует в полном составе, за исключением дежурных, сэр.

— Группа разведки в полном составе, сэр!

— Саперы в полном составе, сэр!

— Батальон огневой поддержки, авиагруппа на патрулировании. Батальон присутствует в полном составе, за исключением дежурных, сэр!

— Офицеры штаба присутствуют или находятся на задании, сэр!

Адъютант отвечал на каждое приветствие, потом резко повернулся и козырнул полковнику.

— Полк в полном составе, за исключением четверых в самоволке, сэр!

Полковник Фалькенберг ответил на приветствие.

— Займите свое место.

Капитан Фаст повернулся кругом и прошел на свое место.

— Парад, шагом марш!

— Оркестр!

Оркестр заиграл военный марш, который уже в двадцатом веке был старым, и под его звуки полк построился в колонну и двинулся вокруг плаца. Когда рота подходила к трибуне, все одновременно поворачивали головы, опускали в приветствии знамена и флажки, а офицеры и центурионы картинно взмахивали саблями.

Гость кивнул про себя: «Не очень современно. В восемнадцатом веке умение солдат шагать строем, а офицеров — владеть шпагой имело прямое отношение к боеспособности. Но не сейчас. Тем не менее, церемония производит впечатление».

— Слушать приказы! — Главный старшина прочел приказы по полку. Повышения, расписание дежурств, ежедневные работы по полку. Гость начал потеть.

— Очень впечатляюще, полковник, — сказал он. — Наши вашингтонские солдаты в свой лучший день не могли бы так выглядеть.

Джон Кристиан Фалькенберг холодно кивнул.

— Хотите сказать, что в поле они могут быть не так хороши, господин министр? Хотите еще одну демонстрацию?

Говард Баннистер пожал плечами.

— А что она докажет, полковник? Вам необходима новая работа, иначе ваш полк отправится ко всем чертям. Не думаю,

чтобы погоня за беженцами на тюремной планете СоВладения очень привлекала ваших солдат.

— Конечно, нет. Но когда мы впервые прибыли сюда, положение было не таким простым.

— Это я тоже знаю. 42-й — одна из лучших частей морской пехоты. Никогда не мог понять, почему расформировали именно его. Я говорю о вашем теперешнем положении: вы застряли со своими войсками без транспорта. Вы ведь не собираетесь провести остаток жизни на Таните?

Главный старшина кончил зачитывать распоряжения на день и терпеливо ждал инструкций. Полковник Фалькенберг разглядывал своих солдат в ярких мундирах, неподвижно застывших в жарком полдне Танита. На мгновение на его лице промелькнула легкая улыбка. Из этих четырех тысяч человек мало кого он не знал по имени или не был знаком с его историей.

Когда 42-й наняли для наведения порядка на Хедли, лейтенанта Фаркуара навязали ему в качестве представителя партии. Он стал хорошим офицером и после выполнения задания решил улететь с полком. Рядовой Альказар — задумчивый гигант, мучимый неутолимой жаждой, самый медлительный солдат в роте К, но он может нести груз впятеро больше своего веса по любой местности. Десятки, сотни человек, каждый со своими достоинствами и недостатками, все они вступили в полк наемников без надежды на возвращение домой и с сомнительными перспективами на будущее, если им не удастся убраться с Танита.

— Главный старшина.

— Сэр.

— Останетесь со мной и будете засекать время. Трубач, сигнал полной готовности к посадке на корабли.

— Сэр!

Трубач, поседевший ветеран с сержантскими нашивками, поднял сверкающий инструмент с синими и золотыми кистями, и над плацем полились ноты военного сигнала. И не успели они стихнуть, как стройные ряды превратились в массу бегущих людей.

Суматохи было меньше, чем ожидал Говард Баннистер. Через невероятно короткий промежуток времени вернулся

первый солдат. Солдаты выбегали из казарм небольшими группами, потом целыми ротами, потом — лишь отдельные отставшие. Теперь вместо ярких мундиров на них был тусклый боевой наряд из синтетической кожи, под которым бугрилась немурлоновая броня. Оружие больше не сверкало. На головах боевые шлемы, начищенные сапоги сменились более мягкой кожей. Пока полк строился, Баннистер обернулся к полковнику.

— А зачем трубачи? Мне казалось, это несколько устарело.

Фалькенберг пожал плечами.

— Вы предпочли бы приказы голосом? Не забывайте, господин министр, наемники живут не только в бою, но и в гарнизоне. Трубы напоминают им, что они солдаты.

— Наверно, вы правы.

— Время, главный старшина? — спросил адъютант.

— Одиннадцать минут восемнадцать секунд, сэр.

— Вы хотите заставить меня поверить, что ваши люди готовы немедленно улететь? — спросил Баннистер. Выражение его лица ясно свидетельствовало о недоверии.

— Потребуется несколько больше времени для погрузки артиллерии и оружейного батальона, но пехота может отправляться немедленно.

— Мне трудно в это поверить. Разумеется, солдаты знают, что это всего лишь тренировка.

— Откуда им это знать?

Баннистер рассмеялся. Это был плотный человек в дорогом деловом костюме, засыпанном на груди сигарным пеплом. Когда он рассмеялся, частицы пепла поднялись в воздух.

— Ну, вы и ваш главный старшина по-прежнему в парадных мундирах.

— Оглянитесь, — сказал Фалькенберг.

Баннистер повернулся. Охрана Фалькенберга и трубач стояли на местах, и их сине-золотые мундиры резко контрастировали с мрачной синтекожаной одеждой группы, стоявшей за ними.

— У штабного взвода собственное обмундирование, — объяснил Фалькенберг. — Главстаршина.

— Сэр!

— Мистер Баннистер и я осмотрим войска.

— Сэр!

Фалькенберг и гость спустились с трибуны, а Кальвин во главе дежурного взвода пошел следом.

— Выберите любого, — посоветовал Фалькенберг. — Жарко. Сейчас уже не меньше сорока градусов.

Баннистер думал о том же.

— Да. Нет смысла их мучить. В таком обмундировании жара должна быть невыносимой.

— Я думал не о солдатах, — сказал Фалькенберг.

Военный министр выбрал роту Л третьего батальона. Все солдаты выглядели совершенно одинаково, если не считать роста. Баннистер поискал, к чему бы придраться: незастегнутая пряжка, что-нибудь указывающее на индивидуальность — и ничего не нашел. Он подошел к ветерану лет сорока, с лицом в шрамах. Должно быть, регенерационная терапия вернула ему половину тела.

— Вот этот.

— Выйди из строя, Висорик! — приказал Кальвин. — Покажи содержимое ранца.

— Сэр!

Рядовой Висорик, возможно, едва заметно улыбнулся, но даже если так, Баннистер этого не заметил. Солдаты штабного взвода помогли ему разложить защитное нейлоновое покрытие, и Висорик принялся выкладывать на него вещи из ранца.

Ружье, новое абердинское семимиллиметровое полуавтоматическое, с десятью патронами в обойме и круглым магазином на пятьдесят патронов, все патроны на месте, все безупречно чистое. Патронташ. Пять гранат. Нейлоновый пояс со штыком, фляжкой, ложкой и чашкой из нержавеющей стали. Плащ и пончо, стопка нижнего белья...

— Обратите внимание: он готов к любому климату, — заметил Фалькенберг. — Для нетанитской среды ему полагается дополнительное оборудование, но он может выжить на любой обитаемой планете, куда ни попадет.

— Да. — Баннистер заинтересованно наблюдал. Ранец не казался тяжелым, но Висорик продолжал доставать из него вещи. Сумка первой помощи, оборудование химической за-

щиты, концентрированный полевой рацион, суп и концентраты, небольшая полевая печь на керосине...

— Что это? — недоверчиво спросил Баннистер. — Такие есть у каждого?

— По одной на каждую манипулу, сэр, — ответил Висорик.

— Это его доля оборудования на пятерых, — объяснил Фалькенберг. — В нашем полку основную боевую единицу составляют монитор, трое опытных рядовых и один новобранец, и мы стараемся, чтобы каждая манипула полностью себя обеспечивала.

Из ранца продолжало появляться оборудование. Почти все из легких сплавов и пластика, но Баннистер гадал: каков же общий вес? Саперная лопатка, колышки для палатки, нейлоновое покрытие, миниатюрный пламенный резак, оборудование для ремонта оружия в полевых условиях, прицел ночного видения для ружья, небольшая пластиковая трубка в метр длиной и восьми сантиметров в диаметре...

— А это что такое? — спросил Баннистер.

— Зенитная ракета, — ответил Фалькенберг. — Против реактивных самолетов неэффективна, но вертолет сбивает в девяноста пяти процентах случаев. Может использоваться и против танков. Мы не хотим, чтобы наши люди излишне зависели от тяжелого вооружения.

— Понятно. Ваши люди кажутся хорошо оснащенными, полковник, — заметил Баннистер. — Должно быть, им тяжело идти.

— Двадцать один килограмм при стандартном тяготении, — ответил Фалькенберг. — Здесь немного больше, на Вашингтоне будет немного меньше. У каждого недельный рацион, оружие для кратковременного боя и достаточно оборудования, чтобы жить в поле.

— А что за маленькая сумка на поясе? — с интересом спросил Баннистер.

Фалькенберг пожал плечами.

— Личные вещи. Вероятно, все, что у него есть. Но если хотите осмотреть, нужно попросить разрешения у Висорика.

— Не нужно. Спасибо, рядовой Висорик. — Говард Баннистер достал из внутреннего кармана яркий платок и вытер

лоб. — Ну хорошо, полковник. Вы очень убедительны — вернее, ваши люди. Пойдемте к вам в кабинет и поговорим о деньгах.

Когда они ушли, Висорик и главный старшина Кальвин понимающе подмигнули друг другу, а монитор Харцингер облегченно вздохнул. А ну как важный гость выбрал новобранца Латтерби! Да этот парень и собственной задницы обеими руками не найдет.

XIV

В кабинете Фалькенберга было жарко. Комната большая, и вентилятор под потолком тщетно пытался поднять ветерок. На Таните с его влажным воздухом джунглей все становится мокрым. Говарду Баннистеру показалось, что в узком промежутке между шкафом с папками и стеной он заметил наросты грибов.

По контрасту с самим помещением обстановка казалась изысканной. Все ручной работы — результат труда сотен солдат, которые уделяли свободное время украшению кабинета своего командира. Они сговорились с главным старшиной Кальвином, и тот уломал Фалькенберга отправиться на полевую инспекцию, а сами они тем временем заменили его старую мебель на легкую и функциональную, к тому же украшенную батальными сценами, вырезанными вручную.

Большой письменный стол совершенно пуст. С одной стороны, в пределах досягаемости, столик с документами. С другой — куб со стороной два метра с трехмерным изображением всех известных обитаемых планет. В буфете с причудливо изогнутыми ножками — оборудование связи и бутылки виски. Фалькенберг предложил гостю выпить.

— А можно что-нибудь со льдом?

— Конечно. — Фалькенберг повернулся к буфету и заговорил, отчетливо сменив тон: — Вестовой, два джина с тоником и много льда, пожалуйста. Подойдет, господин министр?

— Да, спасибо. — Баннистер не привык к такому привычному использованию электроники. — Послушайте, не бу-

дем ходить вокруг да около. Мне нужны солдаты, а вам нужно убраться с этой планеты. Все очень просто.

— Вряд ли, — возразил Фалькенберг. — Вы не упомянули об оплате.

Говард пожал плечами.

— У меня мало денег. Вашингтон почти ничего не экспортирует. А то, что мог бы экспортировать, не вывозится из-за блокады Франклина. Перевозка и ваша оплата поглотят почти все, что мы имеем. Но, вероятно, вы все это уже знаете: мне говорили, что у вас есть доступ к данным разведки Флота.

Фалькенберг пожал плечами.

— У меня свои способы. Вы, конечно, готовы положить заработанные нами деньги на счет у Дайана?

— Да. — Баннистер удивился. — Дайан? У вас действительно есть свои источники информации. Мне казалось, наши операции с Новым Иерусалимом содержатся в тайне. Хорошо — у нас есть договоренность с Дайаном о транспортировке. На это ушли все наши средства, так что все остальное — это деньги чрезвычайных фондов. Но мы, тем не менее, можем предложить вам то, в чем вы нуждаетесь. Землю, хорошую землю и постоянную базу, гораздо более приятную, чем Танит. Мы можем также предложить... возможность стать частью независимой нации, хотя не думаю, чтобы это много для вас значило.

Фалькенберг кивнул.

— Поэтому вы... прошу прощения. — Он замолчал: ординарец внес поднос со звякающими стаканами. Солдат был в боевом обмундировании, с ружьем на плече.

— Хотите, чтобы солдаты продолжили демонстрацию? — спросил Фалькенберг.

Баннистер поколебался.

— Думаю, нет.

— Вестовой, попросите главного старшину дать приказ «отбой». Свободны. — Он снова повернулся к Баннистеру. — Итак. Вы выбрали нас, потому что вам нечего предложить. Новые демократы на Фридланде довольны своей базой, как и шотландцы на Завете. Ксанаду хочет получить деньги до того, как приведет в действие войска. Вы, конечно, можете наскре-

сти что-нибудь на Земле, но в настоящее время в найме нуждается только один хорошо подготовленный отряд. Почему вы считаете, что нас так легко нанять, господин министр? Ведь ваше дело на Вашингтоне проиграно, верно?

— Не для нас. — Говард Баннистер вздохнул. Из него словно выпустили воздух. — Ну, хорошо. Наемники Франклина нанесли поражение последней организованной полевой армии, которая у нас была. Теперь сопротивление состоит из партизанских операций, и мы оба знаем, что так войну не выиграть. Нам нужна организованная сила, на которую мы могли бы опереться, но у нас ее нет. — *Боже, у нас ничего нет.* Баннистер вспомнил вершины неровных холмов, выветренные горы с заснеженными верхушками и ущелья, где воздух такой прозрачный и прохладный и где располагаются ранчо. Он вспомнил равнины, золотистые от мутировавшей пшеницы, с качающимися на ветру колосьями местных зерновых. Армия патриотов шла на последнюю битву.

Они шли с песнями в сердце. Их цель справедлива, и после того, как они разбили регулярную армию Франклина, им противостоят только наемники. Свободные люди против наемников в последней кампании.

Патриоты вышли на равнину за пределами столицы, уверенные, что наемники не устоят против них. Мрачные шотландцы с Завета перемололи пехоту, а взводы бронированных воинов с Фридланда ударили с фланга и с тыла, уничтожив линии снабжения и захватив штаб. Армия Вашингтона была не столько разгромлена, сколько разогнана, она превратилась во множество изолированных групп, чей энтузиазм не мог противостоять железной дисциплине наемников. За три недели они потеряли все отвоеванное за два года войны.

И все же — планета заселена слабо. У Федерации Франклина мало солдат, и она не может постоянно содержать наемников. В горах и на равнинах поселки бурлят, их жители готовы снова восстать. Нужна лишь небольшая искра, чтобы поднять их.

— У нас есть шанс, полковник. Я не стал бы тратить деньги и рисковать жизнью наших людей, если бы так не считал. Позвольте показать вам. У меня в багаже карта.

— Покажите на этой. — Фалькенберг открыл ящик стола и извлек небольшой пульт управления. Прикоснулся к клавишам, и прозрачная серая поверхность стола раскрасилась многоцветьем. Появилось изображение Вашингтона в полярной проекции.

Один континент неправильной формы на верху планеты. От 25-го градуса северной широты и до самого южного полюса только вода. Континент изрезан глубокими заливами и почти пересекающими его морями. На узкой полоске суши, уходящей вниз от 30 до 50 широт, красными точками обозначены поселки.

— У вас не очень много пригодной для жизни земли, — заметил Фалькенберг. — Полоска длиной в четыре тысячи и шириной в тысячу километров. Кстати, а почему Вашингтон?

— Первые поселенцы были родом из штата Вашингтон. И климат похож. Вторая планета в системе — Франклин. Там больше промышленности, чем у нас, но еще меньше сельскохозяйственных земель. Франклин заселен в основном выходцами из южных штатов США. Они называют себя Конфедерацией. Вашингтон заселялся с Франклина.

Фалькенберг усмехнулся.

— Диссиденты, недовольные колонией диссидентов. Вы, должно быть, очень независимые люди.

— Настолько независимые, что не позволим Франклину управлять нами. Они обращаются с нами как со своим придатком, и мы этого не потерпим!

— Потерпите, если не найдете тех, кто будет за вас воевать, — жестко напомнил Фалькенберг. — Итак, вы предлагаете нам транспортировку, вклад для оплаты отлета — как страховку на всякий случай, небольшую плату за нашу службу и землю, на которой мы могли бы поселиться.

— Да, верно. Вы сможете использовать этот проклятый вклад для перевозки своих солдат. Или получить его наличными. Но это все, что мы можем предложить, полковник. — И будьте вы прокляты. Вам все равно, но мне приходится иметь с вами дело. Пока.

— Да. — Фалькенберг мрачно разглядывал карту. — Мы можем столкнуться с ядерными оружием?

— У них есть немного, но у нас тоже. Наше спрятано в столице Франклина, так что у нас ничья.

— Понятно. — Фалькенберг кивнул. Ситуация не оригинальная. Флот СВ по-прежнему пытается сохранить запрет на такое оружие. — У них все еще горцы с Завета, которые высекли вас в последний раз?

Баннистер поморщился при этом напоминании.

— Черт возьми, там погибли достойные люди, и вы не имеете права...

— У них по-прежнему есть наемники с Завета, господин министр? — повторил вопрос Фалькенберг.

— Да. Плюс бригада тяжелого вооружения с Фридланда и десять тысяч наемников с Земли, несущих гарнизонную службу.

Фалькенберг презрительно фыркнул. Никто не отнесется серьезно к земным отбросам. Лучшие земные новобранцы приходят в растущие национальные армии. Баннистер согласно кивнул.

— И еще примерно восемь тысяч солдат Конфедерации, местных жителей Франклина, которые не ровня нашим вашингтонцам.

— Вы на это надеетесь. Но не списывайте франклинцев со счета, мистер Баннистер. Они составляют ядро очень неплохой армии, как вам известно. Мне известно, что у них есть планы новых завоеваний — после того как они утвердят свое господство на Новом Вашингтоне.

Баннистер осторожно согласился.

— Именно отсюда проистекает наша отчаянная нужда, полковник. Мы не получим мира, подчинившись Конфедерации: она планирует бросить вызов СоВладению, когда сумеет построить собственный флот. Мне не понятно, почему Флот СВ до сих пор не обратил внимания на эти планы, но очевидно, что Земля не собирается ничего предпринимать. Через несколько лет у Конфедерации будет собственный флот, он будет таким же сильным, как у Ксанаду и Дуная — во всяком случае достаточно сильным, чтобы сразиться с СВ.

— Вы слишком изолированы, — ответил Фалькенберг. — Большой Сенат не может содержать Флот на таком уровне, чтобы защищать хотя бы то, что имеет. Тем более нет денег для вмешательства в дела вашего сектора. Недальновидные ублюдки только пытаются пригасить вспыхнувшие пожары, а

те немногие сенаторы, которые способны заглянуть на десять лет вперед, не обладают достаточным влиянием. — Он неожиданно покачал головой. — Но это не наша проблема. Ну, хорошо, а как с обеспечением безопасности высадки? У меня нет шлюпок для нападения, и сомневаюсь, чтобы у вас хватило денег нанять их на Дайане.

— Да, это нелегко, — согласился Баннистер. — Однако высадиться можно. На Новом Вашингтоне невероятно высокий прилив, но мы знаем свои берега. Капитан с Дайана сможет за одну ночь высадить вас здесь или здесь... — Военный министр мятежников указал несколько заливов и фиордов, глубоко врезающихся в берег. — У вас будет два часа спокойной воды. В любом случае другого времени нет: по истечении этих двух часов спутники-шпионы Конфедерации засекут корабль.

XV

Роджер Хастингс привлек к себе красивую брюнетку — жену — и склонился к яме для барбекю. Поза получилась отличная, и фотографы сделали несколько снимков. Они просили еще, но Хастингс покачал головой.

— Хватит, парни, хватит! Я всего лишь принес присягу как мэр Алланспорта, а вам кажется, что я генерал-губернатор всей планеты!

— Но сделайте заявление! — умоляли репортеры. — Поддержите ли вы планы перевооружения Конфедерации? Ваша плавильня может производить необходимые для кораблей сплавы...

— Я сказал хватит, — приказал Роджер. — Идите выпейте. — Репортеры неохотно отступили. — Какие настойчивые ребята, — сказал Хастингс жене. — Жаль, что у нас только одна газета.

Хуанита рассмеялась.

— Ты бы не возражал, чтобы твои снимки появились в столичной «Таймс». Но вопрос справедлив, Роджер. Что ты собираешься делать с военной политикой Франклина? Что случится с Харли, когда Конфедерация начнет расширять-

ся? — Веселые нотки исчезли из ее голоса: она вспомнила о сыне, служившем в армии.

— Я мало что могу сделать. С мэром Алланспорта не консультируются по вопросам большой политики. Черт возьми, милая, не начинай хоть ты. День был такой хороший.

Дом Хастингса, сложенный из добытого в каменоломне местного камня, стоит на высоком холме над заливом Нанаймо. Под ним на холмах, спускаясь почти до самого песчаного пляжа, на который накатывали волны бесконечного прибоя, раскинулся город Алланспорт. По ночам и отсюда можно услышать грохот волн.

Они взялись за руки и смотрели на море за островом, который образует гавань Алланспорта.

— Вот она! — сказал Роджер. Он указал на стену воды в два метра высотой. Прибой ударил в оконечность острова Ваада и повернул к городу.

— Жаль бедных моряков, — сказала Хуанита.

Роджер пожал плечами.

— Грузовой корабль стоит на прочном якоре.

Они видели, как приливная волна подбрасывает стопятидесятиметровый корабль. Прибой едва не развернул его, и корабль опасно раскачивался, пока не встал носом к наступающей волне. Казалось, ничто его не удержит, но якорные цепи были изготовлены на фабрике Роджера, и он знал, как они прочны.

— Хороший был день, — вздохнула Хуанита. Они жили в одном из больших поместий, расположенных на склоне холма над Алланспортом, и праздник выплеснулся из дома во двор, на газоны и во двор соседей. Передвижные бары, за которыми стояли участники предвыборной кампании Роджера, поставляли бесконечную череду местных вин и коньяков.

На западе, на своем постоянном месте в небе, висел двойник Нового Вашингтона — Франклин. Когда на Новом Вашингтоне наступает двадцатичасовой день, этот шар тает, но вечером снова возникает серебристым пятном и быстро увеличивается в темноте. Красноватые тени пляшут на туманной поверхности Франклина.

Роджер и Хуанита молча любовались звездами, планетой, закатом. Алланспорт — фронтирный город слабонаселенной планеты, но для них — родина, и они любили ее.

Прием по поводу инаугурации прошел успешно, но оказался очень утомительным. Довольный Роджер направился в гостиную, а Хуанита поднялась на второй этаж, чтобы уложить спать детей. Владелец плавильни и литейных цехов, Роджер владел также одним из красивейших домов на полуострове Раньера. Высокой и гордой большой каменной постройкой в георгианском стиле, с просторной прихожей и обитыми панелями комнатами. В своей любимой консервативно обставленной гостиной Роджер увидел Мартина Ардуэя.

— Еще раз поздравляю, Роджер, — прогудел полковник Ардуэй. — Мы все тебя поддержим. — Эти слова не простая инаугурационная лесть. Хотя сын Ардуэя Йохан женат на дочери Роджера, на выборах полковник был противником Роджера, а у Ардуэя большое число друзей среди сторонников жесткой политики, лоялистов Алланспорта. Полковник также командует местной милицией. Йохан — капитан этой же милиции. Собственный сын Роджера Харли всего лишь лейтенант, но в регулярной армии.

— Ты рассказал Харли о своей победе? — спросил Ардуэй.

— Не смог. Нет связи с Ванкувером. Кстати, сейчас ни с кем нет связи.

Ардуэй флегматично кивнул. Алланспорт — единственный город на полуострове, и от него до ближайшего поселка тысяча километров. Новый Вашингтон так близок к своей звезде — красному карлику, что потеря связи обычна для большинства дней стандартного пятидесятидвухдневного года планеты. Перед началом восстания планировалась прокладка подводного кабеля в залив Престона, и теперь, когда восстание кончилось, можно снова приступать к работе.

— Я хочу сказать, что мы тебя поддержим, — повторил Ардуэй. — Я по-прежнему считаю, что ты ошибаешься, но невозможно проводить две политики одновременно. Надеюсь, твоя сработает.

— Послушай, Мартин, нельзя обращаться с повстанцами как с изменниками. Они слишком нужны нам. Здесь повстанцев не так много, но если я проведу законы о конфискации, это вызовет недовольство на востоке. Хватит с нас кро-

вопролития. — Роджер потянулся и зевнул. — Прошу прощения. День был тяжелый, а с тех пор, как я был шахтером, прошло немало времени. Тогда я мог работать весь день и пить всю ночь.

Ардуэй пожал плечами. Как и Хастингс, он тоже когда-то был шахтером, но в отличие от мэра не сохранил форму. Он не располнел, но стал лысым и округлым мужчиной с животиком, который заметно выпячивался над широким поясом гарнизонного мундира. Это портило его внешность, когда он надевал мундир (а полковник норовил его надеть при малейшей возможности).

— Теперь ты у руля, Роджер. Я не собираюсь стоять у тебя на пути. Может, ты даже переманишь на свою сторону старинные семейства повстанцев, и они тоже выступят против дурацкой империалистической политики Франклина. Бог свидетель, у нас достаточно проблем дома, не стоит искать их повсюду. Так мне кажется. Но что там происходит?

Внизу в городе слышались крики.

— Боже, кажется, это выстрелы? — спросил Роджер. — Ну-ка, узнаем, что происходит. — Он неохотно встал из удобного кожаного кресла. — Алло, алло... В чем дело? Мартин, телефон не работает. Глухо.

— Это были выстрелы, — сказал полковник Ардуэй. — Мне это не нравится... Повстанцы? Корабль пришел сегодня днем, но ведь на его борту не могло быть повстанцев. Нам лучше спуститься и посмотреть самим. Ты уверен, что телефон не работает?

— Абсолютно, — негромко ответил Роджер. — Боже, надеюсь, это не новый мятеж. Но на всякий случай вызови своих солдат.

— Верно. — Ардуэй достал из сумки на поясе карманный коммуникатор. И начал говорить в него с растущим волнением. — Роджер, что-то неладно! Ничего, кроме статики. Кто-то забивает все частоты связи.

— Ерунда. Мы вблизи периастра. Причина в солнечных пятнах. — Хастингс говорил уверенно, но про себя молился: «Лишь бы не новая война». Она не станет угрозой для Алланспорта и всего полуострова: здесь всего горстка мятежников, но придется выставлять войска и направляться в другие

районы мятежа, вроде Высокого Брода и долины Колумбии. Проклятие! Он вспомнил горящие ранчо и плантации во время последнего восстания.

— Черт побери, неужели эти люди не понимают, что теряют больше, чем урон, который наносят им наемники Франклина? — Но он говорил в пустоту. Полковник Ардуэй уже вышел и звал соседей выходить с оружием.

Роджер вышел вслед за ним. На западе Франклин освещал ночь в десять тысяч раз ярче земной Луны в полнолуние. Из центра города по улице вверх поднимались солдаты.

— Кто это... это не мятежники, — крикнул Хастингс.

Это солдаты в синтекожаном боевом обмундировании, и двигаются они слишком уверенно и целеустремленно. Регулярные войска?

Послышался рев моторов. Над головой прошла волна вертолетов. Роджер услышал шум моторов наземных машин и увидел по крайней мере две сотни солдат, бегущих по газону к его дому. К каждому дому ниже по склону сворачивали от основного строя по пять человек.

— Выходите! Милиция, выходите! Мятежники! — кричал полковник Ардуэй. В его распоряжении был десяток человек без брони, с одними ружьями.

— Укройтесь! Открывайте огонь! — кричал Ардуэй. Голос его звучал решительно, но в нем слышался и оттенок страха. — Роджер, проклятый дурак, марш внутрь, черт возьми!

— Но...

Наступающие были не более чем в ста метрах. Один из милиционеров Ардуэя выстрелил из двери соседнего дома. Одетые в кожу солдаты рассыпались, и кто-то выкрикнул приказ.

Залп сотряс дом. Роджер стоял у себя во дворе, ошеломленный, не верящий собственным глазам, а кошмар под ярким светом Франклина продолжался. Наступающие снова двинулись вперед, больше не встречая сопротивления со стороны милиции.

Все происходит так быстро. Не успел Роджер это подумать, как солдаты в коже добрались до него. Офицер поднял мегафон.

— ИМЕНЕМ СВОБОДНОГО ГОСУДАРСТВА ВАШИНГТОН ПРЕДЛАГАЮ СДАТЬСЯ. ОСТАВАЙТЕСЬ В ДОМАХ И НЕ ПЫТАЙТЕСЬ СОПРОТИВЛЯТЬСЯ. ВООРУЖЕННЫЕ БУДУТ РАССТРЕЛЯНЫ БЕЗ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ.

Отряд из пяти человек миновал Роджера и вошел в дом. Это вывело его из оцепенения.

— Хуанита! — закричал он и побежал к дому.

— СТОЙ! СТОЙ, ИЛИ БУДЕМ СТРЕЛЯТЬ! ТЫ, ОСТАНОВИСЬ!

Роджер продолжал бежать.

— ВЗВОД, ОГОНЬ.

— ОТСТАВИТЬ!

Роджер подбежал к дому, и его тут же схватил один из солдат и прижал к стене.

— Стойте на месте, — мрачно сказал он. — Монитор, у меня пленный.

У входа показался другой солдат. В руке у него был блокнот, он просматривал адреса и делал против них отметки.

— Мистер Роджер Хастингс? — спросил он.

Роджер ошеломленно кивнул. Потом передумал.

— Нет, я...

— Не получится, — сказал солдат. — У меня ваше фото, мистер мэр. — Роджер снова кивнул.

Кто этот человек? Существует множество акцентов, но у офицера с блокнотом акцент незнакомый.

— Кто вы такой? — спросил Роджер.

— Лейтенант Джейми Фаркуар из Легиона наемников Фалькенберга, действующего по поручению правительства Свободного государства Вашингтон. Вы под военным арестом, мистер мэр.

Снаружи снова послышалась стрельба. Но дом Роджера она не затронула. Все выглядело совершенно обыденным. И оттого почему-то еще более жутким.

Сверху послышался голос:

— Его жена и дети здесь, лейтенант.

— Спасибо, монитор. Попросите леди спуститься вниз. Мистер мэр, пожалуйста, не беспокойтесь о своей семье. Мы не воюем с гражданским населением. — На улице снова защелкали выстрелы.

Тысячи вопросов вскипали в сознании Роджера. Ошеломленный, он стоял пытаясь привести мысли в порядок.

— Вы застрелили полковника Ардуэя? Кто там стреляет?

— Если вы про толстяка в мундире, то он в безопасности. Нам пришлось его задержать. К сожалению, некоторые ваши милиционеры несерьезно отнеслись к нашему приказанию сдаться, вот им достается.

И словно подчеркивая его слова, разорвалась граната, затем, в ответ на пистолетные выстрелы, — автоматная очередь. Звуки боя перевалили через вершину холма, но выстрелы и приказы были слышны даже сквозь грохот прибоя.

Фаркуар изучал свой блокнот.

— Мэр Хастингс и полковник Ардуэй. Да. Спасибо за то, что установили его личность. У меня приказ отвести вас обоих на командный пост. Монитор!

— Сэр!

— Ваша манипула останется здесь на страже. Никому не позволяйте входить в дом. Будьте вежливы с миссис Хастингс, но пусть она и дети остаются в доме. Если будут какие-либо попытки грабежа, пресеките. Эта улица находится под охраной полка. Понятно?

— Сэр!

Стройный офицер удовлетворенно кивнул.

— Прошу вас пройти со мной, господин мэр. Нас ждет машина.

Ошеломленно следуя за офицером, Роджер взглянул на часы в прихожей. Присягу в качестве мэра он принес менее одиннадцати часов назад.

Полковой командный пункт расположился в зале заседаний городского совета, а в соседней небольшой комнате Фалькенберг устроил свой кабинет. Зал заседаний был заполнен электронным оборудованием, все время приходили и уходили посыльные, а майор Севедж и капитан Фаст руководили захватом Алланспорта. Фалькенберг следил за развитием ситуации по карте на своем столе.

— Как быстро! — сказал Баннистер. Тучный военный министр недоверчиво покачал головой. — Никогда не думал, что вам это удастся.

Фалькенберг пожал плечами.

— Легкая пехота умеет передвигаться быстро, господин министр. Но это дорого обходится. Нам пришлось оставить на орбите артиллерийский обоз и большую часть транспорта. Я могу использовать захваченные машины, но все равно транспорта будет не хватать. — Он несколько секунд следил за мигающими огоньками на карте, пока не возобновилась устойчивая тенденция замены красного цвета на зеленый.

— Но вы теперь без артиллерии, — сказал Баннистер. — И у армии патриотов ее тоже нет.

— Нельзя получить все сразу. У нас было меньше часа на высадку и на то, чтобы шлюпки Дайана убрались с планеты, прежде чем над нами пролетит спутник. Мы захватили город, и никто не знает, что мы высадились. Если все и дальше пойдет хорошо, конфедераты узнают о нас, только когда прекратит работу их спутник-шпион.

— Нам повезло, — сказал Баннистер. — Корабль в гавани, средства связи на суше...

— Не смешивайте удачу с решающими факторами, — ответил Фалькенберг. — Зачем мне было бы захватывать одинокую нору, полную лоялистов, если бы не было определенных преимуществ? — Но в глубине души он знал правду. Телефонная связь, прерванная проникшими в город разведчиками, почти не охранявшаяся электростанция, захваченная после короткой трехминутной схватки, — все это удача, на которую можно рассчитывать, если командуешь хорошими солдатами, но все же удача. — Простите. — Он повернулся и в ответ на низкий гудок нажал кнопку. — Да?

— Со стороны шахт подходит поезд, Джон Кристиан, — доложил майор Севедж. — Вокзал мы захватили, нужно ли выходить за пределы города?

— Конечно. Придерживайтесь плана, Джерри. Спасибо. — Шахтеров, возвращающихся домой после недели работы на склонах кратера Ранье, ждет сюрприз.

Они подождали, пока все огоньки не сменились на зеленые. Все объекты захвачены. Электростанции, пункты связи, дома влиятельных граждан, общественные здания, железнодорожный вокзал и аэропорт, полицейский участок... Алланспорт и его одиннадцать тысяч жителей под контролем. Часы

отсчитывали минуты до пролета над головой спутника-шпиона.

Фалькенберг заговорил в интерком:

— Главстаршина, у нас двадцать девять минут, чтобы привести это место в обычный для такого часа ночи вид. Позаботьтесь об этом.

— Сэр! — Лишенный эмоций голос Кальвина действовал успокоительно.

— Не думаю, чтобы конфедераты внимательно изучали снимки, — сказал Фалькенберг Баннистеру. — Но лучше не рисковать.

Взревели моторы: это наземные машины и вертолеты уходили в укрытия. Последний вертолет пролетел над головой в поисках упущений в маскировке.

— Как только спутник пролетит, отправьте людей на грузовой корабль, — приказал Фалькенберг. — И пришлите ко мне капитана Свободу, господина Хастингса и начальника местной милиции — Ардуэя, так?

— Да, сэр, — ответил Кальвин. — Полковник Мартин Ардуэй. Я проверю, в состоянии ли он явиться.

— В состоянии, главный старшина? Он ранен?

— У него был пистолет, полковник. Двенадцатимиллиметровое оружие, большие медленные пули, броню не пробили, но сильно ушибли двух солдат. Монитор Бадников уложил его прикладом. Хирург говорит, что с ним все в порядке.

— Хорошо. Если он в состоянии идти, он мне нужен здесь.

— Сэр.

Фалькенберг снова повернулся к столу и с помощью компьютера вызвал карту всей планеты.

— Куда отправился бы отсюда корабль с припасами, мистер Баннистер?

Министр проложил курс.

— Он должен — и будет — оставаться внутри этой цепи островов. Только самоубийца выведет корабль в открытое море на этой планете. Суша не останавливает волны, и в бурю они достигают шестидесяти метров. — Он обозначил курс от Алланспорта до мыса Титан и через островную цепь — в Матросское море. — Большинство кораблей захо-

дит в залив Престона, чтобы выгрузить металлоизделия, оттуда те расходятся по ранчо на плато Высокого Брода. Вся эта территория принадлежит патриотам, и вы можете освободить ее одним ударом.

Фалькенберг какое-то время изучал карту. Потом сказал:

— Нет. Здесь останавливается много кораблей. А нет ли таких, которые идут прямо в Асторию? — Он показал на город в восемнадцати сотнях километров к востоку от залива Престона.

— Да, иногда... но конфедераты держат в Астории большой гарнизон, полковник. Гораздо больше, чем в заливе Престона. Зачем проходить две с половиной тысячи километров и сражаться с главными силами врага, если территория патриотов есть гораздо ближе?

— По той же причине, по какой конфедераты не держат большие силы в заливе Престона. Это место изолировано. Ранчо разбросаны по плато Высокого Брода — смотрите, господин министр, если мы захватим Асторию, у нас в руках окажется ключ ко всей долине реки Колумбия. Конфедераты не будут знать, отправимся ли мы на север, к броду Доак, или на восток, к Большой Развилке, а оттуда на главную равнину, или на запад, к Высокому Броду. Если же вначале взять залив Престона, они сообразят, куда я двинусь дальше. Потому что отсюда у нормального человека есть только одна дорога.

— Но жители долины Колумбии ненадежны. Вы не найдете там новобранцев...

Их прервал стук в дверь. Главный старшина Кальвин ввел Роджера Хастингса и Мартина Ардуэя. У начальника милиции под левым глазом чернел фонарь, а щека была перевязана.

Фалькенберг встал, представился и протянул руку, которую Роджер Хастингс предпочел не заметить. Ардуэй секунду стоял неподвижно, потом подал руку:

— Не могу сказать, что рад встрече с вами, полковник Фалькенберг, но позвольте выразить восхищение проведенной операцией.

— Спасибо, полковник. Господа, прошу садиться. Вы знакомы с моим начальником военной полиции капитаном Свободой? — Фалькенберг указал на долговязого офицера в

боевом обмундировании, который вошел вместе с ними. — Капитан Свобода будет комендантом города, когда 42-й оставит его.

Глаза Ардуэя загорелись. Фалькенберг улыбнулся.

— Это произойдет достаточно скоро, полковник. Правила оккупации просты. В качестве наемников, господа, мы подчиняемся законам войны, установленным СоВладением. Общественная собственность конфискуется именем Свободного государства. Частные владения неприкосновенны, а за все реквизированное будет заплачено. Всякое имущество или строение, использованное в целях сопротивления, непосредственно или как место проведения конспиративных встреч, будет немедленно конфисковано.

Ардуэй и Хастингс пожали плечами. Все это они уже слышали. Одно время СВ пыталась подавить действия наемников. Когда ничего из этого не вышло, Флот принялся настойчиво навязывать принятые Большим Сенатом законы войны, но теперь Флот ослаблен постоянным сокращением бюджета и новым взрывом ненависти между Советским Союзом и США. Новый Вашингтон изолирован, и могут пройти годы, прежде чем явятся морские пехотинцы, чтобы обеспечить соблюдение законов, не интересующих больше Большой Сенат.

— У меня проблема, господа, — продолжал Фалькенберг. — Город населен лоялистами, а я должен вывести свой полк. Солдат армии патриотов еще нет. Я оставляю достаточно солдат, чтобы завершить захват полуострова, но в самом Алланспорте у капитана Свободы будет мало сил. Поскольку оккупировать город мы не можем, мы имеем законное право уничтожить его, чтобы предотвратить превращение в базу сопротивления.

— Вы не можете этого сделать! — возразил Хастингс, вскочив и сбросив со стола пепельницу. — Я был уверен, что все эти разговоры о неприкосновенности частных владений — обман! — Он повернулся к Баннистеру. — Говард, я вам в прошлый раз говорил, что единственное, чего вы добьетесь — сожжете всю планету! А теперь вы ввозите солдат, чтобы они сделали это за вас! Что, во имя Господа, дает вам эта война?

— Свободу, — гордо ответил Баннистер. — Алланспорт больше не гнездо предателей.

— Помолчите, — мягко сказал Фалькенберг.

— Предателей! — повторил Баннистер. — Вы получили по заслугам, вы...

— ВСЕМ МОЛЧАТЬ! — Все вздрогнули, услышав приказ главного старшины Кальвина. — Полковник приказал молчать.

— Спасибо, — негромко сказал Фалькенберг. Тишина казалась громче предшествовавших криков. — Я сказал, что мог бы сжечь город, но не собираюсь это делать. Однако поскольку я этого не сделаю, мне придется взять заложников. — Он протянул Роджеру Хастингсу напечатанный на компьютере листок. — Войска разместятся в домах этих граждан. Вы можете заметить, что вы с полковником Ардуэем — в самом начале моего списка. Все вы арестованы, и всякого, кто сбежит, заменят члены его семьи. Ваша собственность и сама жизнь будут зависеть от сотрудничества с капитаном Свободой, пока я не размещу здесь регулярный гарнизон. Понятно?

Полковник Ардуэй мрачно кивнул.

— Да, сэр. Я согласен.

— Спасибо, — ответил Фалькенберг. — А вы, господин мэр?

— Я понял.

— И что же? — поторопил его Фалькенберг.

— Что? Вы хотите, чтобы мне это понравилось? Что вы за садист?

— Мне все равно, нравится ли вам это, господин мэр. Я жду вашего согласия.

— Он не понимает, полковник, — вмешался Мартин Ардуэй. — Роджер, он спрашивает: согласны ли вы служить заложником от всего города? У остальных тоже спросят согласия. Если он не получит достаточного количества согласившихся, снесет город до основания.

— О. — Роджер испытал укол холодного страха. Какой выбор!

— Вопрос в том: примете ли вы на себя должностные обязанности и будете ли удерживать жителей от причинения нам неприятностей? — сказал Фалькенберг.

Роджер с трудом глотнул.

Я хотел стать мэром, чтобы уничтожить ненависть восстания.

— Да. Согласен.

— Отлично. Капитан Свобода.

— Сэр.

— Отведите мэра и полковника Ардуэя в ваш кабинет и опросите остальных. Сообщите, когда у вас будет достаточно заложников для обеспечения безопасности.

— Есть, сэр. Господа? — Когда капитан выводил их из кабинета, трудно было понять выражение его лица. Щиток шлема Свободы был поднят, но угловатое лицо оставалось в тени. Когда они выходили, прозвонил интерком.

— Спутник над головой, — доложил майор Севедж. — Все в порядке, Джон Кристиан. Мы позаботились о пассажирах поезда.

Дверь кабинета закрылась. Роджер Хастингс, как робот, прошел через заполненный деловой суетой зал заседаний городского совета. Он лишь смутно сознавал, что делается вокруг. Проклятая война, проклятые дураки — ну почему они не оставят его в покое?

XVI

Десяток солдат в боевых мундирах защитного цвета сопровождали стройную хорошенькую девушку. Шли по плотному песку вдоль самого края воды. Солдаты рады были уйти с мягкого песка, располагавшегося выше уровня прилива, в километре от грохочущего прибоя. Там шагать было дьявольски трудно, а мелкий, всюду проникающий песок населяли маленькие хищники, достаточно глупые, чтобы напасть на солдата в сапогах.

Взвод молча забрался в поджидавшую лодку. Командир хотел помочь девушке, но та в помощи не нуждалась. На Гленде Руфь рыжевато-коричневый нейлоновый комбинезон, и она знает эту планету и ее опасности лучше солдат. Гленда Руфь Хортон сама заботится о себе двадцать четыре года из двадцати шести лет своей жизни.

В обоих направлениях, насколько хватал глаз, тянулись белые песчаные пляжи, усеянные выброшенными прибоем обитателями моря. Только лодка и люди в ней свидетельствовали о присутствии на планете человека. Рулевой запустил мотор и заставил испуганно разлететься тучи мелких морских птиц.

Скоростной корабль «Мэрибелл» ждал в двенадцати километрах от берега, за горизонтом. Лодка подошла к нему, и палубные краны подхватили ее и поставили на место. Капитан Иен Фрейзер провел Гленду Руфь в рубку.

Здесь нетерпеливо ждал штаб Фалькенберга. Кто-то прихлебывал виски, кто-то разглядывал давно изученные карты. Многие обнаруживали признаки морской болезни: сорокавосьмичасовой переход от Алланспорта оказался очень тяжелым, и то, что корабль шел со скоростью тридцать три километра в час, прячась в больших волнах за островами, не облегчало положения.

Иен отдал честь, взял у официанта стакан и предложил Гленде Руфь.

— Полковник Фалькенберг, мисс Хортон. Гленда Руфь — предводитель патриотов в долине Колумбии. Гленда Руфь, с министром Баннистером вы знакомы.

Она холодно кивнула, как будто министр повстанческого правительства ей совсем не интересен, но протянула Фалькенбергу руку и обменялась с ним мужским рукопожатием. Все повадки у нее была мужскими, но даже тщательно убранные под бейсболку с козырьком каштановые волосы не могли обмануть: никто не принял бы ее за мужчину. У нее было лицо в форме сердца и большие зеленые глаза, а ее загару позавидовали бы знатные леди СоВладения.

— Рад знакомству, мисс Хортон, — небрежно сказал Фалькенберг. — Вас заметили?

Иен Фрейзер выглядел обиженным.

— Нет, сэр. Мы встретились с группой повстанцев, и все было спокойно, поэтому центурион Майклс одолжил на ранчо одежду и позволил Гленде Руфь отвести нас в город, чтобы мы могли сами взглянуть. — Иен прошел к столу с картами.

— Крепость здесь, на холме, — показал Фрейзер на карте побережья. — Обычные стены и система траншéй. Для контроля за городом и речным устьем у них в основном артиллерия.

— Это все, Иен? — спросил майор Севедж.

— Хуже всего артиллерия, — ответил командир группы разведчиков. — Две батареи 105-миллиметровых и батарея 155-миллиметровых, все орудия самоходные. Насколько мы могли заметить, в крепости размещен стандартный отдельный батальон фридландцев.

— Значит, около шестисот фридландцев, — задумчиво сказал капитан Роттермилл. — И нам сообщили, что есть еще полк наемников с Земли. Еще что-нибудь?

Иен посмотрел на Гленду Руфь.

— На прошлой неделе здесь разместили эскадрон кавалерии регулярной армии Конфедерации, — сказала девушка. — Легкие бронированные машины. Мы считаем, что они отсюда уйдут, потому что делать им здесь нечего, но никто не знает, куда они направляются.

— Странно, — сказал Роттермилл. — Здесь у них нет достаточных запасов горючего. Куда же они направятся?

Гленда Руфь задумчиво разглядывала его. Ей наемники были ни к чему.

Свободу нужно завоевывать, ее нельзя купить, и за нее нельзя заплатить. Но эти люди им нужны. И по крайней мере этот неплохо подготовился.

— Вероятно, в Змеиную долину. Там есть скважины и очистные установки. — Она показала на равнину, где в шестистах километрах к северу, у брода Доак, сливались реки Змеиная и Колумбия. — Это территория патриотов, и кавалерия может пригодиться для защиты крепости у брода.

— Все равно чертовское невезение, полковник, — сказал Роттермилл. — Почти три тысячи человек в крепости, а нас не больше. Как охраняется крепость?

Фрейзер пожал плечами.

— Не очень надежно. Болваны с Земли патрулируют город, выполняют обязанности военной полиции, проверяют документы. Их обойти нетрудно.

— Гарнизонную службу тоже несут в основном земляне, — добавила Гленда Руфь. — Там их целый полк.

— Штурмом нам это место не взять, Джон Кристиан, — осторожно сказал майор Севедж. — Уложим половину полка.

— А для чего же тогда ваши солдаты? — спросила Гленда Руфь. — Они хоть иногда сражаются?

— Иногда. — Фалькенберг разглядывал схему, которую начертил его командир разведки. — У них выставлены часовые, капитан?

— Да, сэр. Пары на башнях и патрули. Через каждые сто метров тарелки радаров; думаю, также есть провода контактной сигнализации.

— Я вам говорил, — самодовольно сказал министр Баннистер. В голосе его звучало торжество — контраст с мрачной сосредоточенностью Фалькенберга и его офицеров. — Вам понадобится целая армия, чтобы взять эту крепость. Единственная возможность, полковник, — это Высокий Брод. Астория для вас слишком сильна.

— Нет! — Сильный высокий голос Гленды Руфь требовал внимания. — Мы рискуем всем, собирая патриотов долины Колумбии. Если вы сейчас не возьмете Асторию, они разойдутся по своим ранчо. Я противилась началу новой революции, Говард Баннистер. Не думаю, чтобы мы смогли выдержать долгую войну вроде предыдущей. Но я организовала друзей своего отца, и через два дня в моем распоряжении будет боевая часть. Но если мы сейчас разойдемся, больше их не собрать.

— Где ваша армия и как она велика? — спросил Фалькенберг.

— Район сбора в двухстах километрах к северу отсюда. Сейчас у меня шестьсот стрелков и подойдет еще пять тысяч. Такую армию не спрятать! — Она без энтузиазма разглядывала Фалькенберга. Конечно, для победы нужно сильное организованное ядро, но сейчас она доверяет жизнь своих друзей человеку, которого видит впервые. — Полковник, мои ранчеро не могут противостоять регулярным частям Конфедерации и наемникам с Фридланда без поддержки, но если вы возьмете Асторию, у нас появится надежная база.

— Да. — Разглядывая карты, Фалькенберг одновременно думал о девушке: у нее более реалистическое представление о противнике, чем у Баннистера, но насколько она надежна? — Мистер Баннистер, даже при поддержке ваших ранчеро с Высокого Брода, нам не взять Асторию без артиллерии. Мне нужны пушки Астории, да и город — это ключ ко всей кампа-

нии. Если мы его возьмем, у нас будет возможность быстро выиграть войну.

— Но это невозможно! — настаивал Баннистер.

— Однако необходимо, — напомнил ему Фалькенберг. — К тому же на нашей стороне внезапность. Ни один конфедерат не знает о нашем присутствии на планете и не будет знать... — он взглянул на свой карманный компьютер... — еще двадцать семь часов, пока оружейный батальон не собьет спутник. Мисс Хортон, вы тревожили Асторию в последнее время?

— Нет, уже много месяцев, — ответила она.

Может быть, этот наемник, этот Фалькенберг — другой?

— Я забралась так далеко на юг только для встречи с вами.

На столе, как смертный приговор, лежал сделанный капитаном Фрейзером набросок крепости. Фалькенберг молча смотрел, как разведчик указывает места размещения пулеметов.

— Запрещаю вам рисковать революцией ради какого-то безумного плана! — закричал Баннистер. — Астория слишком сильна. Вы сами так говорите.

Ожившие надежды Гленды Руфь снова умерли. Баннистер дает наемникам прекрасный повод для отступления.

Фалькенберг распрямился и взял у официанта пенный стакан.

— Кто у нас здесь младший? — Он осмотрел рубку и увидел у переборки офицера. — Отлично. Лейтенант Фуллер был заключенным на Таните, мистер Баннистер. Пока мы не вытащили его... Марк, произнесите тост.

— Тост, полковник?

— Тост Монтроза, мистер. Тост Монтроза.

Внутренности Баннистера свело от страха. Монтроз! Гленда Руфь ничего не понимала, но в ее взгляде ожила надежда.

— Есть, полковник. — Фуллер поднял свой стакан. — «Кто не смеет зажечь факел, не смеет поставить на кон все, тот либо слишком боится судьбы, либо ничего не получает!»

У Баннистера дрожали руки. Офицеры выпили. Фалькенберг сухо улыбнулся, ответив на восторженный взгляд Гленды Руфь.

Да они все спятили! Под угрозой жизнь всех патриотов! А этот человек и эта девчонка — сумасшедшие!

* * *

«Мэрибелл» бросил якоря в трех километрах от Астории. Быстрые воды Колумбии проносились мимо корабля, стремясь к океану в восьми километрах ниже по течению, где о берег разбивались пятиметровые волны. Зайти за мол гавани было трудно, да и в самой гавани волнение было такое сильное, что корабль не мог остановиться.

Загудели палубные краны «Мэрибелла», спуская на воду грузовые лихтеры. Суда на воздушной подушке прошли по воде и поднялись на песчаный берег, к складам, построенным из гофрированного алюминия, где оставили нагруженные контейнеры и захватили пустые.

Наверху, в крепости Астория, дежурный офицер деловито занес в журнал прибытие корабля. Это главное событие последних двух недель. После окончания восстания делать было совершенно нечего.

Офицер отвернулся и посмотрел на крепость. «Какая напрасная трата хороших пушек, — подумал он. — Никакого смысла держать здесь самоходные орудия. Их возможности все равно не используются, потому что пушки окружены земляными насыпями». Лейтенанта учили вести маневренную войну, и, хотя он понимал необходимость контроля за устьем главной реки нового Вашингтона, это не помогало ему любить свою службу. В том, чтобы стоять гарнизоном в неприступной крепости, нет никакой доблести.

Прозвучал сигнал отбоя, и по всей крепости солдаты повернулись лицом к флагу и взяли под козырек. Цвета Конфедерации Франклина спустились. Хотя дежурный офицер может этого не делать, лейтенант под звуки труб тоже отдал честь.

Артиллеристы стояли у пушек по стойке смирно, но не салютовали. Наемники с Фридланда тоже — у них не было никакого долга перед Конфедерацией, только отработать плату. Лейтенант восхищался ими как солдатами, но они ему не нравились. Однако познакомиться с ними стоило: никто лучше не умеет управляться с вооружением. Он сумел подружиться с несколькими из них. Когда-нибудь, когда Конфедерация окрепнет, они избавятся от наемников, но до того вре-

мени он хотел как можно большему у них научиться. В этом секторе пространства есть богатые планеты. Теперь, когда восстание подавлено, Франклин мог бы добавить их к Конфедерации. Флот СВ с каждым годом слабеет, и на окраинах населенного космоса открываются возможности — но только для тех, кто готов ими воспользоваться.

Когда сигнал отбоя отзвучал, лейтенант снова повернулся к гавани. По дороге к крепости двигался уродливый грузовой лихтер. Лейтенант удивленно нахмурился и спустился с башни.

Когда он дошел до ворот, лихтер уже остановился перед ними. Ревел двигатель, мешая разобрать слова водителя, широкоплечего портового грузчика, который на чем-то настаивал.

— Я не получал приказа, — возражал часовой из числа наемников-землян. Он облегченно повернулся к лейтенанту. — Сэр, они говорят, что у них в этой штуке груз для нас.

— Что это? — крикнул лейтенант. Ему пришлось крикнуть еще раз, чтобы его услышали за ревом мотора. — Что за груз?

— Будь я проклят, если знаю, — жизнерадостно ответил водитель. — В накладной сказано: «Крепость Астория, начальнику интендантской службы». Послушайте, лейтенант, нам пора уходить. Если капитан пропустит прилив, он не сможет выйти сегодня из гавани и тогда сделает из меня приманку для скваврков! Где начальник интендантской службы?

Лейтенант взглянул на часы. После отбоя все быстро расходятся, а офицеры, занятые снабжением, вообще показываются редко.

— У нас некому разгружать, — крикнул он.

— У меня с собой кран и команда, — ответил водитель. — Послушайте, просто покажите мне, где разгрузиться. Нам нужно уплыть по спокойной воде.

— Оставьте здесь, — сказал лейтенант.

— Хорошо. Однако вам трудновато будет тащить груз отсюда. — Он повернулся к своему спутнику в кабине. — Ладно, Чарли, сбрасывай.

Лейтенант представил, что скажет снабженец, когда ему придется передвигать эти контейнеры размером десять на пять

метров. Взобрался на палубу грузового лихтера. На каждом контейнере в углублении для маркировки была табличка «продовольствие».

— Подождите, — приказал он. — Рядовой, откройте ворота. Водитель, отвезите это туда. — Он показал на склад в центре крепости. — Разгрузите у больших дверей.

— Ладно. Подожди, Чарли, — весело сказал главный старшина Кальвин. — Лейтенант хочет, чтобы мы завезли груз. — И он принялся управлять громоздкой машиной.

Экипаж лихтера ловко управлялся с краном, укладывая контейнеры у ворот склада.

— Подпишите здесь, — сказал водитель.

— Я... может, стоит проверить груз.

— Ради Бога, — возразил водитель. — Вы же видите, печати целы... Послушайте, я напишу здесь: Печати нетронуты, но груз без проверки получен прини... Лейтенант, как пишется слово «принимающий»?

— Давайте я сам напишу. — Он так и сделал и подписался, указав свое звание и должность. — Легко прошло плавание?

— Нет. Здесь тяжело и становится все хуже. Нам нужно торопиться, нужно разгрузить кое-что еще.

— Не для нас!

— Нет, в городе. Спасибо, лейтенант. — Машина повернула и с ревом двинулась. Лейтенант покачал головой: «Какая неразбериха». Он поднялся на башню, чтобы зарегистрировать приемку в журнале дежурства. Час до наступления темноты и три часа до смены. День был длинный и скучный.

За три часа до рассвета грузовые контейнеры неслышно раскрылись, и капитан Иен Фрейзер вывел своих разведчиков на темный плац. Они без слов двинулись к окопанным орудиям. Один взвод построился и направился к воротам. Солдаты держали в руках оружие.

Часовые повернулись.

— Какого дьявола? — спросил один из них. — Ведь нас сменять еще рано, верно?

— Потише, — ответил капрал взвода. — Мы получили приказ патрулировать периметр. Разве вам не сказали?

— Никто нам ничего... — Часовой замолчал, получив удар кожаным мешком с зарядами. Его товарищ повернулся, но было поздно. Взвод уже добрался до него.

Два человека неподвижно застыли на местах часовых. Франклин опустился за горизонт, и теперь только слабое красное свечение указывало, где находится планета.

Остальные солдаты взвода вошли в караульное помещение. Они молча двигались среди спящих сменщиков часовых, а когда закончили, капрал снял с пояса коммуникатор.

— Лаэрт.

По другую сторону плаца капитан Фрейзер со своими лучшими людьми добрался до центра радарного контроля. Последовало неслышное мелькание штыков и прикладов. Когда короткая схватка закончилась, Иен произнес в свой коммуникатор:

— Гамлет.

Ответа не было, но он его и не ждал.

Внизу, в городе, в темных складах открывались другие контейнеры. Вооруженные люди строились и взводами двигались по припортовым улицам. Немногие видевшие их жители торопились укрыться: никому не хотелось связываться с наемниками с Земли, нанятыми Конфедерацией.

Рота в полном составе поднялась по склону холма к крепости. По другую сторону, подальше от города, другие части полка ползли по вспаханным полям, не обращая внимания на радары, но стараясь оставаться незамеченными для часовых на стенах. Достигли первой линии сигнальных проводов, и майор Севедж затаил дыхание. Десять секунд, двадцать. Он облегченно вздохнул и знаком велел двигаться дальше.

Марширующая рота достигла ворот. Часовые окликнули подходящих, а те, что стояли на башнях, с любопытством наблюдали. Когда ворота раскрылись, часовые на башнях расслабились. Должно быть, дежурный офицер у ворот получил особый приказ...

Рота направилась в парк бронированных машин. Часовой по другую строну плаца всмотрелся в ночь. Там что-то есть?

— Стой! Кто здесь?

Ответом было молчание.

— Ты что-нибудь увидел, Джек? — спросил его товарищ.

— Не знаю... посмотри туда. У кустов. Что-то... Боже, Гарри! Поле полно людей! КАПРАЛ! ТРЕВОГА! Поднимайте охрану! — Он поколебался перед последним шагом: ведь можно вызвать недовольство сержанта. Палец нажал красную кнопку тревоги, и по периметру крепости вспыхнули огни. Взревели сирены, и часовой успел увидеть в поле у лагеря тысячи солдат. Затем его прошила очередь, и он упал.

В крепости воцарилось смятение. Первыми опомнились артиллеристы-фридландцы. Их офицерам потребовалось меньше минуты, чтобы понять, что тревога настоящая. Артиллеристы тут же высыпали из казарм, чтобы защитить свои драгоценные орудия, но у каждой насыпи их встретили пулеметные очереди. Артиллеристы падали грудами, а уцелевшие попытались укрыться. Многие, торопясь добраться до пушек, не захватили личное оружие и теперь теряли время, возвращаясь за ним.

Люди майора Севеджа добрались до стен и поднялись на них. Часть секций держала стены под непрерывным огнем, и в сравнительно слабом тяготении Вашингтона солдаты, несмотря на тяжелую броню, поднимались быстро. Как только они преодолевали подъем, офицеры направляли их в сторону плаца, где они усиливали огонь с земляных укреплений. Торопливо установленные пулеметы прикрывали позиции артиллеристов завесой огня.

Артиллерия представляла собой главную силу крепости. Как только орудия были захвачены, майор Севедж направил нападающих к казармам. Врываясь с гранатами и ружьями наготове, они захватывали целые роты прежде, чем появлялись офицеры с ключами от оружейных стоек. Солдаты регулярной армии Конфедерации не оказали сопротивления, и только фридландцы продолжали сражаться, но все их внимание было нацелено на артиллерию, а здесь никаких шансов у них не было.

Тем временем наемники с Земли, и в лучшие времена не отличавшиеся стойкостью, запросили пощады; многие из них не сделали ни одного выстрела. Защитники крепости сража-

лись неорганизованными группами, им же противостояли дисциплинированные войска с отлично работавшей связью.

В штабе крепости сигнал тревоги разбудил коменданта Альберта Морриса. Комендант, не веря своим ушам, прислушался к звукам сражения и, хотя выскочил полуодетым, тем не менее опоздал. Его крепость была захвачена почти четырьмя тысячами солдат противника. Моррис несколько мгновений стоял в нерешительности: ему хотелось броситься к казармам, чтобы собрать уцелевших и организовать сопротивление, но потом он решил, что его долг — быть в комнате связи. Необходимо сообщить в столицу. И он ринулся в радиорубку.

Внутри все казалось обычным, и он начал отдавать приказы дежурному сержанту, но тут же понял, что никогда раньше не видел этого человека. Повернувшись, он увидел нацеленные на себя ружья целого взвода. Из темного угла комнаты ударил луч света.

— Доброе утро, сэр, — произнес спокойный голос.

Комендант Моррис мигнул и поднял руки, признавая свое поражение.

— У меня нет оружия. А кто вы такой?

— Полковник Джон Кристиан Фалькенберг, к вашим услугам. Вы согласны сдать крепость и спасти своих людей?

Моррис мрачно кивнул. Он достаточно видел снаружи, чтобы понять, что сопротивление бессмысленно. С его карьерой покончено, что бы он ни предпринял, и нет смысла устраивать бойню для фридландцев.

— Кому сдать?

Свет снова загорелся, и Моррис увидел Фалькенберга. На губах полковника играла мрачная усмешка.

— Конечно, великому Иегове и Свободному государству Вашингтон, комендант...

Альберт Моррис не был историком и не понял намека. Он взял микрофон, который протянул ему солдат. Крепость Астория пала.

В двадцати трех сотнях километров к западу от Алланспорта сержант Шерман Уайт нажал на кнопки запуска трех

небольших ракет. Ракеты не очень мощные, но способные к быстрому пуску, способные поднять сто килограммов стальных кубиков на высоту в сто сорок километров. У Уайта были очень точные сведения об элементах орбиты спутника Конфедерации: он наблюдал за спутником в течение двадцати его оборотов.

Когда сержант Уайт запустил свои перехватчики, спутник был еще за горизонтом. Он приближался, и ракеты летели ему навстречу. Их радары точно указали момент взрыва, и ракеты превратились в неуклонно расширяющееся облако. Облако продолжало подниматься, остановилось и начало опадать. Спутник зафиксировал нападение и передал своим хозяевам сигнал тревоги. Потом прошел через облако на скорости в тысячу четыреста метров в секунду. И столкнулся с четырьмя стальными кубиками.

XVII

Фалькенберг сидел в кабине командной машины армии Конфедерации, двигавшейся по дороге в долине Колумбии на север, в сторону брода Доак, и изучал руководство по использованию этой машины. Где-то впереди с захваченным кавалерийским оборудованием двигались разведчики капитана Фрейзера, а за Фалькенбергом растянулся передвигающийся частями весь полк. Солдаты ехали на мотоциклах, в частных грузовиках, в запряженных лошадьми фургонах и шли пешком.

Вскоре предстоят еще переходы. С захваченным кавалерийским оборудованием им повезло, но долина Колумбии не развита технологически. Местный транспорт основан на тягловых животных, а для отправки продуктов в порт Астории фермеры пользуются рекой. Речные лодки и горючее — ключ к операции. Но ни того, ни другого не было в достаточном количестве.

Гленда Руфь Хортон удивила Фалькенберга, не возразив против необходимости торопиться, и ее ранчеро собирались в речных портах и несли тяжелые потери, чтобы успеть захватить лодки и запасы горючего, прежде чем рассеянные окку-

пационные силы Конфедерации смогут их уничтожить. А тем временем Фалькенберг безжалостно гнал полк на север.

— Впереди перестрелка, — сказал водитель. — Еще одна батарея.

— Верно. — Фалькенберг повозился с незнакомым оборудованием, добился, чтобы карта сфокусировалась, и взял коммуникатор.

— Сэр, — ответил капитан Фрейзер. — Здесь батарея 105-миллиметровых и рота с пулеметами. Нам одним не справиться.

— Хорошо, обойдите их. Пусть ранчеро мисс Хортон держат их в осаде. Нашли еще горючего?

Фрейзер невесело рассмеялся.

— Полковник, вы можете как угодно переделывать карбюраторы, но на парафине они работать не будут. Здесь на фермах нет даже сельхозтехники. Мы идем на последних испарениях.

— Да. — Конфедераты поумнели. Первые сто километров разведчики захватывали топливные склады нетронутыми, но теперь, если только контроль не захватывали патриоты, склады начинали пылать до появления быстрых разведчиков Фрейзера. — Двигайтесь как можно быстрее, капитан.

— Сэр. Конец связи.

— У нас есть немного резервного горючего для пушек, — напомнил главный старшина Кальвин. Он сидел в башенке и время от времени поглаживал тридцатимиллиметровую пушку. Конечно, не очень мощное оружие, но главный старшина давно не стрелял из бронированной машины и надеялся немного пострелять.

— Нет. Этим пушкам еще предстоит двигаться на восток к проходам. Из столицы обязательно пошлют подкрепление.

«Но пошлют ли?» — подумал Фалькенберг. Вместо того чтобы двигаться на северо-запад от столицы, чтобы усилить крепость у брода Доак, конфедераты могут послать войска морем и попытаться вернуть себе Асторию. Ход будет глупый, а Фалькенберг рассчитывал на некоторый уровень интеллекта у противника. Всем известно, что пушки крепости Астория господствует над речным устьем.

В крепости оставалась часть батальона огневой поддержки с противовоздушными ракетами, чтобы помешать разведке с воздуха, но в остальном Асторию удерживает наспех собранный отряд патриотов, подкрепленный горсткой наемников. Ночью пушки фридландцев были вывезены.

Если план Фалькенберга сработает, к тому времени, как конфедераты поймут, кто им противостоит, Астория будет занята сильной армией патриотов из долины, а другие отряды патриотов пересекут реку и будут удерживать Алланспорт. Рискованный боевой план, но имеющий одно достоинство: это единственный план, который способен принести успех.

Передовые отряды полка преодолели половину из шестисот километров на север до брода Доак за десять часов. За этими передовыми группами более неторопливо двигался весь полк, задерживаясь, чтобы подавить очаги сопротивления, если это можно было сделать быстро, или обходя их и предоставляя патриотам взять противника в кольцо и ждать, пока голод не заставит его сдаться. Поднималась вся долина, и чем дальше на север уходил Фалькенберг, тем больше патриотов он встречал. Когда было пройдено четыреста километров, он послал Гленду Руфь Хортон на восток, к проходам, на соединение с майором Севеджем и захваченной у фридландцев артиллерией. Как и полк, ранчеро передвигались самыми разными способами: на вертолетах, на бронированных машинах, на грузовиках, на мулах и пешком.

— Настоящий караван кочевников, — сказал Хайрам Блек. Блек — низкорослый обветренный ранчеро, которому Совет Свободного государства присвоил звание полковника и отправил с Фалькенбергом собирать силы повстанцев. Фалькенбергу нравились сухой юмор и жесткий реализм этого человека. — Генерал Фалькенберг, мы — самое необычное сборище в истории войн.

— Да. — Больше сказать было нечего. К нелегкой ситуации с транспортом добавлялось отсутствие единообразия в вооружении: у них были охотничьи ружья, оружие, отобранное у противника, собственное вооружение полка и груды оружия, контрабандно ввезенного Свободным государством до появления Фалькенберга. — Но для этого существуют компьютеры, — сказал Фалькенберг.

— Впереди перекресток, — предупредил водитель. — Держитесь. — Перекресток, вероятно, был пристрелян артиллерией с невзятого поста в восьми километрах впереди. Проходя мимо, кавалерия Фрейзера вывела из строя радар на холме, но с батареи могли увидеть командную машину.

Водитель неожиданно остановил машину. Послышался свист, и от сильного взрыва машина вздрогнула. По бронированным бортам застучали осколки. Мотор ожил, и машина двинулась быстрей.

— Вы мне должны десять кредиток, главный старшина, — сказал водитель. — Я вам говорил: они ожидают, что мы двинемся быстрей.

— Думаешь, я хотел выиграть пари, Карпентер? — спросил Кальвин.

Они ехали по холмистой местности, покрытой кукурузными полями, где золотились початки. Генная инженерия превратила местное зерновое растение Нового Вашингтона в один из ценнейших пищевых злаков во всем космосе. Внешне эта кукуруза напоминает земной маис, и цикл ее роста занимает два местных года. К концу этого цикла гидростатическое давление возрастает, пока початок не разрывается, но если убрать урожай в сухой период Нового Вашингтона, получается зерно с высоким содержанием протеина, очень вкусное, если его сварить в воде; к тому же это отличный корм для животных.

— Тут не должно быть сопротивления, — сказал Хайрам Блек. — Отсюда федди должны уйти к крепости у брода Доак.

Полчаса спустя его предположение подтвердилось. Ожил коммуникатор Фалькенберга.

— Мы в небольшом городке, который называется Медселин, — сказал Фрейзер. — Здесь стоял гарнизон, но теперь он уходит вверх по дороге. Нас встречает комитет граждан.

— К черту комитет! — рявкнул Фалькенберг. — Преследуйте противника!

— Полковник, я бы рад, но у меня совсем нет горючего.

Фалькенберг мрачно кивнул.

— Капитан Фрейзер, я хочу, чтобы разведчики продвинулись на север как можно дальше. Есть ли там хоть какой-нибудь транспорт?

Последовало долгое молчание.

— Да, сэр, велосипеды...

— Тогда, ради Бога, используйте велосипеды! Используйте все, что придется, капитан, но пока вас не остановит противник, вы должны идти вперед, обходя сосредоточения. Хватайте их за пятки, Иен, они испуганы. Они не знают, кто их преследует, и если вы продолжите на них давить, не станут останавливаться, чтобы узнать. Двигайтесь вперед, старина. Если попадете в неприятности, я вас вытащу.

— Есть, полковник. Встретимся у брода Доак.

— Верно. Конец связи.

— Вы сдержите обещание, генерал? — спросил Хайрам Блек.

Фалькенберг взглянул на ранчеро своими светло-голубыми глазами.

— Это зависит от того, насколько надежна ваша Гленда Руфь Хортон, полковник Блек. Ваши ранчеро должны собраться вдоль всей долины. С такой угрозой с фланга конфедераты не посмеют занять оборонительную позицию южнее брода Доак. Но если ваши патриоты не покажутся, получится совсем другая история. — Он пожал плечами. Полк растянулся на дорогах на триста километров, и единственной защитой его флангов оставалась собственная скорость и нерешительность противника. — От нее зависит не только это, — продолжал Фалькенберг. — Она сказала, что основные бронированные части фридландцев находится в районе столицы.

Хайрам Блек не по-военному присвистнул.

— Генерал, если Гленда Руфь в чем-то уверена, можете на это полагаться.

Главный старшина Кальвин хмыкнул. Этот звук лучше слов выразил его мнение. Не так уж часто бывает, чтобы существование 42-го зависело от юной девушки из колоний.

— А как получилось, что она стала командовать ранчеро долины? — спросил Фалькенберг.

— По наследству, — ответил Блек. — Ее отец был настоящим мужчиной, генерал. Погиб в последнем сражении прошлой революции. Она была у него начальником штаба.

Старый Джош доверял ей больше, чем своим офицерам. На вашем месте я бы тоже доверял ей, генерал.

— Я ей доверяю.

Для Фалькенберга полк — это не просто отряд наемников. Подобно любому произведению искусства, это великолепно созданный инструмент; именно совершенство — главное оправдание его существования.

Но, в отличие от произведений искусства, полк — это воинская часть, и он должен участвовать в сражениях и нести потери. Тех, кто погибал в боях, оплакивали. Но павшие были лишь частицами полка; полк будет существовать и тогда, когда все его нынешние солдаты и офицеры будут мертвы. 42-й сталкивался с поражениями в прошлом и, возможно, столкнется в будущем, но на этот раз под угрозой оказывается само существование полка. Фалькенберг рисковал не только жизнями солдат, но и самим 42-м.

Они продолжали двигаться на север. Фалькенберг изучал карты. Выводя противника из равновесия, один полк мог проделывать работу пяти. Однако рано или поздно конфедераты прекратят отступление. Они отходят к своей крепости у брода Доак, собирают силы и сосредоточиваются для сражения, которое Фалькенбергу не выиграть. Поэтому сражение не должно начаться, пока не соберутся силы ранчеро. Тем временем, полк должен обойти форт Доак и повернуть на восток к горным проходам, перекрыв их, прежде чем фридландские бронечасти и горцы Завета вырвутся на западные равнины.

— Думаете, у вас получится? — спросил Хайрам Блек. Он смотрел, как Фалькенберг работает с приборами, передвигая символы на карте командной машины. — Мне кажется, фридландцы доберутся до прохода раньше вас.

— Да, — согласился Фалькенберг. — И если они пройдут, мы проиграли. — Он нажал кнопку, на карте вспыхнула яркая точка, представляющая майора Севеджа, который с артиллерией стремительно продвигался по диагонали от Астории к проходу Хильера, в то время как основная часть полка продолжала подниматься по течению Колумбии и поворачивала на восток к горам, покрывая две стороны треугольника. — Джерри Севедж может добраться туда первым, но у него не хватит сил, чтобы остановить их. — По карте передвигалась

еще одна группа символов. Не отдельная четко оформленная часть, а несколько ручейков, собирающихся у прохода. — Мисс Хортон тоже пообещала быть здесь с подкреплением и припасами — достаточно, чтобы выдержать первое столкновение. Если они сумеют задержать фридландцев настолько, чтобы дать нам возможность подойти, мы овладеем всем сельскохозяйственным районом Нового Вашингтона. И революция будет выиграна более чем наполовину.

— А что если она не сумеет добраться — или они не смогут сдержать парней с Фридланда и Завета? — спросил Хайрам Блек.

Главный старшина Кальвин снова хмыкнул.

XVIII

Проход Хильера представляет собой холмистую, в шесть километров шириной расщелину в высокой горной цепи. Горы Олдайн проходят в общем направлении с северо-запада на юго-восток, и посередине с ними соединяются уходящие на юг горы Темблора. Непосредственно в месте соединения и находится проход, который соединяет центральную равнину со столицей к востоку с долиной Колумбии к западу.

Майор Джереми Севедж с удовлетворением разглядывал свою позицию. У него не только двадцать шесть пушек, захваченных у фридландцев в Астории, но еще двенадцать, взятых на разбросанных аутпостах в нижнем течении Колумбии, и все пушки надежно вкопаны в землю за холмами, нависающими над проходом. Перед пушками позиции шести пехотных рот второго батальона и половина третьего, а за ними в резерве тысяча ранчеро.

— Во всяком случае нас не обойдут с флангов, — заметил центурион Брайант. — Сможем продержаться, сэр.

— Да, у нас есть такая возможность, — согласился Севедж. — Благодаря мисс Хортон. Должно быть, вы здорово подгоняли своих людей.

Гленда Руфь пожала плечами. У ее нерегулярных частей в ста восьмидесяти километрах к западу от прохода кончилось горючее, и она привела их форсированным тридцатичасовым

пешим маршем, отправив оружие вперед на последних каплях бензина.

— Я просто шла, майор. Мне не нужно было подгонять людей, они шли за мной.

Джереми Севедж быстро взглянул на нее. Стройная девушка в этот момент не казалась красивой — одежда выпачкана грязью, волосы растрепаны, но он предпочел бы видеть ее, а не мисс Вселенную. С ее войсками и боеприпасами у него появился шанс удержать позицию.

— Значит, просто шли. — Центурион Брайант быстро отвернулся, у него что-то застряло в горле.

— Мы сможем продержаться до прихода полковника Фалькенберга? — спросила Гленда Руфь. — Думаю, противник бросит сюда все силы.

— Мы искренне надеемся на это, — ответил Джереми Севедж. — Вы знаете, это наш единственный шанс. Если их бронированные части вырвутся на простор...

— Другого пути на равнины нет, майор, — ответила она. — Горы Темблора тянутся до самых болот Мэтсона, и там никто не рискнет пройти на тяжелых машинах. Большой Изгиб — территория патриотов. А между болотами Мэтсона и нерегулярными частями патриотов — потребуется неделя на переход. Если они не хотят этого, им придется пройти здесь.

— И они придут, — закончил за нее Севедж. — Хотят дойти до крепости у брода Доак раньше, чем мы успеем ее осадить. По крайней мере таков план Джона Кристиана, а он редко ошибался.

Гленда Руфь в бинокль разглядывала дорогу. Пустую — пока.

— Этот ваш полковник... Зачем ему все это? На нашей плате не разбогатеешь.

— Я думал, вы рады, что мы здесь, — сказал Джереми.

— Конечно, я рада. За 240 часов Фалькенберг изолировал все гарнизоны конфедератов к западу от Темблора. Единственная сила, которая сохранила способность к боевым действиям, это армия из столицы — за одну кампанию вы освободили едва ли не всю планету.

— Удача, — ответил Джереми Севедж. — Просто очень повезло.

— Хе, — презрительно произнесла Гленда Руфь. — Я в это верю не больше вас. Конечно, федди заняты оккупацией, они разбросаны, и всякий, кто способен быстро двигать войска, имел возможность отрезать их, прежде чем они соберут крупные боеспособные формирования. Но никто не верил, майор, что это можно сделать не на картах. С реальными частями — а он сделал. Это не удача, это гениальность.

Севедж пожал плечами.

— Не стану спорить.

— Я тоже. А теперь ответьте: что делает военный гений, командуя наемниками на заброшенной сельскохозяйственной планете? Такой человек должен быть генерал-лейтенантом СоВладения.

— СВ не нужны военные гении, мисс Хортон. Большой Сенат хочет повиновения, а не оригинальности.

— Может быть. Мне казалось, что Лермонтов не дурак, а ведь его сделали адмиралом. Ну, хорошо, СВ не собирается использовать Фалькенберга. Но почему Вашингтон, майор? С таким полком вы могли бы отправиться куда угодно, кроме Спарты, и показать Братству, чего вы стоите. — Она осматривала в бинокль горизонт, и Севедж не видел ее глаз.

Девушка его беспокоила. Никто из чиновников Свободного государства не усомнился в правильности решения нанять полк.

— Совет полка проголосовал за отправку сюда, потому что нам надоел Танит, мисс Хортон.

— Конечно. — Она продолжала разглядывать унылые холмы впереди. — Послушайте, я бы отдохнула, если нам предстоит бой — а он нам предстоит. Посмотрите на горизонт слева от дороги. — Она отвернулась, и в этот момент прогудел коммуникатор Брайанта. Аутпосты заметили разведчиков бронированных частей.

Гленда Руфь шла к своему бункеру, чувствуя, что у нее начинает кружиться голова. Она родилась на Новом Вашингтоне и привыкла к сорокачетырехчасовому периоду вращения этой планеты, тем не менее отсутствие сна сказывалось и на ней.

«Хожу по подушкам», — сказала она себе. Так описывал их ощущения Харли Хастингс, когда они возвращались домой под утро.

«Может, Харли там, с подходящими частями», — подумала она. И понадеялась, что нет.

Ничего у них и не могло получиться, но он хороший мальчик. Однако слишком мальчик, лишь пытающийся выглядеть мужчиной. Конечно, приятно, когда с тобой обращаются как с леди, но он так и не смог поверить, что я способна сама за себя постоять...

У ее бункера стояли часовые: два ранчеро и один капрал из полка Фалькенберга. Капрал застыл по стойке смирно, ранчеро поздоровались. Гленда Руфь ответила жестом — наполовину приветствие, наполовину салют капралу — и прошла внутрь. «Контраст не мог бы быть сильней», — подумала она. Ее ранчеро не собираются глупо выглядеть с этими салютами и всем прочим.

Не раздеваясь, она легла и укрылась тонким одеялом. Почему-то инцидент у бункера ее встревожил.

«Люди Фалькенберга — профессиональные военные. Все профессионалы. Что они делают на Новом Вашингтоне?

Их пригласил сюда Говард Баннистер. Он даже предложил им земли для постоянного поселения, хотя не имел на это права. Невозможно контролировать такую военную силу, не организовав собственную большую регулярную армию, и лекарство получается хуже болезни.

Но без Фалькенберга революция обречена.

А что будет, если мы победим? Что станет делать Фалькенберг после окончания революции? Улетит? Я его боюсь — он не из тех, кто так просто улетает.

Будь честна с собой, — подумала она. — Фалькенберг — очень привлекательный мужчина. Мне понравилось, как он приказал произнести тот тост. Говард дал ему отличный предлог для отказа, но он им не воспользовался».

Она хорошо помнит, как он стоял с поднятым стаканом, с загадочной улыбкой на губах, а потом отправился в упаковочный контейнер вместе с Иеном и его людьми.

Но храбрость — не диковина. Нам нужна верность, а этого он нам никогда не обещал...

И не у кого было спросить совета. Единственным человеком, которого она по-настоящему уважала, был ее отец. Перед смертью он пытался растолковать ей, что победа в войне — только небольшая часть решения проблемы. На Земле есть страны, которые пережили пятьдесят кровавых революций, прежде чем им улыбалась удача и какой-нибудь тиран захватывал власть и прекращал революции. «Революция — самая легкая часть, — говорил отец. — А вот править страной после революции — совсем другое дело». А что если Фалькенберг не позволит им сохранить завоевания революции?

Уснув, она увидела во сне Фалькенберга. Его жесткое лицо смягчилось. Он в военном мундире и сидит за столом. Рядом с ним главный старшина Кальвин.

— Этим оставить жизнь. Этих убить. Этих отправить в шахты, — приказывает Фалькенберг.

Рослый сержант переставляет крошечные фигурки, которые кажутся игрушечными солдатиками, но это не солдаты. Одна фигурка — ее отец. Другие — ранчеро. И это вовсе не игрушки. Это настоящие люди, только очень уменьшенные. Она едва слышит их крики, а строгий голос продолжает решать их судьбу...

Бригадир Вильфрид фон Меллентин посмотрел на холмы перед укреплениями повстанческой армии, потом вернулся в свою командирскую машину, поджидать возвращения разведчиков. Он принялся настаивать на немедленной отправке своих бронечастей на запад, едва было получено известие о падении Астории, но Генеральный штаб Конфедерации отказал.

«Глупцы», — подумал он. Штаб заявил, что риск слишком велик. Бронетанковые фридландские части фон Меллентина — лучшее соединение армии Конфедерации, и нельзя допустить, чтобы оно попало в ловушку.

Теперь Генеральный штаб убедился, что ему противостоит всего один полк наемников. Один полк. К тому же, наверное, понесший тяжелые потери при взятии Астории. Так утверждает штаб. Фон Меллентин посмотрел на карту и пожал плечами.

Кто-то удерживает проход, а у него есть основания с уважением относиться к ранчеро Нового Вашингтона. На

пересеченной местности, как раз такой, какая сейчас перед ним, они могут достойно сражаться. Достаточно хорошо, чтобы измотать его части. «Но дело того стоит, — решил он. — За проходом открытая местность, и там у ранчеро не будет ни одного шанса».

У него на глазах рисунок карты менялся. Поступали доклады разведчиков, штабные офицеры фон Меллентина проверяли данные, соотносили с другими и вводили в компьютер. На карте появилась хорошо укрепившаяся пехота, причем в гораздо больших количествах, чем ожидал фон Меллентин. Проклятый Фалькенберг. У него сверхъестественная способность передвигать войска.

Фон Меллентин повернулся к своему начальнику штаба.

— Хорст, как ты думаешь, у них есть тяжелая артиллерия?

Оберст Карнап подал плечами.

— *Вайс нихт*, бригадир. Каждый дополнительный час дает Фалькенбергу возможность хорошо закрепиться, а мы потеряли слишком много часов.

— Это не Фалькенберг, — поправил фон Меллентин. — Он сейчас осаждает крепость у брода Доак. Мы получили сообщение ее коменданта. Большая часть сил Фалькенберга должна быть далеко на западе.

Он снова повернулся к картам, настолько подробным и полным, насколько это возможно без близкого непосредственного наблюдения.

Словно прочитав его мысли, Карнап спросил:

— Выслать разведчиков, бригадир?

Фон Меллентин смотрел на карту так, словно она могла еще что-то сообщить ему, но она не сообщала.

— Нет. Двигаем все силы, — принял он неожиданное решение. — Пинайте задницы, но колоть их не надо.

— *Яволь.* — Карнап негромко заговорил в коммуникатор. Потом снова посмотрел на командира. — Мой долг указать на риск, бригадир. Если у них есть артиллерия, мы понесем тяжелые потери.

— Знаю. Но если мы не прорвемся сейчас, можем не успеть освободить крепость. Если крепость Доак будет взята, война наполовину проиграна. Лучше тяжелые потери сейчас,

чем долгая война потом. Я сам поведу атакующих. Вы останетесь в командной машине.

— *Яволь*, бригадир.

Фон Меллентин выбрался из тяжелой бронированной командной машины и пересел в средний танк. Он занял место в орудийной башне и негромко приказал водителю:

— Вперед.

Броня смела пехотные заслоны, словно их и не было. Танки фон Меллентина и сопровождающая их пехота прекрасно координировали свои действия, подавляя всякое сопротивление. Колонна быстро продвигалась вперед, чтобы рассечь силы противника на дезорганизованные фрагменты, с которыми справится пехота Конфедерации.

Фон Меллентин по частям громил блокирующего проход противника, его бригада все дальше углублялась в проход. Все шло слишком легко, и ему казалось, что он понимает, почему.

Вспотевшие танкисты подошли к неправильному хребту на самой верхней точке прохода. И неожиданно на них обрушился огонь легкой артиллерии и мортир. Танки продолжали движение, но пехота залегла. Танки и пехоту на мгновение разъединили, и в этот миг передовые танки уперлись в минное поле.

Бригадир фон Меллентин начинал тревожиться. Логика подсказывала ему, что минное поле не может быть ни плотным, ни протяженным, и если он пройдет его, то доберется до незащищенных тылов противника. Когда танки поработают над штабами и складами, пехота Конфедерации займет проход, а его бригада сможет вырваться на простор за ним.

Но... если у защитников транспорт организован лучше, чем считает Генеральный штаб, и впереди тысячи мин, тогда он обречет свои танки на гибель.

— Оценка, — потребовал он. Экран в его танке, повторяющий тот, что в командном пункте, на мгновение потемнел, появились обновленные данные. Танки фон Меллентина остановились, а пехота прижата к земле и несет потери. — Рекомендации?

— Выслать разведку, — послышался голос оберста Карнапа.

Фон Меллентин на мгновение задумался. Компромиссы на войне часто бывают хуже любых действий. Небольшой отряд можно потерять, ничего не достигнув. Разъединенные силы можно разбить по отдельности. У него всего несколько мгновений, чтобы принять решение.

— Вперед, — приказал он.

Они достигли самого узкого места прохода. Танки сгрудились еще теснее; они, до сих пор избегавшие мест, на которых может сосредоточить огонь артиллерия, теперь вынуждены были двигаться по подозрительным участкам. Бригадир фон Меллентин стиснул зубы.

Артиллерийский залп был превосходно рассчитан. У бригады осталось меньше четверти минуты после того, как радары предупредили о приближении снарядов. И тут снаряды начали рваться между танками, уничтожая остатки пехоты. Затем радары показали приближение новых снарядов, и на экранах все расплылось.

— *Йа*, это тоже, — пробормотал фон Меллентин. На его противоартиллерийских экранах была видна какая-то плотная липкая масса.

Защитники пустили в ход «мякину» — сотни тысяч крошечных металлических осколков, которые медленно опускались на землю. Теперь ни одна сторона не могла воспользоваться радаром, чтобы нацелить огонь, но танки фон Меллентина находились под визуальным контролем, в то время как батареи противника так и не были обнаружены.

Последовал еще один точно нацеленный залп.

— Чертовски хорошая стрельба, — прокричал фон Меллентин своему водителю. Между первым и последним разрывом залпа прошло не больше пяти секунд.

Бригаду рвали на куски. Передовые группы попали на новое минное поле. Пехота защитников небольшими группами укрывалась в траншеях и ямах, и сопровождающие танки солдаты справились бы с ней в считанные мгновения, если бы могли продвинуться вперед, но пехота была отрезана заградительным огнем: снаряды рвались за танками и между ними.

Не было ни пространства для маневра, ни поддержки пехоты — классический кошмар командира бронетанковых со-

единений. Местность, и так сильно пересеченная, покрылась ямами и канавами. По танкам продолжалась стрельба из противотанковых орудий. Пока поражений немного, но каждый поврежденный танк тут же разбивали на куски, а стрелять в ответ не в кого. Передовые танки находились под непрерывным огнем, и продвижение замедлилось.

Противник продолжал вести сильный огонь. *Надолго ли их хватит? Если у них кончатся снаряды, все изменится.* Фон Меллентин колебался. Вокруг его танков по-прежнему бушевал ад.

Сомнения подрывали его решимость. Генеральный штаб Конфедерации сообщил, что ему противостоит один Легион Фалькенберга, но штаб в прошлом не раз ошибался. Те, кто противостоит ему, захватили Асторию, не дав коменданту даже сообщить о нападении. И почти в тот же момент над Алланспортом был сбит спутник-наблюдатель. Все крепости по течению Колумбии были захвачены за несколько часов. Даже Фалькенберг не мог проделать это всего с одним полком!

Кто ему противостоит? Если организованный противник с запасом снарядов, позволяющим вести огонь часами, а не минутами, бригада погибла. Его бригада, лучшее бронетанковое соединение в мире, погибнет из-за плохой разведки этих проклятых колонистов!

— Отозвать части. Сосредоточиться у пункта Хильденбрандт. — Получив приказ, танки начали отходить, спасая прижатую к земле пехоту и прикрывая ее отступление. Когда бригада сосредоточилась к востоку от прохода, выяснилось, что фон Меллентин потерял восемь танков, и он сомневался, что хоть один их них удастся вернуть.

XIX

Почетный караул стоял у командной машины с оружием наизготовку. Фалькенберг ответил на приветствие и быстро прошел в штабной бункер.

— Внимание! — скомандовал главный старшина Кальвин.

— Продолжайте, джентльмены. Майор Севедж, вам будет приятно узнать, что я привел с собой полковую артиллерию. Мы высадились вчера. Тяжело пришлось?

— Да, Джон Кристиан, — мрачно ответил Джереми Севедж. — Если бы бой затянулся еще на час, у нас бы все кончилось. Мисс Хортон, можете расслабиться: полковник разрешил продолжать.

— Кто его знает, — фыркнула Гленда Руфь. Она покосилась на почетный караул и неодобрительно нахмурилась. — Не хотелось быть расстрелянной за несоблюдение устава.

Офицеры и солдаты на командном пункте напряглись, но ничего не произошло. Фалькенберг повернулся к майору Севеджу.

— Каковы потери, майор?

— Тяжелые, сэр. Во втором батальоне осталось 283 боеспособных.

Лицо Фалькенберга оставалось бесстрастным.

— А сколько ходячих раненых?

— Сэр, это с учетом ходячих раненых.

— Понятно. — Потери в шестьдесят пять процентов, не считая ходячих раненых. — В третьем?

— Я не смог набрать для почетного караула капралов из двух рот. Уцелевшие заняты различными обязанностями в штабе.

— Кто же удерживает позицию, Джерри? — спросил Фалькенберг.

— Нерегулярные и те, кто остались от второго батальона, полковник. Мы рады вас видеть, знаете ли.

Гленда Руфь Хортон пережила миг внутренней борьбы. Что бы она ни думала об этих бессмысленных военных ритуалах, которым так привержен Фалькенберг, честность требовала, чтобы она что-нибудь сказала.

— Полковник, должна извиниться перед вами. Простите за то, что подумала, будто ваши люди не будут сражаться под Асторией.

— Вопрос в том, мисс Хортон: будут ли сражаться ваши? У меня две батареи полковой артиллерии, но на самой позиции я больше ничего не могу добавить. Мои войска осаждают брод Доак, моя кавалерия и первый батальон — у Высокого

Брода, и полк будет так разбросан еще много дней. Вы хотите сказать, что ваши ранчеро не могут воевать так же хорошо, как мои наемники?

Она с несчастным видом кивнула.

— Полковник, мы никогда не выдержали бы эту атаку. Центурион второго батальона рассказал мне, что перед самым концом сражения многие мортиры обслуживались только одним человеком. Наши люди не выстояли бы.

На лице Фалькенберга проступило облегчение.

— Значит центурион Брайант жив?

— Ну... да.

— Значит, жив и 42-й. — И Фалькенберг, довольный, кивнул.

— Но мы не сможем остановить новую атаку этим вооружением! — возразила Гленда Руфь.

— Может, это и не понадобится, — ответил Фалькенберг. — Мисс Хортон, бьюсь об заклад, что фон Меллентин не станет рисковать своими танками, пока пехота не очистит эту нору. С его точки зрения, он сунулся — столкнулся с чем-то таким, что не смог преодолеть. Он не знает, как близок был к победе.

А тем временем благодаря вашим усилиям по организации транспорта мы получили боеприпасы для артиллерии. Посмотрим, что можно будет сделать с тем, чем мы располагаем.

Три часа спустя они подняли головы от карт.

— Вот оно, — сказал Фалькенберг.

— Да. — Гленда Руфь осмотрела позиции войск. — Ключ ко всему — эти передовые патрули, — осторожно сказала она.

— Конечно. — Он потянулся за своей полевой сумкой. — Хотите выпить?

— Сейчас? — *А почему бы нет?* — Спасибо, хочу. — Он плеснул в две чашки из офицерской столовой немного виски и одну протянул ей. — Но не могу задерживаться надолго, — добавила она.

Он пожал плечами и поднял свой стакан.

— За старательного врага. Но не слишком старательного, — сказал он.

Гленда Руфь немного поколебалась, потом выпила.

— Для вас это игра, верно?

— Может быть. А для вас?

— Я ее ненавижу. Все это ненавижу. Я не хотела начинать новое восстание. — Она содрогнулась. — С меня хватит убийств, и раненых, и горящих домов...

— Тогда почему вы здесь? — спросил он. В его голосе не было насмешки — и не было презрения. Вопрос искренний.

— Друзья попросили возглавить их, и я не могла им отказать.

— Хорошая причина, — сказал Фалькенберг.

— Спасибо. — Она допила виски. — Теперь мне пора. Надо надевать броню.

— Разумная мера, хотя бункер достаточно прочен.

— Я не останусь в бункере, полковник. Я отправляюсь в патруль со своими ранчеро.

Фалькенберг критически разглядывал ее.

— Не думаю, что это разумно, мисс Хортон. Личная храбрость — прекрасная черта командира, но...

— Знаю. — Она улыбнулась уголками губ. — Ее не нужно демонстрировать, потому что она предполагается, верно? Но не у нас. Я не могу приказывать ранчеро, и у меня нет многолетних традиций, чтобы удерживать их... ведь такова причина всех этих церемоний, верно? — удивленно спросила она.

Фалькенберг не обратил внимания на ее вопрос:

— Дело в том, что ваши люди идут за вами. Сомневаюсь, чтобы они сражались так же решительно за меня, если бы вас убили.

— Это неважно, полковник. Поверьте, я не хочу вести этот патруль, но если я не поведу первый, других может не быть. Мы не привыкли к удержанию позиций, и нужно что-то делать, чтобы сохранить сплоченность моих войск.

— И вы хотите сыграть на чувстве стыда.

Она пожала плечами.

— Если пойду я, пойдут и они.

— Я пошлю с вами центуриона и солдат из охраны штаба.

— Нет. Отправьте со мной столько же ваших людей, сколько с любым другим патрулем. — Она на мгновение по-

качнулась. Подействовали одновременно отсутствие сна, выпитый виски и узелок страха внутри. Девушка ухватилась за край стола, и Фалькенберг внимательно посмотрел на нее.

— Черт возьми, — сказала она. Потом чуть улыбнулась. — Джон Кристиан Фалькенберг, разве вы не понимаете, что так нужно?

Он кивнул.

— Но мне это все равно не нравится. Хорошо. Через тридцать пять минут последние инструкции моего главного старшины. Удачи, мисс Хортон.

— Спасибо. — Она поколебалась, но сказать больше было нечего.

Патруль неслышно двигался через низкий кустарник. Что-то пролетело мимо ее лица. «Белка-летяга», — подумала она. На Новом Вашингтоне много парящих животных.

На невысоком холме пахло взрывчаткой после канонады последнего боя. Ночь кромешно черная. Только на западном горизонте тускло-красно светится Франклин, но так слабо, что его скорее чувствуешь, чем видишь. Мимо пронеслась летучая лиса, метнулась за насекомым и с криком исчезла в ночи.

Десяток ранчеро двигался цепочкой. За ними шла манипула связи, настроившись на волну 42-го. Гленда подумала: «А что солдаты станут делать со своим оборудованием, когда начнется бой?» — и пожалела, что не спросила заранее. Замыкающим в цепочке шел сержант Хруска, которого в последнюю минуту прислал главный старшина Кальвин. Гленда Руфь ему обрадовалась, хотя одновременно испытала чувство вины.

«Это глупо, — сказала она себе. — Так думают мужчины. Я не должна так думать. Я ничего не собираюсь доказывать».

Ранчеро несли ружья. Три солдата Фалькенберга тоже. Двое других несли оборудование связи, а сержант Хруска — ручной пулемет. Казалось, ничтожная горстка собирается соперничать с горцами с Завета.

Они миновали последние посты нервничающих ранчеро и двинулись по долине между холмами. В тишине ночи

Гленда Руфь чувствовала свое полное одиночество. «Чувствуют ли остальные то же самое. Ранчеро — несомненно. Они боятся. А наемники? — подумала она. — Во всяком случае они не одни. У них есть товарищи, с которыми они делят еду и бункеры. И пока жив хоть один из людей Фалькенберга, есть кому позаботиться о павших. Они заботятся друг о друге, — продолжала размышлять девушка. — Главный старшина Кальвин, с его грубоватой реакций на сообщения о потерях. «Ба, еще один солдат», — сказал он, когда ему доложили о гибели товарища в бою с танками. Мужчины!»

Она попыталась представить себе образ мыслей солдата-наемника, но это оказалось невозможно. Они слишком чужды ей.

А Фалькенберг такой же, как все остальные?

Они удалились от последних постов примерно на километр, когда она отыскала узкую расщелину метра в два глубиной. Та змеилась вниз по холму параллельно позициям, и любой нападающий мог воспользоваться ею. Гленда Руфь знаком приказала занять расщелину.

Труднее всего оказалось ждать. Ранчеро постоянно передвигались, и ей приходилось ползком перемещаться по расщелине, призывая их к тишине. В мучительном ожидании тянулись часы. Девушка взглянула на часы, чтобы определить, сколько времени прошло с того момента, как она посмотрела в прошлый раз, и решила больше не смотреть целых пятнадцать минут.

Когда ей показалось, что четверть часа уже миновала, она подождала еще десять минут, потом посмотрела и увидела, что прошло всего лишь одиннадцать минут. Гленда Руфь отвернулась и стала смотреть в ночь; перед ней возникали какие-то фигуры, которые не могли быть реальными. Она смотрела на них с отвращением.

Почему я все время думаю о Фалькенберге? И почему называю его по имени?

Ее преследовал и виденный о нем сон. В звездном свете она почти видела эти миниатюрные фигуры. В ее ушах звучали бесстрастные приказы Фалькенберга: «Этого убить. Этого отправить в шахты». «Он способен на это, — подумала Гленда. — Он...»

К миниатюрам присоединились большие фигуры в боевой броне. И неожиданно она поняла, что они реальны. В лощине под ней неподвижно стояли два человека.

Она коснулась сержанта Хруски и показала. Солдат внимательно вгляделся и кивнул. У них на глазах к первой паре разведчиков присоединились новые, и вскоре в складке холма метрах в двухстах от них собралось не менее пятидесяти солдат. Слишком далеко, чтобы эффективно использовать оружие взвода, и Хруска пополз по расщелине, шепотом приказывая лежать и молчать.

Группа продолжала расти. Она не видит их всех, но поскольку насчитала не меньше ста, перед ней не меньше роты.

Это страшные горцы?

Пришли незваные воспоминания о смерти отца, но она отогнала их.

Это всего лишь наемники, но они сражаются ради славы, и почему-то это вселяет ужас.

Спустя долгое время противник начал приближаться.

Солдаты двигались буквой V, острием нацеленной почти точно на позицию Гленды Руфь. И то, что девушка увидела, заставило ее ахнуть.

В четырехстах метрах левее двойной цепочкой перемещалась еще одна рота. Солдаты молча и быстро поднимались на холм, и передовые уже миновали ее позицию. Она лихорадочно повернулась направо — и увидела в километре еще одну роту. Прямо на нее перевернутой буквой М двигался целый батальон горцев, и та группа, что перед ней, служила соединительной линией наступающих колонн. Через несколько минут противник будет на оборонительных позициях ранчеро.

Она ждала, пока группа горцев не оказалась в десяти метрах от нее. И тогда выкрикнула приказ:

— Всем встать! Огонь!

Из обоих концов ее части расщелины заговорили автоматы наемников, к ним присоединились ружья ранчеро. Группу срезали всю до единого человека, и сержант Хруска приказал перенести огонь на главную колонну, а Гленда Руфь закричала в свой коммуникатор:

— Огневая позиция. Огонь по квадрату Дядя четыре.

Мгновение задержки показалось ей годами.

— Огонь по квадрату Дядя четыре. — Еще одна пауза. — Готово, — ответил бесстрастный голос. Ей показалось, что говорит сам Фалькенберг, но она была слишком занята, чтобы думать об этом.

— Докладываю, — сказала она. — По крайней мере один батальон легкой пехоты в атакующем строю поднимается на холм 905 вдоль хребтов Дядя и Зебра.

— Они сдвигаются влево. — Подняв голову, девушка увидела Хруску. Унтер-офицер указал на роту прямо перед ней. Небольшими группами та забирала влево. Солдаты прижимались к земле и видны были лишь на секунды.

— Переведите несколько человек в тот конец расщелины, — приказала Гленда. Слишком поздно менять направление огня. Все равно, если горцы поднимутся на вершину холма, ранчеро их не сдержать. Девушка затаила дыхание и ждала.

Послышался свист приближающихся снарядов, и ночь осветилась ярким пламенем разрывов. Осколочные снаряды падали на левом фланге наступающего противника.

— Продолжайте! — крикнула Гленда Руфь в коммуникатор. — По цели!

— Понятно. Готово.

Теперь она была уверена, что на том конце Фалькенберг. И по-кошачьи улыбнулась в темноте. «Что это полковник принял на себя обязанности телефониста? Беспокоится о ней?» Она едва не рассмеялась при этой мысли. «Разумеется, беспокоится: без нее ему не справиться с ее ранчеро».

Вершина холма взорвалась пламенем. К артиллерии присоединились мортиры и гранаты, громя левую колонну нападающих. Гленда Руфь оценила ситуацию на правом фланге. Колонна атакующих в пятистах метрах от нее не пострадала и продолжала подниматься к вершине хребта. Будет очень близко.

Девушка позволила артиллерии бить по цели еще пять минут, а ее солдаты тем временем сдерживали роту прямо перед собой, потом снова вышла на связь. Правая колонна почти достигла вершины, и Гленда Руфь подумала, не слишком ли долго ждала.

— Огневая позиция. Огонь по квадрату Зебра девять.

— Зебра девять, — ответил лишенный эмоций голос. Короткая пауза, затем: — Готово.

Почти сразу огонь по левому флангу прекратился, а две минуты спустя разрывы появились в пятистах метрах справа.

— Нас обходят с фланга, мисс, — доложил сержант Хруска. Гленда была так занята корректировкой огня справа, что забыла от том, что двадцать ее человек ведут бой с более чем сотней противников. — Нам отходить? — спросил Хруска.

Она пыталась думать, но в шуме и смятении это было невозможно. Колонна атакующих продолжала продвигаться вперед, а ее группа единственная могла наблюдать картину нападения целиком. Имел значение каждый разрыв.

— Нет. Будем держаться здесь.

— Хорошо, мисс. — Сержант, казалось, наслаждался боем. Он отполз, продолжая руководить автоматным и ружейным огнем. «Сколько мы продержимся?» — подумала Гленда Руфь.

Она позволила артиллерии целых двадцать минут бить по правому флангу. К этому времени горцы почти окружили ее и готовы были напасть с тыла. Молясь про себя, она снова взяла радио.

— Огневая позиция. Огонь из всех орудий по квадрату Джек пять — но ради Бога не переходите дальше. Мы в квадрате Джек шесть.

— Огонь по квадрату Джек пять, — немедленно подтвердил голос. Последовала пауза. — Готово. — Более прекрасных слов она никогда не слышала.

Оставалось ждать. Горцы поднялись в атаку. Дикие звуки заполнили ночь. «БОЖЕ, ВОЛЫНКИ!» — подумала она. Но звуки волынок тут же заглушил грохот разрывов. Гленда Руфь бросилась на дно расщелины, успев заметить, что все остальные в ее группе сделали то же самое.

Мир взорвался оглушительным грохотом. Миллионы крошечных осколков на огромной скорости заполнили ночь смертью. Гленда Руфь осторожно приподняла небольшой перископ и огляделась.

Рота горцев исчезла. Снаряды рвались среди мертвецов, подбрасывая их, разрывая на части снова и снова. Гленда с трудом сглотнула и посмотрела по сторонам. Левая колонна перестроилась и снова пошла в атаку на вершину.

— Огонь по квадрату Дядя четыре, — негромко сказала девушка.

— Повторите.

— ОГОНЬ ДЯДЯ ЧЕТЫРЕ!

— Дядя четыре. Готово.

Как только разрывы впереди прекратились, ее люди поднялись со дна и снова начали стрелять, но звуки боя стали удаляться.

— У нас кончаются боеприпасы, мисс, — доложил Хруска. — Могу я взять ваш запасной магазин?

И Гленда неожиданно поняла, что не сделала ни одного выстрела.

Ночь продолжалась. Как только противник поднимался в новую атаку, его безжалостно срезала артиллерия. Однажды Гленда запросила заградительный огонь вокруг своей позиции — к этому времени у ее людей было по три патрона, а у автоматчиков патронов совсем не осталось. Ровный голос просто ответил:

— Готово.

За час до рассвета на холме ничто не двигалось.

XX

Над голыми холмами прохода пронеслись медные звуки военной трубы. Хребты к востоку от позиций Фалькенберга лежали мертвыми, листва с деревьев срезана осколками, почва покрыта воронками, частично похоронившими погибших. В проходе дул резкий холодный ветер, но он не мог развеять запахов пороха и смерти.

Вновь прозвучала труба. В бинокль Фалькенберг увидел троих офицеров-горцев с белым флагом. Им навстречу был отправлен энсин, и молодой офицер вернулся с майором горцев с повязкой на глазах.

— Майор Макрей, четвертый пехотный полк Завета, — представился офицер после того, как с него сняли повязку. Он заморгал от яркого света в бункере. — Вы, должно быть, полковник Фалькенберг?

— Да. Чем могу быть полезен, майор?

— Предлагаю заключить перемирие, чтобы похоронить погибших. На двадцать часов, полковник, если вы согласны.

— Нет. Четыре дня и ночи — 160 часов, майор, — ответил Фалькенберг.

— Сто шестьдесят часов, полковник? — Плотный горец подозрительно посмотрел на Фалькенберга. — Вам нужно время, чтобы укрепить оборону?

— Может быть. Но двадцати часов недостаточно для перевозки раненых. Я верну вам всех ваших — под честное слово, разумеется. Не секрет, что мне недостает медикаментов, да и собственные врачи о них лучше позаботятся.

На лице горца ничего не отразилось, но он задумался.

— Вы не скажете мне, сколько их? — Он еще немного помолчал и очень быстро заговорил: — Время, назначенное вами, я имею право принять, полковник. — Он протянул ребристый чемоданчик. — Мои полномочия и инструкции. Бой был кровавый, полковник. Сколько моих парней вы убили?

Фалькенберг и Гленда Руфь переглянулись. Между теми, кто побывал в бою, устанавливается связь; она может возникнуть и с противником. Офицер Завета стоял молча, не желая продолжать разговор, но в глазах его была мольба.

— Мы насчитали 409 тел, майор, — мягко сказала Гленда. — И... — она взглянула на Фалькенберга, тот кивнул, — ...и подобрали 370 раненых.

Обычное соотношение в бою: четверо раненых на одного убитого; атака вывела из строя почти тысячу шестьсот солдат с Завета. В конце боя горцы теряли людей в попытках забрать своих мертвых и раненых.

— Меньше четырехсот человек, — печально сказал майор. Он вытянулся по стойке смирно. — Прикажите получше осмотреть поле боя, полковник. Там еще много моих парней. — Отдал честь и подождал, пока ему снова не завязали глаза. — Благодарю вас, полковник.

Когда офицера-наемника увели, Фалькенберг с печальной улыбкой взглянул на Гленду Руфь.

— Если бы я попытался подкупить его деньгами, он набросился бы на меня, но когда я предложил вернуть его людей... — Он печально покачал головой.

— Они на самом деле сдались? — спросила Гленда Руфь.

— Да. Перемирие с ними покончило. Их единственным шансом было попытаться прорваться до того, как мы подвезем боеприпасы и резервы, и они это знают.

— Но почему? Во время прошлой революции они наводили ужас, а теперь... почему?

— В этом слабость наемников, — объяснил Фалькенберг. — Плоды победы принадлежат не нам, а нашим нанимателям. Фридландцы не могут лишиться своих танков, а наемники с Завета — людей, им больше нечем будет торговать.

— Но ведь раньше они сражались!

— Конечно, в быстрой маневренной войне. Фронтальная атака, сочетающая все виды боевых действий, всегда приносит наибольшие потери. Они попытались пробиться через проход, но мы отбили эту попытку. Честь не задета. Теперь, если Конфедерация захочет все-таки захватить проход, ей придется вводить собственные регулярные войска. Не думаю, чтобы она стала так расходовать своих людей, да и на это требуется много времени. А мы тем временем отправимся в Алланспорт и попробуем справиться с кризисом.

— А что там случилось? — спросила она.

— Вот это пришло сегодня утром, зашифровано полковым шифром. — Он протянул тонкий листок.

ФАЛЬКЕНБЕРГУ ОТ СВОБОДЫ АБЗАЦ АРМИЯ ПАТРИОТОВ ГРАБИТ АЛЛАНСПОРТ ТОЧКА ГОРОЖАНЕ ТРЕБУЮТ СОЗДАНИЯ КОМИССИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ВОЗМОЖНОГО НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОВ ВОЙНЫ ТОЧКА КРАЙНЕ НЕЖЕЛАТЕЛЬНО ИСПОЛНЕНИЕ ВАШЕГО ПРИКАЗА О ПРИСОЕДИНЕНИИ К ПОЛКУ ТОЧКА ДЕЙСТВИЯ АРМИИ ПАТРИОТОВ ПРОВОЦИРУЮТ МЯТЕЖИ СРЕДИ ГОРОЖАН И ШАХТЕРОВ ТОЧКА МОИ СИЛЫ БЕЗОПАСНОСТИ МОГУТ ПОТРЕБОВАТЬСЯ ДЛЯ УДЕРЖАНИЯ ГОРОДА ТОЧКА ЖДУ ВАШИХ ПРИКАЗАНИЙ ТОЧКА С УВАЖЕНИЕМ ВАШ АНТОН СВОБОДА АБЗАЦ КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ

Она прочла текст дважды.

— Боже мой, полковник... что там происходит?

— Не знаю, — мрачно ответил он. — Но собираюсь узнать. Поедете со мной в качестве представителя Совета патриотов?

— Конечно... но разве не нужно послать за Говардом Баннистером? Совет избрал его президентом.

— Если он нам понадобится, мы его вызовем. Главстаршина.

— Сэр!

— Положите вещи мисс Хортон в боевую машину вместе с моими. Я со взводом охраны штаба отправляюсь в Алланспорт.

— Сэр. Полковник, хотите, чтобы я отправился с вами?

— Хочу ли? Наверно, главный старшина. Захватите и свои вещи.

— Сэр.

— Они уже, конечно, там. Пошли.

Боевая машина отвезла их на небольшое летное поле, где ждал реактивный самолет. Один из сорока на планете, он был способен перевезти сто человек, но жег горючее, необходимое наземному транспорту с боеприпасами. А пока нефтяные месторождения в районе брода Доак не захвачены, такие траты горючего — непозволительная роскошь.

Самолет летел над занятыми патриотами территориями, держась в стороне от отдельных укреплений конфедератов: любой пехотинец может нести комплекс с самонаводящейся ракетой, а на грузовике можно расположить оборудование, которое помешает самолету отразить нападение. Пересекли долину Колумбии и повернули на юго-запад над лесами плато Высокого Брода, потом снова повернули на запад, подальше от залива Престона, где в крепости оставались ракеты Конфедерации.

— Вы сделали то же самое, — неожиданно сказала Гленда Руфь. — Когда мы осаждали залив Престона, вы предоставили нашим людям нести потери.

Фалькенберг кивнул.

— По двум причинам. Мне так же, как горцам, не хочется терять своих солдат — а без полка вы и тысячи часов не удержите территории патриотов. Мы вам нужны как боеспособная часть, а не груда трупов.

— Да.

Это верно, но в той атаке гибли ее друзья. Стоит ли того результат? Позволит ли Фалькенберг, чтобы результат того стоил?

На летном поле Алланспорта их встретил капитан Свобода.

— Рад видеть вас, сэр. В городе очень тяжело.

— Но что случилось, капитан?

Свобода критически посмотрел на Гленду Руфь, но Фалькенберг кивнул:

— Докладывайте.

— Да, сэр. Когда прибыл исполняющий обязанности губернатора, я, как было приказано, передал ему управление городом. В это время на полуострове царил мир, главным образом благодаря усилиям мэра Хастингса, который хотел избежать разрушений в городе. Хастингс считает, что Франклин пришлет с планеты большую армию, и говорит, что не видит смысла в том, чтобы лоялисты гибли, а город сгорел в огне сопротивления, потому что окончательного исхода это все равно не изменит.

— Бедный Роджер... Он всегда старался действовать разумно, и всегда без успеха, — сказала Гленда Руфь. — Но Франклин действительно пошлет войска.

— Возможно, — ответил Фалькенберг. — Но для мобилизации и подготовки транспорта требуется время. Продолжайте, капитан Свобода.

— Сэр. Губернатор подготовил список лиц, имущество которых подлежит конфискации. И, как будто этого недостаточно, объявил своим войскам, что половина стоимости любой найденной ими правительственной собственности Конфедерации отойдет к ним. Результаты вы увидите в городе, полковник. Начались грабежи и поджоги, и мои солдаты и местные пожарные не могли с ними справиться.

— Боже, — прошептала Гленда Руфь. — Но почему?

Свобода поджал губы.

— Грабители часто так поступают, мисс Хортон. Нельзя разрешить войскам грабить город и — не ожидать таких результатов. Исход оказался предсказуемым, полковник. Многие горожане ушли в холмы, в особенности шахтеры. Они уже вернули себе несколько шахтерских поселков.

Капитан Свобода беспомощно пожал плечами.

— Железная дорога перерезана. Город пока в наших руках, но не могу сказать, надолго ли. Для контроля над одиннадцатью тысячами жителей вы оставили мне всего сто пятьдесят солдат, и я контролировал их с помощью заложников. Губернатор привел с собой еще девятьсот вооруженных человек, но этого недостаточно, чтобы править по его методу. Он запросил в заливе Престона еще солдат.

— Оттуда пришли «первые»? — спросила Гленда Руфь.

— Да, мисс. Большинство, во всяком случае.

— Тогда это объяснимо, хотя и непростительно, полковник, — сказала она. — В первую революцию многие ранчо у Высокого Брода были сожжены лоялистами. Вероятно, они считают, что платят лоялистам тем же.

Фалькенберг кивнул.

— Главстаршина!

— Сэр!

— Прикажите солдатам надеть броню и взять оружие. Капитан, мы собираемся нанести визит вашему исполняющему обязанности губернатора. Предупредите своих людей.

— Полковник! — возразила Гленда Руфь. — Вы... что вы собираетесь делать?

— Мисс Хортон, я оставил спокойный город, который теперь превратился в гнездо оппозиции. И я хотел бы знать почему. Пошли, Свобода.

Среди сгоревших улиц ратуша оставалась невредимой. Город пропах горелым деревом и смертью, как будто здесь разыгралось большое сражение. Фалькенберг сидел с непроницаемым лицом, а Гленда Руфь, не веря собственным глазам, смотрела на то, что стало с самым богатым городом за пределами столичной зоны.

— Я делал что мог, полковник, — оправдывался Свобода. Он все равно винил себя. — Мне следовало расстрелять патриотов и арестовать губернатора. С вами связи не было, а я не хотел без приказа брать на себя ответственность. Мне следовало это сделать, сэр?

Фалькенберг не ответил. Возможное нарушение контрактов с наемниками всегда создает щекотливую ситуацию. Наконец он сказал:

— Не могу винить вас в том, что вы не захотели ввязывать полк в войну с теми, кто нам платит.

Часовые из числа нерегулярных частей патриотов попытались задержать Фалькенберга, который сразу направился в кабинет губернатора. Но, увидев сорок солдат в боевой броне, тотчас отступили.

Губернатор, широкоплечий человек, бывший ранчеро, разбогатевший на спекуляции различными товарами, был опытным продавцом, умеющим по-приятельски взять за локоть или потрепать по спине, в нужном месте произнести нужные слова, но опыта военного командования у него не было. Когда Гленда представила Фалькенберга, губернатор нервно взглянул на главного старшину Кальвина и на мрачных охранников за дверями своего кабинета.

— Губернатор Джек Силана, — сказала девушка. — Губернатор принимал активное участие в первой революции, и без его финансовой помощи мы бы не смогли оплатить ваш прилет сюда, полковник.

— Понятно. — Полковник как будто бы не заметил протянутую губернатором руку. — Вы по-прежнему разрешаете грабежи, губернатор? — спросил он. — Я видел по дороге.

— Вашим наемникам заплачено из налогов, — возразил Силана. Он попытался улыбнуться. — Это разорило моих солдат. Почему бы любителям конфедератов не внести свой вклад в войну? Неприятности начались, когда городская девушка оскорбила моего солдата. Он ударил ее. Горожане вмешались, а солдату на помощь пришли его товарищи. Начались волнения; чтобы их подавить, пришлось вызывать гарнизон...

— И вы утратили контроль, — сказал Фалькенберг.

— Предатели получили по заслугам! Не думайте, что они не грабят города, когда побеждают, полковник. Эти люди видели, как горят их ранчо, и знают, что Алланспорт — гнездо предателей.

— Понятно. — Фалькенберг повернулся к начальнику своей военной полиции. — Капитан, вы официально передали власть губернатору Силане перед тем, как это все произошло?

— Да, сэр. Как было приказано.

— Тогда это не забота полка. Наши солдаты участвовали?

Свобода с несчастным видом кивнул.

— Мне пришлось арестовать семь рядовых и сержанта Мэги, сэр. Еще шестерых мы уже подвергли суду.

— Какие обвинения выдвинуты против Мэги? — Фалькенберг сам когда-то представил Мэги к повышению. У него злобный характер, но он хороший солдат.

— Грабеж. Пьянство на посту. Воровство. И предосудительное поведение.

— А остальные?

— Три изнасилования, четыре случая воровства и одно убийство, сэр. Они ждут суда. Прошу также провести расследование моей деятельности в качестве командира.

— Согласен. Главстаршина.

— Сэр!

— Возьмите под свое командование заключенных и созовите суд. Какие офицеры могут принять участие в следствии?

— Капитану Гринвуду врач предписал исполнение только легких обязанностей, сэр.

— Отлично. Пусть проведет формальное следствие по поводу распоряжений капитана Свободы в городе.

— Сэр.

— Что будет с этими людьми? — спросила Гленда Руфь.

— Насильники и убийца, если их признают виновными, будут повешены. Для остальных — выполнение самых тяжелых обязанностей.

— Вы повесите собственных людей? — спросила Гленда Руфь с явным недоверием.

— Не могу допустить разложения в полку! — резко ответил Фалькенберг. — В любом случае Конфедерация выразит протест против нарушения законов войны.

Губернатор Силана рассмеялся.

— Во время последней революции мы постоянно протестовали, но никто нас не услышал. Думаю, мы можем рискнуть.

— Возможно. Полагаю, вы ничего не собираетесь предпринять.

— Я прикажу прекратить грабежи.

— А раньше вы этого не делали?

— Ну, да, полковник... но, думаю, люди теперь насытили свою ярость.

— Если предыдущие приказы их не остановили, этот тоже не остановит. Вы должны быть готовы наказать нарушителей. Вы готовы?

— Будь я проклят, если повешу хоть одного своего солдата, чтобы защитить предателей!

— Понятно. Губернатор, как вы предполагаете успокоить город?

— Я послал за подкреплениями...

— Да. Благодарю вас. Прошу нас простить, губернатор, у нас с мисс Хортон есть дела. — И он вывел Гленду Руфь из кабинета. — Главстаршина, приведите мэра Хастингса и полковника Ардуэя в кабинет капитана Свободы.

— Полковника Ардуэя расстреляли, — сказал Свобода. — Мэр в городской тюрьме.

— В тюрьме? — переспросил Фалькенберг.

— Да, сэр. Я держал заложников в гостинице, но губернатор Силана...

— Понятно. Исполняйте, главстаршина.

— Сэр!

— Что вам еще нужно, проклятые сволочи? — спрашивал десять минут спустя Хастингс. Мэр страшно исхудал, на лице многодневная щетина, лицо и руки свидетельствовали о многих днях без обычных санитарных удобств.

— Всему свое время, господин мэр. Были проблемы, главный старшина?

Кальвин улыбнулся.

— Не очень, сэр. Офицер не хотел проблем с нашими солдатами... Полковник, все заложники засунуты в камеры.

— Что вы сделали с моими женой и детьми? — лихорадочно спрашивал Роджер Хастингс. — Я уже несколько дней ничего о них не знаю.

Фалькенберг вопросительно посмотрел на Свободу, но тот только отрицательно покачал головой.

— Отыщите семью мэра, главный старшина. Приведите ее сюда. Мистер Хастингс, полагаю, вы считаете, что все это моих рук дело?

— Если бы вы не захватили город...

— Это была законная военная операция. У вас есть обвинения против моих войск?

— Откуда мне знать. — Хастингс испытал приступ слабости. Уже несколько дней его почти не кормили, и его мучила тревога о семье. Ухватившись за край стола, он впервые заметил Гленду Руфь. — И ты тоже?

— Это не моя вина, Роджер. — Он едва не стал ее свекром. Она задумалась о том, где сейчас молодой лейтенант Харли Хастингс. Давно разорвав помолвку, в основном из-за политических разногласий, они, тем не менее, оставались добрыми друзьями. — Извини.

— Это твоя вина, твоя и твоих проклятых мятежников. О, конечно, тебе не нравится, когда сжигают города и убивают граждан, но это все равно происходит... и это вы начали войну. И теперь ты не можешь снять с себя ответственность.

Фалькенберг вмешался:

— Господин мэр, тем не менее у нас есть взаимные интересы. Этот полуостров производит мало продовольствия, и ваши люди не выживут без его поставок. Мне говорят, что почти тысяча ваших жителей погибла в мятежах и почти столько же ушло в холмы. Могут ваши плавильни и литейные работать с тем, что осталось?

— И после всего этого вы думаете... я ничего не стану для вас делать, Фалькенберг!

— Я не просил вас делать, спросил только: возможно ли это?

— А какая разница?

— Сомневаюсь, чтобы вы хотели увидеть, как умирают с голоду остальные ваши жители, господин мэр. Капитан, отведите мэра в ваши помещения и помогите ему привести себя в порядок. К тому времени как вы закончите, главный старшина уже будет знать, что с вашей семьей. — Фалькенберг кивком отпустил мэра и повернулся к Гленде Руфь. — Ну, мисс Хортон? Вы достаточно видели?

— Не понимаю.

— Прошу вас отстранить Силану от должности и вернуть управление городом моему полку. Вы согласны?

«Боже», — подумала она.

— У меня нет на это полномочий.

— У вас больше влияния в армии патриотов, чем у любого другого. Совету это может не понравиться, но от вас он это примет. Тем временем я пошлю за саперами, чтобы они восстановили город и пустили в ход фабрики.

Все происходит так быстро. Даже Джошуа Хортон не умел действовать, как этот человек.

— Полковник, а что вас интересует в Алланспорте?

— Это единственный промышленный район, который мы контролируем. Больше поставок вооружения извне не будет. Мы завладели всем западнее гор Темблора. Долина Мэтсона поднимается в поддержку восставшим, и скоро мы эту поддержку получим. Мы можем пройти вдоль Мэтсона до Ванкувера и взять его — а что потом?

— Как что — захватить столицу! Революция победит!

— Нет. Именно такую ошибку вы допустили в прошлый раз. Неужели вы думаете, что ваши фермеры, даже при поддержке 42-го, могут идти по ровной, изобилующей дорогами местности и выигрывать бои? В этих условиях у нас нет ни единого шанса.

— Но... — Он прав. Она всегда это знала. Когда они победили фридландцев в проходе, у нее возродилась надежда, но столичная равнина — не проход Хильера. — Значит, снова война на истощение.

Фалькенберг кивнул.

— Мы владеем всеми сельскохозяйственными угодьями. Очень скоро конфедераты начнут ощущать недостаток продовольствия. А мы тем временем будем грызть их с краев. Франклину придется отступить — что толку в колониях, которые стоят денег. Они могут попытаться высадить армию со своей планеты, но врасплох нас не застанут, да и армия не может быть очень велика. Со временем мы их измотаем.

Она печально кивнула. Все-таки война будет долгой, и ей придется в ней участвовать, собирать свежие войска, как только ранчеро начнут расходиться по домам: их трудно будет удержать, когда они поймут, что им предстоит.

— Но как мы заплатим вашим людям за участие в долгой войне?

— Вы можете обойтись без нас.

— Вы знаете, что не можем. И всегда это знали. Чего вы хотите?

— Сейчас я хочу, чтобы вы отстранили Силану. Немедленно.

— А почему такая спешка? Как вы сказали, война будет долгой.

— Она окажется еще более долгой, если город будет продолжать гореть. — Он едва не сказал ей больше, но спохватился и подавил искушение. (Это всего-навсего девушка, а он знавал многих девушек с тех пор, как много лет назад его покинула Грейс. Боевые узы ни при чем: среди этих девушек попадались и такие, которые были хорошими офицерами, он многих знал. Так откуда это искушение?) — Простите, — грубовато сказал он. — Я должен настаивать. Как вы сказали, вам без нас не обойтись.

Гленда Руфь выросла среди политиков и уже четыре года руководила революцией. Она понимала, что недолгие колебания Фалькенберга говорят о чем-то очень важном и что она никогда не узнает его истинных мыслей.

«Что скрывается под этой маской? Каков человек, столь стремительно принимающий массу решений? Фалькенберг владеет любой ситуацией, в какой оказывается, и такому человеку нужно нечто большее, чем просто деньги». — Ее все еще преследовал образ Фалькенберга, сидящего за своим столом и решающего судьбу ее людей.

И, однако, тут что-то большее. Военный командир, завоевавший восхищение и преданность не только необразованных рядовых — но и таких людей, как Джереми Севедж. Она никогда такого не встречала.

— Хорошо, я это сделаю. — Она улыбнулась, прошла по комнате и встала рядом с ним. — Не знаю почему, но сделаю. У вас есть друзья, Джон Кристиан Фалькенберг?

Вопрос удивил его. Машинально он ответил:

— У командира не может быть друзей, мисс Хортон.

Она снова улыбнулась.

— Теперь один друг у вас есть. У меня есть одно условие. Отныне вы будете называть меня Гленда Руфь. Согласны?

На лице солдата появилась странная улыбка. Но в его выражении было не только веселье.

— Вы знаете, ничего не получится.

— Что не получится?

— То, к чему вы клоните. Как и у меня, у вас есть ответственность командира. Командир одинок, и вам это не нравится. Истинная причина отсутствия у командира друзей в том, что это избавляет его от боли: ему не приходится посылать друзей на смерть. Если вы до сих пор этого не поняли, поймите сейчас, потому что когда-нибудь вам придется предать либо друзей, либо свой долг командира, и такого выбора стоит избежать.

Что я делаю? Пытаюсь защитить революцию, лучше узнавая его, — или он прав, у меня нет друзей, и он единственный мужчина, который мог бы...

Она заставила себя оборвать мысль и на мгновение положила свою руку на руку Фалькенберга.

— Идемте к губернатору Силане, Джон Кристиан. И позвольте маленькой девочке самой тревожиться из-за своих чувств. Она знает, что делает.

Он стоял рядом с ней. Они были совсем близко, и на мгновение ей показалось, что он хочет поцеловать ее.

— Нет, не знаете.

Ей хотелось получить ответ, но Фалькенберг уже выходил из комнаты, и ей пришлось его догонять.

XXI

— А я говорю, что изменники и сторонники конфедератов получили то, чего заслуживали! — кричал Джек Силана. Среди делегатов слышался одобрительный гул, а с балконов для зрителей по окружности спортивного зала доносились приветственные выкрики. — Я уважаю Гленду Руфь, но она не старина Джошуа, — продолжал Силана. — Она не имела права смещать меня с поста губернатора без согласия президента Баннистера. Я требую, чтобы Совет отменил ее решение. — Под аплодисменты Силана сел.

Гленда Руфь осталась на месте. Она внимательно разглядывала тридцать человек за столом-подковой, пытаясь опре-

делить, сколько голосов получит. «Не большинство, это точно, но, может быть, дюжину. Нужно убедить покинуть фракцию Баннистера-Силаны всего трех-четырех человек, но что потом? Блок, который она возглавляет, не более прочен, чем коалиция Баннистера. Так кто же будет управлять Свободным государством?»

Позади стола Совета на полу спортзала сидело множество людей. Это свидетели, но их расположение в фокусе внимания Совета выглядело так, словно Фалькенберг и его внушительные офицеры находятся на скамье подсудимых. Мэр Хастингс сидел рядом с Фалькенбергом, и иллюзия подкреплялась еще сохранившимися у него следами сурового обращения. Некоторые из его друзей выглядели не лучше.

За свидетелями переговаривались зрители, словно на баскетбольном матче, а не на заседании правительства, которое владеет тремя четвертями территории Нового Вашингтона. Спортивный зал не самое подходящее место для такого заседания, но большего зала в крепости Астория не нашлось.

Наконец она встала.

— Да, я не мой отец, — начала она. — Он расстрелял бы Джека Силану.

— Покажи им, Гленда Руфь! — крикнул кто-то с балкона.

Говард Баннистер удивленно поднял голову.

— Требую порядка!

— Заткнись, престонский ублюдок! — отозвался голос. Пожилого ранчеро поддержали снизу:

— Верно! Высокий Брод не будет править долиной!

— К порядку! К порядку! — Техники увеличили громкость, и голос Баннистера перекрыл крики. — Мисс Хортон, вам предоставляется слово.

— Спасибо. Я хочу сказать, что мы начали эту революцию не для того, чтобы разорить Новый Вашингтон. Когда все закончится, нам придется жить с бок о бок лоялистами, и...

— Предательница. Она обручена с солдатом Конфедерации!

— Замолчите и дайте ей говорить!

— К порядку! К ПОРЯДКУ!

Фалькенберг сидел неподвижно. В зале стало тихо, и Гленда Руфь снова попыталась начать.

— Какой шумливый народ, — сказал Джереми Севедж.

Фалькенберг пожал плечами.

— Победа делает такими политиков.

Гленда Руфь рассказала о том, что видела в Алланспорте. Описала сгоревший горд, заложников в тюремных камерах...

— Предатели получили по заслугам! — перебил кто-то, но она продолжила раньше, чем начали отвечать ее сторонники.

— Конечно, они лоялисты. Как и примерно треть населения территории, которую мы контролируем. Лоялисты составляют большинство жителей столицы. Поможет ли нам, если мы будем преследовать здесь их друзей?

— Если будем сражаться, как сейчас, никогда не возьмем столицу!

— Верно! Пора ударить по предателям!

— Пошлем туда наемников, пусть отрабатывают свою плату!

На этот раз Баннистер не пытался успокоить толпу. Люди кричали именно то, что он собирался предложить Совету, а он поддерживал Силану потому, что нуждался в блоке губернатора-купца при голосовании о продолжении войны. После того как толпа вдоволь накричалась, требуя возобновления войны, Баннистер с помощью микрофона восстановил тишину и дал слово Гленде Руфь.

Ничего не решив, Совет разошелся до следующего дня. Фалькенберг подождал Гленду Руфь и вышел с нею.

— Я рада, что сегодня не дошло до голосования, — сказала она. — Не думаю, чтобы мы выиграли.

— Шумливые ублюдки, — снова заметил Севедж.

— Демократия в действии, — холодно сказал Фалькенберг. — Что вам нужно, чтобы убедить Совет в том, что Силана не может быть губернатором?

— Дело не в этом, Джон, — ответила она. — Все дело в войне. Никто не удовлетворен достигнутым.

— Мне казалось, что мы воюем отлично, — возразил Севедж. — Последнее наступление конфедератов у Мэтсона, как и планировалось, попало в вашу засаду.

— Да, это было замечательно, — сказала Гленда Руфь.

— Вряд ли. Это был единственный возможный маршрут наступления, — ответил Фалькенберг. — Вы неразговорчивы, мэр Хастингс. — Они вышли из спортзала и шли по плацу к казармам, где раньше размещались фридландцы. Сейчас их заняли солдаты Фалькенберга, а с ними и представители администрации из Алланспорта.

— Я боюсь этого голосования, — сказал Хастингс. — Если снова назначат Силану, мы все потеряем.

— Так поддержите меня! — рявкнул Фалькенберг. — Мои инженеры уже привели автоматические фабрики и механизированные предприятия в порядок. Если поможете, они снова начнут действовать. И тогда у меня будут реальные аргументы против политики Силаны.

— Но в этом-то вся причина, — возразил Хастингс. — Промышленность Алланспорта нужна вам для военных целей. Полковник, вы спасли мою семью от этого мясника, и я должен был бы из благодарности вам согласиться, но не могу.

— Полагаю, вы ждете, что вас спасет чудо? — спросил Фалькенберг.

— Нет. Но что произойдет, если вы победите? Сколько времени вы еще проведете на полуострове Раньера? Ваше место займут люди Баннистера — полковник, мой единственный шанс в том, что Конфедерация пришлет с Франклина новые войска и раздавит вас!

— И вами будут править с Франклина, — сказала Гленда Руфь. — У вас не будет даже тех прав, какие были в прошлом.

— Знаю, — с несчастным видом согласился Хастингс. — Но что я могу сделать? Эта революция уничтожила наш последний шанс. Со временем Франклин стал бы действовать разумно — я старался быть хорошим мэром для всех. Но вы с этим покончили.

— Не все сторонники Франклина подобны вам, Роджер, — сказала Гленда Руфь. — И не забудьте об их военной политике! Они втянут нас в свои замыслы, и со временем нам придется воевать с самим СоВладением. Полковник Фалькенберг может рассказать вам, каково стать жертвой карательной экспедиции СВ!

— Боже, не знаю, что делать, — жалобно сказал Роджер.

Фалькенберг пробормотал что-то такое, что остальные не расслышали, потом сказал:

— Гленда Руфь, прошу меня простить, но нам с майором Севеджем нужно обсудить кое-какие административные проблемы. Был бы рад, если бы вы присоединились к нам за ужином в офицерской гостиной в девятнадцать часов.

— Ну... спасибо, Джон. Мне очень хочется, но я должна вечером встретиться с другими делегатами. Нам, может быть, все-таки удастся выиграть завтрашнее голосование.

Фалькенберг пожал плечами.

— Сомневаюсь. Если не сможете выиграть, сможете задержать голосование?

— Может быть, на несколько дней, но зачем?

— Это может быть полезно, вот и все. А когда покончите с политиками, присоединитесь к нам?

— Спасибо, да. — Идя по плацу к своей квартире, она думала, что очень неплохо бы узнать, что обсуждают Фалькенберг с Севеджем: «Вряд ли это административные проблемы... какая им разница, что решит Совет?»

Она с нетерпением ждала новой встречи с Джоном, и это ожидание заставляло ее испытывать чувство вины. «Что этот человек значит для меня? Он красив, широкоплеч, военная выправка... вздор. Что бы ни говорили антропологи, я не верю в атавистическую привлекательность воинов. Почему же я хочу быть с ним? — Она отбросила эту мысль. Есть гораздо более важные темы для размышлений. — Что будет делать Фалькенберг, если Совет проголосует против него? А что буду делать я?»

Фалькенберг пригласил Роджера Хастингса в свой кабинет.

— Садитесь, пожалуйста, господин мэр.

Роджер неуверенно сел.

— Послушайте, полковник, я бы рад помочь, но...

— Мэр Хастингс, что предпочтут владельцы промышленных предприятий Алланспорта: половину работающих предприятий или полностью неработающие?

— Что это должно означать?

— Я гарантирую защиту литейных и плавилен за право на половину собственности. — Когда Хастингс изумленно по-

смотрел на него, Фалькенберг продолжил: — А почему бы и нет? Все равно Силана захватит половину. Если мой полк будет совладельцем, я смогу его остановить.

— Даже если я подпишу, это ничего не будет означать, — возразил Хастингс. — Владельцы находятся на Франклине.

— Вы самый высокопоставленный чиновник Конфедерации на всем полуострове Раньера, — тщательно подбирая слова, сказал Фалькенберг. — Законно это или нет, но мне нужна ваша подпись на этом передаточном документе. — И он протянул Хастингсу стопку листков.

Хастингс внимательно прочел их.

— Полковник, здесь также подтверждается разрешение на владение землей, данное вам правительством мятежников. Я не могу подписать это.

Идя по широкому плацу, Гленда Руфь издалека услышала звуки офицерской пирушки. Подойдя ближе, они с Хайрамом Блеком словно окунулись в волны шума, барабанного боя, вопли волынок и фальшивое пение полупьяных баритонов.

Внутри было еще хуже. Не успела она войти, как в нескольких дюймах от ее лица мелькнула сверкающая сабля. Молодой капитан козырнул и принялся многословно извиняться:

— Я показывал обер-лейтенанту Марксу новый прием, который выучил на Спарте, мисс. Прошу меня простить. — И когда она кивнула, капитан отвел товарища в сторону и дуэль на саблях возобновилась.

— Это офицер фридландец... здесь все фридландцы, — сказала Гленда Руфь. Хайрам Блек мрачно кивнул. Пленные наемники были в зелено-золотых мундирах, контрастирующих с сине-золотой одеждой людей Фалькенберга. В ярком свете ламп блестели медали. Девушка осмотрелась и увидела полковника в дальнем углу, во главе стола.

Когда она проделала опасное путешествие по заполненному людьми залу и подошла к столу, Фалькенберг и его соседи встали. Мимо маршировали волынщики, создавая неимоверный шум.

Лицо Фалькенберга покраснело, и Гленда Руфь подумала, что он пьян.

— Мисс Хортон, позвольте представить майора Оскара фон Тома, — официально сказал полковник. — Майор фон Тома — командир артиллерийского батальона фридландцев.

— Я... — Она не знала, что сказать. Фридландцы враги, а Фалькенберг представляет ей этого офицера как своего гостя. — Рада знакомству, — запинаясь ответила она. — А это полковник Хайрам Блек.

Фон Тома щелкнул каблуками. Все стояли неподвижно, пока она не села рядом с Фалькенбергом. Этот вид рыцарства почти исчез, но почему-то здесь казался уместным. Официант принес стаканы, и фон Тома обратился к Фалькенбергу.

— Вы просите слишком многого, — сказал он. — К тому же вы уже достаточно попользовались стволами.

— Если так, мы уменьшим цену, — жизнерадостно ответил Фалькенберг. Он заметил удивленное выражение Гленды Руфь. — Майор фон Тома спрашивает: может ли он выкупить свои пушки по окончании кампании? Мои условия его не устраивают.

Хайрам Блек сухо заметил:

— Мне кажется, в определении цены должен сказать свое слово Совет, генерал Фалькенберг.

Фалькенберг презрительно фыркнул.

— Нет.

«Он пьян, — подумала Гленда Руфь. — Это не очень заметно, но... достаточно ли хорошо я его знаю?»

— Пушки захвачены 42-м без всякой помощи со стороны Совета. Я позабочусь, чтобы их не использовали против патриотов, и Совету больше нет дела до них. — Фалькенберг повернулся к Гленде Руфь. — Вы выиграете завтрашнее голосование?

— Голосования завтра не будет.

— Значит, не сможете выиграть, — сказал Фалькенберг. — Я этого ожидал. А как голосование по войне?

— Будут обсуждать еще два дня... — она нервно взглянула на майора фон Тома. — Не хочу быть невежливой, но нужно ли говорить об этом при нем?

— Понимаю. — Майор фон Тома неуверенно встал. — Поговорим в другой раз, полковник. Рад знакомству, мисс Хортон. Полковник Блек. — Он сдержанно поклонился и пошел к центру стола, где вместе пили фридландцы и офицеры Фалькенберга.

— Джон, разумно ли это? — спросила она. — Некоторые члены Совета и так уже обвиняют вас в нежелании воевать...

— Дьявольщина, да его называют предателем, — прервал Блек. — Мягко обращается с изменниками, дружит с врагами — им не нравится даже то, что вы набираете новых людей, чтобы восполнить потери. — Блек взял стакан виски и выпил одним глотком. — Им бы пройти по долине с нами! Вот это был поход, Гленда Руфь. А когда у капитана Фрейзера кончилось горючее, Фалькенберг приказал ему использовать велосипеды! — Вспоминая, Блек усмехнулся.

— Я серьезно, — возразила Гленда Руфь. — Джон, Баннистер вас ненавидит. Я думаю, он всегда вас ненавидел. — Официант принес Фалькенбергу виски.

— Вино или виски, мисс? — спросил он.

— Вино... Джон, пожалуйста, вам собираются приказать атаковать столицу.

— Интересно. — Его лицо на мгновение застыло, глаза стали внимательными. Потом он расслабился и позволил виски подействовать. — Если мы исполним приказ, мне понадобятся офицеры фон Тома, чтобы вернуть свое оборудование. Разве Баннистер не знает, что будет, если нас захватят на открытой местности?

— Гови Баннистер лучше разбирается в политических интригах, чем в боевых действиях, генерал, — заметил Блек. — Мы дали ему пост военного министра, потому что решили, что он сумеет договориться с вами, но на войне от него мало проку.

— Это я заметил, — сказал Фалькенберг. Он погладил руку Гленды Руфь. В первый раз он к ней прикоснулся, и девушка застыла. — Ведь предполагалось, что это будет пирушка, — рассмеялся Фалькенберг. Он поймал взгляд тамады. — Лейтенант, пусть волынщики играют.

На мгновение зал затих. Гленда Руфь ощущала тепло руки Фалькенберга. Легкая ласка обещала гораздо больше, и

девушка неожиданно обрадовалась, но одновременно ощутила укол страха. Он говорил очень негромко, но все эти люди за столом перестали пить, барабаны стихли, замолкли трубы — все прекратилось по его легкому кивку. Такая власть пугает.

Коренастый старший волынщик выбрал молодого тенора. Снова заиграли одна волынка и один барабан. Началась песня.

— Слышали ли вы сказание о лживом Сейклде? Слышали ли вы о лорде Скрупе? Он изловил Кинмонта, чтобы повесить на Хариби...

— Джон, пожалуйста, слушайте, — попросила она.

Новость сообщили храброму Баклею,
Его обитель — Брэнксам-Хилл,
Что лорд Скруп захватил Кинмонта Вилли
Меж вечерней и дневной зарей.

Он ударил по столу кулаком,
Подпрыгнула чаша, и расплескалось красное вино.
«Да будет проклятие на моей голове, — сказал он, —
Но я отомщу лорду Скрупу».

— Джон, правда.

— Наверно, вам нужно послушать, — мягко сказал он. Поднял свой стакан, а молодой голос набирал силу.

Это мой шлем или вдовий платок?
Это мое копье или ветка ивы?
Неужели у меня рука женщины,
Что английский лорд смеет смеяться надо мной?

Песня кончилась. Фалькенберг сделал знак официанту.

— Выпьем еще, — сказал он. — И больше никаких разговоров о политике.

Остальную часть вечера они провели, участвуя в пирушке. Офицеры Фалькенберга и фридландцы оказались образованными людьми, и Гленда Руфь провела очень приятный вечер: все в зале соперничали, стараясь привлечь ее внимание.

Ее учили танцам и песням десятка культур, и она выпила слишком много.

Наконец Фалькенберг встал.

— Я провожу вас до вашей квартиры, — сказал он.

— Хорошо. — Она взяла его под руку, и они прошли через редеющую толпу. — У вас часто бывают такие пирушки? — спросила девушка.

— Когда можем. — Они дошли до выхода. Словно ниоткуда возник рядовой в белом и открыл перед ними дверь. На шее рядового уходил под воротник рваный шрам, и она подумала, что ей было бы страшно встретиться с ним где-нибудь в другом месте.

— Спокойной ночи, мисс, — сказал рядовой. Голос его звучал необычно, чуть хрипловато, как будто он искренне о ней заботился.

Они пересекли плац. Ночь была ясная, и небо полно звезд. С реки, которая протекает мимо старой крепости, доносились слабые звуки.

— Хотела бы я, чтобы это никогда не кончалось, — сказала Гленда Руфь.

— Почему?

— Потому что... вы здесь создали искусственный мир. Стена славы отгораживает вас от реальности, от всего, что мы делаем. А когда этот мир исчезнет, вы снова пойдете на войну. — Назад, к тому, о чем пел тот мальчишка в старинной зловещей балладе.

— Хорошо сказано. Стена славы. Может, именно ее мы и строим.

Они дошли до квартир, отведенных старшим офицерам. Их двери были рядом. Гленда остановилась перед дверью, входить не хотелось. Комната пуста, а завтра ее ждет Совет... она повернулась к Фалькенбергу и горько сказала:

— А должно ли это кончаться? Несколько минут я была счастлива. А теперь...

— Не обязательно, чтобы это кончилось, но понимаете ли вы, что делаете?

— Нет. — Она отошла от своей двери и открыла дверь Фалькенберга. Постояла немного, потом рассмеялась. — Я собиралась сказать какую-нибудь глупость. Что-нибудь

вроде: «Давайте выпьем на посошок». Но я бы имела в виду другое, и вы бы это знали, так что какой смысл в притворстве?

— В притворстве нет смысла. По крайней мере между нами. Притворство для солдатских девушек и для любовниц.

— Джон, боже, Джон, вы так же одиноки, как я?

— Да. Конечно.

— Тогда мы не можем допустить, чтобы пирушка кончилась. Пока остается хотя бы одно мгновение. — Она вошла в его комнату.

Немного погодя он последовал за ней и закрыл дверь.

Ночью она смогла забыть об их конфликте, но когда утром вышла из его комнаты, вернулось воспоминание о старинной балладе.

Она знала, что должна что-то сделать, но не может же она предупредить Баннистера. Совет, революция, независимость — ничто не утратило своей важности; но, продолжая служить этим целям, она чувствовала себя отчужденной от них.

«Я полная дура», — говорила она себе. Но, дура или нет, предупреждать Баннистера она не может. Наконец она уговорила президента встретиться с Джоном вдали от орущих масс зала Совета.

Баннистер сразу перешел к делу:

— Полковник, мы не можем бесконечно держать в поле большую армию. Ранчеро из долины мисс Хортон, может быть и согласны платить за это, но остальные не хотят.

— А на что вы рассчитывали поначалу? — спросил Фалькенберг.

— На долгую войну, — признался Баннистер. — Но ваши успехи породили надежды, и мы получили гораздо больше сторонников, чем ожидали. А они требуют прекратить выплаты.

— Солдаты, которые воюют только в хорошую погоду. — Фалькенберг фыркнул. — Достаточно распространенный случай, но почему вы позволили им приобрести такое влияние в Совете?

— Потому что их много.

«И они поддержали твое выдвижение в президенты, — подумала Гленда Руфь. — Пока мои друзья воевали, ты организовывал новых сторонников, забирал власть... ты не стоишь жизни даже одного из этих солдат. Солдат Джона и моих».

— В конце концов, у нас правительство демократическое, — сказал Баннистер.

— И абсолютно не способное достичь чего-либо, для чего требуется хоть небольшое усилие. Можете ли вы позволить себе такую эгалитарную демократию?

— Вас наняли не для реорганизации нашего правительства! — крикнул Баннистер.

Фалькенберг вызвал на стол карту.

— Смотрите. Мы окружили равнины войсками. Нерегулярные части могут удерживать проходы и болота практически неограниченное время. А всякой реальной угрозе прорыва будет противостоять мой полк, находящийся в подвижном резерве. Конфедераты не смогут до нас добраться, а мы не можем рисковать, сражаясь с ними на открытой местности.

— Так что же нам делать? — спросил Баннистер. — Франклин обязательно пошлет подкрепления. Если мы будем ждать, проиграем.

— Сомневаюсь. У них тоже нет боевых кораблей. Они не смогут высадить крупные силы по эту сторону фронта, а что хорошего им даст усиление группировки в столице? Со временем они начнут голодать. Франклин тоже будет испытывать трудности из-за перебоев в поставках кукурузы. Кормить армию бесконечно Конфедерация не сможет.

— Рай для наемников, — сказал Баннистер. — Затяжная война без всяких боев. Черт побери, вы должны атаковать, пока еще у нас есть войско! Говорю вам, наша поддержка исчезает на глазах.

— Если мы поместим свои войска туда, где до них доберутся бронированные части фон Меллентина, наша армия не растает, а сгорит.

— Скажи ему, Гленда Руфь, — сказал Баннистер. — Меня он не слушает.

Она посмотрела на бесстрастное лицо Фалькенберга, и ей захотелось заплакать.

— Джон, он, может быть, прав. Я знаю свой народ, наши люди не могут держаться долго. И даже если могут, Совет все равно будет настаивать...

Выражение его лица не изменилось.

«Мне нечего ему сказать, — подумала она. — Все, что я знаю, знает и он, потому что он прав, но и не прав. В нашей армии только штатские. Они не из железа. И пока они охраняют проходы, их ранчо разрушаются. Прав ли Говард? Это рай для наемников, и Джону жаль от него отказаться?» — Но ей не хотелось в это верить.

Пришло незваное воспоминание об одинокой ночи в проходе. Она попыталась прогнать его, вспомнив о пирушке и...

— Чего же вы ждете, полковник Фалькенберг? — спросил Баннистер.

Фалькенберг ничего не ответил, и Гленде Руфь захотелось заплакать, но она не заплакала.

XXII

Целых шесть дней Совет не приступал к голосованию. Гленда Руфь на заседаниях использовала все парламентские трюки, каким научил ее отец, а после окончания дневного заседания переходила от делегата к делегату. Давала невыполнимые обещания, прибегала к помощи старых друзей и заводила новых и каждое утро была уверена лишь в том, что ей удалось ненадолго оттянуть голосование.

Она сама не знала, зачем ей это. Голосование по военному вопросу было увязано с возвращением Силане должности губернатора Алланспорта, а она знала, что этот человек некомпетентен; но главное: после дебатов и политических встреч Фалькенберг приходил к ней или присылал младшего офицера, который сопровождал ее к его квартире, — и она была рада этому. Они редко говорили о политике и вообще мало разговаривали. Ей было достаточно просто быть с ним, но по утрам, расставаясь с ним, она снова начинала бояться. Он никогда ничего ей не обещал.

На шестой вечер она пришла к нему на поздний ужин. Когда ординарец увез сервировочный столик с посудой, она сидела и уныло смотрела на стол.

— Это ты имел в виду? — спросила она.

— О чем ты?

— О том, что мне придется предать либо друзей, либо свой долг — а я даже не знаю, друг ли ты мне. Джон, что мне делать?

Он нежно погладил ее по щеке.

— Сохранять спокойствие — и не давать назначить Силану в Алланспорт.

— Но чего мы ждем?

Он пожал плечами.

— Ты хотела бы открытого разрыва? Если мы проиграем это голосование, их не остановить. Толпа уже сейчас требует твоего ареста — последние три дня Кальвин держит взвод штабной охраны в полной готовности, на случай если глупцы попытаются это сделать.

Она содрогнулась, но прежде чем успела что-нибудь сказать, он поднял ее и прижал к себе. И снова ее сомнения исчезли, но она знала, что они вернутся.

Кого она предает? И ради чего?

Толпа закричала, не давая ей говорить.

— Наемничья шлюха! — крикнул кто-то. Ее друзья начали отвечать обидными словами, и прошло пять минут, прежде чем Баннистер сумел восстановить порядок.

«Сколько я еще продержусь? День или два, вероятно. Я шлюха? Если нет, то не знаю, кто я. Он ничего мне не говорит». — Она достала бумаги из портфеля, но ее снова прервали. По залу прошел, почти пробежал посыльный и подал Говарду Баннистеру тонкий листок. Дородный президент взглянул на него, потом стал читать внимательней.

Все в зале замолчали и смотрели на Баннистера. На лице президента отразилась целая гамма чувств: удивление, изумление, затем тщательно сдерживаемый гнев. Он снова перечел сообщение и что-то прошептал посыльному. Тот кивнул. Баннистер поднял микрофон.

— Члены Совета, я... вероятно, проще будет прочесть.

ВРЕМЕННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ СВОБОДНОГО ГОСУДАРСТВА НОВЫЙ ВАШИНГТОН ОТ ВОЕННОГО КРЕЙСЕРА СВ «БЕССТРАШНЫЙ» АБЗАЦ МЫ ПОЛУЧИЛИ ДОКУМЕНТИРОВАННУЮ ЖАЛОБУ ПРАВИТЕЛЬСТВА КОНФЕДЕРАЦИИ НА НАРУШЕНИЕ СВОБОДНЫМ ГОСУДАРСТВОМ ЗАКОНОВ ВОЙНЫ ТОЧКА НАШЕМУ КОРАБЛЮ ПРИКАЗАНО ПРОВЕСТИ РАССЛЕДОВАНИЕ ТОЧКА ПОСАДОЧНАЯ ШЛЮПКА ПРИБУДЕТ В АСТОРИЮ СЕГОДНЯ В ШЕСТНАДЦАТЬ НОЛЬ НОЛЬ ТОЧКА ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ДОЛЖНО НЕМЕДЛЕННО ОБРАЗОВАТЬ КОМИССИЮ ПО ЗАКЛЮЧЕНИЮ ПЕРЕМИРИЯ ЧТОБЫ СРАЗУ ПО ПРИБЫТИИ ПОСАДОЧНОЙ ШЛЮПКИ ВСТРЕТИТЬСЯ С ДЕЛЕГАТАМИ КОНФЕДЕРАЦИИ И ОФИЦЕРАМИ СЛЕДОВАТЕЛЯМИ СВ ТОЧКА ЧАСТЯМ НАЕМНИКОВ ПРИКАЗАНО ПРИСУТСТВОВАТЬ ДЛЯ ДАЧИ ПОКАЗАНИЙ ТОЧКА АБЗАЦ ДЖОН ГРАНТ КАПИТАН КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ СОВЛАДЕНИЯ АБЗАЦ КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ

Несколько мгновений царила полная тишина, затем спортзал взорвался звуками.

— Расследование у нас?

— Проклятое СВ...

— К дьяволу перемирие!

Фалькенберг поймал взгляд Гленды Руфь. Он жестом указал на дверь и вышел из зала. Несколько минут спустя Гленда присоединилась к нему.

— Мне нужно оставаться там, Джон. Надо решить, что делать.

— Только что все ваши решения утратили значение, — ответил Фалькенберг. — У вашего Совета теперь не так много козырей, как раньше.

— Джон, что они сделают?

Он пожал плечами.

— Теперь, когда СВ уже здесь, попытаются остановить войну. Думаю, Силане и в голову не приходило, что жалобу промышленников Франклина Большой Сенат услышит скорее, чем писк толпы фермеров...

— Ты ожидал этого! Этого ты ждал?

— Чего-то в этом роде.

— Ты знаешь больше, чем говоришь! Джон, почему ты ничего не рассказываешь мне? Я знаю, ты меня не любишь, но разве я не имею права знать?

Он долго неподвижно стоял под ярким красноватым солнцем. И наконец ответил:

— Гленда Руфь, в политике и войне нет ничего определенного. Однажды я дал девушке обещание и не смог его сдержать.

— Но...

— У каждого из нас свой долг. Поверишь ли ты, если я скажу, что пытался уберечь тебя от выбора — и себя тоже? Тебе лучше подготовиться. Следственная комиссия СВ не привыкла ждать, а она прибудет меньше чем через час.

Суд должен был состояться на борту «Бесстрашного». Четырехсотметровый бутылкообразный боевой корабль на орбите Нового Вашингтона оказался единственной доступной нейтральной территорией. Когда делегаты патриотов через шлюз прошли в корабль, почетный караул морских пехотинцев приветствовал Баннистера точно так же, как генерал-губернатора Конфедерации. Потом делегацию по длинным серым коридорам отвели в предназначенную для нее офицерскую гостиную.

— Генерал-губернатор Конфедерации Форрест уже на борту, сэр, — сказал сопровождавший их сержант морской пехоты. — Капитан хотел бы через десять минут встретиться в своей каюте с полковником Фалькенбергом.

Баннистер осмотрел маленькую гостиную.

— Вероятно, все прослушивается, — сказал он. — Полковник, что будет дальше?

Фалькенберг отметил искусственно дружелюбный тон Баннистера.

— Капитан и его советники встретятся с каждым из нас по отдельности. Если вы захотите вызвать свидетелей, он об этом позаботится. Когда суд сочтет нужным, он сведет обе стороны. СВ обычно старается прийти к соглашению, а не навязывать собственное решение.

— А если мы не согласимся?

Фалькенберг пожал плечами.

— Вам могут позволить решить спор войной. Могут приказать наемникам покинуть планету и объявить ее блокаду. Могут даже ввести собственный корпус и сами навести порядок, который вам придется принять.

— А что случится, если мы прикажем им уйти? Что они смогут сделать? — спросил Баннистер.

Фалькенберг слегка улыбнулся.

— Они не могут завоевать планету, потому что у них недостаточно морской пехоты, чтобы удержать ее, но могут сделать многое другое, господин президент. Такому крейсеру по силам сделать весь Новый Вашингтон необитаемым.

У вас на планете нет ни обороны, ни флота. Я бы основательно подумал: стоит ли сердить капитана Гранта? Кстати, меня приглашают в его каюту. — Фалькенберг отдал честь. В этом жесте не было ни следа насмешки, но когда полковник вышел, Баннистер поморщился.

Фалькенберга мимо часовых провели в капитанскую каюту. Ординарец открыл дверь, впустил его и исчез.

Джон Грант — высокий худой офицер с преждевременно поседевшими висками, что делало его старше. Когда Фалькенберг вошел, Грант с искренней радостью встал ему навстречу.

— Приятно вас снова видеть, Джон Кристиан. — Он протянул руку и с удовольствием осмотрел гостя. — Вы в хорошей форме.

— Вы тоже, Джонни. — Улыбка Фалькенберга тоже была искренней. — Как семья?

— Инес и дети в порядке. Отец умер.

— Мои соболезнования.

Капитан Грант переставил свое кресло из-за стола поближе к креслу полковника. И автоматически прикрепил его к палубе.

— Я думаю, для него это было облегчением. Несчастный случай в полете с единственным пассажиром.

Фалькенберг нахмурился, и Грант кивнул.

— Коронер объявил, что это несчастный случай, — сказал капитан. — Но могло быть и самоубийство. Его сломил слу-

чай с Шарон. Но вы ведь не знаете этой истории? Ну, неважно. Дети моей сестры здоровы. У них хороший дом на Спарте.

Грант протянул руку и нажал кнопку на столе. Официант внес бренди и стаканы. Поставил все на переносной столик и вышел.

— Как адмирал? — спросил Фалькенберг.

— Держится. — Грант перевел дух и быстро продолжал: — Но едва-едва. Несмотря на все усилия дяди Мартина, бюджет в этом году снова урезали. Я не могу долго здесь оставаться, Джон. Еще одно расследование, и трудно будет объяснить в журнале эту несанкционированную миссию. Вы завершили свою работу?

— Да. Все прошло быстрей, чем я думал. Последние сто часов я жалел, что мы не условились, что вы появитесь еще раньше. — Он отошел к экрану на стене каюты.

— На подлете я получил жалобу, подписанную торговцами, — сказал Грант. — И очень удивился. Положение лучше, чем можно было ожидать, но неустойчивое. — Он поработал с приборами, и на экране появились обитаемые территории Нового Вашингтона. — Так?

— Верно. — Фалькенберг вводил данные текущей военной ситуации на планете под ними. — Ничья, — сказал он. — Пока. Но как только вы прикажете всем наемникам покинуть планету, мы без всякого труда захватим столицу.

— Боже, Джон, я не могу сработать так грубо. Если планету покинут фридландцы, вам тоже придется уйти. Вы завершили свою миссию. Без вас повстанцам может понадобиться много времени, чтобы взять столицу, но совершенно неважно, кто победит. После окончания войны еще долго никто из них не сможет начать строить флот. Хорошая работа.

Фалькенберг кивнул.

— Таков был план Сергея Лермонтова. Нейтрализовать эту планету с минимумом вложений со стороны СВ, не уничтожая ее промышленности. Однако кое-что произошло, Джонни, и я решил слегка изменить план. Полк остается.

— Но я...

— Подождите, — сказал Фалькенберг. Он широко улыбнулся. — В юридическом смысле я больше не наемник. Нам

предоставили землю, Джонни. Можете оставить нас не как наемников, а как поселенцев.

— Послушайте. — В голосе Гранта звучало раздражение. — Земля, предоставленная мятежным правительством, которое не контролирует планету? Никто не станет слишком внимательно присматриваться к тому, что я делаю, но Франклин может подкупить хотя бы одного сенатора. Я не могу рисковать, Джон. Хотел бы, но не могу.

— А что если разрешение на владение землей подтверждено местным правительством лоялистов? — озорно спросил Фалькенберг.

— Что ж, тогда все в порядке... но как вам удалось организовать *это*? — Грант опять улыбался. — Давайте выпьем, и вы мне расскажете. — Он налил обоим. — А какова ваша роль во всем этом?

Фалькенберг посмотрел на Гранта. И на его лице отобразилось легкое изумление.

— Вы не поверите, Джонни.

— Судя по вашему лицу, вы сами в это не верите.

— Не уверен, что верю. Джонни, у меня есть девушка. Девушка-солдат, и я собираюсь на ней жениться. Она руководитель основных сил повстанческой армии. Многие тамошние политики считают, что они что-то решают, но.... — Он сделал резкий жест правой рукой.

— Женитесь на королеве и станете королем?

— Она скорее принцесса. Во всяком случае, лоялисты без боя повстанцам не сдадутся. Жалоба подлинная. Лоялисты не поверят ни одному повстанцу, даже Гленде Руфь.

Грант понимающе кивнул.

— На сцене появляется солдат, который навязывает соблюдение законов войны. Он женится на принцессе и командует единственной имеющейся армией. А какова ваша настоящая ставка, Джон Кристиан?

Фалькенберг пожал плечами.

— Наверно, принцесса не захочет покинуть свое королевство. Во всяком случае Лермонтов пытается сохранить равновесие сил. Видит Бог, кто-то должен это сделать. Отлично. Адмирал заглядывает на десять лет вперед, но я не уверен, что СоВладение продержится эти десять лет.

Грант медленно кивнул. Он заговорил тише, и в его голосе зазвучали благоговение и страх.

— Я тоже. За последние несколько недель положение ухудшилось. Старик выходит из себя. Но только вот что. Кое-кто из сенаторов пытается сохранить равновесие. Они отказываются от русско-американского противостояния и выступают против собственных правительств, чтобы сохранить СВ.

— Их достаточно? Могут они это сделать?

— Хотел бы я знать. — Грант недоуменно покачал головой. — Мне всегда казалось, что СоВладение — единственная устойчивая вещь на Земле, — удивленно сказал он. — А теперь все, что мы можем сделать, это пытаться предотвратить его распад. Националисты продолжают побеждать, Джон, и никто не знает, как их остановить. — Он осушил стакан. — Старику не захочется терять вас.

— Да. Мы долго работали вместе. — Фалькенберг печально осмотрел каюту. Когда-то ему казалось, что высшее достижение в жизни — стать капитаном военного корабля СВ. Теперь он может больше никогда не увидеть другой корабль.

Потом он пожал плечами.

— Есть места и похуже, Джонни, — сказал Фалькенберг. — Сделайте мне одолжение. Когда вернетесь на Лунную базу, попросите адмирала проследить, чтобы все копии геологических исследований Нового Вашингтона были уничтожены. Не хочется, чтобы кто-нибудь узнал, что тут есть чем поживиться.

— Хорошо. Но вы очень далеко от всех, Джон.

— Знаю. И если вокруг Земли все начнет распадаться, возможно, это лучшее место для жизни. Послушайте, Джонни, если когда-нибудь вам понадобится безопасная база, прилетайте. Передайте это старику.

— Конечно. — Грант криво усмехнулся. — Не могу привыкнуть. Собираетесь жениться? Рад за вас обоих.

— Спасибо.

— Король Джон Первый. А какое правительство создадите вы?

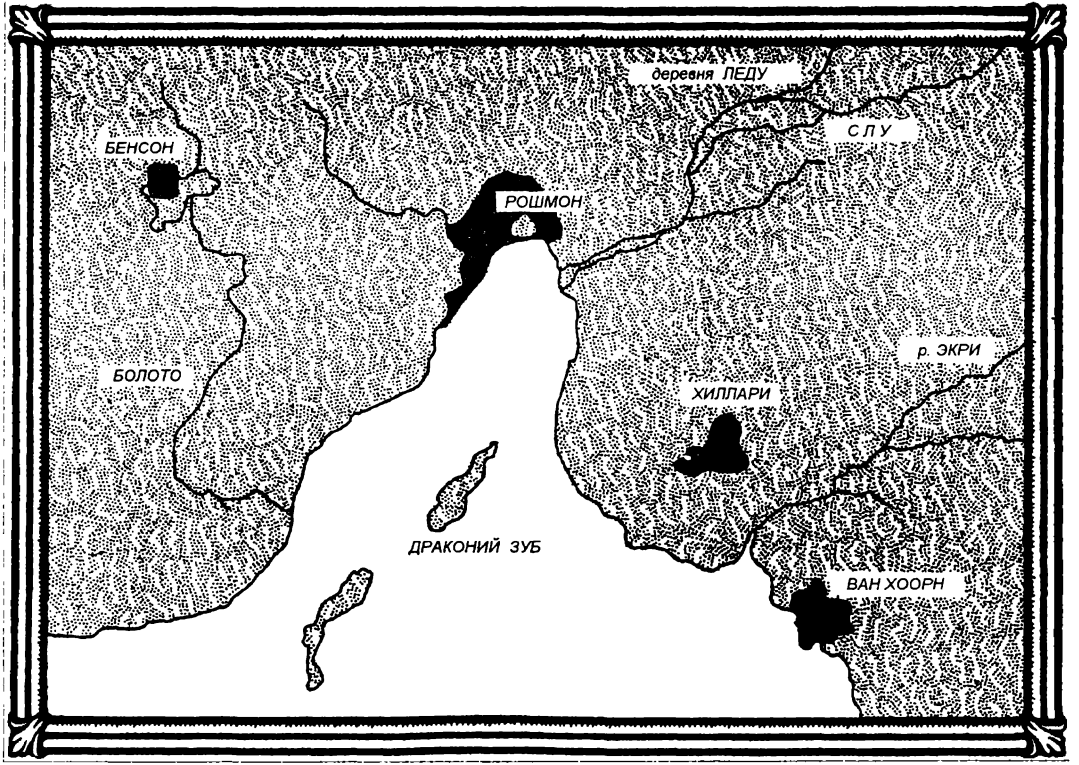
— Еще не думал об этом. Мифы меняются. Возможно, люди снова готовы к монархии. Мы с Глендой Руфь что-нибудь придумаем.

— Ручаюсь, придумаете. Должно быть, та еще девушка.

— Сами увидите.

— В таком случае тост за невесту. — Они выпили, и Грант снова наполнил стаканы. Потом встал. — Последний, ладно? За СоВладение.

Фалькенберг встал и поднял свой стакан. Они выпили, а под ними вращался Новый Вашингтон, и в ста парсеках отсюда Земля готовилась к последней битве.


деревня ПЕДУ
БЕНСОН
С Л У
РОШМОН
р. ЭКРИ
БОЛОТО
ХИЛЛАРИ
ДРАКОНИЙ ЗУБ
ВАН ХООРН

ПРИНЦ НАЕМНИКОВ

I

Лисандр смотрел вниз сквозь оранжевые облака. Поверхность еще не видна, клочья облаков пролетают мимо и застывают алмазами на кончиках крыльев посадочного корабля. В пассажирской каюте необычно тихо. Лисандр отвернулся от иллюминатора и посмотрел на своего спутника, молодого человека лет двадцати, очень на него похожего.

— Скорость около 25, — сказал он, но тут же поправился: — Быстрее. Быстрее звука, Харв. Гораздо быстрее.

Харв наклонился, пытаясь посмотреть в иллюминатор.

— Не вижу землю.

— Еще какое-то время ее не будет видно. В книге говорится, что Танит большую часть времени покрыт облаками. И здесь жарко.

— О. Жару я не слишком люблю. — Харв слегка улыбнулся и откинулся в сиденье.

Посадочный корабль резко накренился, затем наклонился снова. Неожиданное ускорение подняло двести с лишним пассажиров из кресел, потом бросило назад. Лисандр вспомнил сухой голос своего инструктора: тот объяснял, что дельтаобразные крылья корабля теряют скорость на поворотах. Лисандр прекрасно усвоил это вначале на учебном имитаторе, а потом и на практике, во время посадок. Он выглянул наружу. Посадочной шлюпке придется затратить очень много энергии, прежде чем она сможет сесть в одном из защищенных заливов Танита.

Десять поворотов спустя, корабль опустился ниже облачного покрова, и Лисандр смог увидеть поверхность планеты.

Очень похоже на изображения с видисков. Зеленые и желтые моря, узкие заливы, глубоко врезающиеся в яркую зелень суши. Земля и море перемешаны — настоящий лоскутный коврик.

Харв наклонился к нему, чтобы тоже посмотреть.

— Кажется... кажется, поверхность ровная.

— Ровная. Вся планета.

— Никаких гор, принц?

— Нет. Как Земля в каменноугольный период. Ни гор, ни снега, ни ледников. Поэтому здесь повсюду так жарко.

— О. — Харв пытался выглянуть в иллюминатор. — Я вам мешаю?

— Нет, все в порядке. — На самом деле Лисандру не нравилось, что Харв перегнулся через него, но он никогда бы этого не сказал. Харв Миддлтон страшно переживал любое замечание со стороны своего принца, хоть они и члены Братства.

Посадочный корабль скользил над болотами и низинами, на каждом повороте теряя скорость. Наконец он сделал вираж над цепочкой холмов, которые поднимались на берегу морского залива. Холмы были покрыты низкими зданиями, размещенными в ячейках решетки прямых широких улиц. Город остался позади, корабль спускался все ниже к зеленому и желтому морю. Потом снова резко повернул.

— Налогоплательщики, мы приближаемся к Ледерле, столице Танита. Пожалуйста, оставайтесь на местах и не расстегивайте ремни, пока мы не причалим к пирсу. Товарищи... — Сообщение повторили по-русски, затем еще на нескольких языках.

Они спускались на воду. Слева от них поднимались низкие холмы, приютившие Ледерле и его пригороды. Корабль спускался все ниже и наконец коснулся воды. В иллюминаторы брызнула пена.

«Мы на месте, — подумал Лисандр. — Танит. Тюремная планета СоВладения».

Жара накатывала на пристань тяжелыми волнами, вдвойне неприятными после кондиционированного воздуха посадочного корабля. Таможня размещалась в рифленом металлическом ангаре, здесь орудовали три мрачных скучающих работника в грязных белых холщовых комбинезонах; за ними присматривал клерк в синем пиджаке свободного покроя с нашивками СВ на эполетах. Клерк внимательно проверял документы, заставляя каждого пассажира смотреть в устройство

для считывания радужной оболочки глаза, а его подчиненные в это время просвечивали рентгеном багаж.

«Что за чушь, — подумал Лисандр. — Кто, во имя Дракона, потащит контрабанду на Танит?»

За таможенным ангаром поджидал вертолет. Это был рассчитанный на двадцать пассажиров древний «Ниссан», у которого неприятно стучал двигатель. Предоставив Харву заниматься багажом, Лисандр беззастенчиво воспользовался своим титулом, чтобы пройти в кабину пилота. Пилот оказался ненамного старше Лисандра. Он скептически осмотрел Лисандра, потом заглянул в список пассажиров.

— Лисандр Коллинз. Мне сказали, что вы будете сидеть рядом со мной. Вы кого-нибудь подкупили? Кого?

Лисандр пожал плечами.

— Разве это важно?

— Нисколько, так как это был не я. Меня зовут Джо Арабис. — Он опустил откидное сиденье. — Садитесь, это место летного инструктора. — Арабис наклонил голову, вслушиваясь в звук двигателя, потом рассмеялся. — Ну, я инструктора ни разу не видел. А, к черту, садитесь на сиденье второго пилота. Это слева от меня. Второго пилота все равно нет. Вот так. Добро пожаловать на Танит, приятель.

— Спасибо, — ответил Лисандр и пристегнулся. — Я слышал, тут в океане водятся крупные животные. Достаточно большие, чтобы создать проблемы посадочному кораблю?

Арабис пожал плечами.

— Ну, говорят, что дамбу через залив поставили как раз для того, чтобы не пускать в него несси. А я сам летаю не дальше, чем нужно.

Лисандр вопросительно поднял брови.

— Да. Ну, приятель, если тебе придется пилотировать вертолет над настоящим океаном, не опускайся ниже тридцати метров. Не двадцати, а тридцати.

«Могу поверить во все это, если захочу, — подумал Лисандр. — Новичков всегда разыгрывают. Но, конечно, иногда самые невероятные россказни оказываются правдой».

— Спасибо. — Лисандр указал на посадочный корабль с короткими крыльями, стоявший в гавани. — Ваши несси достаточно велики, чтобы создать проблемы и ему?

— Потому и построили дамбу, — ответил Арабис. — Но и не только. Не хотел бы я приземлять посадочный корабль где-нибудь в другом месте. Боже, и уж совсем не хочу садиться в боевой шлюпке морской пехоты на воду Танита. Ага. Вот и наше разрешение.

Арабис включил двигатели и поднял вертолет. Через несколько секунд они уже были в ста метрах над городом. Сделали круг и полетели по прямой. Рассеянный свет, проходящий сквозь облака, не создавал настоящих теней, и Лисандру трудно было ориентироваться. Компас свидетельствовал, что они летят на север.

— Похоже на дождь, — сказал Лисандр.

Арабис взглянул вверх и пожал плечами.

— Тут почти всегда похоже на дождь. — Он рассмеялся. — Естественно. Обычно и идет дождь. Но по крайней мере бури не будет.

— У вас бывают сильные бури?

— Очень много бурь. А также ураганы, да такие, что ты не поверишь, приятель. Если когда-нибудь будешь здесь летать, не забывай почаще связываться метеорологами. На Таните буря поднимается за несколько часов.

— У вас есть метеорологические спутники?

— Конечно. И как все остальное на Таните, большую часть времени они даже работают. И наземная сеть тоже обычно действует. И чаще всего осужденные, которые следят за экранами, не забывают предупредить кого-нибудь, и нередко чиновники СВ не забывают объявить общую тревогу, и...

— Понятно. — Лисандр разглядывал город внизу. Большинство зданий низкие, одноэтажные, покрытые белой или пастельной штукатуркой, крыши как будто из светлых каменных плит. Город размещен по стандартной решетке; широкие улицы, посередине некоторых — полоски яркой растительности фантастических расцветок и форм. Большинство зданий совершенно одинаковы. За пределами главных улиц — путаница строений, больше похожих на сараи, построенных из дерева и крытых чем-то вроде зеленого тростника. Далеко за гаванью что-то похожее на самостоятельный город, над которым возвышается массивное бетонное здание.

По мере продвижения на север местность становилась более красочной. Вскоре появились и двухэтажные здания. На уровне второго этажа их окружали широкие веранды.

— Богатеи, — Арабис перекрикивал гул мотора. — Хотят быть подальше от грязи. Не могу их в этом винить.

Он пролетели над большим парком; дальше город пересекали широкие диагональные авеню, которые сходились к комплексу более высоких зданий, среди которых одно было не ниже шести этажей.

«Площадь у дворца губернатора», — подумал Лисандр. Ледерле спланирован как столица Соединенных Штатов: там авеню, которые настолько широки, что их невозможно перегородить баррикадами, сходятся к Капитолию. Как и Вашингтон, Ледерле построен так, чтобы небольшой отряд солдат мог сдержать толпу.

На Таните, в отличие от Вашингтона, нет никаких величественных зданий. Кроме дворца губернатора, на площадь выходят здание отделения «Харрода» и отель «Хилтон», каждое в пять этажей. В дальнем конце площади «Дом Ледерле» — главная контора фармацевтической компании, которая спонсировала первых колонистов Танита. Вероятно, это самое красивое здание, какое видел Лисандр в городе. У этого здания были террасы и фонтаны, а на крыше — ботанический сад, сверкающий цветами.

Они сели в центре площади. Подошли несколько человек в грязных белых комбинезонах. Они принялись разгружать багаж, но когда один из них попытался взять чемодан Лисандра, Харв его прогнал.

Лисандр смотрел достаточно долго, чтобы убедиться, что никто не помешает Харву. Тот поднял на широкие плечи два больших чемодана и легко пошел в низком тяготении Танита. Харв считает своей обязанностью заботиться о принце, хотя не стоило поднимать из-за этого шум. Они и так бросаются в глаза. Конечно, его миссия не требует тайны, но лучше все же не привлекать к себе внимания.

«Хилтон» всего в пятидесяти метрах. Однако дождь начался раньше, чем Лисандр добрался до входа.

С улицы в маленький вестибюль вела широкая лестница. Над стойкой администратора бесконечно вращался под потол-

ком вентилятор. Напротив стойки широкая дверь вела в бар, расположенный на накрытом крышей большом балконе. Там сидели с полдесятка мужчин и две женщины, но за стойкой никого не было. Лисандр нетерпеливо постучал по стойке. Из задней комнаты показалась миниатюрная женщина, евроазиатка, в чистом белом холщовом комбинезоне. Ожерелье из ярких синих камней и такие же серьги.

— Да, сэр? — Говорила она вежливо, но отчужденно.

— Лисандр Коллинз и Харв Миддлтон со Спарты.

— Ага. — Она защелкала клавишами. — Да, ваше высочество. Два номера. Прямо, сэр. Мы вас разместили в губернаторских номерах. Я уверена, вы останетесь довольны. Номер налогоплательщика Миддлтона — сразу за холлом. Ваш номер полностью обставлен; я уверена, вам все понравится. Но если что-нибудь нужно, позвоните сюда.

— Спасибо. Сейчас мне больше всего нужен горячий душ.

Она сочувственно кивнула.

— На этих лайнерах, даже в первом классе, не очень много воды. Это единственное, чего у нас достаточно. Много воды. Приложите, пожалуйста, сюда палец... спасибо. — Оно нажала кнопку в конце стойки. — Хоакин покажет вам ваш номер.

Хоакин оказался низкорослым и плотным. Под мышками белого комбинезона пятна пота.

— Мундир? — спросил Харв.

— Сэр?

— Белые комбинезоны? Мундиры?

— Да, сэр. Расконвоированные. Позвольте ваши чемоданы...

Харв взглянул на Лисандра.

— Все в порядке, Харв.

Хоакин положил чемоданы на тележку и провел к лифту.

— Служебный лифт не работает, сэр. Пожалуйста, поднимитесь на пятый этаж, а я последую за вами.

— Здесь достаточно места. — Лисандр прижался к стене лифта. Тот оказался тесноват для трех человек и чемоданов.

Коридор пятого этажа устилал яркий синтетический ковер. На стенах пластиковые декоративные панели с барельe-

фами незнакомых животных. Одно из животных очень похоже на гигантскую землеройку с тремя короткими рогами.

— Я бы не хотел с таким встретиться в темноте, — заметил Харв.

Губернаторский номер просторный и светлый, кондиционер включили заранее, и к их приходу в комнате стало прохладно. С десяток пластиковых горшков с яркими цветами и корзина с фруктами; некоторые, вроде апельсинов или киви, знакомы, другие Лисандр не смог узнать.

— Очень недурно, — сказал он. Протянул Хоакину три банкноты по пять кредитов. — Пожалуйста, одну передайте регистратору.

— Да, сэр. Помочь вам распаковать вещи?

— Спасибо, не нужно. Но проверьте, не нужно ли чего-нибудь гражданину Миддлтону.

— Гражданину? — Коридорный нахмурился. — Да, сэр.

«Надо здесь следить за собой, — подумал Лисандр. — На Земле гражданин — звание, не пользующееся уважением. Здесь тоже». Он усмехнулся, вспомнив, какие испытания нужно пройти, прежде чем стать гражданином Спарты. Во всех отношениях разные миры.

Когда коридорный вышел, Лисандр тщательно запер дверь. За долгие недели с тех пор, как они покинули Спарту, он впервые остался один и приветствовал это ощущение. Довольно потянулся и отправился на поиски душа.

Ванна оказалась большой. Пол выложен плитками со сложным рисунком. Большинство деталей из золота. Лисандр почувствовал себя сибаритом. *И я, вероятно, единственный на планете, кто знает, что такое сибарит!* Был и душ, и круглая ванна, уже заполненная водой и устроенная как джакузи. Вода холодная, но есть инструкции, как пустить горячую и привести в действие джакузи. Инструкции на десяти языках и пяти алфавитах, а для тех, кто и этого не поймет, есть рисунки.

Лисандр выбрал циркулярный душ. По кругу располагались пять душевых головок. Каждая могла подавать холодную и горячую воду. Ручки изготовлены в форме морских существ:

холодная вода — рыба, горячая — что-то похожее на дракона. Лисандр, нахмурившись, смотрел на них.

— Не хотелось бы мне встретиться...

— С кем встретиться, сэр?

Он удивленно повернулся. Девушка. Моложе его, но определенно женщина, стояла обнаженная у входа в душ. Ее темно-рыжие волосы кудрявились от горячего пара. Лисандр мгновенно принял боевую стойку, но тут же расслабился.

— А ты кто такая? — спросил он.

— Урсула, сэр. Я буду вашей «хозяйкой». Мне подумалось, вы захотите, чтобы я потерла вам спину.

— «Хозяйка». — Лисандр кивнул. Он слышал о таких обычаях. — Спасибо, я могу вымыться сам.

Она слегка улыбнулась.

— Как хотите. Прикажете наполнить ванну горячей водой? Или предпочитаете нырнуть в холодную? Потом я могу помассировать вам спину.

— Весьма соблазнительное предложение. Холодное купание и массаж спины.

Она наклонилась и потрогала воду.

— Достаточно холодная, думаю. Я подожду вас...

— Нет, не нужно. Я приду, когда буду готов к массажу.

Она слегка пожала плечами и снова улыбнулась. Он встал под душ, чтобы разобраться в мыслях. «Урсула. — Имя ему нравится, улыбка тоже. — Ясно, что она предлагает ему себя. Соблазнительно». У него не очень много опыта общения с женщинами.

Мелисса никогда не узнает. А в «Хилтоне» не может быть больной «хозяйки».

Она определенно доступна, даже сама к этому стремится. Но каковы условия? Какие обязательства это накладывает?

Он невесело улыбнулся: «Никаких, разумеется. Девушка явно шлюха. Отвратительное слово. Но и «проститутка» не лучше. Урсула выглядит слишком молодой, а ее глаза... неужели они действительно такие зеленые, какими кажутся в этом освещении? Какого бы они ни были цвета, в них нет жесткости, как во взглядах женщин в танцевальных залах Майнтауна».

Он пытался читать об обычаях Танита, но видиски на лайнере предлагали только обычный туристский набор: «Посетите экзотический Танит. Великолепные цветы, яркие пестрые птицы, острые ощущения при охоте на настоящего динозавра». Почти ничего об основном профиле Танита, что́ вряд ли удивительно.

И почти ничего о местных обычаях.

Урсула накинула короткое розовое платьице из одного куска материи, которое завязывалось впереди. Лисандру оно напомнило столы, которые носили гетеры в античной Греции. *Такой обычай мы могли бы перенять с выгодой для себя. Может, еще не поздно.* Он осмотрелся, ожидая увидеть где-нибудь белый парусиновый комбинезон, но если у девушки и была какая-то другая одежда, то где-то в другом месте. Урсула сидела в большом кресле, соблазнительно подобрав под себя ноги, и смотрела на большой комнатный экран. По экрану для чтения быстро двигались слова, и девушка наклонилась к ним в глубокой сосредоточенности. Лисандр неслышно подошел и остановился у нее за спиной.

Мне кажется, что основной экономический конфликт возникает между людьми, занятыми уже устоявшейся экономической деятельностью и теми, кто хотел бы заняться новыми видами экономической деятельности. Этот конфликт не может быть разрешен вне рамок экономического застоя. Ибо сегодняшняя новая экономическая деятельность — это завтрашняя устоявшаяся экономическая деятельность, которой, в свою очередь, угрожает новейший путь экономического развития. В этом конфликте, при прочих равных условиях, устоявшаяся экономическая деятельность и те, кто с ней связаны, должны выступать единым фронтом. По определению они сильнее. Для новой экономической деятельности единственный способ сохранить возможность развития — найти «третью силу», которая защитила бы эти зарождающиеся интересы. Только правительства могут сыграть такую роль. И иногда, в короткие промежутки времени, они ее действительно играют...

Он прочел шапку над страницей. «Страница 249. Джейн Джекобс. «Экономика городов», первая публикация в Нью-Йорке, 1970. Грольеровское собрание классических работ по социальным наукам, каталог 236G-65t».

Девушка испуганно вздрогнула и отшатнулась. Быстро переключила экран на местные новости.

— Простите...

— За что? Ты в этой книге продвинулась дальше меня. — Он усмехнулся. — На самом деле я и не начинал, но она есть в списке моего учителя. Ты читаешь мой экземпляр?

— О, нет, все собрание Гролье есть в библиотеке «Хилтона». — Она встала, платье подчеркивало ее привлекательные формы. Красивые ноги с хорошо развитыми икрами. Ногти на руках и ногах выкрашены в светло-розовый цвет, который резко контрастирует с поразительной зеленью глаз.

— Готовы? — спросила она.

К чему? Конечно, готов, но...

— Гм... У меня встреча с губернатором. Мне лучше одеться.

— О. Ну что ж...

— Ты будешь здесь, когда я вернусь?

— Я приложение к этому номеру. Буду здесь, когда понадоблюсь вам, а если меня не будет, позвоните по номеру 787.

— А в твоей комнате есть экран для чтения?

— Да... но не такой большой.

— Тогда оставайся здесь. А я с нетерпением буду ждать массажа спины.

II

— У нас есть время перед встречей с губернатором Блейном, — сказал Лисандр. — Давай пройдемся.

Харв кивнул.

— Неплохо размять ноги, да и дождь прекратился. Но не стоит уходить далеко, принц. Лучше прийти раньше, чем опоздать.

— Верно.

«Но не настолько рано, — подумал Лисандр. — Если бы он оставался в номере, пришлось бы что-то делать с Урсулой, а он еще не готов решить, что именно делать.

— Ты в своем номере был один?

— Конечно, принц.

Еще одно наблюдение.

Может быть, только губернаторский номер... оборудован. Гости из других номеров вызывают обслуживание. Нужно спросить у Урсулы, сколько девушек работает в отеле. Интересно, знают ли наследники Хилтона на Земле, какие услуги предоставляет их отделение в Ледерле. Или, может быть, справедливы рассказы о декадансе на Земле...

Он знал, что не готов к этому поручению, он слишком мало знает о Таните и Земле, да и о других планетах тоже, но вряд ли это имеет значение. *Если бы только я лучше представлял себе, что мне полагается делать!*

Они миновали «Дом Ледерле». С балконов свисала масса разнообразных ярких цветов. Женщина в ярко-розовом наклонилась над перилами веранды. За ней прохаживались другие, очевидно, наслаждаясь свежим воздухом после тропического ливня. Архитектора явно вдохновляли предания о висячих садах Вавилона.

— Может, это не единственное, что здесь общего с Вавилоном.

— О. Отлично, — сказал Харв.

Лисандр почувствовал досаду: ему захотелось, чтобы Урсула пошла с ними. Она поняла бы его слова. Харв опытен и надежен, он принадлежит к Братству, но иногда утомительно проводить много времени с человеком, который... которого не очень интересуют интеллектуальные проблемы.

За площадью шло несколько кварталов двухэтажных домов с верандами. Первый этаж, как правило, без окон, почти без дверей, и это придает домам сходство с крепостью. Большинство домов окружено садами с вездесущими танитскими цветущими кустами. В одном саду рос земной гибискус. В таком обрамлении его цветы казались тусклыми и прозаичными. Километром севернее пошли одноэтажные дома, покрытые штукатуркой тусклых расцветок. Встречались и люди — они сидели на крылечках или разгуливали по

улицам, — но гораздо меньше, чем на правительственной площади.

Наконец показалось широкое бетонное шоссе. Машин немного, но шоссе шире любого на Спарте. Оно напомнило Лисандру рассказ на видиске о хайвеях, которые пересекают все Калифорнийское побережье на Земле. По центру шоссе проходила монорельсовая дорога на массивных бетонных опорах.

Мимо них — занятный контраст — по пустой улице шла лошадь, запряженная в фургон. Бородатый кучер был одет в черное, на голове черная шляпа. Проезжая мимо, он весело помахал рукой.

Они прошли под шоссе по пешеходному туннелю, где отвратительно пахло мочой. Туннель был пуст, так же как и свободное пространство за ним.

За шоссе еще квартал тянулись оштукатуренные дома, которые уступили место путанице деревянных сараев. Здесь не было ничего аккуратного, ничто не содержалось тщательно и заботливо. На углу улицы гнила выброшенная мебель. Сады, скорее похожие на джунгли, чем на что-то сознательно посаженное и спланированное, усыпаны мусором и отбросами.

— Похоже на Майнтаун, только здесь сыро, — сказал Харв.

— Что-то в этом роде, — согласился Лисандр. Только до Майнтауна от правительственной площади пешком не дойдешь, и правительство Спарты никогда, нигде на планете не допустило бы такую антисанитарию. — Нам лучше...

К ним направлялись три молодых человека, и повернувшись в сторону пешеходного туннеля, Лисандр увидел еще двоих. Все пятеро надменно приближались к ним.

— Неприятности, принц, — сказал Харв. Он улыбался.

Лисандр осмотрел приближающихся, отыскивая оружие. Ни у кого нет ни пиджака, ни куртки, а шорты и футболки плотно обтягивают тело, не позволяя что-нибудь спрятать. С собой у них только кусок цепи и пара ножей. Под пиджаком у Лисандра удобно устроился в кобуре «вальтер», но он не стал его доставать.

— Может, просто хотят узнать время.

— Конечно, принц.

Пятеро приблизились.

— Принц? — переспросил один из них. — Что за принц?

— Джимми, может, и правда, — заныл другой. — Может, нам...

— Заткнись, Марио. Эй, принц, а деньги у тебя есть? Нам пригодились бы пять кредитов.

Они были ненамного моложе Лисандра и Харви. «Поместить их за пределами столицы Спарты, и никто бы на них не обратил внимания, — подумал Лисандр. — Одеты чуть неряшливо, но ничего особенного в них нет».

— А что вы сделаете, чтобы заработать эти деньги? — спросил Лисандр.

Харв рассмеялся.

Один из пятерых захихикал. Джимми, вожак, сказал:

— А это плохое место, знаете? Вы заблудились, верно? Ну вот что: мы поможем вам отсюда выбраться. Десять кредитов. Больше нам не нужно. Десять.

— Спасибо, но я знаю, как отсюда выйти, — ответил Лисандр.

— Пусть будет по-твоему...

У Харва было предостаточно времени. Он ударил, когда вожак банды еще не кончил говорить. Краем ладони рубанул его под нос, отчего тот отшатнулся, а согнутыми пальцами другой руки ударил в живот. Ногой Харв пнул Джимми в колено, и тот рухнул, как подстреленный. Прежде чем он успел удариться о землю, Харв расслабился и стоял так, словно и не двигался.

— Боже! — Один из двух подошедших сзади потянулся к Лисандру. Но тут же отдернул руку, и та бесполезно повисла, а юноша изумленно воззрился на алую кровь, текущую от локтя к запястью. Харв сразу переложил нож в левую руку. Он по-прежнему не произнес ни слова, но улыбка его становилась все шире.

— Да кто вы такие? — Тот, кого вожак назвал Марио, попятился. — Кто? — Он посмотрел на остальных. — Парни, может...

— Может, вы допустили ошибку, — сказал Лисандр. — Пожалуйста, оставьте нас в покое.

Третий, видимо, считал, что владеет боевыми искусствами. Он пнул Харва и взмахнул трехфутовой цепью. Лисандр

отступил, увернувшись от цепи. Харв двинулся вслед за ней и оказался рядом с парнем. Его правая рука двинулась снизу вверх, а левая нога приземлилась на подъеме ноги парня. Тот со стоном упал.

— Пожалуйста, — сказал Лисандр.

— Да, конечно, приятель, конечно, — ответил Марио. Он помог третьему встать.

Все они повернулись и ушли, стараясь не бежать и не оглядываться на упавшего вожака. Харв казался разочарованным.

Губернатору Карлтону Блейну было чуть больше сорока стандартных лет. Дядя Лисандра говорил, что Блейн сумасшедший: у его семьи такие связи, что он мог бы получить любой пост, а он выбрал Танит. Все остальные губернаторы тюремной планеты оказывались здесь потому, что проигрывали схватку за власть.

Он вышел к гостям в полдень. Встреча происходила в зале для приемов, отделанном какой-то экзотической древесиной, возможно, привезенной с Земли, хотя Лисандр был уверен, что это не так. Таниту такая роскошь не по карману. Лисандр незаметно притронулся к стене: на ощупь похоже на дерево, но такое ощущение вызывают многие пластики.

Блейн был заметно выше 180-и сантиметров Лисандра; он более худой. Рыжеватые волосы словно расчесаны пальцами. На левом кармане легкого пиджака герб СоВладения. Рукопожатие крепкое.

— Рад познакомиться, принц Лисандр. Налогоплательщик Миддлтон.

— Спасибо.

— Я гражданин, — гордо сказал Харв.

— О. Ваше высочество, нам сообщили, что визит неофициальный.

— Да. Вполне.

Блейн кивнул.

— Я также получил письмо от председателя совета директоров «Ледерле» с просьбой оказать вам содействие. Конечно,

мы это сделаем. Чем можем быть полезны? — Блейн повел их в свой кабинет.

— Возможно, кто-нибудь покажет гражданину Миддлтону дворец и угостит его выпивкой.

Блейн приподнял бровь, потом повернулся к секретарше:

— Энн, попросите мистера Кима зайти и отвести друга принца Лисандра в клуб. Спасибо. — И он первым зашел в свой кабинет.

Стены кабинета отделаны такими же панелями, как и приемная. Стол намного роскошней — из экзотической древесины, с полосками полированного камня. Он господствовал в комнате, и не спросить о нем было невозможно.

— Очень красиво, — сказал Лисандр. — Никогда ничего подобного не видел.

Блейн широко улыбнулся.

— Спасибо. Исключительно местные материалы. Змеиное дерево и серый хоулит. Конечно, электронная начинка изготовлена на Земле, на «Виасин». Пройдет немало лет, прежде чем мы сможем делать что-то подобное. Выпьете что-нибудь?

— Спасибо.

— У нас превосходный ликер и ром со вкусом танитского плода страсти, но, наверно, еще слишком рано для такого сладкого. Может, танитский виски?

— Спасибо. — Лисандр осторожно отхлебнул темный напиток. — Очень неплохо.

— Рад, что вам нравится. Немного похож на шотландский, только покрепче. Некоторые считают его слишком крепким.

— Спартанский виски — потомок ирландского, — сказал Лисандр. — Мы считаем его лучше самого лучшего земного. У нас мастер родом из Корка...

— Та же самая история и у нас, — заметил Блейн. — Все семейство из окрестностей Инверари. Не знаю, чем они так рассердили Бюро Переселения, но их прислали сюда — Танит выиграл, а Земля проиграла. Один из моих предшественников поручил им изготовление виски. Итак. Полагаю, ваш первый день на Таните прошел приятно?

— Он начался достаточно приятно... я могу вас расспросить о местных обычаях?

— Прошу вас.

— В моем номере была девушка...

— Блондинка или рыжая?

— Рыжая.

— Это Урсула Гордон. Умная девушка. Я полагаю, что, когда вы сказали, что день начался приятно...

— Но что она там делает?

— Прошу прощения?

— Не молода ли она для проститутки?

Блейн выглядел смущенным.

— Ну, у нее нет выбора.

— Я так и думал. У нас на Спарте нет рабства.

— Да, а на Таните есть. Как раз то, что я пытаюсь отменить. Но требуется больше времени, чем вам может показаться.

— Да, у нас такой же опыт: все требует большего времени и стоит дороже. Но рабство? Разве его нельзя отменить?

— Это не рабство. Не в строгом смысле слова. Контракт, — ответил Блейн. — Дети осужденных обязаны заключить контракт с владельцем контракта их матери. Идея в том, что поскольку владелец должен заботиться о воспитании и образовании ребенка, он должен что-то за это получать. «Хилтон» выкупил ее контракт, когда она была совсем юной, и заплатил за ее обучение. И теперь владельцы ждут от нее определенной выгоды. Отвратительная практика, и в будущем я обязательно положу ей конец. К несчастью, я ничего не могу сделать с прошлым. Пытался. Арбитражный судья СоВладения поддержал контракт. — Блейн говорил слишком быстро. Подошел к бару и снова принес бутылку. — Налить вам еще?

— Спасибо... и долго ей еще работать по контракту?

— Пока ей не исполнится девятнадцать земных лет. На Таните год длиннее. Дни немного короче, но мы считаем 365 танитских дней за земной год. Слишком сложно отмерять часы. — Блейн поработал клавишами консоли на столе. — Она будет свободна через 209 местных дней.

— Что она тогда будет делать? — спросил Лисандр.

Блейн глубоко вздохнул.

— Если повезет, продолжит работать в «Хилтоне».

— И это лучшее, чем она может заняться?

— Полагаю, это зависит от того, сколько у нее появится друзей. Или появилось. Это жестокая планета, ваше высочество. — Губернатор прошел за свой стол. — Вы сказали, что день начался приятно. Потом возникли проблемы?

— Да, пожалуй. — Лисандр рассказал Блейну о пяти молодых людях, которые пытались их ограбить.

— Они убежали. Их вожаку, в общем-то, повезло. Харв только сломал ему нос. Может, еще и ногу, но я так не думаю. Я подумал, что надо бы сообщить в полицию, но не увидел ни одного полицейского...

Улыбка исчезла с лица Блейна.

— Теоретически вы, конечно, должны были сообщить, но на практике никто этого не делает. Я бы на вашем месте в будущем держался подальше от этого района...

— Мы так и поступим.

— Но вы сказали, что были среди оштукатуренных домов. И не заходили в район трущоб?

— Нет.

— Понятно. Прошу прощения. — Блейн нажал кнопку на столе. — Энн, пожалуйста, попросите начальника полиции отправить взвод в район трущоб и задержать обычных подозреваемых. Пусть распространят сведения, что Джимми и Марио заварили кашу.

— Не нужно, — возразил Лисандр.

— Нет, нужно, — ответил Блейн. — Мы не можем везде разместить полицию, но не можем и допустить, чтобы на туристов нападали в тех районах, где они должны быть в безопасности. — Он вздохнул. — Я развесил у входа в туннель Бронсона предупредительные надписи, но люди с той стороны сорвали их. Не могу их винить. Сам бы не хотел жить в покинутом районе.

— У нас на Спарте нет покинутых районов. Пока нет.

— Я понял, что ваш парень — очень опытный телохранитель.

— Строго говоря, он не телохранитель. Сомневаюсь, чтобы у вас на Таните было что-нибудь похожее на фратрии.

— На фратрии?

— Братства. Каждый потенциальный гражданин Спарты с рождения относится к одной из фратрий. Мы стараемся сме-

шивать социальные прослойки и классы. Это немного трудно объяснить — в нашей фратрии мы все братья. Харв — мой сопровождающий, и мне жаль всякого, кто попытается причинить мне вред, но он мой брат и полноправный гражданин, а не телохранитель. Кстати, «гражданин» на Спарте — почетный титул. У нас нет «налогоплательщиков».

— О. Конечно. А теперь, ваше высочество, чем еще могу быть вам полезен?

— Мне нужно увидеться с полковником Фалькенбергом.

— Хороший человек. Обычно это сделать достаточно легко, но как раз сейчас я просил его подавить последнюю пиратскую шайку. У него есть немало и другой работы.

— Это очень важно.

Блейн наклонил голову на бок.

— Не сомневаюсь. Я сам кое-что слышал. Ничего не хотите мне рассказать? — Когда Лисандр не ответил, Блейн кивнул. — Хорошо. Послушайте, я сделаю, что смогу, но может потребоваться какое-то время. А пока у нас на следующей неделе небольшой прием, ничего особенного, все очень неформально. Фалькенберг тоже приглашен и обязательно будет, если его не отвлекут дела этого Свободного государства. Если хотите, приведите с собой мисс Гордон.

— А это уместно на обеде в доме губернатора?

— Да... Ну, на самом деле нет. Но я бы хотел это изменить. И вы можете мне помочь. С вами никто не будет невежлив. Или с вашей гостьей.

— Отец велел мне не вмешиваться в дела других государств.

— Хороший совет, — сказал Блейн.

— Но, конечно, в этом нет никакого вреда. Приду с радостью. С молодой леди...

— Спасибо. Ваше высочество, я убежден, что будущее этой планеты зависит от осужденных и вынужденных колонистов. Некоторые из первопоселенцев, плантаторы и фармацевты, это понимают. Но многие не понимают и держатся за бессмысленные аристократические привилегии.

— У нас похожие проблемы, — сказал Лисандр. — Конечно, нам помогает... многие осужденные, которых присылают на Спарту, подкупили кого-то, чтобы оказаться у нас.

— То есть вы получаете лучших из осужденных. — Блейн улыбнулся. — Здесь тоже такое бывает, но, конечно, в меньших масштабах. Тем не менее платят и за то, чтобы оказаться здесь, а не на планете Фулсона. И время от времени к нам попадают очень умные люди.

III
Годом ранее...

Ярко-синее калифорнийское небо нависало над восемью тысячами молодых тел, бешено извивающихся в такт электронной музыке. Одни танцевали, другие лежали на спине в траве и пили или курили. Никто не мог игнорировать музыку, хотя почти никто сознательно не воспринимал носовой тенор: он был недостаточно силен, чтобы перекрыть дикие взвизги теремина или звяканье десятка гитар со стальными струнами. На серой деревянной платформе, воздвигнутой посреди готических, постройки двадцатого века, зданий Лос-анджелесского университета ждали своей очереди другие музыкальные группы.

Некоторым музыкантам так не терпелось начать, что они играли на своих инструментах. Никакого звука это не производило, потому что усилители были выключены, зато позволяло музыкантам включаться в бешеный ритм праздника на лужайке кампуса.

Концерт — прекрасное развлечение. К студентам в парке колледжа присоединялись горожане из ближайшего Благотворительного острова. Предприимчивые продавцы предлагали выпивку, травку и борлой. Грузовики подвозили еду. «Дочери Лилит» исполняли оригинальную музыку, затем пришла очередь «Слизи», затем должны были выступать другие известные группы. Толпу окутывала атмосфера мира и дружбы...

— Люмпен-пролетариат. — Говорила молодая женщина. Она стояла у окна, выходившего на лужайку кампуса и на дикую картину внизу. — Люмпены, — повторила она.

— А, это болтовня большевиков. Коммунизм — не выход. Только посмотри на Совмир...

— Революция предана! Предана! — сказала девушка. Она посмотрела на того, кто с ней спорил. — Не будет мира и свободы, пока...

— Прекратите. — Председатель собрания ударил кулаком по столу. — У нас много работы. Не время для идеологических споров.

— Без правильной революционной теории ничего достичь не удастся. — Это произнес бородач в кожаной куртке. Он посмотрел на председателя, потом на остальных присутствующих. — Вначале нужно правильно понять проблему. Тогда мы сможем действовать!

Председатель снова стукнул кулаком, но тут заговорил кто-то еще.

— Дела, а не слова. Мы пришли сюда, чтобы спланировать наши действия. О чем речь? Вы, проклятые теоретики, меня раздражаете. Нам нужны действия. Подполье сделало для Движения больше, чем вы за все время...

— Вздор. — Мужчина в кожаной куртке презрительно фыркнул. Потом встал. У него был громкий голос. — Ну, хорошо, вы действуете. Выводите на три дня из строя всю транспортную систему Л.-А. Очень умно. И чего вы достигли? Запугали налогоплательщиков, и те позволили поднять плату копам. Вы покончили с забастовкой легавых, вот чего вы добились!

Все заговорили одновременно, председатель пытался вмешаться, но человек в коже продолжал:

— Вы начали пищевые мятежи в районах граждан. Большое дело! Важен лишь результат, а вашим результатом стала морская пехота СоВладения! Вы привели сюда морскую пехоту, вот что вы сделали!

— Верно! Мы показали истинное лицо режима! Революция не грянет, пока люди не поймут...

— Революция, вздор! Вбейте в головы: технология — единственное, что может нас спасти. Высвободите технологию, освободите ученых, и мы...

Его голос заглушили крики остальных. Все говорили одновременно.

Марк Фуллер сидел за студенческой партой и упивался происходящим. Дикой музыкой снаружи. Разговорами о рево-

люции. Планами действий — действий, после которых что-то произойдет, действий, которые заставят истеблишмент заметить их; все это так для него ново, и он здесь, в этой комнате, в самом центре истинной власти в университете. «Боже, как мне это нравится! — думал он. — У меня раньше никогда не было власти. Даже над собственной жизнью. А теперь я могу им всем показать!»

Таким живым он не чувствовал себя еще никогда за все двадцать лет жизни. Посмотрел на сидевшую рядом девушку и улыбнулся. Та улыбнулась в ответ и потрепала Марка по ноге. В промежности возникло напряжение, ставшее почти непереносимым. Он помнил вчерашний день и представлял себе завтрашний. Тихий мир округа налогоплательщиков, где он вырос, казался невероятно далеким.

Остальные продолжали спорить. Марк пытался слушать, но мысли его постоянно устремлялись к Ширли, к теплу ее руки у него на бедре, к выпуклостям под ее свитером, к воспоминаниям о том, как она впивалась пятками ему в спину, к ее крикам страсти. Он знал, что должен внимательнее слушать обсуждение. На самом деле ему не место в этой комнате. Если бы его не привела Ширли, он вообще не знал бы об этой встрече.

«Но я заслужу место здесь, — думал он. — Я буду здесь по праву. Власть. Вот что они такое, и я научусь быть частью этой власти».

Технократ в кожанке заговорил снова:

— Вы видите слишком много дьяволов, — сказал он. — Сгоните с закорок ученых людей из разведки СоВладения, и через двадцать лет вся Земля превратится в рай. Вся, а не одни только округа налогоплательщиков.

— Паразит-отравитель! Чего ты хочешь? Возвращения к смогу? К нефтяным пятнам, к мертвой рыбе, к уничтоженным животным...

— Вздор! Технология может вывести нас...

— Она прежде всего и создала проблему!

— Потому что мы зашли недостаточно далеко! Со времен проклятого космического двигателя не появилось ни одной новой научной идеи. Вы так гордитесь тем, что нет загрязнения среды. Здесь нет, это верно. Но не потому, что мы

научились ее сохранять, а потому, что людей отправляют в преисподнюю типа Танита, потому что их сортируют, потому что...

— Он прав. Люди умирают от голода, пока мы...

— Чертовски прав! Свобода мысли, свобода думать, свобода планировать, исследовать, публиковать без цензуры результаты — вот что способно освободить мир.

Споры продолжались, пока председатель не утомился. Он снова заколотил кулаком.

— Мы здесь для того, чтобы сделать что-нибудь, — сказал он, — а не решить все проблемы мира за один день. Так мы договорились.

Шум постепенно стих, и председатель многозначительно заговорил:

— Это наш шанс. Мирная демонстрация силы. Мы должны показать им, что думаем об их проклятых правилах и карточках статуса. Но мы должны быть осторожны. Положение не должно выходить из-под контроля.

Марк лежал на траве в десятке метров от платформы. Он нежился под калифорнийским солнцем, а Ширли гладила ему спину. Все его чувства были на взводе. Колледж оказался таким, как он и воображал. Мальчишки в дорогих частных школах, куда посылал его отец, шептались о фестивалях, демонстрациях и стычках, но это не было реальностью. А теперь стало. Раньше он почти не встречался с гражданами, теперь они повсюду вокруг него. На них благотворительная одежда, и говорят они на странных диалектах, которые Марк понимает лишь наполовину. Все: и граждане, и студенты — дергаются в такт музыке, накатывающейся на них.

Отец Марка хотел отправить его в колледж в округе налогоплательщиков, но не хватило денег. Марк мог бы получить стипендию, но не получил. Он говорил себе, что сделал это нарочно. Конкуренция — не метод жизни. Два его лучших друга по средней школе отказались участвовать в этих тараканьих бегах. Впрочем, ни один из них сюда не попал: у них было достаточно денег, чтобы учиться в Принстоне или Йеле.

Появлялось все больше граждан. Предполагалось, что на фестиваль попадают только по билетам, а главное, что граждане не имеют права приходить в кампус, но студенческие группы раскрыли ворота и снесли ограждения. Все было заранее спланировано, на встрече. И теперь помещение охраны у ворот пылает, и все, кто живет поблизости, могу войти.

Ширли была в экстазе.

— Ты только посмотри на них! — кричала она. — Так и должно быть! Граждане должны иметь право идти, куда захотят. Равенство навсегда!

Марк улыбался. Все это так ново для него. Раньше он не задумывался о делении на граждан и налогоплательщиков и принимал свои привилегии, даже не замечая их. Он многое узнал от Ширли и своих новых друзей, но еще очень многого не знает. «Но я все узнаю, — думал он. — Мы знаем, что делаем. Мы можем сделать мир лучше — можем все! Пора этим глупым старым ублюдкам подвинуться и впустить свежие идеи».

Ширли передала ему трубку с борлоем. Еще одно новшество — это привычка граждан, и отец Марка ее презирал. Теперь Марк не понимал почему. Он глубоко затянулся, наслаждаясь ощущением довольства, которое приносил дым. Потом потянулся к Ширли и окунулся в теплую ванну ее заботы и любви, зная, что она так же счастлива, как и он.

Она нежно улыбнулась ему, продолжая держать руку на его бедре, и они задергались в такт музыке, улыбаясь в предвкушении того, чем закончится день. Снова появилась трубка, и Марк с готовностью взял ее.

— Легавые! Легавые идут! — послышался крик с края толпы.

Ширли повернулась к своим последователям.

— Оставайтесь на месте. Не провоцируйте ублюдков. Ничего не делайте, просто сидите.

Послышался одобрительный гомон. Марк чувствовал, как его охватывает возбуждение. Вот оно. И он среди предводителей; даже если его статус связан лишь с тем, что он парень Ширли, все равно он среди вожаков, один из тех, кто заставляет других действовать...

Полиция пыталась прорваться сквозь толпу, чтобы прекратить праздник. С полицейскими был президент университета, он что-то кричал, но Марк не разбирал слов. На краю лужайки появился дым.

Горит какое-то здание? Но это бессмыслица. Никакого огня не должно быть, никаких погромов не будет; просто, не обращая внимания на полицейских и администрацию университета, покажи им, что граждане и студенты могут мирно смешиваться; покажи, как глупы эти проклятые правила и как бесполезно...

Да, что-то горело. Может, не одно здание. Полицейские и пожарные пытались пробиться через толпу. Кто-то ударил полицейского, и тот упал. Десяток его товарищей обрушился на толпу. Поднимались и опускались полицейские дубинки.

Мирный сон рассеялся. Марк смотрел в недоумении: «Где-то кричит человек, где он? В горящем здании?» Группа начала скандировать: «Равенство сейчас! Равенство сейчас!»

Другая группа воздвигала посреди лужайки баррикаду.

— Они не должны этого делать! — крикнул Марк. Ширли улыбнулась ему. Глаза ее возбужденно горели. Появлялось все больше полицейских, одна группа направилась к Марку. Полетели камни, и полицейские подняли алюминиевые щиты. Они приближались. Один из полицейских поднял дубинку.

Он собирается ударить Ширли! Марк перехватил дубинку и отвел удар. Вокруг теснились граждане и студенты. Некоторые бросались на полицейских. Рослый мужчина, хорошо одетый и слишком старый, чтобы быть студентом, ударил передового полицейского. Тот упал.

Марк потащил Ширли в сторону: в схватку вмешались десяток поджигателей в кожаной одежде. Поджигатели займутся полицейскими, но Марк не хотел на это смотреть. Парни в школе презрительно говорили о легавых, но те полицейские, с которыми сталкивался Марк, всегда были вежливы и почтительны; а эти ужасны и...

В голове у него все смешалось. Только что он лежал в объятиях Ширли, слушал музыку, и все было замечательно. А теперь полиция, и крик: «Убей копа!», и пожары. Повсюду поджигатели. На встрече их не было. Большинство их разы-

скивает полиция. Они прислали своего представителя на встречу и согласились, что демонстрация будет мирной...

С крыши горящего здания спрыгнул человек. Внизу некому было подхватить его, и он растянулся на ступенях, как сломанная кукла. Изо рта лилась кровь, ярко-алая полоска на розовых мраморных ступенях. Над другим зданием к небу тоже поднялось пламя. Появилось еще много полицейских, они начали окружать толпу заграждениями.

Из военной машины появился штатский, его яркая одежда контрастировала с тусклой синевой полицейских мундиров. Полицейские с поднятыми щитами окружили его. Штатский закричал в громкоговоритель:

— Зачитываю закон 1998 года с поправками. При возникновении толпы, которая представляет опасность для общественной и частной собственности и для жизни граждан и налогоплательщиков, законные представители власти имеют право приказать толпе разойтись и предупредить, что неповиновение этому приказу будет рассматриваться как мятеж. Представители власти должны дать достаточно времени...

Марк знал этот закон. Он участвовал в его обсуждении в школе. Пора убираться отсюда. У местного мэра вскоре будет достаточно полномочий, чтобы покончить с этой дикой сценой. Он может даже вызвать военных — американских или из СоВладения. Теперь ограждения стояли по обе стороны от толпы, но полицейские еще не преградили доступ в здания. Впереди дверь, и Марк потянул к ней Ширли.

— Пошли!

Но Ширли не пошла с ним. Она вызывающе стояла, безумно улыбаясь, грозила кулаком полицейским, выкрикивала проклятия. Потом повернулась к Марку:

— Если струсил, убирайся, малыш. Проваливай.

Кто-то передал по кругу бутылку. Ширли отпила из нее и протянула Марку. Он поднес бутылку к губам, но пить не стал. В голове шумело, он чувствовал страх. «Нужно бежать, — думал он. — Бежать, как от огня». Мэр кончил зачитывать закон...

— Равенство сейчас! Равенство сейчас! — Крики действовали заразительно. Теперь кричала половина толпы.

Полиция бесстрастно ждала. Время от времени офицер поглядывал на часы. Потом кивнул, и полицейские двинулись вперед. Четыре техника взяли шланги и принялись направлять струи пены из машин поверх голов приближающихся полицейских. Липкая жидкость брызгами падала вокруг Марка.

Марк упал. Он попытался встать, но не смог. Все вокруг падали. Все, чего касалась жидкость, становилось скользким, и никто не мог устоять. Но на полицию жидкость не действовала.

«Мгновенная банановая кожура», — подумал Марк. Он видел на триви, как ее используют. Когда ее показывали по триви, все смеялись. Но теперь это совсем не казалось забавным. Несколько попыток показали Марку, что уйти он не сможет; он едва мог ползти. Полицейские быстро приближались. Об их щиты ударялись камни и бутылки.

Поджигатели в черных одеждах доставали из карманов флакончики спрея. Побрызгав на подошвы и ладони, они вставали. И стали уходить сквозь беспомощную толпу, подальше от полиции, к пустому зданию...

Цепь полицейских достигла группы Марка. Копы помахивали дубинками. Они разговаривали негромко, слишком тихо, чтобы услышать издалека.

— Время, — сказал один из них.

— Да, теперь наша очередь, — согласился его товарищ.

— Кто-нибудь заявляет о статусе налогоплательщика? — Полицейский холодно разглядывал группу. — Говорите.

— Да. Здесь. — Один парень попытался встать. Снова упал, но протянул свою идентификационную карточку.

— И здесь. — Марк попытался достать свою.

— Штрейкбрехер! — закричала Ширли. Она набросилась на парня. — Лицемер! Свинья! Доносчик! — Остальные тоже кричали. Марк увидел полный ненависти взгляд Ширли и снова сунул карточку в карман. Для этого будет время позже.

Два полицейских схватили его. Один поднял его за ноги, другой за плечи. И отнесли на тротуар. Подняли, и тот, что держал за плечи, выпустил их. Последнее, что запомнил Марк, когда головой ударился о тротуар, был издевательский смех полицейских.

* * *

Пристав выглядел гротескно, с усами, как у Уайатта Эрпа,* и с большим животом, перевешивавшимся через пояс. Скучающим голосом он прочитал:

— Дело 457-984. Народ против Марка Фуллера. Мятеж, агрессивное нападение, сопротивление при аресте.

Судья сверху вниз глянул со своего места.

— Признаете ли вы свою вину?

— Признаем, ваша честь, — ответил защитник Марка. Зовут его Зоуэр, и он берет не очень много. На более дорогого адвоката у отца Марка не было денег.

«Но я не виновен, — подумал Марк. — Не виновен». Однако, когда он сказал об этом адвокату, тот презрительно ответил:

— Помалкивай. Или будет хуже. Мне и так с трудом удалось добиться снятия обвинения в заговоре. Просто постарайся выглядеть невиновным и ничего не говори.

Судья кивнул.

— Можете что-нибудь сказать в его оправдание?

Зоуэр положил руку на плечо Марку.

— Мой клиент отдает себя на милость суда, — сказал он. — Марк раньше никогда не попадал в неприятности. Он действовал под влиянием дурной компании и опьянения. У него не было намерения совершить преступление. Просто недостаточно рассудительности.

На судью это не произвело впечатления.

— Что говорит народ?

— Ваша честь, — начал обвинитель, — народ устал от студенческих волнений. Это не шалости молодых налогоплательщиков. Это сознательный мятеж, заранее спланированный.

У нас есть запись того, как этот хулиган ударил офицера полиции. Офицер получил три перелома, разрыв почки и другие повреждения. Удивительно, что он вообще выжил. Мы можем также доказать, что после объявления мэра обви-

---

* Уайатт Эрп — легендарная личность эпохи освоения Фронтира, картежник и авантюрист. Одно время был маршалом — помощником судебного исполнителя. — *Прим. перев.*

няемый не пытался уйти. Если защита опровергает этот факт...

— Нет, нет, — торопливо заговорил Зоуэр. — Мы признаем, ваша честь. — Он пробормотал про себя, так, чтобы слышал только Марк: — Нельзя допустить, чтобы они прокручивали запись. Вот тогда судья по-настоящему рассердится.

Зоуэр встал.

— Ваша честь, мы признаем дурное поведение Марка, но не забудьте, он был под влиянием наркотика. К тому же, в действительности он не бил полицейского, просто перехватил его дубинку. Марк был с новыми друзьями, которых знал не очень хорошо. Его отец уважаемый налогоплательщик, менеджер «Дженерал фудз» в Санта-Марии. Марк раньше никогда не подвергался аресту. Я уверен, он усвоил урок.

«А где Ширли, — подумал Марк. — Ее политик-отец каким-то образом устроил так, что ей даже не предъявили обвинение».

Судья кивнул. Зоуэр улыбнулся и прошептал Марку:

— Я хорошо подмазал его в кабинете. Получим условный срок.

— Мистер Фуллер, можете ли вы что-нибудь добавить? — спросил судья.

Марк встал. Он не знал, что сказать. «Умолять? Просить о милости? Попросить отсрочки? Нет». Марк с трудом перевел дыхание. «Я боюсь», — подумал он. И нервно направился к скамье свидетелей.

Лицо судьи неожиданно залило алой краской. Зал суда огласил дикий хохот. Еще один флакон красных чернил пролетел по залу и разбился на скамье присяжных. Марк, вконец утратив самообладание, истерически рассмеялся, услыхав крики зрителей.

— Равенство сейчас! — разорвали шум восемь голосов, звучащих в унисон. — Справедливость! Равенство! Судьи из граждан, а не из налогоплательщиков! Равенство сейчас! Равенство сейчас! Равенство сейчас! Вся власть партии Освобождения!

Последний выкрик подействовал как удар. Лицо судьи еще больше покраснело. Он в ярости встал. Толстый пристав и его помощники решительно продвигались через толпу. Двое

демонстрантов сбежали, но пристав был гораздо проворней, чем позволяла думать его тучная фигура. Немного погодя в суде снова стало тихо.

Судья стоял, чернила капали с его лица и одежды. Он не улыбался.

— Это вас позабавило? — спросил он.

— Нет, — ответил Марк. — Я тут ни при чем.

— Не поверю, что объявленная вне закона партия Освобождения вступится за того, кто не является ее членом. Марк Фуллер, вы признаны виновным в серьезном преступлении. Обычно мы отправляем сына налогоплательщика в исправительную школу, но вы и ваши друзья требуете равенства. Хорошо. Вы его получите.

Марк Фуллер, я приговариваю вас к трем годам принудительного труда. Поскольку вы нарушили верность Соединенным Штатам, приняв участие в мятеже, каковое участие подтверждается заявлением вашего защитника о том, что вы не попытались уйти после зачитывания закона, вы не имеете права на защиту со стороны Соединенных Штатов. Поэтому Соединенные Штаты отказываются от вас. Приказываю передать вас властям СоВладения, чтобы вы отработали свой срок там, где они сочтут нужным. — Молоток опустился. Но этот звук не показался громким.

IV

Низкое тяготение Лунной базы гораздо лучше бесконечного кошмара полета. Марк лежал на койке в таком узком пространстве, что провисающая при ускорении верхняя койка зажимала его. Корабль пропитался зловонием рвоты и перегара.

Теперь Марк стоял под ярким светом в пустой бетонной комнате. Бетон серо-зеленый — цвета лунного камня. Им не позволили посмотреть на поверхность, и только низкое тяготение свидетельствовало, что этот подвал не на Земле. Вместе с Фуллером под безжалостным светом флуоресцентных ламп стояли тысячи других осужденных. У большинства на лицах читались отупение или ужас. Немногие смотрели вызывающе, но держали свое мнение при себе.

Помещение охраняли полицейские с соническими станнерами в форме колоколов. Однако бесполезно пытаться отобрать у них оружие: у входа отряд морских пехотинцев СВ в сине-алых мундирах. Пехотинцы небрежно держат оружие, далеко не безвредное.

— Разделяй, — сказал сосед Марка. — Разделяй и властвуй.

Марк кивнул. Билл Халперн — единственный человек, которого Марк знает. Халперн — тот самый технократ, который выступал на собрании в кампусе.

— Разделяй и властвуй, — повторил Халперн. Заключенных разделяли по полу, расе и языку, так что вокруг Марка были только мужчины-североамериканцы или из какой-то другой англоязычной страны. — Чего мы ждем? — гадал Халперн. Ответа не было, и они стояли — казалось, много часов.

Наконец раскрылась дверь и вошла небольшая группа. Три нарядных флотских офицера СоВладения и гардемарин. Гарди не старше семнадцати, он моложе Марка. Через громкоговоритель он обратился к ожидавшим.

— Есть добровольцы во Флот?

Послышалось несколько выкриков, и кое-кто из заключенных выступил вперед.

— Предатели, — сказал Халперн.

Марк согласно кивнул. Отец Марка всегда говорил то же самое совсем по другому поводу. «Предатели! — громогласно говорил он. — Марионетки проклятых Советов. Однажды Флот захватит нашу страну и передаст ее Кремлю».

Учителя Марка в школе придерживались другого мнения: «Флот вообще не нужен. Так же, как и СВ. Люди больше не воюют, по крайней мере на Земле. Колониальные распри жителей Земли не интересуют. Военная служба, — говорили учителя Марку, — напрасная трата сил».

Новые друзья в колледже утверждали, что первоначальная цель СоВладения — дать Соединенным Штатам и Советам возможность угнетать все остальные страны. Потом Флот и морскую пехоту СВ стали использовать для поддержки марионеточных правительств. И СВ всего лишь часть механизма угнетения.

И все же — на триви Флот СВ выглядел великолепно. Он сражался с пиратами (только Марк знал, что на самом деле космических пиратов не существует) и восстанавливал порядок в колониях (но друзья в колледже говорили, что это не восстановление порядка, а угнетение свободных людей). Космонавты носят форму и исследуют новые планеты.

Гардемарин СВ прошел вдоль строя заключенных. Два старших офицера следовали за ним. Шли они гордо — даже презрительно. Заключенные для них вовсе не люди, а представители какой-то другой расы.

Заключенный недалеко от Марка вышел из строя.

— Пожалуйста, сэр.

Гардемарин остановился.

— Да?

— Вы меня не помните, мистер Блейн? Эйбл Спейсер Джонсон, сэр. Из подразделения мистера Лири на «Магоге».

Гардемарин кивнул со всей серьезностью семнадцатилетнего мальчишки, который получил важное поручение и осознает это.

— Я припоминаю вас, Джонсон.

— Позвольте мне вернуться, сэр. Я прослужил шесть лет без нарушений.

Гардемарин пробежался по клавишам переносной консоли.

— Пьянство и нарушение порядка, нападение на налогоплательщика, вооруженный грабеж. Принудительное переселение. Не удивляюсь, что вы предпочитаете Флот, Джонсон.

— Мне это совсем не нравится, сэр. Не следовало забирать плату за службу. Не надо было уходить из Флота, сэр. Не смог найти себе места среди гражданских, сэр. Видит Бог, я слишком много пил, но никогда не забывал об обязанностях, только гляньте в мои документы...

— Поцелуй гарди в задницу, ты, ноющий осел, — сказал Халперн.

Один из нарядных офицеров поднял голову.

— Разговоры в строю.

Он положил руку на дубинку и посмотрел на Халперна.

Гардемарин на минуту задумался.

— Хорошо, Джонсон. Начнете как новобранец. Вам еще придется заслужить нашивки.

— Да, сэр, конечно, сэр. — Джонсон прошел туда, где стояли новобранцы. С каждым шагом его походка и поведение менялись. Начал он угодливо согнувшись, а когда дошел до конца помещения, распрямился и шел гордо.

Гардемарин двинулся дальше вдоль строя. Вызвались добровольцами двадцать человек, но он отобрал только троих.

Час спустя в поисках новобранцев появился сержант морской пехоты СоВладения.

— Никаких мятежников и дегенератов! — сказал он. Отобрал шестерых молодых людей, осужденных за уличные разборки, поджоги, нанесение увечий, сопротивление при аресте, нападение на полицейских и различные другие правонарушения.

— Уличные банды, — сказал Халперн. — Вполне подходят для морской пехоты.

Наконец их отвели обратно в загон для осужденных и предоставили самим себе.

— Ты на самом деле ненавидишь СВ? — спросил Марк.

— Мне ненавистно то, что он делает.

Марк кивнул, но Халперн только усмехнулся.

— Ты ничего не знаешь, — сказал он. — Угнетение? Расстрелы мятежников? Конечно, все это СВ делает, но это не самое худшее. Это симптомы, а не причина. Все дело в их проклятой так называемой разведывательной службе. Подавление научных исследований. Цензура научных журналов. Они даже не делают вида, что продолжают фундаментальные исследования. Когда в последний раз у дипломированного физика возникла стоящая идея?

Марк пожал плечами. Он ничего не знает о физике.

Халперн улыбнулся. В его улыбке не было тепла. В голосе звучала горечь.

— Они говорят, что сохраняют мир. Что всего лишь не допускают возникновения нового оружия, новых военных технологий. Вздор! Они все остановили из страха, что кто-нибудь где-нибудь когда-нибудь...

— Заткнись! — Говорил рослый волосатый человек, большой живот которого нависал над поясом комбинезона. — Услышу еще раз это сучье нытье, разнесу твою хреновую голову.

— Эй, полегче, — ответил Халперн. — Мы здесь все заодно. Мы должны объединиться против классового врага...

Рука рослого взметнулась без всякого предупреждения. Он ударил Халперна по зубам. Халперн согнулся и упал. Головой он ударился о бетонный пол.

— Я тебе велел заткнуться. — Человек повернулся к Марку. — Хочешь что-то сказать?

Марк был в ужасе. «Я должен что-то сделать, — думал он. — Сказать что-нибудь. Все, что угодно». Он попытался заговорить, но не смог.

Рослый человек улыбнулся и пнул Халперна в бок.

— Я так и думал. Эй, да ты неплохо выглядишь, парень. Нам куковать в проклятом корабле без баб полгода. Хочешь ко мне в койку? Я о тебе позабочусь. Прослежу, чтобы тебя никто не обижал. Тебе понравится.

— Оставь парня в покое. — Марк не слышал, кто это сказал. — Я сказал, отвяжись от него.

— Кто там пасть разевает? — Волосатый мужик оттолкнул Марка к стене и повернулся к говорящему.

— Я.

«Новичок выглядит не очень внушительно», — подумал Марк. Лет сорока, стройный. Однако не худой. Мужчина стоял, сунув руки в карманы комбинезона.

— Оставь его в покое, Карпер.

Карпер улыбнулся, шагнул к новичку и попытался нанести удар. Но тот увернулся и ударил Карпера ногой в голову. Карпер отшатнулся, и в этот миг на него обрушились два новых удара; он ударился головой о стену. Тогда новичок приблизился и уверенно ударил Карпера по почкам. Рослый мужчина упал и покатился по полу.

— Пошли, парень, тут воняет. — Новичок улыбнулся Марку.

— Но мой приятель...

— Забудь о нем. — Он махнул рукой. В загон вошли пятеро охранников. Они подняли Халперна и Карпера и унесли их. Проходя мимо Марка и его нового знакомого, один из охранников подмигнул. — Видел? Может, еще увидишь своего друга, а может, нет. Они не любят тех, кто создает проблемы.

— Билл не создавал проблем! Это другой все начал! Это несправедливо!

— Парень, насчет справедливости тебе лучше забыть. Иначе конца твоим проблемам не будет. Есть покурить? — Он взял у Марка сигарету, взглянув на пачку. — Спасибо. Как тебя зовут?

— Марк Фуллер.

— А я Дуган. Зови меня Бифф.

— Спасибо, Бифф. Думаю, мне была нужна помощь.

— Еще бы. Черт, это было забавно. Да и Карпер все равно начинал действовать мне на нервы. Сколько тебе лет, парень?

— Двадцать.

А этому что нужно? Боже, неужели он тоже ищет товарища по койке?

— Ты не выглядишь на двадцать. Налогоплательщик, верно?

— Да... но откуда ты узнал?

— По тебе видно. И что делает здесь парень-налогоплательщик?

Марк рассказал.

— Это было несправедливо, — закончил он.

— Опять это слово. Ты учился в колледже? Читать умеешь?

— Ну, все умеют читать.

Дуган рассмеялся.

— Я не умею. Не очень хорошо. И готов биться об заклад, ты единственный во всем загоне, кто прочел целиком хоть одну книгу. Где научился?

— Ну... в школе. Может, немного дома.

Дуган старательно выпустил кольцо дыма. Оно повисло в воздухе между ними.

— Я ни разу не видел видиск, пока меня не загнали в школу, а там никого не заботило, смотрим мы на экран или нет. Мог бы кое-чему научиться, но... слушай, может, ты знаешь то, чего не знаю я. Хочешь держаться меня?

Марк подозрительно посмотрел на него. Дуган рассмеялся.

— Эй, я не содомитствую с мальчишками. Во всяком случае, для этого меня нужно долго держать взаперти. Но человеку нужен приятель, а ты своего потерял.

— Да. Хорошо. Хочешь еще сигарету?

— Лучше прибережем их. Они нам еще понадобятся.

Нарядный офицер открыл дверь загона.

— Классификация, — крикнул он. — Выходите через эту дверь.

— Надо идти побыстрее, — сказал Дуган. — Пошли.

Вслед за другими они прошли длинным коридором и опять оказались в большой комнате. В конце комнаты стояли столы, и за каждым сидел надзиратель. Постепенно Марк и Дуган дошли до одного из них.

Надзиратель едва взглянул на них. Они назвали свои имена, и он набрал их на клавиатуре, встроенной в стол. Принтер загудел, и из него выпали две бумажные полоски.

— Есть предпочтения? — спросил надзиратель.

— А каков выбор, приятель? — спросил в ответ Дуган.

— Я тебе не приятель, — усмехнулся надзиратель. — Танит, Спарта и планета Фулсона.

Дуган содрогнулся.

— Ну, мы, конечно, не хотим на планету Фулсона. — Он сунул руку в карман Марка, достал пачку сигарет и положил на стол. Сигареты исчезли в комбинезоне надзирателя.

— Значит, не Фулсон, — сказал надзиратель. — Да, я слышал, что на Спарте осужденных освобождают. — Он больше ничего не сказал, но выжидающе посмотрел на них.

Марк припомнил, что Спарта была основана группой интеллектуалов. Они проводили нечто вроде социального эксперимента. В отличие от Танита, где есть губернатор СоВладения, Спарта независима. Там гораздо больше шансов.

— Мы берем Спарту, — сказал Марк.

— Спарта очень популярна, — заметил надзиратель. Он еще немного подождал. — Жаль. — Написал на листках: «Танит» и протянул их. — Проходите дальше. — Нарядный офицер знаком велел им пройти в дверь за столом.

— Но мы хотим на Спарту, — возразил Марк.

— Убирайтесь отсюда, — сказал офицер. — Живее. — После чего стало поздно объясняться: они прошли в дверь.

— Жаль, что у нас не было нескольких кредитов, — сказал Дуган. — Однако мы откупились от Фулсона. Это уже кое-что.

— Но... у меня есть немного денег. Я не знал...

Дуган с любопытством взглянул на него.

— Парень, в этой твоей школе тебя немногому научили. Что ж, пошли, как-нибудь вывернемся. Но лучше я позабочусь о твоих деньгах.

Космический корабль СВ «Владивосток» устремился к орбите Юпитера. Тысячи людей набили в боевой корабль, переоборудованный для перевозки заключенных, и теперь они размещались в камерах, которые когда-то были каютами военных. Людей было больше, чем коек; приходилось спать по очереди.

Дуган занял место в углу. Спать в углу хотели многие, и два человека попытались оспорить этот выбор. После того как их унесли, больше желающих не нашлось. При помощи денег Марка Бифф организовал азартную игру недалеко от их коек и за несколько дней утроил капитал.

— Жаль, — сказал он. — Будь бы у нас эти деньги на Лунной базе, мы бы теперь летели на Спарту. Впрочем, мы купили себе доступ на этот корабль, а это уже кое-что. — Он улыбнулся, не услышав ответа Марка. — Эй, парень, могло быть гораздо хуже. Мы могли бы попасть в Бюро Переселения. Думаешь, флотский корабль — это плохо? Побывал бы на адских кораблях Бюро.

Марк не мог себе представить, что на кораблях Бюро может быть хуже, но проверять не хотелось. В новостях на Земле иногда передавали документальные фильмы о Бюро Переселения. В них всегда говорилось, что условия на кораблях трудные, но вполне выносимые. Говорилось и о славе тех, кто заселяет новые миры, вращающиеся меж звезд. Никакой славы Марк сейчас не ощущал.

Дома Зоуэр подал бы на апелляцию. Или по крайней мере взял бы с отца за нее деньги. «И что? — думал Марк. — Ничего бы из этого не вышло». Но что-то могло выйти! У Джейсона Фуллера было несколько влиятельных знакомых. Он мог бы потянуть кое за какие ниточки. И через год Марк мог бы оказаться дома...

Он знал, что все это неправда, но другой надежды у него не было. Он был глубоко несчастен, его мучило низкое тяготение, плохая еда, постоянная вонь других заключенных; все

это плохо, но хуже всего вода. Он знал, что она очищена, рециклирована. Воду на Земле тоже очищают, но там по крайней мере ты не знаешь, что ее уже использовали для мытья или промывания болячек соседа.

Иногда кто-нибудь из заключенных начинал носиться по камере, переворачивая койки, разбрасывая других заключенных, как спички; его уводила дюжина охранников. Никто из таких людей не возвращался.

Корабль достиг орбиты Юпитера и взял топливо у поджидавших его танкеров-заправщиков. Потом переместился в ничем не примечательную точку пространства, которая обозначала «прыжковую» точку Олдерсона. Взревели сигналы тревоги; все вокруг начало расплываться. Заключенные в смятении сидели на койках, не в силах двигаться или даже думать. Такое состояние сохранялось долго после мгновенного Прыжка. Корабль за одно мгновение покрыл световые годы; теперь предстояло пересечь еще один звездный гравитационный колодец, чтобы добраться до следующего пункта Прыжка.

Спустя две недели в камеру вошел нарядный офицер.

— Нужны два человека для уборки в помещениях экипажа. Накормят флотским обедом. Добровольцы?

— Конечно, — сказал Дуган. — Мы с приятелем. Кто-нибудь возражает?

Никто не возразил. Нарядный офицер улыбнулся.

— Похоже, все «за». — Он провел их по коридорам и пассажирским переходам в носовую часть корабля, где требовалось мыть переборки. Скучающий морской пехотинец наблюдал за работой.

— Мне казалось, ты говорил: никогда не вызывайся добровольцем, — сказал Марк Дугану.

— Хорошее общее правило. Но что еще нам было делать? Тут еда получше. Всегда пользуйся возможностью, если она не приведет тебя к худшему.

Обед оказался хорошим, а работа не тяжелой. Даже запах дезинфектантов казался облегчением, а после мытья полов и стен руки у них впервые после прибытия на корабль стали чистыми. В середине дня мимо прошел один из членов экипажа. Он остановился и несколько мгновений смотрел на них.

— Дуган! Бифф Дуган, клянусь Господом!

— Хорриган, ты, неряха! Когда записался?

— Ну, знаешь, как это бывает, Бифф, заниматься нашим делом стало невозможно, а что мне оставалось? Я вижу, тебя взяли...

— Вчистую. Сара меня выдала.

— Я тебе говорил, от этой бабы добра не жди. А кто твой приятель?

— Его зовут Марк. Студент. Эй, Губер, что ты можешь для меня сделать?

— Забавно, что ты спросил. Может, кое-что и смогу. Хочешь записаться?

— Дьявольщина, да меня не возьмут. Я уже сунулся на Луне. Слишком стар.

Хорриган кивнул.

— Верно, но группе Персера нужны люди. Один парень вчера спятил и убил двадцать человек. Новобранцев. Этот шут гороховый открыл шлюз, и его никто не остановил. Поэтому вы здесь моете. Слушай, Бифф, после того как вас высадят на Таните, мы отбудем на долгую патрульную службу. Может, я смогу тебя пристроить.

— Попытка не пытка. Марк, ты что-нибудь потерял на Таните?

— Нет. — Но я не хочу записываться во Флот СВ. А почему бы и нет? Он попытался повторить спокойный и равнодушный ответ товарища. — Хуже, чем здесь, быть не может.

— Верно, — сказал Хорриган. — Пойдем повидаемся с гарди Персера. Согласен, приятель? — спросил он у морского пехотинца.

Тот пожал плечами.

— Мне все равно.

Хорриган прошел вперед. Марку стало плохо от возбуждения. Неожиданно возможность выбраться из тюремной камеры стала самым важным делом в жизни.

Гардемарин Грещин не удивился, узнав, что двое заключенных готовы вступить во Флот. Несколько минут он их расспрашивал. Потом изучил данные Дугана на экране для чтения.

— Ты был в космосе и раньше. Но в твоих записях ничего нет...

— А я и не говорил, что не был.

— Ты дезертир?

— Нет, — сказал Дуган.

Грещин пожал плечами.

— Если ты дезертир, мы это узнаем. А если нет, все остальное неважно. Нам не хватает людей, и я не вижу причин, почему бы не взять тебя. Позову лейтенанта Бреслова.

Бреслов оказался на пятнадцать лет старше гардемарина. Он просмотрел документы Дугана. Потом поглядел на Марка.

— Дугана могу взять, — сказал он. — Тебя нет, Фуллер.

— О. — Марк повернулся, собираясь уходить.

— Минутку, парень. — Дуган посмотрел на офицера. — Спасибо, лейтенант, но мне, пожалуй, лучше остаться с приятелем...

— Не надо, — сказал Марк в приливе благодарности к старшему заключенному. Предложение Дугана казалось ему лучшим, что тот когда-либо для него сделал.

— Кто за тобой присмотрит? Тебе горло перережут.

— Может, и нет. Я многому научился.

Бреслов встал.

— Ваши дружеские чувства достойны восхищения, но вы тратите мое время. Записываешься?

— Да, он записывается, — сказал Марк. — Спасибо, лейтенант. — И вслед за морским пехотинцем-караульным вышел в коридор и продолжил свирепо тереть переборки, стараясь забыть свое горе и отчаяние. Все это так несправедливо!

V

Танит — жаркие парящие джунгли под вечным оранжево-серым облачным покровом. Тяготение слишком высоко, а влажность почти непереносима. У Марка не было возможности увидеть планету. Корабль приземлился ночью, и заключенных провели между высокими заборами в бетонное здание без окон. Здесь почти ничего не было — оно явно предназначалось лишь для временного пребывания.

В центре массивного здания находился квадратный внутренний двор. Какое облегчение пройтись после тесного корабля! Но вскоре после того как заключенным разрешили выйти во двор, яростный тропический дождь загнал их в здание тюрьмы. Даже в дождь атмосфера была насыщена испарениями. Тяготение Танита словно готово было раздавить прибывших.

На следующий день Марка прогнали через медицинские процедуры, прививки, идентификацию, бессмысленное классификационное интервью и психологические тесты. Заключенные переходили от одного задания к другому, потом стояли в длинных очередях или просто ждали. На четвертый день Марка из камеры провели в пустую комнату с деревянной мебелью. Охранники вышли. Ощущение одиночества было восхитительно.

Когда дверь открылась, Марк настороженно посмотрел на нее.

— Бифф!

— Привет, парень. Я тебе кое-что принес. — Дуган был одет в синий рабочий костюм Флота СВ. Он виновато оглядел ся. — Ты оставил это у меня, а я немного наварил. — Он протянул пачку денег СоВладения. — Бери. Я могу заработать больше, а ты не можешь. Похоже, мы очень скоро улетим, и...

— Все в порядке, — ответил Марк. Но все было далеко не в порядке. Он не понимал, как много значит для него эта дружба, пока не расстался с Дуганом; теперь же, видя синюю форму, зная, что Дуган покидает это ужасное место, Марк возненавидел своего прежнего приятеля. — Я справлюсь.

— Конечно, справишься! Брось плакаться на несправедливость и жди своего шанса. Послушай, ты совсем молод, и тебе все кажется вечностью, но... — Дуган замолчал и печально покачал головой. — Конечно, тебе нужен мой отцовский совет. Даже если ничего хорошего он не дает. Но все проходит, Марк. День проходит. Недели и месяцы тоже.

— Да. Конечно. — Они обменялись еще несколькими бессмысленными фразами, и Дуган ушел. «Теперь я совсем один», — подумал Марк. Мысль подействовала ошеломляю-

ще. Его преследовали слова, услышанные во время короткого пребывания в колледже. *Die Gedanken, Sie sind frei.*

Да. Конечно. Мысли человека всегда свободны, и никто не может поработить свободного человека, а самые прочные цепи и самые глубокие темницы не в силах удержать дух. Вздор. Я раб. Если я не стану делать то, что мне велят, меня будут мучить, пока я не послушаюсь. И я слишком их боюсь.

Но вспомнилось кое-что еще, более обнадеживающее. «У рабов нет прав, но нет и обязательств».

Вот это, клянусь Господом, подходит. Я никому ничего не должен. Никому здесь и никому из ублюдков на Земле. Я буду делать, что мне велят, находить самых сильных, а остальных насиловать.

Тюрьмы не было; вернее, вся планета представляла собой тюрьму. Как он и подозревал, главное тюремное здание СВ предназначалось только для классификации и распределения; здесь содержали заключенных, пока их не раскупали богатые плантаторы. Ходило множество слухов о том, куда можно попасть: фермы больших компаний управляются как фабрики, и говорят, некоторые заключенные здесь даже доживают до конца своего срока; промышленные предприятия — вблизи городов, которые считаются лучшим местом: как только получаешь статус расконвоированного, можешь бывать в городе; работа в городе лучшая из всех; а самый худший случай — одинокие плантации в джунглях, владельцы которых могут сделать с тобой что угодно и обычно делают.

Загон начал пустеть, заключенных отправляли по назначениям. Настала очередь Марка. Его провели в комнату для интервью и предложили сесть. Вторично за долгие месяцы он оказался в одиночестве и наслаждался этим ощущением. В соседней комнате послышались голоса.

— А почему вы не взяли его себе, *hein?*

— Слишком молод. У него нет причин быть верным СВ.

— Или мне.

— Или вам. И он слишком умен, чтобы стать тупым копом. Из него может получиться хороший управляющий. Губернатор заинтересовался им, Людвиг. Он следит за всеми, у

кого высокий IQ.* Слушайте, если возьмете его, я у вас в долгу. Прослежу, чтобы вы получали хороших работников.

— О'кей, *ja*. Только вспомните обо мне, когда попадется кто-нибудь с мускулами и совсем без мозгов, *hein?* О'кей, посмотрим на вашего гения.

«О ком они говорят, — подумал Марк. — Обо мне? По сравнению с остальными на корабле меня, наверно, можно назвать гением, но...»

Дверь открылась. Марк быстро встал. Охранникам такое поведение нравится.

— Фуллер, — сказал капитан. — Это герр Эфигвер. Ты будешь на него работать. Его ферма — настоящий сельский клуб.

Плантатор плотного телосложения, с тяжелыми челюстями. Он давно не брился, а его шорты и рубашка хаки в пятнах пота.

— Значит, ты новый осужденный, которого я беру на свою прекрасную ферму. — Он холодно разглядывал Марка. — Он подойдет, подойдет. О'кей, пошли, *ja*.

— Сразу? — спросил Марк.

— Сразу, *ja*, ты думаешь, я могу потратить целый день? Я должен торчать в Вискитауне, пока мой управляющий разрешает работникам обжираться и бездельничать? Давайте документы, капитан.

Капитан достал из папки стопку бумаг. Что-то написал внизу листа и протянул ручку Марку.

— Подпишись здесь.

Марк начал читать документ. Капитан рассмеялся:

— Подписывай, черт побери. Мы не будем ждать весь день.

Марк пожал плечами и подписался. Капитан протянул Эфигверу два экземпляра и показал на дверь. Они по коридорам прошли в караульное помещение. Плантатор отдал часовому один экземпляр документа, и дверь открылась.

Жара снаружи обрушилась на Марка, как физический удар. Внутри тоже было жарко, но толстые земляные стены защищали от худшего; теперь зной стал почти непереноси-

---

* Коэффициент интеллекта. — *Прим. перев.*

мым. Солнца не было, но облака были такие яркие, что болели глаза. Эфигвер надел темные очки. Потом они заглянули в магазин напротив тюрьмы, и плантатор купил Марку пару темных очков и шапку с защитным козырьком.

— Надевай, — приказал он. — Не то ослепнешь. Теперь пошли.

Они шли по шумным улицам под низким тускло-оранжевым небом — цвета вечного заката. На лбу Марка выступил пот, струйками потек под комбинезон. Он пожалел, что не в шортах. Почти все в городе ходят в шортах.

Они шагали мимо грязных магазинов и лотков уличных торговцев. На тротуарах выставлены товары, почти все грубого местного производства, или флотские припасы, украденные со складов СВ. Необычные животные тащили по улицам телеги, а машин не было вообще.

Пара лошадей забрызгала грязью Эфигвера. Толстый плантатор погрозил кулаком вознице. Тот не обратил на него внимания.

— У тебя были лошади? — спросил Эфигвер.

— Нет, — ответил Марк. — Не думал их здесь увидеть.

— Лошади производят лошадей. А тракторы нет, — сказал плантатор. — К тому же от лошадей и ослов рождаются мулы. А это лучше тракторов. Лучше проклятых стормандов. Стормандны не любят людей. — Он показал на одно из таких неприятных животных, этакий гибрид мула и лося, с широкими расплющенными лапами и печальной мордой, которая мгновенно становилась свирепой, стоило кому-нибудь приблизиться. Сторманд был привязан к стойке у одного из магазинов.

Людей оказалось больше, чем ожидал Марк. Они как будто делились на три класса. Одни работали в магазинах и за лотками и зазывно улыбались проходящему плантатору. Большинство таких было в белых парусиновых рубашках. Были и другие — в таких же рубашках и без них; эти целенаправленно шли по грязным улицам; наконец, были и такие, кто бродил бесцельно или сидел на углах улиц, тупо глядя в пространство.

— Чего они ждут? — спросил себя Марк. Он не собирался произносить это вслух, но Эфигвер услышал.

— Они ждут смерти, — сказал плантатор. — *Ja*, они надеются, что что-нибудь произойдет и они спасутся. Может, найдут что украсть и проживут еще неделю, месяц, может, год. Но они ждут смерти. И это белые! — С точки зрения Эфигвера, это как будто самое страшное преступление.

— Этого можно было бы ждать от черных, — продолжал плантатор. — Но нет, черные работают или уходят в джунгли и живут там — может, не как цивилизованные люди, но живут. Но не эти. Эти ждут смерти. День, когда кончился их срок, самый горький в их жизни.

— Еще бы, — сказал Марк, но на этот раз постарался, чтобы плантатор его не услышал. У небольшой открытой площади на скамьях сидела еще одна группа. Эти люди выглядели так, словно с самого утра, а может, и с предыдущего дня не пошевелились; когда оранжевое небо потемнеет, они по-прежнему будут здесь. Марк рукавом вытер лоб. Жара придавила Вискитаун, так что даже пошевелиться было трудно, но плантатор продолжал тащить Марка по улицам, его короткие ноги неутомимо двигались по протоптанным в грязи тропинкам.

— А что будет, если я убегу? — спросил Марк.

Эфигвер рассмеялся.

— Давай. Думаешь, тебя не поймают? Куда ты пойдешь? У тебя нет документов. Допустим, ты купишь себе документы, если у тебя есть деньги. Но когда тебя поймают, то отправят не на хорошую ферму, а в какую-нибудь страшную дыру. Беги, я за тобой гнаться не стану. Я слишком стар для этого и слишком толст.

Марк пожал плечами и пошел дальше. Он заметил, что, несмотря на свою беззаботность, толстяк ни разу не позволил ему оказаться сзади.

Они свернули за угол и оказались на большой пустой площадке. У ближайшего ее края стоял вертолет. Дальше виднелись и другие. Под зонтиком сидел человек в белой холщовой рубахе с ружьем в руках и смотрел на них. Эфигвер бросил ему несколько монет и забрался в ближайший вертолет.

Пристегнулся и подождал, пока Марк сделает то же самое. Потом заговорил в радиопередатчик.

— Метеослужба, Эфигвер 351. — Послушал, довольно кивнул и включил двигатель. Вертолет высоко поднялся над городом.

Вискитаун уродливо раскинулся на плато. Широкие улицы столицы Танита лежали за другим низким холмом. Оба холма поднимались непосредственно из джунглей. Вертолет набрал высоту, и Марк увидел, что плато представляет собой часть хребта на полуострове; море вокруг желтое с зелеными полосками. Здания по другую сторону холма выглядели чище и наряднее домов Вискитауна. В отдалении виднелась большая площадь, окруженная зданиями выше остальных.

— Дворец губернатора, — Эфигвер перекрикивал рев двигателя. — Там губернатор мечтает о новых путях, где честному плантатору ничего не заработать.

За городом из отвратительной зелени джунглей поднимались коричневые холмы. Долгие часы не было никаких изменений — джунгли справа и желто-зеленое море слева. Марк не видел никаких дорог, попалось всего несколько домов; все они стояли тесными группами — низкие приземистые здания на невысоких коричневых холмах.

— Вся планета покрыта джунглями? — спросил он.

— *Ja*, джунгли, болота, плохая земля. Люди могут жить на холмах. Ниже — зеленый ад. Звери Вима, черепахи-убийцы, крокодилы невероятного размера, и все бегают быстрее тебя. Никто здесь долго не живет.

«Превосходная тюрьма», — подумал Марк. Он смотрел на море. Там виднелись лодки. Эфигвер проследил за его взглядом и рассмеялся.

— Какие-то придурки пытаются заработать несколько кредитов рыбалкой. Может, не так уж и глупо: их убивают быстро, и налоговики ничего у них не отбирают. Слышал о чудовище Лох-Несса? По сравнению с теми, что у нас на Таните, земная несси кажется земляным червяком.

Они пролетели над новым скоплением домов. Эфигвер по радио поговорил с людьми внизу. Разговаривали они на языке, которого Марк не знал. *Не похоже на немецкий, но кто его знает?* Потом пролетели над очередной казавшейся бесконечной полоской джунглей. И наконец впереди опять показалась группа домов.

Плантация не отличалась от других, какие они видели. Несколько коричневых строений вокруг одного деревянного дома побольше на вершине холма. Вокруг на холмах пониже обработанные поля. По краям поля переходят в джунгли. На полях работают люди.

«Убежать отсюда будет легко, — подумал Марк. — Слишком легко. Должно быть, пытаться это сделать глупо, иначе были бы изгороди. Подожди, — подумал он. — Жди и учись. Я ничего не должен. Никому. Жди возможности...»

«...возможности для чего?» Он отогнал эту мысль.

Управляющий был высок и красив какой-то жестокой красотой. На нем грязные белые шорты и пробковый шлем, а на поясе пистолет.

— Присматривай за этим, *ja*, — сказал Эфигвер. — Один из любимчиков губернатора. Говорят, у него мозгов хватит, чтобы стать надсмотрщиком. Посмотрим. Марк Фуллер, три года.

— Да, сэр. Пошли, Марк Фуллер, три года.

Управляющий повернулся и пошел. Марк двинулся следом. Они миновали земляные здания и зашагали по морю грязи. Здания, покрытые каким-то пластиком, тускло светились.

— Тебе понадобятся сапоги, — сказал управляющий. — И новый комбинезон. Меня зовут Курт Морган. Будешь со мной ладить — заживешь хорошо. Перечишь мне — и ты в беде. Понял?

— Да, сэр.

— Не зови меня «сэр», если я сам не велю. Называй меня Курт. Если потребуется помощь, обращайся ко мне. Может, я смогу дать тебе хороший совет. Если мне это не будет стоить дорого, я так и сделаю. — Они дошли до прямоугольного одноэтажного здания, похожего на все остальные. — Здесь будешь спать.

Внутри оказалась длинная комната с местами на тридцать человек. Каждому полагались койка, шкафчик и свободное пространство два на три метра. После корабля все казалось роскошным. Изнутри стены покрывал тот же пластик, что и снаружи; он мешал насекомым поселиться в зем-

ляных стенах. Кое у кого над койками висели дешевые картинки: в основном фото красоток, но у одного — изображение Пресвятой Девы Гваделупской, а в одном углу — наброски углем: работающие мужчины и женщины и незаконченные картины маслом.

В комнате находилось с десяток мужчин. Некоторые лежали на койках. Один вышивал что-то сложное, а небольшая группа в глубине помещения играла в карты. Один из игроков, невысокий, похожий на хорька, прервал игру.

— Ваш новенький, — сказал Курт. — Марк Фуллер, три года. Фуллер, это староста вашей комнаты. Его зовут Льюис. Лью, помести парня подальше от этих тюремных паразитов.

— Конечно, Курт. — Льюис внимательно оглядел Марка. — Старый комбинезон Хосе подойдет. Комбинезон чистый.

— Хочешь? — спросил Курт. — Немного заработаешь.

Марк смотрел беспомощно.

Курт и Льюис рассмеялись.

— Лучше ты ему объясни, Лью, — сказал Курт Морган. — Фуллер, он снабдит тебя всем необходимым. Скажи мне, сколько он с тебя сдерет. Много не должен. — Все снова рассмеялись, и управляющий вышел.

Льюис показал койку в центре.

— Хосе спал тут, парень. Бросил все, когда ушел в «зеленку». Я тебе все отдам за... пятьдесят кредитов.

«Приехали, — подумал Марк. — Лучше не показывать, что у меня есть деньги».

— У меня мало...

— Дьявольщина, да просто напишешь расписку, — сказал Льюис. — Старик платит по кредиту в день и кормит.

— А где мне взять расписки?

— Да у меня. — Льюис прищурил водянистые глаза. За толстыми стеклами очков они казались огромными. — Что-то задумал, парень? Сиди, не рыпайся.

— Да я и не рыпаюсь. Просто я не понимаю...

— Конечно. Только помни, что я здесь главный. Кто ударится в бега, я забираю его имущество. Я. Больше никто. У Хосе хороший комбинезон, стоит пятьдесят кредитов...

— Вздор, — откликнулся один из игроков. — И тридцати не стоит, и ты это знаешь.

— Заткнись. Конечно, в Вискитауне можно раздобыть и получше, но не здесь. Послушай, Морган велел позаботиться о тебе. Продам за сорок. Договорились?

— Да.

Льюис широко улыбнулся.

— Ты приспособишься, парень. Вот твой ключ. — Он протянул Марку магнитный ключ и вернулся к игре.

Марк подумал: «У кого еще есть ключи от моего шкафчика? Изготовить дубликат такого ключа невозможно без специального оборудования: магнитные точки должны располагаться точно по местам. Конечно, ключ есть у Эфигвера. У кого еще? Что толку об этом думать?»

Он осмотрел свое новое имущество. Две пары шортов. Три рубашки, белье, носки — все из какой-то синтетики. Расческа, бритва, несколько лезвий. Мыло. Использованная зубная щетка. Марк мрачно взглянул на нее, потом про себя рассмеялся: «Нельзя быть слишком привередливым».

Часть одежды грязная. Другая кажется чистой, но Марк решил выстирать все. Но не сейчас. Деньги он затолкал в носок, а поверх бросил остальную одежду. Потом закрыл шкафчик.

Что делать с деньгами? У меня почти триста кредитов — из расчета кредит в день это плата за десять месяцев. Достаточная причина для убийства.

Он думал об этом всю дорогу до душа, но неограниченное количество воды, новый кусок мыла и хорошее лезвие принесли такое удовольствие, что он больше ни о чем не мог думать.

VI

Боршит внешне напоминает артишок: растение высокое, из центра короной растут колючие листья, а единственный цветочный стебель поднимается на полтора метра. Размножается клубнями; весной клубни прошлогоднего урожая выкапывают и тщательно сортируют, потом снова высаживают. Сорняков много, и их нужно убирать вручную. Джунгли непрерывно пытаются отобрать отвоеванную людьми землю. Если поля не охранять, травоядные сожрут весь урожай.

Все это Марк узнал за неделю. Работа тяжелая, погода слишком жаркая, но все это терпимо. Слухи оказались справедливыми: по сравнению с теми местами, куда его могли бы отправить, ферма Эфигвера — настоящий сельский клуб. Осужденные старались сюда попасть. Эфигвер требовал работы, но был справедлив.

Однако это еще больше угнетало Марка. Если таков самый легкий способ отбыть срок, какие ужасы ждут его, если он допустит ошибку? Эфигвер использует возможность перевода как самую страшную угрозу, и Марк понял, что старается угодить хозяину. Он испытывал к самому себе отвращение, но ничего не мог поделать.

Он почти никогда не оставался в одиночестве. Ничего общего с остальными у него не было. Его шуткам никто не смеялся. А Марка не интересовали их рассказы. Он так хорошо научился играть в покер, что теперь его не принимали в игру. Остальным ни к чему хороший игрок, способный отобрать у них деньги. Однажды его обвинили в шулерстве, избили и отобрали выигрыш, хотя все знали, что он не мошенничал. После этого он старался не играть.

Работа занимала только его руки, но не ум. Никаких экранов для чтения видисков в бараках не было. Кое у кого из осужденных были маленькие радиоприемники, но единственная станция, которую они ловили, передавала только унылую музыку кантри. Марк содрогался при мысли, что она может ему понравиться.

Оставалось только размышлять. «Мне хотелось силы и власти, — думал он. — Мы играли в это. Это была игра. Но полиция отнюдь не играла, и я стал рабом. Вернувшись, я буду больше знать об этой игре. Я им покажу».

Но он знал, что это пустые слова. Здесь он ничему не научится.

Некоторые осужденные дни и ночи проводили в оцепенении. Из боршита готовят борлой; он необходим половине граждан Соединенных Штатов, чтобы прожить день. Борлой предоставляет правительство, и если поставки борлоя прекратятся, правительство долго не продержится. Та же схема отлично работает и на Таните, и герр Эфигвер щедро снабжает своих работников трубками и борлоем. За полкредита в день мо-

жешь обдолбаться. Марк тоже попробовал, но ему не понравилось то, что делает с ним наркотик. У него украли три года жизни, но он не собирается облегчать им задачу.

Приятели по колледжу много говорили о достоинствах труда. Теперь Марк совсем не находил его достойным.

Почему бы тогда не оцепенеть и не оставаться в таком состоянии? Важно то, что я делаю. Почему бы не отказаться от всего и не покончить с этим? Пусть рутина поглотит меня, я утону в ней...

Часто вспыхивали драки. Они проходили по правилам. Если кого-то ранили и он не мог какое-то время работать, и он сам, и тот, кто его ранил, должны были отработать пропущенное время дополнительно. Это позволяло сократить количество увечий и сломанных конечностей. Когда начиналась драка, все собирались и смотрели.

Это давало Марку возможность побыть одному. Быть одному ему тоже не хотелось, но еще меньше хотелось смотреть на дерущихся, особенно если его могли тоже втянуть в драку...

Мужчины подбадривали дерущихся. Марк лег на койку. У него была выпивка, но пить ему не хотелось.

Если выпить, немного, это поможет уснуть... так почему бы и нет?

Мужчина маленького роста, пожилой — Марк знал, что он живет недалеко от большого дома — зашел в барак и осмотрелся. Свет не горел, и Марка он не заметил. Снова украдкой осмотрелся, потом стал пробовать по очереди дверцы шкафчиков, нет ли незапертых. Он дошел до шкафчика Марка, открыл дверцу и стал рыться внутри. Нашел сигареты и бутылку...

Почувствовал или услышал Марка и поднял голову.

— Хм, добрый вечер.

— Добрый вечер.

Человек казался достаточно хладнокровным, хотя рисковал подвергнуться обычному наказанию, которое настигает тех, кто ворует в бараках.

— Собираешься позвать остальных? — Водянистые глазки метались по сторонам в поисках спасения. — Похоже, мне нечем защищаться.

— А если бы было, то что бы это было?

— Когда состаришься, как я, берешь, что можешь. Я алкоголик и краду, чтобы купить выпивку.

— А почему бы не курить борлой?

— На меня он не действует. — Руки старика дрожали. Он тоскливо посматривал на бутылку, которую извлек из шкафчика Марка.

— Да черт побери, выпей, — сказал Марк.

— Спасибо. — Старик пил жадно, большими глотками.

Марк отобрал у него бутылку.

— Я тебя не видел в полях.

— Я работаю со счетами. Герр Эфигвер настолько добр, что оставил меня у себя, но недостаточно добр, чтобы платить больше...

— Если ты ведешь рабочие записи, можешь продавать выгодную работу.

— Конечно. Какое-то время. Пока не поймают. И что тогда? Я веду жалкую жизнь, но мне хочется ее сохранить. — Он постоял немного. — Удивлен? Но мне хочется жить.

— Вы говорите необычно, — сказал Марк.

— Язвы образования. Перед вами Ричард Генри Теппингер, доктор философии, которого обычно называли Тэпс. Ранее он вел кафедру Бейтса по истории и социологии в Йельском университете.

— Почему же вы на Таните? — Осужденным не задают таких вопросов, но Марк мог поступать, как захочет. Жизнь этого человека в его руках: стоит ему сказать слово, позвать, и все обрушатся на Теппингера. «И почему бы не позвать?» — Марк содрогнулся при этой мысли, но угрызений совести не испытал.

Теппингер, похоже, не обозлился.

— Алкоголь, юные девушки, их возлюбленные и старый дурак — взрывчатая комбинация. Не возражаете, если я не буду вдаваться в подробности? Большую часть жизни я провел, стыдясь самого себя. Можно мне еще выпить?

— Полагаю, да.

— На вас то же клеймо. Были студентом?

— Очень недолго.

— Но вы достойны образования. И к тому же щедры. Вас зовут Фуллер. Я веду записи и припоминаю ваш случай.

Драка снаружи кончилась, и люди начали возвращаться в барак. Льюис нес потерявшего сознание в душевую. Увидев Теппингера, он передал свою ношу другим.

— Ты, паршивый ублюдок, я тебе говорил, что будет, если снова поймаю тебя в моем бараке! Что он украл, Фуллер?

— Ничего. Я его угостил выпивкой.

— Да? Ну, не пускай его сюда. Хочешь поговорить, выходи наружу.

— Хорошо. — Марк взял бутылку и вслед за Теппингером вышел из барака. Внутри жарко, и все обсуждают драку. Вслед за Теппингером Марк пересек центральную площадку. Они держались подальше от женских бараков. Здесь у Марка нет друзей, а другой тип посещения он не может себе позволить — по крайней мере позволяет не часто и всякий раз после этого чувствует себя отвратительно. Ни одна из женщин не кажется привлекательной или достойной внимания.

— Итак. Встретились две парии, — сказал Теппингер. — Две розовых обезьяны среди коричневых.

— Может, следует возразить?

— Зачем? У тебя с ними много общего? Или тебе не нравится мысль, что у тебя больше общего со мной?

— Не знаю. Ничего не знаю. Просто убиваю время. Жду, когда это кончится.

— И что тогда?

Они нашли место, где можно было посидеть. Местные насекомые их не тревожили: не тот вкус. Дул легкий западный ветер. Из джунглей доносились звуки: фырканье, хрюканье, странные крики.

— Что я могу делать? — спросил Марк. — Вернусь на Землю и...

— Ты никогда не вернешься на Землю, — сказал Теппингер. — А если вернешься, будешь первым. Если, конечно, кто-нибудь не оплатит твой перелет.

— Это дорого.

— Совершенно верно.

— Но ведь нас должны возвращать! — Марк чувствовал, как рушится его тщательно подготовленная оборона. Он все время ждал, когда кончатся эти три года, а теперь...

— Так сказано в законах, и осужденные говорят о возвращении домой, но этого никогда не происходит. Земле не нужны мятежники. Это помешало бы удобной жизни большинства. Нет, ты вряд ли улетишь отсюда, а если и улетишь, то на другую колонию. Если только ты не богат.

Итак, я здесь навсегда.

— А что еще здесь есть? Что делают бывшие осужденные?

Теппингер пожал плечами.

— Записываются в работники. Заводят собственные плантации. Идут на правительственную службу. Начинают свой небольшой бизнес. Тебе Танит представляется миром рабства; так оно и есть, но так будет не всегда. Кое-кто из вас, такие, как ты, превратят его во что-то иное, лучшее или худшее, но определенно другое.

— Да. Конечно. Отряд младших первопроходцев прибыл.

— А что, по-твоему, происходит с недобровольными переселенцами? — спросил Теппингер. — Или ты о них никогда не думал? Большинство жителей Земли не задумывается над ценой, которую приходится платить за их богатство, чистый воздух и чистые океаны. Но единственная разница между тобой и теми, кого отправило Бюро Переселения, в том, что ты прилетел в чуть более удобном корабле и приговорен к трем годам здесь, прежде чем получишь возможность самому о себе заботиться. Да, я определенно советую тебе поступить на государственную службу. Ты поднимешься высоко.

— Работать на этих ублюдков-рабовладельцев? Я лучше умру с голоду!

— Не умрешь. И многие другие не умрут. Это легче сказать, чем сделать.

Марк смотрел в темноту.

— Почему ты так мрачен? Здесь есть возможности. Новый губернатор пытается реформировать жизнь, исправить самое плохое. Конечно, он, как и мы все, завяз в системе. Он должен отправлять требуемое количество борлоя и чудодейственных лекарств и собирать требуемые налоги. Должен поддерживать уровень производства. Этого требует Флот.

— Флот?

Теппингер улыбнулся в темноте.

— Ты удивился бы, узнав, сколько операций Флота оплачивается за счет прибылей от торговли наркотиками Танита.

— Меня это не удивляет. Воры. Ублюдки. Но это глупо. Тяжелый труд, все эти тюрьмы, которые должны себя окупать, и этот проклятый Флот...

— Это не глупо и не ново. Советы делают это почти двести лет: прибыль, которую приносят лагеря, идет на содержание тайной полиции. А наша система обложения ферм налогами еще древнее. Она восходит к Древнему Риму. Прибыль с других планет содержит Бюро Переселения. Танит содержит Флот.

— Будь проклят Флот!

— А, нет, неверно. Напротив, будь он благословен. Не будь Флота СВ, земные правительства сразу вцепились бы друг другу в глотки. Они и сейчас с трудом удерживаются от этого. И поскольку они за Флот не платят, а Флот поддерживает мир на Земле, мы должны продолжать работать. Видишь, какую благородную задачу мы выполняем, пропалывая поля боршита?

Невыносимо жаркую весну сменило нестерпимо жаркое лето, и работы поубавилось. Растения боршита выросли человеку по пояс и способны были самостоятельно защититься от сорняков и вредителей. За полями по-прежнему требовался присмотр, но небольшой.

Но, компенсируя меньший объем работы, стояла влажная жара, и с побережья постоянно накатывался теплый туман. Небо из оранжевого стало тускло-серым. Дважды на поля и плантации обрушивались ураганы. Растения боршита ложились плашмя, но вскоре поднимались; после каждого урагана на несколько кратких часов небо расчищалось, и Марк мог видеть звезды.

Летом с сексом стало легче. По вечерам мужчины могли навещать женщин и, достаточно заплатив старосте барака, оставаться на всю ночь. Напряжение в бараках спало. Марк считал, что легкая работа лучше общения с женщинами. Когда уже не мог больше терпеть, платил за несколько минут лихорадочной разрядки, а потом старался, сколько мог, вообще не думать о сексе.

Обязанности его были просты. Кроунирсы, животные размером с мускусную крысу, напоминающие землеройку, пожирают незащищенные растения боршита. Их нужно отгонять. Это глупые и прожорливые животные, но не очень опасные, если только их стая не обнаружит застрявшего в болоте человека. Человек, вооруженный копьем, вполне в силах не допустить их на плантацию.

Приходилось опасаться других животных. Зверь Вима, названный так по имени человека, который первым выжил при встрече с ним, хуже всех. Кроунирсы — его естественная пища, но он нападает почти на все движущееся. Зверь Вима похож на крота, но свыше метра в длину. Вместо тупого рыла у него вполне развитый хватательный орган с когтями и псевдоглазами. На Таните люди очень осторожно подходят к норам: зверь имеет привычку поджидать под поверхностью и выскакивать с поразительной скоростью.

Обычно он не покидает джунгли и на людей на холмах не нападает.

Марк охранял поля, а Курт Морган объезжал их верхом. В полдень Курт подсаживался к Марку и делился едой, а холодное пиво и отсутствие слов делали жизнь почти сносной.

Иногда погода менялась, и над полями проносился прохладный ветер. Марк сидел спиной к дереву, наслаждаясь относительно прохладным днем. Он допивал дневную порцию пива. Рядом сидел Морган.

— Курт, что ты будешь делать, когда закончится твой срок? — спросил Марк.

— Закончился два года назад. Два танитских года, три земных.

— Тогда почему ты все еще здесь?

Морган пожал плечами.

— А что еще я умею делать? Экономлю деньги; когда-нибудь у меня будет своя плантация. — Он переменил позу и выстрелил из карабина в джунгли. — Клянусь, с каждым летом эти твари становятся все смелее. Это все, что я знаю. Мне все равно не накопить столько, чтобы вступить в налоговый фермерский синдикат.

— Ты тоже будешь так эксплуатировать людей?

— Если придется. Они или я. Сборщики налогов быстро богатеют.

— Еще бы. Неужели здесь ни у кого нет надежды? Вся проклятая палуба забита. — Марк прикончил пиво.

— А где не так? — спросил Морган. — Думаешь, здесь тяжело. Побывал бы ты здесь до появления нового губернатора. Меня загнали в такое место — клянусь Господом, ну и заставляли нас работать! Мы платили за все, что ели или носили, а разинул рот — плюсуй еще месяц к своему приговору. Достаточно, чтобы гнать людей в зеленку.

— Хм... Курт... а здесь есть...

— Не бери в голову. Не хотелось бы искать тебя с собаками. Скорее всего, нашли бы твое тело. Да, в зеленке живут люди. Живут, как крысы. Уж лучше новый срок, чем жизнь в Свободном государстве.

Эта мысль привела Марка в сильное волнение: «Свободное государство! Должно быть, о таких местах говорили Ширли и ее друзья — всеобщее равенство, свободное общество, где не может быть фермеров, платящих налог наркотиками». Он думал о потребностях свободных людей. Им приходится жить трудно и бедно, потому что они беглецы, но они свободны! В воображении он воздвигал Свободное государство, пока оно не стало более реальным, чем плантация Эфигвера.

На следующий день кроунирсы были очень активны, и Курт Морган привел на поле Марка еще одного работника. Они приехали верхом на першеронах, которых замороженными эмбрионами привезли с Земли и здесь вывели новую разновидность — с плоскими ступнями, чтобы удерживаться на вечной грязи. Новенький оказался новенькой. Марк видел ее и раньше, но никогда с ней не разговаривал.

— Привез подкрепление, — сказал Курт. — Это Хуанита. Хуанни, если этот клоун будет приставать к тебе, я разломаю его пополам. Вернусь через час. Труба есть?

Марк указал на свой инструмент.

— Держи под рукой. Эти твари здесь слишком бойкие. Думаю, поблизости крок. И поркеры. Глядите в оба. — И Курт отбыл на соседнее поле.

Марк неловко молчал. Девушка моложе Марка и потная. Волосы свисают свободными светлыми прядями. Под глазами

темные круги, лицо грязное. Скорее похожа на жилистого мальчишку. И все равно прекраснее девушки, он не видел.

— Привет, — сказал Марк. Он проклинал себя. Застенчивость уместна в условиях цивилизации, а не в тюрьме.

— И тебе привет. Ты из барака Льюиса.

— Да. Никогда не видел тебя раньше. Только на мессе.

Раз в месяц на плантацию приезжает священник экуменической церкви. Марк никогда не ходил на службы, но поглядывал на них издали.

— Обычно работаю в большом доме. Жарко, верно?

Он согласился, что жарко, и снова растерялся. «Что сказать? «Ты красива», — слишком очевидно, даже если, по-моему, это правда. «Давай потолкуем со старостой твоего барака» — тоже плохая мысль, даже если бы я это хотел сказать. К тому же если она живет в большом доме, у нее нет старосты».

— Сколько тебе еще?

— Два года. Пока не исполнится девятнадцать. Приговоры по-прежнему считают по земному времени. А по местному мне одиннадцать. — Снова тишина. — Ты не разговорчивый, верно?

— Не знаю, что сказать. Прости...

— Да ладно. Большинство мужчин болтливы, как проповедники. Пытаются меня уговорить, понимаешь?

— О.

— Да. Но я никогда не соглашаюсь. Я принадлежу церкви. Прошла конфирмацию и все прочее. — Она посмотрела на него и озорно улыбнулась. — Поэтому я тупица, распевающая церковные гимны, о чем же со мной говорить?

— Помню, мне один раз захотелось быть тобой, — сказал Марк. И рассмеялся. — Ну, не буквально. Просто я наблюдал за тобой на мессах. Ты выглядела такой счастливой. Словно у тебя есть ради чего жить.

— Конечно. У нас у всех есть ради чего жить. Должно быть, потому что люди очень стараются уцелеть. Когда выберусь отсюда, попрошу у падре разрешения помогать ему. Может, стану монахиней.

— Ты не хочешь замуж?

— За кого? За осужденного? Так поступила моя мать, и смотри что из этого вышло. У меня «ученичество» до девят-

надцати лет, потому что я родилась от осужденных. Никакой ребенок не хотел бы, чтобы с ним случилось такое!

— Ты можешь выйти за свободного человека.

— Они все уже старые, когда кончается их срок. И мало на что способны. Для себя и для других. Ты мне делаешь предложение?

Он рассмеялся, и она смеялась вместе с ним, и он не мог вспомнить более приятного дня, с тех пор как покинул Землю.

— Мне повезло, — рассказывала она. — Старик Эфигвер перекупил меня. Там, где я родилась, фермер сейчас продавал бы меня мужчинам. — Она смотрела на грязь. — Я видела девушек, с которыми так поступили. Немного погодя они и себе перестают нравиться.

Они услышали резкий звук труб с других полей. Марк посмотрел на джунгли впереди. Ничего не двигалось. Хуанита не умолкала. Расспрашивала о Земле.

— Трудно представить себе такое место, — сказала она. — Я слышала, люди там живут в тесноте.

Он рассказал ей о городах.

— В том городе, откуда я, двадцать миллионов человек.

Рассказывал о бетонных Благотворительных островах на окраинах городов.

Она содрогнулась.

— Предпочитаю жить на Таните, чем так. Удивительно, что люди Земли не сожгут все и не переселятся в болота.

Вечер наступил неожиданно быстро. После ужина он задумался. Он совсем не хотел, чтобы день тянулся так долго. «Это глупо», — говорил он себе.

Но ему двадцать лет, ей почти семнадцать, и ему больше не о ком думать. Ночью он видел ее во сне.

Тем летом он видел ее часто. Она была необразованна, и Марк начал учить ее читать. Чертил на земле буквы и часть денег потратил на приключенческие книги с картинками. Доступа к экранам видиска у него не было, а единственные печатные страницы, которые можно было отыскать в бараках, это секс-журналы и приключенческие романы, напечатанные на

такой дешевой бумаге, что она быстро растрепывалась во влажной жаре Танита.

Хуанита училась быстро. Ей, как будто, нравилось общество Марка, и она старалась попасть на то же поле, что и он. Они говорили обо всем: о Земле и о том, что она не вся покрыта болотами. Он рассказывал о личных флаерах в небе, о хождении под парусами по Тихому океану, об островных пещерах, которые исследовал. Она считала, что он все это выдумывает.

Поссорились они только раз — когда он пожаловался на то, как несправедлива жизнь. Она высмеяла его.

— Ты жил в прекрасном доме, у тебя был свой вертолет и своя яхта, и ты учился в школе. Если я не ною, почему должен ныть ты, мистер налогоплательщик?

Он хотел ответить, что она тоже несправедлива, но спохватился. И стал рассказывать о смоге, и об отравленных водах, и о гигантских городах.

— Но с загрязнением среды удалось покончить, — сказал он. — И население сокращается. С лицензированием и деятельностью Бюро Переселения...

Она молчала, и Марк не закончил фразу. Хуанита смотрела на пустые джунгли.

— Хотела бы я однажды увидеть голубое небо. Не могу даже представить себе такого, так что ты, наверно, говоришь правду.

По вечерам он видел ее не часто. Она держалась в стороне или работала в большом доме. Но иногда гуляла с Куртом Морганом или сидела с ним на скамейке, и тогда Марк покупал бутылку джина и отыскивал Теппингера. В такое время нельзя быть одному.

Старик сухим монотонным голосом читал длинные лекции, пока Марк не начинал клевать носом, и тогда задавал вопросы, которые переворачивали представление Марка о вселенной.

— Из тебя мог бы выйти приличный социолог, — говорил Теппингер. — Говорят, лучший университет — это бревно, на одном конце которого сидит студент, на другом — профессор. Сомневаюсь, чтобы при этом имели в виду меня, но у нас именно такой университет.

— Мне кажется, единственное, что я узнаю, — это что жизнь прогнила. Все неправильно, — сказал Марк.

Теппингер покачал головой.

— Никогда не бывало общества, в котором кто-нибудь не посчитал бы, что устроено оно несправедливо — для него. Нужно понять, что те, которые хотят чего-то добиться и что-то делают для этого, либо процветают в рамках системы, либо система их обезвреживает. Что, разумеется, и делает Земля. Готовые воевать поступают во Флот, недовольных ссылают в колонии. Цикл замкнутый. Наркотики для граждан, привилегии для налогоплательщиков, мир для всех — благодаря Флоту — и рабство для недовольных. Или смерть. Колонии пожирают людей.

— Значит, положение стабильно.

— Вряд ли. Если Земля сама не уничтожит себя, — судя по слухам, которые до меня доходят, все государства Земли готовы вцепиться друг другу в глотку, и Флот ничего не может с этим поделать, — что ж, здесь она построила такой паровой котел, который однажды взорвется и уничтожит ее. Посмотри, кто у нас собрался. Охотники за удачей, авантюристы, преступники, мятежники — и все отобраны из-за своей способности к выживанию. Крышка долго не продержится.

Они увидели Хуаниту и Курта Моргана, гуляющих вокруг большого дома, и Марк поморщился. За лето Хуанита выросла. Теперь, с причесанными волосами и в чистой одежде, она казалась такой красивой, что ему больно было смотреть на нее. Тэпс улыбнулся.

— Вижу, мой лучший ученик нашел другой интерес. Выше нос, парень, выйдешь отсюда — найдешь работу. Сможешь выбрать лучшую девушку из заключенных. Арендовать на время или просто купить.

— Ненавижу рабство!

Тэпс пожал плечами.

— Ты это уже говорил. Но ты бы удивился, узнав, на что способны люди, которые так говорят, когда у них появляется возможность. Успокойся, я имел в виду купить жену, а не шлюху.

— Но, черт побери, жен не покупают! Женщины — не вещи!

Теппингер слегка улыбнулся.

— Я все забываю, какой это удар для молодого человека. Ты ждешь, что все будет так же, как на Земле. Но ты здесь, потому что был недоволен старым миром.

— Он прогнил.

— Возможно. Но ты пытался отыскать гниль. Здесь тебе ее не избежать.

В такие вечера Марку долго не удавалось уснуть.

VII

Приближался сезон сбора урожая. Боршит зацвел — тускло-красные пятна покрыли холмы и зеленые джунгли, поля гудели от насекомых. На Таните и на пятидесяти других планетах природа решила проблему размножения, как на Земле, не прибегая к инбридингу.

Жужжащие насекомые привлекали насекомоядных, а за теми шли хищники; перед уборкой урожая работы становилось немного, но приходилось постоянно караулить поля. И снова те, кто работал в доме и на производстве наркотика, выходили в поле, и Марк провел много дней с Хуанитой.

Она медленно сводила его с ума. Он знал, что она не так наивна, как кажется. Она должна была понимать, что он чувствует, но не давала ему ни единого шанса.

Иногда он не сомневался, что она его дразнит.

— Почему ты не приходишь ко мне по вечерам? — однажды спросила она.

— Ты знаешь почему. Курт всегда рядом.

— Конечно, но он... он не владеет моим контрактом. Конечно, если ты его боишься...

— Ты совершенно права, я его боюсь. Он может сделать со мной что угодно. Знаешь, что бывает, когда управляющийся рассердится на осужденного. К тому же, мне кажется, что он тебе нравится.

— Конечно. Что с того?

— Он мне говорил, что когда-нибудь женится на тебе.

— Он всем это говорит. Кроме меня.

Марк уныло заметил, что больше она не упоминает о своем намерении стать монашкой.

— Конечно, Курт единственный, кто говорил, что собирается... Марк, смотри!

Марк краем глаза заметил движение и повернул копье. Что-то неслось к нему.

— Становись за мной и беги! — закричал он. — Держись со мной на одной линии и убегай побыстрей.

Хуанита встала у него за спиной, однако не убежала, и он услышал звук ее трубы. Больше у Марка не было времени думать о девушке. Зверь был почти в полтора метра длиной, приземистый, на толстых лапах и расплющенных ступнях. Морда напоминает земного бородавочника, с четырьмя выступающими клыками; тонкий хвост на бегу хлещет по сторонам.

— Поркер, — негромко сказала Хуанита. Она стояла за Марком. — Иногда они нападают на людей. Как этот. Не шевелись: может, он уйдет.

Марк был вполне согласен оставить зверя в покое. Тот, похоже, весил не меньше его самого. А расплющенные лапы давали ему лучшую опору, чем человеку. Зверь осторожно кружил в трех метрах от людей. Марк поворачивался, все время оставаясь лицом к нему, и нацеливал копье ему в горло.

— Я тебе велел уходить.

— Конечно. Но обычно этих тварей бывает две. — Она говорила очень тихо. — Боюсь снова трубить. Хоть бы пришел Курт со своим ружьем.

И тут же послышались выстрелы. Они доносились издалека.

— Марк, — настойчиво прошептала Хуанита. — Тут еще один. Я прикрываю тебе спину.

— Хорошо. — Он не отрывал взгляда от того поркера, что перед ним. Что ему нужно? Зверь держался на таком расстоянии, что копьем не достать. Но вот поркер бросился вперед с визгом, который не способна исторгнуть ни одна земная свинья.

Марк ударил его копьем. Зверь увернулся от острия и пробежал мимо. Марк повернулся следом за ним и увидел другого, нападающего на Хуаниту. Та, поскользнувшись в

грязи, упала и лихорадочно пыталась встать, а поркер несся к ней.

Марк испустил свирепый звериный крик. Он тоже поскользнулся, но удержался на ногах и с новым криком бросился вперед, ударил копьем и почувствовал, как оно погружается в толстую шкуру. Поркер толкнул его, и Марк упал в грязь. Он отчаянно держался за копье, но зверь продолжал приближаться. Острие пробило шкуру на спине и снова вышло, древко скользило между шкурой и плотью, а насаженное на копье животное надвигалось все ближе. Клыки были уже непосредственно у его мужских достоинств. Марк услышал собственный крик страха.

— Не могу его удержать! — крикнул он. — Беги!

Хуанита не побежала. Она встала и воткнула свое копье зверю в глотку, протолкнула глубже и нажала, заставляя его опустить голову в грязь. Марк встал. Он дико оглядывался в поисках второго зверя. Того не было видно, а раненый поркер ужасно визжал.

— Марк, милый, вытащи из него свое копье, пока я его удерживаю, — крикнула Хуанита. — Не могу долго его держать, быстрей!

Марк стряхнул парализовавший его страх. Клыки злобно шевелились — далеко от него, но он представил себе, как они разрывают ему промежность.

— Быстрей, милый, — сказала Хуанита.

Он дернул копье, но оно не высвобождалось, поэтому он протолкнул его вперед, обежал зверя и рванул копье в другую сторону. Древко выходило все в крови. Руки скользили, но он держал копье и бил им зверя, бил снова и снова, крича в безумной ярости:

— Умри, умри, умри!

Морган явился только спустя полчаса. А когда прискакал, они стояли, обнявшись. Когда Морган спешился, Хуанита чуть отодвинулась от Марка, но смотрела на него собственнически.

— Теперь вот как? — спросил Морган.

Она ничего не ответила.

— На второе поле отсюда напала целая стая этих зверей, — сказал Курт. Голос его звучал виновато. — Убили трех мужчин и женщину. Я прискакал сразу, как смог.

— Марк убил поркера.

— Она убила. Он бы добрался до меня...

— Держитесь, — сказал Курт.

— Он наделся прямо на копье.

— Я видел, они так делают. — Морган как будто осторожно подбирал слова. — Вам придется еще какое-то время пробыть здесь. Мы потеряли четверых, и...

— С нами все будет в порядке, — сказала Хуанита.

— Да. — Морган вернулся к лошади. — Да, наверно. — И быстро уехал.

Согласно традиции Марк и Хуанита получили тушу и вечером пировали с друзьями. А потом вдвоем ушли от бараков, и их долго не было.

— Тэпс, что мне делать? — спросил Марк. Они сидели снаружи в неожиданной прохладе позднего летнего вечера. Марку казалось, что больше никогда не будет прохладно: уже почти подошло время сбора урожая. Осень и зима будут короткими, но в эти месяцы на Таните почти приятно.

— В чем дело?

— Она беременна.

— Неудивительно. Но это не конец света. Есть много способов...

— Нет. Она даже говорить об этом не хочет. Говорит, это убийство. Все этот проклятый падре. Проклятая церковь! Неудивительно, что сюда приглашают этого шута. Он внушает рабам довольство.

— Вряд ли это единственная сторона деятельности церкви, но она эффективна. Ну, а тебе какое дело? Как ты не раз говорил, ты никому ничего не должен. А в данном случае у тебя определенно нет никаких законных обязательств.

— Это мой ребенок! И она моя... ну, я хочу сказать... Проклятие! Я просто не могу...

Теппингер мрачно улыбнулся.

— Я тебе говорил, что совесть и этика — дорогое излишество. Но если ты намерен отяготить себя ими, рассмотрим твои возможности.

Ты можешь попросить у Эфигвера разрешения жениться на ней. Вероятно, он разрешит. Новый губернатор покончил с так называемым принудительным «ученичеством» детей осужденных. Твой срок скоро заканчивается. Ты будешь свободен...

— И что я буду делать? Я видел в Вискитауне освободившихся.

— Можно найти работу. Предстоит создать экономику целой планеты.

— Да. Конечно. Потеть, работая на хозяина какого-нибудь магазина. Или работать, как Курт Морган, подгоняя осужденных.

Теппингер пожал плечами.

— Есть и другие возможности. Гражданская служба. Или сам изучи дело и стань плантатором. Тех, кто может производить, всегда поддержат финансово.

— Но я буду рабовладельцем. Я хочу выйти из этой системы. Из всего этого проклятого дела!

Теппингер вздохнул и снова поднял бутылку. Сказал:

— Мы все многого хотим. Ну и что?

И выпил.

— Есть другой путь, — сказал Марк. — Есть выход отсюда.

Теппингер быстро взглянул на него.

— Даже не думай об этом! Марк, Свободное государство, в которое ты веришь, не более чем мечта. В действительности это банда людей, которые живут, как звери, тем, что могут украсть. Они вне закона. Нельзя жить без закона.

«Я отлично могу прожить без здешних законов, — подумал Марк. — И, разумеется, они крадут. А почему бы им не красть? Как еще им прожить?»

— И в любом случае они долго не протянут. Губернатор вызвал полк наемников, чтобы покончить со Свободным государством.

«Именно этого я и ожидал», — подумал Марк.

— А почему не морскую пехоту СВ?

Теппингер покачал головой.

— Сложная проблема. Простейший ответ — финансовый вопрос. Сил СВ не хватает, чтобы обеспечивать мир повсюду, потому что Большой Сенат не дает на это достаточно средств.

— Но ты говорил, что средства от продажи наркотиков Танита идут Флоту...

— Львиная доля. И поскольку это очень большие деньги, тебе не приходит в голову, что и другие зарятся на них? Сам Большой Сенат завидует доле Флота, потому что не контролирует эти деньги. Сенат посылает Флот куда угодно, только не на Танит, так что из плантаторов снова тянут деньги, чтобы оплатить защиту.

«Мне это подходит», — подумал Марк.

— От наемников немного пользы. Они будут сидеть в казармах и получать деньги. — Так ему говорили учителя.

— Ты знавал хоть одного наемника?

— Конечно, нет. Послушай, Тэпс, я устал. Думаю, мне лучше лечь.

Он повернулся и ушел от старика. «К черту его, — думал Марк. — Старик... старуха — вот кто он такой. Не хватает мужества, чтобы уйти отсюда и жить на свой страх и риск».

Что ж, это мне подходит. Но у меня на уме кое-что получше.

В конце сезона ураганов начался сбор урожая. Стручки боршита выросли, их срезали и собирали липкий сок. Сок кипятили, снимали пенку, снова кипятили, пока он не уваривался до очень небольшой доли зеленой массы растения, которое они выращивали и охраняли все лето.

Эфигвер упал на ступенях большого дома. Морган отвез его в больницу Ледерле. Вернулся Курт с молодым человеком — сыном Эфигвера, который получил отпуск на службе — в городской администрации.

— Старый ублюдок ждет тебя снаружи, — сказал Льюис.

Марк вздохнул. Он устал после долгого дня на полях. Устал и от бесконечных рассказов Теппингера об ужасах Свободного государства. Но старик его единственный друг. Марк взял бутылку и вышел из барака.

Теппингер нетерпеливо схватил бутылку. Сделал несколько глотков. Руки его тряслись.

— Пошли со мной, — прошептал он.

Марк в смятении пошел за ним. Тэпс отвел его в тень у большого дома. Там ждала Хуанита.

— Марк, милый, я боюсь.

Теппингер снова выпил.

— Парень Эфигвера пытается собрать деньги, — сказал он. — Бегает по дому и кричит, что отец содержит множество дармоедов и разоряет себя. Кажется, лечение стоит дорого. А плантация в долгах. Он продает контракты. И продал ее контракт. Почти за две тысячи кредитов.

— Продал? — тупо спросил Марк. — Но ей осталось меньше двух лет.

— Да, — согласился Тэпс. — И есть только один способ, которым плантатор может извлечь за такой срок выгоду из молодой красивой девушки.

— Будь они прокляты, — сказал Марк. — Ладно. Нужно отсюда убираться.

— Нет, — возразил Теппингер. — Я тебе говорил почему. У меня есть способ получше. Я подделаю подпись старика на разрешении. Ты сможешь жениться на Хуаните. Подделку обнаружат, но к тому времени...

— Нет, — сказал Марк. — Думаешь, я останусь, чтобы стать частью этой системы? Свободному обществу нужны хорошие люди.

— Марк, пожалуйста, — взмолился Теппингер. — Поверь мне, это совсем не то, что ты думаешь! Как ты с твоими идеями о справедливости, сможешь жить там, где нет правил...

— Вздор. Отныне я сам о себе забочусь. И о своей женщине, и о ребенке. Мы напрасно тратим время. — Он пошел к конюшне, Хуанита за ним.

— Марк, ты не понимаешь, — говорил Теппингер.

— Заткнись. Нужно найти охранника.

— Он прямо за тобой. — Голос Моргана звучал мрачно. — Не делай ничего особенного, Марк.

— Откуда ты взялся?

— Я уже десять минут слежу за вами. Думаешь, ты мог подойти к большому дому так, чтобы тебя не заметили? Про-

клятый дурак. Надо было позволить тебе уйти в зеленку и там погибнуть. Но ты не можешь уйти один — тебе обязательно нужно взять с собой Хуанни. Я думал, у тебя больше ума. Мы здесь уже год не использовали столб для порки, но несколько десятков ударов тебе помогут... — Морган начал поворачиваться, почувствовав за спиной какое-то движение. И согнулся. Хуанита снова ударила его поленом. Морган упал на землю.

— Надеюсь, с ним все будет в порядке, — сказала Хуанита. — Когда он придет в себя, Тэпс, пожалуйста, объясни ему, почему нам пришлось убежать.

— Да, позаботься о нем, — сказал Марк. Он деловито снимал с Моргана оружейный пояс. Увидел компас и улыбнулся.

— Ты дурак, — сказал Теппингер. — Такие люди, как Курт Морган, сами о себе заботятся. Это таким, как ты, нужна помощь.

Теппингер продолжал говорить, но Марк его не слушал. Он сломал замок на дверях конюшни, потом открыл дверь склада внутри. В помещении для упряжи нашел фляжки. Нашлась также пластиковая канистра с керосином. Марк и Хуанита оседлали двух лошадей. Потом отвели их на край поселка. Теппингер остался у сломанной двери конюшни.

На секунду они оглянулись, помахали и въехали в джунгли. Еще до того как они исчезли, Теппингер прикончил остатки джина.

Они двинулись на юг. Каждый звук, казалось, говорил о Моргане и преследователях с собаками. В джунглях множество безымянных звуков. Лошади тоже были испуганы.

Утром они нашли небольшую, поросшую бурой травой поляну на холме. Костер развести не посмели, а с собой у них было только печенье и зерно. Из зарослей у поляны на них набросился зверь Вима, и Марк застрелил его, а потом безрассудно тратил патроны, стреляя снова и снова, пока не убедился, что тот мертв. Они слишком перепугались, чтобы остаться на этом месте, и отправились дальше.

Курс по-прежнему держали на юг. Марк подслушал разговоры о Свободном государстве. На берегу морского зали-

ва, на юге, в джунглях. Только это и подсказывало ему направление. Однажды из зарослей выполз крокодил, но они проехали мимо. Пока зверь смотрел на них, Марк сжимал в руке пистолет. Конечно, на самом деле это был не крокодил, но сходство с земной разновидностью было поразительно. «Параллельная эволюция, — думал Марк. — Какая биологическая форма может быть лучше приспособлена для жизни в этих джунглях?»

На восьмой день они вышли на берег узкого залива и двинулись по нему, забирая влево, углубляясь в джунгли. Море было справа от них, зеленый ад слева. Залив извивался, следуя руслу забытой реки, давно пересохшей из-за геологических сдвигов. Каменистые утесы с обеих сторон прорезали маленькие ручейки, падая с высоты в тридцать метров по изъеденному камню в зеленую пену на дне. Таких высоких утесов Марк во время своих ограниченных путешествий по Таниту больше нигде не видел.

На второй день после того, как они вышли к заливу, Марк вечером рискнул развести костер. Он застрелил кроунирса, и они поджарили его.

— Худшее позади, — сказал Марк. — Мы свободны. Свободны.

Он обнял Хуаниту. Лицо у девушки встревоженное, но довольное; теперь она кажется старше Марка.

— Ты так меня и не спросил, — сказала она.

Он улыбнулся.

— Ты выйдешь за меня?

— Конечно.

Они рассмеялись. Джунгли казались очень близкими, и лошади испуганно ржали. Марк подбросил в костер дров.

— Свободны, — сказал он. Он крепко обнимал ее, и они были счастливы.

VIII

Лисандр положил вилку и повернулся к хозяйке. Энн Холлис Чанг в столовой казалась гораздо более элегантной, чем в кабинете губернатора, где Лисандр впервые ее увидел.

Ее серебристо-седые волосы, уложенные свободными волнами, удерживал ярко-синий гребень с драгоценными камнями, а платье было простое, но так искусно скроенное, что выгодно подчеркивало ее худощавую фигуру. Тем не менее в ней было много от старшего чиновника. Она внимательна к гостям на своем конце стола, но так же внимательно слушает все, что говорит губернатор Блейн на дальнем конце. Она как-то упомянула, что ее муж — старший химик компании Ледерле и никогда не бывает на губернаторских приемах, официальных и домашних.

Лисандр улыбнулся.

— Мадам Чанг, жареное мясо великолепно.

— Спасибо. Но благодарить нужно миссис Райли.

— О? — Он повернулся направо. — Правда?

— Ну, не совсем. — Альма Райли — маленькая женщина в дорогой одежде, но руки у нее крупные и умелые. Лисандр решил, что ей лет сорок и она на несколько лет моложе мужа. Оба Райли были инженерами-химиками, но теперь они плантаторы. Им принадлежит одна из самых больших и процветающих станций. Платье Альмы Райли блестит, она носит брошь с крупным опалом, но на руке единственное простое золотое колечко. — Наш управляющий три дня назад подстрелил поркера, а мы знали, что будет обед, и губернатор любит маринованное мясо поркера, так что... — Она рассмеялась. — Я знаю, что слишком много болтаю.

— Нет, пожалуйста, продолжайте, — успокоил ее Лисандр. — У вас здесь много дичи?

— Больше, чем хотелось бы, — ответила Альма. — Генри — наш сын — на прошлой неделе столкнулся со зверем Вима. Он все еще в больнице.

— О...

— Ничего такого, что не смогут исправить регенераторы, но Генри в ярости. Он любит ездить верхом, а теперь год не сможет этим заниматься.

— Какая жалость. Я полагаю, у вас нет неприятностей с мятежниками.

Альма Райли нервно оглядела стол.

— Неприятности? Нет, никаких неприятностей, ваше высочество. Большинство их наши друзья.

— Но вы явно не с ними. — Он многозначительно взглянул на полковника Джона Кристиана Фалькенберга, сидевшего во главе стола рядом с губернатором.

— Нет, мы отправили свой урожай. Так мы с Крисом договорились. Карлтон Блейн — лучшее, что случилось на Таните с тех пор, как мы здесь. Но все не так просто. Некоторые его реформы очень тяжело отразились на наших друзьях. — Она через стол взглянула на Урсулу Гордон. — Конечно, во многом губернатор Блейн прав, вы понимаете. Но это очень трудно. Трудно получать прибыли на Таните.

При упоминании о прибылях доктор фон Нол оторвался от тарелки и кивнул.

— У нас и раньше они были невелики. А теперь приходиться делать дополнительные вложения в... милицию, — сказал он. — Конечно, эти траты окупятся, когда мятежники и пираты будут перебиты, но должен сказать, что услуги полковника Фалькенберга встали дороже, чем я надеялся.

Капитан Хесус Алана слегка улыбнулся.

— Я понимаю ваши затруднения, доктор Нол, но вы, жители Танита, должны понимать основы экономики. Без боеприпасов и вооружения мы бесполезны, а большую часть оружия и все оборудование нам приходится импортировать.

— Понимаю и сочувствую, — ответил Нол. — Но разрешите мне не радоваться этим расходам.

Оба капитана Алана — Хесус и Кэтрин — рассмеялись.

— Позвольте и нам им не радоваться, — сказала Кэтрин. — Не думаю, чтобы полковнику это доставляло удовольствие. — Он посмотрела на сидевшую справа от нее Урсулу. — Красивое платье. Из «Харрода»?

— Сказать по правде, нет. Ли... принц Лисандр купил его мне в небольшом магазине в районе садов. Он искал что-нибудь местное.

— А весьма проницательно, — сказал доктор Нол. — Скажите, ваше высочество, вы были знакомы с нашим губернатором до прилета на Танит?

— Нет. Мы, конечно, слышали о нем. Он, кажется, очень предан своей работе.

— Так и есть, — подтвердил Хендрик тен Кооп, сидевший справа от Энн и Райли. — Некоторые считают, что слишком.

* * *

Слуги в белом убрали со стола и принесли сложное, в три яруса, сооружение из шербета и льда. После десерта появились хрустальные графины с розовыми местными винами. Губернатор Блейн встал, собираясь произнести первый тост.

— За нашего гостя принца Лисандра со Спарты. Пусть между Танитом и Спартой всегда будет дружба.

«Смелый тост, — подумал Лисандр. — Учитывая, что Спарта суверенна, а Танит нет. Пока нет».

Он с поклоном принял тост.

— Спасибо. Пусть мы всегда будем друзьями, а ваши враги станут нашими. — На мгновение все замолчали. Лисандр посмотрел на Урсулу, увидел ее одобрительную улыбку, потом взглянул на губернатора. Полковник Фалькенберг поймал его взгляд и еле заметно улыбнулся. Лисандр повернулся налево. — И позвольте предложить тост за нашу очаровательную хозяйку мадам Чанг.

Хендрик тен Кооп громко рассмеялся. Полный плантатор-голландец уже выпил четыре бокала портвейна, но вино, казалось, на него не действовало.

— Отлично, отлично. Могу я поддержать ваш тост? За подлинного губернатора Танита!

— Благодарю вас, — сказала миссис Чанг. — А в ответ — за новый порядок на Таните. — Она многозначительно посмотрела на Урсулу Гордон. — Но не могу позволить минхееру тен Коопу так легко отделаться. За лучшего губернатора Танита в истории! — И она подняла бокал, глядя на Блейна.

Опять мгновение тишины, дольше первого. Потом поднял стакан Фалькенберг.

— Хорошо сказано. — Сразу подняли свои стаканы капитан Иен Фрейзер и оба капитана Алана. Доктор Нол улыбнулся — легкой улыбкой, едва заметной в уголках рта:

— Если полковник Фалькенберг соглашается, так оно и есть.

Следующим встал Кристофер Райли.

— Поистине. Спасибо, доктор Нол. — Он пригубил вино.

— Понимаю, — ответил Хендрик тен Кооп. — Я понимаю. — И одним глотком осушил свой стакан.

* * *

Снаружи стены губернаторского двора кажутся мрачными укреплениями, в них почти нет окон. Веранды на крыше обнесены стенами, стены окружают и большой внутренний двор с фонтанами, бассейнами и большим освещенным птичником. В многоцветных лучах прожекторов сверкают брызги фонтанов, и журчание воды подчеркивают редкие крики птиц.

И снаружи и внутри установлены вентиляторы. Лисандр понаблюдал за тем, как две ярких сине-красных птицы расхаживают по клетке, потом повернулся к остальным гостям, собравшимся вокруг него у перил веранды.

— Я считал Танит молодой планетой, — сказал Лисандр. — Но эти птицы — результат длительной эволюции.

— Очень длительной, ваше высочество, — ответила Кэтрин Алана. — Хотя планета выглядит так, словно на ней еще меловой период, на самом деле она проделала путь больше земного.

— Ага. Я этого не знал. И не возникла разумная жизнь. Ни здесь. Ни в других местах...

Урсула улыбнулась.

— За исключением Земли, конечно.

— Иногда я удивляюсь, — сказал Кристофер Райли. Он посмотрел на один из фонтанов внизу. — Если мы разумны, почему так глупо ведем себя?

— Вы не глупы, — сказала капитан Алана. Улыбка ее исчезла. — Это другие. Им все равно не победить — так зачем они заставляют нас сражаться? Это дорого обходится всем. — И она посмотрела на другой край веранды, на мужа, который стоял с полковником Фалькенбергом. — Все могло бы стать дешевле.

— Кому же знать, как не ей, — сказала Беатрис Фрейзер. — Кэтрин главный бухгалтер полка.

— Понятно. Капитан Алана в форме, а вы нет, мадам Фрейзер, — заметил Лисандр.

— Нет, я гражданская. — Она рассмеялась. — Насколько в легионе Фалькенберга могут быть гражданские. Я преподаю в полковой школе.

— В вашем полку много женщин? — спросила Урсула.

— Много, если считать членов семей, — ответила Беатрис. — Большинство мужчин женаты, так что женщин почти столько же, сколько мужчин. Думаю, Кэтрин может точно сказать, сколькие из нас носят мундир. Но мы не очень различаем служащих и членов семей. Мы сами о себе заботимся.

— Вы участвуете в боях? — спросил Лисандр у Кэтрин Алана. Он взглянул на ее пистолет в кобуре.

— Очевидно, вы имеете в виду женщин? Только если вынуждены. Полк организован так, что выполняет полевую работу без нас, а мы, так сказать, обеспечиваем тылы. Но иногда получается не так, как мы планируем. — В голубых глазах капитана Алана плясали чертики. — Рассказать вам кое-что? Вы правите целой планетой. Или будете править.

— Не совсем так просто, — ответил Лисандр. — На Спарте двойная монархия, и в каждой королевской династии трон выборный. К тому же у нас есть Сенат и еще Совет.

— Они могут лишить вас трона? — спросила Кэтрин.

— Ну, это было бы глупо с их стороны, не правда ли? — Лисандр улыбнулся и повернулся лицом к ней и спиной к остальным. — Кажется, вы знаете все, капитан. Скажите, пожалуйста: что это за мятеж плантаторов?

— Думаю, вы и сами скоро узнаете, — сказала Кэтрин. — И даже очень скоро. Вот губернатор, и если вам до сих пор об этом не говорили, он возродил древний обычай: мужчины после обеда удаляются в его кабинет, чтобы выкурить сигару.

Губернатор Блейн и полковник Фалькенберг направлялись к ним. Как и его офицеры, Фалькенберг был в белом мундире. Лисандр про себя улыбнулся. Он уже заметил, что из всех гостей только полковник и его офицеры были в белом.

— Ваше высочество, полковник Фалькенберг попросил меня предоставить транспорт, чтобы вы могли завтра посетить расположение его полка, — сказал Блейн. — Если вы согласны, это легко сделать.

— О, пожалуйста, — ответил Лисандр. — Как любезно с вашей стороны пригласить меня, полковник.

— Мне будет очень приятно. Попрошу приготовить что-нибудь особенное на обед. Ланч тоже?

— Конечно, если это не слишком неудобно.

— Вовсе нет.

Блейн повернулся к Урсуле.

— Засим прошу дам извинить нас. Джентльмены, если вы пройдете в мой кабинет, я угощу вас настоящими гаванскими сигарами. Свернуты, конечно, на Таните, но табак привезен с Кубы. Прежде чем мы сможем выращивать свой, пройдет еще несколько лет.

— Не слишком много, надеюсь, — сказал Лисандр. — Признаюсь, никогда не пробовал настоящих гаванских сигар. Благодарю вас. — Он посмотрел на Урсулу. — Ты позволишь?

Она нервно огляделась. Беатрис Фрейзер поймала взгляд Фалькенберга и улыбнулась Лисандру.

— Ваше высочество, с вашего разрешения мы развлечем вашу юную леди рассказами о жизни полка.

— Да. Спасибо. — Он сжал руку Урсулы и повернулся к Блейну. — Губернатор, с большим удовольствием попробую ваш табак.

На экране монитора появилась подробная карта. Блейн указал на морской залив. Масштаб начал увеличиваться, пока весь экран не заполнил губернаторский дворец, потом снова постепенно уменьшился, и на экране стала видна местность на несколько сотен километров вокруг города. Эта картина задержалась на несколько мгновений, потом снова изменилась.

— Последние пираты здесь, внизу, между нами и южной провинцией, — сказал Блейн. — Они называют себя Свободным государством.

Хендрик тен Кооп выпил стакан портвейна и наполнил его заново:

— Свободное государство. Да, так они себя называют. В прошлом месяце они убили пятерых моих людей и похитили с южной станции трех женщин. И сожгли все, что не смогли унести с собой.

— Да. Ну, полковнику Фалькенбергу не понадобится много времени, чтобы выкорчевать их. — Блейн вызвал на

экран карту местности в нескольких сотнях километров к западу от Ледерле. — Больше неприятностей нам причиняют мятежные плантаторы. Большинство их здесь. — Он показал.

— Я бы не стал чересчур сгущать краски, называя их мятежниками, — возразил доктор Нол. Он старательно раскуривал сигару. — Великолепный табак. Спасибо. Губернатор, разве разумно считать наших друзей мятежниками?

— Может и нет. — Блейн как будто задумался. — Назови их мятежниками, и они поднимут мятеж. Я вас понял. Тем не менее... как же нам их называть?

— Оппозиция? — предложил Кристофер Райли.

— Вряд ли это законная оппозиция, — ответил Блейн. — Но хорошо. Пусть будет оппозиция.

— Прошу прощения, губернатор, — сказал Лисандр. — Если они не мятежники, что же они такого сделали, что вы собираетесь послать против них лучшую воинскую часть в галактике?

— Они не отдают урожай, — ответил Блейн.

— Не платят налоги, — подхватил тен Кооп. — Я часто гадаю, почему сам к ним не присоединился.

— По той же причине, что и я, — сказал Райли. — Если наш урожай не пойдет Флоту, он пойдет кому-то другому. Лучше синица в руках, чем журавль в небе.

— Солдаты перебьют всех кур? — спросил тен Кооп.

— Думаю, это зависит от кур, — осторожно ответил Фалькенберг. — Пятьдесят кур, несущих серебряные яйца, лучше одной, несущей золотые, если она слишком прожорлива.

— Весьма проницательное замечание, — сказал Кристофер Райли. — Полковник, я рад, что вы на нашей стороне.

— О, я тоже рад, — подхватил тен Кооп. Он повернулся к Лисандру. — Думаю, в этом для принца Спарты нет ничего нового. Я слышал, у вас есть свои мятежники.

— К несчастью, да. Хотелось бы, чтобы было по-другому.

— Итак, — сказал тен Кооп. — Полковник, когда вы убьете последнего пирата, что вы предпримете относительно... гм... оппозиции?

— Вы уверены, что легиону понадобится что-то делать? — спросил Фалькенберг. Тен Кооп открыл рот, собираясь заговорить, но Фалькенберг продолжил: — Они должны знать, что в военном отношении очень слабы. Нет, это политическая проблема, джентльмены. Если хоть немного повезет, вы найдете политическое решение.

— Надеюсь, — сказал Блейн.

Тен Кооп закрыл рот.

— Да, да, — пробормотал он. — Так гораздо лучше.

Лисандр не мог быть уверен, но ему показалось, что кое-кто из присутствующих поглядывает на голландца искоса. Он постарался запомнить это впечатление и повернулся к экрану монитора.

— А какие силы в распоряжении оппозиции? Думаю, их не сравнить с легионом Фалькенберга.

— Совершенно верно, — сказал Кристофер Райли. — Я уверен, они прислушаются к голосу разума.

Фалькенберг кивнул.

— Возможно. А пока нам нужно заняться пиратами.

— Вставай, сонный крольчонок.

Урсула застонала и натянула на голову простыню.

— Нееет... Еще пять минуток...

— Ни секунды! — Лисандр отбросил покрывало и встал. Включил кондиционер на полный холод.

Урсула задрожала.

— Это нечестно. Я не должна вставать с тобой!

— Должна. Я предупреждал: ты пойдешь со мной.

Она села и обхватила руками коленки.

— Лисандр, меня не приглашали.

— Это не твоя забота. Я хочу, чтобы ты была со мной. Что плохого?

— Возьми с собой Харва.

— Его тоже не приглашали. Хватит одного незваного гостя.

Она отвернулась от него.

— Урсула...

— Я из-за тебя потеряю работу, и что со мной будет?

— Да послушай...

— Ты послушай. Одно слово полковника Фалькенберга губернатору, и я отправлюсь обслуживать рабочие бараки на плантациях.

— Какая ужасная мысль!

— Такое бывает.

— Полковник Фалькенберг этого не сделает, а даже если сделает, не думаю, чтобы губернатор это допустил.

— Почему?

— Просто не думаю... в конце концов, ты была звездой на его вчерашнем приеме.

— Приятный был обед. — Она протянула к нему руки. — Ты не дашь мне еще несколько минут?

— Нет, озорница. Одевайся. Форма одежды — походная.

Лагерь легиона располагался на невысоком холме в тридцати километрах от столицы. Он напоминал классический римский лагерь, только был гораздо больше, и между палатками и домами оставалось больше пространства. Были и другие отличия. По углам лагеря поворачивались тарелки радарных антенн. Пространство между рядами палаток было усеяно низкими бункерами, личными убежищами, укреплениями от нападения с воздуха.

Вертолет сделал круг довольно далеко от лагеря, губернаторский пилот что-то произнес в микрофон и с облегчением выслушал ответ. Они полетели прямо к лагерю. И когда подлетели ближе, Лисандр увидел три танка и две боевые машины пехоты. Он знал, что их здесь гораздо больше, но остальных не было видно. На посадочной площадке стояли два вертолета с пушками и небольшая летающая наблюдательная платформа.

Между ровными рядами палаток ходили солдаты в камуфляже под цвет джунглей. Никто из них, как будто, не интересовался подлетающим вертолетом.

На площадке их встретил молодой офицер.

— Лейтенант Бейтс, сэр. Полковник Фалькенберг вас ждет. — Он показал на ожидающий джип. — Меня не предупредили, что будет и леди. Дорога неровная.

— Переживу, — улыбнулась Урсула. — Спасибо.

По периметру лагеря в колеях на немощеной дороге стояла грязная вода. Часовые приветствовали их, когда они въехали в ворота и направились к помещению штаба. Когда входили, Лисандр услышал звуки труб. За несколько секунд из палаток высыпали солдаты, расстелили ткань и начали выкладывать снаряжение. Сержанты и центурионы ходили по ровным рядам, разглядывая имущество.

— Выступаете? — спросил Лисандр. — Или это ради меня?

— Не знаю, — ответил Бейтс.

Урсула сдержала смешок.

Штаб представлял собой низкое оштукатуренное здание. На пороге поджидали Фалькенберг и Беатрис Фрейзер.

— Рад вашему прибытию, — сказал Фалькенберг.

— Спасибо. Надеюсь, вы не станете возражать, если мисс Гордон здесь оглядится...

— Вовсе нет. — Он слегка кивнул Урсуле. — Рад вас видеть, мисс Гордон. Я попросил миссис Фрейзер позаботиться о том, чтобы вам было удобно. Разумеется, вы присоединитесь к нам за ланчем.

— Спасибо, — ответила Урсула.

— Отлично. Теперь прошу прощения: полк завтра отправляется в поле, и мне нужно кое-что обсудить с принцем Лисандром.

В кабинете главное место занимал большой резной деревянный стол. Остальная деревянная мебель была ему под стать. На стенах — фотографии и знамена.

— Итак, вы проделали долгий путь, ваше высочество. — Фалькенберг указал на стул и сам уселся за стол. — Выпьете?

— Нет, спасибо. Впечатляющее зрелище.

— Так и задумано. Я полагаю, у вас дурные новости.

— Не то чтобы.

— Не то чтобы, — повторил Фалькенберг. — Но и не то, чтобы хорошие. Вы прилетели не для того, чтобы забрать нас на Спарту. — Он смотрел на Лисандра с легкой улыбкой. — Несмотря на внушительное представление, которое мы для вас устроили.

— Я искренне хотел бы, но у нас не хватает ресурсов. Вы нам по-прежнему нужны. Нам определенно требуется ваша добрая воля.

— Спасибо, — ответил Фалькенберг. — Боюсь, на добрую волю много вооружения не купишь.

— Конечно, нет.

— Неожиданное изменение планов? — спросил Фалькенберг.

— Да, сэр, пожалуй, — ответил Лисандр. *Чертовски неожиданное. Сегодня отец очень хотел заполучить Фалькенберга на Спарту, а назавтра задумался о деньгах. Бюджет напряженный. Но не настолько. Я действительно не понимаю. Ну, наверно, я и не должен понимать.* — Полковник, я привез чек с оплатой будущих потребностей. Нечто вроде аванса за ваши услуги.

— Когда они понадобятся?

Лисандр огляделся. Фалькенберг слегка улыбнулся.

— Ваше высочество, если этот кабинет не защищен от прослушивания, на планете вообще нет безопасного места.

— Поверю вам на слово. Хорошо, меня просили говорить с вами откровенно. Мы не будем готовы еще четыре-пять стандартных лет. Адмирал Лермонтов не возражает. Если только...

— Если только на Земле к этому времени все не развалится, — сказал Фалькенберг. — Да. Далее. Насколько реальна танитско-спартанская дружба, на которую намекал губернатор Блейн?

— Думаю, очень реальна. Во всяком случае настолько реальна, насколько можем добиться мы с отцом.

— Я так и думал. Хорошо. Но контролирует ли ваш отец внешнюю политику Спарты?

Лисандр задумался.

— Насколько хорошо вы знакомы с нашей Конституцией?

— Предположим, совсем не знаком, — сказал Фалькенберг.

— Что ж, я тоже не очень. Вы знакомы с моим отцом?

— Встречались однажды. Очень давно, — сказал Фалькенберг.

— Да. Итак. Спарта была основана... скажем, интеллектуалами. Интеллектуалами, встревоженными тем, что проис-

ходило в Соединенных Штатах, где к двухтысячному году обе палаты Конгресса с практической точки зрения потеряли всякую действенность и эффективной оставалась только президентская власть. А президенту так долго приходилось учиться завоевывать этот пост, что у него не было возможности учиться отправлять эту должность.

— Интересная формулировка.

Лисандр улыбнулся.

— На самом деле я цитирую своего деда, который, разумеется, был одним из упомянутых интеллектуалов. Во всяком случае, Спарту решили организовать по-другому. Внешнюю политику Спарты контролирует двойная монархия. Предполагается, что два короля будут сдерживать друг друга, но мой отец и его коллега почти всегда и во всем согласны. Если с отцом что-нибудь случится, почти несомненно я займу его место. Как младший король, конечно. На самом деле, полковник, мне кажется, вам не стоит опасаться перемен во внешней политике Спарты.

— А кто контролирует финансы? Ваши законодатели?

— У нас, строго говоря, нет законодателей, — ответил Лисандр. — Впрочем, да, большую часть бюджета Спарты контролируют Сенат и Совет. Но не весь бюджет. Конституция предусматривает контроль над некоторыми доходами. Есть специальные фонды, которые контролируются монархами, а другие — в ведении Сената, а Сенат... ну, это достаточно сложно. Некоторые сенаторские места выборные, другие наследственные. Сенаторов также назначают союзы и торговые ассоциации. Не хочется все объяснять.

— Главное то, что сейчас вы не располагаете средствами.

— Главное то, полковник, что в данный момент нет денег. Но мы уверены, что знаем, где их раздобыть.

Лицо Фалькенберга оставалось бесстрастным.

— Если вас это утешит, адмирал Лермонтов с нами согласен, — сказал Лисандр. — Я удивлен, что он не поделился с вами своей точкой зрения.

— Он поделился.

— Ага. Понятно. Тогда вы знаете, что его конечная цель не изменилась. — Лисандр нахмурился. — Меня кое-что тревожит, полковник. Этот... Блейн не хочет называть

происходящее восстанием, но мы можем так назвать. Если плантаторы придержат урожай, что будет с бюджетом Лермонтова?

— Положение будет тяжелым. Потому-то Блейн и не может этого допустить.

— Да. Я так и думал. Ставка — нечто большее, чем Блейн с его реформами. А какую часть урожая скрывают?

— По крайней мере четверть. Может, даже треть.

Лисандр негромко свистнул.

— Полковник, это выходит... половина операционного бюджета Флота?

— Не совсем. Большой Сенат по-прежнему кое-что выделяет на операции. Но фонды, которыми адмирал Лермонтов распоряжается самостоятельно, это, конечно, подорвет.

— Не могу сказать, чтобы меня это беспокоило. Но все же, полковник, что они могут сделать со своим урожаем, если не продадут его правительству? Они ведь не выполнят свою угрозу и не уничтожат его?

Фалькенберг рассмеялся.

— Когда столько денег на кону? Вряд ли. Боюсь, что существует большой рынок, принц Лисандр. Кое-кто согласен платить больше, чем правительство.

— Но...

— Наиболее вероятный покупатель — компания, принадлежащая семейству Бронсонов.

— О. Понятно. Член Большого Сената Бронсон. С его защитой...

— Совершенно верно. Его фракция не владеет большинством в Сенате, но ему это и не нужно, верно? Ни у кого нет большинства. Говорят, там постоянно идет торг.

— Да. — Лисандр посмотрел на дальнюю стену. Та была увешана голографиями. На одной легион, идущий парадом, с развернутыми знаменами и победными вымпелами. — Тем не менее, кажется, вы не предвидите никаких неприятностей с возвратом урожая.

— Я всегда ожидаю неприятностей, ваше высочество.

— Полковник, позвольте мне быть откровенным. Вы вовлечены в планы адмирала Лермонтова, но мы вовлечены еще сильней. Все, что способно изменить эти планы или ото-

двинуть их осуществление... все это будет очень серьезно воспринято на Спарте. — Он широко развел руками. — Конечно, я только посыльный. Я не уполномочен вести переговоры.

Фалькенберг приподнял бровь.

— Ну, если вы так говорите... Но вы — гонец к важным людям. Ваше высочество, вы должны понять мое положение. Я уверен, что вопрос с оппозиционными плантаторами будет решен в несколько недель, в крайнем случае месяцев. Так должно быть. После этого полк не сможет долго оставаться на Таните. И уж точно не пять лет. Местная экономика нас не выдержит, и к тому же я не могу обречь своих людей на пять лет в этой дыре.

— Что вы будете делать?

— У нас есть предложения. Придется принять одно из них.

— Предпочтительно такое, которое не свяжет вас надолго...

— Предпочтительно, — согласился Фалькенберг. — Но решения принимает совет полка.

— Полковник, мой отец... мы все сожалеем, что поставили вас в такое положение.

— Не сомневаюсь, — ответил Фалькенберг. — Сколько вы пробудете на Таните?

— Еще не решил, но... скажем, несколько недель. Максимум — месяцев.

Фалькенберг улыбнулся и кивнул.

— Хорошо. Думаю, вы захотите посмотреть местность за пределами столицы. Я попросил капитана Роттермилла подготовить для вас путеводитель, если хотите.

— Вы очень добры. Это поможет. — Лисандр нахмурился. — Полковник, а каковы ваши впечатления от губернатора Блейна?

Фалькенберг усмехнулся.

— Рискуя оскорбить, скажу, что он очень похож на тех, кто основал ваше правительство. Будем надеяться, что он усвоит урок не хуже вашего отца и деда.

— Понимаю. Думаете, справится?

— До сих пор он держался очень неплохо.

— Полковник, у меня есть причина интересоваться вашим мнением. Я уполномочен сообщить губернатору Блейну кое-что о планах Лермонтова, если вы согласны.

Фалькенберг нажал кнопку на краю своего стола.

— Виски с содовой. Лед. И два стакана, пожалуйста. — Он снова повернулся к Лисандру. — Повторяю. До сих пор он держался неплохо.

— При поддержке вашего легиона. А что будет, когда вы улетите?

— Вот в чем вопрос, не так ли? — Фалькенберг включил приборы в ящике стола. Серая поверхность стола превратилась в ярко раскрашенную карту окрестностей Ледерле. — Главная оппозиция планам Блейна вот здесь, в буше. До недавнего времени у них не было никакой эффективной организации. Но теперь она есть. Они даже наняли батальон наемников. В основном легкую пехоту.

— Я этого не знал, — признался Лисандр.

— Губернатор Блейн не слишком гордится тем, что дело зашло так далеко.

В дверь постучали. Денщик принес и поставил поднос.

— Что-нибудь еще, сэр?

— Спасибо, нет. — Фалькенберг налил обоим. — Ваше здоровье.

— Ваше. Полковник, я заметил, что вы ничего не сказали губернатору — или, если сказали, он очень скрытен.

— Он действительно скрытен, но на самом деле я ждал мнения вашего отца. Кстати, я был бы очень осторожен, разговаривая с губернатором. В этом кабинете можно говорить безопасно, но не поручусь за кабинет губернатора. Или вообще за его дворец.

— Но кто?

Фалькенберг пожал плечами.

— А какой политик бывает в безопасности? В данном случае утечка информации более чем вероятна. Помните минхеера тен Коопа?

— Конечно.

— Не припомню, чтобы об этом упоминали за обедом у Блейна, но старшая дочь тен Коопа замужем за неким Хайрамом Гирердом — он, между прочим, один из предводителей

плантаторов-оппозиционеров. Одна из странностей, с которыми можно столкнуться во дворце губернатора.

— Ха. В таком случае, возможно, стоит подождать, пока разрешится дело с бойкотом, прежде чем принимать решения относительно места Танита в... — Он пожал плечами. — У нас нет названия для плана Лермонтова.

— И не нужно.

— Вероятно. Во всяком случае, полковник, не думаю, чтобы даже батальон наемников устоял против вашего легиона.

— В военном отношении нет. Но они наняли «Бульдогов Бартона», а майор Бартон не дурак. — Фалькенберг рассмеялся. — Даже будь он дураком, я бы об этом не сказал. Когда-то он служил капитаном в 42-м полку.

— О? Почему же ушел из полка?

— Его срок кончился, и нашлось более выгодное предложение, — ответил Фалькенберг. — После этого мы какое-то время были союзниками.

— Понятно.

«Классическая ситуация? — подумал Лисандр. — Два капитана кондотьеров противостоят друг другу, никто не хочет вступать в бой, потому что потери слишком дороги. Длительная конфронтация без стычек. Рай наемников. Но ведь это не игра Фалькенберга?»

— И что вы будете делать?

— Зависит от того, что намерена делать оппозиция, верно? — Фалькенберг изучал карту на столе. — Одно несомненно. Они должны кому-то передать урожай, предположительно агенту Бронсона. Об этом позаботится майор Бартон. Для него это единственная возможность получить деньги, а они ему нужны.

— Так что если вам удастся перехватить доставку...

— Конфликт тут же закончится, разумеется. Губернатор Блейн получит свои налоги, Флот — наркотики, а Лермонтов — тайные фонды. — Фалькенберг взглянул на часы и встал. — Но сначала то, что нужно сделать в первую очередь. На этой неделе мы должны разорить гнездо пиратов на юге.

— Конечно. Полковник, не хочу отрывать вас от дел, но еще одно. Можно... Я бы очень хотел сопровождать ваши войска в этой операции.

Фалькенберг на мгновение задумался.

— Думаю, не в этот раз. Обычно я не возражаю против дополнительных субалтернов, но, кажется, нам предстоит работа для специалистов. Таковы все ситуации с заложниками.

— Тогда в другой раз?

Фалькенберг снова задумался.

— Не лишено смысла. В сущности, для вас это лучший способ раздобыть сведения, нужные вашему отцу. Когда вернемся из экспедиции, с радостью примем вас на борт.

IX

Марк Фуллер проснулся с ножом у горла. Рослый уродливый человек, дочерна загорелый, с перекрещивающимися шрамами на голой груди, сидел перед ним на корточках. Он поглядел на Марка и Хуаниту и улыбнулся.

— Что тут для нас? Парочка беглых?

— Я все забрал, Арт, — сказал кто-то за ними.

— Да. Ну, ладно, приятели, вставайте и пошли. Пошевеливайтесь. Не могу тратить на вас весь день.

Марк помог Хуаните встать. Одна рука у него затекла: во сне он обнимал девушку. Когда он вставал, уродливый человек ловко снял у него с пояса пистолет.

— Кто ты? — спросил Марк.

— Зови меня Артом. Я сержант босса. Пошли.

Было еще пятеро, все верхом. Арт двинулся в джунгли. Когда Марк начал что-то говорить Хуаните, Арт повернулся.

— Скажу только раз. Заткнись. Скажешь еще хоть слово кому-нибудь, кроме меня, — убью. Скажешь мне то, что я не хочу слышать, — порежу. Понял?

— Да, сэр, — ответил Марк.

Арт рассмеялся.

— Вижу, ты понял.

Дальше ехали молча.

Свободное государство представляло собой ряд пещер в холмах над морем. Здесь обитало около пятисот мужчин и

женщин. «В джунглях были и другие небольшие лагеря беглецов», — рассказал Арт.

— Но мы — самый крупный. И мы очень осторожны — когда грабим плантаторов, стараемся сделать так, чтобы подумали на других. Но у губернатора нет армии. Здесь нас не найдут.

Марк собирался что-то сказать о наемниках, которых выписал губернатор. Но потом передумал.

Босс оказался плотным мужчиной с длинными растрепанными волосами, спадавшими ниже плеч. У него были усы в форме велосипедного руля и пронзительные голубые глаза. Он сидел у входа в пещеру на большом резном стуле, как на троне, и на коленях у него лежало ружье. За стулом стоял рослый чернокожий и внимательно наблюдал за всеми, кто подходил к пещере.

— Беглецы?

— Да, — ответил Марк.

— Да, босс. Не забывай.

— Да, босс.

— Что можешь делать? Драться умеешь?

Марк не ответил, и босс сделал знак невысокому человеку, стоявшему в собравшейся толпе.

— Фас, Чоам.

Невысокий человек подошел к Марку. Его кулак взметнулся вверх и вонзился Марку в ребра. Потом человек придвинулся ближе. Марк попытался ударить его, но тот увернулся и ударил Марка по лицу.

— Хватит, — сказал босс. — Драться не умеешь. А что умеешь?

— Я...

— Да. — Он оглянулся через плечо на чернокожего. — Он тебе нужен, Джордж?

— Нет.

— Хорошо. Арт, ты его нашел. Он твой. Я заберу девушку.

— Нет! — сказала Хуанита.

Остальные посмотрели на босса. Увидели, что он смеется. И все рассмеялись. Арт и еще двое схватили Марка за руки и утащили. Еще двое отвели Хуаниту в пещеру, перед которой сидел босс.

— Так нечестно! — крикнул Марк.

Смех стал громче. Босс встал.

— Может быть, я отдам ее тебе, когда она мне надоест. Если ее не захочет Арт. Арт?

— У меня есть женщина.

— Да. — Босс повернулся к пещере. Потом снова посмотрел на Марка и на тех, кто его держал. — Оставь парня здесь, Арт. Я хочу поговорить с ним. Пусть девка вымоется, — крикнул он в глубину пещеры. — А все остальные убирайтесь отсюда.

Все разошлись — все, кроме чернокожего, который стоял за троном босса. Он лишь отошел на несколько шагов и сел под каменным выступом. Здесь было прохладней. Он достал трубку и начал набивать ее.

— Иди сюда, парень. Как тебя зовут?

— Фуллер, — ответил Марк. — Марк Фуллер.

— Иди сюда. Садись. — Босс указал на плоскую каменную скамью у входа в пещеру. Пещера как будто далеко уходила в глубину, оттуда доносились женские голоса. — Садись, я сказал. Расскажи, как ты сюда попал. — Тон его был как для приватного разговора, почти дружеский.

— Я участвовал в студенческом мятеже. — Марк напряженно прислушивался, но из пещеры больше ничего не доносилось.

— Студент. Успокойся, Фуллер. Никто не причинит вреда твоей подружке. Твоя забота трогательна. Здесь не часто такое увидишь. Расскажи об этом мятеже. Где это было?

Босс оказался хорошим слушателем. Когда Марк замолкал, он задавал вопросы — уместные вопросы, как будто его действительно интересовала история Марка. Иногда он улыбался.

Снаружи работали: резали дерево, копали канаву в каменистой почве перед пещерами, женщины носили воду. Никого, как будто, не интересовал разговор босса. Напротив, все опасались заглядывать в пещеру — все, кроме чернокожего, который сидел в прохладной нише и не сводил с пещеры глаз.

Марк рассказал об аресте и приговоре, о плантации Эфигвера. Босс кивнул.

— И ты пришел в поисках Свободного государства. А что ты ожидал найти?

— Свободных людей! Свободу, а не...

— Не деспотизм. — В голосе проскользнула добродушная нотка. Босс усмехнулся. — Знаешь, Фуллер, поразительно, как твоя история похожа на мою. Только я всегда умел драться. И заводить друзей. Хороших друзей. — Он кивком указал на чернокожего. — Вот, например, Джордж. Мы с ним вдвоем справимся с кем угодно. А ты, дурачок, что надеялся здесь найти? На что ты годишься? Ты не можешь драться, ты ноешь о справедливости и несправедливости и не можешь позаботиться о себе. И приходишь, чтобы найти нас. Ты ведь знал, кто мы такие.

— Но...

— А теперь убиваешься из-за своей бабы. Я не собираюсь отнимать у нее все, что есть. Ты еще сможешь ею пользоваться. — Он встал и крикнул одному из мужчин: — Позови Арта.

— Значит, вы собираетесь изнасиловать Хуаниту. — Марк огляделся в поисках оружия — какого угодно. Возле стула босса стоит ружье. Он посмотрел на него.

Босс рассмеялся.

— Попробуй. Но ты не станешь. Слушай, Фуллер, с тобой все будет в порядке. Может, ты даже чему-нибудь научишься. А теперь у меня свидание.

— Но...

«Я что-нибудь должен сказать», — подумал Марк.

— Почему вы это делаете?

— А почему нет? Из опасения утратить твою драгоценную преданность? Пойми, Фуллер. Это твое место. Тебе больше некуда идти. Живи с нами и учись нашей жизни или прыгай с утеса в море. Или убеги в джунгли, а мы посмотрим, далеко ли ты уйдешь. Думаешь, ты очень умный. Может, и так. Посмотрим. Может, ты даже будешь нам полезен. Может быть. Арт, принимай парня в твой взвод и посмотри, на что он способен.

— Хорошо, босс. Пошли. — Арт взял Марка за руку. — Слушай, если хочешь что-то сделать, делай сейчас, и покончим с этим. Мне некогда с тобой возиться.

Марк повернулся и пошел за ним. Бессильный, беспомощный дурак. Он рассмеялся.

— В чем дело? — спросил Арт. — Что смешного?

— Свободное государство. Свобода. Свободные люди...

— Мы свободны, — ответил Арт. — Свободней неудачников в Вискитауне. Может, когда-нибудь и ты таким станешь. Когда мы решим, что тебе можно доверять. — Он указал на край утеса. Внизу было море. — А те, кому мы не доверяем, отправляются туда. Падение не всегда их убивает, но мы никогда не видели, чтобы кто-нибудь добрался до берега.

Арт нашел ему место в своей пещере. Здесь было еще шестеро мужчин и четыре женщины. Все посмотрели на Марка и вернулись к своим занятиям. Марк сел и уставился в каменный пол. Ему показалось, что от пещеры босса доносятся мужской смех и женский плач. Впервые с тех пор, как ему исполнилось двенадцать лет, Марк попытался молиться.

«О чем молиться? — спросил он себя. — Я не знаю. Я их ненавижу. Всех ненавижу. Когда же, Марк Фуллер, ты научишься быть хозяином своей жизни? Но это произойдет не просто так. Я должен сделать это сам. Каким-то образом».

Прошла неделя. Существование было бессмысленным. Он варил еду на весь взвод, собирал дрова и мыл посуду, а по ночам прислушивался к звукам, которые издавали мужчины и женщины. Его никогда не оставляли одного.

Плач из пещеры босса больше не слышался, но Хуаниту он ни разу не видел. Когда он собирал дрова, ему встречались женщины из пещеры босса, и он подслушал их разговор: какое облегчение, что Чамблисс — кажется, так зовут босса, — получил для игр новую подругу. Они как будто совсем не ревновали к новенькой.

«Подружись с ними, — думал Марк. — Подружись, пока... пока что? Что я могу сделать? Бежать? Вернуться на плантацию? Как? И что будет тогда? Но если я присоединюсь к ним, то сам стану частью этого! Не стану!»

Через неделю Марка взяли на охоту. Он был безоружен; его работа — нести добычу. Отошли на несколько километров от пещеры. Чамблисс не разрешал охотиться вблизи лагеря.

Марк стал напарником Арта. Тот не был настроен дружелюбно или враждебно; обращался с Марком, как с полезным инструментом, с кем-то, способным работать и переносить тяжести.

— И это все? — спросил Марк. — Охота, сидение в лагере, еда и...

— И немного забав с женщинами, — сказал Арт. — А что еще тебе нужно? Устроить ферму, чтобы губернатор узнал, где мы? У нас все хорошо. Никто не указывает нам, что делать.

— Кроме босса.

— Да. Кроме босса. Но нас никто не преследует. Мы живем ради себя. Подбодрись, парень, ты почувствуешь себя лучше, когда тебе вернут твою женщину. Она ему скоро надоест. Или, может, мы приведем другую из набега. Но только еще одно: за женщину тебе придется драться. Так что постарайся, когда настанет этот день.

— Разве она... разве сами женщины не могут сказать, с кем им быть? — спросил Марк.

— А зачем им это?

На десятый день приключился переполох. Кому-то показалось, что он услышал вертолет. Босс приказал караулить по ночам.

Марка поставили в пару с человеком по имени Кэл. Они засели среди камней на краю поляны. У Кэла были ружье и нож, Марк оставался безоружным. Джунгли совершенно черные, даже звезд не видно.

Наконец невысокий Кэл достал из кармана табак и бумагу.

— Закуришь?

— Спасибо. Я бы покурил.

— Давай. — Он свернул две сигареты. — Может, ты и подойдешь. У меня были сомнения, когда ты впервые появился. Знаешь, удивительно, что босс не приказал сбросить тебя с

утеса. Ты ведь так на него закричал. Ни одна женщина этого не стоит.

— Да.

— Она для тебя много значит? — спросил Кэл.

— Кое-что. — Марк с трудом глотнул. Во рту стало горько. — Конечно, когда они начинают считать, что ты их вещь, тут уж мало что можно сделать.

Кэл рассмеялся.

— Точно. У меня была старуха в Балтиморе. Однажды пырнула меня ножом за то, что я покувыркался с ее сестрой. Откуда ты, парень?

— Из Санта-Марии. Это часть Сан-Сан.

— Я там был однажды. В Северной Сан-Сан, не там, откуда ты. Держи. — Он протянул Марку сигарету и зажег спичку для них обоих.

Курили молча. Марк понял, что это совсем не табак: в сигарете добрая порция борлоя. Марк не стал вдыхать дым, но говорил так, словно сдерживает дыхание. Кэл затянулся и задержал дым.

— Хорошая травка, — сказал он. — Тебе следовало прихватить немного с собой, когда ты убегал.

— Нам пришлось уходить быстро.

— Да. — Они прислушались к звукам джунглей. — Адская жизнь, — сказал Кэл. — Я бы хотел вернуться на Землю. В какой-нибудь Благотворительный остров, куда угодно, лишь бы не так жарко. Хорошо бы жить на Аляске. Бывал там когда-нибудь?

— Нет. А разве здесь... у вас нет никаких планов? Чтобы сделать жизнь лучше.

— Ну, босс иногда говорит об этом, но ничего не происходит, — ответил Кэл. — Время от времени мы отправляемся в набег и приводим новых женщин. Недавно притащили перегонный аппарат, это уже кое-что.

Марк вздрогнул.

— Кэл?

— Да?

— Есть еще сигарета?

— Будешь мне должен.

— Конечно.

— Ладно. — Кэл достал табак и бумагу и скрутил еще две сигареты. Одну протянул Марку. — Я вот думаю. Должно быть что-то лучше, чем это, но не знаю что. — Когда Кэл зажег спичку, Марк закрыл глаза, чтобы временно не ослепнуть. Потом поднял камень, который нащупал в темноте, и с силой опустил его на голову Кэла. Тот обмяк, и Марк ударил снова. Почувствовал, как что-то влажное и липкое потекло по пальцам, и содрогнулся.

Его вырвало, но пришлось действовать быстро. Он взял ружье и нож Кэла и еще спички. Больше ничего полезного не было. Марк передвинулся от камней на узкую каменистую площадку. Никто его не остановил. Он побежал в джунгли, не представляя себе, что делать дальше.

Он пытался думать: «Прятаться до утра бесполезно. Найдут Кэла и начнут искать меня. А там осталась Хуанита. — Марк бежал по вязкой грязи. На глазах выступили слезы, но он смахнул их. — Куда я иду? Зачем? К чему это все вообще?»

Он бежал до тех пор, пока не почувствовал: рядом что-то движется. Марк набрал воздуха, чтобы закричать, но чья-то рука закрыла ему рот. Другая ухватила за запястье. Он почувствовал у горла острие ножа.

— Один звук, и ты мертв, — послышался шепот. — Понял?

Марк кивнул.

— Хорошо. Не забывай об этом. Ладно, Ардуэй, отпусти его.

— Слушаюсь, — ответил другой голос.

Его почти уносили через джунгли от лагеря. Людей было несколько. Сколько именно, он не знал. Двигались они неслышно.

— Готов идти? — спросил кто-то.

— Да, — прошептал Марк. — Кто...

— Заткнись. Еще один звук, и я вырежу тебе почки. Умирать будешь неделю. Иди за тем, кто перед тобой.

Марк производил больше шума, чем все остальные вместе взятые, хотя и старался идти неслышно. Они долго шли по колено в воде и жидкой грязи, потом по более твердой поверхности. Ему показалось, что идут по небольшому подъему. Потом над головой перестали нависать деревья. Они вышли на поляну.

Ночь была абсолютно темная. «Как они видят? — удивлялся Марк. — И кто они такие?» Ему показалось, что он различает перед собой что-то темное. Это было скорее просто ощущение, чем что-то конкретное, но потом он притронулся к чему-то мягкому.

— Вперед, — велел один из похитителей.

Это был занавес. Когда Марк прошел, занавес опустили, а перед ним оказался другой. Потом его ослепил свет. Он стоял, мигая.

Он находился в палатке. С полдюжины мужчин в мундирах собрались вокруг стола с картами. В глубине палатки, напротив себя, Марк увидел высокого стройного человека. Он не мог понять, сколько тому лет, но в волосах его светлели седые пряди. Маскировочная форма для джунглей аккуратно выглажена. Он без всякого выражения смотрел на Марка.

— Ну, главный старшина?

— Очень странно, полковник. Этот человек караулил в паре с другим. Ни один из них о нас не знал. Мы наблюдали за ними несколько часов. Потом этот вышиб второму мозги камнем и убежал прямо в джунгли.

«Наемники, — подумал Марк. — Они явились...»

— Мне нужна помощь, — сказал он. — Они забрали мою... мою жену.

— Как вас зовут? — спросил полковник.

— Марк Фуллер.

Полковник взглянул направо. За небольшой консолью сидел другой офицер. Он набрал имя Марка, и на экране появились слова. Полковник какое-то время читал.

— Сбежавший осужденный. С вами сбежала Хуанита Корли. Это ваша жена?

— Да.

— И вы присоединились к Свободному государству.

— Нет. Все было совсем не так. — Марк выпалил свою историю.

Полковник снова посмотрел на экран.

— И вы удивились. — Он кивнул. — Я знал, что от земных школ мало толку. Тут говорится, что вы умный человек, Фуллер. Пока вы это не очень проявили.

— Нет. Боже, нет. Кто... кто вы такие? Пожалуйста.

— Я полковник Джон Кристиан Фалькенберг. Мой полк нанят губернатором Танита для подавления так называемого Свободного государства. Вас захватил в плен главный старшина Кальвин, а это мои офицеры. А теперь, Фуллер, что вы можете нам рассказать об устройстве лагеря? Какое там есть оружие?

— Я знаю немного, — ответил Марк. — Сэр.

Почему я это добавил?

— В лагере есть и другие захваченные женщины, — сказал Фалькенберг.

— Сюда, — позвал один из офицеров. — Покажите нам, что знаете, Фуллер. Насколько точен этот снимок со спутника?

— Боже, Роттермилл, — сказал третий офицер. — Дайте парню прийти в себя.

— Майор Севедж, моя работа — разведка.

— А также просто сочувствие. Иен, не найдешь ли парню выпить? — Майор Севедж поманил Фалькенберга и отвел его в угол палатки. Другой офицер достал из-под стола кружку и бутылку. Протянул Марку бренди.

Фалькенберг выслушал Севеджа. Потом кивнул.

— Можно попробовать. Фуллер, есть ли в лагере какие-нибудь признаки наличия электроэнергии?

— Нет, сэр. Там вообще нет электричества. Только фонарики.

— Какое-нибудь специальное вооружение?

— Полковник, я видел только ружья и пистолеты, но слышал разговоры о пулеметах. Не знаю, сколько их.

— Понятно. Маловероятно, чтобы у них было лазерное оружие. Роттермилл, пропадали ли со складов самонаводящиеся снаряды? И каковы шансы на то, что у них есть противовоздушные ракеты?

— Очень невелики, полковник. Практически никаких. Насколько мне известно, ничего не пропадало.

— Пожалуйста, проверьте еще раз. Джереми, возможно, вы правы, — сказал Фалькенберг. — Полагаю, можно использовать для нападения вертолеты.

На мгновение наступило молчание; потом офицер, который дал Марку бренди, сказал:

— Это чертовски рискованно, полковник. На вертолетах нет брони.

— Сто лет назад машины ненамного лучше наших были основным оружием, капитан Фрейзер. — Фалькенберг изучал карту. — Видите ли, Фуллер, мы в любое время можем всех их уничтожить. Настоящая проблема в заложниках. Из-за них мы оставили авиационную группу и пришли сюда пешком. Мы не смогли пронести по болотам тяжелое вооружение и даже личную броню.

«Еще бы, — подумал Марк. Он попытался представить себе большой отряд, пешком идущий через болота. Это казалось невозможным. — А что они делали, когда на них нападали звери? Никто в Свободном государстве не слышал выстрелов. Зачем вооруженный человек позволит убить себя, если он может стрелять?»

— Я ожидаю, что, узнав о нашем появлении, они примутся угрожать пленным, — сказал Фалькенберг. — Конечно, мы попытаемся вступить в переговоры. Сколько времени, по-вашему, им потребуется, чтобы понять, что мы не пойдем на уступки?

— Не знаю, — ответил Марк. Два года назад он вообще не мог себе представить такого: люди будут убивать и мучить без всяких причин. Нет. Не люди. Звери.

— Что ж, вы вынудили нас действовать быстрее, — сказал Фалькенберг. — Через несколько часов найдут вашего мертвого товарища. Капитан Фрейзер.

— Сэр.

— Вы изучили карту. Если бы лагерь принадлежал вам, какую оборону вы бы организовали?

— Окопал бы открытое пространство в надежде на то, что какой-нибудь дурак попробует здесь пройти, полковник.

— Да. Главстаршина.

— Сэр!

— Покажите, где они разместили часовых. — Фалькенберг следил за тем, как Кальвин делает отметки. Потом кивнул. — Похоже, у этого Чамблисса есть зачатки военных познаний. Кольца часовых. Эшелонированная оборона. Можно незаметно пройти через них, главный старшина?

— Маловероятно, сэр.

— Да. — Фалькенберг немного постоял. Потом повернулся к капитану Фрейзеру. — Иен, возьмете своих разведчиков и половину пехоты. Подготовьтесь к нападению на открытой местности. Мы назовем эту местность «Зелень А». Это, строго говоря, не обманный маневр, Иен. Будет неплохо, если вы сумеете пройти. Однако я не ожидаю, что вам это удастся, поэтому берегите людей.

Фрейзер вытянулся.

— Сэр.

— Мы вас не бросим, Иен. Когда противник ввяжется в бой, мы используем вертолеты, чтобы забрать вас. Потом нападем с обоих флангов и окружим их. — Фалькенберг снова показал на карту. — Эта лощина кажется подходящей посадочной площадкой. Назовем ее «Зелень А-один».

Майор Джереми Севедж поднес зажженную спичку к трубке и глубоко затянулся. Потом сказал:

— Необходим точный расчет времени, Джон Кристиан. Иену придется туго, если мы угробим вертолеты.

— Ты знаешь лучший способ, Джерри? — спросил Фалькенберг.

— Нет.

— Хорошо. Фуллер, можете быть штурманом в вертолете?

— Да, сэр. Я даже могу его вести.

Фалькенберг снова кивнул.

— Да. Вы ведь сын налогоплательщика, верно? Фуллер, вы полетите в вертолете номер три. Капитан Оуэнсфорд.

— Сэр.

— Вы возглавите освобождение заложников. Главный старшина, мне нужен штабной взвод нападения, в броне и с полным вооружением, в вертолете номер три. Фуллер поможет подвести вертолет как можно ближе к пещере, где держат женщин. Капитан Оуэнсфорд последует за ними в вертолете номер два с еще одним взводом. Необходимо предпринять все усилия, чтобы освободить заложников живыми.

— Да, сэр, — ответил Оуэнсфорд.

— Фуллер, вы все поняли?

— Да, сэр.

— Хорошо. У вас не будет времени, чтобы идти с ними. Когда солдаты высадятся, вертолеты должны тут же улететь. Они нам понадобятся для эвакуации группы Иена.

— Полковник? — сказал Марк.

— Да?

— Не все женщины заложницы. Я думаю, некоторые будут сопротивляться. Не знаю, сколько именно. И не все мужчины... ну, не все хотят здесь оставаться. Некоторые убежали бы, если бы смогли.

— И что, по-вашему, я должен с этим сделать?

— Не знаю, сэр.

— Я тоже не знаю, но капитан Оуэнсфорд будет в курсе ситуации. Главный старшина, этот командный пост переместится через час. А до этого времени, Фуллер, я прошу вас рассказать капитану Роттермиллу все, что вы знаете о лагере.

«Ничего из этого не выйдет, — думал Марк. — Я молился, чтобы она умерла. Но не знал, захочет ли она умереть. А теперь она умрет». Он еще раз глотнул из бутылки и почувствовал, что ту у него отбирают.

— Позже, — сказал Роттермилл. — А теперь рассказывай все, что знаешь о лагере.

X

— Нашли мертвого часового. — Сержант, сидевший за радио, снял наушники. — Кажется, у них из-за этого большое волнение.

Фалькенберг взглянул на часы. До рассвета еще целый час.

— Долго же они чухались.

— Жаль, что Фуллер не сможет привести вертолет в темноте, — сказал Джереми Севедж.

— Да. Главный старшина, попросите капитана Фрейзера привести людей в готовность и сами подготовьте свою группу.

— Сэр.

— У меня хорошее предчувствие относительно этого парня, Джон Кристиан. — Севедж выколотил трубку о подошву ботинка. — Хорошее предчувствие.

— Надеюсь, ты окажешься прав, Джереми. Но сам Фуллер не верит в успех.

— Конечно, нет, но он знает, что это его лучший шанс. Он сейчас достаточно уравновешен. Реалистическая оценка вероятностей. Учитывая все обстоятельства, он хорошо держится.

— Для женатого. — Женатые мужчины склонны давать обещания, которые не смогут выполнить. Губы его слегка дрогнули от воспоминаний, и на мгновение в темноте возникло лицо Грейс. — Главный старшина, прикажите экипажам вертолетов надеть броню.

— Это всегда так? — спросил Марк. Он сидел кресле слева в кабине вертолета. В отличие от машин с неподвижными крыльями, в вертолете пилот сидит справа.

Броня и шлем с непривычки пригибали книзу, в плотной одежде было жарко. Микрофоны, встроенные в шлем, передавали приказы, предназначенные другим. Сквозь шлем слышалась стрельба. Четверть часа назад группа капитана Фрейзера начала нападение; теперь на восточном горизонте над джунглями занималось слабое розовое зарево.

Лейтенант Бейтс улыбнулся и повернул ручку управления.

— Обычно бывает хуже. Выберемся, Фуллер. Ты только приведи нас прямо к нужной пещере.

— Я-то это сделаю, но все равно не получится.

— Получится.

— Не нужно подбадривать меня, Бейтс.

— Не нужно? — Бейтс снова улыбнулся. Он был ненамного старше Марка. — Может, это мне нужно подбодриться. Мне всегда страшновато перед операцией.

— Правда? А не похоже.

— От нас этого и ждут. Чтобы не было видно, что нам страшно. — Он нажал кнопку микрофона. — Шеф, все в порядке?

— Да, сэр.

Шум в наушниках Марка стих. Чей-то голос произнес:

— Пуск ракет.

Спустя секунду другой, более строгий голос сказал:

— Всем вертолетам, включить двигатели. Повторяю: включить двигатели.

— Это нам. — Бейтс потянулся к приборам управления, и турбины взвыли. — Не очень светло.

— Вертолеты, доложить о готовности.

— Есть, готовы, — сказал Бейтс.

— Есть? — переспросил Марк.

— Мы ведь полк морской пехоты СВ, — сказал Бейтс. — Большинство из нас. Остались со стариком, когда Сенат расформировал его полк.

— Что-то ты больно молодой.

— Я? Конечно. Я поступил уже в Легион наемников Фалькенберга.

— Но зачем? Почему ты стал наемником?

Бейтс пожал плечами.

— Мне нравится быть частью полка. Платят хорошо. А в чем дело, ты считаешь нашу работу недостойной?

— Подъем. Начало вертолетной атаки.

— Есть старт.

Гул турбин усилился, и вертолет начал подниматься широким кругом или петлей. В строю из трех машин Бейтс занял крайнюю правую позицию.

Марк смутно видел зелень внизу, но с каждой минутой видимость улучшалась. Теперь он различал среди бесконечных джунглей небольшие поляны.

— Бери руль, — сказал Бейтс. Руки его нависли над приборами, готовые в любое мгновение перехватить управление у незнакомца.

Марк сжал незнакомую рукоятку. Он учился летать на семейной машине, тут все немного другое, но принципы те же. Вертолет ненамного превосходит размерами большой воздушный грузовик, а Марку довелось водить такой грузовик во время каникул на Юконе. Канадские озера казались необыкновенно далекими — и не только в пространстве, но и во времени.

Навыки управления вертолетом возвращались быстро. Марк вспомнил, какие дикие номера откалывал, когда впервые получил лицензию. Однажды группа одноклассников отправилась на пикник на остров Сан-Мигель, и он посадил вер-

толет в пещере, опустился на узкий недоступный пляж, проведя машину в сильный ветер между двумя крутыми утесами. После этого ему всегда поручали управление, когда хотели чего-нибудь необычного. «Хорошая была подготовка, — подумал он. — Я боюсь, и что мне делать, когда все это кончится? Фалькенберг выдаст меня властям? Меня продадут шахтерской компании. Или сделают что-нибудь похуже».

Впереди показались низкие холмы, тускло-коричневые в свете раннего утра. Люди жались к камням. Некоторые лежали раскинувшись — жертвы первого ракетного залпа. В хвостовой части вертолета словно свинина на сковороде трещали пулеметы. Выстрелы звучали непрерывно, сливаясь в сплошной шум. Вертолет обстреливал Свободное государство. Разлетались осколки камней. Остальные вертолеты тоже открыли огонь, и шесть трассеров причудливо изгибались в воздухе, словно в каком-то сложном танце.

На каменистой поверхности умирали мужчины и женщины. Они лежали вповалку, кровь окрасила поверхность вокруг них, точно как на экране триви. «Но это не подделка, подумал Марк. — Они не встанут, когда камера отъедет. Заслужили ли они такой конец? А кто его заслужил?»

Потом он был слишком занят тем, что вел вертолет, и больше ни о чем не думал. Площадка перед пещерой маленькая, очень маленькая — хватит ли ее для роторов? Сильный порыв ветра с моря подхватил их, и вертолет опасно накренился.

— Следи за... — Что бы ни хотел сказать Бейтс, закончить ему не удалось. Он навис над рукояткой, удерживаемый ремнями. Что-то липкое и влажное плеснуло Марку на левую руку. Мозг. Большой осколок ударил Бейтса в челюсть, а потом рикошетом отскочил к шлему. У молодого лейтенанта почти не осталось лица. «Опусти его, — приговаривал Марк, — полегче, полегче, теперь выровняй, вот еще один порыв, полегче, спокойней...»

Из спускающегося вертолета выпрыгивали солдаты. У Марка не было времени удивляться: они выпрыгивали и бежали в пещеру, а сзади прыгали другие. Потом что-то ударило Марка в левую руку, и он увидел в плексигласовом ветровом стекле перед собой аккуратные отверстия. Солдаты исчезли в

пещере. В своих огромных шлемах они тоже были безликими, совершенно одинаковыми роботами, идущими вперед или падающими грудами.

«Боже, они великолепны. Я должен посадить эту штуку! — Неожиданно это стало самым важным делом в жизни. — Посадить и выбраться, пойти в пещеру вместе с солдатами. Да, конечно, найти Хуаниту, но идти с ними, сделать что-нибудь самому, потому что я так хочу...»

— *Бейтс, перестань терять время и срочно вылетай на позицию «Зелень А-один».*

«К черту это!» — Марк возился с коммуникационным оборудованием.

— Бейтс мертв. Говорит Фуллер. Я сажаю вертолет.

Голос в наушниках изменился. Заговорил кто-то другой:

— Солдаты еще на борту?

— Нет. Все выпрыгнули.

— Тогда немедленно ведите машину на «Зелень А-один».

— Моя... моя жена здесь!

— Полковник знает об этом. — Голос майора Севеджа был спокоен. — Машина нужна там и немедленно.

— Но...

— Фуллер, полк пошел на большой риск, чтобы спасти заложников. Машина совершенно необходима. Или вы серьезно полагаете, что принесете большую пользу внутри?

«О, Боже! Внутри пещеры стреляли, кто-то кричал. Я хочу его убить, — подумал Марк. — Убить этого светловолосого ублюдка. Хочу смотреть, как он умирает». Наушники заполнил шум. Фоном были резкие команды и такие же резкие ответы. Голос Фрейзера:

— Мы прижаты. Как можем быстро, отступаем на «Зелень А-один».

Снова звуки выстрелов из пещеры.

— Есть, — сказал Марк. Он включил двигатель и стал подниматься петлей, чтобы уйти от наземного огня. Кто-то все еще оставался на борту: пулеметы поливали свинцом открытое пространство внизу.

Где эта «Зелень А-один»? Марк посмотрел на экран перед ручкой управления. Какие-то серые и белые пятна и длинные полоски крови на поверхности стекла. Пришлось поднять го-

лову Бейтса, чтобы сориентироваться. По пальцам снова потекла кровь, что-то теплое поползло по левой руке.

Вот и это место впереди — лощина, окруженная скалами и камнями. По краям залегли люди. Механически работал расчет гаубицы, опуская заряды в ствол, залегая, поднимаясь, опуская новый заряд. Повсюду яркие вспышки. Марк спустился, и вспышки исчезли. Послышались звуки: ружейный огонь и *вамп-вамп-вамп* минометов. Взвод принялся грузить в машину раненых. Потом сержант знаком велел подниматься, и Марк полетел в тыл, где ждал врач. К месту схватки направился другой вертолет.

Медики выносили раненых.

— Оставайтесь на месте, Фуллер, мы сейчас пришлем другого пилота, — послышался в наушниках спокойный голос Севеджа.

— Нет. Я поведу машину. Я знаю дорогу.

Короткая пауза. Затем:

— Хорошо. Отправляйтесь.

— Есть, сэр.

У входа в пещеру босса было прохладно, здесь разместился полевой госпиталь. Из глубины пещеры двигался непрерывный людской поток: пленные несли своих погибших, а люди Фалькенберга — товарищей. Мертвецов из Свободного государства складывали грудами на краю утеса. После опознания их бросали в море. Погибших солдат относили в сторону, и там они лежали укрытые. Трупы охраняли вооруженные часовые.

«Поют ли они над мертвыми гимн? — думал Марк. — Зачем это им? В чем смысл всех этих церемоний над мертвыми наемниками?» Он оглянулся на неподвижную фигуру в постели. Она казалась маленькой и беспомощной, дыхание с трудом вырывалось у нее из горла. Непрерывно работала капельница.

— Она выживет.

Марк повернулся и увидел полкового хирурга.

— Ребенка мы не сумели спасти, но она еще сможет иметь детей.

— Что с ней случилось? — спросил Марк.

Хирург пожал плечами.

— Пуля в нижнюю часть живота. Наша, их — кто знает? Рикошет — много вреда не наделала. Полковник хочет вас видеть, Фуллер. А здесь вы ничем помочь не сможете. — Врач взял его за руку и вывел на парящий дневной свет. — Сюда.

Снаружи на открытой площадке было много рабочих групп. Пленные по-прежнему выносили мертвецов. Над темно-красными пятнами на камнях жужжали насекомые. «Они выглядят такими мертвыми, — подумал Марк. — Такими мертвыми». Где-то плакала женщина.

На поляне под навесом сидел со своими офицерами Фалькенберг. С ними был еще один человек — пленник под конвоем.

— Значит, тебя взяли живым, — сказал Марк.

— Я, как будто, выжил. А вот Джорджа убили. — Губы босса скривились в усмешке. — А ты им помогал. Прекрасный способ отплатить за то, что мы вас приняли.

— Вы нас приняли! Ты изнасиловал...

— Откуда ты знаешь, что это было изнасилование? — спросил босс. — Конечно, никакого проку от тебя не было. Ты дурак, Фуллер. Твоя помощь не имела никакого значения. Имело ли значение хоть что-то, что ты делал?

— Достаточно, Чамблисс, — сказал Фалькенберг.

— Конечно. Вы теперь начальник, полковник. Вы нас побили, теперь можете приказывать. Мы с вами очень похожи.

— Возможно, — сказал Фалькенберг. — Капрал, отведите Чамблисса на охраняемую площадку. И проследите, чтобы он не сбежал.

— Сэр.

Солдаты сделали знак ружьями. Босс пошел перед ними. Казалось, он их ведет.

— Что с ним будет? — спросил Марк.

— Мы передадим его губернатору. Думаю, его повесят. Проблема, Фуллер, в том, что делать с вами. Вы нам помогли, а я не люблю оставаться в долгу.

— А какой у меня выбор? — спросил Марк.

Фалькенберг пожал плечами.

— Мы могли бы дать вам лошадь и оружие. До ферм на юге дорога длинная, но, добравшись туда, вы, вероятно, смогли бы избежать плена. Если это вас не устраивает, мы могли бы замолвить словечко перед губернатором.

— И что это мне даст?

— По крайней мере, он согласится забыть о вашем побеге и убедит вашего хозяина не наказывать вас за кражу лошадей и оружия.

— Но я буду по-прежнему под приговором. Снова стану рабом. А что будет с Хуанитой?

— Полк о ней позаботится.

— А это что значит? — спросил Марк.

Выражение лица Фалькенберга не изменилось. Марк не мог понять, о чем думает полковник.

— Я хочу сказать, Фуллер, что солдаты не одобрили бы, если бы я передал ее губернатору. Она может оставаться с нами, пока не кончится срок ее ученичества.

Марка охватил поток противоречивых чувств. Он открыл рот, потом снова закрыл. *Значит, ты не лучше босса.*

— Полковник Фалькенберг хочет сказать, — вмешался майор Севедж, — что ей будет позволено оставаться с нами, сколько она захочет. Нам не нужны женщины, и существует еще много различий между нами и вашим Свободным государством. Полковник Фалькенберг командует полком. Он не распоряжается толпой.

— Конечно. А что если она захочет пойти со мной?

— Тогда мы позаботимся, чтобы у нее была такая возможность. Когда она выздоровеет, — сказал Севедж. — Это будет ее выбор. А чего хотите вы? Нам некогда.

Чего я хочу? Боже, я хочу вернуться домой, но это невозможно. Грязный фермер, вечный беженец. Или раб еще по крайней мере на два года.

— Вы предлагаете мне не очень приятный выбор.

— Когда вы пришли сюда, выбора у вас было еще меньше, — сказал Севедж.

К навесу привели под охраной группу пленных. Они нервно поглядывали на сидящих офицеров, а караульные небрежно поигрывали оружием. Марк облизал губы.

— Я слышал, вы зачисляете к себе кое-кого из Свободного государства.

Фалькенберг кивнул.

— Немногих.

— А пилот вертолета вам не нужен?

Майор Севедж усмехнулся.

— Я тебе говорил, Джон Кристиан, что он попросится.

— Вы знаете, на что идете? — спросил Фалькенберг. — Солдаты не рабы, но должны выполнять приказы. Любые приказы.

— Рабы тоже должны подчиняться.

— Срок пять лет, — сказал Севедж. — Дезертиров мы находим.

— Да, сэр. — Марк по очереди посмотрел на офицеров. Те сидели с бесстрастными лицами. Молчали и даже не смотрели друг на друга, но они были одно целое. И со своими солдатами тоже. Марк вспомнил компании своего детства. Принадлежать к ним было очень важно, хотя он не понимал почему.

— Вы рассматриваете полк как очередной вариант, как неприятную альтернативу, — сказал Фалькенберг. — Если так, то этого недостаточно.

— Он сам к нам обратился, полковник, — сказал Севедж. — Мог и не обращаться.

— Я вижу, вы ему покровительствуете.

— Да, сэр.

— Отлично, — сказал Фалькенберг. — Сомневаюсь, мистер Фуллер, чтобы вы понимали, какая честь вам оказана. Главный старшина, как отнесутся к нему солдаты?

— Никаких возражений, сэр.

— Джереми?

— Нет возражений, сэр.

— Адъютант?

— У меня есть его досье, полковник. — Капитан Фаст показал на консоль. — Из него выйдет прекрасный солдат.

— Но не обязательно прекрасный летчик.

— Нет, сэр. У него прекрасные показатели интеллекта. Но я сомневаюсь в его мотивации.

— Да. Но нас ведь обычно не слишком волнуют мотивы тех, кто к нам записывается. Мы лишь требуем, чтобы они вели себя как солдаты. Есть возражения, Эймос?

— Нет, полковник.

— Тогда решено. Фуллер, вам назначается испытательный срок. Это будет не самый легкий период в вашей жизни. Право быть в нашем полку нужно заслужить. — Он неожиданно улыбнулся. — Не всегда можно позавидовать участи субалтерн-офицера.

— Да, сэр.

— Можете идти. Когда вернемся в наш лагерь, принесете присягу. И, несомненно, капитану Фасту понадобится дополнительная информация для его базы данных. Вы свободны.

— Да, сэр.

Марк вышел из-под командирского навеса. «Распалась связь времен, — подумал он. — Верно ли я цитирую? Неважно. Разве кто-нибудь хозяин собственной жизни? Я не смог им быть. Полиция, морские пехотинцы, босс, теперь эти наемники — все они указывают нам, что мы должны делать. А кто указывает им?

Теперь я один из них. Солдат-наемник. Звучит ужасно, но у меня совсем нет выбора. Это не карьера. Просто способ избавиться от рабства.

И все же...»

Он вспомнил утреннее сражение и почувствовал себя виноватым. Он остался жив. Мужчины и женщины умирали вокруг него, но он чувствовал себя живым как никогда.

Он прошел мимо могил. Почетный караул, не обращая внимания на жужжащих насекомых, ни на что не реагируя, стоял навытяжку рядом с этими закутанными в знамена фигуры, лежащими ровными рядами. «Теперь я один из них», — подумал Марк, сам не зная, кого имеет в виду: караульных или покойников.

XI

— Господин президент!

— Да, господин вице-президент!

— С сожалением должен сообщить, что, вопреки правилам, капитан Оуэнсфорд принес выпивку на свой стол. Сэр!

Капитан Хесус Алана стоял в конце стола и ледяным взглядом смотрел на капитана Оуэнсфорда.

— Капитан Оуэнсфорд!

Оуэнсфорд встал.

— Господин президент.

— Что вы можете сказать в оправдание своего ужасного преступления?

— Выпивка хороша, сэр.

— Неудовлетворительно, капитан. Отправляйтесь докладывать ведру грога.

— Сэр! — Оуэнсфорд направился в конец комнаты.

— Полагаю, у вас на Спарте тоже такое бывает, — сказал майор Севедж.

— Да, но всей старой традиции мы не следуем, — ответил Лисандр. Потом улыбнулся. — На самом деле такого немного, но, вернувшись, я это изменю.

Оуэнсфорд с помощью пожарных клещей достал из контейнера с тремя лепестками, обозначающими радиацию, дымящуюся фляжку, потом надел плотные рукавицы и свинтил крышку.

— За наших гостей, за президента стола и за 42-ой! — Он выпил, поставил чашку донышком вверх и отдал честь.

— Господин президент!

— Да, господин вице-президент!

— С сожалением констатирую, что капитан Оуэнсфорд не отдал присутствующим честь до того, как выпил.

— Капитан Оуэнсфорд, что вы можете сказать в свою защиту?

— Предыдущая выпивка была очень хороша, сэр!

— Мы вас прощаем. На первый раз. Садитесь на место.

— Спасибо, сэр!

Женщины, за исключением тех, что в мундирах, давно покинули столовую. Кэтрин Алана была в штатском и не вернулась после того, как проводила Урсулу в ее комнату в гостевых помещениях полка. *И сегодня я буду спать один.* Лисандр посмотрел на дальний конец стола, где спокойно сидел

Фалькенберг. *Любопытно, что он так разместил нас. Знает ли он?*

Гостям позволено было не следовать обычаям офицерской гостиной, но даже без визитов к ведру с грогом Лисандр выпил гораздо больше обычного. Коктейли перед обедом, вино за обедом, портвейн после обеда и бренди после портвейна. Потом Фалькенберг сделал знак, и официанты внесли виски. Шотландский виски, приятный, почти как коньяк.

Но вот полковник поймал взгляд капитана Алана. Президент стола кивнул.

— Волынщики!

— Сэр!

В зал вошли с десяток волынщиков. Официанты принесли еще виски.

— Боже, майор, — сказал Лисандр. — У вас такое часто?

— Только когда есть хороший повод.

Думаю, повод у вас всегда найдется.

— Конечно, победу на прошлой неделе нужно отпраздновать.

— Верно. Но ее мы уже отпраздновали. А сегодня повод — ваш визит. — Севедж взглянул на свои часы. — Думаю, все скоро закончится. Утром заседание штаба. — Он встал. — Если вы меня простите, мне нужно подготовиться.

— Полагаю, вы не нуждаетесь в помощи?

Севедж улыбнулся.

— Да, этого может быть многовато. Вот что я вам скажу. На выходе шепну слово президенту.

Через десять минут волынщики остановились, чтобы освежиться, и капитан Алана объявил об окончании обеда. Лисандр неуверенно встал.

Подошел капитан Оуэнсфорд и негромко сказал:

— Кое-кто останется здесь на всю ночь. Хотите, я вас провожу в помещения для гостей?

— Да, пожалуйста.

Снаружи было почти прохладно, и Лисандр почувствовал, что понемногу трезвеет.

— На меня больше действует шум, чем виски, — сказал Оуэнсфорд. — Волынщики мне никогда не нравились. Хорошо себя чувствуете?

— Неплохо.

— Я знаю, как привести вас в порядок.

— Да?

— У нас есть снадобье. Витамины. Тоник. Другие вещества. Действует всегда. Хотите попробовать?

— Капитан, я готов убить за стакан вашего средства. Или за два стакана.

Оуэнсфорд улыбнулся.

— Сюда. — Он провел Лисандра к маленькому бару в конце офицерской гостиной и усадил за стол. — Биллингс, два «Перед сном», пожалуйста.

— Сэр.

Бармен — старик, но держится как солдат. Вместо левой руки у него протез, приспособленный для работы за стойкой. Он улыбнулся, поставил на стол два высоких стакана, прошел за стойку и принес графин с водой.

— Выпейте, — сказал Оуэнсфорд. — Потом запейте по крайней мере двумя стаканами воды. Действует чудесным образом.

Лисандр отхлебнул и поморщился.

— Я не говорил, что это вкусно, — сказал Оуэнсфорд. — Ваше здоровье. — Он отпил. — Я знаю, что вы часто видитесь с губернатором.

— Да. Пока вы были в поле, положение усложнилось.

Глаза Оуэнсфорда сузились.

— Каким образом?

— К заговорщикам примкнули новые плантаторы. Несколько десятков. Бойкот расширяется быстрее, чем кто-либо ожидал.

— Черт побери. Но я не удивлен.

— Почему?

— Я знавал Эйса Бартона.

— Бартона. Это майор, который командует наемниками противника.

— Да, это Эйс.

— Откуда вы его знаете?

— Ну... видите ли, именно из-за него я вступил в Легион. Это долгая история...

Лисандр отпил и снова поморщился.

— Потребуется время, чтобы это улеглось...

Оуэнсфорд откинулся и посмотрел в потолок.

— Было это довольно давно, так давно, словно происходило с кем-то другим. Я тогда был намного моложе...

XII

— И как Он умер, чтобы сделать людей праведными, умрем же и мы, чтобы освободить их...

Песня звучала по всему кораблю, в серых коридорах, хранивших грязные следы тысяч летевших в корабле раньше; она звучала в вони тысяч нынешних пассажиров; эта вонь напоминала о предыдущих партиях осужденных.

Питер Оуэнсфорд поднял голову от стального стола, прикрепленного к стене его крошечной каюты. Солдаты поют не очень складно, но от всего сердца. Слышалось легкое гудение: дребезжала в такт басу расшатавшаяся заклепка. Оуэнсфорд кивнул своим мыслям. Это пел Аллан Роуч, в прошлом профессиональный борец. Питер решил сделать его унтер-офицером, когда они прибудут в Сантьяго.

Полет от Земли до Терстоуна в корабле Бюро Переселения занимает три месяца, и для всех это потерянное время. Питер не сомневался, что чиновники СоВладения на борту корабля прекрасно знают: все здесь добровольцы, летящие на войну. Зачем бы иначе девяносто семь мужчин добровольно отправились на Сантьяго? Но это не имело значения. Политкомиссар Строманд опасался западни. Строманд всегда подозревает предательство.

За все три месяца Питер Оуэнсфорд провел только с десяток занятий. Он отыскал пустое помещение вблизи устройства для удаления отходов и собрал там людей, но Строманд поймал их там. Последовала сцена, Строманд настаивал, чтобы Питер называл его «комиссаром», а солдаты обращались к нему «сэр». Напротив, Питер обращался к нему «мистер», а солдаты переделали его звание в что-то вроде «комик-стар»,

звезда комедии. Строманд взбесился и прекратил занятия Питера.

И теперь у Питера девяносто семь человек, которые ничего не знают о войне. Это образованные люди. Среди них есть студенты, рабочие, идеалисты; но было бы гораздо лучше, если бы за ними числился солидный перечень подростковых преступлений.

Он вернулся к бумагам, составляя длинный список того, что следует сделать, когда они приземлятся. По крайней мере, у него будет немного времени потренировать их перед вступлением в бои.

Ему очень нужно это время.

Терстоун обычно описывают как сухую жаркую копию Земли, и у Питера не было причин оспаривать это. Остров СоВладения с точки зрения закона — часть Земли, но Терстоун в двадцати парсеках от нее, и прилетевшие проходят через таможню. Пестрая группа Питера спрятала военное оборудование, привезенное частным порядком, и переоделась в бриджи и рубашки, популярные у бизнесменов из Нью-Йорка. Питер в длинной очереди на высадку оказался сразу за Алланом Роучем.

Аллан смеялся.

— Что смешного? — спросил Питер.

Роуч повернулся и показал на человека за собой. Все девяносто шесть рассеялись среди первых двухсот пассажиров, покидающих корабль Бюро Переселения, и все были одеты совершенно одинаково.

— Гуманитарная Лига решила немного сэкономить, — сказал Роуч. — Что, по-вашему, подумает СВ об этой опереточной армии?

Что бы ни подумали инспекторы СВ, они ничего не сделали: едва взглянув на багаж, они торопливо выпроводили добровольцев через здание СВ на пристань. К ним подошел невысокий русский в мешковатых брюках.

— Свобода, — сказал он. Говорил он с сильным акцентом.

— Но пасаран! — ответил комиссар Строманд.

— У меня ваши билеты, — сказал русский. — Вы поплывете на корабле. — И он показал на экскурсионный корабль с облупившейся краской и потускневшими позолоченными поручнями.

— Он, похоже, уже истратил свой последний кредит, — сказал Аллан Роуч Оуэнсфорду.

Питер кивнул.

— Я бы предпочел сам заплатить за билет. Кажется, этот корабль построен, когда Терстоун впервые заселялся.

Роуч пожал плечами и поднял свои сумки. Потом, словно передумав, поднял и сумку Питера.

— Вы не обязаны нести мой багаж, — возразил Питер.

— Поэтому я это и делаю, лейтенант. Ни за что не понес бы багаж Строманда. — Они прошли на борт и остановились у поручней, глядя на яркое небо Терстоуна. Добровольцы оказались единственными пассажирами, корабль отошел от пристани и тяжело двинулся по мелкому морю. До материка было меньше пятидесяти километров, и не успели они поверить, что уже не в космосе, а на планете, как оказались в Свободном Сантьяго.

Они шли по улицам. Жители приветствовали их, но по этим улицам уже прошло множество добровольцев, поэтому приветствия звучали не очень громко. Люди Оуэнсфорда не умели маршировать и у них не было оружия, и Строманд велел им петь строевые песни.

Песен они не знали, и поэтому пели только Боевой гимн Республики. Во всяком случае этот гимн верно выражал их чувства.

Нестройная группа направилась к местной церкви. Кто-то сломал крест и шпиль здания и превратил алтарь в лекционную кафедру. К тому времени как люди Оуэнсфорда устроились на церковных скамьях на ночлег, уже почти стемнело.

— Лейтенант?

Перед ним стояли Аллан Роуч и еще один доброволец.

— Да?

— Некоторым здесь не нравится, лейтенант. У нас в отряде есть верующие.

— Понятно. И что, по-вашему, я должен сделать? — спросил Питер. — Сюда нас направили.

Почему нас никто не встретил? Только какой-то мальчишка, когда высаживались, передал написанную от руки записку. Но не стоит расстраивать людей.

— Мы можем переночевать снаружи, — предложил Роуч.

— Вздор. Суеверная ерунда, — послышался сзади педантичный книжный голос, но Питеру не нужно было оглядываться. — Свободные люди не боятся такой чепухи. Скажите, кто распространяет...

Аллан Роуч крепко сжал губы.

— Я настаиваю, — требовал Строманд. — Этих людей следует просветить, и я им это обеспечу. В нашей роте не место суевериям.

— При чем тут суеверия, — сказал Питер. — Здесь темно, мрачно и неудобно. Если они хотят спать снаружи, пусть спят.

— Нет.

— Напоминаю, что командир здесь я. — Питер с трудом сдерживался. Ему двадцать три стандартных года, а Строманду за сорок, и Питер впервые командует самостоятельно. Он знал, что спор важен: все его слушали.

— А я напоминаю вам, что политическое руководство целиком на мне, — сказал Строманд. — Если люди останутся здесь, это подействует на них отрезвляюще.

— Вздор. — Питер резко встал. — Хорошо, все наружу. Разбиваем лагерь в церковном саду. Роуч, обеспечьте лагерь на ночь охраной.

— Есть, сэр! — Аллан Роуч улыбнулся.

Комиссар Строманд смотрел вслед выходящим. Немного погодя он пошел за ними.

Их разбудил офицер в синтекожаных брюках и куртке. Никаких знаков различия у него не было, но Питеру сразу стало ясно, что это профессиональный военный. «Когда-нибудь, — подумал Питер, — я тоже буду так выглядеть». Эта мысль подействовала ободряюще.

— Кто здесь старший?

Строманд и Оуэнсфорд отозвались одновременно. Офицер взглянул на них и сразу повернулся к Питеру.

— Ваше имя?

— Лейтенант Питер Оуэнсфорд.

— Лейтенант. А почему вы лейтенант?

— Я выпускник Вест-Пойнта, сэр. А ваше звание?

— Капитан, сынок. Капитан Ансельм Бартон, к вашим услугам. Да поможет вам Бог. Большинство из вас включено в состав 12-й бригады, второго батальона, адъютантом которого я имею несчастье быть. Есть еще вопросы? — Он посмотрел на Питера и комиссара. Прежде чем они успели ответить, послышался рев и ветер швырнул в них облако красной пыли. Немного погодя из-за угла показались несколько машин на воздушной подушке; они остановились перед церковью.

— О'кей, — крикнул Бартон. — В машины. Вы тоже, мистер Комик-стар. Лейтенант, вы поедете со мной в кабине. Давайте, давайте, мы не можем ждать весь день. Можете заставить их садиться побыстрей, Оуэнсфорд?

Среди грузовиков не было двух одинаковых. Гордо выделялся «мерседес», и Бартон направился к нему. Немного погодя Строманд занял свободное место в кабине второго грузовика, старого «фиата». Несмотря на ранний час, солнце светило ярко и горячо, и в кабине было приятно.

«Мерседес» шел ровно, но ему приходилось останавливаться и поджидать другие грузовики. «Фиат» мог подниматься над поверхностью только на десять сантиметров. Питер заметил колеи на грязной дороге.

— Конечно, — сказал Бартон. — У нас колесный транспорт. Много. И фургоны, которые тащат животные. Есть железные дороги. Что вы знаете об этих местах?

— Не очень много, — признался Питер.

— Ну, вы по крайней мере это понимаете, — ответил Бартон. Он увеличил тягу, чтобы поднять «мерседес» над неровным участком дороги, и конвой перевалил через вершину холма. Оглянувшись, Питер увидел маленький портовый городок, его почти пустые улицы и облака красной пыли.

— Видите тот хребет впереди? — спросил Бартон. Он указал на тонкую голубую полоску за краем впадины по другую сторону холма. Воздух такой чистый, что Питер мог видеть на шестьдесят километров и больше. Но расстояние определить было трудно.

— Да, сэр.

— Это он и есть. За ним территория донов.

— Мы направляемся прямо туда? Моим людям нужна подготовка.

— С их подготовкой они вполне могут занять место в боевых порядках. Чему вас научили в Пойнте?

— Кое-чему. — Питер не знал, как ответить. Вест-Пойнт был «гуманитаризирован», и он знал, что не обладает подготовкой прежних выпускников. — И еще я прочел много книг.

— Посмотрим. — Бартон достал из коробки пластиковую зубочистку и сунул в рот. Позже Питер узнает, что у многих военных та же привычка. «Нет табака из сена», — обычный ответ в магазинах Сантьяго. Услышав это впервые, Аллан Роуч заметил, что если здесь табак делают из сена, ему такой не нужен. — Давно из Пойнта? — спросил Бартон.

— Выпуск семьдесят седьмого года.

— Только что. В армию не приняли?

— Это очень личное, — ответил Питер. Зубочистка танцевала в улыбающихся губах. Питер смотрел на реки красной пыли, струящиеся мимо кабины. — Сейчас новое правило. В первый год после выпуска нужно подавать заявление в Со-Владение. Я так и сделал. Но на службе СВ для меня не нашлось места.

Бартон хмыкнул:

— А армии Соединенных Штатов не нужны офицеры, которые якшались с коммунистами. Они могут позволить СВ подмять страну.

— Примерно так.

Дальше они ехали молча. Бартон негромко напевал что-то. Питеру показалось, что он смог бы узнать мелодию, если бы Бартон пел погромче. Потом разобрал припев: «Будем надеяться, но позволим сыну Божьему надеть армейский мундир...»

Бартон взглянул на своего спутника и улыбнулся.

— Сколько фонарей в зале Каллема?

— Триста сорок, — машинально ответил Питер. Он поискал взглядом кольцо,* но его не было.

— А вы какого года выпуска, сэр?

---

* Выпускники Академии сухопутных сил США Вест-Пойнт традиционно носят специальное кольцо. — *Прим. перев.*

— Шестьдесят второго. Ну, итак, США вы не понадобились, а СВ расформировывает полки. Но есть и другие части. Фалькенберг набирает...

— Я не наемник, — сдержанно сказал Питер.

— О Боже. И поэтому вы здесь помогаете угнетенным массам сбросить ярмо эксплуатации. Мог бы и догадаться.

— Конечно, я здесь, чтобы бороться с рабством! Все знают о Сантьяго.

— Все знают и о других местах. — Зубочистка снова заплясала. — Ну, хорошо, вы освободитель страждущего человечества. Бог свидетель, все, что помогает человеку лучше себя здесь чувствовать, полезно. Но, чтобы помочь мне чувствовать себя лучше, помните, что вы профессиональный военный.

— Я об этом не забуду. — Они перевалили через еще один холм. Долина за ним оказалась такой же, как предыдущая, а за ней снова начинался подъем.

— Чего, по-вашему, хотят эти люди? — спросил Бартон.

— Свободы.

— Может, они хотят, чтобы мы их оставили в покое. Может, им будет лучше, если мы все уйдем.

— Они будут рабами. Кто-то должен им помочь... — Питер спохватился. В этом нет смысла, и он был уверен, что Бартон смеется над ним.

Но выражение лица старшего офицера смягчилось, вместо сардонической усмешки появилась легкая улыбка.

— Вам нечего стыдиться, Пит. Большинство из нас читало книги о рыцарях. Мы не служили бы в армии, если бы у нас не было такой черты. Но помните, почти через все это вы должны перешагнуть, иначе долго не продержитесь.

— Может, без чего-нибудь такого я вообще не смогу держаться.

— Как угодно. Только не разбейте себе сердце.

— Но если вы так считаете, почему вы здесь? Почему не в каком-нибудь отряде наемников?

— Такие вопросы задают коммунисты, — ответил Бартон. Он добавил мощности, и «мерседес» устремился вперед.

К концу дня они добрались до Таразоны. Город представлял собой архитектурную мешанину, как будто его построила

дюжина любителей. Церковь, превращенная в госпиталь, в стиле модерна эпохи Елизаветы III; почта — американская готика, а большинство жилых домов отделаны белой штукатуркой. Добровольцы высадились у пластистальных бараков — скверной копии казарм Вест-Пойнта. Здесь были ходы для вылазок, ложные крепостные решетки и пластиковые средневековые щиты на карнизах.

Внутри в коридорах мусор и кровь на полу. По приказу Питера его люди стали приводить помещения в порядок.

— Относительно этой крови, — сказал капитан Бартон. — Ваши люди как будто интересуются.

— Для некоторых это первая увиденная кровь, — ответил Питер. Бартон внимательно смотрел на него. — Ну ладно. Для меня тоже.

Бартон кивнул.

— Две истории относительно этой крови. Доны держали здесь гарнизон. Когда революционеры взяли город, они пытались здесь закрепиться. Одни говорят, что доны убивали здесь пленных. Другие рассказывают, что, когда республиканцы захватили бараки, они устроили здесь бойню.

Питер посмотрел на грязный двор и дальше, на холмы, где шли бои. Холмы казались далекими. Ни звука, и солнце неправдоподобно горячее.

— А что, по-вашему, правда?

— И то и другое. — Бартон повернулся и направился к городу. На мгновение остановился. — После обеда буду в бистро. Присоединяйтесь, если хотите. — Он ушел, поднимая облака пыли, которые разносил ветер.

Питер долго стоял во дворе, глядя на поля, растянувшиеся на пятьдесят километров до холмов. Почва красная, и горячий ветер занес пылью все щели и углубления. Местность кажется слишком пустынной, чтобы быть центром борьбы за свободу в известной части галактики.

Терстоун был колонизован в начальный период СоВладения, но планета оказалась слишком бедной, чтобы привлечь богатых колонистов. Третья экспедиция на Терстоун финансировалась карлистской ветвью испанской монархии, и со

временем Карл XII с группой сторонников — не удовлетворенных жизнью на Земле, как и большинство колонистов, — основал Сантьяго.

Некоторые из колонистов в Сантьяго протестовали против реставрации Бурбонов в Испании. Другим не нравилось то, что Хуан XXVI восстанавливает христианский мир. Были также просто недовольные своей судьбой, несчастьем в любви, надоедливыми женами или огромными карточными долгами. Карлисты заняли самый маленький и бедный из континентов Терстоуна, но действовали на нем очень осмотрительно.

В течение тридцати лет в Сантьяго прибывали только добровольные эмигранты, представляющие испанскую католическую культуру. Карлисты тщательно отбирали поселенцев, а хорошей земли хватало на всех. Королевство святого Иакова не обладало современной технологией, и в нем не было очень богатых, но не было и бедных.

Со временем Бюро контроля населения наделило Терстоун статусом планеты-реципиента, и Бюро Переселения начало перемещать сюда людей. Все три правительства Терстоуна протестовали, но, в отличие от Ксанаду или Дуная, у Терстоуна никогда не было военного флота; один-единственный фрегат СоВладения убедил эти правительства, что у них нет выбора.

Корабли БП перевезли на Терстоун два миллиона недобровольных колонистов. Осужденные, мошенники, преступники, революционеры, мятежники, члены уличных банд, люди не с тем цветом глаз и те, кому просто не повезло, — всех их заталкивали в антисанитарные транспортные корабли и увозили с Земли. Правительство Терстоуна располагало друзьями в Бюро Переселения и средствами для оплаты их услуг. Поэтому основную массу новых иммигрантов получил Сантьяго.

Карлисты старались. Они предоставляли транспорт для переезда на новые земли тем, кто этого хотел, и тем — а таких было большинство, — кто не хотел. Основатели Сантьяго хотели уйти от промышленности и поэтому почти ничего не строили; и вот неожиданно к ним хлынули городские жители с совсем иной культурой, которые не думали о земле и не любили ее.

Меньше чем за десять лет их столица из небольшого сонного городка превратилась в огромное пространство трущоб. Большую часть трущоб карлисты сносили. Но тут же по другую сторону города возникали новые. Маленькие поселки разрастались в большие города.

Когда в этих новых городах возникла промышленность, первопоселенцы взбунтовались. Они бежали от промышленности и не хотели с ней мириться. Король был смещен, и место отца занял малолетний принц. Кортесы взяли правление в свои руки и порабощали всех, кто отказывался подчиняться им.

Это называлось не рабством, а «выплатой долга на общественных работах»; но долг этот считался наследственным и передавался от одного человека к другому. Долги можно было продавать и покупать, и все должны были их отрабатывать.

Спустя поколение половина населения оказалась в долгу. Еще спустя поколение число рабов превзошло количество свободных. И наконец рабы восстали, и Сантьяго превратилось в *cause célèbre*.*

По настоянию других правительств Терстоуна и корпораций, которые вывозили из Сантьяго сельхозпродукцию, Большой Сенат СоВладения и США поддерживали карлистов, но не очень решительно. Сенаторы от Советского Союза поддерживали республиканцев, но тоже не слишком рьяно. Флоту СВ было приказано ввести карантин в зоне военных действий.

Но у Флота не было кораблей для выполнения этой задачи. Самолетам и космическим кораблям было приказано не приближаться к Сантьяго, запретили также ввоз тяжелого оружия. А в остальном Сантьяго предоставили самому себе.

Гуманитарной Лиге легко было посылать туда добровольцев, если они не привозили с собой оружие. Но поскольку добровольцы не были обучены, Лига подыскивала опытных офицеров, чтобы руководить ими.

Разумеется, Лига отвергала наемников.

---

* Громкое дело (*франц.*). — *Прим. перев.*

XIII

Питер Оуэнсфорд в приятной прохладе вечера Сантьяго сидел у резного стола, который мог быть сделан из дуба, но на самом деле не был таковым. Капитан Эйс Бартон принес графин с темным красным вином и подсел к нему.

— Я думал, меня направят в технические войска, — сказал Питер.

— Говорите на китайском? — Питер удивленно посмотрел на него. Бартон усмехнулся. — Республиканцы наняли техников на Ксанаду. Из-за карантина у нас мало высокотехнологического оборудования. Для того немногого, что мы имеем, хватает китайцев.

— Значит, я в пехоте.

Бартон пожал плечами.

— Вы воюете, Пит. Точно так же, как и я. Вам дадут роту. Тех, кого вы привезли с собой, и, может, еще сотню рекрутов. Все ваши. И Строманда в качестве политкомиссара.

Питер поморщился.

— А от него какой прок?

Бартон неторопливо огляделся.

— Осторожней. — Он продолжал улыбаться, но говорил серьезно. — У высшего командования политкомиссары гораздо популярней нас. Не забывайте об этом.

— Судя по тому, что я видел, высшее командование не очень компетентно...

— Боже, — сказал Бартон. — Послушайте, Пит, за такие разговоры вас могут расстрелять. Вы ведь знаете, это не отряд наемников, подчиняющийся кодексу. Это патриотическая война, и вам лучше не забывать об этом.

Питер смотрел на утоптанный глиняный пол. Он уже целую неделю по вечерам сидит за этим столиком и начинает понимать цинизм Бартона.

— У моих людей недостаточно защитной брони. Она есть только у меня. Вы говорите, мне дадут еще людей?

— Завтра прибывает новая группа. С ними нет офицеров. Конечно, их отдадут вам. Кому же еще? Войска нужно готовить.

— Готовить! — фыркнул Питер. — У нас достаточно немурлона, чтобы делать броню, но во всей роте только я умею это делать. У нас нет оружия, нет оптики. Нет связи...

— Да, положение все больше усложняется. — Бартон налил еще стакан вина. — А чего вы ожидали от бестехнологического общества, подвергнутого карантину СВ?

Питер откинулся на спинку жесткого деревянного стула.

— Да, знаю. Но... я не могу подготовить людей даже с тем, что у нас есть. Стоит мне собрать людей, как появляется Строманд и начинает произносить речь.

Бартон улыбнулся.

— Командир Интернациональной бригады Гермак считает, что у американских солдат низок боевой дух. Очевидно, речи произносятся, чтобы ее повысить.

— Их боевой дух низок, потому что они не знают, как воевать.

— Еще одно решение проблемы боевого духа по Гермаку — расстрел дезертиров, — негромко сказал Бартон. — Мое дело предупредить, парень.

— Единственное, что усвоили мои люди за эту неделю, это как петь и в каких домах с красным фонарем безопасней появляться.

— Больше, чем некоторые. Выпейте еще.

— Спасибо. — Питер уныло кивнул. — Неплохое вино.

— Верно. Вино хорошее, но недостаточно, чтобы его экспортировать, — сказал Бартон. — И вся проклятая страна такова. Хороша, но недостаточно.

На следующий день Питер Оуэнсфорд получил сто семь новых добровольцев, только что с Земли. Неделю спустя он снова застал Эйса Бартона за его любимым столиком в бистро.

Когда Питер сел, Бартон налил ему вина.

— Похоже, вам нужно выпить. Мне казалось, вам приказали по вечерам готовить солдат.

Питер выпил.

— Все по-прежнему, Эйс. Речи. Все больше речей. Я ушел. Совершенно очевидно, что мне там нечего делать.

— Рискованно, — сказал Бартон. Они посидели молча. Бартон выглядел задумчиво. Наконец он заговорил: — Вы считаете, что не нужны, Пит?

— Судя по тому, как они себя ведут. Но ведь в роте я единственный человек с военной подготовкой.

— Ну и что? Республика не нуждается в ваших войсках. Не в том смысле, в каком вы думаете. Главная цель добровольцев — обеспечить пребывание у власти правильной партии.

Питер напряженно молчал. Он пообещал себе, что воздержится от необдуманных действий, что бы ни говорил Бартон.

— Не могу в это поверить, — сказал он наконец. — Добровольцы собрались отовсюду. Они прилетели не для того, чтобы помочь какой-то политической партии; они хотят освободить людей.

Бартон ничего не ответил. Красная зубочистка плясала у него во рту, а на угловатом лице появилась хитрая улыбка.

— Послушайте, да вы сами в это не верите, — сказал Питер.

— Возможно. Пит, вы когда-нибудь думали, сколько денег они собирают в Штатах? Денег тех, кто чувствует себя виноватым в том, что сам не идет в добровольцы?

— Нет. Здесь никаких денег нет. Вы это сами видите.

— Здесь денег нет, но они уходят к техникам, — сказал Бартон. — Это по крайней мере имеет смысл. Ксанаду просто так не посылает своих парней, а без них какой толк от таких земляных червей, как мы?

Питер откинулся на спинку стула.

— Значит, у нас хорошая техническая поддержка...

— Почти такая же хорошая, как у донов, а значит, обе группы получают одно и то же. Стоит одной группе усилиться, и война окончена, верно? Но никто не может обойти карантин СВ, поэтому доны и республиканцы убивают друг друга ружьями, ножами и гранатами. Да и гранат не очень много.

— У нас даже ружей нет.

— Ну, вы их получите. А пока успокойтесь. Вы доложили, что ваши люди не готовы к боям. Вы просили оружие и больше немурлона. Вы жаловались на Строманда. Вы все это

проделали. А теперь замолчите, иначе вас расстреляют как пораженца. Это приказ, Пит.

— Да, сэр.

Грузовики пришли в Таразону неделю спустя. Они привезли из Нью-Абердина, самого большого города Терстоуна, ящики в форме гробов, полные ружей и штыков. Ружья были покрыты смазкой, и не было никакого растворителя, чтобы ее снять. В основном это были копии автоматической модели «Ремингтона» 2045 года, но были и ружья производства «Круппа» и «Шкоды». Большинство солдат не знало, какие патроны подходят к их ружьям.

— Неплохое оружие. — Бартон вертел в руках одно из ружей. — У нас было и похуже.

— Но я получил не очень большую подготовку в ружейном деле, — сказал Питер.

Бартон пожал плечами:

— Нет ни энергетических установок, ни кораблей поддержки. Очень мало минометов и ракет. Никакого сложного вооружения. Нет базы для использования чего-нибудь, кроме порохового оружия, Питер. Забудьте все остальное, чему вас учили, и помните только это.

— Да, сэр.

Послышались свистки, и кто-то со стороны грузовиков закричал:

— Хватайте оборудование и садитесь в машины!

— Что? — Оуэнсфорд повернулся к Бартону. — Садиться в машины — зачем?

Бартон пожал плечами:

— Пожалуй, мне лучше вернуться к себе. Может, решили перебросить весь батальон, пока у нас есть грузовики.

Он угадал. Те, у кого была броня, надевали ее; все были в боевой синтекоже. У большинства были шлемы, уродливые модели в виде полушария с жесткой прокладкой поверх самых уязвимых мест. Некоторые уже потеряли шлемы и садились в машины без них.

Конвой миновал равнину и углубился в более зеленую сельскую местность. После захода солнца под холодным без-

облачным небом быстро становилось холодно. Водители торопились и вели машины, не зажигая фар. Питер сидел в первом грузовике, в самом конце кузова, поджав колени к подбородку. Зубы его стучали в ритме, усвоенном много лет назад. Все молчали.

На рассвете они высадились в новой долине. Вокруг были примятые хлеба.

— Хорошая земля, — сказал рядовой Ланстер. Он подобрал ком и размял его в пальцах. — Очень хорошая.

Почему-то от этого Питеру полегчало. Он построил своих людей, убедился, что каждый умеет заряжать свое оружие, и заставил их стрелять в полуобвалившуюся стену. Он нарочно использовал большую цель, чтобы труднее было промахнуться. Подъехали еще грузовики и привезли тяжелые генераторы и противотанковые лазеры. Когда люди Оуэнсфорда попытались приблизиться к тяжелому вооружению, артиллеристы их прогнали. Казалось, они знают свое дело, и это обнадеживало.

Все разговаривали негромко, и когда кто-нибудь повышал голос, это производило впечатление крика. Строманд попытался заставить солдат петь, но они не стали.

— Долго еще? — спросил сержант Роуч.

— Думаю, нет, — ответил Питер, но сам ничего точно не знал и отправился на поиски грузовика с продовольствием. Хотел убедиться, что вечером у его людей будет хорошая еда.

Ночью пришел приказ сменить лагерь. Проводник шепотом попросил Питера идти за ним, и они двинулись по незнакомой местности. Где-то там ждали доны с их армией мобилизованных, наемников и семейных отрядов. Питер и его люди прошли метров пятьдесят, дошли до старого дерева, и тут кто-то обратился к ним шепотом.

— Все будет хорошо, — послышался из темноты голос Строманда. — Все враги политически незрелы. Пастухи разбегутся, мобилизованные крестьяне побросают оружие. У них нет причин сохранять верность.

— Почему же тогда война идет уже три года? — прошептал кто-то за Питером.

Питер подождал, пока дерево не осталось далеко позади.

— Это было не очень умно, Роуч. Строманд может приказать расстрелять вас за пораженчество.

— Пусть только попробует, лейтенант. Эй, парни, подберите ноги. Или хотите упасть в это ущелье?

— Тише, — настойчиво прошептал проводник. Они в темноте спустились по склону, потом снова поднялись, прошли мимо окопавшихся на склоне солдат. Все молчали.

Питер обнаружил, что идет вдоль остатков железной дороги. Большая часть шпал исчезла, рельсы тоже утащили. Наконец проводник остановился.

— Окопайтесь здесь, — прошептал он. — Да здравствует свобода.

— Но пасаран! — ответил Строманд.

— Пожалуйста, тише, — сказал проводник. — Мы в пределах слышимости противника.

— Ага, — ответил Строманд. Проводник повернул назад, и политкомиссар собрался идти за ним.

— Куда вы? — громким шепотом спросил капрал Грант.

— Доложить майору Харрису, — ответил Строманд. — Командир батальона должен знать, где мы.

— И мы тоже, — сказал кто-то.

— Кто это сказал? — спросил Строманд. Ответом было только сочное фырканье.

— Этот ублюдок не имеет права, — сказал кто-то рядом с Питером.

— Кто здесь?

— Ротвассер, сэр. — Ротвассер был связным роты. Эта должность давала ему право на звание монитора, но у него не было манипулы. Поэтому он передавал жалобы солдат Оуэнсфорду.

— Политкомиссар здесь нужен мне меньше всего, — шепотом ответил Питер. — А вы нужны мне здесь, а не в батальоне. Начинайте окапываться.

На склоне было холодно, но работа помогала согреться. Медленно наступил рассвет, не принеся с собой тепла. Питер достал свой усиливающий яркость бинокль и осторожно посмотрел вперед. Бинокль — подарок его матери и единственный хороший оптический прибор во всей роте.

Местность изрезана небольшими, с крутыми склонами, хребтами и долинами. Лежавший рядом с Питером Аллан Роуч негромко присвистнул.

— Если займем хребет перед нами, за ним еще один точно такой же. И еще один. Так никто войну не выиграет...

Оуэнсфорд молча кивнул. Внизу в долине росли деревья; апельсиновые и фиговые, ввезенные с Земли, перемежались с местными фруктовыми, как будто какой-то великан рассыпал семена по земле. Среди деревьев виднелись обгорелые развалины крестьянского дома.

Зззз! Что-то, что могло бы быть осой, но не было ею, гневно прожужжало над головой Питера. С противоположного склона долины послышался треск и снова гневное жужжание. Над землей поднялась пыль.

— Ложись! — приказал Питер.

— Чего они хотят, убить нас? — выкрикнул Роуч. Все рассмеялись. — Сэр, почему они не пользуются инфракрасными поисковыми системами? Мы ведь здесь на холоде...

Питер пожал плечами.

— Может, у них нет поисковых систем. У нас ведь нет.

Солдаты начали углублять свои ячейки, выбрасывая землю вперед. Работая, они смеялись. Очень плохая тактика, и Питера тревожила возможность использования артиллерии, но ничего не случилось. Противник находился примерно в четырехстах метрах впереди, на противоположном склоне долины, вытянувшейся вдоль хребта, точно такого же, как тот, что удерживал Питер. Спустившись в долину, пехота сама по себе не может взять ни тот, ни другой хребет. Обе стороны в безопасности, пока не появится более тяжелое вооружение.

На их позицию был нацелен один крупнокалиберный пулемет. Он стрелял по всему движущемуся. Был также лазер с несколькими зеркалами, которые можно было быстро перемещать. Сам по себе лазер не представлял угрозы. Зеркала тоже: монархисты никогда не стреляли дважды с одной и той же позиции.

Солдаты стреляли по пулемету и зеркалам, пока Питер не приказал им прекратить, чтобы зря не тратить боеприпасы. Но просто лежать и не отвечать огнем — пагубно для морального духа.

— Клянусь, я могу засечь этот проклятый пулемет, — сказал Питеру капрал Бассингер. — У меня лучшее в роте зрение.

Питер припомнил данные Бассингера. Две бывших жены, и у каждой признанный ребенок. Много лет прослужил страховым агентом в Бруклине, потом записался добровольцем.

— Вы не сможете увидеть эту штуку.

— Смогу, лейтенант. Дайте ваш бинокль, я его точно засеку.

— Хорошо. Будьте осторожны. Они стреляют по всему, что увидят.

— Я осторожен.

— Дай и нам посмотреть, приятель! — крикнул кто-то. Три человека сгрудились в траншее за Бассингером.

— Дай посмотреть!

— Не будь свиньей, нам тоже охота взглянуть!

— Товарищ, дай посмотреть...

— Убирайтесь отсюда, — крикнул Бассингер. — Вы слышали лейтенанта? Опасно высовываться за бруствер.

— А как же ты?

— Я наблюдатель. К тому же я осторожен. — Он пополз вперед и заглянул в просвет, который проделал в земле перед собой. — Видите, так безопасно. Мне кажется, я вижу...

Бассингера отбросило в траншею. Его осыпало осколками стекла, и к тому времени как все услышали хлопок выстрела, выбившего ему глаз, капрал уже не дышал.

В этот день два человека отстрелили себе пальцы на ноге, и их пришлось эвакуировать.

На холме они пробыли неделю. Каждую ночь теряли по несколько человек вследствие мелких ранений, которые, вероятно, причинял не враг. Потом Строманд вызвал взвод военной полиции и приказал расстрелять двоих солдат с ранениями в ногу.

Ранения прекратились, солдаты мрачно лежали в траншеях, пока роту не сменили.

Они провели два дня в маленьком прифронтовом городке, затем офицеров созвали на инструктаж. Офицер, проводивший совещание, говорил с сильным акцентом, но акцент был немецкий, а не испанский. На совещании присутствовали американцы, и инструктаж проводился по-английски.

— Мы начинаем всеобщее наступление. Все добровольцы-интернационалисты выступят одновременно. Используем тактику проникновения.

— Что это значит? — спросил капитан Бартон.

Штабной офицер как будто обиделся.

— Прорвавшись за передовую, идете туда, где расположена техника, и все уничтожаете. Когда это сделано, война окончена.

— А где эта техника?

— Вам скажут, когда вы прорвете передовую.

Остальная часть инструктажа имела для Питера не больше смысла. После того как их отпустили, он пошел с Бартоном.

— Видели свой участок передовой? — спросил Бартон.

— Относительно, — ответил Питер. — У вас есть приличная карта?

— Нет. Старые снимки с орбитального спутника СВ и несколько набросков. Не лучше, чем у вас.

— То, что я видел, совсем не радует, — сказал Питер. — Сначала оливковая роща, потом лощина, в которую я не могу заглянуть. Может, там что-то скрывается?

— Вам лучше выслать патрули и выяснить это.

— Разрешение на патрулирование местности нужно получить у командира батальона, — послышался сзади строгий голос.

— Вам стоит отвыкнуть от привычки незаметно подбираться к людям, Строманд, — сказал Бартон. — Кто-нибудь вас не узнает. — Он посмотрел на Питера. — Да, лучше спросите.

Майор Харрис сказал Питеру, что командование бригады запретило патрулирование. Необходима внезапность, а патрули могут предупредить противника о нападении.

Возвращаясь в расположение своей роты, Питер вспомнил, что Харрис до того, как отправился добровольцем в Сантьяго, был юристом и работал на партию Освобождения.

Выступать нужно было на следующее утро. Ночь была долгая. Солдаты чистили оружие и разговаривали шепотом. Некоторые чертили в грязи блиндажей бессмысленные диаграммы. В середине ночи к роте присоединились сорок

новых добровольцев. Они были вооружены только ружьями и всего два дня назад покинули портовый город. Большинство было родом с Черчилля, а поскольку они говорили по-английски, а сюда направлялись грузовики, прислали и их.

На рассвете майор Харрис созвал офицеров.

— Техники с Ксанаду сумели приобрести несколько ракет, — сказал он. — Они выпустят их в донов перед нашим выступлением. Оуэнсфорд, вы выступаете последним. Приказываю расстреливать каждого, кто не ушел перед вами.

— Это моя работа, — возразил Строманд.

— Я хочу, чтобы вы вели людей, — ответил Харрис. — Бомбардировка начнется в 8.15. Часы у всех перенастроены?

— Нет, сэр, — сказал Питер. — У меня только часы, которые отсчитывают земное время...

— Черт возьми, — произнес Харрис. — Ну, хорошо, час Терстоуна равен 1,08 земного часа. Вам придется рассчитывать, исходя из этого... — Он выглядел растерянным.

— Никаких проблем, — заверил Питер.

— Хорошо, возвращайтесь на свои места.

Час «зеро» миновал без всяких сигналов. Прошел еще час. Затем бригада республиканцев на севере открыла огонь, и несколько человек покинули укрытия и начали спускаться на дно долины.

Множество вспышек и блеск зеркал расцветили занятый противником хребет, прежде чем послышались выстрелы. Войска республиканцев скосило; немногие уцелевшие торопились назад в убежища.

— Огневая поддержка! — кричал Харрис. Аппарат связи Оуэнсфорда, как и прочая связная аппаратура, издавал нечленораздельные звуки, но приказ передали по линии. Его рота открыла огонь по монархистам, те отвечали.

Через несколько минут стало ясно, что враг господствует в долине. Из-за позиций противника поднялось несколько ракет и ударило по расположению республиканцев. В небе показались вспышки: это техники с Ксанаду обнаружили вражеские ракетные установки и ответили контрогнем. Постепенно стрельба прекратилась из-за отсутствия целей.

В 11.00 по часам Питера линию фронта осветила серия взрывов. На противника обрушился новый ракетный залп, и республиканцы на севере начали наступление.

— Подготовиться к выступлению! — крикнул Питер. Он ждал приказа.

Последовала почти минута тишины. Больше на врага не падали ракеты. Затем линии противника снова осветились вспышками, и республиканцы начали падать или торопливо отступать к своим позициям.

Коммуникатор издал сигнал тревоги, и Питер поднес его к уху. Как ни поразительно, но он услышал членораздельную речь. Кто-то из штаба разговаривал с майором Харрисом.

— Республиканцы уже продвинулись на полкилометра. Их уничтожают, потому что вы еще не выслали им в подкрепление своих драгоценных американцев.

— Вздор! — Голос Харриса в маленьком аппарате звучал монотонно. — Республиканцы отступили к своим окопам. Атака не удалась.

— Неправда. Вы должны показать, что значит высокий боевой дух. Все ваши люди добровольцы. Многие республиканцы мобилизованы. Покажите им пример.

— Да говорю вам, атака отбита.

— Майор Харрис, если через пять минут ваши люди не пойдут в наступление, я пошлю военную полицию арестовать вас как изменника.

Аппарат перешел на неразличимые скрипы и писки, а по рядам передали приказ:

— В атаку.

Питер переходил от ячейки к ячейке.

— Выходим и вперед. Джарвис, если вы отсюда не выберетесь, я вас застрелю. Вы трое, вперед. — Он видел, что Аллан Роуч делает то же самое.

Когда они добрались до конца линии, Роуч улыбнулся Питеру.

— Остались только мы, верно?

— Теперь наша очередь.

Они поползли вперед, за край углубления, которое их защищало, и десятью метрами ниже увидели майора Харриса. Тот лежал неподвижно.

— Теперь батальоном командует капитан Бартон, — сказал Питер.

— Интересно, знает ли он об этом? Я пойду слева и буду подгонять их, сэр.

— Хорошо. — Как никогда остро ощущая свое одиночество, Питер прошел через оливковую рощу, отыскивая солдат и заставляя их идти вперед. Противник почти не стрелял. Они прошли пятьдесят метров, сто и достигли спуска в следующую впадину. Это был старый виноградник. Остатки лоз торчали из земли, как руки старухи.

Когда они углубились в эту лощину, доны открыли огонь.

Четверо новичков из Черчилля находились прямо перед Питером. Когда залп пришелся по ним, они залегли правильным строем. Питер пополз вперед, чтобы похвалить их за хорошо усвоенные упражнения из учебника. Все четверо были мертвы.

Он на тридцать метров углубился в лощину. Впереди висела сеть красных полосок, переплетенных в воздухе в метре над поверхностью. Он видел такое в Пойнте: сеть перекрестного огня, направляемого лазерными лучами. Теоретически техники с Ксанаду могут засечь зеркала или даже сами энергетические установки, но сеть висит неподвижно.

Некоторые из его людей не знали, что это такое, и устремились вперед. Спустя несколько мгновений у края сети возникла стена из мертвых тел. Никто не прорвался. Снайперы принялись добивать тех, кто еще двигался. Питер лежал и гадал, удалось ли продвинуться другим ротам. Большинство его людей попытались найти убежище за телами погибших товарищей. Один за другим солдаты умирали на открытом месте, под ярким солнцем в мертвом винограднике.

Позже пошел дождь; вначале всего несколько капель, потом еще, и наконец гроза сделала все невидимым. Те, кто мог ползти, вернулись в окопы. Приказа отступать не было.

Питер собирал небольшие группы и отправлял их обратно — за ранеными. Трудно было посылать людей в лощину, даже под прикрытием грозы, и ему пришлось самому пойти с ними, иначе они исчезли бы в грязи и мраке. Наконец, находить раненых больше не удавалось.

* * *

Траншея превратилась в картину ада, написанную грязью и кровью. Люди падали в окопы и лежали там, где упали, слишком усталые или испуганные, чтобы двигаться. Некоторые раненые так и умерли здесь, в грязи, другие падали на них сверху, покрывая мертвые тела и погружая их в грязь, потому что ни у кого не было сил двигаться. В течение нескольких часов Питер был в батальоне единственным офицером. Рота была его, и солдаты называли его «капитаном».

В полдень в траншеях появился Строманд. Он принес какой-то тюк.

Как ни невероятно, Аллан Роуч был невредим. Борец огромного роста преградил Строманду дорогу.

— В чем дело? — спросил Строманд.

Роуч не шелохнулся.

— Пока мы атаковали, вы печатали листовки?

— Я исполнял приказ, — сказал Строманд. Он нервно попятился от рослого сержанта. Его рука легла на рукоять пистолета.

— Роуч, — спокойно сказал Питер. — Пожалуйста, помогите мне перенести раненых.

Роуч стоял в нерешительности. Наконец повернулся к Питеру.

— Да, сэр.

На рассвете у Питера удерживали позицию восемьдесят боеспособных солдат. Доны овладели бы ею без труда, но они вели себя подозрительно тихо. Питер переходил от ячейки к ячейке, стараясь сосчитать людей. Двести раненых отправлены в тыл. Он насчитал сто тринадцать мертвых. Значит, не хватало еще девяноста четырех. Погибли, дезертировали, утонули в грязи — он не знал.

Никакого общего наступления не было. Командир добровольцев посчитал, что и без него предоставилась великолепная возможность продемонстрировать, на что способен высокий боевой дух. И продемонстрировал — без сомнения.

Командование республиканцев было в ярости. Война зашла в тупик, а это означало, что превосходящие силы донов медленно перемалывают республиканцев.

В отчаянии они попытались направить большую группу на юг. Предыдущее наступление было спланировано в мельчайших подробностях, новое целиком полагалось на внезапность. Остатки части Питера получили подкрепление из других частей и свежих добровольцев и были брошены против врага.

Целью служил сельскохозяйственный центр Сарагоса, небольшой городок, расположенный среди оливковых рощ и виноградников. Колонна Питера через рощи прошла на окраину города.

Внезапность подействовала, и схватка была короткой. Залп, стремительное наступление, и враг отступил. Связь поддерживали с трудом, но, похоже, группа Питера продвинулась дальше других. Они были острием копья свободы на юге.

Они шли между ликующих толп. Армия Питера выглядела пугалами, но женщины поднимали детей повыше, показывая им освободителей. Это искупило все. Тупость генералов, жара, грязь, холод, вши — были забыты благодаря этой победе.

Следом двигались другие войска, а команда Питера разбила лагерь на окраине городка. Завтра армия двинется дальше; если сделать войну подвижной, перейти на тактику коротких схваток и стремительных перемещений, ее еще можно выиграть. «Конечно, — думал Питер, — жители Сантьяго ждут их. Население их поддержит. Сколько тогда продержатся доны?»

Незадолго до темноты они услышали в городе выстрелы.

Питер повел взвод бегом по пыльным улицам, мимо стен с пулевыми пробоинами, на городскую площадь. Там была военная полиция.

— Никогда не видел таких нарядных солдат, — сказал Аллан Роуч.

Питер кивнул.

— Капитан, как вы думаете, откуда у них такие начищенные сапоги? И новые ружья? Кажется, для войск обмундирования никогда не хватает, но полиция всегда получает больше чем нужно...

Над телами сидел старик. Он держал на коленях голову юноши, и кровь проступала у него между пальцами. Старик пустыми глазами посмотрел на Питера.

— Зачем вы здесь? — спросил он. — Разве нет более богатых планет, чтобы вы их захватывали?

Питер не отвечая отвернулся. Не знал, что ответить.

— Капитан!

Питер проснулся, услышав настойчивый шепот Аллана Роуча.

— Капитан, внизу у ручья какое-то движение. Это не доны. Человек пять, и с ними мистер Строманд. Думаю, это офицеры из штаба.

Питер сел. С той самой катастрофической атаки в трех километрах к северу он не видел Строманда. Этот человек и пяти минут не прожил бы среди бывших товарищей.

— Кто еще знает?

— Альберт, больше никто. Он меня позвал.

— Пойдем узнаем, что им нужно. Тише, Аллан.

Они молча шли в жаркой ночи.

Что делают штабные офицеры в расположении роты, в авангарде наступающих сил республиканцев? И почему не сообщили мне?

Они шли за небольшой группой вдоль русла почти пересохшего ручья почти до самой городской стены. Когда те остановились, подобрались поближе и стали слушать.

— Приблизительно здесь, — послышалась книжная речь Строманда. — Подходящее место.

— Сколько у нас времени? — Питер узнал немецкий акцент штабного офицера, который их инструктировал. Следующий голос поразил его еще больше.

— Два часа. Достаточно, но уходить придется быстро. — Это бригадир Гермак, второй по старшинству человек в руководстве республиканскими силами. — Установили?

— Да.

— Подождите. — Питер вышел из тени. Он держал небольшую группу на прицеле. Рядом стремительно возник Аллан Роуч, тоже держа оружие наготове. — Назовитесь.

— Вам известно, кто мы, Оуэнсфорд, — выпалил Строманд.

— Да. Что вы здесь делаете?

— Не ваше дело, капитан, — ответил Гермак. — Приказываю вам вернуться к своей роте и никому не говорить, что вы нас видели.

— Минутку. Майор, если вы не уберете руку от пистолета, сержант Роуч разрежет вас пополам. Аллан, я собираюсь взглянуть, что они принесли. Прикройте меня.

— Есть.

— Нельзя! — Штабной офицер-немец двинулся к Питеру.

Оуэнсфорд реагировал автоматически. Прикладом ружья он снизу вверх ударил немца в подбородок. Тот со сдавленным криком упал и лежал неподвижно. Все застыли.

— Интересно, капитан, — заметил Аллан Роуч. — Кажется, они больше боятся, что их услышат свои, чем враг.

Питер пригнулся к устройству, оставленному у стены.

— Какая-то бомба, вот таймер... Боже!

— Что это, капитан?

— Атомная бомба, — медленно ответил Питер. — Они собирались оставить здесь атомную бомбу. Она должна взорваться через два часа? — спросил он небрежно. Мысли его смешались, но никакого объяснения он не находил и только диву давался собственному спокойствию. — Зачем?

Никто не ответил.

— Зачем взрывать единственную наступающую часть республиканской армии? — с удивлением спросил Питер. — Они не могут быть изменниками. Доны такого не одобрят... но... Строманд, на орбите у нас новый боевой корабль СВ, верно? Силы Флота, способные прекратить войну?

— Что это значит? — спросил Аллан Роуч. Ружье он держал уверенно, но в его голосе слышалось напряжение. — Зачем взрывать атомной бомбой своих?

— Запрет, — ответил Питер. — Единственное, что СВ всегда навязывает силой. Никакого атомного оружия. — Он почти не сознавал, что говорит вслух. — Инспекторы СВ увидят, что передовые части наступающих республиканцев уничтожены атомной бомбой, и решат, что это сделали доны. Ведь

только им это выгодно. Поэтому СВ разгонит карлистов, а когда Флот уйдет, эти ублюдки останутся победителями. Верно? Гермак? Строманд?

— Конечно, — ответил Строманд. — Глупец! Идите с нами. Оставьте бомбу здесь. Извините, но мы решили, что не можем доверить вам этот план. Он слишком важен... он означает победу в войне.

— Какой ценой?

— Цена невелика. Батальон солдат и одна деревня. Да за неделю на войне гибнет больше. Сравнительно бескровная победа.

Аллан Роуч презрительно сплюнул.

— Если это свобода, она мне не нужна. А их вы спросили? — Он махнул в сторону городка.

Питер вспомнил радостные толпы. Наклонился к бомбе и внимательно осмотрел ее.

— Есть какая-то хитрость при остановке таймера? Если есть, то мы с вами одинаково близко от бомбы.

— Подождите, — крикнул Строманд. — Не трогайте ее, оставьте, идите с нами. Вы получите повышение, станете героем движения...

— Разрядите, или я сам рискну, — перебил Питер. Он нацелил ружье и ждал.

Немного погодя Строманд наклонился к бомбе. Она была размером с небольшой саквояж. Политкомиссар достал из кармана ключ, вставил его и повернул наборный диск.

— Теперь не взорвется.

— Взгляну еще раз, — сказал Питер. Он склонился к бомбе. Да, толстый металлический прут прошел через центр устройства, и теперь половинки взрывчатки не могут соприкоснуться. Тут позади послышался шум.

— Стой! — крикнул Роуч. Он поднял ружье, но политкомиссар Строманд уже исчез в темноте. — Я за ним, капитан. — Они услышали шум в ближних оливах.

— Нет. Его не поймать. Не поймать без большого шума. Тогда все выплывет наружу, и с делом республиканцев будет покончено.

— Вы становитесь умнее, — сказал Гермак. — Почему бы не позволить нам осуществить план целиком?

— Будь я проклят, — сказал Питер. — Убирайтесь отсюда, Гермак. Забирайте с собой своих стервятников. А если пришлете военную полицию арестовать меня и сержанта Роуча, можете быть уверены, что вся история — и про бомбу тоже — станет известна инспекторам СВ.

Гермак покачал головой.

— Вы делаете ошибку...

— Ошибка отпускать вас, — сказал Роуч. — Почему бы мне их не застрелить? Или перерезать им горло?

— В этом нет смысла, — сказал Питер. — Если Гермак его не остановит, Строманд вернется с военной полицией. Нет, пусть идут.

XIV

В следующие три дня рота Питера продвинулась на тридцать километров. Они пересекли плоскую долину с пересохшим песчаным руслом на дне и добрались до низкого кустарника на противоположной стороне. Здесь, на вершине хребта, они остановились.

Вокруг рвались снаряды и ракеты. Сражаться было не с кем, невидимый враг засел на следующем хребте, и оттуда три дня велась стрельба по их батальону.

Вражеский огонь удерживал их на месте, и они страдали от жары и безжалостного солнца Терстоуна. Люди слепли от блеска слонца и различали только один цвет — ярко-желтый. Когда вспыхивали трава и деревья, они не замечали разницы.

Кончилась вода, и они отступили. Ничего иного не оставалось. Снова пересекли долину. Миновали захваченные позиции и остановились, чтобы пропустить остальных, пока сами удерживают дорогу. На седьмой день после выступления они снова оказались на дороге, по которой вошли в долину.

Никакой организации не было. Питер оставался единственным офицером в батальоне из ста семидесяти двух человек, не имевших ни командиров, ни вооружения; только сто семьдесят два человека, слишком уставшие, чтобы о чем-то думать.

— Во всяком случае у нас есть ночь, — сказал Роуч. Он сидел рядом с Питером и курил сигарету. — Последний табак в батальоне, капитан. Хотите?

— Нет, спасибо. Возьмите все себе.

— Ночь для отдыха, — снова сказал Роуч. — Кажется бесконечностью — целая ночь, когда никто в тебя не стреляет.

Пятнадцать минут спустя ожила рация Питера. Он старался расслышать приказ сквозь статические разряды и шумы. Выслушав, распорядился:

— Созовите всех.

— Вот каково положение, — сказал он солдатам. — Мы по-прежнему удерживаем Сарагосу. В город ведет узкий коридор, и если его кто-нибудь не будет оборонять, мы потеряем город. В таком случае под угрозой окажется вся наша позиция.

— Капитан, вы не можете нас об этом просить! — Солдаты не хотели ему верить. — Вернуться назад? Нельзя нас заставлять это делать!

— Да. Я не могу вас заставить. Но помните Сарагосу? Помните, как нас приветствовали жители, когда мы входили? Это наш город. Никто другой не освободил этих людей. Это сделали мы. И никто другой не сможет сохранить их свободу. Никаких подкреплений нет. Неужели мы от них откажемся?

— Нельзя, — сказал Аллан Роуч. — Нужно занять коридор. Я с вами, капитан.

Один за другим поднимались остальные. Нестройная колонна двинулась вниз по склону хребта, спускаясь с прохладных высот, где вода в изобилии, в песчаную долину.

К рассвету они оказались в полукилометре от города. К ним по дороге двигались республиканские войска. Другие части выходили из оливковых рощ по обе стороны от дороги.

— Танки! — крикнул кто-то. — Танки идут!

Слишком поздно. Бронетанковые части противника обогнули Сарагосу и быстро приближались. За танками шла пехота донов. Питер ощутил горечь во рту и приказал

своим людям окопаться среди олив. Это будет их последний бой.

Час спустя их окружили. Еще два часа они сражались, чтобы удержать бесполезную рощу. Танки давно миновали их позиции, но пехота оставалась вокруг. Потом стрельба прекратилась, и над рощей нависла тишина.

Питер полз по периметру своей части — сто метров, не больше. У него оставалось меньше пятидесяти человек.

На краю позиции в неглубокой яме лежал Аллан Роуч. Спелые оливки, срезанные с ветвей, почти покрывали его, но, когда Питер подполз ближе, сержант рассмеялся.

— Чувствую себя салатом, — сказал он, отбрасывая оливки. — Что нам делать, капитан? Как по-вашему, почему они не стреляют?

— Подождем и увидим.

Ждать пришлось недолго.

— Сдаетесь? — послышался голос.

— Кому? — спросил Питер.

— Капитану Хансу Орту, фридландская бронированная пехота.

— Наемники, — прошипел Питер. — Как они сюда попали? Ведь считается, что СВ держит карантин...

— Ваше положение безнадежно, и вы не помогаете своим товарищам, удерживая позицию, — кричал голос.

— Мы не позволяем вам войти в город! — крикнул в ответ Питер.

— До поры. Но мы в любое время можем войти с другой стороны. Сдаетесь?

Питер беспомощно посмотрел на Роуча. Его люди молчали. Молчали, и Питер гордился ими. «Но, — подумал он, — у меня нет выбора».

— Да, — крикнул он.

Фридландцы были в темно-зеленых мундирах и по сравнению с пугалами Питера выглядели очень воинственно.

— Наемники? — спросил капитан Орт.

Питер открыл рот, собираясь с негодованием ответить отрицательно. Но его определил голос:

— Конечно, наемники. — Хромая, подошел капитан Бартон.

Орт подозрительно разглядывал их.

— Хорошо. Хотите поговорить с ними, капитан Бартон?

— Конечно. От некоторых из них я вас избавлю, — ответил Бартон. Он подождал, пока фридландец отошел. — Вы едва все не испортили, Пит. Сболтни вы, что вы добровольцы, он передал бы вас донам. А так он оставит вас у себя. И поверьте мне, это гораздо лучше.

— А вы что здесь делаете? — спросил Питер.

— Попал на севере в плен, — ответил Бартон. — К этим ребятам. Там, в тылу, набирают людей для Фалькенберга. Я записался, и меня отправили на поиски еще нескольких подходящих парней. Если хотите примкнуть, милости просим. Через неделю улетаем с этой планеты; и, конечно, на этой планете вы больше воевать не будете.

— Я вам говорил, что я не наемник.

— А кто вы? — спросил Бартон. — К чему вы вернетесь? Лучшее, на что вы можете здесь надеяться, — что вас интернируют. Но вы не обязаны принимать решение немедленно. Давайте вернемся в город. — Они через оливковые рощи направились в Сарагосу. — Вы делаете выбор в пользу службы СВ, — сказал Бартон. Это не был вопрос.

— Да. Наемником Фалькенберга не буду...

— Думаете, здесь будет мир, когда уйдет Флот СВ?

— Нет. Но я бы хотел сам выбирать свои войны.

— Вам нужна причина. Мне тоже была нужна — когда-то. Теперь я смирился с тем, что имею. Не забывайте две вещи, Пит. В таком отряде, как у Фалькенберга, вы не выбираете противника, но вам никогда не приходится нарушать слово. И как вы теперь будете зарабатывать на жизнь?

У Питера не нашлось ответа. Они пошли дальше.

— Кому-то нужно поддерживать здесь порядок, — сказал Бартон. — Подумайте об этом.

Они дошли до города. Наемники-фридландцы в него не входили; зато показалась колонна солдат-монархистов. Сапоги грязные, одежда порвана — внешне они не очень отличались от остатков роты Питера.

Когда монархисты вошли в город, жители выбежали из домов. Они выстроились по обе стороны улицы. И когда показались карлисты, послышались приветственные крики.

* * *

Лисандр осушил свой стакан. Графин опустел.

— Неплохая история, капитан. А кстати — что вы сделали с атомной бомбой?

— Отдал Фалькенбергу.

— А он?..

— Не знаю.

— Во всяком случае у майора Бартона ее нет, — сказал Лисандр.

— Не забудьте, это происходило двенадцать лет назад. И если Эйс Бартон решит, что ему нужна атомная бомба, он ее раздобудет.

— Двенадцать лет, и вы по-прежнему высокого мнения о нем?

— Конечно. И мне совсем не хочется с ним так встретиться.

— Может, и не придется, — сказал Лисандр. — Полковник Фалькенберг сказал губернатору Блейну, что вопрос политический и решать его нужно политическими средствами.

— Надеюсь, он прав, но Эйс легко не сдастся.

— Конечно, есть простое решение...

— Какое?

— Просто перехватить урожай, который сейчас у него.

— Да, это подошло бы, — усмехнулся Оуэнсфорд. — Но Эйс понимает это не хуже нас. Он очень умно спрятал эту штуку. Роттермилл загонял своих людей, заставляя изучать снимки со спутника, но пока они ничего не высмотрели.

— А нельзя подкупить кого-нибудь из плантаторов?

— Пытались. Они тоже не знают. Очевидно, Бартон сообщает им пункт доставки, а оттуда урожай переходит к его войскам.

Вечерняя выпивка не способствовала мысленной сосредоточенности Лисандра. Он нахмурился.

— Это должно быть очень большое укрытие. Даже если урожай концентрированный, его тонны. Нелегко спрятать.

— Может, и так. Но они это сделали.

* * *

Лисандр закрыл дверь и прислонился к ней. Он не стал зажигать свет. Серый рассвет позволял видеть достаточно, чтобы не наталкиваться на мебель, и, несмотря на средство Оуэнсфорда, яркого света он бы сейчас не выдержал.

— Спать, — пробормотал он. Выбрался из рубашки и брюк, швырнул их на кресло и направился к кровати.

Там кто-то был.

— Какого дьявола?

— Гммм? Линн?

— Урсула?

— Боже, который час?

— Четверть шестого. Что ты здесь делаешь?

— Я не хотела спать одна. Чего ты стоишь? Здесь холодно.

— Долго не будет. — Он лег и приладился к изгибам ее тела. Несколько мгновений спустя мягко, но решительно отвел ее руки. — Не сейчас, Урса. Пожалуйста.

— Голова болит?

— Не так сильно, как бывало.

— Нужно было пить воду.

— Боже, дорогая. Чем, по-твоему, я занимался?

— Ты часами пил *воду*? Ну, ваше высочество...

Он рассмеялся, но от этого заболела голова.

— Вода. Средство от похмелья. Рассказ капитана Оуэнсфорда.

— Должно быть, интересный был рассказ!

— Очень. Еще мы пытались понять, где эти проклятые ранчеро прячут галлоны и галлоны наркотика. Но ни к чему не пришли.

— Ну, хорошо. Спокойной ночи.

— Урса... что ты собираешься делать утром?

— Позавтракать с тобой. Спокойной ночи.

Офицерская гостиная была пуста. Лисандр и Урсула выбрали столик в углу, так, чтобы их не слышал официант, и поставили свои подносы с завтраком.

— Прости за такой выбор, — сказал Лисандр, поморщившись при виде тарелки с чем-то похожим на зеленую овсянку.

— Уже поздно, нам повезло, что вообще что-то получили. А ты выглядишь гораздо лучше, чем полчаса назад.

— Собираюсь прихватить формулу этого витаминного напитка на Спарту. Мы сделаем его правительственной монополией и через пять лет сможем отменить все налоги. — Он чокнулся своей кофейной чашкой с ее. — А теперь, может, расскажешь, что у тебя на уме все утро?

Она отхлебнула кофе.

— Линн... ведь они должны перевозить этот наркотик вертолетами, верно?

— Кто?

— Плантаторы. Мятежники.

— Да, вероятно. А почему ты об этом думаешь?

— Разве мне не должно быть интересно? Или это чисто мужская проблема?

— Послушай, Урса. Я этого не заслуживаю.

Она вздохнула.

— Да. Наверно, не заслуживаешь.

— Так в чем дело? У тебя есть идея?

— Может быть. Не знаю.

— Ну, расскажи.

— Я... мне стыдно...

— Что? Это же я, вспомни. — Он поставил кружку с кофе и обнял ее за плечи. — Что бы это ни было...

— Конечно. Ну, хорошо. Это случилось за шесть недель до твоего прилета на Танит. До нашей встречи.

— И что?

— Помнишь, я тебе рассказывала, что нас, девушек из отеля, посылают на плантации?

— Боже! Ты хочешь сказать, что тебя...

— Нет, не меня. Не совсем. Мне повезло. Я была... не смотри на меня, пока я рассказываю.

— Что бы это ни было, лучше расскажи. Так в чем дело?

— Я была... на праздновании дня рождения сына плантатора. Ему исполнилось шестнадцать. Я была... ты ведь читал

Мида и Бенедикт,* верно? Так вот, это и есть обряд совершеннолетия на Таните. — Она сухо рассмеялась.

— Урса... — Он обнял ее крепче.

— Ну, неважно. Это была... работа. Но произошло и кое-что еще. Тогда для меня это ничего не значило, но сейчас...

Лисандр опустил свою ложку.

— Рассказывай.

XV

— Внимание! — официально произнес капитан Фаст. Фалькенберг вошел, и все встали. Он занял свое место во главе длинного стола.

— Господин президент, весь ли совет полка в сборе?

— Да, сэр, — ответил капитан Алана.

— Благодарю вас. Главный старшина, приняты ли меры по обеспечению безопасности помещения? Спасибо. Объявляю заседание открытым. Прошу садиться.

Фалькенберг оглядел два ряда знакомых лиц. Офицеры расположились по старшинству, в дальнем конце главный старшина и старшие унтер-офицеры. Штатских женщин представляют Беатрис Фрейзер и Лора Брайант. Лица возникают и исчезают, но структура совета полка не менялась с тех пор, как 42-й полк морской пехоты СоВладения был расформирован и предпочел держаться вместе в качестве Легиона наемников Фалькенберга.

— Первый пункт. Поздравляю с окончанием кампании против Свободного государства, проведенной с небольшими жертвами. Молодцы. Конечно, операция была дорогая, и это позволяет перейти ко второму пункту. Финансовый отчет. — Все зашуршали бумагой, разбирая напечатанные листочки. — За последние месяцы мы истратили свыше семисот снарядов с разделяющимися боеголовками и сорок тысяч зарядов других видов оружия. В одной только операции против Свободного

---

* Джордж Херберт Мид, 1869—1931, и Руфь Фултон Бенедикт, 1887—1948, — американские антропологи. — *Прим. перев.*

государства мы использовали тридцать ракет «Медвежий коготь» и шестьдесят снарядов для минометов. Все, разумеется, было необходимо, но убыль нужно возместить. Капитан Алана добилась существенной экономии в рутинных операциях, но, боюсь, этого недостаточно. Необходимы дальнейшие сокращения. Замечания?

— Мы вряд ли можем сократить разведывательные операции против мятежных плантаторов. Или их воздушную поддержку, — сказал Иен Фрейзер.

— Конечно, нет. Думаю, в этом я выражаю общее мнение. Спасибо. У кого есть предложения?

— Срезать оплату, сэр? — спросил главный старшина Кальвин.

— Возможно. Это, конечно, последний резерв, но может дойти и до этого.

— Не лучшее время для этого, сэр.

Фалькенберг мрачно улыбнулся.

— Главный старшина, если кто-то из солдат захочет дезертировать на Таните, скатертью дорога. Думаю, если понадобится, мы найдем здесь достаточно рекрутов.

— Сэр.

— Следующий пункт, — сказал Фалькенберг. — Мы получили от Спарты чек на пять миллионов кредитов в качестве оплаты за отсрочку контракта. В течение месяца деньги можно будет снимать в банках Танита. Если предстоящая кампания окажется не слишком дорогой, это позволит слегка смягчить экономическую ситуацию.

— Отсрочка, — сказал майор Севедж. — То есть не нужно торопиться со сборами.

— Совершенно верно. Потребность в наших услугах откладывается на пять лет, и на это время мы должны найти работу.

Наступило молчание. Беатрис Фрейзер выглядела несчастной.

— Должна сказать, все мы с нетерпением ждали, когда у нас появится постоянный дом.

— Это не отменяет постоянное расположение полка. Просто придется ждать дольше, чем мы думали. Первый вопрос: принимаем ли мы оплату Спарты?

— На каких условиях? — спросил капитан Брайант.

— Предоставление наших услуг в первую очередь — при обычном сроке, который отводится на завершение текущей работы.

— Эти деньги нам определенно не помешают, — сказала капитан Алана.

— Как я понимаю, отказ от этого чека означал бы расстройство наших долговременных планов, — сказал Джереми Севедж. — Предлагаю все полномочия в этом вопросе предоставить полковнику.

— Поддерживаю, — сказал главный старшина Кальвин.

— Обсуждение? — поторопил Фалькенберг.

— А что обсуждать? — спросил Иен Фрейзер.

— Очень многое, если мы откажемся от предложения, — сухо ответил Джереми Севедж. — Поскольку у нас нет ни малейшего представления, куда мы направимся.

— Именно это я и имел в виду, — сказал Фрейзер. — Вопрос, полковник. Если мы примем чек, каковы шансы сохранить план?

— Высоки, я бы сказал.

— Спасибо, сэр.

— Дальнейшее обсуждение? — Фалькенберг кивнул. — Кто за предложение? Кто против? Благодарю вас. Не для протокола: я собираюсь поторговаться из-за условий, но приму предложение Спарты. Следующий пункт. Капитан Фаст, какие у нас есть предложения?

— На планете Фулсона восстание заключенных...

Несколько офицеров рассмеялись. Лора Брайант пришла в ужас.

— Там еще хуже, чем здесь! — воскликнула она.

Фалькенберг кивнул.

— Предложение с планеты Фулсона самое выгодное, но я полагаю, Лора высказала общее мнение?

Все энергично закивали.

— Новый Вашингтон, — продолжил капитан Фаст. — Группа диссидентов хочет освободиться от власти Франклина. Правительство Франклина призвало фридландцев и еще кое-какие отряды наемников и располагает собственной неплохой армией.

— Не слишком соблазнительное предложение, — сказал майор Севедж. — Вероятно, займет много времени. Но жить на Новом Вашингтоне хорошо. Там прохладно.

Один из командиров батальонов задумался.

— А что за армия у этих диссидентов?

Фалькенберг слегка улыбнулся.

— Много солдат. Но вряд ли их можно назвать армией.

Центурион Брайант нахмурился, потом улыбнулся.

— Полковник, если у них нет армии, а у нас есть и если мы победим...

— Мне приходила в голову эта мысль, — ответил Фалькенберг. — Мы можем оказаться единственной организованной военной силой на богатой... ну, относительно богатой... планете.

— И никакой торговли наркотиками, — сказала Беатрис Фрейзер. — Большой Сенат не будет так давить на нас. Или адмирал Лермонтов. Я знаю, вы его любите, полковник, но среди нас есть такие, кто хотел бы от него избавиться.

Послышался одобрительный гул.

— Пройдет время, пока мы сможем привезти семьи, — сказал Фалькенберг. — Вам придется ждать здесь.

Беатрис слегка содрогнулась.

— Лучше, чем сидеть на планете Фулсона. Или блуждать по галактике.

— В таком случае мы пришли к соглашению, — сказал Фалькенберг. — Будем внимательней изучать ситуацию на Новом Вашингтоне. Кто за...

Раздались одобрительные возгласы.

— Вижу, против — никого. Капитан Фаст.

— Полковник, подобная же ситуация существует еще на трех планетах, но определенных предложений нет. Стоит это сейчас обсуждать?

— Думаю, вначале раздобудьте побольше сведений, — сказал Фалькенберг. — Ни к чему все надежды сосредоточивать только на Новом Вашингтоне. Все согласны? Спасибо. Следующий пункт. Миссис Фрейзер.

— В жаре и влаге выходит из строя школьное оборудование, — заговорила та. — Примерно половина видисков для чтения не работает, а остальные действуют только благодаря

непрерывной заботе техников. А возьмите оборудование в поле — оно развалится.

— Похоже, самое подходящее место для использования части денег Спарты, — сказал Фалькенберг. — Леди и джентльмены? Вопросы, предложения?

— О какой сумме мы говорим? — спросил Хесус Алана. — Эрликон производит новые умные ракеты. С закодированными лазерными дезинтеграторами цели. Контрмеры обойдутся недешево. И нам нужно некоторое наступательное вооружение. Оно дорогое, но именно оно поможет нам одолеть бронечасти фридландцев на Новом Вашингтоне. И нам определенно нужны новые разделяющиеся боеголовки.

— Хорошо бы продолжить учить детей читать, — сказала капитан Кэтрин Алана. — За шестнадцать тысяч кредитов можно купить новые многоцветные читающие устройства для школы. Тогда мы бы об этом больше не беспокоились.

— Да, это было бы неплохо, — согласилась Беатрис Фрейзер. — Конечно, если вопрос стоит так: покупка устройств или победа в предстоящей кампании, тут и обсуждать нечего. Детей когда-то учили с помощью бумаги и классных досок и даже с еще более скромными средствами.

— Шестнадцать тысяч. Не так уж много, — сказал центурион Тамаго. — Предлагаю закупить оборудование для чтения. — Он улыбнулся. — Если повезет, в операции против плантаторов мы заработаем гораздо больше.

Фалькенберг слегка нахмурился. Грабеж — неприятная тема, к тому же дело не очень определенное. Он никогда не разрешал обсуждать его на официальных заседаниях.

— Кто за?

— Поддерживаю, — сказала Кэтрин Алана.

— Кто за? Спасибо. Полагаю, большинство за. Кто-нибудь хочет занести в протокол свой голос против? Никто не хочет. Капитан Алана, проконсультируетесь с миссис Фрейзер и закупите необходимое оборудование, но потратьте не свыше шестнадцати тысяч кредитов. Следующий пункт?

— Благодарю вас, Эймос. — Фалькенберг оглядел длинный стол. — На этом повестка дня исчерпана. Есть ли другие

вопросы на обсуждение совета? Нет. Есть ли возражения против того, чтобы закрыть совещание? Спасибо. Кто за закрытие? Спасибо. Совещание окончено. — Он встал и вышел из зала совещаний.

— Внимание, — сказал Эймос Фаст. Все стояли, пока Фалькенберг не вышел. Адъютант взглянул на часы. — Через десять минут штабное совещание. Спасибо. Все свободны.

Все сразу заговорили.

— Боже, главный старшина, — сказал центурион Брайант. — Планета Фулсона? До такого мы никогда не дойдем.

— Надеюсь, Альф.

Кэтрин Алана и Беатрис Фрейзер вышли вместе, погрузившись в обсуждение торговых марок и расписания доставки. Иен Фрейзер взял за локоть Хесуса Алану.

— Расскажите об этих ракетах Эрликсона.

— Я только что прочел о них в «Военной технологии», — ответил Алана.

— Да? Где...

— Я вам покажу. Номер принесла Кэтрин. Она обедала в гостиной того крейсера СВ, который побывал здесь на прошлой неделе. Ракеты кажутся чем-то новым, не просто усовершенствованием старого.

Официанты принялись убирать со столов и разносить свежий кофе.

— Смирно! — скомандовал главный старшина Кальвин, когда Фалькенберг вошел и вновь занял место во главе стола.

— Вольно, — автоматически ответил тот и сел. Людей за столом стало меньше. Кроме офицеров, только главный старшина Кальвин. Из женщин — первый лейтенант Ли Свенсен, старший аналитик фотоснимков и заместительница Роттермилла.

Она быстро работала на клавиатуре. Крышка стола стала прозрачной, и кристаллы под ней перегруппировались, образовав карту местности, удерживаемой мятежниками.

— Боже, меня тошнит от этого зрелища, — сказал кто-то.

Майор Севедж улыбнулся.

— Утомительно, верно.

Свенсен повернула джойстик, и на карте появились условные военные обозначения: темные и отчетливые там, где расположение противника выяснено точно, неясные и призрачные — где о расположении существовали только догадки. Неясные символы намного превосходили по численности четкие.

— Я вижу, майор Бартон не потерял умения маскироваться, — заметил Фалькенберг.

— Парни Иена стараются изо всех сил, — сказал Севедж.

По карте ползла дюжина синих точек.

— Разведывательные группы капитана Фрейзера, — пояснила лейтенант Свенсен. На виду у всех три синие точки сменились красными.

— Боже, — произнес капитан Фаст. — Бои. Разве нет лучшего способа обнаружить солдат Бартона?

— Потери, капитан? — поторопил Фалькенберг.

— Очень небольшие, сэр. Три человека убиты. Семь ранено, все вывезены по воздуху. Вряд ли это можно назвать боями.

— Простите, Иен, — сказал Фаст. Он посмотрел на Фалькенберга, потом на капитана Роттермилла. — Справедливо ли сказать, что мы не знаем, где расположены большинство частей Бартона, и понятия не имеем, где плантаторы прячут борлой?

Роттермилл неохотно кивнул.

— Можно выразиться и так. Неприятно слышать, но справедливо.

— К тому же, — продолжал капитан Фаст, — перед нами бездорожье. Хуже, чем просто бездорожье. Болота и джунгли. Транспортировка возможна только по воздуху, а у противника есть эффективные переносные комплексы «земля-воздух». Мы можем провести несколько групп за линию противника, но эффективное проникновение в глубину вражеской территории невозможно.

— Справедливый итог, — сказал Роттермилл. — Можно добавить, что они отлично охраняют сведения со своих спутников, а дворец губернатора протекает, как решето.

— Предложения? — спросил капитан Фаст.

Роттермилл пожал плечами.

— Занять их проклятые плантации, — предложил один из командиров батальонов. — Начать с самых близких и пройтись по всем. Их всего несколько сотен...

— Конечно. А как потом их удерживать? — спросил Роттермилл. — По две манипулы на ферму? Почему бы просто не украсить наших солдат яркими лентами и не пригласить Бартона к ним? Боже, Ларри...

— Сжечь чертовы фермы! Мои солдаты готовы это сделать. Этого мятежники не выдержат, они заставят Бартона сражаться.

— Боюсь, у нас нет транспорта, необходимого для подготовки засад, — сказал Фалькенберг. — И существуют еще политические соображения. Сомневаюсь, чтобы губернатор Блейн позволил нам зарезать свою курицу.

— Да. Так что же нам делать?

— Пусть парни Иена продолжат разведку, — сказал майор Севедж.

— Я могу отправиться сам, — предложил Иен Фрейзер.

— Нет, — ответил Фалькенберг. — Вряд ли это наша лучшая кампания, но пока она идет хорошо, насколько можно ожидать. Оппозиция... должна передать товар людям Бронсона. Или кому-то другому, в данном случае неважно. Нам только нужно помешать им. В кредит майор Бартон действовать не может и обещаниями не удовлетворится.

— Если мы захватим борлой, Бартон вообще откажется воевать, — сказал капитан Фаст.

— Да, сэр, — ответила лейтенант Свенсен. — Мы стараемся...

— Все мои люди стараются, — сказал Роттермилл.

— И мои тоже, — заметил Иен Фрейзер.

Сержант Тарас Гамильтон Мисковски уменьшил огонь в минипечке, почти полностью закопанной в землю.

— Пора пить чай.

Остальные четверо членов разведывательной группы жались под навесом из пончо Мисковски. Они машинально прикрывали теплые чашки ладонями, хотя теплый дождь ограничивает видимость искателей тепловизоров сотней

метров. Мисковски поглядел на путаницу лиан, древесных стволов, экзотических цветов и листьев необычной формы. Он никогда не слышал, чтобы какой-нибудь прибор смог под таким лесным покровом засечь источник инфракрасного излучения, но хороших привычек всегда стоит придерживаться.

Джунгли не походили ни на что растущее на Земле, но это не беспокоило Мисковски. Он никогда не бывал на Земле, и земные джунгли были бы ему так же незнакомы, как джунгли Танита. Мисковски вступил в Легион на Хейвене, и его первоначальная подготовка включала операции в горах.

Ему пришлось быстро учиться. Всем пришлось. На Таните либо быстро обучишься, либо не проживешь долго. Насекомые не особенно беспокоят людей, но есть множество больших тварей, которые очень беспокоят. А грибкам все равно, где расти. Он посмотрел на своих солдат:

«Два новых лица. На этот раз привередничать не пришлось. Кауффман мертв, Хванг в регенераторе — как всегда, не вовремя... но этот Фуллер умеет водить вертолет. Сильный ветер, и дождь как из ведра, и цепная пила Клаудуокера, тупая, как дерьмо; проклятая площадка, которую мы расчистили, слишком мала для посадки птички... Хоуви лежит у его ног. Сукин сын этот парень Фуллер, но летать умеет! А не обязан был, потому что я не должен был позволить Бульдогам Бартона обнаружить нас. Дерьмо!

Сейчас не очередь Клаудуокера караулить, но ему это занятие нравится: вон он, взял свою чашку и выбрался из-под навеса, прихватив ружье и повесив его через плечо».

Клаудуокер пошел по тропе, а Мисковски осмотрел оставшихся членов своей манипулы. Один из новичков — Энди Овасси. Мисковски его знал: он много лет пытался попасть в специальные разведгруппы. Второй...

Мисковски поднес к губам металлическую кружку. Пил и разглядывал лицо новичка. Бьюфорд Парди. Мулат, судя по внешности.

— Капитан Фрейзер обычно не направляет новичков в разведгруппы, — сказал Мисковски.

— Эй, сарж, он ведь жил здесь. Привык, — сказал Овасси.

— Да, я об этом слышал.

Наступило долгое молчание. Дождь колотил по навесу и капал с краев. Наконец Парди сказал:

— Мне многому предстоит научиться, верно?

— Похоже на то, — ответил Мисковски и поставил кружку. — Ну, ладно. Дай твое пончо. — Он сложил пончо вдвое и положил на землю. Тендон и Овасси придвинулись. Мисковски отрегулировал приборы на шлеме, и на пестром зеленом фоне пончо появились слабые очертания местности. — Хорошо. Мы здесь. — Он не обращал внимания на красные пятна, показывающие, где их поджидают в засаде Бульдоги Бартона. — Спутник показывает, что к западу от нас деревня. Двенадцать километров. Стандартная процедура. Нужно быть осторожными, но они как будто не работают на Бартона...

— Нет, — подтвердил Парди.

— Да? Откуда ты...

— Это деревня моего дяди Этьена, — сказал Парди.

— Не врешь?

— Не вру, сарж.

— А ты сам откуда, парень?

— Из деревни примерно в девяноста километрах к югу отсюда, — ответил Парди. — В ответвлении низины, которая тянется до деревни Этьена. Зубатка не заходит так далеко вниз по течению. Тут ее ловят мелкие несси. Мы пять-шесть раз в год привозим свой улов, чтобы поменять на морскую рыбу.

— Чтоб меня окунули в дерьмо! Хорошо, Парди, на каком языке говорят в этой деревне?

— На куни.

— А это что такое?

Парди испустил поток музыкальных, но совершенно непонятных звуков. Он улыбнулся:

— Больше похоже на англик, чем вы думаете.

— Должно быть, больше, чем я думаю, — пробормотал капрал Тендон.

— Ты на самом деле так говоришь? — недоверчиво спросил Мисковски.

— Конечно. Я с ним вырос.

— А как ты научился настоящему языку? — спросил Тендон.

— От матери. Большинство из нас говорит и на англике. — Он закашлялся. — Есть еще немного горячей воды, сарж?

— Конечно. — Мисковски вылил остатки кипятка из маленького котелка и начал убирать печь. — Отлично, солдат. Похоже, мы на твоей территории. Поведешь нас?

— Конечно, сарж!

Пока остальные собирали снаряжение и выбирались из-под навеса, Парди допил чай. Потом бесшумно двинулся через густые джунгли. И через несколько секунд исчез.

— Боже, — сказал Тендон. — Сарж, парень что надо!

— Да.

XVI

Энн Чанг посмотрела в окно своего кабинета во дворце губернатора, потом снова на экран компьютера. Запрос на прежнем месте, и достаточно обычный; но кто такой этот Джеффри Найлз и почему он запрашивает разрешение для охоты на динозавров? Собственно, «почему» — не проблема: новое распоряжение губернатора Блейна требует его личного одобрения каждой лицензии на убийство или поимку одного из огромных пресмыкающихся, которые населяют северо-западный континент. Энн считала, что Блейн в охране окружающей среды заходит слишком далеко — по всем отчетам динозавров очень много; но это распоряжение выполнять нетрудно, охотников стало мало.

Но кто такой Джеффри Найлз? И где он? Поиск в файлах таможни и службы иммиграции показал, что на Танит он не высаживался.

Она снова посмотрела на экран. Достопочтенный Джеффри Найлз, Уимблдон, Серрей, Соединенное Королевство, Земля; местный адрес — контора «Амальгамейтид фаундриз, лдт.» Этот адрес ей отыскивать не нужно. АФ — конгломерат компаний, занятых преимущественно химикалиями. Большинство операций проводит на Дагоне; шахты и обработка фауны Танита. Если у них есть другие предприятия, они их не рекламируют. И определенно ничего подобного на Таните нет.

Почему Джеффри Найлз, который явно никогда не был на Таните, указывает в качестве своего адреса местную контору АФ? Компьютер не знает, но не мешает проверить их данные. Она набрала название компании, подождала, пока экран не заполнится обычными сведениями, и потребовала подробностей.

ЗАКРЫТАЯ ИНФОРМАЦИЯ.

Какого дьявола? Она набрала личный код доступа.

ЗАКРЫТАЯ ИНФОРМАЦИЯ.

Вот это да, подумала она. И ввела код Карлтона Блейна, перекрывающий все запреты.

«АМАЛЬГАМЕЙТИД ФАУНДРИЗ, ЛТД.». ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА И ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР ЛОРД ХАРВИ НАЙЛЗ, СЕРРЕЙ, СОЕДИНЕННОЕ КОРОЛЕВСТВО, ЗЕМЛЯ. ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЛАДЕЛЕЦ «КОНСОЛИДЕЙТИД ЮДЖИНИКС, ЛТД.». СУММА РАСХОДОВ НЕИЗВЕСТНА. ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ: НЕ ПОДДАЕТСЯ ОЦЕНКЕ.

Последовал длинный список владений. Склады, химические заводы. Большое количество аптек в Северной Америке. Ее внимание привлекла строчка в конце третьей страницы. «Амальгамейтид фаундриз, лтд.» принадлежат три межзвездных корабля торгового класса.

— Все интересней и интересней, — сказал она и снова принялась набирать.

ПОДРОБНЫЕ СВЕДЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО «КОНСОЛИДЕЙТИД ЮДЖИНИКС».

ЗАКРЫТАЯ ИНФОРМАЦИЯ.

КОД БЛЕЙН 124С41+HUGO.

ДОЧЕРНЯЯ КОМПАНИЯ «БРОНСОН ЭНД ТИНДАЛЛ КОНСТРАКШН ЭНТЕРПРАЙЗИС, ИНК».

«Отлично, — подумала она. — Итак, достопочтенный Джеффри Найлз, скорее всего, ответвление семейства Бронсона. Но все же это не объясняет, зачем ему лицензия на отстрел динозавра. Зачем запрашивать лицензию, если он не на Танite? Может, на орбите? Но тогда он был бы в списке таможни, а список свидетельствует, что за последнюю неделю прилетал только военный корабль СоВладения».

Энн нахмурилась и снова заработала на клавиатуре.

ВОЗДУШНЫЙ И КОСМИЧЕСКИЙ ДОРОЖНЫЙ КОНТРОЛЬ.

ОНЛАЙН.

СКОЛЬКО КОРАБЛЕЙ СЕЙЧАС НАХОДИТСЯ НА ОРБИТЕ?

ОДИН.

КАК ОН НАЗЫВАЕТСЯ?

ФАЙЛ НЕ ОБНАРУЖЕН.

КОД БЛЕЙН 124C41+HUGO.

ФАЙЛ НЕ ОБНАРУЖЕН.

Это вообще не имеет смысла. По-прежнему хмурясь, она вернулась к окну информации относительно «Амальгамейтид фаундриз» и запросила больше подробностей. Два из трех кораблей компании находились в рейсах. Третий — «Звезда Нортон».

Маловероятно. Но... Энн нажала кнопку микрофона. Когда-то губернаторский дворец был оборудован видеофонами, но климат Танита быстро превратил их в металлолом.

— Воздушный и космический контроль.

— Говорит главный администратор Чанг. Соедините меня, пожалуйста, с заместителем директора Поликом. — Через мгновение ее соединили. — Привет, Дон. Это Энн. Один небольшой вопрос. У губернатора на борту «Звезды Нортон» друзья. Там все в порядке?

— Конечно. — Ее микрофон делал знакомый голос более пронзительным. — «Амальгамейтид» взяла в чарт одну из наших посадочных шлюпок, чтобы сегодня утром отправить туда припасы. На самом деле очень много всякого. Похоже, они планируют здесь задержаться.

— Ага. Спасибо. Дон, с моей системой информации что-то сегодня неладно. Не могу найти их запрос на посадку.

— Да? Минутку. Да, вот он. Разрешение на приводнение в отдаленном районе. Точное место будет указано позже. Несколько необычно... вы уверены, что у вас его нет, Энн? Разрешение дано вашим аппаратом.

— О, я уверена, что оно есть, — ответила Энн. *Что еще задумал наш бесстрашный лидер? И почему ничего не сказал мне? Я могла расстроить его планы...* — Просто хочу разобраться, кто именно дал разрешение?

— Тут говорится — Эверетт.

Эверетт. Эверетт Мардон. Ее зять.

— Ага. Спасибо.

— Послушайте, Энн, тут ведь нет никакого нарушения?

— Нет, я уверена, что все в порядке. Спасибо, Дон. Увидимся на приеме в Ледерле на следующей неделе?

— Конечно. Спасибо, шеф.

Когда она отключала микрофон, ее рука слегка дрожала.

— Хорошая работа, босс.

Она удивленно повернулась.

— Эверетт...

— Давайте сделаем перерыв, Энн. Похоже, вам он необходим.

— Эверетт, что происходит?

Он подошел и положил руку ей на плечо.

— Я уже сказал. Вам необходим перерыв. Давайте пройдемся.

Она дождалась, пока они окажутся за пределами дворца и пройдут половину площади.

— Ну, хорошо, Эв, — сказала она. — В чем дело, и почему губернатор сказал тебе, но не сказал мне?

— Губернатор... о... Энн, губернатор Блейн ничего об этом не знает. И не может узнать.

— Что? — Она остановилась, потом повернулась и посмотрела на здание. Эверетт взял ее за руку.

— Правда, Энн. Остановитесь на минуту и послушайте.

— Нет. — Она вырвала руку и повернулась к нему. — Послушайте, Эв. Что бы вы ни сделали с моей базой данных, немедленно исправьте. И тогда я попробую уговорить губернатора не увольнять вас.

— Этого недостаточно.

Ее глаза сузились.

— Эверетт, может быть, вы можете так обращаться с моей дочерью, но...

— Я все могу. И вы это знаете. А теперь замолчите на одну жалкую минуту и послушайте!

Она сделала глубокий вдох.

— Хорошо. Ради Алисии. Но лучше бы вы все объяснили.

— С чего начать?

— Начните с начала, продолжайте до конца и потом остановитесь.

— То, что вы сказали Филипу...

— И не нужно втягивать в это дело моих дочь и внука...

— Не я ее втягиваю. Послушайте, я пытаюсь... — Он остановился. — Простите, Энн. Я не собирался грубить. Ладно, начнем с начала. Куда идет борлой?

— Борлой? А какое отношение имеет...

— Вы только слушайте, прошу вас.

Она приподняла бровь.

— Хорошо. Борлой покупает «Ледерле АГ».

— Верно. «Ледерле». По крайней мере теоретически. Но мы все знаем, что на самом деле большая часть борлоя уходит Флоту. Флот его продает, и это дает ему средства, помимо тех, что направляет Большой Сенат. Значит — возможность поступать как вздумается, что бы ни приказывал Сенат. Таким образом, все на Таните в юридическом смысле участвуют в заговоре против договора о СоВладении.

— Ну... — Она задумалась. — Вероятно, технически это верно, но...

— Никаких но! Это верно не только технически. Это просто верно. Пока нам это сходило с рук, но вечно так не может продолжаться. Вы знаете, что член Большого Сената Бронсон начинает расследование? К тому времени как он его закончит, ваш разлюбезный губернатор окажется в тюрьме. И вы тоже, если откажетесь сотрудничать с людьми Бронсона.

— Сотрудничать? — Ее лицо застыло. — Как сотрудничать?

— Вам ничего не нужно делать. Ничего. Просто забудьте, что слышали о «Звезде Нортон». Кстати, как вы на это натолкнулись? Я установил сигнал тревоги на случай, если вы или губернатор затребуете информацию о движении кораблей, но из этого нельзя понять, как вы узнали.

Энн посмотрела на него и поймала себя на том, что несмотря ни на что, улыбается.

— Джеффри Найлз запросил разрешения поохотиться на динозавра.

— Что! — Эверетт с трудом сдержал смех. — Этот толстяк?

— Но вы на него работаете...

— Не на него. На его отца. Лорд Найлз — один из ближайших помощников Бронсона, а капитан Йошино очень проницателе...

— Йошино?

— Капитан «Звезды Нортон». Бронсон переманил его из флота Мейдзи. Предполагается, что Джефф Найлз — начальник его интендантской службы.

— Теперь понятно. Значит, они собираются высадиться на территории плантаторов и увезти урожай.

— Конечно. Что же еще?

— Когда?

— Понятия не имею.

— Скоро?

— Что значит скоро? Я действительно не знаю, но думаю, не завтра и не послезавтра.

— Да, вероятно, так. Если Найлз считает, что у него есть время для охоты на дино... — Она замолчала и прислонилась к стволу дерева. Эверетт быстро взглянул на нее.

— С вами все в порядке?

— Нет. Да, конечно, со мной все в порядке. Мне просто нужно подумать. Эверетт, губернатор доверяет мне.

— Знаю. И нехорошо так поступать с ним. Но, черт возьми, Энн, он не на той стороне...

— Неправда! Он хочет покончить с работорговлей. Как только наберет денег, запустит энергетические спутники и...

— Конечно, конечно... Все это прекрасно. Но как же все другое, что он делает? Я знаю, вам не понравилась эта шлюха на прошлой неделе за губернаторским столом.

— Ну... может, он несколько торопится...

— Я не это имел в виду, — прервал ее Эверетт. — Наверно, не следовало говорить, что он не на той стороне. Надо было сказать, на стороне тех, кто проигрывает. Потому что, Энн, всякий, кто сопротивляется Бронсону, проигрывает. Всегда.

— Это неправда. Губернатор Блейн пользуется поддержкой сенатора Гранта...

— Это правда в долговременной перспективе. Грант теряет поддержку. Бронсон его одолеет, и что тогда нам останется? Послушайте, я ведь не прошу вас что-нибудь сделать...

— Не знаю, Эв. Просто не знаю. Мне нужно поговорить с Сатеем.

— Мне казалось, его нет в городе.

— Вернется к концу недели.

— Хорошо. Не знал, что его интересует политика.

— Она его не интересует, но... я все же думаю, что мне нужно с ним поговорить.

— Хорошо. Поговорите с ним. Но пообещайте мне одно. До беседы с Блейном повидайтесь со мной.

Анна глубоко вдохнула. *Все потеряло смысл. Но семья все же что-то значит.*

— Хорошо, Эв. Повидаюсь.

Урсула шла так медленно, что Лисандр опасался, что она остановится. И, когда они входили в кабинет Фалькенберга, обнял ее за талию.

— Спасибо, что согласились с нами повидаться, полковник.

— Не за что, ваше высочество. — Фалькенберг стоял за столом. — Мисс Гордон. Садитесь, пожалуйста. Хотите выпить?

— Нет, спасибо, — ответил Лисандр.

— Шерри? — еле слышно спросила Урсула.

— Конечно. — Фалькенберг достал из шкафчика за столом графин и стаканы. — Ваше высочество?

— Ну, поскольку все выпьют. Спасибо.

Фалькенберг наполнил стаканы и сел за стол.

— Ваше здоровье.

— Ваше, — машинально ответил Лисандр.

Урсула осушила свой стакан. Лисандр посмотрел на Фалькенберга, потом снова налил ей.

— Итак, — поторопил Фалькенберг.

— Полковник, мне кажется, вы должны выслушать, что рассказывает Урсула. Это произошло шесть недель назад, ко-

гда она гостила в одном из поместий семейства Гирерд. Учитывая обстоятельства ее посещения, я думаю, это главное поместье. Вы можете отыскать его на карте?

— Должен, — ответил Фалькенберг. Он переместил на край стола груду бумаг и вытащил из ящика клавиатуру. — Гмм. Гирард. Г-И-Р-А-Р-Д?

— Нет, оканчивается на ЕРД, — сказала Урсула.

— Ага. Есть три виллы. Посмотрим... — Появилась карта, один ее участок увеличился.

— Не эта, — сказала Урсула. — Там южнее был морской залив.

— Правда? Ага. Вот оно. Поместье Рошмон. Громкое название для фермы по производству наркотиков на тюремной планете. — Вместо карты появился сделанный со спутника снимок. — В девятистах километрах на юго-запад отсюда.

— Это оно, я уверена, — сказала Урсула.

— Хорошо. — Фалькенберг снова наполнил ее стакан и ждал.

— Было около четырех часов утра, — сказала Урсула. — Я была... Прием кончился, и было жарко, и я не могла уснуть. Комната была с балконом, и мне показалось, что я что-то услышала. Скорее похоже на гром, чем на ветер, только это был не гром. И не ветер. Я встала. Сказала себе, что пойду посмотрю, но на самом деле мне просто хотелось пройтись. И когда надевала платье, услышала, как приземлился вертолет.

— В четыре утра, — сказал Лисандр.

Фалькенберг кивнул.

— Я вышла и, клянусь, услышала, как какие-то люди разговаривают внизу, но никого не увидела, и никакого вертолета не было.

— А вы должны были его увидеть? — спросил Фалькенберг.

— Да. Посадочная площадка ниже по холму под балконом.

— Но ее поместили не в комнате, выходящей на площадку, — сказал Лисандр.

Фалькенберг нахмурился.

— Веранда проходит вокруг всего дома. — Урсула показала на снимок со спутника. — Видите, вот она. Комната выходит сюда, а площадка здесь. Не знаю почему, но я прошла на северную сторону. Вероятно, меня заинтересовал вертолет. Это показалось немного необычно...

Фалькенберг ждал, но она смотрела на карту.

— Понятно, — сказал он. — Вы были в комнате, выходящей на восток.

— Да, мне показалось это странным, потому что лучшие комнаты всегда выходят на север. Но мы были здесь. И они нам отвели... я хочу сказать...

— Все в порядке, Урса, — сказал Лисандр и сжал ее руку.

— Вы были в комнате, выходящей на восток, — повторил Фалькенберг. — Вы услышали звуки. Когда вставали, услышали, как садится вертолет. К тому времени как вышли к площадке, никакого вертолета не было. Сколько времени вам понадобилось, чтобы пройти на северную сторону?

— Не очень много. Минуту или две, — сказала Урсула. — Мне нужно было отыскать платье. И спальня выходит не на саму веранду. У нее свой маленький балкон, откуда ступени ведут на веранду. Было очень темно, огни на веранде погасили, и мне понадобилось какое-то время, чтобы спуститься по ступенькам. И я совсем не торопилась. Правда, полковник...

— Итак, вы шли по веранде, пока не увидели вертолетную площадку, но вертолета на ней не было. Что случилось потом?

— Почти ничего. Я ничего не увидела и потому вернулась на балкон. Мой... Оскар ждал меня там, и мы вошли внутрь.

— Понятно. И вы говорите, что проснулись от звука, похожего на гром?

— Ну, мне вначале показалось, что это гром. Но он был не такой громкий и гремел гораздо дольше, чем обычный гром.

— И грозы не было.

— Нет. Ночь была тихой и спокойной.

Фалькенберг взял очки без оправы и надел их. С минуту изучал карту.

— Этот прием. Кто был среди гостей?

— Полковник, так ли уж это важно? — спросил Лисандр.

— Думаю, да.

— Все в порядке, — сказала Урсула. — Это был... прием по случаю шестнадцатилетия Оскара Гиерда. Присутствовали с десяток плантаторов с сыновьями. Мальчики почти все в возрасте Оскара. Но все разъехались в полночь.

— Все? Никто не остался на ночь?

— Ну, сейчас подумаю. За завтраком было много народу. Надзиратели, управляющие и... Йонкир ван Хоорн и его сын еще были там.

— Надзиратели и управляющие, — сказал Фалькенберг. — Какие-нибудь военные?

— Не думаю... ну, были, конечно, охранники самого Гиерда. По крайней мере мне они показались охранниками.

— В форме?

Она пожала плечами.

— Стандартный камуфляжный комбинезон. Ничего такого, что я бы узнала.

— Постарайтесь вспомнить, — сказал Фалькенберг. — Значки? Нашивки?

Она покачала головой.

— Ничего не могу припомнить.

— А были ли у них серьги в ушах?

— А что... да, теперь, когда вы спросили. Не совсем серьги. Что-то вроде ошейников. У двух охранников...

— Серьги в виде собачьих ошейников, — сказал Фалькенберг.

— Откуда вы знали? — начал Лисандр. — А. Конечно. Бульдоги Бартона...

— Когда-то это было их официальное название, — сказал Фалькенберг. — Может, и до сих пор остается. Какими бы вы сделали серьги «бульдога»? — Он покачал головой. — Меня удивляет одно или два обстоятельства. Мисс Гордон, какая была погода в день приема?

— Ужасная. Одна из последних сильных бурь периода сбора урожая, а дождь шел всю неделю. Мы не были уверены, что я туда доберусь.

Фалькенберг быстро что-то набирал.

— И на будущее тоже предсказывали плохую погоду.

— Не знаю. Но наверно...

— Я не гадаю. — Он жестом указал на экран с данными. — Вот. Они знали, что у них всего одна ночь хорошей погоды по крайней мере на несколько дней вперед. Тем не менее кажется исключительно неразумным проводить операцию в присутствии чужаков. Каким образом... как вы получили приглашение на этот прием, мисс Гордон?

— Полковник, мне кажется...

— Ваше высочество, мисс Гордон, я задаю эти вопросы не из праздного любопытства.

— Я была... приглашена... Йонкиром ван Хоорном.

— Непосредственно?

— Нет, сэр. — Она поджала губы. — Меня привезли на ночь из «Хилтона».

— Понятно. А могли они это сделать, не посоветовавшись с Гирердами?

— Обычно так не делают, но такое бывает. — Она быстро посмотрела на Лисандра и продолжала: — Это было не в первый раз.

— Спасибо.

— Полковник...

— Простите, ваше высочество. Мне нужно было установить, Гиреры ли невероятно глупы, или у них не было выбора. Мисс Гордон, теперь меня удивляет только одно: что вам позволили живой покинуть дом.

— Я... — Она вздрогнула. — Я об этом никогда не думала.

— Несомненно, для этого были причины. Вас хватились бы ваши наниматели и...

— И другие, — кончила за него Урсула.

— Да. Что ж. Возможно, вы оказали нам неоценимую услугу, — сказал Фалькенберг. Он снял очки и повернулся к Лисандру. — Ваше высочество. В сложившихся обстоятельствах я предлагаю мисс Гордон остаться гостьей полка. В «Хилтоне» ей небезопасно.

— Но я должна вернуться! — возразила Урсула. — Мой контракт...

— Сомневаюсь, что вас теперь должен тревожить ваш контракт, — сказал Фалькенберг. — Мы его выкупим.

— Но... мне нужна работа. Наверно, сейчас это уже неважно. «Хилтон» не станет держать девушку, болтающую о клиентах.

— Думаю, у вас не будет недостатка в других вариантах, — сказал Фалькенберг. — Если понадобится, мы обсудим этот вопрос с губернатором Блейном. — Он встал. — А теперь прошу меня извинить...

— Конечно, полковник. — Лисандр тоже встал. И когда открывал перед Урсулой дверь, услышал, как Фалькенберг быстро заговорил в интерком.

XVII

Капрал Тентон услышал слабое пощелкивание в левом ухе. Он прикоснулся к приборам управления в нагрудном кармане.

— Сарж, — прошептал он в микрофон, прикрепленный к горлу. — Принимайте сообщение.

Сержант Мисковски еле заметным движением подтвердил, что услышал. Он не посмотрел на Тентона, продолжая разговаривать со старостой деревни. Такого черного человека, как Этьен Леду, Мисковски никогда не видел. Леду далеко за сорок, но у него по-прежнему стройная талия и мощная бочкообразная грудь. Говорил он на превосходном англике, но иногда переходил на местный диалект куни, обращаясь к другим жителям деревни или к Парди, а потом без малейшей паузы снова переключался на англик. Голос у него был певучий и удивительно высокий. «Крепкий парень, — подумал Мисковски. — Мог бы стать хорошим боксером».

— Да, мы оставим немного пенициллина, никаких проблем, — сказал Мисковски. — И средство от грибка. У нас с собой его много.

— У людей майора Бартона тоже, — сказал Леду. Он поставил чашку с чаем на стол и широко улыбнулся. — Во имя своих людей я радуюсь тому, что вы пытаетесь меня подкупить.

Мисковски улыбнулся в ответ.

— А я рад, что с нами ваш племянник.

— Бьюфорд честолюбив, — сказал Леду. — А чего может добиться честолюбивый мальчишка в таком месте? — Из открытого тростникового павильона, в котором они сидели, он посмотрел на продолговатую поляну, и улыбка исчезла. Мисковски проследил за его взглядом. На двухметровых сваях стояли тростниковые хижины. На противоположной стороне поляны располагался длинный дом на невысокой платформе. В одном углу поляны колодец, а в центре почерневшее углубление для костров, выложенное камнями и окруженное скамьями и столами, похожими на столы для пикника.

— Мне это нравится, — сказал Мисковски. — Я видел на картинках, как живут в джунглях на Земле. Тут не так уж плохо.

— Если вам нравятся джунгли, совсем неплохо, — сказал Леду. Он помолчал, и Мисковски показалось, что Леду принял решение. — Сержант, позвольте быть с вами откровенным. Мы не можем вам помочь. Какова бы ни была причина вашей ссоры с майором Бартоном, мы не хотим в этом участвовать. Мы не владеем этой землей. По правде говоря, мы ничем не владеем. Мы живем здесь, потому что плантаторы считают, что наше выселение не стоит необходимых для этого усилий....

— Это я знаю, — сказал Мисковски. — Старик... капитан Фрейзер... рассказал нам. Может, мы сможем поговорить об этом с губернатором.

Леду рассмеялся.

— Вы очень добры, сержант. Но не могу поверить, что губернатор решит ради нас нажить себе врагов.

— Может, и нет. — Мисковски отпил из чашки. Позади капрал Тендон извинился и пошел в туалет за длинным домом. — Но капитан Фрейзер говорит, что губернатор славный малый. А местные плантаторы и так уже с ним на ножах. Они наняли Бартона.

Леду принялся наливать еще чай, и Мисковски ждал. Во время обучения его приучали к терпеливости. На тюремной планете не принято задавать много вопросов, да и большую часть истории ему уже рассказал Парди. Леду, отец Парди и еще несколько человек увели в джунгли группу осужденных,

у которых кончился срок, увели как можно дальше от плантаций, но все же сохранив возможность в случае необходимости вернуться на дорогу. Теперь большинство жителей деревни не желает иметь ничего общего ни с дорогами, ни с тем, что находится в их конце; они проделали слишком большую работу, расчищая джунгли и строя дамбы на ручьях, чтобы переселяться.

Никто не знал, сколько существует подобных деревень. На снимках со спутника их видно несколько сотен, но в основном гораздо более мелких: две-три семьи, не больше. Парди говорил, что поселок его дяди — один из самых крупных, в нем, считая и детей, почти двести человек.

— Еще несколько лет, и вас станет больше, чем плантаторов, — сказал Мисковски.

Ответа Леду он не услышал: в ухе раздался голос Тентона.

— Сарж, у нас новый приказ. В пятидесяти километрах на юго-запад, на берегу моря, плантация. Капитан хочет, чтобы мы как можно быстрей перебрались туда. Задача первоочередная и неотложная.

Черт побери. Мисковски постарался припомнить карту. Прямо через джунгли на юго-запад. На карте никаких троп. Может, они какую-нибудь найдут. Придется найти. Он сделал жест остальным. Оставить припасы и немедленно выступать. Будем надеяться, что Леду не сочтет их невежливыми.

— Никакой тропы, — бормотал Мисковски. — Если им срочно нужна там группа, могли бы перебросить по воздуху.

— Капитан Фрейзер говорит, что это невозможно, — сказал Тендон. — Полк считает, что за тем местом очень внимательно наблюдают.

— Но что там такое? — спросил Клаудуокер.

— Я ведь не мог спрашивать, верно? Нам разрешили только передать сигнал, что приказ получен. Еще одно: мы должны днем и ночью следить за появлением вертолетов. При появлении вертолета разрешается нарушить радиомолчание.

— А нас не будут поджидать мятежники? — спросил Парди. — Если мы слышим штаб, они тоже могут услышать.

Мисковски знаком велел молчать, пока они шли по чаще. Когда подлесок поредел, снова можно было говорить.

— Нет, — сказал Тендон. — Вот что происходит, когда нам посылают луч, который нас находит. Не точно, но мы на его линии. Они направляют луч туда, где, по их мнению, мы находимся. Я улавливаю его и настраиваю прибор. Тот посылает сигнал, который ловят наши. Тогда они сужают луч так, что, когда он доходит до нас, его ширина не больше десяти метров. Всякий, кто хочет нас подслушать, должен оказаться между нами и передатчиком. Это очень маловероятно.

— К тому же передача кодируется, — сказал Мисковски.

— Ага. — Парди всмотрелся в заросли и свернул направо. — Внимание впереди. Что-то в грязи.

— Вимы? — спросил Клаудуокер.

— Может, просто бревно, — сказал Парди. — Но лучше не проверять.

Мисковски вздрогнул и поднял штык на уровень груди.

— Парень, я рад, что ты с нами.

Они молчали, пока не миновали небольшую открытую площадку, залитую грязью.

— Если все получается хорошо, почему мы не можем точно так же отвечать им? — спросил Парди.

— У нас с собой нет оборудования. Невозможно точно нацелить луч, — объяснил Тендон. — Конечно, будь у меня ровная платформа и достаточно времени, чтобы установить приборы, я мог бы засечь луч, но бесполезно пытаться делать это из уборной в деревне твоего дяди.

Они пошли дальше. Парди шел впереди. Густая грязь засасывала сапоги, но колючий подлесок ничего не мог поделать с нейлоном обмундирования. Через час Парди остановился и подождал Мисковски.

— Сарж, джунгли становятся гуще. Мы затратим много времени.

— Дьявольщина. Мы и сейчас идем не быстро.

— Но пойдем еще медленней.

— Да, вижу. Ничего не поделаешь.

— Кое-что можно, сарж. К востоку от нас вода. Не помню: далеко ли? Но не дальше пяти километров. Ручей в низи-

не. Течет мимо деревни и вниз до самого моря. Можно пройти туда и плыть в лодках.

— В лодках? А где мы возьмем эти лодки?

— Я могу вернуться и взять их взаймы, пока вы будете добираться до воды. Потом приведу лодку и прихвачу вас.

— Не знаю, — сказал Мисковски. — Тендон, что сказали относительно наблюдения за тем местом?

— Все так, сарж. Парни Бартона, вероятно, следят за всей местностью вокруг плантации. Возможно, вертолетные патрули, но может, и нет.

— Парди, как близко эта река...

— Не река, сарж. Скорее проток...

— Река, проток, ручей — без разницы. Насколько близко он подходит к плантации?

— Он течет по открытой местности в шести километрах к юго-востоку, но нам так далеко не забраться. Там слишком глубоко. Можем выйти восточнее плантации — и напрямик. Джунгли там частые, как здесь, но идти около километра, не больше.

— Парень говорит дело, — сказал Клаудуокер. — Мы за день больше двадцати километров в этих джунглях не пройдем, как бы ни старались. Может, и столько не осилим.

— Верно, — сказал Парди. — Лодки сберегут нам день, а то и два.

Мисковски пристально посмотрел на Парди.

— Ну... Ладно. Клаудуокер, пойдешь с ним.

— Он мне только помешает, сарж, — сказал Парди.

— Хорошо. Как ты узнаешь, где нас встретить?

— Вы пойдете прямо на восток, — ответил Парди. — До низины доберетесь к темноте. Пропустить не сможете: вода будет по пояс. Заночуйте там. Я выйду на рассвете. Мне потребуется не больше двух часов. Ждите меня.

— Хорошо, только на рассвете не выходи. Дай нам еще пару часов — вдруг мы доберемся до места не так быстро, как ты. Понятно?

— Да, сарж!

Мисковски и остальные смотрели вслед Парди; тот исчез в подлеске, который они только что миновали.

— Неплохо, — сказал Овасси.

— Да, парень справится. Ладно. Нам предстоит попотеть.

* * *

Световая указка капитана Роттермилла двигалась по изображению на стене ситуационной комнаты.

— Подходящее расположение, — сказал капитан. — Глубокая вода с юга. С трех остальных сторон невысокие холмы. Во всех направлениях на сто километров густые джунгли. Одна узкая дорога ведет на северо-запад, где соединяется с главной дорогой на Дагон. Большая плантация, шесть зарегистрированных вертолетов, оживленное вертолетное движение.

— Заметили что-нибудь новое на снимках со спутника? — спросил Иен Фрейзер.

— Ничего, — ответила лейтенант Свенсен.

— Ничего серьезного, — сказал Роттермилл. — Но я тут немного покопался. Смотрите.

На столе появилась сделанная со спутника фотография поместья Рошмон, сменившаяся компьютерным изображением главного здания поместья и холма, на котором оно стоит. Очертания с одной стороны холма рядом с вертолетной площадкой стали отчетливей и раскрылись.

— Очень большое увеличение, — сказал Роттермилл. — Разумеется, никаких доказательств. Если здесь есть дверь? Они постарались использовать материал, который в инфракрасном излучении дает тот же сигнал, что окружающие камни. Ни одной прямой линии. Это трудно устроить, но возможно.

— Глубокая вода, — сказал Фалькенберг. — Насколько глубокая?

— Двадцать-тридцать метров, — ответил Роттермилл. — Может, больше. Карты этого района неточны. Меньше пятидесяти, больше двадцати.

— Достаточно, — негромко сказал Фалькенберг. Он наклонился, разглядывая снимок. — Здесь три строения. Пристань?

— Что-то вроде плавучей платформы, сэр, — сказала лейтенант Свенсен. — Можно использовать как причал. Полковник, вы считаете...

— Совершенно верно, — сказал Роттермилл.

— Несомненно, это весьма необычно, — сказал Фалькенберг. — Только глупцы регулярно выходят в глубокие воды на

Таните. Может ли посадочный корабль использовать эту воду, капитан?

— Трудный вопрос, сэр, — ответил Роттермилл. — Залив достаточно длинный. Может, чуть узковат. Зависит от типа посадочного корабля.

— А может ли здесь действовать какой-нибудь посадочный корабль с Танита?

— Никоим образом, полковник. Этим корытам нельзя садиться и в плавательный бассейн. Опуститься они могут, но уж никак не взлетят.

— Но военный корабль может приводниться и взлететь, — сказал Фалькенберг. — Особенно если груз не слишком большой.

— Да, сэр. Я думал об этом, но на Таните нет ни одного посадочного корабля морской пехоты СВ, — сказал Роттермилл. — Я проверил. С самого начала не было, а крейсер, который улетел неделю назад, взял с собой все свои шлюпки.

— Вы в этом уверены?

— Да, сэр.

— Хорошая работа. Сомневаюсь, чтобы капитан Андреев мог участвовать в заговоре против Флота, но полезно знать наверняка. После отлета «Киреева» не было никаких кораблей?

— Нет, сэр. По крайней мере офис губернатора ни о чем подобном не сообщал, а они должны нас извещать о всех переменах в космическом движении.

Фалькенберг нахмурился.

— Сезон сбора урожая почти закончился, убрано свыше девяноста процентов. Скажите мне, капитан Роттермилл, Эйс Бартон — дурак?

— Нет, сэр.

— Совершенно верно. Так что же он намерен делать с этим... грузом?

— Мы всегда знали, что за ним должен прийти корабль, — сказал майор Севедж.

— Никаких сомнений, майор, — подтвердил Роттермилл. — Другого способа превратить урожай в наличность не существует.

Он выдвинул из стола клавиатуру и начал что-то набирать.

— Корабль должен прийти быстро, — сказал капитан Фаст. — Чем дольше они будут ждать, тем вероятнее разные неприятные случайности. Например, нападение на Рошмон. Полковник, объявить тревогу?

Фалькенберг нахмурился.

— Джереми?

— Первая ступень. Готовность к выступлению, — сказал майор Севедж. — Но пока выступать не нужно. Что бы ни планировал Бартон, у него определенно есть противовоздушная защита плантации.

— Согласен, — сказал Фалькенберг. — Эймос, прошу вас...

— Да, сэр. — Капитан Фаст быстро печатал на клавиатуре компьютера.

— Жаль, что у нас нет боевой шлюпки морской пехоты, — сказал Джереми Севедж. — Это удивило бы Бартона.

— Сэр, а нельзя ли занять на «Кирееве»? — спросила лейтенант Свенсен.

Фалькенберг усмехнулся.

— Изобретательно, лейтенант, но боюсь, мы не можем ждать такого сотрудничества со стороны капитана Андреева. К тому же он теперь на полпути к точке Олдерсона.

Роттермилл поднял голову от клавиатуры.

— Никаких кораблей не ожидается в течение месяца, полковник.

— Плохо. — Фалькенберг провел рукой по редеющим волосам соломенного цвета. — Черт побери, должны же они что-то сделать с этим проклятым урожаем, когда соберут его... Капитан Фаст, соедините меня с губернатором. Используйте скремблер.

— Сэр.

— Иен, когда ваши парни доберутся до плантации? — спросил майор Севедж.

— Удивлюсь, если они не окажутся поблизости до вечера среды.

— Четыре дня, — сказал Роттермилл. — Как будто подходит. Там очень густые джунгли.

— Офис губернатора Блейна, сэр.

— Спасибо. Говорит Фалькенберг. Добрый день, миссис Чанг. На самом деле мне нужно поговорить с губернатором. Да, спасибо, я подожду... А, добрый день, губернатор. Да. Да, возможно, очень важное. Не по телефону. Не хотите сегодня поужинать с нами? — Он взглянул на капитана Фаста, тот кивнул. — Вы окажете честь офицерской гостиной... Да, это может оказаться очень важным. С удовольствием покажу вам. Отлично. Значит, в восемнадцать тридцать. Еще одно дело. Конечно, это не ваша забота, но нам нужно расписание всех кораблей до конца года. Да, как можно быстрее... Да, конечно. Может, мне поговорить с ней непосредственно? Хорошо, я подожду. — Фалькенберг нажал кнопку, прерывающую подачу звука в микрофон. — Когда трубку возьмет миссис Чанг, я спрошу ее. Включите запись.

Лейтенант Свенсен раскрыла блокнот и достала ручку.

— Да, полковник? — Усиленный громкоговорителем голос Энн Чанг заполнил помещение. — Чем могу быть полезна?

— Нам нужно как можно быстрее полное расписание кораблей, — сказал Фалькенберг. — С этого дня и до конца года.

— О... конечно, полковник. Но вы ведь знаете, что не все движение идет по расписанию...

— Да, конечно, — нетерпеливо ответил Фалькенберг.

— Отправлю вам копию всего, что у нас есть в данный момент. Если немного подождете, я за несколько минут просмотрю файлы.

Роттермилл поставил на стол перед собой свой портфель и достал оттуда небольшую пластмассовую коробочку. Нажал кнопку и положил коробочку перед микрофоном Фалькенберга.

— Мы можем подождать, — сказал Фалькенберг. Он взглянул на Роттермилла и приподнял бровь. Роттермилл коротко кивнул.

— Полковник, компьютеры странно себя ведут... что-то непонятное с базой данных, — сказала Энн Чанг. — Позвольте... позвольте перезвонить вам немного позже.

Фалькенберг посмотрел на Роттермилла. Разведчик снова кивнул.

— Хорошо, — сказал Фалькенберг. — Нам очень нужно это расписание. Будем ждать вашего звонка.

— Спасибо, полковник, — сказала Энн Чанг. — Всего несколько минут. Благодарю за проявленное терпение...

— Не за что. До свидания. — Фалькенберг выключил связь, потом проверил, действительно ли она отключена, и снова посмотрел на Роттермилла. — Ну?

Роттермилл повернул анализатор напряжения голоса так, чтобы Фалькенберг мог видеть шкалу. Стрелка зашла далеко на красную зону.

— Полковник, она очень испугалась.

— Что вас заставило заподозрить? — спросил Иен Фрейзер.

Роттермилл пожал плечами.

— Проведите достаточно допросов, и у вас появится способность это чувствовать. Но, конечно, это не точно. Проклятый скремблер может исказить картину. Но готов поспорить на обеды за неделю, эта женщина что-то скрывает. И на обеды за три дня — что это имеет отношение к расписанию движения кораблей.

Джереми Севедж рассмеялся.

— Роттермилл, сомневаюсь, чтобы кто-нибудь стал с вами спорить, что бы вы ни говорили. Я уж точно не стану.

Роттермилл стал серьезен.

— Полковник, можно ли провести еще один разговор без скремблера?

— Конечно.

Капитан Фаст почесал голову.

— Полковник, если главный администратор в заговоре с мятежниками...

— Мы этого не знаем, — сказал Роттермилл.

— Но это вероятно? — спросил Эймос Фаст.

— Когда Роттермилл готов биться об заклад? — сказал Иен Фрейзер. — Боже, вы считаете, что она поставляет Бартону информацию со спутника? Неудивительно, что они засекают мои патрули!

Капитан Фаст негромко присвистнул.

— Полковник, не отправить ли штабной взвод охраны, чтобы она не сбежала?

— Пожалуй, немного преждевременно, — сказал майор Севедж. — Но если все подтвердится...

— Я попрошу губернатора захватить ее с собой к нам на ужин, — сказал Фалькенберг.

XVIII

Энн Чанг прихлебывала ничем не примечательный портвейн, а официанты тем временем убирали со стола. Она почти не слушала, как Фалькенберг, исполняя бессмысленный ритуал, благодарит действующего президента гостиной, как будто капитан Фаст не адъютант и главный помощник самого Фалькенберга.

Если подумать, то и весь ужин был ничем не примечателен. В сущности ничего особенного: четыре блюда, два вида дичи, ничего не пережарено; но то же самое можно получить в десятке ресторанов в двух километрах от президентского дворца. Во всяком случае не из-за такого ужина стоит приглашать губернатора — и тем более ничто не должно было побудить Карлтона Блейна настоять на том, чтобы я изменила свои планы на вечер и отправилась с ним. Не думаю, чтобы он когда-нибудь так на чем-то настаивал. Странно.

Да и народу немного. Полковник Фалькенберг и майор Севедж — очевидно, оба неженатые, но что в этом необычного? Официальная хозяйка, как будто, жена капитана Фрейзера. И, конечно, принц Лисандр привел девушку из отеля. Капитан Кэтрин Алана опоздала. Странно. Разве не ее я видела сегодня днем у губернаторского дворца?

Обычный ужин... какая-то бессмыслица. Зачем полковнику Фалькенбергу так срочно приглашать губернатора и его главного администратора на обычный ужин? Но Блейн кажется довольным, даже оживленным, как будто чего-то ждет...

Она невольно ахнула.

«Неужели он знает? Нет. Конечно, нет. Он не настолько хороший актер. «На воре и шапка горит». Кто это сказал? Определенно про меня», — подумала Энн.

Тосты кончились. И неожиданно Фалькенберг, губернатор и капитан Роттермилл оказались возле нее.

— Мы на несколько минут отлучимся, ладно, Энн? — сказал Блейн. — Полковник хочет сообщить мне какие-то новости. Очевидно, дело настолько щекотливое, что я ни с кем не могу поделиться, даже с вами. Представить себе не могу, что это такое, но ничего не поделаешь. Мы уходим ненадолго. Побудете немного с принцем Лисандром и его молодой леди?

— Со мной все будет в порядке, — машинально ответила Энн.

— Не сомневаюсь, — сказал Блейн. И ушел вместе с полковником Фалькенбергом.

Капитан Роттермилл остался.

— На самом деле ничего сложного, — сказал он. — Что-то связанное с расписанием движения кораблей, мне кажется.

— Я... с расписанием кораблей?

— Какое-то небольшое несоответствие, — сказал Роттермилл. — А, вот и принц Лисандр. Оставляю вас в хороших руках. — Роттермилл поклонился и ушел вслед за Фалькенбергом и Блейном.

В чем дело? Энн в смятении огляделась. Казалось, ничто не изменилось. Никто за ней не следил. Но... *Что-то неладно. Ужасно неладно.* Она почти выбежала в туалет.

Внутри никого не было. Она оставалась там столько, сколько позволяли приличия. А когда вышла, ее ждала капитан Алана. Капитан Кэтрин Алана и пятеро солдат в полевом обмундировании. В том числе три женщины. Все с оружием и значками военной полиции.

— Простите, миссис Чанг, — сказала капитан Алана. Она была совсем не похожа на ту молодую женщину, которая всего две недели назад присутствовала на приеме у губернатора. — Я вынуждена попросить вас пройти со мной.

— Что? Я должна быть с принцем Лисандром...

— Мы все объясним его высочеству, — сказала капитан Алана. — Простите, но я вынуждена настаивать. — Кэтрин дала знак, и солдаты окружили Энн Чанг.

Никто к ней не притронулся, все были очень вежливы, но Энн понимала, что возражать бесполезно. Она беспомощно кивнула и последовала за солдатами.

Ее отвели в пустую, лишенную украшений комнату. На пластиковом полу только складной пластиковый стол и два складных пластиковых стула. Ее ввели в комнату и оставили одну.

Они не могут так поступать со мной! Но в глубине души она знала: могут. Есть особые законы и распоряжения, касающиеся чиновников высокого ранга. У губернатора Блейна достаточно полномочий, чтобы иметь дело с предполагаемым изменником.

Измена. Но это не измена. Я не изменница...

Дверь открылась, вошел молодой человек лет тридцати, с сержантскими нашивками на мундире цвета хаки.

— Добрый вечер, — небрежно поздоровался он. — Я следователь по особым делам Эндрю Билкис. Для протокола — вы Энн Холлис Чанг, главный администратор на Таните.

— Да. Да, это я. А по какому праву вы со мной так разговариваете?

— Простая проверка, мэм.

Сержант. Даже не офицер. Губы Энн сжались в тонкую линию.

— Не вижу причины, почему я должна с вами разговаривать. Пожалуйста, сообщите губернатору Блейну, что я хочу вернуться домой.

— Губернатор совещается с полковником, мэм, — сказал сержант Билкис. — Мы знаем, что вы утверждаете, что в настоящее время на орбите вокруг Титана нет ни одного корабля. Это верно?

— Я не обязана отвечать!

— Да, мэм. Мы записали ваш разговор с полковником Фалькенбергом сегодня днем. Я включу запись, если хотите.

— Это не ваше дело! — закричала Энн. — Я хочу видеть губернатора!

— Боюсь, это мое дело, мэм, — сказал сержант Билкис. — Контракт полковника Фалькенберга предусматривает нейтрализацию и подавление всех организаций и отдельных личностей, стремящихся свергнуть законное правительство Танита. Вы отрицаете, что сотрудничали с мятежниками?

— Что? Но...

Дверь открылась, и вошел капитан Роттермилл. Он слегка раскраснелся, как будто бежал.

— Сержант Билкис, в чем дело? Мадам Чанг, мои извинения!

Слава Богу!

— Ничего страшного, капитан. Спасибо.

— Билкис, чем, по-вашему, вы занимаетесь?

— Провожу предварительный допрос задержанной, сэр, — ответил Билкис.

— Сержант, ради Бога. Это главный администратор планеты!

— Это неважно, сэр. У нас достаточно улик...

— Улик, сержант?

— Да, сэр. В 15.48 подозреваемая, получившая распоряжение губернатора сообщать полку обо всем космическом движении в настоящее время и в будущем, лично сообщила полковнику Фалькенбергу, что никакого корабля на орбите Танита нет и не ожидается. Двумя днями раньше примерно в 8.45 танитский посадочный корабль, принадлежащий «Амальгамейтид фаундриз, лтд.», доставил припасы, жидкий водород и жидкий кислород на корабль СВ «Звезда Нортон», который тогда находился на орбите вокруг планеты и находится там в настоящее время. Посадочный корабль запрашивал разрешение в офисе губернатора и получил его. Сэр.

— Милостивый Боже. Но миссис Чанг, конечно, не знала...

— Можете избавить меня от этой игры, капитан, — сказала Энн. — Хотя могу сказать, что у вас неплохо получается. Скажите, сержант, чем вы занимаетесь, когда не пугаете тетушек средних лет?

Билкис пожал плечами.

— Отрываю крылышки мухам, мэм?

Энн засмеялась.

— Ну, ладно, капитан, в чем дело?

— Видите ли, у нас не было другого выхода, — сказал Роттермилл. — Сегодня днем — анализатор голосового напряжения, а эта комната оборудована управляемыми на расстоянии психологическими сенсорами.

— Вы меня поймали...

— Может, не лучшая формулировка, — сказал Роттермилл, — если вас интересуют юридические тонкости, но да, мы вас поймали. Однако в сущности это не входит в наши обязанности. Сержант, принесите нам что-нибудь выпить. Не хотите бренди, миссис Чанг?

— Капитан Роттермилл, бренди мне просто необходим.

— Хорошо. А теперь давайте будем откровенны друг с другом. Пока что об этом разговоре знаем только вы, я, сержант Билкис и капитан Алана.

— Капитан Кэтрин Алана?

— Конечно. Она свидетель. Если хотите, она присоединится к нам.

— Почему нет. Если ей все равно предстоит слушать?

— Очень хорошо. Итак, как я уже сказал, пока дело не зашло слишком далеко. И нет никаких причин, чтобы об этом узнал губернатор, если, конечно, вы этого не хотите.

— Ну... я предпочла бы не беспокоить его, — сказала Энн.

Роттермилл слегка улыбнулся.

— Совершенно верно. Так почему бы вам просто не рассказать нам все?

— Все о чем? — спросила Энн.

— Миссис Чанг, я не могу передать вас сержанту Билкису без согласия губернатора, и мне действительно не хочется сообщать ему об этом, но придется.

Открылась дверь, и вошла Кэтрин Алана. Она несла поднос с графином бренди и стаканами.

— Я считала вас милой, — сказала Энн Чанг. — Ведь это вас я видела сегодня у губернаторского дворца?

— О, предполагалось, что вы меня не узнаете, — ответила Кэтрин.

— Значит, вы уже тогда знали, — размышляла вслух Энн. — Ну, хорошо, что вы хотите знать?

— Начнем вот с чего: давно ли вы сотрудничаете с мятежниками? — спросил Роттермилл.

Энн рассмеялась.

— Легко ответить. Со вчерашнего дня, с трех часов.

Роттермилл изумился.

Это на них подействовало!

— Полагаю, ваш босс в некотором затруднении, — обратилась Энн к капитану Алана. — Но это правда. Боюсь, если вы захотите меня перевербовать и использовать как двойного агента, ничего не выйдет. Видите ли, я не мятежница.

Роттермилл взглянул на свои слишком большие часы и нахмурился.

— Я вам верю. Тогда почему вы не сообщали губернатору важную информацию?

— Да, конечно, в этом весь вопрос. Я бы предпочла на него не отвечать...

— Миссис Чанг, — сказал Роттермилл. — Мы можем узнать. Но если мои люди примутся бродить вокруг губернаторского дворца, ничего не удастся сохранить в тайне. Не лучше ли для нас всех, если это останется между нами?

Энн вздохнула.

— Вероятно, вы правы. Можно мне немного бренди? Спасибо. Итак, все началось с просьбы о разрешении на отстрел динозавра...

Эверетт Мардон смотрел на людей в мундирах, стоявших у его двери.

— Позвольте кое-что выяснить. Миссис Чанг хочет, чтобы я отправился с вами в лагерь полковника Фалькенберга?

— Да, сэр, — ответил сержант. — Вот ее записка, и еще она прислала вам этот документ. Сказала, что вы его узнаете. Сказала, что он имеет отношение к выполнению обещания, которое она недавно дала вам.

Из другой комнаты послышался голос Алисии.

— В чем дело, Эв?

— Здесь люди, которых послала твоя мать, — сказал Эверетт. — Она хочет увидеть меня сегодня вечером.

— Что? Но мы же собирались играть в бридж у Хендерсонов!

Сержант кашлянул.

— Мне приказано провести все как можно менее официально, сэр.

— То есть у меня нет выбора? — спросил Эверетт.

Военный пожал плечами.

— Понятно. Алисия, тебе придется позвонить Бренде и сказать, что мы не сможем прийти. Мне действительно нужно уходить.

— Хорошая мысль, — сказал сержант Билкис.

Алисия Мардон попыталась позвонить Бренде Хендерсон, но телефон не работал. Несколько минут спустя появился очень вежливый молодой техник. Он сказал, что потребуется какое-то время на ремонт, но он позаботится, чтобы Хендерсоны получили сообщение.

В зале совещаний полка у стола с картами собралось с полдюжины человек. Когда вошел Лисандр, губернатор Блейн вопросительно взглянул на полковника Фалькенберга.

— Принц Лисандр установил расположение штаба противника, — сказал Фалькенберг.

Лисандр раскрыл рот, собираясь его поправить, но передумал.

— Правда? Поздравляю, ваше высочество. — Блейн снова повернулся к карте на столе. — Рошмон. Я знал, что Гиерды играют важную роль в этой неразберихе, но не подумал бы, что они так замараны. — Он пожал плечами. — Итак, теперь мы знаем, где они, возможно, прячут борлой. Но... как я понимаю, полковник, у вас нет возможностей взять это место штурмом.

— Примерно так оно и есть, — ответил Фалькенберг. — Нельзя, даже если в нашем распоряжении окажется весь воздушный транспорт планеты. У Бартона настолько сильная противовоздушная оборона, что он сможет удерживать это место, пока не вывезет весь груз. — Фалькенберг слегка улыбнулся. — Конечно, мы можем попробовать уничтожить его.

— Милостивый Боже! — воскликнул Блейн. — Прошу вас, полковник! Заверьте меня, что этого не произойдет. Это единственное, что нужно людям Бронсона, чтобы поставить адмирала Лермонтова в чрезвычайно трудное положение. Не говоря уже о фракции Гранта в Большом Сенате.

— Мы примем все меры предосторожности, губернатор, — сказал Фалькенберг. — Бульдоги Бартона тоже, я думаю?

— Это уж точно, — сказал Эймос Фаст. — Если урожай погибнет, им нечем будет заплатить.

— Мне кажется, — сказал майор Севедж, — что у майора Бартона должны быть планы на случай непредвиденных обстоятельств. В особенности он должен предусмотреть возможность в короткое время убрать товар.

— Что ж, теперь, когда здесь его корабль, он может просто запросить посадочные шлюпки, верно? — сказал капитан Фаст.

Губернатор Блейн нахмурился.

— Корабль? Какой...

— Корабль СВ «Звезда Нортон». Принадлежащий «Амальгамейтид фаундриз, лтд.».

— Он сейчас здесь? На орбите? А почему мне об этом не сообщили? — спросил Блейн.

— Мы дойдем и до этого, — ответил Фалькенберг. — Эймос, вы раздобыли информацию об этом корабле? Хорошо. Так что нам известно?

— Торговый корабль с гибким расписанием, — сказал Фаст. Он нажимал клавиши на консоли. — Имеет собственные посадочные шлюпки. Минутку, сэр... поступает новая информация. Ага. Командир корабля капитан Наката, ранее служивший в Имперском флоте Мейдзи. Посмотрим, что у нас есть о нем... Гммм. Еще прошлой весной в списках состава Флота числился капитан-лейтенант Йошино Наката. Четыре стандартных года службы капитаном боевого корабля.

Майор Севедж негромко присвистнул.

— Милостивый Боже. — Блейн смотрел на карту. — Капитан боевого корабля, опытный командир, на бродячем торговце с собственными посадочными шлюпками. Боже, полковник! Я был в Рошмоне. Он на заливе, вы знаете, глубокая вода подходит почти к самому поселку. Посадочная шлюпка может...

— Совершенно верно, — сказал Фалькенберг. — Именно на основе такого предположения мы и действуем.

— Черт возьми, полковник, что вы собираетесь предпринять?

— Мы здесь для того, чтобы решить это, сэр, — ответил Фалькенберг.

— Губернатор, — сказал капитан Фаст. — «Киреев» все еще в системе. Вы можете отозвать его...

— Для чего? — спросил Блейн.

— Чтобы перехватить груз у Накаты, — ответил Фаст. — Если «Киреев» появится до того, как шлюпки «Звезды Нортон» заберут груз с планеты, ничего плохого не произойдет: мы возьмем шлюпки «Киреева» и отправимся за грузом сами.

— Капитан, это ерунда, — сказал Блейн. — Во-первых, у меня нет полномочий просить военный корабль СВ напасть на торговца...

— Даже для того, чтобы конфисковать контрабанду, сэр? — спросил Фаст.

— Борлой не контрабанда, капитан. И можете быть уверены, у «Звезды Нортон» есть все документы на все, что найдется на борту, — сказал Блейн. — Вероятно, я мог бы объявить причиной конфискации долги по налогам, но ни минуты не думаю, чтобы Совет СВ меня в этом поддержал. Конечно, он может приказать «Амальгамейтид фаундриз» заплатить все налоги, но не сомневаюсь, что груз будет возвращен владельцу.

— Прошу прощения, губернатор, — сказал принц Лисандр. — Я не совсем понимаю. Разве плантаторы не совершают преступление — даже акт мятежа, утаивая урожай?

— Конечно, совершают. Но это преступление только на Таните, — ответил Блейн. — Распоряжение, согласно которому весь борлой должен быть продан тресту «Ледерле», — совершенно законный приказ Совета; но это дело международное и находится вне юрисдикции СВ. Несомненно, на Спарте аналогичные обстоятельства. СоВладение вряд ли будет силой поддерживать ваши местные распоряжения.

— Да, конечно. Но я почему-то думал, что здесь дело обстоит иначе, поскольку это планета СВ...

— Таким образом, — осторожно сказал майор Севедж, — получается, что законным путем этот конфликт не разрешить.

— Что возвращает нас к тому, с чего мы начали, — проворчал капитан Фаст. — Мы не можем просто захватить Рошмон: у нас нет транспорта для быстрой переброски войск. А они тем временем в любую минуту могут все бросить и упаковать груз.

— Но губернатор может отказать им в разрешении на посадку, — сказал Лисандр.

— Ничего хорошего это не даст, — ответил Блейн. — Танит не имеет защитных средств или боевых кораблей. Если они захотят приземлиться, их ничто не остановит.

— К тому же они уже получили разрешение на посадку, — сказал капитан Фаст.

— Что! Как...

— Разрешение выдано вашим офисом, губернатор, — ответил Фаст.

— Как... полковник...

— Позже, пожалуйста, губернатор. В данный момент перед нами проблема.

— Христос на кресте, — прошептал Мисковски. Он посмотрел на часы, потом снова на путаницу ветвей и ярких цветов, нависших над солоноватой водой. — Кажется, мы допустили ошибку.

— Нет, — отозвался капрал Тендон. — Вы велели ему отправиться попозже, так он и сделал. Он будет здесь...

— Черт побери, а как он найдет нас? — спросил Мисковски. — Эта так называемая речка течет десятью протоками.

— Найдет, — сказал Овасси.

— Если сумеет раздобыть лодки. Не думаю, чтобы его дядя так уж хотел нам помочь.

— Эй, сарж, ты слишком волнуешься.

— Мне за это платят. — Мисковски снова посмотрел на часы. — Появится он или нет, но мы должны сообщить о своей позиции. Давай-ка, Ник, приступай.

— Ладно. — Тендон достал из рюкзака оборудование. Прислонил острие прибора, напоминавшего большой штопор, к стволу дерева и вогнал его в мягкую древесину, поворачивая ручки. Когда антенна в форме рогов была основательно укреплена, он распаковал ручной генератор и включил радио. — Ну, Овасси, ты у нас сегодня младший.

— Вот чем плохо то, что мы разрешили парню уйти, — проворчал Овасси, но взял генератор, прикрепил к бревну, приспособил рукоятки и сделал пробный поворот. — Готов начинать, когда ты начнешь.

Мисковски сверился с часами.

— Уже скоро. Может, минут десять. Хотел бы я, чтобы парень...

Выше по течению раздался негромкий свист.

— Черт возьми! — прошептал Мисковски.

Еще один свист, потом как будто ответный.

— Сукин сын! Все в порядке, это Клаудуокер, — сказал Тендон.

Минуту спустя показались две лодки с плоскими днищами. На носу первой сидел Джимми Клаудуокер. За ним с длинным шестом стоял Бьюфорд Парди. Вторую лодку вел Этьен Леду. Они подвели лодки к берегу и привязали к нависшим ветвям деревьев.

— Рад вас видеть, — сказал Мисковски, когда его солдаты и Леду выбрались на сушу. — Я думал, будут трудности с получением лодок.

— Я все еще не уверен, что это разумно, — сказал Леду. — Вы мне сказали, что Гиреры враги губернатора.

— Это уж точно, — ответил Мисковски.

— Я вот о чем подумал. Они считают эту землю своей. Она для них бесполезна: мало кто может здесь жить и работать, тем не менее они считают себя ее владельцами. — Леду пожал плечами. — *Bien*. Я приведу вас к холмам Гиерда — до них будет три километра. Будем там к полуночи. Потом заберу свои лодки и уйду. С Божьей помощью Гиреры не узнают... что гости на их земле помогли вам. Но если вы сочтете нашу помощь ценной... может, вспомните о нас. Никому не хочется вечно быть гостем.

— Мы вас не забудем.

— Пора, сарж, — сказал Тендон. Он подключил свой шлем к радиопередатчику и негромко заговорил. Через несколько мгновений подкрутил регулятор настройки антенны, прислушался, снова немного покрутил. Потом улыбнулся и знаком велел Овасси крутить ручки генератора.

— Племянник объяснил мне, что вас не смогут подслушать, — сказал Леду. — Но, признаюсь, меня все же тревожит...

— Нас тоже, — ответил Мисковски. — Неприятности нам нужны не больше, чем вам.

Тендон продолжал негромко говорить. Неожиданно он распрямился.

— Сарж! С вами хочет поговорить полковник.

XIX

Лисандр гадал, пустят ли его в ситуационную комнату, но, когда он отправился туда после завтрака, часовые отдали ему честь и пропустили. Несмотря на все усилия официантов и напряженную работу кондиционеров, в помещении стоял тяжелый запах. Страх и возбуждение смешивались с затхлым табаком и пролитым кофе.

Внешне по сравнению с минувшим вечером ничего не изменилось. Унтер-офицер из разведки пригнулся к столу с картами. В конце комнаты в высоком кресле сидел дежурный офицер. Входили старшие офицеры, разглядывали карты, говорили с сержантом и выходили, покачивая головой.

Нет, одно изменилось: теперь на карте было указано точное расположение патрулей Фрейзера в джунглях. В большинстве случаев они были отмечены четко, но расположение некоторых патрулей обозначали желтые расплывчатые метки. Лисандр озадаченно посмотрел на экран и наконец задал вопрос одному из сержантов-разведчиков.

— Это то, что мы хотим сообщить Бартону, сэр, — с отвращением ответил сержант. — Благодаря предателям во дворце губернатора мятежники все время получали снимки со спутника. В основном на них видны перемещения крупных частей, патрули они не видят, но время от времени им везет, и они замечают отдельные группы капитана Фрейзера. — Сержант улыбнулся. — Теперь наша очередь. Капитан Алана ввел искажающую программу, так что когда будут получены данные со спутника, компьютер во дворце губернатора доложит о не совсем таком размещении, каково оно в действительности. На всякий случай.

— Да, конечно. Спасибо, сержант. — Лисандр всмотрелся в карту и нахмурился: «Так просто? Не может быть. Если они вообще перестанут передавать данные, мятежники могут насторожиться, но что если они пошлют собственные патрули,

чтобы проверить сообщения? Роттермилл должен был подумать об этом. Или сам Фалькенберг.

Вероятно, это не имеет значения. Скоро все закончится, так или иначе. Основная задача проста: они знают, где хранится борлой. Проблема в том, что с этим делать. Пока как будто никто ничего не придумал».

Прозвенели чьи-то часы. Через несколько минут подошли почти все старшие офицеры и принялись смотреть на карту. Ничего такого, чего бы они не знали еще двенадцать часов назад, не появилось, но если появится, здесь узнают об этом раньше всех.

— Все бы отдал за хорошую прогулку, — сказал Роттермилл.

— Некоторые прогуляются. — Иен Фрейзер склонился к карте и измерял расстояния между Рошмоном и ближайшими аэродромами.

— Время докладов, — сказал Роттермилл. — Свенсен.

— Сэр. — Лейтенант Свенсен надела наушники и кивнула сержанту-связисту. Почти час уходит на получение докладов от всех патрулей Фрейзера. По мере поступления докладов лейтенант Свенсен вводила их нынешнее и предполагаемое будущее расположение в компьютер. Все двадцать три группы соберутся к Рошмону, но в течение нескольких дней.

Когда на карте появилась позиция группы Мисковски, все зашумели.

— Получите подтверждение, — сказал Роттермилл.

— Подтверждение получено, — ответил капитан Фрейзер. — Кажется, ребята нашли речной транспорт. Помощь со стороны местных жителей.

Капитан Фаст наклонился, чтобы посмотреть еще раз. Потом распрямился, приняв решение.

— Свенсен, держите этот контакт. — Он нажал кнопку на своем интеркоме. — Полковник, вы должны здесь кое-что увидеть.

Заходя в ситуационную комнату, Фалькенберг улыбался. Его улыбка оказалась заразительной. Вскоре улыбались все в комнате.

— Мы дали несколько обещаний от имени губернатора, — сказал Фалькенберг. — Все того стоят, я думаю. Староста Леду ручается, что может доставить двадцать человек и соответствующее количество оборудования к холмам Рошмона к рассвету, если мы сегодня к вечеру перебросим их на реку. Я послал вперед Мисковски с Пардо в качестве проводника, так что кое-кто у нас прибудет на место, что бы ни случилось. Конечно, без подкрепления они ничего не смогут сделать.

— Мне это нравится, Джон Кристиан, — сказал майор Севедж. — Хороший минометный расчет и абсолютная внезапность могут вывести из строя посадочную шлюпку.

— Я предвижу некоторые проблемы, — осторожно заметил капитан Фаст. Он взглянул на Фалькенберга: — С вашего разрешения, отложу свои замечания на будущее.

— Выглядит лучше, чем все, что я видел раньше, — сказал Иен Фрейзер. — Единственная проблема в том, что у меня не осталось двадцати человек из особых групп. У меня вообще никого не осталось.

— Это сделают ваши регулярные разведчики, Иен, — сказал капитан Роттермилл. — Маловероятно, чтобы они просидели там недели.

— Пойдем мы с Харвом, — негромко сказал Лисандр.

Все посмотрели на него. Мгновение царила тишина.

— Ну, ваше высочество, это немного... — Фрейзер спохватился и замолчал.

Лисандр доброжелательно улыбнулся.

— Капитан, не знаю, имеете ли вы представление о том, как воспитывают принцев на Спарте, но можете вспомнить, какое название дано нашей планете. Харв Миддлтон последние несколько недель учил ваши особые части нападению без оружия, верно?

— Да...

— И они многому у него научились, так? Ну, не хочу хвастать, но в трех случаях из четырех я Харва побеждаю.

— Я... понятно, — сказал Фрейзер.

— Значит, решено, — ответил Лисандр. Ему показалось, что Фалькенберг улыбнулся.

— Иен, думаю, вам нужно отобрать добровольцев, — сказал майор Фрейзер. — В особенности нужны расчеты минометов и безоткатных орудий.

— Знаете, пожалуй, это сработает, — сказал Роттермилл. Он улыбался. — И с точки зрения закона тоже. Если они поместят борлой на борт до того, как мы откроем огонь.

— Это мне не приходило в голову, — сказал майор Севедж. — Но да, пожалуй, это важно.

Фалькенберг медленно кивнул.

— Это очень важно. Можно не сомневаться, что агенты Бронсона обвинят нас в пиратстве. Сделаем это приказом, Иен. Никто не стреляет по посадочной шлюпке, пока мы не убедимся, что на борту значительное количество борлоя. По крайней мере мы облегчим положение губернатора.

— Может, лучше оставить это в ведении штаба, — сказал Эймос Фаст.

— Немного рискованно, — отозвался Роттермилл. — Полевой командир может не связаться вовремя со штабом.

— Нет, право открывать огонь за полевым командиром, — сказал Фалькенберг. — Только убедитесь, что приказ понят.

— Сэр, а почему вы так уверены, что они приведут посадочную шлюпку? — спросил капитан Хесус Алана. — Разве они не могут перевезти урожай куда-нибудь в другое место?

Фалькенберг слегка улыбнулся.

— Теперь, когда спутники-наблюдатели полностью принадлежат нам, я надеюсь, они поступят именно так.

— Они ждут окончания сбора урожая, — сказал Роттермилл. — Не знаю, сколько он еще продлится.

— Я тоже не знаю, — согласился Фалькенберг. — Пора помочь им решить. Как только боевая группа капитана Фрейзера окажется на месте, начинаем общее наступление на Рошмон. — Он показал на небольшой островок в пятидесяти километрах к югу от плантации. — Остров Драконий Зуб. Подходящее название. Это будет наша база для наступления. Эймос, понадобится весь транспорт, какой удастся раздобыть. Все, что сможет предоставить губернатор. Конечно, гражданским транспортом нельзя рисковать; его мы используем для

подвоза бензина и припасов для этой операции. Роттермилл, начинайте отыскивать пляжи, поляны — все, что можно использовать как базу для перемещения второго и авиационного батальонов на остров. Второй батальон окажется в пределах досягаемости от Рошмона. Ждите приказа, но планируйте операцию по переправке так, чтобы ее можно было начать завтра вскоре после рассвета. После этого наш авиационный батальон будет готов вцепиться им в горло.

— Это было бы неплохо, — сказал капитан Роттермилл. — Бартон уж точно не будет сидеть и выжидать, пока мы выберем позицию для удара. Ему придется действовать. Приятно, что нашим войскам не понадобится прятаться...

— Думаю, попробовать все же имеет смысл, — заметил Фалькенберг. — Бартон определенно увидит, что мы делаем. Он понимает, что мы не можем надеяться скрыть операцию такого масштаба. Он также понимает, что все, что не обман, мы постараемся скрыть. Так мы и поступим. Лучшего обеспечения безопасности не придумаешь. Действовать так, словно это все, что в наших силах.

Майор Севедж кивнул:

— Что почти правда. Если бы мы не знали о посадочном корабле, у нас не было бы другого выхода.

— Единственное, что мы постараемся скрыть, это то, что цель операции — Рошмон, — сказал Фалькенберг. — Я хочу, чтобы Бартон поверил, будто мы стараемся переиграть его, поместив значительные силы за его линией. Очевидная цель такой стратегии — Рошмон, но есть и другие. — Он указал несколько точек вдоль залива. — Мы выбираем не только Рошмон.

Капитан Фаст кивнул.

— Да, сэр.

Фалькенберг повернулся к майору Севеджу.

— Джереми, я хочу, чтобы вы провели вторую операцию — операцию прикрытия. Наземное наступление через болота в юго-восточном секторе. Это действительно будет ложный маневр. Даже если они поймут это всего несколько часов спустя, — неважно, но в самом начале все должно выглядеть реально. Но только выглядеть, не забывайте: нам не нужны потери. Подготовьте войска: вам предстоит пройти по

самым плодородным землям Танита, и мне не нужны бесцельные разрушения. Предпочтительно, чтобы их вообще не было.

— Их не должно быть много, — сказал капитан Фаст. — В этих районах все благополучно. Бартон отступит, чтобы перегруппировать силы. Если операция затянется, могут начаться тяжелые бои, но мы справимся.

— Если она затянется, мы проиграем, — сказал капитан Алана.

— Все в порядке, Эймос, — сказал Фалькенберг. — Вы говорите, здесь все благополучно. А положение в остальных районах вам не нравится.

— Нет, сэр, не нравится. И я не совсем понимаю почему.

Фалькенберг осмотрел собравшихся за столом.

— Кому еще не нравится?

— Мне, сэр, — сказал Питер Оуэнсфорд. — Проблема в том, что все зависит от решений Эйса Бартона.

— Боюсь, это правда, — сказал майор Севедж. — Но есть ли у нас другой выход? Все прочее, что нам приходило в голову, ведет к явному поражению. Эта операция внезапна, значит, у нее есть шанс. Бартон, вероятно, не догадывается, что мы знаем о его корабле, и у него уж точно нет никаких причин считать, что мы знаем о Рошмоне.

— А как насчет такого? — спросил капитан Оуэнсфорд. — Мы выступаем. Бартон вызывает посадочный корабль и начинает погрузку. Можно не сомневаться, что у него все войска в готовности. Он знает, что у нас в джунглях разведгруппы.

Все согласно закивали.

— Он поместит на борт груз. Или *что-нибудь*. Нашим людям не установить, что именно. Постепенно груза станет так много, что мы засуетимся и наши минометы откроют огонь. Допустим, им повезет. Они повредят посадочный корабль, но не потопят его...

— Это не везение, — сказал Иен Фрейзер. — Всего лишь меткая стрельба.

— Ладно, Иен, я верю, что ваши разведчики способны на это, — сказал Оуэнсфорд. — Но Бартон будет к этому готов. Должен быть готов. Его первый груз. Будут действовать все его контрбатареи.

— Что ж, мы это знаем, — ответил Фрейзер. — Поэтому наши парни обстреляют корабль и затихнут. Конечно, не пикник...

— К черту пикник, — сказал Оуэнсфорд. — Солдаты сумеют о себе позаботиться. Большая их часть уцелеет. Пропадут минометы. Но что будет, когда сядет вторая шлюпка?

— Вторая шлюпка, — повторил Иен Фрейзер и медленно кивнул.

— Это вас тревожило, Эймос? — спросил Фалькенберг.

— Да, сэр. Только я не мог сформулировать это так точно, как капитан Оуэнсфорд. Но он это сделал. Вторую шлюпку мы никак не сможем повредить.

— Мы не знаем, есть ли вторая шлюпка, — сказал кто-то.

— Конечно, точно не знаем, — согласился Эймос Фаст. — На обычном торговом корабле должна быть одна, но «Звезда Нортон» явно не обычный торговец.

Все смотрели, как Иен Фрейзер склонился к столу с картами. Наконец он распрямился.

— Да, трудно, но не безнадежно. Спрятать несколько вертолетов в деревне Леду. Когда приземлится первая шлюпка, высылаем вертолеты. При правильном расчете времени один из вертолетов сможет сбить вторую шлюпку...

— Если прорвется. И он уж точно не вернется, — сказал капитан Алана. — Пополнение авиационного батальона поглотит все наши средства.

— Дело гораздо хуже, — сказал Эймос Фаст. — Мы не можем начать стрелять по второму кораблю. У него на борту не будет борлоя.

— Будет, к тому времени, как его осмотрит инспектор СВ, — сказал капитан Роттермилл.

— Знаете, — сказал Фрейзер, — может, стоит поменять последовательность. Попытаемся с помощью вертолетов сбить первую шлюпку, а минометы оставим для внезапного удара по второй. У нас ведь есть ракеты «Си Скиммер». Пора их испробовать.

— Имеет смысл, — сказал Роттермилл. — Но...

— Вот именно но, — решительно ответил капитан Алана. — Вы знаете, сколько стоят эти птички?

— А зачем они нам, если мы никогда их не используем? — спросил Фрейзер. — Мы берегли их для подходящего дела. Вот оно.

— Согласен. Придется пойти на расходы. Иногда другого выхода нет, — сказал Питер Оуэнсфорд.

— Иногда нет, — согласился майор Севедж. — Полковник, направить «Скиммеры» на Драконий Зуб? Спасибо. Хорошо, Хесус, вы получили приказ.

— Да, сэр. — В голосе Аланы не слышно было энтузиазма.

— Они могут не понадобиться, — сказал Севедж. — Давайте пока ничего не устанавливать окончательно. Особенно потому что Бартон знает о наличии что у нас таких ракет. Он мог уже установить защиту. Узнаем, когда парни Мисковски окажутся на месте.

— Я бывал в ситуациях, которые нравились мне больше, — сказал Оуэнсфорд. — Но, наверно, это лучшее, что можно сделать.

Наступила долгая тишина.

— Есть еще предложения? — спросил Фалькенберг.

— Сейчас нет, — ответил Севедж. Он набивал табаком большую трубку. — Мне кажется, Иен на верном пути. Нашим главным сюрпризом будут минометы и безоткатные орудия. Надо приберечь этот сюрприз до тех пор, пока он не будет нам нужен больше всего. Надо найти более дешевый способ сбить первый посадочный корабль.

— Конечно, второго может вообще не быть, — негромко сказал Лисандр.

Фалькенберг надел очки и склонился к карте.

— Эймос, когда следующая связь с группой Мисковски?

— Они должны каждые два часа останавливаться и ждать сообщений — это через сорок минут.

— Хорошо. Я хочу поговорить с Этьеном Леду.

— Есть идея, Джон Кристиан?

— Возможно, Джереми. Возможно. А тем временем найдите мне лучшего специалиста по местным условиям в районе этой базы.

— Я думаю, Фуллер, — сказал Эймос Фаст.

— Верно. Фуллер. Хотя если бы у нас был кто-нибудь живущий у берега... разве у нас нет новобранца из прибрежной деревни?

— Парди, племянник Леду, — ответил Иен Севедж. — Он в группе Мисковски.

— Да, конечно. Еще кто-нибудь такой же? Все равно пошлите Фуллера ко мне в кабинет и попросите Мак-Кларена отобрать трех человек и явиться ко мне насчет оборудования.

— Мак-Кларена? Полковник, вы ведь не собираетесь сами... — Иен Фрейзер был поражен.

— Думаю отправиться, — сказал Фалькенберг.

— Но полковник...

Улыбка Фалькенберга стала холодной.

— Ваша озабоченность принята к сведению, капитан.

— Да, сэр.

— Принц, я был бы рад, если бы вы сопровождали меня в качестве моего адъютанта. И ваш *korpsbruder*, разумеется.

— Спасибо, сэр.

— Хорошо. Эймос, через пять минут я буду у себя в кабинете. Действуйте.

Фалькенберг направился к двери.

— Боже, вот это да, — сказал Иен Фрейзер. Он поднял личную коммуникационную карточку. — Центурион Ягучи. Найдите моего денщика. Сегодня вечером мы выступаем в поле.

— Сомневаюсь, Иен, — сказал майор Севедж.

— Сэр?

— Он не собирается отпускать вас отсюда.

— Черт возьми, Джереми... Послушайте, в прошлый раз вы меня отговорили, но на этот раз я это сделаю. Клянусь, на следующем полковом совете...

— Ничего вы не сделаете, — сказал Севедж. — Вы все равно проиграете, а если выиграете голосование, полковник не согласится с таким решением. Будьте логичны, Иен. Все решено и расписано. Вы нужны здесь, чтобы руководить деталями. А главные приказы будут отдавать там. — Майор Севедж пожал плечами. — Если бы не отправился полковник, пошел бы я. Очень любезно с его стороны избавить меня от этого.

— Да. Послушайте, вам все равно, что я за него тревожусь?

— Мы все тревожимся. Если вы воображаете, что расстроены, представьте себе, что скажет главный старшина. Сомневаюсь, чтобы Джон Кристиан взял его с собой. — Севедж кивнул Лисандру. — Простите, что вам пришлось все это выслушать...

— Я рад этому, сэр. А теперь прошу меня извинить, мне нужно подготовиться.

— Конечно, ваше высочество.

XX

В офицерской гостиной кипела лихорадочная деятельность. Несмотря на немногочисленных посетителей, работники столовой сложили большинство столов и стульев, а остальные заталкивали под столы. Двое рядовых драили пол. Еще один за стойкой бара укладывал бутылки в ящики.

— Есть возможность пообедать? — спросил Лисандр у официанта.

— Да, сэр, но выбор невелик. Зубатка и сладкий картофель...

— Гмм. — Урсула чуть улыбнулась. — Стандартная еда на Таните...

Сержант Олбрайт выглядел обиженным.

— Да, мэм, но необычная для нашей столовой. Но понимаете, у нас тревога.

— А нам больше и не нужно, — сказал Лисандр. — Пожалуйста, сержант, я бы хотел зубатки и немного картошки. И пиво, пожалуйста.

— Да, сэр. Альери, установи стол для господина принца. Прошу прощения, сэр, но меня ждут на кухне.

— Нам не обязательно есть, — сказала Урсула. — Я предпочла бы...

— Конечно, нам нужно поесть, — сказал Лисандр. — По крайней мере мне. — Он старался говорить спокойно и надеялся, что ему это удается. Но в нем боролись противоречивые чувства. Ему хотелось побыстрее уйти от Урсулы, участвовать

в деле и показать Фалькенбергу, на что он способен. «Странно, — подумал он, — мне приятно быть с Урсулой. Иногда даже кажется, что я в нее влюблен». Он думал о том, какие сложности могут из-за этого возникнуть. Он, несомненно, чувствовал себя виноватым, что готов оставить ее и отправиться с Фалькенбергом. Но больше всего он боялся, что не оправдает ожиданий Фалькенберга. Ему хотелось понравиться Фалькенбергу больше, чем отцу, и он не понимал этого. А глубоко внутри, под этими чувствами скрывался элементарный страх погибнуть или, что еще хуже, остаться калекой.

Тем временем Урсула с большим пониманием отнеслась к его добровольному участию в операции Фалькенберга, и хотя Лисандр ценил такое отношение, ему было трудновато с ним смириться.

Они сидели и ждали пиво.

— Я отдал кое-какие распоряжения, — сказал он. — На случай если не вернусь. Полк позаботится о тебе...

— Если мне вернут мой контракт, я сама о себе позабочусь, — сказала Урсула. — Ты не вернешься?

— Не говори глупости. Я адъютант полковника. У меня лучшие телохранители во всей галактике. К тому же рядом со мной Харв.

— Конечно. А когда ты улетаешь с Танита?

— Не знаю.

Они еще немного посидели в неловком молчании. Потом она улыбнулась и сказала:

— Все в порядке, Я буду скучать по тебе.

«Я тоже буду скучать», — подумал он. Хотел сказать что-нибудь, но не смог. Молчание затянулось.

Он испытал большое облегчение, когда к их столику подошел сержант Олбрайт.

— Прошу прощения, сэр, нам не хватает людей. И большинство столиков уже упаковано. Не будете возражать, если к вам подсядут капитан Свобода и миссис Фуллер? Спасибо, сэр.

Олбрайт ушел, не дожидаясь ответа. Немного погодя к столику хромая подошел долговязый офицер.

— Меня зовут Антон Свобода. Комендант штаба. Ваше высочество, нам сказали, что вы не возражаете, если мы...

— Конечно, сэр. — Лисандр встал. — Мне кажется, будет лучше, если вы будете называть меня Лисандр. — Он прикоснулся к нашивке корнета на воротнике. — Говорят, в гостиной надо всех называть по именам. А это Урсула Гордон.

— Рад знакомству, Урсула. Лисандр. Хорошо, — сказал Свобода. — Хуанита Фуллер. Принц Лисандр Коллинз Спартанский, в настоящее время доброволец-корнет в полку. Что означает, что ваш муж больше не младший корнет. И мисс Урсула Гордон.

Капитан Свобода помог сесть Хуаните, потом сам осторожно сел. Левая нога его была укутана во что-то напоминавшее большую подушку.

— Пара кроков, — сказал он. — На самом деле нас обоих только сегодня выписали из госпиталя. Муж Хуаниты на совещании...

— Ага, — сказал Лисандр. — Корнет Марк Фуллер? Я сегодня виделся с ним в кабинете полковника. Очевидно, сегодня вечером он быдет пилотом полковника.

— Надеюсь, они быстро освободятся, — сказала Хуанита.

— Да, не очень приятно. Первый день из больницы, и никто не встречает дома, — сказала Урсула.

Хуанита покачала головой.

— У нас нет дома.

— Я об этом позабочусь, — сказал Свобода. — Что-нибудь подыщем. Хотя не знаю, что можно сделать сейчас. — Свобода покачал головой. — Может, вам стоит сегодня переночевать в госпитале.

— Не хотелось бы, — сказала Хуанита.

— А в чем дело? — спросил Лисандр.

— Видите ли, корнет Фуллер только что поступил в полк, — сказал Свобода. — И ему еще не отвели квартиру. Он жил в помещении для холостых офицеров. Хуаниту ранили в спасательной операции и, когда привезли сюда, сразу направили в госпиталь, и никто не подумал о квартире для семейных. Обычно такими делами занимаюсь я, но... — Он показал на свою ногу. — С того времени как мы освободили миссис Фуллер, я не садился за свой стол. — Он пожал плечами. — Не было бы никакой проблемы, если бы нас не выписали пря-

мо во время общей тревоги. Кстати. — Он слегка возвысил голос. — Олбрайт.

— Сэр! — К столу подошел официант гостиной.

— Сержант, похоже, вы все здесь упаковываете.

— Да, сэр.

— Могу я посмотреть приказ?

— Он на кухне, сэр.

— Пожалуйста, принесите его. Вместе с бутылкой вина. Подойдет любая открытая бутылка.

— Да, сэр.

Они подождали, пока не вернулся Олбрайт с большим кувшином красного вина.

— Не офицерского качества, сэр, — виновато сказал Олбрайт.

— Сойдет, — с отсутствующим видом ответил Свобода. Он взял тонкий листок бумаги, который протянул ему сержант, и прочел. — Дьявольщина!

— Проблемы, сэр? — спросил Лисандр.

— Можно сказать и так. Сержант, вам отдали неверный приказ. Полк не передислоцируется, только большинство батальонов. Штаб полка остается здесь. Вам не следовало паковаться.

— Сэр, в приказе сказано...

— Я вижу, что в нем сказано, — сказал Свобода. — Но кто-то набрал неверный код на компьютере. Я разберусь с этим, а пока можете не торопиться. Вы никуда не уходите. — Свобода посмотрел на свою ногу. — Я тоже.

— Да, сэр.

— Итак. Я разберусь в этом вздоре. А вы найдите нам что-нибудь поприличнее выпить. И проследите, чтобы зубатка была съедобной.

Олбрайт улыбнулся.

— Да, сэр. Я думаю кое-что распаковать.

Свобода нагнулся, достал из-под стола портативный компьютер и поставил перед собой.

— Прошу извинить меня, — сказал он.

— Конечно, — ответил Лисандр. — Но признаюсь, эта суматоха...

— Видите ли, — объяснил Свобода, — в нашей базе данных закодированы почти все возможные действия полка.

Полковник отдал приказ об общей тревоге, и большинство частей полка отправляется в... в разные места. Кажется, просто, но на самом деле переместить батальон со всеми припасами и оборудованием довольно сложно. Нужно позаботиться о тысяче дел, получить кое-что из штаба батальона, с центральных складов. А теперь предположим, что батальон усилен за счет частей, которые непосредственно к нему не относятся. Для этого нужны новые приказы. Поверьте, это великие хлопоты.

— О, — сказала Урсула. — Да, конечно...

— Большую часть этой работы проделывают компьютеры, — продолжал Свобода. — У нас заранее заготовлены приказы почти на все случаи. Нужно только вызвать соответствующий. В данном случае кто-то набрал не тот код, поэтому сержант Олбрайт получил неправильный приказ. — Свобода склонился к яркому голубому экрану и принялся печатать. — Ха. Вот оно что. Гммм.

— Кто это сделал? — спросила Урсула.

— Сейчас трудно сказать, — ответил Свобода. Он пожал плечами. — Но мы скоро выясним. — Он задумался, потом снова пожал плечами. — Не думаю, чтобы Бартон решился напасть на этот штаб. Но мне стоит поговорить с Роттермиллом. Вдруг приказ все-таки не ошибочный. — И он несколько минут быстро печатал.

— Напасть? — спросила Урсула. — Как?

— Бомбы. Ракеты, — сказал Свобода. — Маловероятно, чтобы что-нибудь прошло. У нас для всякого, кто попробует, заготовлено несколько неприятных сюрпризов. Почти невероятно, чтобы Бартон рискнул.

— А зачем ему это? — спросила Хуанита.

— Зачем ему что... а, вот и сержант Олбрайт с чем-то более подходящим для питья. — Свобода подождал, пока сержант не налил всем искристое вино. — Ваше здоровье. Я говорил, что майор Бартон вряд ли нападет на штаб. Почему? Не только потому, что этим всех настроит против себя. Строго говоря, в кодексе этого нет, но традиция очень устойчивая. Ничего подобного не делать, пока не предупредишь противника.

— Но разве мы не... — Лисандр спохватился. — Разве мы не собираемся напасть на штаб Бартона?

— Конечно, нет, — ответил Свобода. — Да, мы бы захватили его компьютеры и центральные склады. Но тогда это место стало бы его законной целью. Нам пришлось бы выделять большие силы и средства для защиты нашего штаба. Войска в поле тревожились бы за свои семьи. — Капитан пожал плечами. — Это была бы война против штатских, а мы этим не занимаемся. Без важных причин.

— К тому же это дорого, — сказала Урсула.

Свобода посмотрел на нее сквозь прищуренные ресницы.

— Ага. А стоит ли вам беспокоиться о затратах, девушка?

— Лучше подражайте латиноамериканскому акценту, — сказал Лисандр.

— Подражать капитану Алана рискованно, — сказал Свобода. — Президент гостиной всегда сумеет отплатить.

— Мне казалось, что задача наемников — зарабатывать деньги, — сказала Урсула. — Не думала, что это так сложно.

— Да, конечно, мы стараемся заработать, — согласился Свобода. — И потому стараемся сократить расходы. Включая, конечно, солдат. Хорошие солдаты — наше самое дорогое имущество. — Говорил он шутливо, но в голосе звучал оттенок угрозы.

— Но ваша задача — побеждать, — сказала Урсула.

— Урса...

— На самом деле она права, — сказал Свобода. — Наша задача — побеждать. Но какой ценой? Некоторые игры не стоят свеч... Прошу прощения. — Компьютер капитана негромко запищал. Свобода набрал сигнал приема и, нахмурившись, посмотрел на экран. — Как я и думал, гостиная не передислоцируется... но, похоже, придется забыть об удовольствии отдыхать здесь, господин принц. Нас обоих ждут на совещании. — Он осторожно встал, опираясь на край стола.

— Когда вы вернетесь? — спросила Урсула.

Свобода посмотрел на часы.

— Лисандр может сегодня вечером не вернуться.

— Но...

— Я постараюсь улизнуть на минутку, — сказал Лисандр.

— Но... Марк... — сказала Хуанита.

— А корнет Фуллер поведет вертолет полковника. Вряд ли в течение нескольких следующих дней у него будет время.

Я попытаюсь напомнить полковнику, что вашему супругу нужно дать несколько минут перед вылетом... О, Боже, я так и не нашел для вас места!

— Не хотите пожить со мной? — спросила Урсула. — У меня очень просторно.

— О... я не хотела бы...

— Не беспокойтесь, — сказала Урсула. — У его высочества другие интересы...

— Спасибо.

Компьютер подавал все более настойчивые сигналы.

— Значит, все в порядке? — спросил Свобода. — Хорошо. Мне пора идти. Хуанита. Урсула. Приятно было познакомиться. — Он слегка поклонился и захромал к двери.

Лисандр встал.

— Постараюсь добиться, чтобы вашему супругу дали минутку. — Он посмотрел на Урсулу. — А ты куда?

— Сюда на ужин, а потом в твою комнату, — ответила Урсула. — И... будь осторожен.

— Завидую твоему спокойствию, — сказала Хуанита. — Но я боюсь. Ты часто это делала?

Урсула рассмеялась.

— Посылала моего мужчину на войну? В первый раз. Ты тоже?

— Да, мы недавно поженились... на самом деле мы даже не женаты... не в церкви. Марк с Земли. Его сюда сослали как мятежника. А я дочь осужденных с плантации боршита. Ты тоже со Спарты?

Урсула усмехнулась.

— Нет, не совсем. Я тоже родилась с контрактом. Только мне повезло, мой контракт купил «Хилтон», и меня послали в хорошую школу. Как инвестицию. — Урсула печально улыбнулась. — Тебе повезло больше, чем мне. По крайней мере мужчина, которого ты отправляешь, к тебе вернется. А мой нет.

— Не понимаю...

— Мой контракт принадлежит отелю. Я «хозяйка». Отель тот, в котором остановился Лисандр, принц Спартанский.

— О. Но... мне казалось, ты ему нравишься, — сказала Хуанита.

— Конечно, я ему нравлюсь. Ну и что? Сомневаюсь, чтобы в жизни будущего короля нашлось место для девушки из отеля.

— Но это же ужасно. Он тебе нравится...

— Это так заметно?

— Да. Урсула... что ты будешь делать?

— Постараюсь выдержать. — Урсула неожиданно рассмеялась. — В конце концов я ведь падшая.

— Падшая?

— Это из стихотворения, которое я нашла в библиотеке отеля, — сказала Урсула. — Его больше ста лет назад написал на Земле Томас Харди. Мне оно так понравилось, что я выучила его наизусть.

— Мама мне часто читала стихи. Ты правда его помнишь? Расскажи.

— Ну, хорошо. Встречаются две девушки из одного округа...

— О, Мелия, дорогая, как это удивительно!
Кто бы мог подумать, что я встречу тебя в городе?
И в такой дорогой одежде, таких ярких расцветок?
— Но разве ты не знаешь, что я падшая? — спросила та.
— Ты ушла от нас в лохмотьях, без туфель и чулок,
Ты устала копать картошку и мотыжить щавель.
А теперь на тебе нарядные браслеты и яркие перья!
— Да, так одеваемся мы, которые падшие, — сказала она.
— Дома на ферме ты говорила совсем просто,
А теперь — словно в высшем обществе.
— Когда делаешься падшей, становишься немного
лоснящейся, — сказала она.
— Твои руки были тогда как лапы, а лицо синее и мрачное,
А теперь я очарована твоими цветущими щеками,
А перчатки у тебя как у леди!
— Когда мы — падшие, мы никогда не работаем, —
сказала она.
— Ты называла жизнь дома страшным сном,
И вздыхала, и плакала,

А сейчас ты больше не знаешь ни мигрени, ни меланхолии.
— Это верно. Когда становишься падшей,
живешь очень весело, — сказала она.
Я хотела бы иметь такие перья и такое красивое платье,
И такое нежное лицо, и хотела бы расхаживать
по городу!
— Моя дорогая, простая деревенская девушка, как ты,
Не может на это рассчитывать.
Ты ведь не падшая, — сказала она.

— Это... — Хуанита отвернулась, чтобы скрыть слезы на глазах.

— Эй, не стоит расстраиваться, — сказала Урсула. — Не плачь обо мне. Я выдержу...

— Я не о тебе, — сказала Хуанита. — Наверно, мне нужно было думать о тебе, но... стихотворение и обо мне. Как там говорится? «Простая деревенская девушка»? Это я! Я жена офицера, но я ничего не знаю. Я могла мечтать о том... чтобы выйти замуж за управляющего или даже плантатора; я хорошо знаю жизнь на плантациях, но что мне делать здесь? Я могу обрабатывать землю и умею стирать. В большом доме я выполняла разные работы по хозяйству. Но больше я ничего не знаю. Ты образованная...

— И падшая, — сказала Урсула. — Не забывай об этом.

XXI

Старший волынщик Дуглас поднял свой жезл и резко опустил его, прервав музыку на середине пронзительного звука. Лисандр, в громоздких боевых кожаных доспехах и немурлоновой броне, вслед за Фалькенбергом забрался в первый из четырех поджидавших вертолетов. Харв Миддлтон последовал за ним.

— Принц, мне это нравится, — сказал Харв. Он показал на волынщиков. — Надо завести такое дома.

Лисандр задумчиво кивнул. Он удивился, увидев волынщиков на взлетной площадке, и готов был посмеяться над бесполезной церемонией: «Зачем им волынки на борту верто-

летов?» Но волынщики заиграли старые военные марши, которые посылали на битву тысячи людей, и он понял.

На Спарте нет ничего подобного. А почему? Леонид и его триста спартанцев шли к Фермопилам под звуки флейт. Стоит поговорить об этом на Совете...

Даже без боевых шлемов в вертолете было удивительно тихо. Когда, повинуясь жесту Фалькенберга, Лисандр и остальные надели шлемы, шум двигателя совершенно исчез. Лисандр завертел ручку приемника на шлеме, и наконец вновь его расслышал.

В вертолете кроме экипажа находились десять человек, они сидели с обеих сторон по пятеро. Палуба между ними была занята оборудованием. Командир экипажа осмотрел крепления оборудования.

— Все в порядке, мистер Фуллер.

Лисандр закрепил ремни. Фалькенберг сидел справа от него, Харв слева, а дальше — два разведчика. Напротив Фалькенберга сидел Эндрю Мейс, старший лейтенант-разведчик, а рядом с ним — второй лейтенант Гарри Яновиц. Далее капрал Мак-Кларен, который как будто бы служил телохранителем Фалькенберга, и еще два солдата из охраны штаба. Все рослые люди и кажутся удивительно похожими друг на друга. Харв говорил, что они очень хорошие солдаты — для Харва, когда речь идет не о спартанцах, исключительно высокая оценка.

— Все в порядке, шеф? — спросил пилот.

— Все в порядке, сэр. — Командир экипажа занял место рядом с пассажирами. — Можно подниматься.

Звуки мотора стали слышней, и вертолет взлетел. Лисандр удивился: даже в полете было по-прежнему тихо.

— Лучше бы так и оставалось, — сказал он негромко. — И что только я здесь делаю?

— Неплохой вопрос. — Голос Фалькенберга заставил его вздрогнуть.

— Сэр?

— Ваш микрофон настроен на меня, корнет Принц.

Лисандр в отчаянии огляделся. Никто на него не смотрел.

— Не тревожьтесь. Вы только на моей частоте, — сказал Фалькенберг.

— О. — Лисандр повернул ручку сбоку шлема, чтобы активировать экран-указатель. Пять каналов связи, каждый сопровождается диаграммой, указывающей направление связи. Канал номер один — связь непосредственно с Фалькенбергом. Канал номер два — с Фалькенбергом, Мейсом и Яновицем. Остальные не были обозначены. — Я сейчас выключу, сэр.

— Не нужно, — ответил Фалькенберг. — Вопрос был хороший. Так что же вы здесь делаете?

— Сэр?

— Я, конечно, рад вашему присутствию, но это не ваша война, — сказал Фалькенберг. — А вы не кажетесь мне искателем славы.

— Конечно, сэр. Если вы... Мне было сказано, что, если будет возможность увидеть вас в деле, я должен ею воспользоваться.

— Неплохо.

— Сэр... а почему здесь вы?

— Нам за это платят, мистер Принц.

— Да, сэр.

— К тому же можно сказать, что защита интересов адмирала Лермонтова — это мое дело, — сказал Фалькенберг.

— Конечно, сэр, но это относится и ко мне.

— Вы правы, мистер Принц.

Лисандр вслушался в гул двигателя.

— Хорошо, мистер Принц. Вы задали вопрос. Отбросив словесные игры, вы спросили, зачем мы здесь.

— Да, сэр.

— Возможно, у меня есть ответ.

— Я бы хотел его выслушать.

Последовала долгая тишина.

— Я не очень люблю проповедников, — сказал наконец Фалькенберг. — Но не упущу возможности прочесть проповедь будущему королю.

Мы здесь, мистер Принц, потому что наша работа — быть здесь. Когда-нибудь читали книгу, которая называется La Peste?

— «Чума» Альбера Камю, — сказал Лисандр. — Нет, сэр. Но она есть в списке, который подготовил мой воспитатель.

— Наряду с сотней других книг, которые вам не очень хочется читать. Не сомневаюсь, — сказал Фалькенберг. — Прочтите ее. Наслаждаться не будете, но останетесь довольны, что прочитали.

— Да, сэр.

— Камю говорит, что жизнь человека заключается в исполнении его работы. Становясь старше, я нахожу в этих словах все больше смысла. Мистер Принц, я стараюсь жить в соответствии с этими словами. Я верю, что результат жизни человека — это то, что им сделано. Некоторые делают не очень много.

— Сэр? Некоторые — возможно. Но вы сделали много. Вы изменили историю нескольких планет!

— Это верно. Другое дело, к лучшему или к худшему и имеет ли это изменение какое-нибудь значение для будущего. Но это уже от меня не зависит. События, над которыми я не властен, способны лишить всякого смысла все, что я сделал. Мне хочется думать, что я выжал все возможное из тех возможностей, которые у меня были, но я себя не обманываю. В поддержании равновесия сил в космосе я никогда особенной роли не играл.

— А кто играл?

— Может, когда-нибудь это будете вы. Иногда с политиками и королями так бывает. Легко было так думать, когда я мальчишкой бродил по виа Фламиниа в Риме и смотрел с Тарпейской скалы на Капитолий. Руины славы. Знаете ли вы, что больше двух тысяч лет римляне держали в Капитолии в клетке волчицу? Во времена республики. И во времена гражданских войн, и в великие дни империи. И после падения империи, в раннее средневековье, во время Возрождения, во времена папских государств и Рисорджименто,* и даже при Муссолини. Но после второй мировой войны этого не получилось. Не смогли защитить волчицу от вандалов. Современных вандалов. Не знаю, что делали первые, настоящие, вандалы.

Фалькенберг рассмеялся.

---

* Период освобождения и объединения Италии, 1750—1880 гг. — *Прим. перев.*

— Но довольно. Я не играю особой роли в равновесии космоса, мистер Принц, потому что — к добру или к худу — выбрал военное ремесло.

— Вы ведь не хотите сказать, что насилием невозможно ничего решить?

— Конечно, нет. Но солдаты не выбирают, что именно решает их действия. Думаю, в моем случае это не имеет значения. Я сказал, что выбрал военное ремесло. Но на самом деле оно выбрало меня.

— Хорошая профессия, сэр.

Лисандр почувствовал, что Фалькенберг пожал плечами.

— Может быть. Несомненно, профессия, которую понимают неверно. В моем случае — я родился не американским налогоплательщиком и не членом Советской партии — у меня не было возможности так высоко подняться на службе СоВладению, чтобы добиться хоть какого-то влияния. Конечно, мы, солдаты, редко обладаем влиянием, в которое нам хотелось бы верить. То, что мы делаем, необходимо и часто бывает решающим, это верно, но нас не часто просят принимать важные решения. Решения о войне и мире. Мы не начинаем войны и редко контролируем мир.

— Разве цель — это мир? — спросил Лисандр.

— А что такое мир? — спросил Фалькенберг. — Я могу утверждать, что с исторической точки зрения это всего лишь идеал, вывод, о существовании которого мы делаем на основании кратких промежутков между войнами. Не очень частых промежутков и не очень длительных. Но предположим, мы знаем, что мир существует — желанный для нас мир. Но какова цена? Патрик Генри * требовал свободы или смерти. Другие утверждали, что нет ничего достойного в смерти. Но это проблемы, мнение о которых у солдат редко спрашивают.

— Тогда кто же мы?..

---

* Патрик Генри, 1736—1799, — один из видных борцов за независимость американских колоний. Одну из своих речей с призывом выступить против британского господства закончил словами: «Дайте мне свободу или дайте мне смерть!». — *Прим. перев.*

— Если вы представляете себе войну, угнетение и насилие чем-то вроде чумы, вроде Красной смерти, солдаты — это санитарная команда. Мы хороним мертвых. Мы стерилизуем местность и стараемся не допустить распространения чумы. Иногда мы сами распространяем чуму, хотя стараемся этого не делать. Иногда — не часто — нам удается устранить причину чумы. Нас редко просят заботиться о жертвах, хотя хорошие солдаты часто это делают. Средство лечения должны найти политики и врачи.

— Они никогда не находили...

— Да, никогда. Возможно, такого средства вовсе не существует, но это делает санитарную команду еще более необходимой. Вы рождены политиком, мистер Принц. Если уцелеете, не забудьте о санитарной команде. Мы нужны вам. Любопытно, что и вы нам нужны. Нам нужно верить в существование врачей.

— Замечательная аналогия, сэр, но не слишком ли далеко вы ее провели? Вы говорите, что не имеете никакого веса, но вы, несомненно, оказали огромное влияние на события.

— И еще окажем, — согласился Фалькенберг. — Бывает, что чаши весов уравновешиваются. На каждой огромная тяжесть, гораздо больше того, что мы в состоянии контролировать... в такие времена небольшой добавочный груз может нарушить равновесие. Как сейчас.

Вертолет резко накренился. Лисандр мельком увидел внизу огни. В интеркоме послышался голос пилота.

— Спускаемся. Будет трясти. Проверьте ремни.

Лисандр осмотрел свои ремни. Потом повернулся к Фалькенбергу.

— Да, сэр. Но откуда вы знаете, какую сторону выбрать? — спросил он.

— Ключевой вопрос. Могу вам сказать, что я делаю. Определяю: какая сторона оставит человечество с наибольшим потенциалом? — сказал Фалькенберг. — Установите это, и ответ на вопрос будет легко найти. Мистер Принц, каждый человек рождается с потенциалом. Жизнь заключается в максимальном возможном использовании этого потенциала. Причинить вред как можно меньшему количеству людей — но в

то же время понимать, что бездействие может оказаться гораздо худшим злом, чем возможный вред.

— Максимальное счастье для максимального количества?

— Нет. Эту цель часто использовали для того, чтобы силком тащить людей к счастью — хотели они того или нет. Нет, мистер Принц, все не так просто. Нужно спросить у людей: чего они хотят. Нужно спросить у специалистов: в чем нуждается человечество? И нужно уметь слушать ответы. Но, проделав все это, вы должны будете принять решение сами.

Нельзя просто считать по головам. Нужно оценить мнения. Но нельзя и просто взвесить их. Численность, конечно, имеет значение. — Фалькенберг неожиданно рассмеялся. — Мы летим над джунглями в бой. Если повезет, мы захватим большую партию наркотиков. Эти наркотики позволят какое-то время держать в покорности жителей Земли. Эти орды смогут думать, что они счастливы. Хорошо ли это? Или Земля станет лучше, если мы уничтожим урожай? Это только один вопрос, потому что ставка — нечто гораздо большее, чем этот борлой. Наша работа, мистер Принц, предоставить адмиралу Лермонтову его секретные фонды — и надеяться, что с их помощью он принесет больше пользы, чем вреда, больше добра, чем борлой причиняет зла. Сможет ли он это сделать?

— Мы не знаем, — ответил Лисандр. — Мой отец поддерживает Лермонтова. Но не думаю, чтобы Лермонтов ему нравился.

— Он и не должен нравиться. Итак, мистер Принц, за что же сражаетесь вы?

— За свободу, полковник. За права свободных людей.

— А что это такое? Откуда они берутся?

— Сэр?

— Подумайте, мистер Принц. Солдаты 42-го полка подчиняются строгой дисциплине. Большинство скажет, что они не свободны, — однако мы не подчиняемся никакому правительству. Возможно, мы самые свободные люди в галактике. Конечно, такая свобода очень дорого стоит.

— Да, сэр, мы на Спарте это поняли.

Фалькенберг усмехнулся.

— Я так и думал, мистер Принц. Так и думал. — Он немного помолчал. — Мистер Принц, хотите знать, каково самое важное событие в истории свободы?

— Американская революция?

— Неплохой выбор, достаточно близкий, но не мой. Я бы выбрал момент, когда римские плебеи потребовали от патрициев записать на двенадцати таблицах законы и поставить эти таблицы так, чтобы все могли их видеть. Тем самым они провозгласили господство закона над политиками. Закон — основа свободы.

— Я подумаю об этом, сэр.

Лисандр угадал, что полковник Фалькенберг пожал плечами.

— Подумайте, пожалуйста. Прошу прощения, мистер Принц. Когда у меня в гостях политик, который вынужден меня слушать, я испытываю непреодолимое искушение прочесть лекцию, но, думаю, молодой человек, выросший на планете, культура которой основана корифеями политической науки, все это уже не раз слышал.

Не от тебя. Лисандр хотел попросить Фалькенберга продолжать, но полковник уже подключил к своему устройству связи остальных.

— Джентльмены, — сказал Фалькенберг, — вы все знакомы, так что эту часть можно опустить. — Два лейтенанта напротив согласно кивнули. — Наступает время учебы. — Вертолет заложил крутой вираж. — Мы сейчас над самыми верхушками джунглей, так что не будем отвлекать Фуллера от пилотирования. Остаемся мы четверо. Лейтенант Мейс, полагаю, вы старший. Пожалуйста, введите мистера Принца в курс дела.

— Да, сэр. — Мейс посмотрел на Лисандра. — Полковник имеет в виду, что сейчас подходящее время для того, что мы называем школой капитанов. Поскольку капитанов среди нас нет, думаю, сгодимся и мы. Полковник формулирует проблему, потом мы все высказываем свои мнения относительно ситуации, а потом обсуждаем ее. Готовы? Хорошо. Полковник...

— Джентльмены, нам предстоит принять решение, — сказал Фалькенберг. Он показал на тяжелое оборудование на полу.

— Наша цель — доставить себя и все это оборудование от деревни Леду до пункта вблизи Рошмона. Можно предположить, что деревни Леду мы достигнем незамеченными. Оттуда мы поплывем в небольших лодках. Вести лодки будут с помощью шестов и весел жители деревни. Они специалисты и много раз проделывали этот путь. Лодки деревянные, небольшие. Как я понял, каждая может взять двух человек и их личное вооружение или оборудование равного веса. Лодок двадцать, они в состоянии за один раз перевезти всех нас и все наше тяжелое оборудование. Естественно, мы должны как-то распределить лодки. Пока все ясно? Хорошо. Проблема в том, как загружать лодки и в каком порядке их отправлять.

Мистер Принц, как младший из офицеров, вы говорите первым. Что будет в первой лодке, которую мы отправим вниз по реке?

— Два разведчика, сэр?

— Не спрашивайте, — сказал лейтенант Мейс.

— Разведчики, — повторил Фалькенберг. — А во второй?

— Вероятно, мне нужно подумать, — ответил Лисандр.

— Лейтенант Яновиц, недавно из корнетов стал вторым лейтенантом, — сказал Фалькенберг. — Поздравляю. Кто в первой лодке, мистер Яновиц?

— Два разведчика, — сказал Яновиц. Он казался старше Лисандра и говорил уверенней. — Во второй офицеры. Лодки отправляем волнами, в первой персонал, во второй оборудование. Полковник и его телохранитель в последней лодке.

— Понятно. А почему? — спросил Фалькенберг.

— Радары, полковник. С помощью радаров можно просматривать джунгли, и если у них есть радары, так меньше шансов быть обнаруженными...

— Да. Лейтенант Мейс. Согласны?

— Не знаю, полковник. Я понимаю смысл предложения Гарри. Тяжелое оборудование на радаре лучше видно, чем люди. Гораздо лучше, так что весьма вероятно, что нас обнаружат. Легче провести людей. Меньше вероятности насторожить Бартона. Но...

— У вас есть возражения, — сказал Фалькенберг. — Заметьте, мистер Принц.

— Теперь, когда я подумал, у меня тоже возникли некоторые возражения, — сказал Лисандр. — Допустим людей заметят. Даже если они вызовут подозрения, тяжелое оборудование эти подозрения только усилит.

— Они могут решить, что это люди Леду, — сказал Яновиц. — Вероятно, так и подумают.

— Возможно, — сказал Мейс. — Особенно если увидят людей. А что если они не поверят, что это местные жители?

— Рассчитанный риск, — ответил лейтенант Яновиц. — Фактор вероятности подсказывает, что солдат нужно отправлять первыми.

— Вы в этом уверены? — спросил Фалькенберг. — Мистер Мейс?

— Наоборот, — сказал Мейс. — Вначале мы отправляем тяжелое оборудование, потому что если оно пройдет, пройдут и люди, а если Бартон насторожится, нам не удастся провезти оружие.

— И что тогда? — поторопил Фалькенберг.

— Ну... не знаю, сэр.

— Мистер Принц?

— Мы не можем выполнить задание без тяжелого вооружения?

— Совершенно верно, — сказал Фалькенберг. — Исход дела целиком зависит от того, удастся ли нам доставить на место тяжелое вооружение. Если мы этого не сделаем, вряд ли чего-то добьемся. Хорошо, джентльмены. Теперь предлагаю вам обсудить совсем иную проблему...

Поляна была небольшая и совершенно темная, если не считать узких лучей фонариков экипажа. Сюда опустились четыре вертолета. Два, забрав горючее, полетят дальше. Другие два оставят себе столько горючего, чтобы хватило только для возвращения на базу.

Корнет Фуллер наклонился и с помощью проектора на шлеме вызвал карту.

— Горючего в обрез, — сказал он.

Фалькенберг показал на деревню Леду.

— Когда окажемся там, каков будет ваш операционный радиус?

— Около ста километров, — ответил Фуллер. — Зависит от ветра на остатке пути.

— Должно хватить, — сказал Фалькенберг. — Так или иначе, больше вам не понадобится. — Он встал и направился к краю поляны.

— Почему то, как он говорит, меня чертовски пугает? — спросил Фуллер.

Лисандр усмехнулся.

— Вас тоже? Хорошо.

— У меня еще не было возможности поблагодарить вас за то, что приняли Хуаниту.

— Это была идея Урсулы, — ответил Лисандр.

— Да. Но все равно спасибо. И за то, что уговорили полковника дать мне пять минут побыть с ней. — Фуллер вытер лоб. — Жарко.

— Еще бы.

— А как на Спарте? — спросил Фуллер.

— Ну, у нас гораздо прохладней...

— Да. Я об этом слышал. Я имею в виду — для осужденных.

— У нас нет таких контрактов, как на Таните, — сказал Лисандр. — Парни с Земли могут сами выбирать, где работать.

— Вы освобождаете осужденных?

— Ну, не совсем, но всякий, кто хочет работать, увидит, что ограничения не обременительны. СоВладению не нравится, что мы предоставляем гражданство тем, кто официально еще отбывает срок, но так бывает не часто. Немногие пытаются стать гражданами.

— Да? Не хотят стать гражданами?

— Некоторые, — сказал Лисандр.

— Как же они живут? Приработками? Благотворительностью?

— Не совсем. На Спарте все обладают политическими правами, но у граждан их больше. И, конечно, больше обязанностей.

— О. Что-то вроде налогоплательщиков?

— Нет, не совсем...

Рядом возник командир экипажа.

— Топливо на борту, мистер Фуллер.

— Спасибо, шеф. Сажайте людей. — Фуллер усмехнулся в темноте. — Будь я немного сообразительней, был бы теперь на Спарте. У меня была возможность, но я не знал, что делать. Может, оно и к лучшему.

XXII

Школа закончилась, а с ней и разговоры с Фалькенбергом. Вертолет летел над самыми джунглями, иногда маневрируя между деревьями. Взошла маленькая луна Танита, но она была видна лишь как светлое пятно за облаками. Иногда, когда вертолет резко накренялся, Лисандру удавалось увидеть внизу джунгли, но это была только чернота, более темная, чем облака над головой.

После одного резкого маневра Лисандр почувствовал, как его подтолкнул Харв. Он показал на шлем, и Лисандр переключился на частоту шлема Харва.

— Как он видит? — спросил Харв.

— Вероятно, радар, — ответил Лисандр, но подумал, что радар могут засечь на расстоянии. — Инфракрасные лучи? Не знаю, но рад, что не мне вести машину.

— Он хорош, — признал Харв.

— Да, — ответил Лисандр и подумал, что было бы, если бы Фуллер подкупил чиновников и отправился на Спарту. Что бы он там делал? Природный талант пилота мог бы привести его в авиацию, или какому-нибудь богатому владельцу шахты понадобился бы шофер. Но спартанским офицером он не смог бы стать ни в каком случае.

Вертолет продолжал полет, и, несмотря на резкие маневры, Лисандр уснул.

Деревня Леду, казалось, была забита людьми. Ее жители уже подготовили укрытия для вертолетов. Едва пассажиры выходили, сто человек подхватывали машину и перетаскивали

под тростниковую крышу. Устанавливали стены из циновок, и вертолет исчезал.

Через несколько минут все оборудование было выгружено, и солдаты вслед за местными жителями отправились в чащу. Лисандр скорее чувствовал, чем видел густую поросль по обе стороны. Потом он понял, что впереди вода. К берегу были причалены два десятка небольших лодок.

Унтер-офицеры Фалькенберга жестами руководили погрузкой. В первую лодку погрузили безоткатные орудия. Потом лейтенант Мейс забрался в нее и плашмя лег на дно. Высокий смуглый штатский сделал знак, и лодочник оттолкнулся шестом от берега. Через несколько секунд лодка исчезла в густых зарослях.

На следующую лодку погрузили громоздкое оборудование, в том числе то, что показалось Лисандру водными санями. Ее тоже отправили в ночь. Лодку за лодкой нагружали и отправляли. Минометы и мины для них. Оборудование связи. Радарная антенна. Все происходило быстро, и вскоре все оборудование исчезло. Затем настала очередь солдат. А потом и Лисандра. Они с Харвом легли на дно лодки и ждали.

Шест лодочника был снабжен чем-то вроде весла, так что им можно было не только отталкиваться, но и грести. Света было так мало, что разглядеть лицо лодочника Лисандр не мог.

Он знал, что путь будет долгий, и попытался уснуть, но, несмотря на всю свою подготовку, не смог. Приходили и уходили мысли. Он видел себя убитым или раненым. «Харв падает. Фалькенберг истекает кровью на земле. Что если старшим останусь я? — думал Лисандр. — Конечно, никакого шанса на это нет. Или есть?»

Урсула. Что будет с ней? Он вспомнил об оставшейся на Спарте Мелиссе. Все считают, что они поженятся. Он тоже так считал. Но теперь не уверен. Мелисса его друг, он может с ней разговаривать. Они вместе побывали во многих местах и дважды занимались любовью. Первый раз был первым для них обоих. Она ему очень нравится. С ней легко, и, конечно, она обладает полным гражданством. Она станет хорошей матерью и надежным партнером в управлении. «Но это не лю-

бовь, — думал он. — Тогда что же? Что такое любовь? Люблю ли я Урсулу? Я хочу ее. Хочу быть с нею.

Что подумает Мелисса, если я привезу на Спарту Урсулу? Поймет ли? Нет. И отец не поймет. Нет, это нелепо. Во дворце нет места для Урсулы».

А почему нет? В книгах по истории у королей бывали любовницы. Но ведь короли Спарты не настоящие короли, как когда-то во Франции. В спартанской конституции нет понятия божественного права. Королям на Спарте не приходится завоевывать свой пост, целуя младенцев, но предполагается, что они лучше подготовлены и обладают лучшей квалификацией, чем остальные. Или по крайней мере не худшей. Им также полагается иметь детей, законных детей, которые смогут унаследовать положение лидера. Так у предводителей Спарты появляется возможность заглядывать далеко вперед, в будущее поколение, а не просто ждать следующих выборов.

«А еще мы должны быть нравственными, что бы это ни означало. Служить примером народу. А держать любовницу — не очень хороший пример. Совет обязательно узнает об этом, и мне придется расплачиваться. И даже если Совет примет Урсулу, Мелисса не примет никогда. Итак? Откажись от Мелиссы. Женись на Урсуле».

Он вслух рассмеялся и почувствовал легкое нажатие ноги Харва. Тот напоминал о необходимости тишины.

«На самом деле это вообще невозможно. Совет затребует генетические таблицы и семейную историю... у Урсулы, вероятно, вообще нет этой информации, а даже если бы была, Совет ее бы не одобрил. Допустим, им понравится ее наследственность. Все равно ей понадобится обращаться с просьбой о предоставлении полного гражданства. Как она ни умна, начинать в ее возрасте — на это уйдут годы. Если она сможет все это преодолеть. Нет. Урсула не полетит со мной на Спарту».

Эта мысль ему не понравилась.

Смени тему.

Он слышал, как за бортами пироги шумит вода. Джунгли тонули в кромешной тьме.

«Темно, но засечь нас можно. С помощью радара. Что если кто-нибудь прямо сейчас наблюдает за нами? У Фаль-

кенберга должно быть оборудование для обнаружения радара. Что если он обнаружит наблюдение? Что мы можем сделать? Если нас обнаружат, смогут захватить. У нас недостаточно людей и вооружения, чтобы продержаться долго.

Так я ни к чему не приду. Что это? Почему я здесь? Жизнь заключается в исполнении работы. Разве это моя работа?» — Мысли метались в голове, пока он усилием воли не отогнал их.

— Принц! — Голос Харва звучал негромко, но настойчиво. — Мы на месте.

По-прежнему темно, но над облаками чуть-чуть посветлело. Лисандр выбрался из лодки. Левая нога у него затекла, и он принялся осторожно растирать ее.

Не успел он выйти из лодки, как лодочник оттолкнулся от берега, развернул лодку и повел ее вверх по течению. Через несколько мгновений он исчез.

— Сюда, — прошептал кто-то. Неясная фигура показывала дорогу. Ноги погружались в мягкую почву. Один раз сапог Лисандра утонул по лодыжку, и когда он его вытянул, послышался громкий чавкающий звук. Света по-прежнему было недостаточно, чтобы что-нибудь рассмотреть, только серое свечение над пологом джунглей. Харв бесшумно шел сзади.

Лисандру показалось, что они прошли с полкилометра, когда проводник неожиданно остановился.

— Сюда, сэр. Под брезент, — прошептал солдат.

Лисандр, наклонившись, нащупал прямо перед собой край брезента. Заполз под него. Там было очень жарко. Полностью оказавшись под брезентом, он почувствовал, что впереди спуск. Неяркий свет проектора карт ослеплял.

Под брезентом лежали Фалькенберг, лейтенант Мейс и сержант, все они смотрели туда, куда сержант проецировал карту.

— Сержант Мисковски, мой адъютант корнет Принц, — сказал Фалькенберг. Голос его звучал негромко, но без всякого напряжения. — Мистер Принц, изучите карту. Сержант...

— Сэр. — Мисковски показал на голографическое изображение. — Вот берег. Мы вот здесь, в глубине. Ручей, по которому мы приплыли, за нами. Он еще какое-то время течет на юг, прежде чем повернуть на запад к заливу. — Он коснулся шлема, и изображение изменилось. — Хорошо, мы вот здесь, берег здесь. Джунгли кончаются примерно в километре к западу отсюда. Потом примерно три километра расчищенной холмистой земли, в основном поля, и поместье Рошмон. Вот на этом холме, похожем на насыпь. Здесь такие холмы считаются высокими. Мы смогли разглядеть много подробностей этой местности. Вот здесь и здесь на фермах антенны. Здесь несколько навесов. Думаю, под ними тяжелые минометы, но точно не могу утверждать. Они приняли все меры, чтобы спрятаться от спутников.

— А как же антенны? — спросил Мейс.

— Удалось подсмотреть, сэр, — ответил Мисковски. — По крайней мере этот набор. Примерно два часа назад, через двадцать минут после очередного прохода спутника, они убрали крышу с одного из навесов. Крыша отъезжает на этой штуке, похожей на ось. Внутри антенны слежения, никакого сомнения, они хорошо заметны на наших тепловизорах в инфракрасном свете. К тому же они дают четкий след линии К. Нам повезло, что мы хорошо окопались. — Мисковски снова коснулся шлема, и картина изменилась, появились какие-то темные очертания. — Я установил на краю джунглей хорошую камеру, но света еще недостаточно, чтобы что-нибудь разглядеть.

— У нас примерно час до того, как капитан Фаст начнет операцию «Налет», — сказал Фалькенберг. — Дадим Бартону еще десять минут на то, чтобы понять, что мы выступили. Наблюдения нужно проводить быстро: потом нужно будет окопаться. Нельзя, чтобы они заподозрили наше присутствие здесь. Без внезапности мы здесь ничего не добьемся.

— Да, сэр, — сказал Мейс. — Вряд ли это будет проблемой. Мисковски, что у вас в качестве убежища на крайний случай?

— Сэр. Мы не можем нормально окопаться, чтобы нас не заметили, но, я полагаю, нам придется нелегко, если нас обна-

ружат. Значит, понадобится надежное укрытие. Поэтому я натянул трос между деревьями — вот здесь и здесь. Как только они поймут, что мы здесь, мы повалим эти деревья. Получится своего рода ящик. В центре этого ящика мы выкопали несколько мелких окопов. Конечно, не очень надежно, но можно укрыться от обстрела. Еще одна группа делает то же самое вот здесь. — Он снова показал на голограмму, где еще один участок окрасился в красный цвет.

— Молодцы, — сказал Мейс. — Предупредите всех солдат.

Лисандр разглядывал красные участки на проекции.

— Скажу Миддлтону, — сообщил он.

— Хорошо, — согласился Фалькенберг. — Жаль, мы не знаем, как они охраняют свои орудия. Сержант, когда открыли крышу сарая с антенной, вы сумели оценить, что там еще?

— Судя по данным инфракрасного искателя, дерево, полковник. Может, под ним есть что-нибудь, но вряд ли оружие.

— Хорошо. Вероятно, ничего, кроме древесины. Мистер Мейс, каково ваше мнение? Сможем мы вывести эти антенны из строя первым залпом?

— Да, сэр, думаю, сможем.

— Конечно, мы не знаем, где у них запасные, — сказал Фалькенберг. — Но даже если они есть, на какое-то время они ослепнут. Мистер Мейс, командуете здесь вы, но настоятельно рекомендую вам сделать главной целью антенны. Сначала по ним, потом по командному пункту, если мы сумеем его обнаружить. Потом, когда откроют ответный огонь, займитесь их орудиями.

— Да, сэр.

— Это при условии, что у вас не появится более важная цель, — сказал Фалькенберг. Он склонился к голографической проекции. — Покажите пристань. Спасибо. Что это за сооружение?

— Великовато для лодочного сарая, — сказал Мейс.

— Вряд ли это лодочный сарай, сэр. Не на Таните, — сказал Мисковски. — Полковник, я не замечал, пока мы не присмотрелись повнимательнее, но у них там повсюду солнечные

батареи, гораздо больше, чем нужно для фермы. Масса таких батарей. Думаю, они производят водород и жидкий кислород, а где его лучше хранить, как не вблизи пристани?

— Гмм. Насколько нам известно, на «Звезде Нортон» посадочные шлюпки класса «Таллин», — сказал Фалькенберг. — Им едва хватает горючего, чтобы спуститься с орбиты и приводниться. После посадки им необходимо заправиться... хорошо, Мисковски, принимаю ваше предположение. Вы засекли склад горючего. — Фалькенберг снова принялся разглядывать голограмму. — А это сараи?

— Да, сэр. Эти два строения для коров. Это для лошадей. А вот это, выше фермы, бараки для рабочих.

— У лошадей больше удобств. Ну, хорошо. — Фалькенберг еще несколько мгновений разглядывал изображение, потом поднял голову. — Мистер Принц, вы с Мейсом вот-вот расплавитесь. Если подумать, то и я нахожу, что здесь тепловато. Хорошо, десять минут на то, чтобы освежиться. Выберитесь отсюда и расстегните обмундирование. Хорошо провентилируйте. Потом вы снова вернетесь. Боюсь, опять сюда, под брезент. Мы так старались, чтобы Бартон нас не обнаружил. Незачем сейчас рисковать. Десять минут, джентльмены. А тем временем, сержант, у меня есть задание для вашей группы.

Небо было тускло-серым. Для того, чтобы что-то разглядеть, света по-прежнему было мало, но, наклонившись, Лисандр увидел комковатый брезент, и ему показалось, что с противоположной стороны к нему кто-то подходит. Лисандр поморщился при мысли о липкой жаре, потом забрался внутрь. Мейс и Яновиц уже были там. Мгновение спустя к ним присоединился Фалькенберг.

— Джентльмены. Вы, несомненно, гадаете, что я здесь делаю, в то время как должен находиться в штабе. — Он подождал немного и, не получив ответа, усмехнулся. — Но вы слишком вежливы, чтобы полюбопытствовать. Прежде всего, лейтенант Мейс, я здесь не потому, что сомневаюсь в вашей способности справиться с ситуацией.

— Спасибо, сэр, — ровным голосом ответил Мейс.

— В сущности, вас тут особенно незачем контролировать, — продолжал Фалькенберг. — План мы составили. Руководство может осуществлять штаб. Вы с Яновицем наиболее компетентны, чтобы выполнять свою роль. План хороший, и сил у нас достаточно. А если еще немного повезет, мы выведем из строя посадочный корабль и захватим Рошмон.

— Да, сэр, — сказал Мейс.

Фалькенберг коснулся своего шлема, и между ними возникло голографическое изображение Рошмона.

— К несчастью, учитывая позицию противника, осуществление этого плана нам будет стоить дорого — в жизнях и оборудовании. Кто-нибудь не согласен?

Лисандр посмотрел на карту.

— Да, сэр. Есть вероятность, что вообще ничего не получится. Или что они уничтожат борлой.

— Совершенно верно. Итак, — сказал Фалькенберг. — У нас лучший план, какой только мы сумели составить, но вряд ли это элегантное решение проблемы. Я явился посмотреть, не можем ли мы сотворить чудо.

— Сэр?

— «Ни один план не выдерживает столкновения с реальным противником», — процитировал Фалькенберг. — Это сказал старик Мольтке, но принцип был известен задолго до него.

— Разве Канны прошли не по плану? — спросил Лисандр.

— Да, мистер Принц. Конечно, Канны потребовали содействия со стороны римлян. С тех пор военачальники пытались повторить успех Ганнибала. Большинству это не удавалось, потому что противники, как правило, не были столь любезны, как Гай Теренций Варрон. Майор Бартон таким точно не будет. С другой стороны, Ганнибал оказался в Италии прежде всего потому, что римляне считали невозможным пересечь Альпы с армией. Внезапность способна на многое.

— Да, сэр?

— Рассмотрим ситуацию. Прежде всего, цель. Какова наша цель, мистер Мейс?

— Сэр? Захватить борлой.

— Верно, — сказал Фалькенберг. — Не захватить Рошмон, но получить в свое распоряжение несколько тонн сока боршита. Каково главное условие для этого, мистер Яновиц?

— Ну, чтобы не дать им переместить борлой куда-нибудь, нам нужны достаточные силы, чтобы захватить Рошмон, — сказал лейтенант Яновиц. — Для этого мы здесь.

— Верно. Таков план. Конечно, способ дорогой. Есть ли другой?

Офицеры разглядывали карту и снимки.

— Не вижу возможности овладеть грузом без взятия Рошмона, — сказал лейтенант Мейс.

— Но мы считаем, что его погрузят в посадочный корабль, — сказал Фалькенберг. — Если бы захватить корабль после приземления...

— Да, сэр, мы все время об этом думали, но сделать это нет никакой возможности, — сказал лейтенант Мейс. — Полковник, с той минуты, как покажется посадочный корабль, они перестанут скрываться. Радары будут прощупывать каждый дюйм вокруг Рошмона. Вероятно, у них есть и сигнальные провода. И минные поля.

— К тому же, — добавил лейтенант Яновиц, — даже если мы захватим корабль, что мы будем с ним делать?

— Всему свое время, — сказал Фалькенберг. — Если бы у вас был корабль, мистер Принц, что бы вы с ним сделали?

— Полетел в столицу, — ответил Лисандр.

— Полетели? И кто его сможет повести?

— Я.

— Совершенно верно, — сказал Фалькенберг. — Как выяснилось, мистер Принц прошел тщательную подготовку. Он один из трех пилотов посадочных шлюпок в полку.

— Сэр? Вряд ли меня можно считать подготовленным. Да, я прошел подготовку, но...

— Три полета, кажется? Взлет, полет в атмосфере и посадка с орбиты. На самом деле из всех наших пилотов вы самый подготовленный.

— Ну, если вы так говорите, сэр. Полковник, а кто остальные два?

— Капитан Свобода. И я.

— Полковник... — Лейтенант Мейс перевел дыхание. — Полковник, что вы задумали?

— То, о чем вы думаете, мистер Мейс. Чудо. Небольшую перемену в планах майора Бартона.

Лисандр посмотрел на карты обороны Рошмона.

— При всем моем уважении к вам, полковник, действительно потребуется чудо. Конечно, я... мы можем увести корабль отсюда, но как его захватить? К нему не подступиться.

— Именно так считает и Бартон, — сказал Фалькенберг. — Точно как римляне не верили, что Ганнибал придет к ним из Северной Африки.

— Полковник, одно дело Альпы, совсем другое — это поле. Уже сейчас они просматривают всю местность радарами.

— Да, — подтвердил Мисковски. — Со случайными интервалами, но достаточно часто, чтобы помешать кому-нибудь подобраться незаметно. Даже мой взвод не смог бы этого сделать.

— Вот именно, — сказал Фалькенберг. — Они следят за полями. И это позволяет им чувствовать себя в безопасности. Но сомневаюсь, чтобы у них были сонары...

— Сонары? — повторил Мисковски. — Полковник, вы собираетесь туда плыть? Полковник, все знают, что на Таните нельзя плавать! Вы и полпути не одолеете, как вами позавтракает несси!

— Все согласны? Миновать несси на пути к кораблю невозможно? — спросил Фалькенберг. — Хорошо. Я уверен, что и Бартон так считает.

— Он так считает. Потому что это правда, полковник, — сказал Мисковски. — Я мало что знаю об этой сумасшедшей планете, но это знаю точно! Сэр, это не вопрос мужества или огневой мощи. Справиться с несси нелегко, и, может, вам это удастся. Однако люди Бартона сразу же об этом узнают. К тому же проклятая тварь может и победить.

— Именно таков мой анализ, сержант, — сказал Фалькенберг. — Я пришел к такому же выводу еще до того, как мы покинули штаб. — Он порылся в своей броне и извлек аудиокассету. — Мы не можем сразиться с несси, но, пожалуй, сумеем избежать встречи с ними. У меня перед вами преимущество, сержант. Находясь в штабе, я смог провести небольшое исследование. Точнее, отыскать того, кто уже это исследование провел. Я позвонил миссис Чанг и спросил, кто больше

всех знает о несси. Оказалось, что здесь одна группа только ими и занимается.

Фалькенберг хлопнул ладонью по кассете.

— Я достал отчет группы и изучил его, потом попросил миссис Чанг переписать это из базы данных губернатора. Это запись призывов несси.

Лисандр нахмурился:

— Сэр?

— Призывов к кормлению, главным образом. Как оказалось, на полковых складах нашлось двое саней для глубоководного плавания. Когда загружали вертолеты, я их прихватил вместе с двумя комплектами аквалангов. Предположим, мы подключим эту запись к усилителю на таких санях. У меня есть также записи раненой добычи. Призывы и звуки плавания. Это мы тоже помещаем в сани. А теперь допустим, мы направим сани на автопилоте в глубину залива. В груз саней включим мертвого поркера. Окровавленного мертвого поркера. И когда сани будут достаточно далеко, включим запись.

Лисандр кивнул своим мыслям.

— И, когда все несси пойдут на этот звук, отгоним вторые сани в район пристани. Может получиться, но разве посадочная шлюпка не создаст проблемы? Как несси отреагируют на нее? Расслышат ли они запись?

— Не знаю, мистер Принц, — ответил Фалькенберг. — Не думаю, что придется долго ждать. Я собираюсь добраться туда еще затемно. А там как будто есть где спрятаться.

— Поркер маловат, — сказал лейтенант Мейс. — Что произойдет, когда несси с ним покончат?

— Мини-гранаты, — ответил Фалькенберг. — Несколько гранат в поркере и еще несколько в санях. Возможно, они не убьют несси, но парочку ранят.

— А несси каннибалы, — сказал Мейс. — Безумие хищника. Не дай Бог оказаться поблизости...

— Никто и не окажется, — ответил Фалькенберг. — Все это разыграется в нескольких километрах в глубине залива. А мы будем гораздо ближе к берегу.

— Мы, — сказал Лисандр.

— Я так и предполагал, что вы станете добровольцем, — сказал Фалькенберг. — Если не хотите, никакого позора в

этом нет. Мысль о плавании среди этих тварей действительно не очень приятна. Добровольцем будет Мак-Кларен.

— Нет, полковник, пойду я. Не проблема.

— А в чем проблема?

— Со мной пойдет Харв.

— Но у нас в санях только два места.

— Этого достаточно. Полковник, вы нужны здесь.

— Это уж точно, — сказал лейтенант Мейс.

— Мистер Принц...

— Полковник, ради Бога! Мы говорим о том, что придется проплыть три километра, а потом спрятаться и ждать посадочную шлюпку. После этого захватить шлюпку. Я глубоко уважаю вас, полковник, но мы с Харвом справимся с этим гораздо лучше вас.

— Мистер Принц...

— Полковник, вы вдвое старше меня. Более чем вдвое. Как давно вы не снимали часовых? Я никогда об этом не думал, но мы с Харвом сделаем это лучше.

— Он прав, полковник, — сказал Мисковски. — Только насчет этого Харва... Может, лучше мне отправиться...

Фалькенберг негромко рассмеялся.

— Оставьте, сержант. Мистер Принц, ваше предложение принято. Удачи.

XXIII

Лисандр стоял по пояс в мутной теплой воде. Здесь, в устье ручья, прибой не сильный, но за пределами устья слышны удары волн о берег. Серого света достаточно, чтобы разглядеть в трех метрах белые шапки волн. Когда он погрузился с головой, пришлось напрягать глаза, чтобы разглядеть светящийся циферблат компаса, хотя он поднес его совсем близко к лицу.

Вода теплая, но прохладней, чем было в джунглях. Приятное ощущение, однако принц не забывал, что это, все-таки, не дружелюбное Эгейское море на Спарте. Это Танит, родина несси. Им уже пришлось отогнать от берега несколько небольших, похожих на угрей тварей.

— Хороший знак, — сказал рядовой Парди. — Если здесь малыши, больших поблизости нет. Эти сразу немурлон не прокусят. Малыши, конечно.

Они загрузили и отправили вторые сани. Приемник Фалькенберга подсказал, когда усилитель начал передавать призывы несси, и вскоре послышался шум движения огромных тварей. Несомненно, сани привлекли некоторых их них. Некоторых. Но всех ли? Достаточно одной, чтобы...

«Есть только один способ узнать», — сказал себе Лисандр. Он с плеском выбрался на берег ручья. И негромко сказал:

— Пожалуй, я готов.

Он почувствовал на своем плече руку Фалькенберга.

— Ни пуха ни пера, — сказал полковник.

— Сэр?

— Удачи, мистер Принц.

— Сэр.

Лисандр поколебался. Рука полковника по-прежнему лежала на его плече. Лисандр постоял еще мгновение, потом сел в теплую воду, чтобы надеть ласты. И когда нырнул в волну, сразу за ним нырнул и Харв. На дне ждали вторые сани.

Лисандр сквозь прибой провел электрические сани к выходу из узкого залива, на большую воду. Очутившись, по своей оценке, метрах в тридцати от берега, он повернул на запад параллельно береговой линии. Натяжение буксирного троса подсказывало, что Харв держится сразу за ним. Но о Харве беспокоиться не нужно. Как всегда.

Впереди показалось что-то большое, и он испытал приступ паники. Но ничего не произошло. Бревно? Морская корова? Что бы то ни было, оно за ними не последовало. Лисандр устремил сани вниз, и наконец глубиномер показал двадцать метров. Абсолютная темнота, мутная вода и никакого света вверху, так что он с трудом различал циферблаты.

Лисандр сосредоточился на компасе и на спидометре. Трудно придерживаться устойчивого курса и скорости при отсутствии видимости, но единственный способ определить свое положение — крошечная инерционная навигационная система, встроенная в сани. Система указывала направление и

расстояние до пристани Рошмона. Казалось, она работает нормально.

Спарта заселила моря земными дельфинами и косатками. Оба вида были одомашнены и привыкли плавать с людьми. Им нравилось быть с людьми, плавать с ними, тащить их на буксире, а местная спартанская морская фауна им ничем не угрожала. Лисандру хотелось бы, чтобы сейчас с ним были косатки. Желательно как можно больше. Стая китов-убийц могла бы отразить нападение несси, по крайней мере немного задержать их...

Уходили секунды. Где-то слева от них замедляют ход вторые сани. Несси начинают кормиться. Он пытался услышать взрывы мини-гранат, хотя знал, что они слишком далеко. Если этот трюк не сработает...

Лисандр нащупал подводное копье. В теории ударяешь животное — копье рассчитано на акул — длинной полой иглой, и она под давлением впрыскивает двуокись углерода, разрывая внутренности того, кого ты ударил. Теоретически такой укол вызывает мгновенную смерть, и разорванная жертва всплывает на поверхность. Отвратительная смерть от отвратительного оружия. Лисандр надеялся, что ему никогда не придется его испытывать на деле. Возникал также вопрос, сможет ли копье пробить бронированную шкуру несси — и что произойдет, когда убьешь несси, а рядом обезумевшие другие.

Минут через двадцать Лисандр потянул за трос. Подплыл Харв и взял на себя управление санями. Лисандр проверил трос, который привязывал его к саням, и, позволяя разматываться катушке, начал подниматься на поверхность.

Ветер дул в сторону берега, в заливе белели гребни волн: ничего, что могло бы помешать посадочному кораблю, но достаточно, чтобы невозможно было в тусклом сером свете разглядеть береговую линию. Лисандр оглянулся. И на мгновение увидел блеск: это сержант Мисковски включил фонарь. Лисандр немного подождал, а когда свет блеснул вторично, был готов определиться на местности.

На Таните нет навигационной спутниковой системы. Губернатор Блейн хотел ее завести, но СВ отказал в финансировании. Система на Спарте еще не завершена, но достаточно

хороша, чтобы можно было определить свое положение с точностью до нескольких метров. Это гораздо лучше, чем пытаться по видимым ориентирам определиться в бурном море. Но выбора нет.

Это ориентирование — еще одна проверка расположения саней. Но что гораздо важнее, вспышки с берега сообщали, что звуковая аппаратура не уловила никаких звуков несси вблизи берега и никто его не преследует. Пока...

Определившись по фонарю Мисковски, Лисандр не удержался и посмотрел на юг, в ту сторону, куда ушли вторые сани. Но ничего не увидел. Волна накрыла его с головой.

Хватит. Он нажал на клапан плавучести, выпуская воздух, и стал медленно погружаться к саням.

«Сосредоточься, — подумал он. — Думай только о работе. Сани с записями и мертвым поркером приманят несси или не приманят. Но если будешь думать об этом, все равно ничего не изменишь». Он не обращал внимания на тугой узел в желудке и пытался не представлять себе несси, рвущих друг друга на куски.

Оказавшись под поверхностью, он с помощью экрана шлема вызвал из инерционной системы схему местности с указанием своей позиции. Схема совпадала с визуальными ориентирами. Убедившись в этом, он подтянулся к саням и похлопал Харва по плечу. Миддлтон тут же отступил, давая возможность Лисандру взять на себя управление.

Лисандр держался прежнего курса. Непрошеными приходили новые видения несси. Он пытался прогнать их и, когда ничего не получилось, начал медленно перечислять про себя: Леонид, Мегист, Динес, Альфей, Маро, Эврит, Демарад младший, Деноат. Три сотни имен. Герои Фермопил.

Он уже добрался до середины второй сотни, когда пришло время сменить курс и повернуть к пристани Рошмона.

— Майор Бартон! — Эйс Бартон проснулся от стука ординарца в дверь. — Майор!

— Да, Каррузерс?

— Капитан Хоницу говорит, что вам срочно необходимо явиться в штаб. Кажется, Фалькенберг начал действовать.

— Дерьмо! Ладно. Сейчас буду. Приготовь кофе.

Снаружи яркий свет. Часы у кровати показывали, что после восхода прошел час. «Недостаточно сна», — подумал Бартон.

Когда он встал, в голове зашумело. *Не следовало столько пить.* Он отыскал витамины и порошок от головной боли, проглотил все это, налил второй стакан воды и запил. *Мне даже не нравится пить. Но лучше пить, чем разговаривать с этими ранчеро.*

Он быстро оделся. Когда закончил, чувствовал себя уже лучше.

Штабная комната раньше была кабинетом хозяина Рошмона. Именно такую комнату хотел бы иметь Бартон, если бы стал богатым ранчеро, хотя не все книги, которые там стояли, ему хотелось бы прочесть. Он подумал: «Сколько стоило привезти эти переплетенные в кожу тома оттуда, где их напечатали? С Земли?» Когда-нибудь он прикажет слуге открыть один из этих застекленных книжных шкафов и сам посмотрит, где напечатаны книги. Они выглядят так, словно их ни разу не открывали.

В основании большого стола для совещаний стоял Антон Гирерд. Казалось, он всегда здесь. Бартон подумал: «Когда же спит этот ранчеро? Он, несомненно, относится к делу добросовестно. Или просто тревожится». Чандос Вичаста, представитель Бронсона, спокойно сидел в дальнем углу. Он поднятием брови показал, что видит Бартона.

Капитан Хоницу оторвался от стола с картами.

— Они передвигаются, майор.

Бартон прошел к своему месту в центре стола. Чашка кофе уже ждала его, и он сделал большой глоток. *Когда-нибудь Каррузерс неверно рассчитает время, и я обожгусь.*

— Рассказывайте обо всем, Уолли.

— Два фронта. Один очевидный: их основные силы идут на юго-восток. Почти без потерь. Согласно вашему приказу, мы отвечаем огнем с большого расстояния и убираемся оттуда. Их потери — примерно с полдюжины солдат, но мы оставили четыре ранчо.

— А за неделю потеряем еще пятьдесят. Ну и что? — ответил Бартон. — Они могли их захватить в любое время, когда вздумалось бы. Хорошо, пусть заплатят хоть чем-нибудь за

территорию, но больших потерь она не стоит. Кристиан Джонни это знает, и для него она тоже не стоит больших потерь. Так что же он прикрывает?

— Точно не знаю, — ответил Хоницу. — Доклады продолжают поступать. Картина серьезная, майор. Вся авиация конфискована. Коммерческие самолеты и вертолеты, даже частные машины ранчеро. Кажется, в их руках теперь вся авиация планеты. И некоторые из их передовых групп собирают работников с ранчо и привозят с собой техников.

— Где?

— Вот места, о которых мы знаем. — На экране карты появились синие огоньки. — А это вероятные места. — Еще огоньки, светло-синие.

— Продвигаются на юго-запад, — сказал Бартон.

— Да, сэр. Мы ничего не знаем, но общая картина заставляет предположить, что они нацелились на что-то в этом районе. Может, на сам Рошмон.

— Это имеет больше смысла, чем первая операция. Думаете, их цель мы, Уолли?

— Никаких данных.

— А что говорит наш человек в офисе губернатора?

— С ним не удается установить связь, сэр.

— Не удается установить связь. — Бартон сделал еще один большой глоток. — Давно?

— Сегодня с утра. Вчера вечером он ушел домой в обычное время.

— А что произошло, когда вы позвонили ему домой?

Ответил Антон Гирерд:

— Отозвался кто-то незнакомый. Женщина, которая назвалась двоюродной сестрой Алисии Чанг Мардон. Будто бы в гостях. Но у Алисии нет двоюродных сестер.

— Вы в этом уверены?

— Мы хорошо знаем наших родственников, майор.

— Да, конечно. Простите.

— Он не единственный, — сказал Хоницу. — Мы не можем связаться ни с кем из наших людей во дворце губернатора.

— Ни с кем. Понятно. Вы уверены, что никто из них не знает об этом месте?

— Мы никому не говорили, — ответил Гирерд. В голосе его звучало презрение.

— И никто из моих солдат, насколько нам известно, с ними не говорил, — сказал Бартон. — Итак, Фалькенберг перекрыл наши источники информации. Мы знали, что когда-нибудь это произойдет. И сейчас он выступил, возможно, нацеливаясь на Рошмон, а может, на создание базы на юге. Нам не повезло, если такой базой окажется Рошмон.

— База была бы неплохая, — заметил Хоницу.

— Да. — Поперек лица Бартона заплясала зубочистка. — Особенно, если они знают о местных источниках горючего. Мистер Гирерд, Мардон мог не знать о Рошмоне, но о «Звезде Нортон» он знает.

— Да.

— Есть ли основания для беспокойства?

Гирерд пожал плечами.

— Я об этом думал. Не знаю, потому что не могу оценить, какому давлению подвергнут его люди Фалькенберга.

— Я тоже. Итак, допустим, Фалькенберг узнал о корабле на орбите. Что он предпримет?

— До тех пор, пока он не знает места приземления, ничего, — ответил капитан Хоницу. — На Таните нет космической защиты, а ближайший корабль СВ очень далеко.

— Да. Хорошо, капитан, что вы предприняли?

— Объявил общую тревогу, приказав принять особые меры против наблюдения со спутников и с воздуха. Увеличил частоту применения наших радаров. Предупредил «Звезду Нортон» о возможности немедленной посадки, — сказал Хоницу. — И послал за вами.

— Правильно. — Бартон еще с минуту разглядывал карту с изображением ситуации. Потом повернулся к Антону Гирерду. — Сэр, я рекомендую вызвать посадочный корабль и погрузить на него урожай.

Гирерд вздохнул.

— Я так и знал, что вы это решите. — Он снова вздохнул. — Еще несколько дней. У ван Хоорна в этом году богатейший урожай. Еще несколько дней... но, конечно, вы правы, майор. Лучше так, чем никак. Я извещу Йонкипера ван Хоорна, чтобы он постарался договориться губернатором.

— Ничего подобного вы не сделаете. — Чандос Вичаста говорил спокойно, и его голос едва слышался на другом краю помещения. — Как и всем нам, ему придется рискнуть.

— Подождите... — возразил Гирерд.

— Чего ждать? — спросил Вичаста. Он встал со своего места в дальнем углу комнаты и подошел к большому штабному столу. Голос его оставался негромким и убедительным. — Мы все в напряжении — сочувствую, но ведь вам должно быть ясно. Чем больший урожай получит губернатор, тем меньше мы получим за то, что собрали. Конечно, лучше бы урожай Йонкипера ван Хоорна присоединить к нашим запасам, но мы выручим почти столько же, если он будет уничтожен. Если это вас волнует, заплатите Йонкиперу из вашей выросшей прибыли.

— А сколько вы дадите? — спросил Гирерд.

Вичаста задумался.

— Мы заплатим четверть стоимости, если урожай ван Хоорна не дойдет до Фалькенберга и Блейна. Мы согласимся с любой разумной оценкой его стоимости.

— Этого недостаточно.

Вичаста пожал плечами.

— Мои полномочия позволяют дать согласие только на это. Возможно, мне удастся уговорить своих руководителей заплатить больше, но я не был бы честен с вами, если бы пообещал, что они заплатят. Они жесткие люди. Предполагаю вот что: если вы хотите, чтобы ван Хоорн получил большую компенсацию, вам придется выплачивать ее самому. Майор Бартон, вы считаете, что нужно вызвать посадочный корабль?

— Да, сэр.

— Я это организую. Немедленно?

— Как только это будет удобно, — ответил Бартон.

— Хорошо. Я свяжусь со «Звездой Нортон». — Вичаста вышел из комнаты.

— Высокомерный ублюдок, — сказал Гирерд.

— Да, сэр, — согласился Бартон. *Люди Бронсона все такие. И отныне ты всю жизнь будешь в долгу у таких, как Вичаста.* — Ну, хорошо, Уолли, меры по укрытию от спутников

усилить. Общая боевая тревога. Привести в готовность противовоздушную защиту. Постоянное радарное наблюдение. Подготовиться к погрузке борлоя, и пусть те, кто подает горючее, будут в полной готовности. Мне нужно погрузить эту проклятую штуку и как можно быстрей.

Сержант Мануэль Фуэнтес справлял малую нужду за конюшней. Здесь его отыскал рядовой Харворт.

— Капрал Харди приказал передать вам два сообщения, сарж. Общая тревога и полная готовность. Только что сообщили, — сказал Харворт.

— Еще одно проклятое учение. Дерьмо.

— Не учение, сарж. Во всяком случае связисты ведут себя так, словно это не учение. Фалькенберг выступил. Майор вызвал посадочный корабль.

— О-хо-хо. Слава Богу. Операция спокойная, но я уже устал от нее. Пора отсюда убираться, — сказал Фуэнтес. — А что второе?

— Сэр?

— Ты сказал, что Харди передал мне два сообщения.

— Да, сказал. Второе вот: несси буйствуют.

— Да?

— Целая стая. Примерно в миле от берега. Жрут там что-то. И друг друга тоже.

Сержант Фуэнтес содрогнулся.

— Видел это однажды. Они поймали морскую корову. И к тому времени как покончили с ней, несколько несси были ранены, и... — Он снова содрогнулся. Капрал Харди знал об интересе Фуэнтеса к несси. Когда они только высадились на Таните, Фуэнтес искупался в океане. Потом офицеры рассказали ему о несси. Вспоминая об этом эпизоде, он все еще испытывает нервную дрожь, но случай вызвал у него фанатичный интерес к этим морским тварям. Ему хотелось посмотреть, на что они способны.

А Харди я нужен.

— Несси подождут, — сказал он. — Лучше проверим подачу топлива. — Он был на полпути к цистернам с горючим, когда взревели сигналы тревоги.

* * *

Сержант Мисковски лежал в вязкой грязи на краю джунглей и проклинал маленькую тварь, которая заползла ему в штанину. Он надеялся, что это не один из тех красных червей, которые на Таните заменяют пиявок, но боялся, что так оно и есть. Только бы тварь не добралась до промежности... Он старался не обращать внимания на неприятное ощущение ползания и в десятый раз за последние минуты принялся в бинокль осматривать Рошмон от одного края до другого. Света уже достаточно, чтобы видеть, и небо с каждой минутой проясняется. Мисковски медленно скользил взглядом от пристани налево, к большому дому в центре, потом по полям к амбарам...

Он как раз смотрел на амбар, когда крыша строения разошлась посередине и обе половинки откинулись в стороны. Изнутри появилась тарелка радара и начала поворачиваться.

Дерьмо. Он нажал кнопку на приборной шкале у себя на левом рукаве.

— Дайте полковника. Они что-то делают, — сказал он.

Радиосигнал даже самой малой мощности можно перехватить. Мисковски связывался с центральным компьютером в основном по оптоволоконной линии, тонкой и гибкой, как нить. Оптическую нитевидную систему нельзя обнаружить. К тому же она неполна — по ней передавалось не все. Мисковски снова осмотрел в бинокль весь район Рошмона. Повсюду видна была деятельность.

— Фалькенберг.

— Полковник, они раскрыли крыши большинства зданий, — сказал Мисковски. — Повсюду антенны, они все осматривают. Ничуть не скрываясь. Поразительно много солдат.

— Вас они обнаружат?

— Меня нет, полковник.

— Простите, что спросил. По-вашему, они обнаружили Принца?

— Полковник, не могу ответить. Знаю только, что они вдруг раскрыли крыши и суетятся, как в аду.

— Хорошо. Сколько у вас наблюдателей и можно ли их туда нацелить?

— Пять наблюдателей, и, да, сэр, камеры уже начали передавать изображение.

— Спасибо. Сейчас взгляну, а вы продолжайте докладывать.

— Да, сэр. Они раскрыли крыши и остальных навесов. Вижу орудия. Несколько участков крыши главного здания поместья. Еще крыши сараев. В основном противовоздушная оборона и оружие двойного применения. Боже, полковник, да здесь у них все, чем располагает Бартон! Выходит «леопард». Не хотелось бы с ним столкнуться. — «Леопард» — самоходная спаренная скорострельная орудийная установка, смонтированная на танковом гусеничном шасси. В сочетании с ракетами дальнего радиуса действия очень эффективна против вертолетов. Может также вести мощный огонь по наземным целям. — Движется сюда. Выходит другая. Думаю, они занимают позицию на холме в километре к западу отсюда.

— Хорошо. Введите данные об их расположении в компьютер.

— Есть, сэр. Выходит еще один «леопард» и несколько пусковых ракетных установок. Не хотел бы я подлетать сюда в вертолете. Полковник — ха! Раскрывается вся сторона холма Рошмон! Появились вертолеты. Их два. Запускают двигатели!

— Срочное сообщение. Срочное сообщение, — послышался в наушниках шлема Мисковски голос лейтенанта Мейса. — Всему персоналу — укрыться от наблюдения с воздуха. В воздухе вертолеты. Повторяю: всему персоналу укрыться от наблюдения с воздуха. Приближаются вертолеты. Не стрелять. Повторяю: не стрелять.

Мисковски нажал кнопку «Команда принята». Компьютер соберет ответы и сообщит Мейсу, кто не отозвался.

— Еще что-нибудь? — спросил Фалькенберг.

— Да, сэр, очень большая активность. Повсюду люди. Когда я смотрел в прошлый раз, район пристани был пуст, а сейчас там полно людей. Еще многие идут на холмы. Оттуда как будто выехал грузовик... Кажется, там большая пещера. Из нее выехал грузовик... направляется на пристань. На подножках много парней. Не люди Бартона, во всяком случае большинство. Другой камуфляж, такой носят ранчеро.

— Какие-нибудь следы Принца?

— Нет, сэр, никаких. Солдаты Бартона ведут себя так, словно пока никого не видят.

— Продолжайте, сержант.

Мисковски плотнее прижался к болотистой почве и отрегулировал бинокль. Несомненно, перемещают груз от большого дома к пристани. Большой груз.

— Должно быть, это наркотик, — доложил он лейтенанту Мейсу в центр связи. — Что еще это может быть?

— Никаких попыток скрыть груз? — спросил лейтенант Мейс.

— Нет, сэр, совсем никаких. Им словно все равно, что кто-нибудь может увидеть... Боже!

Это услышали все. Над джунглями пронесся двойной звуковой удар. Над головой послышался рев сверхзвуковых двигателей.

— Думаю, теперь мы знаем, почему им было все равно, увидят ли их, — сказал лейтенант Мейс. — Срочное сообщение. Срочное сообщение. Приближается посадочный корабль. Общая тревога. Повторяю: общая тревога. Боевой план «альфа», боевой план «альфа».

Было еще темно, когда Лисандр и Харв выбрались на берег. Они сняли ласты и неслышно направились к сооружению, которое Мисковски считал топливной станцией. Часть здания представляла собой открытый навес. Здесь стояли два трактора и большая борона. Лисандр и Харв прошли под навесом к входу в само здание.

— Эти тракторы работают на водороде, — прошептал Харв.

Лисандр кивнул. Не лишено смысла. На примитивной планете легче делать горючее из морской воды, чем ввозить. К тому же меньше беспокойств от разномастных защитников окружающей среды. А если можно получать жидкий водород, то уж точно можно изготовить и жидкий кислород.

— Цистерны, вероятно, под поверхностью.

Главный вход в здание представлял собой двустворчатые ворота, достаточно широкие, чтобы пропустить машину. За

воротами длинный коридор, тускло освещенный висячими лампами. В коридор выходит несколько дверей.

Они слышали голоса внутри, но слишком негромкие, чтобы можно было разобрать слова. Так продолжалось несколько минут. Лисандр поискал, где бы укрыться. Ничего подходящего не видно. Пространство слишком открытое. Он решил, что придется рискнуть и заглянуть внутрь, и в это время ближайшая дверь открылась.

В коридор вышли мужчина и женщина. Они держались друг за друга и были явно пьяны. На мужчине поблекший камуфляжный костюм: такие предпочитают охранники-ранчеро на Таните. На женщине серый комбинезон, расстегнутый до пояса. Проходя мимо Лисандра и Харва, они хихикали.

— Конечно, я тебя люблю, — сказал мужчина. — Еще несколько лет, и я достаточно скоплю, чтобы тебя выкупить... — Он настороженно оглянулся. — Но лучше помолчим. — Они вышли из-под навеса и направились к баракам рабочих.

Лисандр показал на дверь, через которую они вышли. Замок очень простой, Харву потребовалось несколько секунд, чтобы его открыть.

Внутри оказалась комната, уставленная ящиками с запасными частями для тракторов и других сельхозмашин. Лисандр запер дверь, потом зажег фонарик, прикрывая его рукой. Отыскал узкий проход между ящиками. Проход привел в небольшое помещение, где невозможно было даже распрямиться. Здесь лежал матрац и валялось несколько пустых бутылок из-под пива и виски. Было душно и пахло потом.

Харв с отвращением поморщился.

— Да, но для нас как раз подходит. — Лисандр снова осмотрелся. — Выглядит неплохо. Здесь мы подождем.

Их укрытие находилось у восточной наружной стены. Лисандр ножом проделал небольшое отверстие в гофрированном пластиковом листе. Когда рассвело, он смог видеть пристань. «Прекрасно, — подумал он. — Нам везет».

Везение много значит, сказал ему однажды Фалькенберг. Но оно бесполезно, если ты не знаешь, как им воспользоваться.

Они ждали. Харв дремал, словно кот, открывая глаза всякий раз, как Лисандр шевелился или выглядывал наружу. Немного погодя Лисандр и себе позволил задремать.

Вначале они услышали сигнал тревоги, потом голоса.

— Вытаскивай шланги, Хэпворт, — крикнул кто-то. — Харди, тащи ключ. Быстрей, быстрей, у нас не весь день!

И тут послышался звуковой удар и гул двигателей садящегося корабля.

XXIV

Майор Бартон, сколько мог, выслушивал доклады, потом оставил за старшего капитана Гилфорда и вместе с Хоницу вышел на широкую веранду Рошмона подышать свежим воздухом. Ветер с моря был насыщен влагой, но все лучше атмосферы в помещении штаба.

Хоницу показал на море. Бартон осмотрел его в бинокль. Примерно в двух километрах от берега волны окрасились алым, в воде виднелись темные силуэты.

— Никогда такого не видел, — сказал Хоницу.

Бартон кивнул:

— Может быть.

Несси и раньше впадали в безумие во время кормления. Однажды такой приступ вызвал батальонный повар, вылив помои с пирса. Несси явились за добычей, и одна из них выпрыгнула из воды и схватила помощника повара. На помощь прибежали солдаты, но спасти новобранца было уже невозможно. Один из его приятелей ранил несси, и тут же десяток других набросился на раненую. И чуть не разнесли пирс.

С тех пор в море ничего не выбрасывали.

Прозвучал резкий двойной звуковой удар.

— Как раз вовремя, — сказал Хоницу.

В бинокль Бартон отлично видел, как корабль с короткими тупыми крыльями садится в бурную воду. Он пронесся по

алым волнам, где буйствовали несси, и на очень большой скорости направился в причалу, отвернув от него в последнее мгновение. Бартон поморщился.

— Лихач, — сказал он. Большинство пилотов посадочных кораблей лихачи.

— Боится несси. Я бы тоже боялся, — добавил Хоницу.

Корабль класса «Таллин» — самая маленькая из посадочных шлюпок боевых кораблей СВ. Впрочем, выглядит он огромным, однако большую часть объема занимают баки с горючим и двигатели. Они располагаются за грузовым трюмом и кабиной экипажа. Корабль класса «Таллин» предназначен для высадки подразделения морской пехоты и груза в две метрические тонны или для взлета с таким грузом на орбиту. Его задача — высаживать войска в самых неожиданных местах.

«Что мы и сделали», — подумал Эйс Бартон.

В открытом люке показались члены экипажа, подхватили брошенные с причала тросы. Корабль подтянули и закрепили у причала. Открылся люк для высадки.

— Какого дьявола? — сказал Бартон. Из люка выкатилась легкая бронированная боевая машина. За ней последовал десяток вооруженных солдат в темных камуфляжных костюмах. — Отменить все предыдущие приказы, — крикнул Бартон. — Цель — пристань.

Взревели сигналы тревоги.

— Майор, говорит Гилфорд.

— Да.

— Мистер Вичаста утверждает, что это наши. Подарок сенатора Бронсона.

— Скажите этому сукину сыну... Капитан, соедините меня с ним.

— Говорит Чандос Вичаста.

— Мистер Вичаста. Вы едва не развязали бой.

— Глубоко сожалею, если мы создали трудности, — сказал Вичаста. — Я не знал о прибытии шлюпки. У меня сейчас на связи капитан «Звезды Нортон». Он говорит, у них тренировка и он не мог их выгрузить, когда отправлял посадочный корабль.

— И ничего не сказал нам.

— Я об этом не знал.

— Да. И я могу верить или не верить этому. Хорошо, мистер Вичаста, но эти войска под моей командой. Моей, а не вашей.

— Конечно.

— Гилфорд, соедините меня с офицером, командующим этим отрядом.

— Понял. — Последовала пауза. — Говорит лейтенант-коммандер Джеффри Найлз.

— Найлз, какого дьявола вы тут делаете?

— Сэр, я уверен, капитан Наката вам объяснил. Учение.

— Да. Ну, хорошо, Найлз, я хочу, чтобы ваши люди убрались с корабля. Все, кроме пилота и экипажа. Эта проклятая шлюпка не должна быть перегружена.

— Конечно, сэр.

— Хорошо. Второе. Я хочу, чтобы вы держались в стороне. Отведите свою машину на поле к востоку от дома и держите ее там. Все должны быть там. Гилфорд, известите службу безопасности, что у нас чужаки. — Он отключил микрофон. — Уолли, ничего лучше и желать нельзя.

— Сторожевые псы, — сказал Хоницу. — Кажется, Бронсон нам не доверяет.

— Да. А я не доверяю ему. — Он снова включил микрофон. — Свяжите меня с Андерсоном по защищенному каналу.

— Говорит капитан Андерсон.

— Бартон. Бобби, установите «леопард» так, чтобы он накрывал людей Бронсона.

— Сэр?

— Вы меня слышали. Он не доверяет нам, но, если подумать, я не доверяю ему.

— Да, сэр. Еще что-нибудь.

— Нет. Только это.

— Да, сэр. Конец связи.

— Хотите, чтобы я назначил еще кого-нибудь? — спросил Хоницу.

— Нет, Бобби справится, — ответил Бартон. — Но, может, и неплохо. Побыстрее бы загрузить этот проклятый корабль, чтобы он убрался.

Хоницу отдал приказы. Как только солдаты Бронсона ушли, к пристани двинулись поджидавшие грузовики.

Люди Бартона помогали работникам с ранчо протянуть шланги и соединить их с посадочным кораблем. Охранники с ранчо принялись разгружать машины и заносить груз в корабль.

— Ну, Уолли, кажется, все идет к концу, — сказал Бартон.

— И как раз вовремя, майор.

— Если подумать, операция была легкой.

— Конечно, но... Дьявольщина, майор, вы, должно быть, тоже это чувствуете. Я все время гадаю, что предпримет Фалькенберг. Конечно, он мало что может сделать, но это не мешает мне тревожиться. Он и раньше не однажды творил чудеса.

— Да, — согласился Бартон. — Но, кажется, на сей раз мы его загнали в тупик. — Он нажал кнопку щитка на левом рукаве. — Соедините меня с пилотом посадочного корабля.

— Есть, сэр, — ответил сержант связист.

— Говорит коммандер Перкинс.

— Майор Бартон. Как полет?

— Ничего, сэр, без происшествий. Я понял, что вас удивили войска на борту. Простите.

— Да, конечно. Когда вы будете готовы к взлету?

— Если груз и топливо будут на борту, следующее окно для стыковки со «Звездой Нортон» откроется в 9.30, — сказал Перкинс.

— Семьдесят минут. Хорошо, мы успеем, — сказал Бартон. — Он коснулся другой кнопки. — Главный старшина, действуйте. В вашем распоряжении пятьдесят минут, чтобы заправить корабль и разместить груз на борту. Давайте.

Он направил бинокль в сторону группы Бронсона и смотрел, как та поднимается по холму. Потом достал из кармана зубочистку и принялся задумчиво жевать ее.

— Неприятные сомнения, Уолли. Я все думаю, какой же у Фалькенберга козырь в рукаве. — Он провел биноклем вдоль края джунглей. — Но какого дьявола, он ведь ничего не знает.

* * *

Лисандр видел в отверстие посадочный корабль. Тот стал центром лихорадочной деятельности. Вначале оттуда с оружием наготове вышли солдаты, и было похоже, что прямо на пирсе начнется схватка. Потом они ушли на север и исчезли из поля зрения.

Экипаж вытащил головки шлангов. Через несколько мгновений к ним подсоединили шланги с берега, блестевшие от замерзшего конденсата. Шланги с топливом и кислородом перегородили ведущую к пристани дорогу, и работники с ранчо установили стальной путепровод, который позволял грузовикам проезжать под шлангами, не задевая их. Смешанная команда из работников ранчо и Бульдогов Бартона вытаскивала ящики из грузовиков и заносила на борт корабля. Здесь перемешались работники в грязных комбинезонах, охранники с ранчо в полосатых камуфляжных костюмах, Бульдоги Бартона в более темной форме, вдобавок мелькали люди в синих мундирах. Лисандр решил, что это экипаж корабля. Все перемешались. Они не могут знать друг друга, подумал он. И еще есть солдаты, высадившиеся из корабля.

— Харв. Сорви нашивки с нашего камуфляжа, — прошептал он. — А то погорим. — Темные маскировочные костюмы легионеров Фалькенберга не слишком отличаются от одежды наемников Бартона или охранников ранчо. Все здесь смешались, и каждая группа может решить, что они принадлежат к другой. Стоит попробовать.

— У нас очень выгодное положение, — прошептал он и жестом предложил Харву посмотреть. — Запомни расположение. Когда наступит время, мы выйдем отсюда, как будто у нас было какое-то дело. Когда пройдем на корабль, ты займешься входом. Закрой люк и постарайся сбросить тросы. А я подниму корабль с воды.

— Хорошо. — Харв улыбнулся. — Будет о чем рассказывать во фратрии.

— Может быть. *Конечно, придется объяснять матери, что я тут делал.*

Он предоставил Харву изучать расположение, а сам перенастроил передатчик, настроенный на частоту Фалькенберга,

и подсоединился к карманному компьютеру. Потом вызвал программу, способную выслушивать и анализировать электронные сигналы.

Сигналов множество. Очевидно, Бартона больше не заботит скрытность передач. На всех частотах и по всем волнам идут переговоры. Сигналы не очень сильные, их нельзя перехватить издалека, но большая часть переговоров — на английском.

— ...пятьдесят минут, сволочи! Двигайтесь, птичка должна вылететь по расписанию! — кричал кто-то. Лисандр поискал другую частоту и услышал:

— Не сейчас. Подождите час, и получите сколько нужно людей. Пока подождите...

Пятьдесят минут. Ждите час. Легко догадаться, что это связано с отлетом корабля. Лисандр, сосредоточившись, вспомнил данные об орбите «Звезды Нортон» и довольно кивнул. Примерно через пятьдесят минут корабль окажется в самой подходящей позиции для стыковки, при которой посадочная шлюпка затратит минимум энергии. Итак, отлет примерно в 9.30.

Он похлопал Харва по плечу и занял место у отверстия. «Надо было проделать два, — подумал он. — Но сейчас слишком поздно».

К пристани подходил еще один грузовик.

Лисандр настроился на частоту, которую прослушивают у Фалькенберга. Немного поколебался и включил микрофон.

— Да, говорит Лев. Мы будем готовы к взлету через пятьдесят минут. — Он прислушался. Послышался легкий щелчок. Лисандр подмигнул, и Харв по-волчьи ощерился.

— Это точно был он, — сказал капрал Тендон. — На нашей частоте. Я ответил только щелчком, сэр.

— Хорошо, — сказал Фалькенберг. — Достаточно, чтобы он понял, что мы его услышали. Какие-нибудь признаки того, что им о нем известно?

— Ничего, полковник, — ответил Тендон. — Болтают так, словно их никто не слышит. Сэр, Принц немного неверно рассчитал время взлета. Я десять раз слышал, что старт в 9.30,

и это совпадает с эфемеридами. Если вычесть пятьдесят минут, будет 9.20.

— Понятно. Думаю, вы его недооцениваете, капрал. Лейтенант Мейс.

— Сэр.

— Будьте готовы начать бомбардировку в 9.15. Тендон, за пять минут до этого вы воспользуетесь кодом, который мы разработали, и предупредите Принца. Будьте готовы предупредить лейтенанта Мейса об изменении расчета времени, если Принц попросит.

— Есть, сэр.

Фалькенберг взглянул на часы у себя на рукаве.

— Теперь подождем. Лейтенант Мейс, думаю, нужно обсудить статус ваших целей.

Ровно в 9.10 Лисандр услышал в наушниках голос капрала Тендона.

— О дьявол, Лев, попридержи коней, выпускаем ровно через пять минут.

«Интересно, как это поймут связисты Бартона, — подумал Лисандр. — Если, конечно, они это услышали». Он сделал знак Харву и пошел по проходу между ящиками. Они открыли дверь и вышли в коридор. Там были два человека, один близко, второй — вооруженный «бульдог» — у дверей.

— Какого дьявола вы здесь делаете? — спросил тот, что был ближе.

Лисандру показалось, что он узнает в нем того, кто выходил из этого помещения раньше. Но это не имело значения. Лисандр показал на дальнего. Харв одним плавным движением преодолел десять футов. В это время Лисандр развернул ранчеро и ребром ладони резко ударил в основание черепа. Тот упал. Когда Лисандр посмотрел, Харв тащил солдата в помещение.

Они затолкали туда обоих. Ранчеро дышал. Лисандру показалось, что солдат мертв, но проверять не хотелось. Он закрыл дверь.

— Пошли.

Под навесом, где стояли тракторы, никого не было. Они прошли насквозь и направились к пристани. Шли спокойно и уверенно, как будто по делу. Никто их не остановил.

Топливные шланги все еще подсоединены к кораблю. Невозможно сказать, сколько жидкого водорода и кислорода уже перекачали. Вероятно, недостаточно, чтобы выйти на орбиту. «Что произойдет, если они стартуют с прикрепленными шлангами? Наверное, существует автоматическое отключение». — Лисандр старался припомнить, что ему говорили на тренировках, и решил, что об этом ни разу не упоминали. Да и кто бы мог вспомнить об этом?

Они почти добрались до пирса, когда со стороны джунглей донеслись звуки канонады. Несколько людей Бартона застыли. Кто-то крикнул:

— Снаряды!

Солдаты Бартона залегли.

На холме возле дома разорвались снаряды. Потом послышался треск автоматов и новые выстрелы из минометов. Несколько снарядов попали в дом. Снесло часть веранды, загорелась крыша. Горел расположенный поблизости сарай. На пристани люди забегали — к кораблю или от него, некоторые оставались на земле или носились бессистемно.

Новые разрывы на холме. «Леопард» развернулся в сторону джунглей и открыл огонь. На краю джунглей падали деревья.

Лисандр и Харв добрались до пристани и побежали к кораблю. Кто-то из экипажа как раз начинал закрывать люк. Лисандр одним прыжком промахнул через трап и протиснулся мимо этого человека, предоставив его Харву. Внутри были узкие коридоры.

— Ты кто такой? — окликнул его кто-то.

— Прекратите погрузку! — закричал Лисандр. — Готовиться к немедленному взлету!

— Вот дерьмо! — закричал моряк. — Сэр, черт возьми...

— Торопись! Через минуту по нам откроют огонь! — сказал Лисандр. Он побежал к пилотской рубке. Правое сиденье пустовало.

Пилот, нахмурившись, повернулся.

— Что происходит?

— Немедленный взлет! — ответил Лисандр.

— Мы еще не набрали достаточно горючего для взлета, идиот!

— Если не взлетим немедленно, нас взорвут. Я говорю — немедленно.

— Но как...

Лисандр расстегнул ремень и перетащил пилота на другое кресло. Когда он забирал пистолет пилота, кто-то из экипажа просунул в рубку голову. Лисандр ударил его и вытолкнул, потом захлопнул дверь и запер ее. Сел в левое кресло и принялся рассматривать контрольную панель.

Эйс Бартон в последний раз взглянул на карту на столе и повернулся к Антону Гиерду. Он широко улыбался.

— Все погружено. Можем посмотреть на взлет с веранды. Уолли...

Его прервал огонь из минометов. Послышался звон разбитого стекла. Дом вздрогнул, потом вздрогнул снова. Дверь в соседнее помещение распахнулась. Все сотряс новый взрыв, и подчиненные Бартона нырнули под тяжелый стол. Третий разрыв едва не сбил его с ног.

— Пожар! Пожар! — кричал кто-то из слуг.

Бартон встал. В соседней комнате что-то горело, и он раздраженно показал на пламя.

— Каррузерс! Займись! — Нажал кнопку на рукаве. — Связь, доложите!

Внезапность. Бартон вспомнил сухой голос Фалькенберга в офицерской гостиной: «Внезапность есть событие, происходящее в сознании командира противника». *Ах, сукин сын!*

— Центр связи, говорит центурион Мартино, сэр. — Центурион говорил спокойно и неторопливо, как его учили. — Мы находимся под сильным огнем минометов и батареи безоткатных орудий, расположенных примерно в четырех километрах к востоку. Никакого предупреждения не было. Первый залп уничтожил энергоустановку и почти все наши антенны. Я задействовал группы ремонта и устранения ущерба. Не могу оценить, сколько времени потребуется для восстановления

подачи энергии. Капитан Андерсон переключает управление своих орудий на вспомогательные антенны.

Бартон услышал выстрелы из своих минометов.

— По кому он ведет огонь?

— Минуту, — сказал Мартино. Наступило долгое молчание. — Подавление артиллерии. Капитан Андерсон получает информацию от вспомогательных антенн. Подают ли энергию на ваш стол с картами?

Бартон вопросительно посмотрел на Хоницу.

— Да.

— Минутку, майор, я пытаюсь передать информацию прямо на стол. Вот.

На жидкокристаллической карте стола вспыхнули огоньки. Ярко-оранжевый цвет сменил голубизну поврежденных единиц. Антенны, и энергоустановка, а теперь и орудия. Слишком много. Еще несколько оранжевых огоньков на самом доме. Бартон слышал звуки лихорадочного движения из соседней комнаты, но не обращал на них внимания. В воздухе пахло дымом, но меньше, чем раньше.

Красные огни обозначали вероятное положение установок противника. Четыре орудия точно, все в джунглях. Квадраты большие, то есть данные о местоположении недостаточно точные.

— Там наблюдатели, — сказал Бартон. — Пусть «леопард» обстреляет край джунглей. Огонь из минометов по вероятному расположению противника. И пусть вертолеты будут готовы получить указания.

Вертолеты. Как Фалькенбергу удалось провести войска через джунгли? Идти пешком они не могли.

— Возможно, у них какие-то новые вертолеты, которые трудно обнаружить, — сказал Бартон. — Отыщите их. Пусть приготовятся противовоздушные установки.

— Да, сэр.

Так что же задумал Фалькенберг?

— Мартино, стреляют ли они по посадочному кораблю?

— Минутку, сэр. — Снова молчание. — Нет, сэр, по кораблю не стреляют.

Не стреляют. У Бартона заломило в висках. Он потер руками голову и шею и заставил себя расслабиться. «Медлен-

но, отгони боль. Не обращай внимания на звон. Забудь о дыме. Забудь обо всем, расслабься, сосредоточься. Внезапность — событие, которое происходит в сознании командира. В моем сознании.

По посадочному кораблю не стреляют. Почему? Почему они не стали стрелять по нему прежде всего?»

— Соедините меня с пилотом корабля.

— Есть!

Казалось, прошла вечность.

— Я все время пытаюсь, но ответа нет, майор.

— Нет ответа. Нет связи или нет ответа?

— Не знаю, сэр. Испробовал четыре канала.

— Продолжайте попытки. Объявите боевую тревогу в районе пристани. Пусть кто-нибудь оттуда свяжется со мной.

— Есть, сэр.

— Уолли, там что-то неладное, — сказал Бартон. — Отправляйтесь на корабль и посмотрите сами. Поддерживайте связь с Мартино на красной волне четыре. Мартино, зарезервируйте красную четыре. Только вы, я и капитан Хоницу.

— Есть, сэр.

— Майор? — спросил Хоницу.

— Черт возьми, отправляйтесь немедленно! Обеспечьте безопасность корабля! Я не успокоюсь, пока вы не окажетесь в пилотской рубке. Берите всех, кого сочтете нужным.

— Слушаюсь. Я уже в пути.

Бартон снова нажал кнопку связи.

— Соедините меня с капитаном Андерсоном.

— Есть, сэр.

Еще одно долгое ожидание. *Сукин сын. Энергетическая установка, антенны, связь, он едва до меня не добрался. Два залпа, и мы почти выведены из строя. Сукин сын. Но там...*

— Капитан Андерсон.

— Бобби, нацельте что-нибудь на посадочный корабль. Сделайте это немедленно и ждите моего приказа подбить его.

— Подбить? Когда по шлангам идет горючее? Маловероятно, майор. Я могу уничтожить его. Но просто подбить?

— Черт! Ждите приказа! Мартино. Поддерживайте связь с группой капитана Хоницу. Войска должны немедленно оказаться на борту!

— Майор, вы не можете уничтожить... — Антон Гирерд лихорадочно размахивал руками. — Майор...

— Напротив, — сказал Чандос Вичаста. — Вы должны уничтожить корабль, прежде чем им завладеет губернатор Блейн.

— Он не может завладеть...

— Конечно может, Антон, — сказал Вичаста. — Ясно, что они пытаются захватить корабль. Майор Бартон говорил нам о сооружениях на Драконьем Зубе. Как только они будут завершены, нам не удержать Рошмон. Очевидно, они знают, что здесь главный склад. Если не знали раньше, им подсказал посадочный корабль. Я думаю, не могли ли... нет, у них солдаты в джунглях. Они должны были там оказаться до прилета корабля. Или нет?

— Да, — сказал Бартон. — Они хороши, но не настолько. Бобби, вы совершенно уверены, что не можете вывести корабль из строя, не уничтожив его?

— Не хотел бы брать на себя ответственность, сэр. До тех пор пока не уберут шланги питания. Я артиллерист, а не волшебник.

— Вызовите второй посадочный корабль! — крикнул Гирерд.

— Верно. Мистер Вичаста. У вас есть связь со «Звездой Нортон»?

— Проверю.

— Пожалуйста, проверьте. Итак. Мартино, где пилот корабля?

— По-прежнему не отвечает, майор.

— Черт побери...

— Капитан Андерсон, — сказал Вичаста. — Говорит Чандос Вичаста. Я говорю от имени сенатора Бронсона. Капитан, этот посадочный корабль не должен попасть в руки губернатора Блейна. Если есть хоть какая-то возможность, что он попадет в руки губернатора, уничтожьте его.

— Нет! — закричал Антон Гирерд.

— Капитан, я уполномочен предложить вам вознаграждение, которое превосходит все ваши ожидания, — сказал Вичаста. — Майор Бартон, мы полностью оплатим все ваши расходы, выплатим гонорар и крупную премию — при ус-

ловии, что борлой не окажется в распоряжении губернатора Блейна. Дополнительная премия за доставку борлоя нам, но мы заплатим и в том случае, если он будет уничтожен.

— Майор. — Голос центуриона Мартино звучал абсолютно спокойно, как у всякого профессионального военного, когда положение становится серьезным. — Посадочный корабль включил двигатели. Связи с пилотом по-прежнему нет.

— Уолли!

— Все верно! — подтвердил Хоницу. — Лечу со всех ног...

— Капитан Андерсон! — закричал Вичаста. — Немедленно уничтожьте корабль! — Он отвернулся и заговорил в микрофон. Бартон не слышал ни слова из того, что он сказал.

Эйс Бартон коснулся консоли на рукаве.

— Мартино, обеспечьте невозможность подслушивания. Бобби, задержите исполнение этого приказа.

В его наушниках зазвучал голос Андерсона.

— Эйс, а сколько это — «превосходит все наши ожидания»? Достаточно, чтобы убраться отсюда?

— Вам что за дело? Задержать исполнение приказа!

— Говорит Хоницу. Танк Бронсона ведет огонь по посадочному кораблю.

XXV

Лисандр разглядывал панель управления посадочного корабля. Все огни зеленые, за исключением того, что показывает безопасность линий подачи горючего. *Но тут уж я ничего не могу сделать. Да и обеспечивать безопасность связи незачем.*

— Харв.

— Я здесь, принц.

— Причальные концы.

— Готово, принц. Как вы там, в порядке?

— Отлично. Будь начеку, не давай ко мне подобраться. — Он нажал кнопку связи через интерком. — Внимание. Подготовиться к немедленному взлету. Внимание. Подготовиться к

немедленному взлету на орбиту. — Он настроился на волну кодированной связи с Фалькенбергом. — Учитель, говорит Лев. Я взял его. Пытаюсь сняться с места.

Потом молча помолился и запустил стартовую последовательность.

Вспыхнули экраны.

ЛИНИИ ПОДАЧИ ГОРЮЧЕГО НЕ ОБЕСПЕЧЕНЫ ТОПЛИВОМ.

Лисандр нажал кнопку: КОМАНДА ВЫСШЕГО УРОВНЯ. НЕМЕДЛЕННЫЙ СТАРТ.

КОМАНДА ВЫСШЕГО УРОВНЯ. НЕМЕДЛЕННЫЙ СТАРТ. ПОДТВЕРЖДЕНИЕ?

ПОДТВЕРЖДАЮ.

Послышался громкий шум насосов, потом рев двигателей. Лисандр развернул шлюпку направо, в сторону от причала. Корабль стронулся с места.

Прямо перед ним вырос гейзер.

Кто-то стреляет по кораблю. Фалькенберг?

— Учитель, говорит Лев. Повторяю, я контролирую ситуацию. Пытаюсь взлететь.

«Жми в сторону всплесков, — подумал он. Газуй. Быстрее. Я — движущаяся цель. Чертовски крупная движущаяся цель...»

Пилот пришел в себя.

— Какого дьявола ты творишь? — закричал он.

— Пытаюсь убраться отсюда! По нам стреляют.

— Будь я проклят...

— Слушай, у меня нет времени на объяснения. Притронешься к приборам, застрелю. Конечно, если мы до этого доживем, что маловероятно. По нам стреляют.

— Закрой клапаны подачи горючего, придурок! Боже, где ты учился летать?

— На Спарте. Но я не знаю, как это сделать.

— Я сам...

— Хорошо. Осторожней. — Справа поднялся новый гейзер. — Если сбросим скорость, в нас попадут.

— Боже, в моем контракте нет условия, что меня убьют. — Пилот переключил два рычажка. Красные огни сменились зелеными.

— Спасибо, — сказал Лисандр.

— Боже. Послушай, у тебя ничего не выйдет, горючего не хватит...

— Я не собираюсь выходить на орбиту. Только вверх и снова вниз.

— Куда вниз?

— Предпочтительно в Ледерле. Или куда угодно, где сумею сесть.

— Летал когда-нибудь на такой шлюпке?

— Приземлялся один раз, — ответил Лисандр.

— Боже, — сказал пилот.

Послышался гневный крик. Эйс Бартон повернулся и увидел, что Антон Гирерд дерется с Чандосом Вичастой.

— Он приказал танку открыть огонь по кораблю! — кричал Гирерд. — Мы разорены! Майор, вы должны остановить его!

— Не будьте дураком, — пыхтел Вичаста. — Сенатор Бронсон оплатит все ваши расходы. Эти неудачники ничем не смогут вам заплатить. Гирерд говорит верно: они разорены.

— Да, тут вы правы, — сказал Бартон. — Тем не менее приказы отдаю здесь я. Капрал, проследите, чтобы мистер Вичаста не смог ни с кем говорить, пока я не разрешу.

— Сэр. — Ординарец Бартона встал за Вичастой.

— Соедините меня с Андерсоном, — сказал Бартон. — Бобби, сосредоточьтесь на вражеской артиллерии. Не обращайте внимания на посадочный корабль.

— Вы знаете, что делаете, Эйс?

— Думаю да. Но времени на обсуждение нет. Выполняйте приказ.

— Он обещал большие деньги, майор. А кто нам заплатит, если мы потеряем урожай?

— Капитан Андерсон, исполняйте приказ.

Последовала долгая пауза.

— Хорошо. Так уходит богатство, которое я и представить не могу.

И жизнь, когда приходится оглядываться через плечо.

— Канал красный четыре! Уолли!

— Да.

— Прикажите всем, кто в вашем распоряжении, сосредоточить огонь на танке Бронсона. Немедленно.

— Есть. «Леопард-3», говорит Хоницу. Команда высшего уровня. Сержант Биллингс, огонь по цели «дохлая крыса». Исполняйте. Повторяю, команда высшего уровня, уничтожить «дохлую крысу».

— Вы дурак, — сказал Вичаста.

— Да, — согласился Бартон. — Наверно, так и есть. Но я знаю, кто меня нанял.

— Капрал! — крикнул кто-то. — Лейтенант выбыл!

— Иду.

Альф Тендон пригибался как можно ниже. «Леопард» пережевывал край джунглей, и, если высунешь голову, ее тут же снесет. Неожиданно огонь прекратился. Тендон ждал. По-прежнему ничего. Он осторожно приподнял голову, потом рискнул и посмотрел в бинокль.

— Вот дерьмо! Сарж!

Ничего. Линия оптической связи исчезла. Наверно, вместе с компьютером. Лейтенант выбыл. С Мисковски невозможно связаться. *Кто командует? Может, я. К дьяволу осторожность. Они знают, что мы здесь.* Он включил радио.

— Сарж, говорит Альф.

Проклятая тварь явно червь-пиявка и ползет по правой ноге прямо к промежности, но сейчас самой большой проблемой Мисковски была другая нога. Левая. Над коленом ужасно болит, а ниже он вообще ничего не чувствует. Штанина пропиталась кровью, а последний разрыв пришелся так близко, что лязгнули зубы. Над головой и по сторонам свистели осколки, так что он даже не решался посмотреть, насколько серьезно ранен. *Кажется, регенераторы справятся. Но не сейчас. Если я не умру от потери крови...*

— Сарж, говорит Альф.

С огромным трудом Мисковски нажал кнопку лежавшего рядом передатчика. *Они, наверно, настраиваются на этот передатчик. Я по другую сторону ствола.*

— Давай, Альф.

— Лейтенант выбыл. Капрал при смерти.

— Принято.

И я ничего не могу с этим сделать.

— «Леопард» сменил цель. Стреляет по легкому танку, который привезли на посадочном корабле.

— Повтори.

— «Леопард» ведет огонь по войскам, прилетевшим на корабле. Он вывел из строя легкий танк.

— Будь я проклят. Ладно, продолжай наблюдать.

Мисковски чувствовал, что слабеет. Огонь стих настолько, что он смог сесть и осмотреть ногу... *Еще минуту.* Он нажал кнопку передатчика на шлеме.

— Информация для командования. Лейтенант Мейс выбыл. Приказы. Всем доложить о своем статусе. — Он выслушал, потом сменил частоту. — Полковник, лейтенант Мейс выбыл. Вы тактический командир, хотя особенно командовать некем. Не более десяти боеспособных, включая раненых, и ни одного пригодного к стрельбе орудия.

— Я слышал доклады.

— Приказы, сэр?

— Я вас освобождаю. Какие-нибудь новости о Принце?

— Ничего такого, чего вы не слышали бы, сэр.

— Надо держаться, пока не услышим. Вы ранены?

— Да, сэр.

— Позаботьтесь о себе, сержант. Я займусь остальным.

— Есть, полковник.

Держаться. Я бы предпочел убежать. Только куда бежать? С раненой ногой я вообще бежать не смогу. Он с трудом пополз, таща радио, волоча бесполезную раненую ногу. Наконец он оказался за толстым деревом, которое прикрыло его от края джунглей. Здесь он сел и прислонился спиной к стволу.

Левая нога сломана, в немурлоновой броне рваные отверстия. Из икры торчит длинный узкий осколок. Верхняя часть левой ноги страшно болит, но гораздо сильнее его тревожило то, что он не чувствовал нижней части. *Пора накладывать шину. Я могу это сделать, но...*

— Медик. Любой медик. Говорит Мисковски. Я ранен. Нужна помощь.

— Говорит Камариа. Проберусь к вам, когда закончу с лейтенантом. Пять минут. Продержитесь?

— Придется. — Он переключился на общую командную частоту.

— Этот «леопард» покончил с танком, — доложил Тендон. — И разворачивает орудия. Похоже, он нацеливается на нас.

О, дерьмо. Но мы ничем не можем ему ответить.

— Вам виден посадочный корабль? — спросил Фалькенберг.

— Нет, если я не высовываю голову из зелени.

— Кому-нибудь положение позволяет доложить о состоянии посадочного корабля?

— Полковник, я могу посмотреть.

— Спасибо, капрал, но немного подождите, — сказал Фалькенберг.

«Леопард» снова открыл огонь. Мисковски как можно теснее прижался к земле. *Камариа не проберется ко мне. Лучше сказать ему, чтобы не пытался.*

Разрывы приближались. Мисковски не думал, что дерево выдержит дольше. Послышался рев громче орудийного гула. Долгий мощный рев.

— Это двигатели, — сказал Фалькенберг. — Тендон, не высовывайте голову. Ждите.

Рев набирал громкость, потом стал ровным.

— Учитель, Лев поднялся. Учитель, говорит Лев, Лев поднялся.

— Полковник, — закричал Мисковски. — Черт побери, сэр, он это сделал!

— Верно. Теперь соедините меня с майором Бартоном.

— Сэр? Ну, я могу попытаться... использую всю мощность и настроюсь на частоту, на которой его слышал.

— Да — и подключите меня.

— Есть, сэр. Ждите... — Мисковски настроил свой передатчик и включил его на полную мощность. — Готово. Говорите, полковник.

— Майор Бартон, говорит Джон Кристиан Фалькенберг.

Последовала долгая пауза.

— Говорит Бартон.

— Мы сдаемся, — сказал Фалькенберг.

— Сдаетесь. Вы только что выиграли эту проклятую войну и сдаетесь. Хорошо, полковник, принимаю. Уолли, вы его слышали. Всем прекратить огонь.

— Есть, сэр.

— Спасибо, — сказал Фалькенберг. — У нас есть раненые.

— У нас тоже, — сказал Бартон.

XXVI

— Проклятие, — сказал Марк Фуллер. Он сидел за небольшим столом под навесом из листьев и ветвей — этот навес скрывал вертолет — и пил чай. Он уже много часов сидел здесь, слишком много, и вертолет был готов взлететь по первому же сигналу. Теперь они слышали далекий гул артиллерии. — Проклятие!

Командир экипажа Хол Джордан сочувственно кивнул.

— Ждать всегда труднее всего. Но я бы на вашем месте не слишком торопился получить приказ. Воевать с Бартоном — совсем не то, что штурмовать бандитов, у которых была ваша жена.

— Знаю, шеф. Но это не делает ожидание легче. — Он взглянул на консоль на рукаве. Время 9.35. — Только послушайте. Там что-то происходит.

— Да, — согласился Джордан. — Но, судя по звукам, у них вряд ли есть время объяснять.

— Но, может, мы им нужны. Может, лучше еще раз убедиться, что мы готовы.

— Мистер Фуллер, если эта проклятая штука будет готова еще больше, она полетит сама. Успокойтесь, сэр.

Один из жителей деревни принес еще чая. Вернее, того, что здесь называют чаем. Что-то вроде травы со вкусом апельсина. Вкус неплохой, но очень необычный. Марк отхлебнул и постарался набраться терпения. Но тут послышался громкий гул, такой громкий, что заглушил грохот артиллерии.

— Дерьмо! — сказал Джордан. — Стартует посадочный корабль. — Над крышами деревенских хижин пролетело что-то очень большое. — Вы только посмотрите.

— Никогда не видел старта, — сказал Марк.

— Да, я тоже всегда был в этой проклятой штуке, когда она стартует. Вот он — и он идет не на орбиту, это точно! Надеюсь, бедняга знает, что делает.

Посадочный корабль исчез. Марк снова отпил чая и продолжил ожидание.

— Стрельба прекратилась, — сказал он.

— Да, — согласился Джордан. — Слишком уж тихо.

Послышался резкий щелчок радио в вертолете. Марк вскочил, но сдержался. Пусть отвечает Джордан.

— Кто-то утверждает, что он полковник, — сказал Джордан. — Посылает код идентификации... Все совпадает, сэр. Он хочет, чтобы мы ответили.

— Вздор. Нам приказали хранить радиомолчание.

— Да, сэр, знаю, но я совершенно уверен, что это полковник, — сказал Джордан. — Его манера, и код соответствует. И они знают, на какой частоте с нами связываться и кого спросить.

— И что же мне делать?

— Вам платят за то, чтобы вы решали, мистер Фуллер. Не я.

— Все время забываю. Хорошо. Ответьте, — сказал Фуллер.

— Да, сэр. — Джордан быстро поговорил, потом протянул Марку наушники и микрофон.

— Говорит корнет Фуллер, сэр, — сказал Марк.

— Фалькенберг. Принимайте код проверки. — Он прочел последовательность цифр, которую Марк ввел в свою консоль.

— Да, сэр. Проверка завершена. Жду приказаний.

— Приказ, мистер Фуллер. Боевые действие закончились. Вы можете отвечать огнем в случае нападения на вас, но не должны предпринимать никаких агрессивных действий без прямого приказа из полка. Понятно?

— Да, сэр. Мы победили?

— Это обсудим позже. Я военнопленный.

— Сэр?

— Я сдал свою небольшую группу, и это моя последняя связь с вами. Для получения дальнейших приказов установите связь со штабом.

— Да, сэр... полковник...

— Это все, мистер Фуллер. Конец связи.

— О Боже, — сказал Фуллер.

— Проблемы, мистер Фуллер? — спросил Джордан.

— Можно сказать и так. Мы сдались. Вернее, Фалькенберг сдался.

— Сэр?

Марк объяснил.

— Он сказал, что мы можем защищаться, так что, думаю, нас он не сдал. Но что же мне делать?

— Что ж, сэр, мы уже нарушили радиомолчание, ответив на этот вызов. Может, стоит связаться со штабом?

Марк немного подумал и кивнул.

— Хорошо. Попробуйте связаться.

На это потребовалось больше часа. Наконец Марк смог поговорить с капитаном Фрейзером.

— Да, мы знаем, что полковник сдал свой отряд, — сказал Фрейзер. — С нашей стороны передачу могут прослушивать, но с вашей нет. Какова ваша ситуация?

— Ну, горючего у меня километров на сто, если экономить. Во втором вертолете горючего нет совсем, а экипаж ушел по реке вместе с полковником Фалькенбергом, так что лететь некому. Здесь только мы с сержантом Джорданом.

— Хорошо. Ждите, Марк. Мы пошлем кого-нибудь за вами, когда появится возможность.

— Да, сэр, но... я знаю, полковник сказал, что военные действия закончились, но разве мы не должны что-нибудь сделать?

— Все в порядке, парень, — ответил Фрейзер. — Мы победили. Разве полковник не сказал?

— Нет, сэр.

— Конечно, он не стал бы говорить. Это немного сложновато. Принц Лисандр захватил посадочный корабль с грузом наркотика. Принц около двадцати минут назад привез примерно девяносто процентов удерживавшегося урожая на пристань Ледерле. Некоторые ранчеро еще пытаются продолжать мятеж, но им нечем подкреплять свои предложения. Они не могут заплатить Бартону. Будьте настороже и оставайтесь го-

товым ко всему; возможно, есть такие, кто еще не знает новостей, но эта кампания закончилась.

— Понятно. Спасибо, сэр. Не передаст ли кто-нибудь миссис Фуллер, что со мной все в порядке?

— Конечно. Немедленно. Фуллер, может пройти несколько дней, прежде чем мы вас вытащим. Когда раздобудем транспорт, пришлем вам горючее. Передайте мистеру Леду, что губернатор о нем не забудет. И отдыхайте.

— Но что будет с полковником?

— Я бы не стал за него волноваться, — сказал Фрейзер. — Конечно, придется кое-что заплатить, но и только. Спокойней, парень.

Когда Лисандр вошел в помещение штаба, все встали. Майор Севедж одобрительно кивнул.

— Отличная работа, мистер Принц.

— Спасибо, сэр.

— Слышал о вашем побратиме. Сочувствую.

— Врачи говорят, что все обойдется, — ответил Лисандр. — Бездействие ему не понравится, но хороший отдых не помешает. Значит, с полковником все в порядке?

— Так мне сказали, — ответил Севедж. — Мы ожидаем, что люди Бартона выдвинут свои условия. Вряд ли слишком суровые: благодаря вам им не на что опираться. — Он пожал плечами. — Конечно, мы будем рады, когда все наши люди вернутся. Кстати, у нас госпитальное оборудование гораздо лучше, чем у Бартона.

Атмосфера была оживленной и напоминала скорее ужин в офицерской гостиной, чем штаб в разгар боевых действий. Все были настроены дружелюбно.

Лисандр разглядывал карту на столе. Все знакомые очертания изменились. Вместо аккуратных областей, которые удерживаются ранчеро, или других участков, принадлежащих Легиону Фалькенберга или милиции губернатора Блейна, возникло множество смешанных пятен, взаимно переплетенных линий, разбросанных баз. Один длинный отросток тянулся прямо к Рошмону. Другой разрезал бывшую территорию мятежников на юго-востоке. На глазах у Лисандра

один участок сменил враждебный оранжевый цвет на безопасный синий.

— Все перемешалось, — сказал Севедж. — Но это ненадолго. Ага. Нас вызывают Эймос?

— Да. — Эймос Фаст нахмурился. — Это не Бартон. Антон Гирерд, ранчеро. Хочет говорить только с вами.

Севедж пожал плечами.

— Почему бы не поговорить? Выведите громкую связь. Минхеер Гирерд? Говорит Джереми Севедж. Чем можем быть полезны?

— Вы можете вернуть нашу собственность, — сказал Гирерд. Голос его звучал очень напряженно. Все в штабе замолчали.

— Прошу прощения?

— Наш урожай, — сказал Гирерд. — Наркотик. Отдайте его.

— Боюсь, я вас не совсем понимаю. У нас нет вашего урожая. Мы передали его губернатору.

— Мне все равно, что вы с ним сделали. Вы забрали его у нас, можете отобрать у Блейна. Говорю вам, если хотите увидеть полковника Фалькенберга и остальных, верните нам урожай!

— Послушайте, мы не можем этого сделать, — сказал Севедж. — Конечно, мы готовы заплатить за полковника разумный выкуп. И, если вы не слышали, губернатор предлагает амнистию на очень мягких условиях.

— Никаких условий, — сказал Гирерд. — Никаких переговоров. Урожай. Весь урожай.

— Думаю, мне лучше поговорить с майором Бартоном.

— Бартон не имеет к этому никакого отношения, — сказал Гирерд. — Будьте вы прокляты! Для вас это игра. Всего лишь грязная вонючая игра! А для нас это не игра. Это наша жизнь, наше богатство и наша честь.

— Честь торговца наркотиками, — негромко сказал капитан Роттермилл.

Севедж поднял руку, призывая к тишине.

— Правильно ли я понял, что полковник Фалькенберг не у майора Бартона, а у вас?

— Чертовски правильно.

— А где сейчас майор Бартон?

— Да хоть в аду! Мне все равно.

Джереми Севедж нажал кнопку, отключая микрофон. Голос его звучал негромко и спокойно, он казался почти приятным.

— Эймос, стоит возобновить операцию в районе Драконьего Зуба. И проверьте, пожалуйста, какими силами мы располагаем на юге. Возможно, все-таки придется штурмовать Рошмон.

— Да, сэр. — Эймос Фаст принялся лихорадочно печатать на своей консоли.

Севедж снова включил микрофон.

— Будьте рассудительны, мистер Гирерд...

— Нет. Нет, я не буду рассудителен, — ответил Гирерд. — Я разорен, и мне не до рассудительности.

— Разорены? Вряд ли. Условия губернатора очень великодушны.

— Я разорен.

— Уверяю вас, это не так, — сказал Севедж. — Многие ваши друзья уже приняли предложение. Думаю, вам следует передумать, пока у вас еще есть такая возможность.

— Нет. Вы меня прикончили, но я не уйду один.

— Какая вам польза, если вы причините вред пленным? — спросил Севедж.

— Никакой. Но я получу удовлетворение. Вы вернете мне мою собственность, или ваш полковник умрет.

— На это потребуется некоторое время.

— Лучше небольшое. Сегодня после 17.00 я начну расстреливать пленных. Одного в час. Начиная с самых младших. Ваш полковник будет смотреть, как они умирают. До свидания.

Наступила тишина.

— Что ж, это меняет дело, — сказал майор Севедж. — Вы все знаете приказ полковника о переговорах с террористами.

— Насколько он серьезен? — спросил капитан Фаст. — Кто-нибудь знает этого Гирерда?

— Его знают в офисе губернатора, — сказал Роттермилл.

— Урсула с ним знакома, — сказал Лисандр. — Майор... майор, мы должны что-то сделать!

— Да, конечно, должны. Иен, будьте добры, предупредите вертолеты в деревне Леду, чтобы были наготове. Там потребуется пилот, вооружение и стрелки. Может, сумеете направить туда одну из ваших групп, что поблизости?

— Сейчас займусь, сэр. И, конечно, сам туда отправлюсь. — Капитан Фрейзер поднял свой микрофон и быстро заговорил.

— Капитан Роттермилл, я бы очень хотел знать, что с майором Бартоном.

— Да, сэр.

— Мистер Принц, мы свяжемся с офисом губернатора, но, будьте любезны, приведите сюда вашу подругу. Нам полезно поговорить с кем-нибудь, кто знаком с минхеером Гирердом.

— Не уверен, что она с ним действительно знакома...

— Я был бы вам очень признателен, мистер Принц.

Севедж говорил прежним тоном, он приятно улыбался, но Лисандр на мгновение ощутил страх.

— Да, сэр. Сейчас приведу.

— Спасибо. Теперь, капитан Фаст, нужно сообщить главному старшине о последних событиях. Будьте добры.

— Да, сэр.

Лисандр почувствовал облегчение, выйдя из штаба.

— Ты мог бы сначала повидаться со мной.

— Урсула, не глупи. Меня привезли сюда на вертолете. Мне пришлось отправиться в госпиталь с Харвом, а потом доложить! Это первая возможность.

— Вероятно. Но ты, как будто, не очень мне рад. — Она улыбнулась. — Домой вернулся настоящий герой, и я приготовила ему хороший прием просто за то, что он остался жив.

— Жду с нетерпением. С большим нетерпением. Но сейчас... Урса, полковник в беде.

— Как это?

— Гирерд грозит убить его, если мы не отберем его урожай у губернатора и не вернем ему.

— Это безумие. Солдаты Фалькенберга этого не сделают. Если сделают и полковник уцелеет, он прикажет их расстрелять! Даже я это понимаю!

— Да. И мне страшно. — Он взял ее за руку и отвел в помещение штаба.

— Мисс Гордон, — сказал майор Севедж. — Вы очень любезны, что согласились прийти. Не поможете нам решить возникшую проблему?

— Если смогу...

— Я слышал, вы знакомы с Антоном Гирердом.

— Не совсем, — ответила Урсула. — Я была знакома с его сыном Оскаром — недолго, но очень близко, — но с самим минхеером Гирердом я не знакома.

— Тем не менее вы его видели. Был бы благодарен за ваше мнение. Он исполнит свою угрозу?

— Да.

— Вы, кажется, совершенно уверены в этом. Почему?

— Оскар мне кое-что рассказывал. Он говорил, что иногда боится отца.

— Иногда?

— Когда отец напивается. Думаю, он сейчас пьян. Он пьет при стрессе.

— Понятно. Поэтому следует считать, что он не блефует. Что ж, не впервые алкоголизм приводит к гибельным последствиям. Спасибо. Капитан Роттермилл, я высоко оцениваю это сообщение. Вы можете идти, мисс Гордон.

— Я могу проводить Урсулу до ее комнаты?

— Конечно, мистер Принц, но я был бы благодарен, если бы вы немедленно вернулись.

— Да, сэр.

Когда они вышли, Урсула вздрогнула.

— Я тебя не задержу, — сказала она.

— Спасибо. Ты тоже почувствовала?

— Он так спокоен и вежлив, но не думаю, чтобы за всю жизнь я боялась бы кого-нибудь больше, — сказала она. — А он ведь даже не сердится на меня. — Некоторое время они шли молча. — Наверно, тебе придется отправиться с ними? — спросила Урсула.

— Если разрешат.

— Почему?

— Почему? Потому что... черт возьми, это очевидно.

— Нет. Нет, Лисандр, совсем не очевидно, что ты должен рисковать жизнью, чтобы спасти человека, который манипулировал тобой и заставил выполнять его работу.

— Что? Но он этого не делал...

Она рассмеялась.

— Не делал? Подумай. Много ли такого происходит вокруг него, что он бы заранее не спланировал?

— Урсула, он готов был сделать это сам. Без меня.

— Конечно.

— Да, готов.

Она улыбнулась и покачала головой.

— Линн, Линн, дорогой мой, неужели ты на самом деле не понимаешь? Меня там и близко не было, а я знаю, как все вышло. Он готов был идти сам. Конечно, готов. Сам — вместе с одним из своих телохранителей. Он рад идти, и, конечно, он все понимает. Ничего позорного, если ты не вызовешься добровольцем. Только ему не понадобилось идти, потому что ты принялся его отговаривать. Разве не так все получилось?

— Ну...

— Видишь? Нет, ты не понимаешь. Забудь. Но что бы ни случилось, сейчас ты вовсе не обязан идти ради него на смерть.

— Меня не убьют.

— Вероятно, нет. Наверно, тебя даже не подпустят к активным действиям, но разве дело в этом?

— А в чем же?

— Ты никогда не поймешь. Когда ты возвращаешься на Спарту?

— Что? Еще не знаю. Попозже. Надо подождать, пока Харв выйдет из регенератора...

— Но вскоре после этого?

— Не знаю. Вероятно, скоро, отец будет ждать моего отчета. Урса, неужели мы должны сейчас обсуждать...

— Я бы хотела улететь с тобой.

— Урсула...

— Знаю. Ты тоже хочешь, но этого не будет. — Она слегка улыбнулась. — Все в порядке. Все равно ничего бы не вы-

шло. Это только мечты. Так нам и надо — за то, что забыли правила. Прощай, Лисандр.

— Мы еще поговорим об этом... скоро...

— Нет. Нет, мой дорогой, и так слишком тяжело. — Она встала на цыпочки, чтобы поцеловать его — очень легко и быстро. — Когда ты вернешься, меня здесь не будет.

— Куда ты пойдешь?

— Найду что-нибудь. Ты ведь знаешь, теперь мой контракт у меня. Об этом позаботился полковник Фалькенберг. Может быть, отыщу Оскара Гиерда. Он был очень мил, и, хоть его отец ведет себя как дурак, Оскар сохранит часть его богатства...

— Урсула, перестань, пожалуйста...

— Прости. Может, это и не смешно. Может, я и не пытаюсь тебя рассмешить.

— Как ты можешь... как ты можешь говорить об этом так спокойно?

— Вероятно, научилась у майора Севеджа.

Они дошли до дверей ее комнаты. Не его. Она вошла, ясно дав понять, что не хочет, чтобы он зашел. И уже закрывала дверь, когда посмотрела на него и сказала:

— Ты ведь знаешь, я люблю тебя. Прощай, мой дорогой.

— Я связался с Бартоном, — сказал Роттермилл.

Майор Севедж указал на громкоговоритель.

— Добрый день, майор. Говорит Джереми Севедж.

— Добрый день.

— Простите за беспокойство, но мне ведь не нужно объяснять, зачем я позвонил? — сказал Севедж.

— Конечно, не нужно.

— Вам понадобится наша помощь?

— Нет, мы уже начали действовать. Жаль, что ушло так много времени. Нас захватили врасплох, и мне потребовалось много времени, чтобы собрать силы.

— Да, конечно, — сказал майор Севедж. — Но, надеюсь, теперь вам много времени не понадобится.

— Да, майор Севедж, я разберусь быстро. Получите сообщение в течение часа. Конец связи.

— Кто-нибудь объяснит мне, что происходит? — спросил Лисандр.

— А что тут объяснять? — спросил капитан Фаст. — Эйс Бартон выполняет свои обещания.

— Он собирается освободить полковника?

— Конечно. Кто еще должен это делать?

— Ну... мы.

— О, конечно, мы попытаемся, — сказал Эймос Фаст. — Мы подтягиваем силы. Но наши мотивы не совсем те, что у Бартона.

— Значит, мы не будем освобождать полковника.

— Будем, если понадобится, — сказал майор Севедж. — Как сказал Эймос, мы продолжаем готовиться. Но не думаю, чтобы это было необходимо. Солдаты Бартона вполне компетентны.

— Но... они могут убить полковника Фалькенберга.

Джереми Севедж не перестал улыбаться.

— Это было бы серьезной ошибкой. Трудно поверить, что они настолько глупы.

— Но они могут попытаться! Майор, наши люди компетентней, чем солдаты Бартона! Мы должны быть там!

— Думаю, это излишняя жестокость по отношению к Эйсу Бартону, — сказал Севедж. — Мы ведь должны дать ему шанс?

— Вряд ли я вас когда-нибудь пойму, — сказал Лисандр.

— Политики вообще редко нас понимают, — ответил майор Севедж.

Вертолет по крутой спирали спустился к поместью Рошмон и сел на посадочную площадку.

Крыша восточного крыла рухнула, все стекла были разбиты. Стены двух внешних комнат потемнели от дыма. В остальном дом, казалось, можно было восстановить.

Майор Бартон выбрался из вертолета и направился ко входу в дом. «Если он будет стрелять в меня, то именно сейчас, — подумал Бартон. — Я уже слишком стар для этого».

Он был уже возле самой двери, когда та открылась. Вышел Антон Гирерд. В руке у него был пистолет, но держал он его стволом вниз.

— Какого дьявола вам нужно?

— Вы знаете, что мне нужно, — ответил Бартон.

— Нет. Я говорил с этим Севеджем серьезно...

— Не сомневаюсь, — сказал Бартон. — Но понимают ли ваши люди, во что вы их втягиваете? — Он показал на группу вертолетов, окружившую поместье. — Первая ваша проблема — это мои солдаты. Вы знаете, на что они способны. Позвольте вам показать. — Он произвел сложный жест.

Один из вертолетов сделал круг над конюшней. Из его люка вырвался огненный поток. Он достиг конюшни, та мгновенно вспыхнула, и от боли пронзительно заржали лошади. Один из конюхов шатаясь выбрался из конюшни. Он был весь в крови.

Бартон произвел другой жест. Из сарая выбежали коровы. Вертолет покружил над ними, и они, обезумев, бросились в поля. Вертолет открыл огонь. Пули ударили в землю сразу за скотом, и животные в панике побежали еще быстрей. Теперь трассеры переместились в середину стада. Кровь, плоть и дым смешивались с истоптанной травой.

Гирерд прицелился в Бартона, вопя:

— Прекратите! Хватит!

Бартон произвел новый жест, и вертолет прекратил огонь.

— Хорошо. Но на самом деле мои солдаты — не главная ваша проблема. Я истинный ангел по сравнению с теми, с кем вам предстоит встретиться, если вы меня застрелите. Прежде всего, вы оскорбите моих солдат. Возможно, вам удастся их уничтожить, прежде чем они сровняют поместье с землей. Очень в этом сомневаюсь, но предположим. После этого, придурок, сюда явится 42-й! Да ведь вы попадете в дерьмовый список самых крутых ублюдков в галактике! Вы знаете, что они сделают? Они не станут с вами разговаривать. Они просто стерилизуют это место.

— Они не могут это сделать. У меня их полковник...

Бартон рассмеялся.

— Гирерд, думаете, Фалькенберг не предусмотрел такую возможность? Его войска получили приказ. Они не станут вести с вами переговоров. — Он заговорил громче, чтобы все услышали. — Они никогда не ведут переговоры. Они просто позаботятся, чтобы здесь никто не уцелел. Никто и ничто. Ни

вы, ни ваши слуги, ни ваши животные. Даже женщины и дети. Никто и ничто. Они все сожгут. Это их полковник. Они засеют землю солью, Гирерд. Дьявольщина, именно это они и сделают. Гирерд, вы в беде, и все, кто с вами, тоже. Можете уже считать себя мертвым. — Эйс продолжал стоять лицом к Гирерду, но смотрел по сторонам. Несколько работников Гирерда старались незаметно ускользнуть.

— Вы просто пытаетесь запугать меня...

— Пытаюсь? Надеюсь, мне это удастся! Надеюсь, я испугаю вас до смерти. — Он снова сделал знак. Один из вертолетов устремился вниз.

— Подождите, подождите, не нужно! — закричал кто-то.

— Но... они не смогут... мои дети? Моя жена? — спросил Гирерд.

— Всех до одного, всех женщин и всех детей, — ответил Бартон. — А вы чего ожидали? — Он снова махнул рукой. Вертолет открыл огонь по курятнику. Через мгновение все вокруг было усеяно горящими, истерически кудахчущими курами. Над курятником поднялся столб черного дыма.

Гирерд снова поднял пистолет.

— Ради Бога, приятель, когда в следующий раз поднимете пистолет, вам придется его проглотить, выстрелите вы или нет. Мне все это надоело. — Бартон снова поднял руку. Вертолет подлетел ближе.

— Минхеер, — крикнул один из работников. — Минхеер, пожалуйста...

Гирерд посмотрел на пистолет и покачал головой.

— Не знаю, чего я ожидал. Чуда, наверно.

— Это не по моей части, — сказал Бартон.

— Что же мне делать?

— Вы держались очень грубо, вышвыривая меня отсюда, — сказал Бартон. — Убили кого-нибудь?

— Нет.

— Кто-нибудь из пленных умер?

— Двое, но они не могли выжить.

— А, эти. Больше никто?

— Нет.

— Вам везет, — сказал Бартон. Он повернулся и помахал вертолетам. Те поднялись немного выше, но продолжали кру-

жить. Он коснулся консоли на рукаве. — Уолли, высылайте остальные войска.

Гирерд поглядел на пистолет так, словно впервые его увидел.

— Стреляйте или отдайте, — сказал Бартон.

Гирерд посмотрел на пистолет и швырнул его на ступеньки.

Когда пистолет ударился о землю, Бартон поморщился. *Не хватало только погибнуть от шальной пули.*

— Все в порядке. — Он поднялся по ступенькам, взял Гирерда за руку и повел в дом. — Теперь вы ведете себя умно.

— Нет, я дурак. — Гирерд прошел в большой кабинет. Здесь сидели Фалькенберг и еще трое его людей. У дальней стены стояли четверо ранчеро в форме местной милиции. Одна из дверей косо висела на петлях, и семеро «бульдогов Бартона» в полном вооружении держали ранчеро на прицеле.

— Минхеер, — сказал один из ранчеро. — Они пришли, когда снаружи начали стрелять... — От ужаса он запинался. — Минхеер. Мы слышали, что говорят эти люди... Минхеер, у нас семьи.

Гирерд содрогнулся.

— Понимаю. Теперь здесь, как и повсюду, хозяин майор Бартон. Странно. Я считал, что он работает на меня.

— Работал, — сказал Бартон.

— И по-прежнему это делает, — сказал Фалькенберг. — Минхеер, вы даже не представляете себе, какую услугу он вам оказал.

— Полковник...

— Все правильно, майор.

— Спасибо, сэр. — Бартон отдал честь.

— Правила. Кодексы. На что они годятся? — спросил Гирерд.

Бартон и Фалькенберг переглянулись. Потом посмотрели на Антона Гирерда. Их взгляды были полны жалости.

XXVII

Волны звука из открытой двери офицерской столовой ударили с такой силой, что Лисандр едва не сделал шаг назад. Вой волынок и топот марширующих ног. Песни славы и песни предательства.

Недолго проживет Макферсон.
Не дольше веревки на виселице...

— Добро пожаловать на борт, мистер Принц. Вам оставили место...

Лисандр не узнал официанта, но вряд ли это имело значение. Проходя внутрь, он словно раздвигал волну звука. Большая комната полна народу. Военные в золотых и голубых мундирах Легиона Фалькенберга вперемешку с офицерами милиции Танита в зеленых мундирах. Тут и там офицеры в сине-коричневом с серебряными значками в виде бульдогов.

Лисандр позволил капралу провести себя к столику на четверых у дальней стены. Там сидел Фалькенберг. Справа от него — человек с дубовыми листьями на плечах сине-коричневого мундира. Слева губернатор Блейн.

Из-за соседнего столика встал капитан Хесус Алана, подошел и похлопал Лисандра по спине.

— Приятно вас видеть, — Алана перекрикивал гул.

— Добро пожаловать на борт, — сказал Фалькенберг. — Мы оставили вам место. С губернатором Блейном вы уже знакомы.

— Ваше высочество, — сказал губернатор Блейн.

— Ваше высочество, позвольте представить майора Ансельма Бартона. Принц Лисандр со Спарты.

Бартон встал и протянул руку.

— Для меня это большая честь. Но я предпочел бы знакомство в других обстоятельствах.

Лисандр сел против Фалькенберга. Официант принес ему стакан с танитским виски.

— Я слышал, что вы сделали в Рошмоне, майор Бартон, — сказал губернатор Блейн. Его слова трудно было разобрать за общим гулом пирушки. — Хорошая работа. Рискованно было так говорить с Гирердом.

— Не так опасно, как кажется, — ответил Бартон. — Сомневаюсь, чтобы пистолетная пуля могла пробить немурлон.

— Ну, все равно хорошая работа. Конечно, вы знали, что у Гиерда целая витрина занята медалями и призами за меткую стрельбу.

А лицо Бартона не было защищено маской. С другой стороны, сколько снайперов-«бульдогов» в тот момент держали Гиерда на прицеле? Колесики внутри колесиков. Но нельзя преуменьшать успех Бартона только потому, что он перестраховался.

— Вот что значила вся эта жесть в его кабинете? Гмм. Мне он все равно нужен был живым. Он глуп, но если бы мы его убили, трудней было бы убедить остальных отказаться от мятежа.

— Действительно. Ваши действия очень помогли нам. Все равно немного странно, что вас озаботили наши проблемы, — сказал Блейн.

— Странно? Нет, сэр, — ответил Бартон. — Мне все представляется предельно ясным. Люди Гиерда не могли мне заплатить, а Бронсон определенно не стал бы. — Он пожал плечами. — На всей планете нанять нас могут только Фалькенберг и вы. Если бы я стал осложнять вам жизнь, это мне не помогло бы.

— Ага, — сказал Блейн. И отпил виски.

— А что будет с Гиердом? — спросил Лисандр.

— Он получил заслуженный урок, — ответил Блейн. — Но, в конце концов, я ведь объявил частичную амнистию. Никаких уголовных дел против мятежников, но возможны гражданские дела и штрафы. А деньги я использую для установки лучшей спутниковой системы и тому подобного. Считаю, что нужно распространить амнистию и на Гиерда. Если не возражает полковник Фалькенберг.

— Я не возражаю, — сказал Фалькенберг. — Думаю, урок он усвоил. Кстати, помимо прочего, он задолжал майору Бартону.

Бартон был мрачен.

— Я бы хотел, чтобы он имел возможность заплатить. Или заплатил бы кто-то другой. Нам эти деньги не помешали бы.

— Вы могли бы уйти с людьми Бронсона, — сказал Фалькенберг.

— Мог бы, — согласился Бартон. — И судя по тому, что я слышал о происходящем в Большом Сенате, возможно, я присоединился бы к победившей стороне. — Он пожал плечами. — Но не смог переступить.

Фалькенберг кивнул.

— Значит, сейчас вы безработный.

Бартон усмехнулся.

— Полковник, сомневаюсь, чтобы кто-нибудь так нуждался в работе, как я.

— А что заставляет вас думать, что фракция Бронсона победит? — спросил губернатор Блейн.

— Ну, расследование...

— Оно будет прекращено, — сказал Блейн. — У Бронсона нет большинства. Если бы его маневр с борлоем удался, возможно, он его и получил бы, но это была бы совсем другая история.

— Ну, ну, — сказал Бартон. — Значит, большинства нет ни у кого. Все в таком же положении, что и год назад. Только мы с Фалькенбергом немало поработали. Губернатор, могу я спросить — для протокола. Будут ли выдвинуты обвинения против моих людей? И кстати, сам я под арестом?

— Думаю, это нужно обсудить, — ответил Блейн. — Конечно, против ваших людей можно выдвинуть обвинения. Поджоги, убийства, пособничество мятежникам...

— Все делалось в строгом соответствии с законами войны, — сказал Бартон.

— Да, несомненно, — сказал Блейн. — Это единственная причина, по которой мы должны устроить обсуждение. Тем не менее, возникают сомнения в законности действий группы, которая вас наняла. Была ли это добропорядочная группа политиков или преступная банда?

— Думаю, все зависит от того, хотите вы схватить меня за задницу или нет.

— В сущности, — сказал Блейн, — у меня нет выбора. Если я обвиню вас, мне придется и их считать преступниками, а это очень затруднит достижение моих политических целей.

— Я примерно так и считал, — подтвердил Бартон. — Итак?

— Я предпочел бы этого не делать. С другой стороны, у вас есть враги. Некоторых из местных ранчеро вы очень сильно потрепали. Многие с радостью увидят вас на виселице.

— Жить с сознанием того, что они этого хотят, я смогу. Но не хочу, чтобы они увидели осуществление своих желаний.

— Конечно. Было бы гораздо легче, если бы вы отсюда исчезли. Устранить напоминание, так сказать.

Бартон пожал плечами.

— Конечно. Как это организовать?

— Возможно, есть способ, — сказал Фалькенберг.

— Ха! У вас есть предложение?

— Возможно.

— Ага. Но сейчас вы не вполне готовы его сделать?

— Посмотрим. Сейчас нужно выполнить другую обязанность. — Он поймал взгляд президента гостиной и встал. Волынщики и поющие смолкли, в комнате стало тихо. — Господин президент, — сказал Фалькенберг.

— Полковник!

— Приветственный тост. В честь корнета, настоящего и будущего принца Спарты. Он заслужил благодарность всего полка.

Все встали.

— Мистер Принц, — сказал Алана.

И все эхом подхватили:

— Мистер Принц.

Не все, заметил Лисандр. Бартон встал вместе со всеми, но ничего не сказал и не поднял стакан с выпивкой. *Не могу его винить.*

Он увидел вспышку зеленого цвета в трех столиках от себя и узнал платье, которое сам купил в местном магазине. *Конечно, она его надела. У нее нет другого.*

Урсула сидела рядом с капитаном Питером Оуэнсфордом. Когда она подняла свой стакан, их взгляды на мгновение встретились, но она тут же повернулась к своему кавалеру.

Но у Лисандра не было времени думать об этом. Тост произнесен. *Теперь моя очередь. Что же мне сказать?* Он подождал, пока все сели, и поднялся.

— Господин президент?

— Мистер Принц.

— Благодарю полк. Мой тост: за то, чтобы мы снова стали товарищами по оружию.

— Слушайте, слушайте! — крикнул кто-то. Фалькенберг одобрительно кивнул.

Урсула наклонилась к капитану Оуэнсфорду. То, что она сказала, заставило его рассмеяться. К ним подошли Марк и Хуанита Фуллеры и сели рядом. Все они казались очень счастливыми.

Последовали новые тосты, потом встал губернатор Блейн.

— Не могу сделать ничего лучше, чем повторить тост принца Лисандра, — сказал он. — За Спарту, Танит и Легион Фалькенберга и за то время, когда мы вновь станем боевыми друзьями. Что это время наступит, сейчас кажется нам более вероятным.

Через несколько минут снова заиграли волынки. Кто-то запел:

Рыцарь вернулся из похода,
Грязный и израненный,
С избитым щитом и помятым шлемом,
Без знамени, хромой и в синяках...

— Губернатор, майор, прошу нас извинить. Мистер Принц, не хотите присоединиться ко мне? — Фалькенберг встал и показал на дверь. — Нам стоит кое-что обсудить.

— Спасибо, сэр, с удовольствием. — Лисандр вышел вслед за Фалькенбергом. И, закрывая дверь, услышал смех Урсулы.

Песня продолжалась:

В бою мы не знаем стыда,
Лучше погибнуть в бою, под звуки рога.
Вот мое копье — почините его!
Вот мой конь — пристрелите его!
Да, враг был силен, а битва долгая,
Но я заплатил сполна!
Да, я заплатил сполна!

Квартира Фалькенберга размещалась в квадратном пластиковом строении на северном краю открытой площадки, служившей полковым плацем. У дверей их встретил капрал Мак-

Кларен — с пистолетом очень функционального вида. В прихожей находились еще два солдата из взвода штабной охраны.

Маленький кабинет Фалькенберга напоминал монашескую келью. «Спартанец, — подумал Лисандр. — На самом деле у нас больше украшений. Он живет, как жили спартанцы в древности».

В кабинете стоял книжный шкаф из местной танитской древесины. На пустом столе — только экран для чтения под удобным углом. Клавиатура, очевидно, в ящике. Лисандр как-то заглядывал в полковую электронную библиотеку и поразился: десятки тысяч томов — история и всемирная литература, атласы, искусство и наука, философия и кулинарные руководства, путеводители — все можно получить в одно мгновение. *Пока работают компьютеры, ему не нужны подлинные книги. Тогда зачем они здесь?* Лисандр подошел поближе к шкафу. Пестрое собрание, антропология и военная история перемежаются с биографиями и романами. Большинство в дешевых переплетах, и все выглядят так, словно они у Фалькенберга много лет.

Фалькенберг нажал скрытую кнопку. Заиграла музыка, негромкая, чтобы не мешать разговору. Лисандр нахмурился.

— Сэр Гамильтон Харди, — сказал Фалькенберг. — Называется «Охота за химерами».

Большой стол в центре комнаты — из функционального дюрапластика, с прозрачным плексигласом поверх жидкокристаллического дисплея. На столе уже стоят бокалы и графин с бренди. Капрал Мак-Кларен подождал, пока полковник и Лисандр не вошли, затем вышел, закрыв за собой дверь.

— Добро пожаловать, — небрежно сказал Фалькенберг. — Я вас надолго не задержу.

«Сколько угодно, — подумал Лисандр. — Сомневаюсь, что смогу когда-нибудь привыкнуть к таким пирушкам. Слишком шумно». Он старался не думать о руке Урсулы, легко лежавшей на руке капитана Оуэнсфорда. *Кто он для нее? Новый любовник? Просто спутник на время ужина. Или и то и другое?* Лисандр поморщился, когда в воображении возникли непрошеные картины.

Они сели, и Фалькенберг указал на бренди.

— Прошу.

— Кажется, с меня довольно, — ответил Лисандр.

— Может быть. Не возражаете, если я выпью? Спасибо. Вы скоро улетаете.

— Я так думал. Но теперь не уверен. А вы куда?

— Новый Вашингтон.

— Это далеко от Земли. Что там?

Фалькенберг был задумчив.

— Каковы ваши планы, ваше высочество? Вероятно, стоит вернуться к вашему настоящему титулу.

— А какой из них настоящий? Звание корнета Принца я заслужил. И предпочел бы, чтобы меня называли мистер Принц, а не принц Лисандр.

— Уверены?

— Нет. Не уверен.

— Вы ведь знаете, что выбора у вас нет.

— Сэр?

Фалькенберг усмехнулся.

— Ставки слишком высоки, ваше высочество. Не скажу, что такие знатные особы, как вы, никогда не вступали в Легион, но в вашем случае ничего не выйдет. Если бы вы решили остаться корнетом в полку, я приказал бы вам вернуться на Спарту и стать королем. Нам нужны друзья.

— Нам?

— Вы вторично ждете от меня сведений, которые я не могу сообщить корнету.

— Но принцу Лисандру...

— ...в качестве союзника. Потенциального — и в гораздо более важной роли.

Более важной? Что может быть важней союзника?

— А что заставляет вас думать, что принц Лисандр сохранит тайну?

— У нас есть свои методы.

— Вероятно. Все эти дружелюбные люди, которые угощали меня выпивкой и задавали вопросы...

— Отчасти и это. Но главным образом: наступает момент, когда нужно кому-то довериться, потому что без этого, не выполнишь свою задачу.

— Вроде первоочередной отправки тяжелого вооружения?

— Что-то в этом роде. Итак. Кто вы такой, Лисандр Коллинз?

— Полковник... Черт побери, полковник, а что будет с ней?

— Ей выбирать. Она теперь сама вольна выбрать. Вы дали ей эту возможность, — сказал Фалькенберг. — Губернатор предложил ей работу. Сомневаюсь, чтобы она приняла это предложение, потому что наше предложение лучше. В полку всегда найдется место решительным и умным людям. У капитана Алана есть для нее должность. Или... среди моих офицеров слишком много холостяков и вдовцов. Нелегко найти женщину с темпераментом, подходящим для солдатской жизни.

Кому она достанется? Тебе? Она слишком молода для тебя. Или...

— Но все это — не ответ на ваш вопрос.

— Да, сэр.

— Странно, — задумчиво сказал Фалькенберг. — Двести лет назад подобная ситуация была обычна. Принц или принцесса и простой человек, конфликт любви и долга. Об этом много написано. Но не сейчас, конечно. Да и как это может быть сейчас? Сейчас слишком мало людей с сознанием долга.

И любовь тоже встречается нечасто. Что реже: долг или любовь? Будь это все проклято!

— Полковник, о Фуллере заботится Хуанита. Кому-то... достанется Урсула. А у меня Харв. Это несправедливо!

— Я мог бы сказать, что корнет полка никогда бы с нею не встретился.

— В то время как принц Лисандр со Спарты смог прихватить ее с собой на обед во дворце губернатора. Вы собираетесь напомнить мне об этом, сукин сын.

Фалькенберг торжествующе улыбнулся.

— Ваше высочество. Когда младшему офицеру становится жаль себя, мы говорим ему: заткнись и будь солдатом. В вашем случае...

— Заткнись и будь принцем. В особенности если я говорю с вами таким образом. Вряд ли позволительным для корнета. Да, сэр. — Лисандр печально улыбнулся. — Вероятно, справедливость и не должна существовать. По крайней мере, вы не посоветовали мне подумать о моих преимуществах.

Наступила долгая пауза. Наконец Лисандр поднял руку и снял с плеча полковую нашивку.

— Полковник Фалькенберг, кажется, вы собирались кое-что рассказать мне о Новом Вашингтоне.

Было далеко за полночь, и звуки пирушки стихали. Лисандр смотрел на рисунки и схемы на экране Фалькенберга.

— Видит Бог, план очень амбициозный. Многое может не заладиться.

— Конечно. Так всегда бывает, когда ставки высоки.

Куда уж выше.

— Позвольте мне быть откровенным. Я уже с год кое-что знаю о планах Лермонтова, но это гораздо более серьезно. Вы, семья Блейна и половина старших офицеров Флота участвуете в заговоре, который возглавляет адмирал Лермонтов. И хотите, чтобы Спарта присоединилась к заговорщикам.

— Да, хочу. Но знаю, что у вас нет полномочий принимать решения от имени правительства.

— Я не могу говорить даже от имени отца!

— Ваше высочество, он уже несколько лет как примкнул к нам.

— О, будь я проклят... да, конечно, это объясняет многое, чего я не понимал. Полковник, к этому надо привыкнуть.

— У вас есть время. А пока вы усваиваете это, подумайте еще вот над чем: единственный человек среди заговорщиков, который выше Лермонтова по положению, это ваш отец.

— Что? Но... полковник, о чем вы говорите?

— Ваше высочество, СоВладение обречено. Доктор Уитлок и вице-адмирал Харрис из флотской разведки дают ему не больше десяти лет.

— Да, конечно, Спарта тоже видит это.

— Без СоВладения всякому порядку придет конец. Исчезнут даже законы войны. Ваше высочество, я не знаю, что придет на смену СоВладению. Знаю только: что-то непременно его заменит, и с безопасностью будет покончено.

— Десять лет, — сказал Лисандр.

— Может, больше. Адмирал Лермонтов считает, что мы продержимся все двадцать, а после этого может случиться чу-

до. — Фалькенберг покачал головой. — Думаю, что чудо нужно уже для того, чтобы мы продержались двадцать лет, а я в чудеса не верю.

— И все равно отправляетесь на Новый Вашингтон.

— Я говорил Лермонтову о своих сомнениях. Наверно, вы догадываетесь, что он ответил.

— Заткнись и будь солдатом.

— Совершенно верно. — Фалькенберг пожал плечами. — На самом деле он прав. Если все распадется не слишком быстро, мы сумеем сохранить равновесие сил. А если все распадется, Новый Вашингтон будет очень ценным прибавлением к Союзу.

— Но нам нужны ваши войска в качестве основы новой спартанской армии. Вы отправляетесь на Новый Вашингтон. Как...

— Вы получите свои кадры. Я сливаю отряд Бартона с 42-м. Это позволит отправить с вами часть людей. Не так много, как нам хотелось бы, но достаточно. Мы все приносим жертвы, мистер Принц. Прошу прощения. Ваше высочество.

— Кого вы пошлете?

— Я еще об этом не думал.

— Оуэнсфорда?

— Неплохой кандидат, между прочим. Хороший учитель. — Фалькенберг встал. — А теперь, ваше высочество, мне, вероятно, ненадолго следует появиться на приеме, а потом поспать. Утром нам с майором Бартоном нужно многое обсудить.

— Да, сэр. Благодарю за доверие.

Взгляд Фалькенберга не сказал ничего. Или сказал все.

— Только не забывайте о санитарах, — сказал он. — До свиданья, мистер Принц.

Ночь снаружи была прохладная. Лисандр вышел из квартиры Фалькенберга и направился к офицерской гостиной. Постоял за дверью. Изнутри доносился смех. Немного погодя он повернулся и пошел в свою пустую комнату.

СОДЕРЖАНИЕ

Легион Фалькенберга 5
Принц наемников 421

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых разных видов и жанров.
Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов.
В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к.1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1, Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «XL», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Пурнелл Джерри
Легион Фалькенберга
Принц наемников
Фантастические романы

Редактор А.Т. Синицын
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Младший редактор Е.А. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ЗАО НПП «Ермак»
115201, г. Москва, 2-й Котляковский проезд, д. 1, стр. 32

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП "Издательство "Самарский Дом печати"
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Земля. Недалекое будущее.
США и Россия создают СоВладение. Первый корабль с «движителем Олдерсона» покидает Солнечную систему. Основаны первые межзвездные колонии. Вооруженные силы США и России объединяются в Космический флот СоВладения...
Начинается Великий Исход — эра колонизации космоса. Медленно умирает Земля. Будущее принадлежит колониям. Выживут только люди, УМЕЮЩИЕ делать это ПРОФЕССИОНАЛЬНО.
Такие как командир легиона наемников Джон Кристиан Фалькенберг!

«Джерри Пурнелл — один из талантливейших мастеров боевой научной фантастики».
Locus

ISBN 5-17-023018-4

ДЖЕРРИ ПУРНЕЛЛ

ЛЕГИОН ФАЛЬКЕНБЕРГА

ПРИНЦ НАЕМНИКОВ